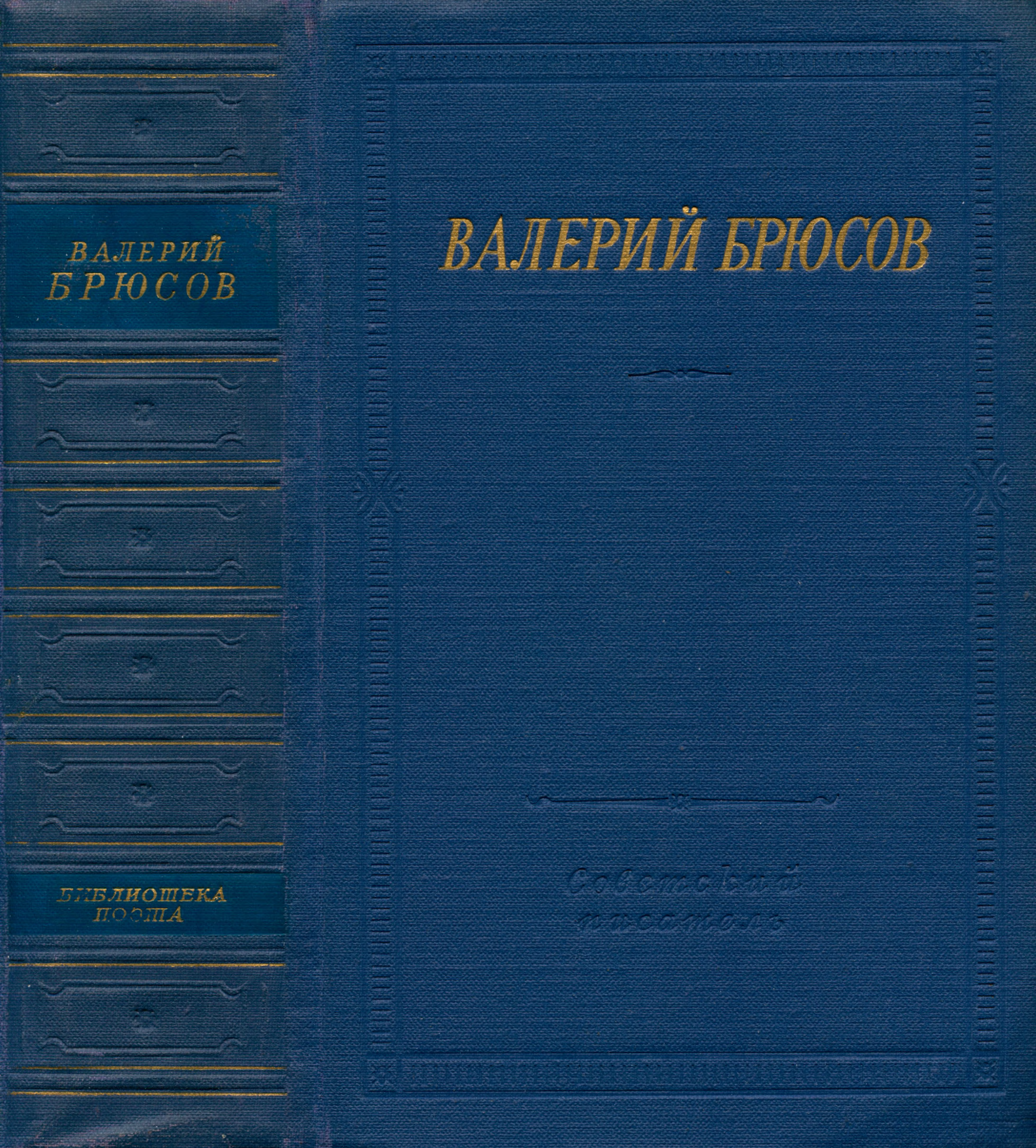


ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ
БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ
Советский писатель

Дорогому Гельмуту Альбертовичу
Грасхофу
на добрую память

9. III 1962 М. Динкман

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

ЛЕНИНГРАД * 1961

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

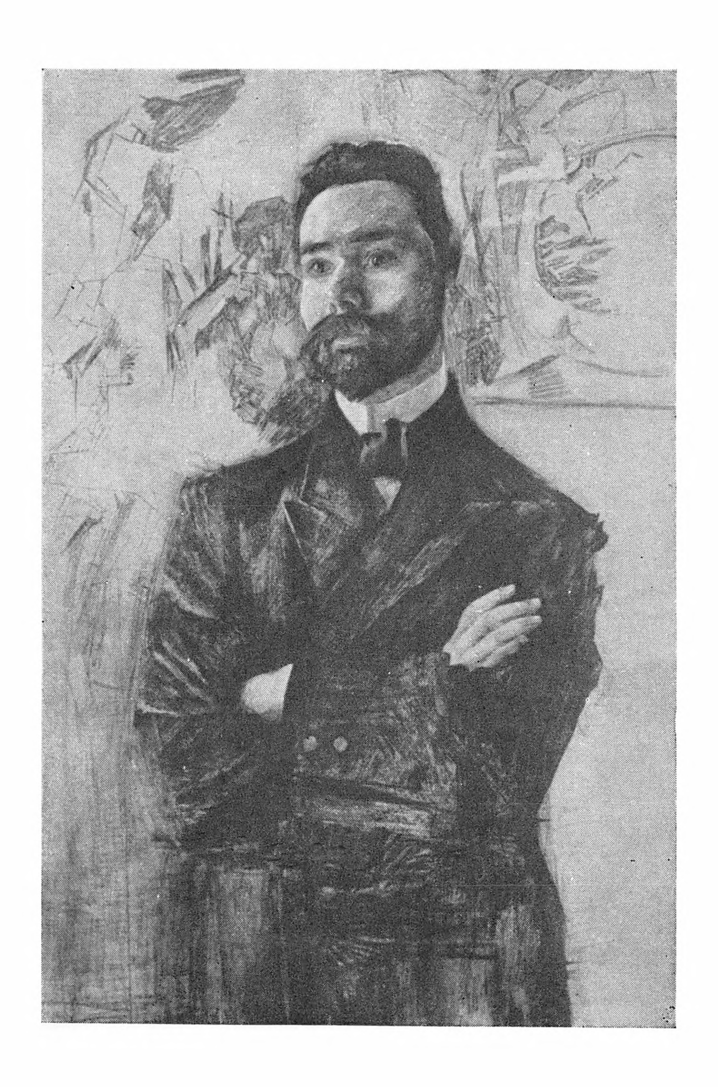
Вступительная статья и составление
Д. Е. Максимова

Подготовка текста и примечания
М. И. Дикман

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Р 2
Б 89

Настоящая книга является научно подготовленным изданием стихотворений В. Я. Брюсова — одного из крупнейших русских поэтов первой четверти XX века. Сборник многосторонне представляет его оригинальную поэзию и переводы, выполненные во всеоружии таланта и высокой поэтической культуры. В книге использованы материалы неизданной переписки и обширного рукописного наследия В. Я. Брюсова.



ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА

Валерий Брюсов вошел в историю литературы как всероссийски известный поэт и ученый, обладавший огромным запасом знаний и многосторонней культурой, как вождь русского символизма, как прозаик и переводчик, как литературный критик, исследователь Пушкина, знаток и историк русской, французской, римской и армянской поэзии, теоретик стиха и вместе с тем как один из тех немногих законодателей индивидуалистического искусства, которые оказались в силах после Октября порвать с буржуазным миром и перейти на сторону победившего народа.

Отношение Брюсова к жизни было сложным и противоречивым. Самый характер личности Брюсова как поэта, страстной и вместе с тем рассудочной, устремленной к лирике и не всегда способной овладеть подлинным лиризмом, может служить препятствием к непосредственному и живому общению с его поэзией. Его творчество соприкасается с декадентской литературой не только внешними, но и внутренними гранями. Однако содержание поэтического мира Брюсова далеко не исчерпывается декларациями литературной школы, которую он возглавлял. Жизнь и творчество Брюсова — это история его исканий, эстетических завоеваний и разведок, путь достижений и утрат, в конечном счете ведущий его к изживанию декадентских пристрастий и к укреплению связей с прогрессивными силами эпохи. Стоя на этом пути, усваивая великий опыт XIX и XX столетий и в особенности опыт русской классической литературы, Брюсов открыл новые стороны поэтического содержания эпохи, создал значительное количество своеобразных и очень весомых произведений, которые, оставив глубокий след в поэзии начала века, не могут быть забыты и в наше время.

1

Валерий Яковлевич Брюсов родился 1 (13) декабря 1873 года в Москве. Личность и мировоззрение молодого Брюсова в своих главных чертах сложились во второй половине 80-х — начале 90-х годов. В истории России это было время политической реакции и подготовки к массовому освободительному движению пролетариата. Русский капитализм перестраивался и порождал новые формы антидемократической идеологии. На этой почве формировался тип будущего декадента-индивидуалиста, «человека конца столетия». Народничество, потускневшее и в значительной мере потерявшее революционную направленность, уже неспособно было с прежней энергией противостоять растущему индивидуализму и идейному разброду. Социал-демократическое движение еще не распространилось вширь, еще только набирало силы, хотя уже и возбуждало оживленные споры и привлекало к себе мысли передовых людей. В художественной литературе того времени оно не нашло своего активного выражения.

Русская литература 80-х годов в лице лучших писателей тех лет оставалась верной демократическим и реалистическим традициям. Высокий реализм эпохи, представленный произведениями Льва Толстого, Щедрина, Чехова, Короленко, Гаршина, сохранил и развил то страстное беспокойство и ту непримиримость, которые отличали творчество писателей предыдущего периода. Но в литературе того времени обнаруживаются также противоположные тенденции. Крушение народнических иллюзий и популяризация научных знаний в позитивистском преломлении приводят к тому, что литература, так или иначе связанная с народничеством, становится эмпиричнее и лишается идейной остроты. Умеренный либерализм, «теория малых дел», политически бесхребетная проповедь личного усовершенствования и философия позитивизма получают широкое распространение. В стороне от этих веяний не остаются даже некоторые из крупных и глубоко прогрессивных авторов.

«В наших произведениях нет... алкоголя, который бы пьянил и порабощал... — жалуется Чехов в 1892 году в письме к Суворину. — Наука и техника переживают теперь великое время, для нашего же брата это время рыхлое, кислое, скучное... У нас нет ни ближайших, ни отдаленных целей, и в нашей душе хоть шаром покати. Политики у нас нет, в революцию мы не верим, бога нет, привидений не боимся... Кто ничего не хочет, ни на что не надеется и ничего не боится, тот не может быть художни-

ком».[1] Как бы ни преувеличивал Чехов значение кризисных явлений в современной ему литературе, несправедливо присоединяя к ним и свое собственное творчество, существенные основания для таких суждений у него были. Литературная погода определялась не столько отдельными крупными писателями, сколько общими настроениями и характером современной литературы в целом. Новаторские устремления таких авторов, как Гаршин и Короленко, вносивших в свои реалистические произведения элементы романтического метода, еще не распространялись за пределы определенной идейно-художественной ориентации. К этой эстетической линии, при всем ее значении для настоящего и особенно для будущего русской прозы, литературная жизнь эпохи далеко не сводилась.

Наиболее остро кризисные явления чувствовались в поэзии: она теряла необходимый ей подъем и размах. Такой замечательный лирик, как Фет, демонстративно замыкался в своем прекрасном и ограниченном поэтическом мире. Полонский в последний период своей жизни отошел от гражданских тем и подался в сторону Фета, не имея, при всем своем таланте, фетовских поэтических ресурсов. Другие лирики 80-х годов не отличались ни крупными талантами, ни подлинной эстетической культурой. Брюсов впоследствии имел основания оценить эту эпоху и ее поэзию без всякой снисходительности:

Я вырастал в глухое время,
Когда весь мир был глух и тих.
И людям жить казалось в бремя,
А слуху был не нужен стих.

(1920)

Уныние, малодушие, индивидуалистическая узость или вялая эпигонская гражданственность, пренебрежительное отношение к художественной форме, банальность поэтических средств были типичны для большей части стихотворной литературы того времени. Об упадке поэтической культуры 80-х годов свидетельствует хотя бы то, что Надсон с его небрежным стихом представлялся тогда едва ли не образцом настоящего, крупного поэта.

Молодой Брюсов был глубоко связан со своей эпохой даже тогда, когда отталкивался от нее. Первое соприкосновение с нею произошло в детстве поэта — в его «родительском доме».

---

[1] А. П. Чехов. Собрание сочинений в двенадцати томах, т. 11. М., 1956, стр. 600—601.

Брюсов родился в зажиточной купеческой семье. Отец Валерия Брюсова, Яков Кузьмич, под конец жизни отошел от торговых дел. Это был человек демократически настроенный, атеист, поклонник Писарева и Дарвина. В соответствии с убеждениями отца было поставлено и воспитание будущего поэта. Юному Брюсову прививались независимое отношение к авторитетам и догмам, трезвые, рационалистические взгляды на жизнь и интерес к естественным наукам. «От сказок, от всякой «чертовщины» меня усердно оберегали, — рассказывает Брюсов в автобиографии. — Зато об идеях Дарвина и о принципах материализма я узнал раньше, чем научился умножению. Нечего и говорить, что о религии в нашем доме и помину не было: вера в бога мне казалась таким же предрассудком, как и вера в домовых и русалок... Во время игр... я всегда воображал себя то изобретателем воздушного корабля, то астрономом, открывшим новую планету, то мореплавателем, достигшим северного полюса».[1] Эта завороженность наукой, романтикой и поэзией познания характеризует Брюсова на всем протяжении его дальнейшей жизни.

Молодому Брюсову трудно было разобраться в явлениях эпохи, почувствовать и оценить ее новые, пробуждающиеся силы. «Писаревский дух» владел Брюсовым лишь в самой ранней юности и на его дальнейшее развитие не оказал прямого воздействия. Общение Брюсова с окружавшей его буржуазно-мещанской средой способствовало укреплению в нем антидемократических настроений. Позитивистски окрашенная, идейно ограниченная индивидуалистическая культура послужила барьером, отделившим молодого Брюсова от передовой гражданской традиции в русской жизни и литературе. И Брюсов, изолированный от прогрессивных сил своего времени, неспособный охватить жизнь России в целом, во всей ее широте, в перспективе ее социально-исторического развития, оставался как бы наедине с буржуазно-мещанской действительностью в самом узком и тесном ее кругу, с ее идеологией, литературой и, конечно, с буржуазным *бытом*.

Вопрос о быте в истории формирования Брюсова имеет особое значение.

Речь идет не только о доме Брюсовых — отца и деда, — в котором еще сильно чувствовались старомосковские купеческие традиции. Обстановка, окружавшая молодого Брюсова, отражала

---

[1] Валерий Брюсов. Автобиография. — «Русская литература XX века», под ред. С. А. Венгерова, т. 1. М., 1914, стр. 102—103.

и более поздний уклад. Брюсов вырос в Москве — огромном капиталистическом городе, который в то время в значительной мере уже потерял свою старозаветность. Брюсову открылась искривленная и пустая жизнь буржуазного города и городских задворок, с ночными ресторанами, домами терпимости, тотализатором и картежными страстями. Индивидуализм, эротика, склонность к самым пессимистическим оценкам действительности — эти черты людей «конца века» были усвоены им и легли в основу его ранней лирики.

Конечно, эти «внутренние фонды», определившие поэтическое зрение молодого Брюсова, не могли способствовать подлинному сближению с традициями русской классической поэзии. Раннее увлечение Некрасовым, о котором Брюсов говорит в автобиографии, по существу, окончилось еще в долитературный период его развития — в восьмидесятых годах. Тяготение Брюсова к Пушкину и Лермонтову было более глубоким и постоянным, но и они не сыграли решающей роли в оформлении его раннего поэтического мировоззрения. Надсон и второстепенные поэты-индивидуалисты 80-х годов (Апухтин и особенно Фофанов) притягивали Брюсова лишь на первом, подготовительном этапе его творческого пути и вскоре или потеряли для него интерес, или превратились в отрицательную величину. Они не могли выразить то новое «урбанистическое» сознание людей «конца века», носителем которого Брюсов себя чувствовал, и их влияние не стало для него решающим. Из русских лириков старших поколений существенное значение для Брюсова приобрели Фет и Тютчев, а из западных классических авторов — Гейне. Однако и названные поэты были далеки от урбанистической основы брюсовского мировоззрения со свойственными ему диссонансами и противоречиями.

В годы становления и самоопределения поэзии Брюсова наиболее явное воздействие на него оказало поэтическое творчество французских символистов Бодлера, Верлена, Малларме, Рембо. Именно они подсказали Брюсову лирические темы, «сюжеты» и формы, в которых он смог творчески закрепить то новое, что увидел в себе и в окружающем. Вместе с тем и русские представители так называемого «нового искусства» — Бальмонт, Сологуб, З. Гиппиус, Ал. Добролюбов, только еще появившиеся в литературе, сильно на него повлияли.

Символизм (в широком смысле слова) или декадентство следует рассматривать как форму индивидуалистического искусства, возникшего на почве городской цивилизации буржуазного общества, где «каждый индивид представляет собой некоторый замк-

нутый комплекс потребностей» и существует для другого как средство.[1] Символизм как порождение разобществленного сознания эпохи империализма впервые сложился в Западной Европе и в Америке (Э. По), а в начале 90-х годов, под прямым воздействием Запада, развился и в России. Отсюда — тяготение русского символизма конца столетия к подражательности, его стремление во что бы то ни стало пересадить в Россию традиции зарубежной символистской поэзии и декадентской философии. Это можно проследить по стихам, прозаическим произведениям и статьям всех зачинателей «новой литературы»: раннего Мережковского, Минского, Сологуба, Бальмонта.

Ранний русский символизм проявил себя как литературное течение активное, нетерпимое к своим противникам и вместе с тем уже тогда хорошо вооруженное в культурном отношении. Символизм объявил войну материалистическому мировоззрению (неправомерно объединяя его с позитивизмом), а также реалистическому методу в литературе. Он боролся за «расширение художественной впечатлительности», основанное на субъективно-импрессионистическом подходе к искусству. Символисты 90-х годов отрекались от революционной идеологии предшествующих поколений русской интеллигенции, отворачивались от социальных вопросов и, выдвигая лозунги идеалистической эстетики, признавали главным содержанием поэзии «вечные темы»: космические, биологические, религиозные. Даже в том случае, когда представители «нового искусства» обращались к бытовым описаниям (Сологуб), косность мещанского быта понималась ими как вечная категория, как проявление «мирового зла». Анархический бунт декадентско-символистской литературы против пошлости и бездушности буржуазного общества, оторванный от революционной традиции и борьбы масс, при всей субъективной искренности отдельных его носителей был лишен глубокого социального содержания.

Подготовленный лирикой Фета и поэтов-восьмидесятников, стоявших на позициях «чистого искусства», Валерий Брюсов с 1892—1893 года решительно поворачивает к символизму.

Своеобразие ранней поэзии Брюсова, между прочим, и заключается в двойственности ее литературных источников. Его поэзия в равной мере зависит от русской традиции — лирики позднего романтизма (Тютчев, Фет) и даже Пушкина — и от французских влияний (символисты и парнасцы). Обе линии — русская и фран-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 610—611.

цузская — сосуществуют у молодого Брюсова, перекрещиваются и взаимодействуют.

В 1895 году под вызывающим заголовком «Chefs d'oeuvre» («Шедевры») Брюсов выпускает свой первый лирический сборник. В 1897 году вышла вторая книга его лирики «Me eum esse» («Это — я»). Почти одновременно, в 1894—1895 годах, Брюсов издает три стихотворных альманаха «Русские символисты», в которых печатает собственные стихи и переводы, а также стихи близких ему по литературным устремлениям поэтов-любителей. Иначе говоря, Брюсов вступает в литературу не только поэтом-символистом, но и одним из организаторов и пропагандистов «декадентской школы».

«Русские символисты» были задуманы Брюсовым как собрание различных образцов «нового искусства», составленное так, чтобы намеренно удивить и раздразнить публику непривычными ей экстравагантными формами и словосочетаниями. Именно здесь, в одном из этих сборников, посередине страницы было напечатано известное однострочное стихотворение Брюсова: «О, закрой свои бледные ноги». Скандальная слава этого стихотворения надолго присоединилась к имени Брюсова. Впрочем, и другие его стихи того времени вызывали в публике почти такое же единодушное осуждение и насмешки.

Первые сборники Брюсова отражают ущербность и дерзкое своенравие индивидуалистической личности. Подобно другим декадентским авторам и поэтам «чистого искусства», молодой Брюсов демонстративно изгоняет из своей лирики гражданское содержание, отлучает ее от социального мира. В этом отношении позиция Брюсова приобретает наступательный характер. Брюсов декларирует свой разрыв с людьми («И, покинув людей, я ушел в тишину»), призывает к самоизоляции и эгоцентризму «юного поэта», своего современника («Юному поэту», 1896).

Лирический герой Брюсова пропитан ядом городского буржуазного быта, соблазнен его соблазнами. Природа не привлекает его в той мере, в какой привлекает город, и даже вызывает в нем иногда эпатирующее, нарочитое отталкивание («Есть что-то позорное в мощи природы. . .»).

Образ города на ранних этапах развития брюсовской поэзии еще не развертывается, не принимает законченной формы, не становится главным и прямым объектом художественного изображения. Но уже и тогда в самом складе переживаний поэта, в особенностях его лиризма, в воспроизведенных деталях городского пейзажа и обстановки лирика Брюсова обнаруживает свою урбанистическую сущность. При этом многие из его лирических зари-

совок отличаются предметностью и натуралистической обнаженностью. Особенно остро и ярко этот непривычный для того времени и шокирующий современников поэтический натурализм обнаруживался в его любовной лирике (циклы «К моей Миньоне», «Будни» и др.). Любовные переживания, о которых рассказывает Брюсов, представлены односторонне, прежде всего с их чувственной стороны. Но в чисто художественном отношении весь этот пласт ранней брюсовской поэзии, достигший преимущественного развития в сборнике «Chefs d'oeuvre», является одним из наиболее своеобразных и интересных.

Лирический герой молодого Брюсова одинок. Риторические упоминания о «друзьях» и обращение к возлюбленной не могут заменить ему живой человеческой среды, заслуживающей сочувствия и способной к сочувствию. Сознание покинутости и заброшенности в мире непрочном и угрожающем срастается у него с гнетущим переживанием усталости, отвращения к жизни и с мечтой о смерти. «Усталый», «утомленный», «унылый», «мучительный» — самые характерные эпитеты раннего Брюсова. Чувство обреченности — особенно в сборнике «Me eum esse» — преобладает над всеми остальными эмоциями.

Действительность отпугивает и отталкивает Брюсова. Поэтому поэтическими слепками и зарисовками с натуры, наиболее характерными для первой книги Брюсова, метод его лирического творчества 90-х годов не исчерпывается. В резком противоречии с предметно-описательным поэтическим стилем молодого Брюсова находится «второй» его стиль — стиль эстетического преображения, пересоздания вещей.

Ранняя поэзия Брюсова во многих отношениях являлась попыткой освободиться от законов реальности, упразднить среду, оградить себя от созерцания окружающего мрака, от «соблазнов тьмы». Единственным убежищем в мире серых и зловещих будней могла представляться художнику, занявшему эти позиции, его внутренняя сфера, его собственное, «изолированное» сознание. Здесь — источник эстетических установок молодого Брюсова, который ограничивал предмет искусства областью субъективных, главным образом любовных, переживаний. «Человек как личность, — писал Брюсов в брошюре «Об искусстве», — отделен от других как бы неодолимыми преградами». «„Я" — нечто довлеющее себе, сила творческая, которая все свое будущее почерпает из себя. Мир есть мое представление».[1] В стихах Брюсова эта декларация, за-

---

[1] Валерий Брюсов. О искусстве. М., 1899, стр. 27.

имствованная из философии Шопенгауэра, повторяется: «Я чужд тревогам вселенной», «Я не знаю нашего века» и т. д.

На этой почве возникает порыв Брюсова к мечте, к поэтической иллюзии: «Уйдем в мечту! Наш мир — фатаморгана. . .». Этим же стремлением противопоставить тревожному миру реальностей мир, не зависящий от них, не похожий на них и обусловленный одною лишь волею поэта, объясняются брюсовская экзотика и фантастика, все эти навеянные лирикой французского Парнаса «венки из орхидей», «львы», «гиппопотамы», «журчащая Годавери» и пр.

Заслоняя собою реальную жизнь, экзотика исполняла у Брюсова приблизительно ту же роль, которую стала играть стилизация в символистской поэзии XX века: у Бальмонта, Кузмина, отчасти у Андрея Белого. Брюсов упорно пытался пересоздать «низменную действительность». Отсюда — пристрастие его к символам-метафорам и различным украшающим образам. Так, например, прозаическую московскую спальню его мечта преобразует в «леса криптомерий», проститутку он называет «осужденной жрицей», а ночной город сравнивает с «самкой убитого страуса» («В ночной полумгле», «Осужденная жрица», «Ночью»). В эстетике символизма находит опору стремление Брюсова к борьбе с «материальностью» слов, с их конкретностью и предметностью («второй стиль» Брюсова). В одном из стихотворений 1895 года Брюсов говорит, что он «лишал» вещи «и крыльев и пространства», а в другом (того же года) признает, что «слово бросает на камни одни бестелесные тени». С этим связаны так называемые синкретические эпитеты Брюсова, объединяющие представления, которые принадлежат к различным смысловым категориям («голубые очарования», «атласный сад»). Сюда относятся и типичные для символизма импрессионистские метафоры Брюсова, играющие в его лирике большую роль. Эти метафоры, психологизируя объекты, выдвигая восприятие вещей вместо самих вещей, разрушая их вещественное значение, как бы растворяют действительность в едином лирическом, «музыкальном» переживании. Например, когда у Брюсова «поют цветы», «поют осмеянные сны» и поет куст сирени, то и сирень, и сны, и цветы утрачивают какую-то частицу своего идеального бытия, немного перестают быть самими собой и полурастворяются в нивелирующем и обобщающем их лирическом восприятии.

Разорванный диссонансами поэтический мир молодого Брюсова получил свое отражение и в ритмическом строе его лирики. Не отказываясь от господствующей системы русского стихосложения

XIX века, Брюсов вместе с тем уже не мог до конца подчинить свой лиризм ее звуковым гармоническим законам и восставал против них. Ему нужны были более свободные, гибкие и прихотливые ритмические формы, которые он находил за пределами русского классического стиха. Брюсов, наряду с некоторыми другими поэтами раннего символизма, может быть назван зачинателем той грандиозной реформы в русском стихосложении, которая заключалась в уравнении прав тонической метрики с традиционным силлабо-тоническим стихом. Правда, в лирике Брюсова стихотворений, написанных тоническим стихом, не очень много. Тем не менее без них, без таких стихотворений Брюсова, как «Мечта», «Я действительности нашей не вижу. . .», «Есть что-то позорное в мощи природы. . .» и некоторых других, построенных на так называемых «дольниках» и «стяжениях», осуществление тонической реформы могло бы значительно отодвинуться. Опираясь на фетовский и тютчевский «паузник», который, впрочем, играл у Фета и у Тютчева сравнительно второстепенную роль, учитывая систему русского народного стиха и поздние послеверленовские тенденции в метрике французских символистов (Верхарн, Вьеле-Гриффен), Брюсов привлек внимание к тоническим размерам и показал, что ими можно пользоваться не только в экспериментальных целях. Поэтому, хотя канонизатором тонического стиха в русской поэзии является не Брюсов, а Блок, — одним из самых энергичных и влиятельных пионеров этого стиха бесспорно следует признать Брюсова.

Вероятно, в некоторой зависимости от французской традиции находилась и брюсовская рифмовка. В ранних стихах Брюсова — а отчасти и в зрелых — наблюдается стремление к редкой, изысканной рифме. Брюсов с большой энергией отталкивался от всяческих трафаретов, в том числе и от «банальной рифмовки». В противоположность Фету и Полонскому, у которых рифмы типа *морозы — розы, даль — печаль* были обыденным и эстетически правомерным явлением, Брюсов часто рифмует такие слова, как *прерий — атмосфере, фатаморгана — Аримана, зигзаги — саги, страуса — Яуза* и т. п. Это не значит, что Брюсов вовсе отказывался от общераспространенных рифм. Наоборот, таких рифм у него много. Однако в поэзии Брюсова число редких рифм все же значительно выше, чем у большинства современных ему поэтов 80—90-х годов.

Кроме того, Брюсов, опять-таки считаясь с поэтикой французских символистов и вместе с тем подхватывая традицию Ал. К. Толстого, склоняется к неточной рифме. В этом отношении

он подготовляет одну из наиболее популярных форм рифмовки в русской поэзии XX века. Неточные и усеченные рифмы типа *унынием — полулиниям, скромный — наполним, тополей — аллее, зари — Марии* являются характерным элементом в системе художественных средств Брюсова.

Свойственный раннему Брюсову ущербный индивидуализм болезненно проявился в его поэзии — особенно в «Me eum esse» — и принял угрожающую форму. Поэтическое творчество, отрешенное от действительности (в большом, историческом значении слова), неизбежно должно было потускнеть, лишиться притока свежих впечатлений, живых образов и красок. С точки зрения крайнего декадентства, с позиций иллюзионизма, эта творческая отрешенность не должна была казаться опасной. Но Брюсов остро почувствовал кризисность такого состояния, и это во многом определило его дальнейшую судьбу как поэта и человека. Уже в его брошюре «О искусстве», наряду с индивидуалистическими и субъективистскими декларациями, появляется контрастирующее с ними и как будто неожиданное для молодого Брюсова «толстовское» определение искусства как «общения с душою художника», которое ведет к «счастью единения» с людьми.[1] Душевная боль, неудовлетворенность, сознание духовного и творческого тупика отражены в ряде юношеских стихотворений Брюсова: «Облегчи нам страдания, боже...», «Свиваются бледные тени...», «Ночью». Близкий мотив звучит и в его дневниковых записях. «Муза, где ты! — пишет он в 1896 году. — Увы, моя прежняя муза умерла, а новая... закрыла лицо и покинула меня, видя, как я оскорбляю ее лучшие заветы».[2] И через три месяца в том же дневнике Брюсов возвращается к этой теме: «Писать? — писать не трудно. Я бы мог много романов и драм написать в полгода. Но *надо,* но *необходимо,* чтобы было что́ писать. Поэт должен перeродиться, он должен на перепутье встретить ангела, который рассек бы ему грудь мечом и вложил бы, вместо сердца, пылающий огнем уголь. Пока этого не было, безмолвно влачись — „В пустыне дикой...“».[3]

В перспективе развития молодого Брюсова это чувство внутреннего неблагополучия, вероятно, являлось одним из самых благополучных и обещающих.

---

[1] Валерий Брюсов. О искусстве, стр. 16.
[2] Валерий Брюсов. Дневники. 1891—1910. М., 1927, стр. 26.
[3] Там же, стр. 28—29.

2

Путь преодоления кризиса был для Брюсова путем к людям, к объективному миру. На этот путь Брюсов стал под прямым воздействием изменяющейся действительности.

Русский капитализм продолжал стремительно развиваться, но рядом с ним крепло и развивалось освободительное движение. На рубеже двух столетий широко развернулась деятельность Ленина. Была создана пролетарская партия, и становилось ясно, что революция не за горами. Обострение социальных противоречий и усиление классовой борьбы привели к небывалому росту напряжения и темпа политической и культурной жизни. Все масштабы — социальные, бытовые, литературные — расширились. Искусство и литература все больше и больше втягивались в мощный поток городской жизни. Количество журналов, газет, издательств увеличилось необычайно.

На фоне этих общих процессов все резче и определенней выявлялось идеологическое размежевание в литературе. Ее демократический лагерь пополнился новыми силами и укрепился. Его вождем и организатором стал Горький.

Но и модернистская литература перевооружалась и разрасталась. В Петербурге возник близкий к символистским кругам журнал «Мир искусства», а в 1903 году — частично связанный с ним по составу сотрудников «Новый путь». В Москве были организованы два символистских книгоиздательства — «Скорпион» и «Гриф» — и стал выходить «центральный орган» русского символизма — журнал «Весы».

Важнейшее место в модернистской литературе некоторое время продолжали занимать «старшие символисты» — Сологуб, Бальмонт, Минский, Мережковский, З. Гиппиус. Но к этим лидерам русского декадентства конца XIX века в 900-х годах присоединилось большое число новых, еще неизвестных читателям авторов. Самыми яркими из них оказались «младшие символисты» — Вяч. Иванов, Блок, Андрей Белый.

Сторонники «нового искусства» не составляли однородную, единую группу. Внутри русского символизма следует различать несколько подразделений и «фракций». И нужно сказать, что одним из самых существенных оснований к этому идейно-эстетическому размежеванию явилось отношение представителей школы к ее изначальному индивидуалистическому кредо.

«Старшие символисты» — Сологуб, Бальмонт, Минский — хотя и значительно перестроились со времени своих прежних выступлений,

продолжали еще в какой-то мере сохранять верность индивидуалистическому декадентству 90-х годов (Мережковский и З. Гиппиус, увлеченные неохристианской проповедью, заняли в этом отношении особую позицию). «Младшие символисты», при всем уважении к своим предшественникам, не принимали декадентского индивидуализма в тех формах, в которых он сложился в 90-х годах, и пытались преодолеть замкнутость своего сознания на почве религиозно-мистического мировоззрения, подкрепляемого учением Вл. Соловьева, идейными концепциями Достоевского и философией позднего немецкого романтизма.

Какое же влияние оказала новая обстановка на Брюсова и какое место он занял в новых условиях?

Внешняя жизнь Брюсова мало изменилась, если не считать того, что в 1897 году он женился, а в 1899 — окончил историческое отделение Московского университета. К этому времени Брюсов был уже зрелым поэтом и всесторонне образованным человеком.

Брюсов, принадлежавший к старшему поколению символистов, связал себя с литературно-журнальной деятельностью символистской школы крепче, чем кто-либо иной из русских поэтов 90-х годов. Хотя впоследствии он и заявлял, что роль вождя русского символизма была «навязана» ему извне,[1] — эту роль он провел с редким уменьем и несомненной заинтересованностью. «Новое искусство» было для Брюсова волной, которая несла его к литературной известности. Руководя символистским издательством «Скорпион» и связанным с ним журналом «Весы», Брюсов чувствовал себя в них полным хозяином. Символизм служил ему единственной опорой среди чуждого и враждебного литературного окружения. «В то время, — пишет А. Белый, — он (Брюсов. — *Д. М.)* был одинок, против себя имея всю русскую литературу и всю русскую критику». «Ходил (Брюсов. — *Д. М.*) средь людей стенобитным тараном каким-то, чтобы идущие вслед за ним ощущали вольнее себя».[2]

О том, какое недоброжелательство и глумление пришлось преодолеть Брюсову в начале 900-х годов, дают понятие отзывы о нем большинства газет и журналов того времени. Если черносотенные газетчики (главным образом Буренин) изощрялись в изобретении площадных шуток, направленных против Брюсова, называя его

---

[1] Валерий Брюсов. Автобиография. — «Русская литература XX века», под ред. С. А. Венгерова, т. 1, стр. 112.

[2] А. Белый. В. Брюсов. — «Россия», 1925, № 4, стр. 265 и 268.

Валерием Безвкусовым и Валерием Противоестественным, то и либеральная печать подымалась над этим стилем сравнительно невысоко. Во всяком случае, так называемая «общая пресса» не откликнулась в те годы на стихи Брюсова ни одним серьезным и обстоятельным отзывом.

Эстетические взгляды Брюсова 900-х годов, как и в предшествующий период, не складывались в строго разработанную систему. В основании их лежал индивидуалистический лозунг «свободного искусства». Хотя этот лозунг теоретически и допускал включение в поэзию гражданских тем, но в то же время был пригоден, чтобы мотивировать отказ от гражданской тематики. Этот лозунг, подразумевающий суверенность искусства, его независимость от общественного долга,[1] явился главной причиной расхождения Брюсова с демократической литературой. Вместе с тем именно этим лозунгом определялась общая линия связи литературных позиций Брюсова с эстетикой символизма.

Впрочем, в годы, предшествующие первой русской революции, Брюсов отстаивал и другие пункты теоретической платформы символистов. Характерные для «младших символистов» мистические тенденции, от которых Брюсов сторонился в 90-х годах и с которыми решительно боролся впоследствии, в ту эпоху оказывали на его взгляды заметное влияние. В его сборнике «Tertia Vigilia» («Третья Стража», 1900) можно отметить несколько стихотворений с мистическим уклоном. В программной статье «Ключи тайн», открывающей первый номер «Весов», Брюсов, солидаризируясь с мистической линией символизма и опираясь главным образом на Шопенгауэра, определял искусство как интуитивное постижение запредельного. «Искусство, — писал он в этой статье, — то, что в других областях мы называем откровением. Создания искусства — это приотворенные двери в Вечность».[2] Эти добросовестные упражнения на символистскую тему показывают, что Брюсов прекрасно усвоил доставшуюся ему роль вождя русского символизма и выполнял вытекающие из нее функции теоретика обстоятельно и серьезно.

Но могли ли эти и подобные им высказывания Брюсова вполне соответствовать внутренней сущности его мировоззрения?

В одной из ранних записей своего дневника Брюсов сравнивает себя с римским диктатором Суллой, человеком без веры и

---

[1] См. статью Брюсова «Современные соображения». — «Искусство», 1905, № 8.

[2] «Весы», 1904, № 1, стр. 19.

закона («sans foi ni loi»). Значительно позже, в 1899 году, в том же дневнике он набрасывает свое кредо в форме письма к писателю-модернисту Марку Криницкому (Самыгину): «Истин много, и часто они противоречат друг другу... Моей мечтой всегда был пантеон, храм всех богов. Будем молиться и дню и ночи, и Митре и Адонису, Христу и Дьяволу. «Я» — это такое средоточие, где все различия гаснут, все пределы примиряются...»[1] К подобным утверждениям Брюсов возвращается неоднократно, повторяя их в стихах и в прозе. Конечно, предпосылкой этих мыслей является неверие Брюсова в единую, объективную истину. И вместе с тем от обычного скептицизма они отличаются. Брюсов не отрицает вслед за скептицизмом объективности тех или иных истин, а утверждает в духе плюрализма их равную истинность, хотя бы они друг друга логически исключали. Кроме того, в противоположность господствующим видам скептицизма, Брюсов находит в этом утверждении не источник пессимизма, а, наоборот, — источник жизненности и духовного богатства:

Хочу, чтоб всюду плавала
Свободная ладья.
И Господа и Дьявола
Хочу прославить я.

(1901)

Очевидно, таящаяся в этих стихах идеология соответствует не столько скептицизму, сколько той, характерной для кризисного состояния буржуазной культуры попытке преодоления его, которая получила название «философии жизни» (Lebens-Philosophie). Скептицизм выступает у Брюсова в «снятом» виде, как момент затаенного равнодушия ко всякой качественности. В результате на первый план выдвигался критерий количества, интенсивности того или иного переживания как такового. В противоположность развернутой интеллектуальной системе взглядов, которую стремились создать Вяч. Иванов и А. Белый, для Брюсова характерно вкусовое, эстетическое ощущение культуры и поэтической формы. Теоретические концепции служили Брюсову лишь временными вехами, лишь «рабочими гипотезами», облекавшими в условные формулы то или иное содержание внутренней жизни. А в основу ее, скрытую под декадентской оболочкой, у Брюсова все определеннее вступало здоровое, разумное и человечное начало.

---

[1] Валерий Брюсов. Дневники. 1891—1910. стр. 61.

Только благодаря этому глубоко затаенному инстинкту трезвости поза мистического пророка не стала подлинной позицией Брюсова и могла нравиться ему лишь непродолжительное время. Но даже и в те годы, когда Брюсов иногда принимал эту позу, он не терял критического отношения к религиозно-мистической проповеди своих соратников по символизму. Очень характерен, например, его отзыв о взглядах Мережковского, пропагандировавшего в то время так называемое «неохристианство». Вполне естественно, что Брюсов как символист живо интересовался Мережковским и даже считал себя его литературным союзником. И вместе с тем некоторые основные стороны мировоззрения Мережковского казались ему далекими и чуждыми. «Я никак не могу согласиться с Д. С. (Мережковским. — *Д. М.*), — заявлял он в письме к П. Перцову в феврале 1903 года, — что критика должна быть религиозным самосознанием. К чему тогда Гоголь, Пушкин и все! Довольно быть Мережковским». [1]

Трезвость и позитивность Брюсова сказались и в его отношении к «младшим символистам». Его сотрудничество с этими поэтами, его сочувствие им и интерес к ним отнюдь не означали полной литературной и идеологической солидаризации с ними. Еще в ноябре 1904 года он решительно отказывался принять мистические строки посвящения на подаренном ему Блоком экземпляре «Стихов о Прекрасной Даме». «Не возлагайте на меня бремени, которое подъять я не в силах, — писал он Блоку в ноябре 1904 года. — . . .Дайте мне быть только слагателем стихов, только художником в узком смысле слова — все бóльшее довершите Вы, молодые, младшие. . .». [2] Крайности идеалистических и мистических увлечений Андрея Белого также не находят в Брюсове поддержки. На страницах «Весов» в 1905 году Брюсов критикует Белого, протестуя против «апокалиптического» принципа его литературных оценок и остроумно высмеивая безудержный максимализм его идеалистических выводов. [3]

Но для понимания творческой работы Брюсова 900-х годов недостаточно знать его отношение к символистской эстетике и его место внутри символизма.

Новый этап в развитии Брюсова ознаменован прежде всего усилением и укреплением его связей с жизнью и расширением его

---

[1] «Литературное наследство», № 27—28, 1937, стр. 278.

[2] «Печать и революция», 1923, № 4, стр. 43.

[3] См.: В. Брюсов. В защиту от одной похвалы (Открытое письмо Андрею Белому). — «Весы», 1905, № 5.

культурных и литературных интересов. Круг действительности, питавший поэзию молодого Брюсова, как уже говорилось, был крайне ограничен. Он определялся, в основном, узкой сферой городского буржуазно-мещанского быта, воспринимаемого главным образом в его сумеречных, болезненных проявлениях. Поэзия молодого Брюсова отражала этот быт и, чисто эстетическими средствами отмежевываясь от него, на самом деле еще более в него врастала. Теперь действительность наполняется для Брюсова не только бытовым, но и политическим, историческим и широчайшим культурным содержанием.

Именно в этот период начинает складываться тот примечательный образ Брюсова, который впоследствии прочно вошел в сознание русского читателя. «Я всегда говорю о Вас: это самый культурный писатель на Руси», — писал Брюсову Горький незадолго до Октябрьской революции.[1] Эту характеристику можно отчасти приложить и к Брюсову 900-х годов.

По многогранности интересов, по широте своих знаний, по разнообразию своей литературной деятельности, по своей страсти к культуре Брюсов занимал среди современных ему русских писателей одно из первых мест. «Боже мой! боже мой! Если бы мне жить сто жизней, они не насытили бы всей жажды познания, которая сжигает меня»,[2] — отмечает он в черновой заметке. Неукротимая, неистовая страсть к культуре, к расширению своего горизонта, владевшая Брюсовым с самого детства, выросла в нем и созрела. С жадностью и азартом он изучал русскую и зарубежную, древнюю и новую литературу, языки, философию, историю и пробовал свои силы чуть не во всех видах поэтического творчества.

Это стремление к широте познания и творчества, пристрастие к «пробам», художественным рекогносцировкам и вылазкам, осуществляемым в самых различных направлениях, он сохранил на всю свою жизнь.

Конечно, наибольшее творческое многообразие было достигнуто Брюсовым в его основной области — в поэзии. Тогда как Блок интенсивно разрабатывал свои темы, углубляя их, связывая, варьируя, выводя одну из другой, Брюсов часто пользовался экстенсивным методом, — захватывая всё новые области и оставляя только что завоеванное. Поэзия Брюсова была открыта для самых

---

[1] М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах, т. 29. М., 1955, стр. 383.

[2] Н. Ашукин. Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики. М., 1929, стр. 273.

различных сфер: и жизненных и книжных. Он использовал огромные пласты исторического и духовного опыта, накопленного человечеством, находя в них близкое себе и нужное. Он любил путешествовать по культуре — по векам и странам — и в продолжение этих путешествий редко засиживался на одном и том же месте.

Стихи Брюсова до предела насыщены эрудицией. Исторические и мифологические сюжеты, названия городов и народов, имена богов, легендарных героев и деятелей истории наводняют его поэзию. Ее жанры пестры и разнообразны. Брюсов создает огромное количество лирических стихотворений всевозможных типов и структур, циклы баллад, героические поэмы, описательные поэмы, драмы в стихах и в прозе, овладевает громоздкой формой так называемого «венка сонетов». Но его оригинальное художественное творчество не исчерпывается поэзией. В начале 900-х годов он пишет ряд новелл, которые объединяются им в книгу «Земная ось» (1907), в 1905—1906 году он создает роман «Огненный ангел» из жизни средневековой Германии, а затем еще два романа и повесть из истории древнего Рима: «Алтарь Победы», «Юпитер поверженный», «Рея Сильвия» (1911—1916); параллельно с этими произведениями он печатает также психологические рассказы, очерки-воспоминания и бытовую повесть.

Показательным примером творческого размаха Брюсова служит его незавершенный замысел гигантского цикла стихотворений «Сны человечества». Идея этого цикла несомненно связана с «Легендой веков» Гюго, с «Голосами народов» Гердера и с «научной» эпопеей («Oeuvres») французского поэта Рене Гиля. В «Снах человечества» Брюсов пытался отобразить лирику всех времен и народов. В состав этой огромной антологии он включал песни и стихотворения, написанные им в духе австралийских туземцев, гренландцев, египтян, ранних христиан, древних римлян, немецких романтиков и французских символистов. Ему было мало народов, существовавших в истории, и он, пользуясь смутными и малодостоверными преданиями, импровизирует стихи «атлантов», жителей легендарного материка — Атлантиды.

Зная основные европейские языки — классические и новые, — Брюсов выступает как переводчик поэтов (а отчасти и прозаиков) самых различных национальных литератур. Он выбирает для своих переводов прежде всего то, что соответствует его вкусу, представляется ему наиболее важным или наименее известным русским читателям. Его переводческая деятельность, начавшаяся еще в 90-х годах, интенсивно продолжается в 900-х и позже. Он переводит

Верхарна, Метерлинка, Гюго, Верлена и многих других французских авторов, Э. По, Уайльда, Байрона, «Божественную комедию» Данте, «Энеиду» Вергилия и «Фауста» Гете.

Одним из крупнейших достижений Брюсова являются его переводы поэм Верхарна. Можно утверждать, что именно Брюсов приобщил к русской литературе этого замечательного поэта. Мало того, Брюсов своими переводами из Верхарна привлек внимание к самым острым в социальном отношении сторонам верхарновского творчества. Если бы поэтическая работа Брюсова исчерпывалась переводами верхарновских поэм, то и этого было бы достаточно, чтобы признать его выдающуюся роль в русской художественной культуре XX века. Влияние Верхарна на русскую поэзию (в частности, на Маяковского) еще не учтено, но, по-видимому, значительно. И это влияние осуществлялось в русле той «верхарновской традиции», которую создал в России Брюсов.

Должны быть выделены также брюсовские переводы армянских, латышских и финских поэтов, о которых до Брюсова русские читатели не имели почти никакого понятия. Велика заслуга Брюсова как переводчика, знатока, ценителя и популяризатора этих авторов, как исследователя, который занимался ими еще при царском режиме, когда они игнорировались официальной наукой и находились в подозрении у правительства. Наибольшее внимание он уделил армянским поэтам. Его многочисленные переводы с армянского, снабженные ценными примечаниями и статьей, отражают всю историю армянской поэзии с древнейших времен до XX века включительно. Не удивительно поэтому, что в советское время Брюсов был удостоен почетного звания народного поэта Армении.

Большая переводческая работа Брюсова заслуживает высокой оценки. К своим переводам Брюсов подходил не только как даровитый поэт-практик, интуитивно улавливающий особенности оригиналов, но и как теоретик, создавший интересную и не потерявшую своего значения до сих пор теорию перевода. Переводы Брюсова находятся в полном согласии с этой теорией, отличаются точностью, близостью к подлиннику и несут следы упорной работы. Брюсов, как и всякий другой переводчик, не мог избежать в них субъективных истолкований, но он прилагал все силы, чтобы субъективное начало было представлено в его переводческом творчестве минимально и не деформировало текста переводимых авторов.

В начале столетия широко развертывается критическая и литературоведческая деятельность Брюсова. В этой области он обла-

дал несомненным талантом и огромным тематическим диапазоном. Он писал о современной ему литературе, о поэтах и прозаиках XIX века, о русских, иностранных и античных авторах. Ему принадлежит ряд интересных статей, написанных в жанре литературно-философских размышлений и характеристик — essai («Страсти», «Испепеленный», «Тютчев», «Фет»). Не будучи создателем оригинальной эстетической теории, он сумел дать яркие образцы литературно-теоретических деклараций («Ключи тайн», «Священная жертва»). Он своеобразно разработал жанр статьи-обзора («Футуристы», «Акмеисты»). Он овладел формой критического диалога («Карл V», «Здравого смысла тартарары»). Он пользовался жанром статьи-трактата, статьи-публикации, комментативной заметки, написал огромное количество рецензий и кропотливых академических отзывов.

По своему идейному содержанию вся эта обширная литературная работа Брюсова была сложной и многозначной.

Индивидуалистические и декадентские идеи и вкусы в какой-то мере еще сохраняют над Брюсовым свою власть. Вполне закономерно он становится вождем московской группы символистов, объединявшей «старшее» и «младшее» поколения писателей. Критические работы Брюсова, его журнальная и издательская деятельность тех лет в значительной степени служили пропаганде русского и западноевропейского символизма и по своему основному направлению расходились с идеологией демократической литературы. Однако в атмосфере общественного подъема начала века обращение Брюсова к гуманистическим традициям русской литературы способствовало процессу оздоровления его мировоззрения и творчества. Этот процесс нельзя полностью отделять от судьбы символизма. Русский символизм не следует представлять как законченное и равное себе на всех участках явление реакции. В 900-х годах в символизме отчетливо проступали противоречивые и противоборствующие тенденции. Они реализовались в творчестве отдельных представителей «нового искусства» в различных пропорциях и соотношениях для каждого автора, сосуществуя как разные стороны его индивидуального сознания.

Эти противоборствующие тенденции можно проследить в произведениях Ал. Блока, Андрея Белого, Сологуба и др. Наряду с эстетизмом, стихийным индивидуализмом и склонностью к мистической созерцательности, эти авторы (особенно Блок) выступали с резкой критикой буржуазной действительности и в ряде случаев — под влиянием растущего революционного движения — подымались до сочувственного отношения к революции. В творчестве

зрелого Брюсова, поэта, на редкость чуткого к веяньям эпохи, мятежные, критические, антимещанские устремления проявлялись с большой энергией и отчетливостью. Брюсову удалось в то время изжить многие крайности своего раннего декадентства и стать на путь дальнейшего преодоления декадентских традиций. Не случайно он увлекался тогда изучением русских классиков: Тютчева, Некрасова, Баратынского и главным образом Пушкина, и, как уже говорилось, усиленно переводил такого мятежного поэта, как Верхарн.

Вместе с тем Брюсов с первых лет нового века начинает присматриваться к текущим политическим событиям. Он колеблется и путается в их истолковании, но теперь уже не игнорирует их.

3

Новый, *второй* этап творческого пути Брюсова закреплен в трех лучших сборниках его стихов: «Tertia Vigilia» («Третья Стража», 1900), «Urbi et Orbi» («Граду и Миру», 1903) и «Stephanos» («Венок», 1906). Особенности дооктябрьской поэзии Брюсова и, в частности, его стремление к тематическому и жанровому многообразию выявились в этих книгах исключительно ярко.

Максим Горький неоднократно писал о кризисе буржуазного мировоззрения в эпоху социальных революций. С этим кризисом он связывал распад буржуазной личности, утратившей свое единство, свою цельность. Этот кризис сказался во всех формах буржуазной идеологии, в том числе и в художественной литературе.

Следы этого кризиса можно уловить и в творчестве Брюсова. Многие стихотворения Брюсова лишены той поэтической непосредственности и цельности переживания, того подлинного лиризма, которыми в такой высокой степени обладали русские классические поэты XIX века, а из современников Брюсова — Александр Блок. Поэтому по силе своей непосредственной стихийной поэтичности лирику Брюсова мы не можем уравнивать с поэзией Блока, хотя этих авторов иногда и сопоставляли. Каждое стихотворение Блока — живой и цельный поэтический мир. В поэзии Брюсова эта органичность часто отсутствует, при всей ее искусной, «преднамеренной» слаженности. В стихах Брюсова вместо живого образа нередко появляется наглядная, но рационалистически конструированная образная схема. Поэтическое переживание как единство чувственного восприятия и мысли иногда заменяется «голой» мыслью — логической формулой, обставляемой образами, но лишенной внутреннего лири-

ческого дыхания. Поэтому образы Брюсова часто оказываются недовоплощенными, а стихи его — живущими своим «открытием», своим «заданием» — своим поэтическим «чертежом» в большей степени, чем конкретно достигнутым результатом, тем творческим осуществлением, которое превращает поэзию в факт искусства действенного, заражающего, связанного с людьми «по прямому проводу».

Но этих «открытий» в поэзии Брюсова немало. Он совершает их и постановкой новых тем, и трактовкой старых, и разработкой еще неизвестных в России жанров и других поэтических форм. Все это расширяло сферу русской поэзии, открывало для нее новые «пути и перепутья» (так назвал Брюсов первое трехтомное собрание своих стихотворений) и тем самым облегчало работу современных Брюсову русских лириков, иногда таких, которые по духу своему были чужды брюсовской поэзии. Поэтому для правильной историко-литературной оценки Брюсова — может быть, в большей степени, чем других писателей, — необходим учет не только его собственной творческой работы, но и литературной работы авторов, развивших его поэтические опыты и начинания.

Такими авторами были не только второстепенные поэты, вроде С. Кречетова, В. Гофмана, А. Рославлева («под-брюсники», как иногда называли их современники) или поэта-символиста Сергея Соловьева, но и начинающий Гумилев. К поэтам, на которых брюсовское влияние оставило отчетливый след, нужно присоединить также Андрея Белого и особенно Блока второго периода его творческого развития.

Недаром Блок признавался тогда в письмах к Сергею Соловьеву, что он «вне себя» от сборника Брюсова «Urbi et Orbi», что от волнения он не в состоянии читать стихи этого сборника «вследствие горловых спазм», что Брюсов «всех крупнее», что он, Блок, совершенно не может надеяться вырасти до Брюсова и что он собирается писать «стихи, которые все окажутся дубликатом Брюсова».[1] И даже в 1909 году, когда брюсовская поэзия уже не действовала на Блока с прежней силой, он признавался еще, что, наряду с немногими современными ему авторами, он хотел бы иметь своим учителем Валерия Брюсова.[2] К этим высказываниям Блока о Брюсове можно было бы присоединить аналогичные суждения других поэтов начала XX века.

---

[1] Письма Александра Блока. Л., 1925, стр. 61, 62, 71. Письма от 1 и 6 декабря 1903 г. и 8 марта 1904 г.

[2] См.: Записные книжки Ал. Блока. Л., 1930, стр. 117.

Брюсов не видел возможности проложить путь к поэтическому отображению широкого круга действительности средствами камерной символистской поэтики. Брюсов мечтал создать поэзию монументального стиля, поэзию для всех, обращенную к «граду и миру», общепонятную и общезначимую. Произведения декадентских авторов прошлого века с характерной для них стилистической «странностью» и изысканностью теперь уже не являются для Брюсова образцами, достойными подражания. Резкие диссонансы стиля, оксюморные метафоры и словосочетания были в значительной мере изгнаны из его стихов. Все эти принадлежности символистской поэтики остались у него лишь в сглаженной, приглушенной форме.

В зрелом творчестве Брюсова можно различить следы влияния многих поэтов, в числе их — Тютчева, Фета, Баратынского, Верхарна, Гюго, Бодлера, даже Хомякова. Но с особенной настойчивостью и сознательностью Брюсов пробует ориентировать свой стих на Пушкина. «У нас всегда останется общим, — писал он в 1904 году, — восторг и преклонение перед божественной поэзией Пушкина, перед ее чистыми красками и чистыми звуками. Моя поэзия родилась от Пушкинской в той же мере, как мы родились в раю...»[1] И несколько позже: «Выбери себе героя — догони, обгони его», — говорил Суворов. Мой герой — Пушкин».[2] Разумеется, Брюсов по своему мировоззрению и мироощущению был бесконечно далек от Пушкина, и подлинного, глубокого сближения с пушкинской поэзией, даже стилистического, у него получиться не могло. И все же стремление приблизиться к пушкинской стройности и ясности, усвоить ритмы Пушкина, его интонацию и характер движения его поэтической мысли чувствуется в поэзии Брюсова очень явно (см., например, его стихотворения «Последнее желанье», «На скачках» и др.).[3] Обращение к пушкинскому творчеству помогло Брюсову упорядочить, дисциплинировать свою поэзию, освободить ее от наиболее резких проявлений декадентской манеры.

Самый строй брюсовского мышления облегчал борьбу поэта за преодоление субъективно-индивидуалистического декадентского начала в его творчестве. Проповедуя в своих стихах, как и другие символисты (Бальмонт, Вяч. Иванов), культ страсти, порыва, «священного безумия», Брюсов, как уже отмечалось, обладал очень

---

[1] «Литературный архив», вып. 1. Л., 1938, стр. 302.

[2] Н. Ашукин. Валерий Брюсов..., стр. 273.

[3] Вопрос о стиховых формах Брюсова в соотношении с формами пушкинского стиха поставлен мною в статье «О стихе Брюсова». — «Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена», т. 198. Л., 1959.

трезвым и рационалистическим интеллектом и вполне отдавал себе в этом отчет. В день своего пятидесятилетнего юбилея, отвечая на приветствие, обращенное к нему известным литературоведом П. Н. Сакулиным, Брюсов говорил: «Павел Никитич Сакулин сказал... обо мне: «среди одержимых... он был наиболее трезвым, наиболее реалистом». Это правда. И он еще добавляет: «он — т. е. я — был и среди символистов утилитаристом». И это верно. Я помню, отлично помню, наши бурные споры с Вячеславом Ивановым, который жестоко упрекал меня за этот реализм в символизме, за этот позитивизм в идеализме». [1]

Смутные и зыбкие формы импрессионистического стиля, которые являлись основой символистской поэзии, Брюсову давались далеко не всегда, хотя он и стремился ими овладеть. Брюсов отяжелял их логикой, которой они по природе своей были чужды. Декадентское пренебрежение к аналитической мысли и к науке (особенно демонстративно заявлял о нем Бальмонт) было глубоко враждебно Брюсову. Логическая мысль, пафос разумного познания жизни являлись для него одним из главных источников вдохновения. Брюсов в восприятии современников был поэтом мысли.

Этому соответствовал и облик Брюсова-человека. Подтянутый, деловой и четкий, почти педантичный, Брюсов умел организовать свое время и своей рассудительной, настойчивой аргументацией подчинять себе окружавших его людей.

Здоровое и трезвое начало в Брюсове отмечал даже Горький, для которого литературная деятельность Брюсова тех лет была во многих отношениях неприемлемой. «Вы производите чрезвычайно крепкое впечатление, — писал Горький Брюсову 26 ноября 1900 года, — есть что-то в вас уверенное, здоровое». И еще, в 1901 году: «Вы мне страшно нравитесь, я не знаю вас, но в лице вашем есть что-то крепкое, твердое, какая-то глубокая мысль и вера». И еще, тогда же: «Вы, мне кажется, могли бы хорошо заступиться за угнетаемого человека». [2]

К сожалению, простая правда этого благородного призыва (в последнем из цитированных писем) в то время была еще недоступна Брюсову. Об участи отданных в солдаты студентов, о которых тревожился Горький в этом письме, поэт не хотел задумываться. И все же в его ответе Горькому можно уловить не только проявление индивидуалистического аполитизма и анархистской бравады, но и

---

[1] Сб. «Валерию Брюсову». М., 1924, стр. 55.

[2] М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах, т. 28. М., 1954, стр. 141, 153.

подлинное презрение к буржуазному миру. «Давно привык я на все смотреть с точки зрения вечности. Меня тревожат не частные случаи, а условия, их создавшие. Не студенты, отданные в солдаты, а весь строй нашей жизни, всей жизни. Его я ненавижу, презираю! Лучшие мои мечты, когда все это будет сокрушено». [1]

Ту же тему мы находим в письме Брюсова к И. Ясинскому 1900 года. «Смеюсь над собой и над другими. С каждым днем и годом все ближе, все более вплотную подхожу к знанию, что так нельзя дальше... О, мерзость!» [2] И в 1904 году в письме к А. Белому: «Все окружающее *должно, обязано* оскорблять нас всечасно, ежеминутно. Мы самовольно выбрали жизнь в том мире, где всякий пустяк причиняет боль». [3]

Неприязнь Брюсова к тому, что он сам называл «позорно-мелочным, неправым, некрасивым» строем современной жизни, при всей своей непоследовательности и отвлеченности, была искренней и сильной. Она пронизывает такие стихотворения Брюсова, как «Кинжал», поэму «Замкнутые» и др. Более того, это отношение Брюсова к буржуазному миру в известной мере сказалось на всей его поэзии и влияло на его художественный метод.

Тяготясь лживым и пошлым содержанием буржуазной действительности, Брюсов не пытался художественно разгадать и запечатлеть ее такой, какой она была в ее объективно-исторической сущности, в ее типичных явлениях, как это делали писатели-реалисты. Он стремился поэтически преодолеть, эстетизировать, преобразить ее в своем творчестве. Поэтому в зрелой поэзии Брюсова огромное значение приобрела создаваемая им норма, сознательно избранный образец того, какой должна быть действительность, с его точки зрения, и какой должно ее раскрывать искусство.

Из жизни медленной и вялой
Я сделал трепет без конца —

формулирует он этот принцип в стихотворении «Золото» (1899).

И в другом месте, несколько позже:

Сны совершенства! В мечтах и искусстве
Вас, — поклоняясь, — приветствую я...

(«Отрады»)

---

[1] «Литературное наследство», № 27—28, 1937, стр. 642.
[2] «Новый мир», 1932, № 2, стр. 197.
[3] А. Белый. Начало века. М. — Л., 1933, стр. 148.

Брюсова привлекает действительность не как нечто данное, незавершенное (ср. стихотворение «В неконченном здании»), а действительность как «сон совершенства», взятая в «пределе» ее развития, действительность, художественно возведенная в более высокий план, чем тот, в котором она фактически находится. Такая переработка действительности и отражающего ее образа лирического героя, такая идеальная перестройка «неконченного здания» по чертежам, которые должны были противоречить архитектурным принципам окружающего мира, и лежала в основе поэтического творчества Брюсова.

Идеалом Брюсова становится героика. Но современные прозаические буржуазные условия не давали оснований для ее развития. Героику же революционной борьбы Брюсов разглядел и оценил далеко не сразу. Брюсову оставалось заимствовать героическое содержание своей поэзии из прошлого. И, обращаясь к древним цивилизациям, он находил в них людей и события, которые служили ему идеальными образцами героического. Смысл этого поворота к древности отчетливо объясняется Брюсовым в стихотворении «Кинжал» (1903):

Когда не видел я ни дерзости, ни сил,
Когда все под ярмом клонили молча выи,
Я уходил в страну молчанья и могил,
В века загадочно былые.

Этот «уход в прошлое» не приводил Брюсова к отказу от настоящего. Он вкладывал в свои монументальные мифологические и исторические образы современные ему идеи и переживания.

Ориентация Брюсова на «былые века» имела в его поэзии огромное значение. Многие десятки стихотворений Брюсова являются целиком «антологическими» — построенными на материале древних культур. Таковы, например, его стихотворные циклы «Любимцы веков» (сб. «Tertia Vigilia»), «Баллады» (сб. «Urbi et Orbi»), «Правда вечная кумиров» (сб. «Stephanos») и более поздние «Властительные тени» (сб. «Зеркало теней»), «В маске» (сб. «Семь цветов радуги»). Стихотворения этих циклов или прямо развертывают сюжеты, известные в истории культуры, например библейскую легенду об Адаме и Еве, миф об Орфее и Эвридике, эпизод с Антонием и Клеопатрой и т. п., или являются вольными вариациями на эти сюжеты, или, наконец, дают характеристику людей древнего мира, оформленную во многих случаях как монолог от их лица. При этом Брюсова привлекают древние культуры Рима и Греции, древний ассиро-вавилонский, египетский и библейский Восток («Ассаргадон», «Аганат»,

«Рамсес», «Египетский раб», «Моисей»), Скандинавия эпохи викингов и Киевская Русь («Царю северного полюса», «Разоренный Киев»). Его притягивает героика и трагическая судьба древних людей и древних цивилизаций, в которых он пытался находить аналогии с судьбой современного человека и современного мира. С наибольшей силой завораживают Брюсова масштабы человеческих страстей в Риме и Греции; поэту близко ощущение бренности и обреченности могучего римского государства.

Образы древнего мира, имена богов, военачальников и героев в изобилии вводятся Брюсовым не только в стихотворения с соответствующими сюжетами, но часто и в современные и даже злободневные его стихи.

Однако привлечение античности, несмотря на все значение, которое оно имело в творчестве Брюсова, являлось лишь частной формой общего стремления поэта к героизированию, к идеализации и поэтическому отвлечению. Это стремление сказалось и в подходе Брюсова к своим темам, и в его работе над словом. Например, говоря о небе, Брюсов не пытается развернуть его образ с чувственной, живописной стороны. Брюсову ближе идущая от этого образа дематериализующая его метафора: «голубая тайна». Поэтому в соответствующем стихе Брюсова, очень емком по смыслу, «отвлеченное» содержание, в конечном итоге, выдвигается над предметным:

И между сосен тонкоствольных
На фоне тайны голубой.

(*«Меня, искавшего безумий. . .»*)

Свои эпитеты и сравнения Брюсов нередко вовсе лишает индивидуализирующего смыслового признака и превращает их в отвлеченные оценочные суждения: нежный, прекрасный, величавый, небесный, дивный. Когда, например, в балладе «Рабыни» он сравнивает свою героиню, царевну, со светом и сиянием:

Она была, как свет, прекрасна,
И, как сияние, светла. . .

читатель об этой героине ничего определенного не узнает; зато в сознании остается нужная поэту обобщенная оценка. Таких примеров можно было бы указать очень много.

Отвлеченность художественного мышления и стремление эстетизировать действительность привели Брюсова к украшающему иносказательному стилю. Брюсов не говорит, например, «я поцелую», а употребляет перифраз: «я прикоснусь обрядом поцелуйным». Брюсов не говорит просто: «склонись», но провозглашает: «клони чело

свое до праха». Слово «мечты» Брюсов часто заменяет метафорой «сны», радостные переживания — «весной», женщин он постоянно именует «царицами» или «сестрами».

Слова, даже в тех случаях, когда они относятся к обыденным вещам, подбираются Брюсовым в пределах «витийственного» высокого стиля. В этом смысле характерно тяготение поэта к архаизмам. В его стихах встречаются и «чресла», и «воскрылия», и «облак», и «севы», и «лоно», и «выя», «длани», «рдяный», а иногда культовые, церковные слова: «алтарь», «иерей», «тропарь», «псалом», «купель».

Конечно, поэтическая речь Брюсова отличается от жаргонообразного, «пифического» языка таких символистов, как Вяч. Иванов, который до предела насыщал свои стихи славянизмами. И тем не менее специфичность брюсовского словаря в главных книгах поэта бросается в глаза. Архаизм, экзотическая редкостность имен и названий и пристрастие к отвлеченным понятиям, которые сплошь и рядом подчеркивались многозначительными большими буквами («Рок», «Святой Гнев», «Судьба», «Храм Свободы», «Любовь», «Город», «Пошлость», «Случай»), — вот основные приметы лексики поэта. Организованная таким образом поэтическая речь Брюсова приобретала торжественный, «литургический» характер и многими своими чертами напоминала тот «язык богов», который лежал в основании поэзии русского классицизма.

Приподнятому стилю Брюсова целиком отвечала ритмическая и мелодическая (интонационная) форма его стихов зрелого периода развития. Как уже говорилось, молодой Брюсов пользовался, наряду с русской традиционной метрикой XIX века, свободным тоническим стихом. Но движение Брюсова к монументальному, «классическому» стилю и растущая ориентация на Пушкина не соответствовали тонической вольности его ранних новаторских опытов. Начиная со сборника «Urbi et Orbi» «дольники» и «стяженные стихи» отступают в брюсовской поэзии на задний план, с тем чтобы возродиться в ней лишь после Октября. В своих лучших книгах 900-х годов (за исключением сб. «Tertia Vigilia») Брюсов решительно поворачивает к силлабо-тоническому, «пушкинскому» стиху и заставляет его звучать на свой собственный, брюсовский лад.

Правда, просодические качества поэзии Брюсова вызывали со стороны современников поэта критические замечания. Так, например, Андрей Белый в своей работе по «морфологии ритма» отметил однообразие, «метричность» брюсовского стиха, его бедность ритмическими модуляциями и оценил это явление как недостаток.[1]. К этому

---

[1] См.: А. Белый. Символизм. М., 1910, стр. 382, 390.

суждению А. Белого присоединился также В. Ходасевич. Однако такая оценка не может быть признана вполне справедливой: ритмическая монотония Брюсова соответствовала его стилю и даже придавала ему особую выразительность. «Бедность ритмических вариаций, — совершенно правильно писал об этом В. М. Жирмунский, — придает... (брюсовскому. — *Д. М.*) стиху торжественность и мерность, обилие ударений сгущает их действенную силу, увеличение числа слов (каждому ударению соответствует слово) увеличивает словесную насыщенность стиха».[1]

Равнение на классическую метрику сочетается у зрелого Брюсова с его склонностью к «твердым» и важным, а порою риторическим интонациям («Женщине», «Каменщик», «Кинжал» и др.). Воспользовавшись гомеровским эпитетом, можно сказать, что Брюсов был поэтом с «бронзовым голосом». Не случайно Блок писал о «стальных строках Брюсова»,[2] а Сергей Соловьев назвал брюсовский стих звенящим «Вергилиевой медью».[3] Те же особенности отмечал в своей поэзии и сам Брюсов. Так, в письме к С. А. Венгерову от 17 декабря 1904 года, отвечая на его предложение перевести «Божественную комедию», Брюсов писал: «Мне кажется, я мог бы переводить Данте... Если я могу признать сам какие-либо достоинства за своим стихом, то прежде всего *сжатость* и *силу* (предоставляя *нежность* и *певучесть* — Бальмонту), а ведь это именно те свойства, которые нужны для перевода Данте...»[4]

Сжатость и сила, мужественная твердость и метрическая отчетливость, доходящая до «рубленности», составляли характерное свойство стихов Брюсова, которым они резко отличались от созерцательно-нежной, самозабвенной певучести блоковской лирики первого и второго тома. Не случайно и читал он их, по воспоминаниям одного из современников, «повелительно-властным голосом, точно отдавая приказы по армии».[5] Следовательно, не только стиль, но и интонация многих стихотворений Брюсова, их холодноватый, торжественно-декламационный пафос дают нам основание сравнивать их с одической поэзией классицизма.

---

[1] В. Жирмунский. Валерий Брюсов и наследие Пушкина. Пг., 1922, стр. 44.

[2] А. Блок. Литературные итоги 1907 года. Собрание соч., т. X. Л., 1935, стр. 144.

[3] См. стихотворение «Валерию Брюсову» в кн. С. Соловьева «Цветы и ладан». М., 1907, стр. 65.

[4] См. кн.: Д. Максимов. Поэзия Валерия Брюсова. Л., 1940, стр. 168.

[5] П. Перцов. Литературные воспоминания. М., 1933, стр. 114.

4

Метод героизации, «очищения» действительности осуществлялся Брюсовым прежде всего в обрисовке основного образа его поэзии — образа «автора», лирического героя и объективированных лирических персонажей. Брюсов говорит об этом герое как о поэте — носителе высокой миссии или бесстрашном борце, непреклонном воителе. Твердая воля и доблесть составляют главную черту этого героя:

Но где-то, в глубине последней,
Будь мрамором и медью будь.

(«Будь мрамором»)

Воителем или избранником является герой таких стихотворений Брюсова, как «Старый викинг» (1900), «Александр Великий» (1899), «Эней» (1908), и многих других. И в создании всех этих образов, выражающих мощь, волю, бесстрашие, трагизм, Брюсов обнаруживает большую художественную силу и уменье, до которых его молодой поэзии было еще очень далеко.

Мне кто-то предлагает бой
В ночном безлюдье, под шатром.
И я, лицом к лицу с судьбой. . .
. . .Я с богом воевал в ночи.

(«И снова ты, и снова ты. . .»)

В этих торжественных, насыщенных сдержанной энергией и страстью строках слышится уже не Фет, не Гейне, и не французские парнасцы и символисты, а подлинный, неповторимый голос самого Брюсова.

В приведенном выше отрывке Брюсов говорит о своем лирическом «я». В других стихотворениях, как уже было сказано, он создает объективные образы героев, заимствуя их из истории и мифологии.

Героические образы и весь героизирующий метод Брюсова не следует оценивать односторонне.

Брюсов ненавидел пошлость, прозаическую «серединность», мещанскую косность буржуазного общества и своей героикой пытался от него оттолкнуться. Он прославлял подлинных героев: великих патриотов и борцов за родину («Гарибальди», «Завет Святослава»), героев науки и искусства («Халдейский пастух», «Дедал и Икар»,

«Орфей и Аргонавты»), ученого, берущегося за оружие для защиты отечества («Служителю муз»), безвестных, но доблестных тружеников — строителей пирамид («Египетский раб»). Прогрессивный характер этих образов не подлежит сомнению.

Но в своем осуждении явлений буржуазного мира Брюсов не был последователен, не шел до конца. Завет гуманистической литературы «оставь герою сердце» (Пушкин), принятый молодым Горьким (легенда о Данко), не мог в такой же мере сделаться заветом Брюсова. Брюсов созрел до чисто гуманистической культурной и творческой разносторонности, он позволял себе выпады против «неправого и некрасивого» строя буржуазной жизни. Но гуманизм Брюсова оказался неполным: Брюсову во многом не хватало той конкретной любви к людям (Ленин применительно к Чернышевскому говорил о «тоскующей любви»), без которой искусство теряет свою народность, свою человечность, свою способность к утверждению подлинного положительного содержания жизни и органическому отрицанию всего того, что мешает людям жить по-человечески.

Брюсова привлекали «сильные» герои, отмеченные не только высокими человечески ценными качествами. В ряде своих стихотворений он окружил поэтическим ореолом образы гордых и одиноких, неистовых и холодных героев-индивидуалистов. Они оторваны от людей (Данте в трактовке раннего Брюсова), иногда глубоко презирают народ (Моисей в трактовке Брюсова, Сулла), пренебрегают своим воинским долгом ради личной страсти (Марк Антоний), толпа служит для них лишь подножием («Г. Г. Бахману»); по своему произволу они могут свободно распоряжаться человечеством, превращаются порою в завоевателей, поработителей народов (Александр Македонский, Наполеон) или просто в тиранов (Сулла).

Эти образы, подымаясь над прозой буржуазного общества эстетически — яркостью и силой, — не противостояли ему всей полнотой своего духовного содержания. Наоборот, некоторые из них могли способствовать тому, чтобы возвысить, эстетизировать, то есть в конечном счете «оправдать» антинародные, агрессивные его тенденции. Они создавали героический ореол вокруг тех проявлений империалистического мира, которые по своей сущности являются полной противоположностью высокому гуманистическому героизму, мрачной пародией на него.

Стремление к эстетизации можно обнаружить в разработке основных тем поэзии Брюсова. Он подымает их до «нормы», до некоего эстетического «предела» и украшает, когда это нужно, привычными ему поэтическими узорами.

При этом идейные противоречия Брюсова остаются в его

творчестве непреодоленными и дают себя знать в каждой из его тем.

Каковы же ведущие темы лирики Брюсова в начале 900-х годов?

Все они связаны с образом «автора», с лирическим «я» поэта, с его переживаниями и раздумьями. Этот образ раскрывается в поэтических самовысказываниях Брюсова, а отчасти, как уже говорилось, и в «объективных» его стихотворениях — исторических и мифологических. Но поэзия Брюсова зрелого периода отнюдь не замыкается в самонаблюдении и в самосозерцании. Она — наперекор символистским канонам конца века — настойчиво стремится к внешнему миру, к лирическому отражению объективной действительности.

Одной из основных тем Брюсова на рубеже нового столетия и в последующие годы становится *тема города*. В изображении города Брюсов во многом исходил из тех разнородных традиций, — объединяя их, — которые были связаны в России с именами Достоевского и Некрасова, а на Западе — с Верленом, Бодлером и Верхарном. Брюсов прежде всего — поэт-урбанист, первый русский лирик XX века, отразивший в поэзии жизнь города новейшего капиталистического типа. Эту тему в лирическом творчестве Брюсова можно назвать его художественным открытием. Она была для него едва ли не самой естественной, лирически пережитой и органической. Наметившаяся в ранних сборниках Брюсова, эта тема к концу 90-х годов чрезвычайно усилилась и стала непременной принадлежностью его творчества. Образы городских зданий, бульваров и скверов, «электрические луны» фонарей, рестораны с хрусталем и винами, «огни ночных реклам» и «бессонные» огни фабрик, конки и мчащиеся омнибусы, недвижные решетки конторских окон на спящей улице, «зимние дымы», вырывающиеся из труб, таинственные тени женщин и «безвестных друзей» — прохожих, скользящих в вечерней полумгле, — все эти урбанистические образы безудержным потоком врываются в зрелую поэзию Брюсова.

Поэзия Брюсова наполняется ритмами большого города, его «певучими шумами», переменчивой и зыбкой атмосферой его многообразной жизни.

Верный себе, Брюсов находит в городской действительности красоту и силу. Он любуется городом: мощными проявлениями его жизненности, «буйством» его толп, «священным сумраком» его улиц, дерзостью воплощенного в нем человеческого гения («Жадно тобой наслаждаюсь. . .», «Конь блед», «Городу» и др.). Брюсов не только *отбирает* в реально существующем то, что соответствует его поэти-

ческому идеалу. Он усиливает, *дополняет* существующее воображаемым, создает утопию будущего — города дворцов «из стали и стекла», небоскребов и «центромашин», города могущественного, грандиозного и пугающего, до которого еще не доросла современная Брюсову цивилизация. Именно такой образ *грядущего* города, как признавался сам Брюсов,[1] нарисован в одном из наиболее известных его стихотворений «Конь блед». Стремительный поток уличного движения, буря переполняющей город жизни подавляет в этом стихотворении грозный апокалиптический призрак надвигающейся гибели — «коня бледного».

Вначале Брюсов развивает тему города субъективно-лирически, стремясь лишь к тому, чтобы наметить общий «музыкальный» фон городского пейзажа, импрессионистически передать его эмоциональную атмосферу. Город обертывается тогда своим ускользающим, призрачным, таинственным лицом. И Брюсов, в пределах городской темы, получает способность интимно приближаться к вещам и явлениям городской жизни, улавливать их неповторимый лирический «запах», различать их оттенки и полутона (цикл «В стенах» из сб. «Tertia Vigilia»). Когда он говорит, например, что наступление ночи «переменило жизнь в огнях», он выходит за пределы нормативного метода и создает чувственный в своей основе, созерцательный образ. С большой точностью и чуткостью изображает Брюсов также полусонный, предутренний город в стихотворении «Оклики демонов» (1902):

Проволок нити нежней и нежней
На небе, светящемся нежно...

Но и городской интерьер, домашний мир, таящийся за городскими стенами, мир комнат, шкафов, книг, фонарных отблесков на полу, опущенных занавесок, не остается чуждым поэзии Брюсова. Иногда это лирический мир творческого уединения:

Со мной любимые книги,
Мне поет любимый размер.

(«Когда опускается штора. . .», 1899)

Иногда это эстетизированная, но лишенная жизни и немного жуткая домашность (см. стихотворение «Прощальный взгляд», 1903):

---

[1] См.: Корней Чуковский. Из воспоминаний. М., 1959, стр. 444.

Я встретил взгляд без выраженья
Остановившихся часов.

Чаще это мир косного быта — мир расплодившихся в комнатах мышей, которые пищат и безжалостно возятся по углам («Мыши», 1899), мир пустого времени, незаметно и бесплодно отлетающих дней и годов («Терем», 1903), мир властных, но пребывающих во сне и неподвижности демонов пыли («Демоны пыли», 1899), страшноватый и гротескный мир незрячих чудовищ — людских болезней и ужасов, наполняющих старое жилье, как бы завещанных обитателям дома его прежними жильцами («Чудовища», 1903).

Городская тема в стихах Брюсова имеет и более широкие аспекты. Поэт создает ряд стихотворных раздумий о судьбе города, дает его обобщенный образ («Мир», «Париж», «Слава толпе»). Особенно интересна в этом отношении поэма Брюсова «Замкнутые» (1900—1901), в которой трагедия омертвевшего в своем бездушии буржуазного города освещается резким сатирическим светом.

Еще более примечателен тот факт, что в поэзии Брюсова — в отличие от традиций индивидуалистической лирики — возникают *образы простых людей*. Это уже не призрачные тени прохожих, а образы вполне оформленные и социальные. Это — каменщик всенародно известного одноименного стихотворения Брюсова. Это — фабричный рабочий, сборщики на церковный колокол, девушка-прачка, грустящая о своем милом, который трудится за станком, и другая девушка, прячущая свою беду под личиной развязности и задора. Эти образы (кроме каменщика) даны в стихотворениях-песнях, воспроизводящих жанр мещанского «жестокого романса» и ритмы частушки. Введение этих жанров в литературу — смелое начинание Брюсова, продолженное многими поэтами того времени.

Но, разумеется, не только городские песни Брюсова, но и все его урбанистические стихи в целом оставили в истории русской поэзии XX века глубокий след. Отмеченная выше художественная зависимость многих русских поэтов от Брюсова имеет отношение главным образом к его урбанистическому творчеству. Можно указать, например, на то сильное и положительное воздействие, которое поэзия Брюсова оказала на Блока, облегчив ему преодоление уединенной созерцательности его первой книги (см. многие стихотворения Блока второго тома). Можно сослаться также на лирику Андрея Белого (особенно в сб. «Пепел») и Городецкого (некоторые стихотворения из сборников «Ярь» и «Перун»), бесспорно приобщившихся к опыту брюсовского урбанизма, или на поэта-сатириконца П. По-

темкина (см. его сб. «Герань», 1912 года, главным образом цикл «Герань песельная»).

В восхищенном внимании Брюсова к проявлениям городской стихии сказалось характерное для него чувство современности, его увлеченности XX веком. В самом деле, Брюсов был связан с цивилизацией XX столетия гораздо прочнее, чем многие другие поэты символистского лагеря (например, Бальмонт, Сологуб, Вяч. Иванов), которые относились к городу резко отрицательно или отчужденно. При этом в урбанистической лирике Брюсова отразились не только прогрессивные стороны его воззрений, но, во многом, и присущая им ограниченность. Так, например, нельзя не отметить у Брюсова фактов эстетического оправдания некоторых нездоровых, гангренозных явлений городской капиталистической культуры, ее пошлой изнанки. Брюсов поэтизировал в своей лирике и «сон заученных объятий», находя в них «отблеск тайны» («Я люблю в глазах оплывших...», 1899), и дом свиданий, и игорный дом, пленяясь иллюзией «восторга» или «видением мечты», возникающими в опьянении страсти и игры («В публичном доме», 1905; «В игорном доме», 1905). И во всех этих случаях тот самый метод художественной идеализации, который служил в брюсовской поэзии для борьбы с недостойной действительностью, превращался в орудие этой действительности.

И все же любование городом не перерастало у Брюсова в слепую апологию. Увлекаясь яркими и поэтическими впечатлениями большого города, Брюсов угадывает и его «противоестественные», враждебные человеку черты, различает в нем признаки смерти и разложения.

И лирическому герою Брюсова некуда податься в этом страшном и «замкнутом» мире:

От этой пошлости, обдуманной, привычной,
Как жаждал, хоть на час, я вольно отдохнуть!
Но где в глаза живым я мог, живой, взглянуть?
Там, где игорный дом, и там, где дом публичный!

(«Замкнутые»)

Здесь личная безысходность является и обреченностью, и не только личной.

Запах тления, который окружает Брюсова в капиталистическом городе настоящего, веет на него и из города будущего. Идеал города, лишенный подлинной человечности, должен был обнаружить свою порочность. Страстно ожидая рождения нового города, Брюсов

вместе с тем сравнивает его с плесенью, предчувствует жуткую неподвижность его завершенной культуры, «весь ужас найденных слов» («Я провижу гордые тени. . .», 1899), а иногда и прямо возводит его в символ мировой пошлости.

И страшная мечта меня в те дни томила:
Что́, если Город мой — предчувствие веков?
Что́, если Пошлость — роковая сила
И создан человек для рабства и юков?

. . . .

И, как кошмарный сон, виденьем беспощадным,
Чудовищем размеренногромадным,
С стеклянным черепом, покрывшим шар земной,
Грядущий Город-дом являлся предо мной. . .

(«Замкнутые»)

Освобождение от этого «кошмарного сна» мерещилось Брюсову в полном стихийном разрушении городской цивилизации и торжестве дикой, первозданной, вечно обновляющейся природы. Пророчества о планетарном катаклизме, о восстании порабощенных стихий звучат у Брюсова в поэме «Замкнутые», в стихотворении «В дни запустений» (1899) и, по-иному, в драме «Земля» (1904). Но мысль о разрушении «неправого и некрасивого» строя облекается в поэзии Брюсова не только в абстрактные, романтически-мечтательные образы разгневанной природы. Брюсов знает и о тех социальных силах, которые несут отживающему миру близкую и вполне реальную гибель. В стихотворениях «Каменщик», «Братья бездомные» (1901), «Ночь» (1902), «Слава толпе» (1904) говорится о могильщиках капитализма в самом определенном значении этого понятия, об униженных и могучих людях, затаивших свою угрюмую угрозу и готовых ее осуществить, и о мятежной толпе, требующей для себя «царственной доли». Эти образы и намеки не превращаются у Брюсова того времени в большую и развернутую лирическую тему, но и без этого они являются в его поэзии исключительно весомыми и симптоматичными.

Миру буржуазной пошлости призвана противостоять в брюсовской поэзии *тема любви*. Стихи о любви занимают одно из самых существенных мест в лирике Брюсова. Они обычно выделялись им в особые циклы, объединенные иногда исключительно тесной внутренней связью. Именно так организованы циклы сборника «Stephanos» — «Из ада изведенные», «Мгновения» и многие другие. Пафо-

сом этих стихов является характерная для начала столетия идея «реабилитации плоти». В этом смысле прав Андрей Белый, назвавший Брюсова «поэтом страсти».[1] И в самом деле, борясь с «малой любовью», с пошлыми «дачными страстями» буржуазно-мещанской действительности, Брюсов создает образы «героической страсти», возводит любовь до трагической высоты («Любовь», «И снова ты, и снова ты...», «Помпеянка» и др.). Иногда он умеет почувствовать в любви радостную связь человека с природой, с космической жизнью («Приветствие»). Особенно показательно для такого понимания любви стихотворение Брюсова «Habet illa in alvo» («Она понесла во чреве», 1902), прославляющее материнство. Риторичность этого стихотворения не мешает рассматривать его как показательное явление в поэзии Брюсова.

Тема всепобеждающей, всеопределяющей любви к женщине пронизывает поэтическое творчество Брюсова. Она во многом определяет и прозу поэта, в первую очередь — два больших его романа, построенных на историко-культурном и историческом материале — «Огненный ангел» и «Алтарь Победы». Любовь, какой она является в лирике Брюсова и в его романах, — это «буря роковая», «черная туча», трагический рок героя, стихийная и могучая сила, которая не терпит никакого сопротивления и требует беспредельной, рабской покорности и безграничных жертв.

Брюсов стремится возвысить любовь, показать в ней максимум красоты и силы. Для этого он в отдельных случаях окружает свои любовные сюжеты торжественными культовыми ассоциациями. Особенно показательны с этой точки зрения стихотворения из цикла «Мгновения» (сб. «Stephanos»). Герой-любовник изображается в этом цикле жрецом, любовница — жрицей, любовное ложе — окруженным серафимами, любовь уподобляется полету к «лазури звездной» и т. д.

Это отнюдь не значит, что Брюсову в разработке любовной темы всегда удавалось преодолеть декадентскую традицию. Украшения не меняли сущности опоэтизированной им любви, которая в его творчестве имела сложный и противоречивый характер. Более того, любовная лирика оказалась самым слабым и опасным участком в его поединке с буржуазно-мещанским миром. Любовная тема в поэзии Брюсова нередко искажалась под влиянием еще сохранившихся в нем декадентских пристрастий. Любовь лишалась тогда своей человеческой полноты и превращалась, как и в ранней брюсовской поэзии, в чувственность, в обнаженную эротику. В ряде

[1] А. Белый. Луг зеленый. М., 1910, стр. 200.

стихотворений Брюсов изображал любовь как страшную галлюцинацию, мучительство, пытку.

Высокая оценка любви как священного проявления человеческой природы в индивидуалистическом сознании Брюсова принимала чрезмерный характер, о чем уже говорилось. Инерция борьбы с «малой», прозаической любовью толкала Брюсова к поэтизации крайних выражений страсти. Такой максимализм страсти утверждается, например, в художественно совершенном и типичном для Брюсова стихотворении «Антоний» (1905). Тема этого стихотворения — известный рассказ о римском триумвире Антонии, который, ради того чтобы не расставаться со своей возлюбленной, царицей Клеопатрой, оставил свой флот в самый опасный момент и последовал за нею. В конце стихотворения Брюсов переводит тему в субъективный план и возводит поступок Антония в норму жизненного поведения своего лирического героя:

Как нимб, Любовь, твое сиянье
Над всеми, кто погиб любя!
Блажен, кто ведал посмеянье,
И стыд, и гибель — за тебя!

О, дай мне жребий тот же вынуть,
И в час, когда не кончен бой,
Как беглецу, корабль свой кинуть
Вслед за египетской кормой!

Однако, какие бы чрезмерные формы ни принимала любовь у героев Брюсова и у его лирического героя, это еще не есть достаточная причина, чтобы видеть в его поэзии беспредельную гегемонию эротической идеи. Здоровое гуманистическое начало в сознании Брюсова заставляло его противодействовать установлению этой гегемонии, сопротивляться ей и бунтовать против нее.

Одна из попыток такого восстания в герое регулирующего начала, поднявшегося на борьбу с необузданной эротикой, отражена в стихотворении «Цирцея». Но не менее яркое отражение победа героической воли над стихией изнурительной страсти и расслабляющей неги получила в «Возвращении» (1900), «Побеге» (1901), «Энее» (1908) — стихотворениях, в какой-то мере подготовлявших своим содержанием «Соловьиный сад» Блока.

Неприятие мещанской пошлости и механического бездушия городской цивилизации приводило Брюсова к мысли о *природе* как оздоровляющем начале. Зрелый Брюсов, забывая о своем раннем

враждебном отношении к природе, обращается к ней за помощью, ищет в общении с ней утраченную современным «аналитическим человеком» непосредственность и свежесть восприятия, цельность сознания («У земли», «Снова с тайной благодарностью. . .» и др.).

Стихотворения Брюсова о природе в художественном отношении не могут равняться с урбанистической или «антологической» его лирикой. И все же они характерны для Брюсова. Брюсов стремился возвысить природу так, как он возвышал близкую ей тему любви. Природа в ее обыденных проявлениях, в ее повседневности мало интересовала Брюсова тех лет. Наоборот, природа, которая своей «экзотичностью» или своим «космизмом» выходила из норм привычного среднерусского пейзажа, производила на него несравненно большее впечатление. В своих стихах он рассказывает в первую очередь именно об этой особенной, «усиленной» природе, о пейзажах Крыма, гранитах и мхах балтийских побережий и диких арктических льдах. Только в поздней лирике появляются у него картины обыденной русской природы.

В его циклах, посвященных природе, есть удачные и даже сильные стихотворения (например, «Приветствие»). И вместе с тем ясно, что Брюсову, поэту, сформированному городской культурой и замкнутому в ней, не всегда удавалось «заразиться» природой, войти в нее «изнутри», лирически. Его пейзажные стихи добросовестны и точны, но иногда вялы и суховаты, лишены подлинного внутреннего одушевления. По своей основополагающей идее направленные против декадентства, они были в известной мере обескровлены своим противником.

5

Особенности и противоречия поэзии Брюсова ярко проявились в его *политической лирике,* получившей широкое развитие с начала 900-х годов. В противоположность всем другим тематическим жанрам его поэзии, эти стихотворения возникли как непосредственный отклик на мимоидущие исторические события русской жизни. Именно в этих стихотворениях с особенной наглядностью отразилась связь Брюсова с современностью. Вместе с тем именно они представляют собой наиболее важную веху в эволюции его дооктябрьского творчества и служат показателем его роста.

Одной из самых существенных особенностей поэтического развития Брюсова являлось его неуклонное и последовательно возраставшее понимание своей причастности к текущему историче-

скому моменту. Несомненным преимуществом Брюсова перед многими современными ему писателями, и в первую очередь писателями индивидуалистического склада, следует признать также и то, что он видел грандиозность переживаемой эпохи. Недаром так раздражали Брюсова те «благоразумные» и самодовольные авторы, которые пытались отмахнуться от истории и притвориться, что в мире ничего не происходит.

Историзм в оценке современности, пафос истории, оглядка на историю составляли неотъемлемое и глубоко прогрессивное качество поэтического мышления Брюсова. И это тяготение его к истории было не только интеллектуальным, но и чувственно-созерцательным. Брюсов вступал с историей в сложные личные отношения и умел находить в ней, в протекающем историческом времени, особый лиризм. Без этого высоко развитого чувства истории Брюсов не ощутил бы обреченности буржуазного мира, и самый факт существования его политических стихов был бы невозможен.

Гражданская лирика Брюсова была одушевлена глубоким патриотизмом. Космополитические влияния раннего символизма не могли уничтожить в Брюсове «скрытой теплоты» национального чувства, его любви к родине. «Мой дед был крепостным, — писал он Перцову 20 декабря 1900 года. — Боже мой! Да ведь я знаю, чую, что каждую минуту во мне может проснуться та стихийная душа, родная — глыбе земли, которая создавала 1612 год, которая жива, которая образует то единое, обособленное и нам явное, близкое, понятное, что когда-то названо было Русь. . .» [1]

Большое значение для политического развития Брюсова имели уроки русско-японской войны 1904—1905 годов. Брюсов, недавний монархист и сторонник «великодержавия», [2] не сразу разглядел авантюрный, антинародный характер этой войны и вначале приветствовал ее в своих стихах («К Тихому океану», «К согражданам»). Вскоре он пересмотрел свои позиции.

Поражение русской армии убедительно продемонстрировало слабость и гнилость самодержавия. «Критика самодержавия со стороны всех передовых русских людей. . . — писал Ленин в статье о падении Порт-Артура, — подтверждена критикой японского ору-

[1] «Русский современник», 1924, № 4, стр. 229.

[2] Консервативная ориентация молодого Брюсова сказалась в «политических обозрениях», которые он вел в 1903 году в журнале символистов-неохристиан «Новый путь». Однако его работа по составлению этих «обозрений» продолжалась недолго и, в сущности, имела случайный характер: политикой в прямом смысле слова Брюсов того времени мало интересовался.

жия».[1] Этой критики оказалось совершенно достаточно, чтобы рассеять иллюзии Брюсова в отношении великодержавной России. Скомпрометированная российская государственность не выдержала сопоставления с героическим идеалом Брюсова. «Трусливое, лицемерное, всё и всюду уступающее правительство, — негодовал он в письме к Перцову от 24 сентября 1905 года. — Бывают побитые собаки: зрелище невеселое. Но побитый всероссийский император!»[2]

Разочарование Брюсова в самодержавии в период японской войны естественно перешло в горячее сочувствие революционным событиям 1905 года. Представлениям Брюсова о высоком и героическом, исходя из которых он оценил политику правительства как жалкую и бессильную, вполне отвечала героика русской революции. Ряд стихотворений из цикла «Современность», вошедшего в сборник «Stephanos» («Знакомая песнь», «Довольным», «Паломникам свободы», «К счастливым»), проникнут неподдельным революционным пафосом.

В этих стихотворениях Брюсов в какой-то мере уже подымается над классовым сознанием русской буржуазии, в частности над буржуазным либерализмом. «Насколько мне всегда была (и остается теперь) противна либеральная *болтовня,* — писал он Г. Чулкову в октябре 1905 года, — настолько мне по душе революционное *действие*».[3] И в письме к Перцову, написанном через полгода: «Да! кадеты торжествуют... Дума будет кадетской... Хочешь не хочешь, а изо дня в день будем слушать из Таврического дворца те же рассуждения, в которых с детства захлебывался на страницах «Русских ведомостей» и всего им подобного. Бррр... Я бы уже предпочитал лучше Думу социал-демократическую. Лучше Совет Рабочих Депутатов... чем Парламент с Родичевым...».[4] Конечно, услышать такие высказывания от буржуазных идеологов, полных страха перед революцией, было трудно.

Тем не менее, приветствуя революционные действия, Брюсов с беспокойством размышлял о том, что они могут привести к разрушению той культуры, с которой он был связан всей своей жиз-

---

[1] В. И. Ленин. Падение Порт-Артура. Сочинения, изд. 4-е, т. 8, стр. 34.

[2] «Печать и революция», 1926, № 7, стр. 44.

[3] Георгий Чулков. Годы странствий. М., 1930, стр. 335—336.

[4] Письмо от 22 марта 1906 г. — «Русский современник», 1924, № 4, стр. 235. Ф. И. Родичев — член Государственной Думы, один из организаторов кадетской партии.

нью. Здесь, казалось Брюсову, его высокий идеал, его представление о норме вступало в противоречие с проблемой его собственного существования, как носителя культуры. И внутреннее чувство Брюсова требовало, чтобы это противоречие было разрешено в пользу революции. Горячее, революционное стихотворение «Довольным», обращенное, как негодующий вызов, к той части общества, которая удовлетворилась «куцей конституцией» 1905 года, Брюсов оканчивает призывом к революционерам — «детям пламенного дня»:

На этих всех, довольных малым,
Вы, дети пламенного дня,
Восстаньте смерчем, смертным шквалом,
Крушите жизнь — и с ней меня!

Та же мысль звучит и в программном стихотворении Брюсова «Грядущие гунны», в котором известное буржуазное толкование революционного движения как силы чисто разрушительной совмещается с прославлением революции за то, что она приведет к сокрушению старого мира, обновлению человечества.

В непосредственном идейном родстве с «Грядущими гуннами» находится стихотворение «Близким» (1905). Идея этого стихотворения, адресованного революционерам, которых Брюсов назвал «близкими», выражена в его заключительном стихе:

Ломать — я буду с вами! строить — нет!

Хотя Брюсов не включил это стихотворение в собрание своих сочинений, то есть в конце концов отверг его, отойти по существу от этих позиций в то время ему не удалось. Восторженное отношение к революции оборачивалось в «Близких» непониманием «разума революции», ее созидательной, творческой, организующей воли. Недаром В. И. Ленин в одной из своих статей,[1] написанной по другому поводу, процитировав заключительную строчку этого стихотворения, назвал ее автора «поэтом-анархистом».

В самом деле, позицию Брюсова в революции 1905 года правильнее всего было бы назвать анархистской, следовательно — колеблющейся и неопределенной. По-анархистски он приветствовал революцию и вместе с тем по-анархистски же совмещал со-

---

[1] В. И. Ленин. Услышишь суд глупца. Сочинения, изд. 4-е, т. 11, стр. 428.

чувственное к ней отношение с враждебными выпадами против нее. Таким выпадом является полемическое выступление Брюсова по поводу статьи Ленина «Партийная организация и партийная литература». Оно показывает, что Брюсов не мог возвыситься до понимания ленинской мысли о том, что литература буржуазного общества, называющая себя свободной, на самом деле несвободна, зависит от «денежного мешка» и что истинно свободной может быть лишь литература, «открыто связанная с пролетариатом», литература, которая служит «десяткам миллионов трудящихся» (Ленин). Продолжая верить в мнимую свободу индивидуалистического искусства, заявляя о своем враждебном отношении к буржуазному обществу, Брюсов утверждал в то же время, что социал-демократия посягает на свободу искусства не меньше, чем эксплуататорские классы. Таким образом, его декларация о ненависти к капиталистическому порядку сочеталась с явным недоверием к той революционной силе, которая реально могла создать новый порядок.

Анархистский характер этого выступления Брюсова очевиден. Здесь, как и в стихотворении «Близким», Брюсов готов приветствовать в революции опять-таки лишь разрушительную ее сторону, сомневаясь в ее целях и идеалах.

Однако образом гуннов-разрушителей, имеющих высокое право на разрушение, не исчерпывалось представление Брюсова о революции. В его творческом сознании мелькает и другое — видение «нового мира», который должен возникнуть как осуществление положительных идеалов, выдвинутых освободительным движением. Речь идет о стихотворении «К счастливым» (1905). В этом стихотворении Брюсов возвращается на новой, революционно-гуманистической основе к своей излюбленной теме о будущем человечества. В результате нарисованный в «Замкнутых» мрачный образ бездушного, механического города уступает здесь место городу просветленному, блаженному. В стихотворении «К счастливым» Брюсов не отказывается от своего урбанизма, но рисует город будущего находящимся в дружеском союзе с природой («перед ликом неба», «чтоб листьев зелень осенью не блекла»), а людей, его населяющих, — «баловнями природы». И эта счастливая страна будущего изображается Брюсовым как апофеоз демократии, «свободы, братства, равенства» — великих принципов, благодаря которым мир будет «ни твой, ни мой, ничей, но общий дар идущих поколений».

В последних строфах этого стихотворения возникает тема, напоминающая заключение «Довольным» и «Грядущих гуннов».

В стихотворении «К счастливым» появляется мотив преодоления личного начала во имя обновления мира или будущего счастья «идущих поколений», но отчетливо звучавшая прежде трагическая нота здесь значительно ослаблена, трагедия доведена до просветляющего катарсиса:

...И ляжем мы в веках как перегной,
Мы все, кто ищет, верит, страстно дышит,
И этот гимн, в былом пропетый мной,
Я знаю, мир грядущий не услышит.

Мы станем сказкой, бредом, беглым сном,
Порой встающим тягостным кошмаром.
Они придут, как мы еще идем,
За всё заплатят им, — мы гибнем даром.

Но что ж! Пусть так! Клони меня, Судьба!
Дышать грядущим гордая услада!
И есть иль нет дороги сквозь гроба,
Я был! я есмь! мне вечности не надо!

Без сомнения, упомянутые здесь стихотворения отражают наивысший подъем революционных настроений Брюсова дооктябрьского периода. Брюсов не отступил в них от своего героизирующего метода и удачно использовал героические образы революционной истории человечества (Гармодий, Брут, Робеспьер, Марат). Эта особенность политических стихов Брюсова, их строгая монументальность и торжественность обусловливают их художественное своеобразие, выделяют их на фоне русской гражданской поэзии начала XX века. Стихи Брюсова о первой русской революции принадлежат к лучшему, что было написано на эту тему поэтами того времени.

6

Увлечение Брюсова революцией 1905 года было кратким, стихийным и внутренне противоречивым. Гражданская тема недолго противостояла в его поэзии темам личным, нейтральным в общественном отношении. Причины этой идейной неустойчивости Брюсова очевидны.

Русская революция потерпела поражение, и деятели революции были вынуждены продолжать свою борьбу подпольными ме-

тодами. В России торжествовала реакция. «...В столицах упадок духа большой, — писал Брюсов своему отцу в июне 1907 года. — Правительство закрывает чуть не все профессиональные союзы... Впечатление такое, что теперь не революционные дни, а самое суровое время царствования Александра III. Столыпин на все наступил пятой и ждет, скоро ли ему воздвигнут чугунный монумент».[1] В таких условиях символизм, лишившийся своей декадентской эпатирующей остроты, вполне естественно распространился в широких слоях буржуазной интеллигенции и в значительной мере был ассимилирован господствующей прессой.

Сделавшись всероссийски знаменитым поэтом, Брюсов был все еще связан с кругом московских эстетствующих литераторов: редактировал «Весы», руководил издательством «Скорпион» и «Обществом свободной эстетики». Реакционная обстановка и среда, окружавшая Брюсова, тормозили развитие прогрессивных тенденций в его мировоззрении, питали в нем индивидуалистические настроения и способствовали ослаблению его интереса к революции. Брюсов отошел от своих радикальных поэтических деклараций 1905 года и заметно поправел. Его совместная редакционная работа с кадетским лидером Петром Струве в буржуазном националистическом журнале «Русская мысль» не может быть признана вполне случайным фактом. Правда, Брюсов как редактор работал в «Русской мысли» сравнительно недолго, ограничивался редактированием литературно-художественных произведений и литературно-критических статей и не участвовал в политическом отделе журнала, но вместе с тем относился к этому отделу вполне сочувственно.[2] Признаки политического отступления обозначились и в лирике Брюсова (см. его стихотворение «Дух земли», 1907).

И тем не менее тот идейный и жизненный опыт, который накопил Брюсов в революционные годы, имел в его творческом развитии большое прогрессивное значение. Этот опыт вел Брюсова к дальнейшему сближению с внешним миром, к отказу от мистических увлечений (и в прежние годы довольно внешних) и стимулировал его отход от эстетической теории и практики символистов.

Брюсов решительно отрекается теперь от своей ориентирован-

---

[1] «Литературное наследство», № 15, 1934, стр. 212, 214.

[2] Об этом — в письмах Брюсова к П. Б. Струве от 30 января и 16 апреля 1911 г. — «Литературный архив», вып. 5. М. — Л., 1960, стр. 324, 339.

ной на Шопенгауэра статьи «Ключи тайн» (1904), которая являлась для него в свое время основополагающей эстетической декларацией. «Много там вздору, — писал он С. А. Венгерову 16 декабря 1910 года, — и давно я с этой статьей несогласен».[1] Брюсов вступил также (опять-таки в 1910 году) в резкую печатную полемику с «младшими символистами», возражая против их толкования символизма как религиозно-мистического искусства — «теургии». «. . .Настаивать, — утверждал Брюсов, защищая свою трезвую и скептическую точку зрения, — чтобы все поэты были непременно теургами, столь же нелепо, как настаивать, чтобы они все были членами Государственной Думы. А требовать, чтобы поэты перестали быть поэтами, дабы сделаться теургами, и того нелепее».[2]

Прежнее пристрастие Брюсова к субъективистской интуитивной эстетике сменяется у него интересом к позитивистским, «познавательным» теориям искусства Рене Гиля и Потебни. Он соглашается с ними в том, что «между наукой и искусством различие только в тех методах, какими они пользуются. Метод науки. . . — анализ; метод искусства — синтез, конечная же цель обоих — познание мира».[3]

«Стало яснее, — заявлял Брюсов в статье 1910 года, — что начало всякого искусства — наблюдение действительности. . .»[4] «Как только искусство отрывается от действительности, — писал он через несколько месяцев, — его создания лишаются плоти и крови, блёкнут и умирают. . . Молодая поэзия захотела летать в стране мечты, отказавшись от крыльев наблюдения. . . Отсюда ее безжизненность и ее подражательность. . . Когда художник не хочет наблюдать действительность, он невольно заменяет личные наблюдения подражанием другим художникам».[5]

---

[1] ИРЛИ, Фонд С. А. Венгерова.

[2] Валерий Брюсов. О «речи рабской», в защиту поэзии. — «Аполлон», 1910, № 9, стр. 33.

[3] Валерий Брюсов. Литературная жизнь Франции. Научная поэзия. — «Русская мысль», 1909, № 6, стр. 167. Влияние Потебни, его предшественников и его школы еще определеннее чувствуется в позднейшей статье Брюсова «Синтетика поэзии» (сб. «Проблемы поэзии». М., 1925).

[4] Валерий Брюсов. Рецензия на сб. Н. Гумилева «Жемчуга». М., 1910. — «Русская мысль», 1910, № 7, стр. 206; вошла в книгу критических статей Брюсова «Далекие и близкие». М., 1912.

[5] Валерий Брюсов. Новые сборники стихов. — «Русская мысль», 1911, № 2, стр. 230. Также в кн. «Далекие и близкие».

В этих декларациях обозначился прогрессивный сдвиг в развитии эстетических взглядов Брюсова. К тому же декадентское окружение начинало его тяготить и раздражать. «...Хотя извне я и кажусь главарем тех, кого по старой памяти называют нашими декадентами, — писал Брюсов Е. А. Ляцкому еще в 1907 году, — но в действительности среди них я — как заложник в неприятельском лагере. Давно уже все, что я пишу, и все, что я говорю, решительно не по душе литературным моим сотоварищам, а мне, признаться, не очень нравится то, что пишут и говорят они». [1]

Новые позиции Брюсова отразились в его очередных лирических сборниках: «Все напевы» (1909), «Зеркало теней» (1912), «Семь цветов радуги» (1916), «Девятая камена» (1916—1917; отдельным изданием не вышла) и «Последние мечты» (1917—1919; в этот сборник не вошли гражданские стихи Брюсова тех лет). Названные книги соответствуют *третьему этапу* литературного пути поэта.

Как уже было сказано, мотивы душевного и духовного ущерба все еще занимали в лирике Брюсова видное место. Все еще раздавались в ней голоса разочарования, слабости, усталости, покорности и одиночества. С большой силой продолжала звучать в стихах Брюсова тема болезненно переживаемой любви. Все это для брюсовской поэзии эпохи реакции далеко не случайные и очень характерные явления. Но все же не в них следует видеть главные отличительные особенности творчества поэта тех лет.

Лирика Брюсова, усвоившая опыт, который приобрел поэт в предшествующие годы, изменилась по своей идейно-художественной структуре. Она уже не выглядела такой торжественной и приподнятой. Не превратившись в реалистическую поэзию, она сделалась эмпиричней. В большей мере, чем до сих пор, она насыщалась бытовыми деталями, психологией, стала более конкретной и отчасти даже «обиходной».

Особенно наглядно этот процесс обнаружился в изменении образов двух основных персонажей брюсовской лирики: лирического «героя» и «героини».

Прежде Брюсов изображал своего героя, украшая его, в обличии «жреца», «отрока темноглазого», или «жертвы», испытавшей «крестные муки» своей страсти, или в «объективных» образах классической и восточной древности. Теперь образ героя начи-

[1] «Новый мир», 1932, № 2, стр. 191.

нает обрастать эмпирическими подробностями. У него оказывается «жемчужный иней в усах» или борода, чернеющая «на наволочке белой», он носит уже не жезл, а «связку астр». Героиня, являвшаяся в прежних стихах Брюсова «менадой», «царицей», таинственной любовницей, также становится обыденнее и проще. Она превращается в женщину, с которой можно познакомиться не в «царстве пламенного Ра», а на концерте, слушая сонату, и пройти вместе не мимо пирамиды и даже не по улицам старого Кёльна, а просто через фойе. Предельного развития эти черты нового женского образа брюсовской поэзии достигают в стихотворении «Женский портрет» (1913), включенном в сборник «Семь цветов радуги». В «Женском портрете» героиня изображается исправляющей корректурные гранки.

В лирике Брюсова укрепляются бодрые, жизнелюбивые мотивы. Развиваясь параллельно с пессимистической, ущербной темой, они мало-помалу оттесняют ее и берут над нею перевес.

В этом смысле существенную роль получают в поэзии Брюсова образы, проникнутые пафосом произрастания, плодородия, творческих сил природы. Бодрая направленность таких стихотворений Брюсова, как «Жизнь» (1907) или «П. И. Постникову» (1916; ср. стихотворение «К Деметре»), очевидна. В этих стихотворениях господствует мысль о могуществе природной жизни, своего рода «биологический оптимизм».

Еще большее значение приобрела у Брюсова тема человека как завоевателя природы, неутомимого труженика и вдохновенного созидателя. Героизированный образ человека-строителя лег в основу одического стихотворения «Хвала человеку» (1906). Забота о судьбе человека на земле и во вселенной не покидает поэта. «Человечество, — писал Брюсов, — пока тратит свою жизнь как беспечный юноша... Как много очередных задач перед человечеством, всем понятных простейших, не говоря о более сложных. До́лжно на земле оросить пустыни, осушить болота, утеплить холодные страны, прорыть каналы... А что сделано человечеством, чтобы занять достойное положение в семье обитателей нашей солнечной системы?»[1] Легко понять, как далеко от декадентского индивидуализма уводили Брюсова эти гуманистические мысли.

Почвой приведенных здесь размышлений Брюсова служил его восторженный интерес к успехам *науки и техники*. В этом отноше-

---

[1] В. Брюсов. Miscellanea. — Сб. «Эпоха», кн. 1. М., 1918, стр. 222.

нии не случайным являлось соприкосновение некоторых сторон брюсовской поэзии с творчеством такого представителя европейского научно-фантастического жанра, как Жюль Верн, — традиция для русской стиховой культуры совершенно необычайная. С этой точки зрения даже юношеские стихотворные опыты Брюсова, связанные с историей науки, например стихотворение о французском изобретателе Д. Папине, представляют собой весьма показательное явление. В зрелый период жизни Брюсова его страстное и взволнованное отношение к научному и техническому прогрессу в настоящем и мечта о безмерных завоеваниях науки в будущем отразились в его поэзии еще ярче и последовательней. Достаточно сослаться хотя бы на те стихотворения Брюсова, в которых он прославляет авиацию или, подымаясь до подлинного лиризма, выражает надежду на сближение с гипотетическими обитателями соседних планет («Кому-то», «Сын земли», «Детские упования»). В наше время, когда человеческому гению удалось проложить первые пути в космическое пространство, нельзя не вспомнить, с какой увлеченностью, с какой упорной и горячей верой задумывался Брюсов об установлении связи «маленькой Земли» с другими далекими мирами, ее «сестрами» во вселенной:

И, сын земли, единый из бессчетных,
Я в бесконечное бросаю стих, —
К тем существам, телесным иль бесплотным,
Что мыслят, что живут в мирах иных.

Не знаю, как мой зов достигнет цели,
Не знаю, кто привет мой донесет,
Но, если те любили и скорбели,
Но, если те мечтали в свой черед

И жадной мыслью погружались в тайны,
Следя лучи, горящие вдали, —
Они поймут мой голос неслучайный,
Мой страстный вздох, домчавшийся с земли.

(«Сын земли»)

На фоне характерных для эстетствующей буржуазной интеллигенции сибаритских настроений резко выделяется неизменное уважение Брюсова к *человеческому труду*. Труд осмыслялся Брюсовым как высокая норма, как творческое, оздоровляющее и освежающее начало в жизни. Брюсов прославляет труд уже в 1901 го-

ду в стихотворении «Работа». Он мыслил труд в общечеловеческих масштабах как огромную, почти космическую ценность, как великую преемственность бесчисленного числа поколений и основу их единения с природой («Век за веком»).

В дальнейшем к теме труда Брюсов возвращается с еще большей настойчивостью. В 1917 году он пишет стихотворение под прежним названием «Работа», а в 1919 году — оду «Труд». Не удивительно, что и революционную Россию он приветствовал в первую очередь как республику свободного труда («Праздник труда»).

Тема труда связана у Брюсова с темой *поэтического творчества.* Даже музу свою Брюсов, нарушая этикет «высокой поэзии», решается сравнить с пашущим волом, которого он, как погонщик, понукает кнутом:

Вперед, мечта, мой верный вол!
Неволей, если не охотой!
Я близ тебя, мой кнут тяжел,
Я сам тружусь, и ты работай!

(«В ответ»)

Это дерзкое сравнение в высокой степени соответствовало взглядам зрелого Брюсова на поэзию. В представлении таких символистов, как Бальмонт, Вячеслав Иванов, Андрей Белый, поэт является «жрецом», «теургом», владеющим «магией слов», а поэзия — фактом иррациональным, результатом таинственного вдохновения, наития. Отсюда — распространенное у некоторых символистов, свойственное представителям так называемого «чистого искусства», презрение к литературному профессионализму, к «писательству». Один из теоретиков группы «Весов», Эллис, утверждал, например, что «писатель» — гнусное слово, происходящее от взгляда на творчество с механической точки зрения».[1] На иных позициях стоял Брюсов. Настойчиво подчеркивая мысль о высоком значении поэзии, он считал вместе с тем, что одним «вдохновением» и «наитием» поэт не проживет. Поэт — «пророк», но одновременно и работник, ремесленник, мастер своего дела. Поэзия — «пророчество», но, кроме того, и упорная работа и, как всякая работа, требует квалификации и предварительной выучки. «Творчество поэта, — писал Брюсов, полемизируя с Бальмонтом, — не есть какое-то безвольное умоисступление, но сознательный, в выс-

---

[1] Из письма Эллиса (Л. Л. Кобылинского) к Блоку 1906—1908 гг. (фонд Блока. ЦГАЛИ).

шем значении этого слова, труд...»[1] Именно в этих взглядах нужно искать объяснение огромного интереса Брюсова к «технике стиха» и его большой теоретической работы в области русского стихосложения. И вместе с тем именно эти взгляды дают возможность правильно истолковать мысли Брюсова о литературном обучении начинающих авторов, а также его практическую деятельность советского времени по организации такого обучения.

Рассматривая поэзию Брюсова предоктябрьского десятилетия, не следует преувеличивать значение ее общественно-гуманистического содержания. Разумеется, героическая тема человека — искателя и созидателя, пафос труда и науки подымают Брюсова над уровнем салонной эстетской литературы. Но буржуазно-индивидуалистическое мировоззрение еще сохраняет над ним свою власть. Особенно резко оно дает себя знать в первые годы мировой войны, характерные сильнейшей активизацией империалистической идеологии. Шовинистский азарт, распространившийся не только среди модернистов, но и среди многих писателей демократического склада, в период первоначального нарастания военных событий, коснулся и Брюсова. Об этом свидетельствует ряд его стихотворений, посвященных войне. Патриотическое чувство Брюсова было искажено в них, как и во время русско-японской войны, влиянием шовинизма.

Военные стихотворения Брюсова 1914—1915 годов, составляющие основу его «батальной поэзии» того времени, собраны им в трех отделах «Семи цветов радуги». В художественном отношении они не подымаются над средним уровнем современной им «патриотической лирики». Да и на фоне брюсовской поэзии они не представляют собой принципиально нового явления.

Поэзия Брюсова в годы войны во многих отношениях находилась в состоянии кризиса. Ее темы заметно мельчали. Монументальность грозила превратиться в ней в эстетизм. В сборнике «Семь цветов радуги» появился ряд «камерных», эмоционально приглушенных стихотворений-миниатюр, поэтизирующих мелкие обиходные явления быта («На санках», «На лыжах», «Крот»). Некоторые из них не отличались от распространенной тогда в литературе массовой стихотворной продукции, предназначенной для рядового буржуазного потребителя. Характерны сентиментальные названия «детских» стихотворений Брюсова: «Девочка с куклой», «Девочка и ангел», «Девочка с цветами», «Вербная суббота»,

---

[1] В. Брюсов. Право на работу. — «Утро России», 1913, № 190, 18 августа.

«Квартет» (стихотворение о крокете), «Две головки», «Детская площадка», «Детская спевка», «Колыбельная». Все эти особенности лирики Брюсова 10-х годов сближали ее с творчеством молодых поэтов, которые накануне мировой войны провозгласили себя представителями нового направления в поэзии — акмеизма.

К этому времени стали обнаруживаться «усталость», убыль поэтических сил Брюсова, его творческое истощение. Уже во «Всех напевах» даже благожелательная Брюсову критика усматривала повторы, «реминисценции из самого себя», хотя эта книга принадлежала еще к лучшим созданиям поэта. В его дальнейших сборниках количество этих перепевов и готовых стилистических формул, «общих мест», резко увеличилось.

Брюсов не останавливается, например, перед шаблонным сравнением поэзии с венком, который состоит из роз, но в котором есть и шипы («Близкой», 1907). Он отваживается сказать про героиню, что она «как лань пуглива» («Женский портрет», 1913). В духе все тех же трафаретов Брюсов сравнивал страдание с крестными муками, звезды — с жемчугом, уста именовал милыми, любовь — роковой, обман — сладостным, поэта — магом, иногда вещим магом, и т. д.

Неблагополучие этих сравнений и эпитетов заключалось не только в том, что они сами по себе были широко распространены, но главным образом в том, что смысл, который Брюсов вкладывал в них, уже не обогащал литературу. Подобные стилистические и смысловые штампы, конечно, тормозили движение брюсовской поэзии к большому социальному миру и лишали ее художественной свежести. Поэтическое слово может сохранять свою эстетическую действенность лишь постольку, поскольку за ним стоит новое, раскрываемое поэзией содержание. Именно так обстояло дело в период расцвета брюсовского творчества. Но как только содержание было «завоевано», как только Брюсов перестал «открывать» его, а довольствовался, в основном, лишь вариациями на старые темы, — все эти формулы «высокого стиля» стали мертвыми декорациями, пышными, но оторванными от жизни украшениями.

Разбирая так называемую «военную поэзию», наводнившую русскую периодическую печать 1914 года, Маяковский в качестве одного из образцов этой поэзии цитировал стихи Брюсова:

Не врошены ль в былое все мы,
Иль в твой волшебный мир, Уэльс?
Не блещут ли *мечи* и *шлемы*
Над *стрелами* звенящих рельс?

«„Мечи“, „шлемы“ и т. д., — возмущался Маяковский, — разве можно подобными словами петь сегодняшнюю войну? Ведь это язык седобородого свидетеля крестовых походов...» [1]

И тем не менее ни шовинистические увлечения, ни тенденция к эстетизации, ни тяготение к камерным темам не подчинили себе лирику Брюсова целиком. Широта и размах творческого мышления Брюсова, его историзм, сознание обреченности старого мира предохранили его от того идейного банкротства, к которому в дни Октября пришли многие из окружавших его поэтов-индивидуалистов.

К концу империалистической войны Брюсов начинает понимать ее во всем ее ужасном содержании и возвышает против нее свой голос («Тридцатый месяц», 1917). Разочарование в войне, которая «обострила глубоко таившиеся противоречия и вывела их наружу, разорвав все лицемерные покровы», [2] идеологически подготовило Брюсова к Октябрьской революции.

Важно отметить, что именно к этому времени — к концу войны — относится весьма активное участие Брюсова в издательских начинаниях Горького. Именно тогда Брюсов переводил латышских и финских поэтов и, совместно с Горьким, редактировал посвященные им сборники (сборник армянской поэзии был организован независимо от Горького). Тогда же Брюсов становится сотрудником горьковского журнала «Летопись», выступавшего против войны. И дружественное, трудовое общение обоих писателей возникло отнюдь не случайно. В этом легко убеждают признания Горького в его письмах к Брюсову. Так, например, в письме 1915 года Горький называет Брюсова «товарищем по работе на пользу русской культуры», [3] а через год пишет еще более определенно: «Мне кажется, что нам — судьба работать вместе; по крайней мере, я очень хотел бы Вашей помощи, Вашего доброго совета во всех моих затеях». [4] Свой вывод он дает в следующем письме: «Очень хочется работать с Вами много и долго. И — это не комплимент, поверьте! — я не знаю в русской литературе человека более деятельного, чем Вы. Превосходный Вы работник!» И тут же прибав-

---

[1] В. Маяковский. Война и язык (1914). Полное собрание сочинений в двенадцати томах, т. 1. М., 1939, стр. 374.

[2] В. И. Ленин. Мертвый шовинизм и живой социализм. Сочинения, изд. 4-е, т. 21, стр. 81.

[3] «Печать и революция», 1928, кн. 5, стр. 58. Письмо от 17 декабря 1915 г.

[4] М. Горький. Собрание сочинений, т. 29, стр. 376.

ляет: «Вы — поэт божией милостью, что б ни говорили и ни писали люди „умственные"». [1]

Конечно, эти высокие оценки и сотрудничество с Горьким являются в идейной биографии Брюсова фактом показательным и значительным.

7

Процесс идейно-политического расслоения русской интеллигенции, резко усилившийся под влиянием событий 1905—1907 годов, в период Октябрьской революции приобрел бурный и острый характер. Часть интеллигенции, наиболее прочно связанная с буржуазным миром, примкнула к активным или пассивным врагам революционного народа. Другая ее часть выжидала и колебалась между двумя станами. Но среди старой русской интеллигенции существовала и такая группа, которая сразу же после Октября соединила свою судьбу с судьбой победившей революции. «Как и всякий другой класс современного общества, — писал об этих закономерностях Ленин, — пролетариат не только вырабатывает свою собственную интеллигенцию, но он берет также сторонников из числа всех и всяких образованных людей». [2]

К этим лучшим представителям интеллигенции примкнул и Брюсов. Великая Октябрьская социалистическая революция явилась для него ни с чем не соизмеримым событием, раскрывшим в его жизни и творчестве совершенно новые горизонты.

В противоположность большинству буржуазных интеллигентов, Брюсов понял всю грандиозность происходящих перемен очень скоро после Октябрьского переворота. В повседневных событиях революционной действительности Брюсов мог воочию наблюдать ту героику, которую он сумел оценить еще в 1905 году и которую так напряженно искал всю свою жизнь. Революция покорила Брюсова своими масштабами, размахом и могуществом. Он увидел в ней реальное воплощение величия и пафоса, которые до того времени поэтически представлял чаще всего в образах прошлого. Поэтому отклик его на революцию был внутренне закономерен. Он продумал и оценил идеи Октябрьской революции и приветствовал ее. Более того, он не удовольствовался ролью пассивного «благожелателя» революции и, вступив в 1920 году в Коммунистическую партию, до самой своей смерти (он умер 9 октября

---

[1] М. Горький. Собрание сочинений, т. 29, стр. 380.
[2] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 6, стр. 176.

1924 года) принимал непосредственное участие в культурном строительстве революционного общества.

Эта практическая деятельность Брюсова была широкой и разнообразной. Он заведовал Книжной палатой в Москве, отделом научных библиотек Наркомпроса, а позже, опять-таки в Наркомпросе, руководил Литературным отделом (Лито). Он работал на ответственных должностях в Главпрофобре и в Государственном ученом совете.

В своих воспоминаниях о Брюсове А. В. Луначарский называет его необыкновенно точным исполнителем. «Добросовестность, — рассказывает Луначарский, — вот что бросалось в нем как в сотруднике нашем по Наркомпросу. Широкой инициативы он не проявлял. Эта инициатива отводилась у него целиком в его богатое поэтическое творчество. Она вылилась тоже на почве художественного образования в России, но не столько в его «чиновничьей» работе, сколько в работе живой, педагогической...». [1]

В самом деле, послеоктябрьская деятельность Брюсова была особенно плодотворной и приносила ему большое моральное удовлетворение именно в области педагогической. Главной удачей и заслугой Брюсова в сфере педагогической работы следует считать организацию в 1921 году Высшего литературно-художественного института. Этот институт предназначался для подготовки молодых писательских кадров и являлся воплощением давней мысли Брюсова о необходимости профессионального образования для писателей. Брюсов не только создал свой институт, но, в качестве его ректора, внимательно руководил им, заботился об укреплении его и улучшении его работы. Однако преподавательская деятельность Брюсова в стенах Литературного института заслуживает еще большего внимания, чем административно-педагогическая. По своей многогранности и объему она представляла собой необычное явление. Достаточно сказать, что Брюсов читал в институте курсы истории русской, греческой и римской литературы, «энциклопедии стиха», сравнительной грамматики индоевропейских языков, латинского языка и даже истории математики. Кроме того, он преподавал в Московском университете, в Коммунистической академии и в Институте слова.

Политическое самоопределение Брюсова оказало глубокое воздействие на его мировоззрение. «Я считаю, — писал он неза-

---

[1] А. Луначарский. Силуэты русских писателей. М. — Л., 1925, стр. 172.

долго до смерти, — что около 1917 года закончился один, совершенно явный период как моей жизни, так и моих литературных работ. Нет сомнения, что я, как, конечно, и всякий сколько-нибудь мыслящий человек, немало менялся за сорок с лишком лет своей жизни, так что и в том, что я писал до 1917 года, можно, при желании, усмотреть ряд «периодов». Но для меня столь же несомненно, что великие события конца 10-х годов, Европейская война и Октябрьская революция побудили меня в самой основе, в самом корне пересмотреть все свое мировоззрение. Переворот 1917 года был глубочайшим переворотом и для меня лично: по крайней мере, я сам вижу себя совершенно иным до этой грани и после нее. Сколько могу судить, это резким образом сказывается не только на том, что́ я писал после 1917 года, но и на том, ка́к я писал». [1]

Одной из особенностей этой радикальной идейной перестройки Брюсова являлась ее сознательность и планомерность. Брюсов понимал, что революция требует «всего человека», и он работал над собой во всех сферах своей духовной жизни, постепенно ориентируя их — с переменным и неравномерным успехом — на революционное марксистское мировоззрение.

Конечно, в результате этого сдвига позиция Брюсова в литературе глубоко изменилась.

На основании его статей и рецензий, напечатанных на страницах советских журналов, прежде всего можно сделать вывод, что его давно уже подготовлявшийся отход от символизма в эти годы окончательно определился. В статьях и рецензиях, о которых идет речь, он подвергает резкой критике своих прежних соратников по символизму — Сологуба, Бальмонта, Белого, Вяч. Иванова и самые принципы, лежащие в основе их творчества. Столь же решительно он осуждает в этих статьях и акмеистов, обвиняя их в оторванности «от общественной жизни, от интересов социальных и политических. . . от поисков современного миросозерцания».

Совсем другое отношение вызывает в Брюсове футуристическая поэзия — Маяковский, Хлебников, Асеев. Признавая основной «задачей» русского футуризма прежде всего языковую реформу, Брюсов был далек от того, чтобы видеть в нем универсальную поэтическую систему, которая может претендовать на будущее. Тем не менее Брюсов считал, что достижения советской поэзии

---

[1] Из предисловия В. Брюсова к его сочинениям, которые предполагало выпустить издательство З. И. Гржебина. — «Литературное наследство», № 27—28, 1937, стр. 472.

первого революционного пятилетия измеряются именно работой футуристов. Именно их поэзия, полагал Брюсов, не только со стороны своей формы, но и со стороны содержания включившаяся в революционную современность, наиболее отвечает потребностям момента.

Среди основных поэтических направлений, привлекавших внимание Брюсова после Октября, едва ли не наибольший интерес вызывала в нем пролетарская поэзия. Брюсов отнюдь не идеализировал творчество пролетарских поэтов. И вместе с тем он был уверен, что они ярче, чем представители какого-либо другого литературного течения, выразят новое мировоззрение революционной эпохи. Если Брюсов называл символизм литературным прошлым, а футуризм — настоящим, то в пролетарской поэзии он видел первые полувнятные намеки на литературное будущее.

И все же эти взгляды Брюсова не привели его к признанию за пролетарскими поэтами монопольного права на творческое водительство, которое признавалось за ними теоретиками Пролеткульта. Дробление литературы на группы решительно не привлекало Брюсова. Более того, он видел в падении групповых барьеров и в слиянии литературы в общем русле одну из предпосылок ее успешного творческого роста. «Разные течения нашей литературы, — писал Брюсов, — в близком будущем должны будут слиться в одном широком потоке».[1] Как в этом, так и в некоторых других высказываниях, касающихся определения характера и задач советской литературы, Брюсов приблизился к тем теоретическим положениям, которые легли в основу ее дальнейшего развития. «Наши дни, — писал он, например, в 1921 году, — всего правильнее называть эпохой творчества... Поэзия прежних периодов, эпох самовластья, знала лишь пафос протеста или пафос уединения и раздумья; теперь поэтам предстоит явить новый пафос творчества».[2]

Идейная эволюция Брюсова, вставшего на этот новый для него путь, большой и честный труд его как поэта, критика, ученого, педагога и общественного деятеля не прошли незаметно. В конце 1923 года советская общественность торжественно отпраздновала его пятидесятилетний юбилей, а Советское правительство, в лице Всероссийского Центрального Исполнительного Коми-

---

[1] В. Брюсов. Смысл современной поэзии. — «Художественное слово», кн. 2. М., 1921, стр. 46.

[2] Там же, стр. 45.

тета, в особой грамоте отметило его заслуги перед страной и выразило ему благодарность.

Послеоктябрьские революционные стихи Брюсова открывают *четвертый,* последний период развития его поэзии. Этот период представлен сборниками «В такие дни» (1921), «Миг» (1922), «Дали» (1922) и вышедшим в 1924 году, уже после смерти автора, «Меа» (т. е. «Спеши»).

Поэзия Брюсова советского периода отразила поворот в его мировоззрении, трудности, вызванные идейной перестройкой, и напряженные поиски новых художественных форм.

На основании таких стихотворений, как «России», «Третья осень», «Только русский», можно заключить, что Брюсов, прославляя революцию, особенно выделял в ней ее национальную сторону, героику и силу. Октябрь был воспринят Брюсовым как национальное возрождение и возвышение родины. Революция и Россия сливались в сознании Брюсова.

Высокий подъем революционного патриотизма, пережитый Брюсовым в то время, и оживление демократических симпатий поэта не подлежат сомнению. Брюсов почувствовал в революции то созидательное, организующее трудовое начало, которое привлекало его с давних пор. Легко представить, какие огромные идейные возможности возникли перед поэзией Брюсова при таком подходе поэта к революционной действительности. Брюсов показал себя способным проникаться и заражаться волей к созиданию и строительству, которую несли в себе революционные массы русского народа. С наибольшей убедительностью это сказалось в стихотворении «Оклики» (1921), посвященном победе советской страны над разрухой.

Брюсова восхищали великие цели революции и великие дела поднятого ею народа. И это величие открывалось ему не только в грандиозных событиях и образах истории. Брюсову удавалось разглядеть его в будничных, повседневных, бытовых проявлениях народной жизни. Устремленность Брюсова к народу, к улице, к толпе, глубокий и чуждый аристократического эстетизма интерес к ней и понимание ее нового, революционного «языка» ярко отразились в стихотворении «Только русский».

Здесь, как и в других стихах о революции, наметилась вполне конкретная возможность органического сближения Брюсова с новой строящейся жизнью. Действительность старой России была «неправой и некрасивой», и Брюсов уходил от нее в прошлое и облагораживал ее реальное содержание поэтическими средствами. Советская Россия, как уже отмечалось, предстала Брюсову «рес-

публикой труда», хозяином которой сделался «свободный человек», сумевший создать «новый пламенный язык». Естественно, что традиционный для Брюсова метод — отвлечения, идеализации и украшений — в этом новом мире лишался своего прежнего основания, хотя в те годы к нему и прибегали многие революционно настроенные поэты. Молодая страна, только что принявшая в себя великую идею, не нуждалась в привнесенных поэзией прикрасах и требовала изображения правдивого, точного, эстетически целомудренного.

В стихотворении «Только русский» такой подход к изображению действительности выражен вполне отчетливо. В «Третьей осени» он обнаруживается еще рельефнее. Образ хмурой и героической России третьего года революции раскрывается здесь правдиво, конкретно и жизненно. «Третья осень»— одно из бесспорных достижений Брюсова в изображении революционной действительности. Но из общей массы его послеоктябрьских стихотворений типу «Третьей осени» соответствуют немногие. Остальные основаны на ином эстетическом принципе.

Торжественность и абстрактность поэтики Брюсова, значительно смягченные в период «Семи цветов радуги», возрождаются в этих стихотворениях. Отдаваясь инерции своего прежнего стиля, Брюсов решается, например, изобразить Советскую Россию в «венце рубинном и сапфирном», который «превыше туч пронзил лазурь», или сказать, что облик этой новой России «реет властной чарой». Цель, к которой стремятся революционные народы, названа Брюсовым «великой всеобщей лазурностью». Революцию он именует «циклоном», влекущим мир на свой суд, или, употребляя свои излюбленные религиозно-культовые образы, — «огненной купелью», «красным псалмом» и т. п.

Этот стиль не соответствовал внутренним потребностям эпохи, не выражал ее сущности и не мог способствовать обновлению брюсовской поэзии. Отвлеченность художественного метода осталась «творческим проклятием» Брюсова. Показав себя в жизни полезным, деятельным и честным советским работником, Брюсов в своей поэзии лишь в редких случаях действительно приближался к явлениям и интересам революционного времени в полноте его неповторимого и конкретного творческого содержания. В результате многие из его стихотворных откликов на революцию получились риторическими и маловыразительными.

В последние годы жизни немало сил и труда отдал Брюсов тому, что он называл *«научной поэзией»*. Работая над построением этой поэзии, он во многом опирался на Рене Гиля, с которым

когда-то поддерживал оживленные литературные связи, и на французских авторов, сочувствовавших Гилю и разделявших его эстетические взгляды.[1] Брюсов настойчиво доказывал право этой поэзии на существование, и, воскрешая ломоносовскую традицию, создавал многочисленные образцы стихотворений, соответствовавших его замыслу.

Отличительный признак «научной поэзии», в понимании Брюсова, заключался в ее специфической тематике. Лирические размышления о прошлом и будущем человечества и вселенной, о преемственности культур, о роли личности в круговороте мировых сил, о теории относительности, об электроне, об обитаемости звезд и возможности сношений с ними, о проблеме жизни и смерти — вот круг тем, разрабатываемых Брюсовым в его последних стихах. Стихи эти пестрели именами людей науки и содержали в себе целый арсенал названий и терминов из области истории, географии, математики, астрономии, биологии, вплоть до химических формул. Нельзя не отметить проявившуюся в этих стихах эрудицию и широту мысли. Самая идея включения в сферу поэзии научного материала должна быть признана плодотворной и богатой перспективами. Поворот внимания к поэтической стороне науки, опыт воссоздания на современной основе синкретического поэтически-научного мышления, которое было известно античным философам, историкам, поэтам и, более других, Лукрецию Кару, — неоспоримая заслуга Брюсова.

Но тем не менее его «научные стихи» являются всего лишь опытами, поисками новых творческих путей. К тому же и система философских решений, положенная в основу этих стихов, не имела у Брюсова устойчивого характера и не вполне совпадала с его стремлением усвоить идеологию революционного марксизма. В стихотворениях Брюсова, относящихся к «научному циклу», мы найдем следы идеализма и пессимизма, которые показывают, что Брюсову не удалось перестроить свое мировоззрение до конца.

Оценивая «научную поэзию» Брюсова, следует принять во внимание и ее художественные формы. Ориентация на «научное содержание» с его специфическим словарным и образным выражением сочеталась в ней с энергичными попытками переработать всю структуру, весь интонационный и языковой тип стиховой

---

[1] Большая сочувственная статья Брюсова о Рене Гиле была напечатана в «Весах» (1904, № 12). Общая характеристика «научной поэзии» во Франции дана Брюсовым в статье «Литературная жизнь Франции. Научная поэзия». — «Русская мысль», 1909, № 6.

речи. Брюсов намеренно строил эти стихи на принципе стилистической и ритмической какофонии, которая должна была отменить гармоническую основу русской поэзии предшествующих периодов. Вместе с тем, в противовес символистской поэзии, отличавшейся расточительным отношением к словесному материалу, Брюсов выдвигает в стихах своих последних сборников принцип максимального сгущения слова, предельного лаконизма. Эти реформистские попытки в большинстве случаев носили формалистический характер, стимулировались желанием поэта создать ощутимую, «остраненную» форму ради нее самой и, следовательно, не могли привести к подлинному успеху. Нарочито затрудненные, искусственно затемненные, перегруженные эрудицией «научные стихи» Брюсова получались громоздкими, чрезвычайно трудными для понимания и не были восприняты советским читателем.

Последние стихотворения Брюсова, если брать их в целом, трудно признать удачей поэта. И все же не только с их общим совершенно бесспорным тематическим замыслом, но — во многих частностях — и с осуществлением этого замысла следует серьезно считаться: искания Брюсова в этих стихотворениях представляют несомненный интерес, и сами неудачи его поучительны. И даже независимо от поэтических результатов, которых добивался Брюсов в этот период, весь характер и пафос его творческой работы, проявившиеся в его заключительных сборниках, заслуживают удивления и уважения. Брюсов начинал и продолжал свою литературную деятельность как смелый новатор, обогативший русское поэтическое творчество многими достижениями, и закончил ее, — находясь уже на исходе своих сил и своих дней, — отважным экспериментом.

«Сознавая все свои недостатки и ошибки, — говорил Брюсов на своем юбилее в 1923 году, — я все-таки недаром делал тот путь, по которому я прошел».[1] И Брюсов был прав. Литературный путь его представляется в высокой степени знаменательным. Брюсов вступил в литературу вождем «новой поэзии», впитавшей в себя атмосферу «страшного мира» — последних стадий существования капитализма на земле. Брюсов прошел сквозь строй сложной и бурной эпохи. И жизнь, развернувшая перед ним две войны и три революции, показавшая ему и мрачную «столыпинскую» реак-

[1] В. Я. Брюсов. Ответная речь. Сб. «Валерию Брюсову», М., 1924, стр. 57.

цию, и годы небывалого всенародного подъема, многому его научила. Она помогла ему в преодолении декадентства, субъективизма и скепсиса. Она укрепляла в нем трезвое отношение к миру, все прочнее и прочнее связывала его с прогрессивными общественными силами. Она обнажила перед ним ущербность и дряхлость эксплуататорской цивилизации. Она, наконец, подготовила его к самому значительному шагу, который он сделал, — к разрыву с обществом, заканчивающим свой исторический цикл, и к переходу в лагерь революции.

Поэзия Брюсова, отразившая все этапы его идейного развития и значительно обогатившая русскую литературу XX века, заслуживает нашего пристального внимания и глубокого изучения.

Д. Максимов

JUVENILIA

1892—1894

ПРОЛОГ

СОНЕТ К ФОРМЕ

Есть тонкие властительные связи
Меж контуром и запахом цветка.
Так бриллиант невидим нам, пока
Под гранями не оживет в алмазе.

Так образы изменчивых фантазий,
Бегущие, как в небе облака,
Окаменев, живут потом века
В отточенной и завершенной фразе.

И я хочу, чтоб все мои мечты,
Дошедшие до слова и до света,
Нашли себе желанные черты.

Пускай мой друг, разрезав том поэта,
Упьется в нем и прелестью сонета
И буквами спокойной красоты!

Между 6 и 9 июня 1894

ОСЕННЕЕ ЧУВСТВО

Гаснут розовые краски
В бледном отблеске луны;
Замерзают в льдинах сказки
О страданиях весны;

Светлых вымыслов развязки
В черный креп облечены,
И на празднествах все пляски
Ликом смерти смущены.

Под лучами юной грезы
Не цветут созвучий розы
На куртинах Красоты,

И сквозь окна снов бессвязных
Не встречают звезд алмазных
Утомленные мечты.

19 февраля 1893

ТВОРЧЕСТВО

Тень несозданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.

Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине.

И прозрачные киоски,
В звонко-звучной тишине,
Вырастают, словно блестки,
При лазоревой луне.

Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне...
Звуки реют полусонно,
Звуки ластятся ко мне.

Тайны созданных созданий
С лаской ластятся ко мне,
И трепещет тень латаний
На эмалевой стене.

1 марта 1895

* * *

Умер великий Пан

Она в густой траве запряталась ничком,
Еще полна любви, уже полна стыдом.
Ей слышен трубный звук: то император пленный
Выносит варварам регалии Равенны;
Ей слышен чей-то стон, — как будто плачет лес;
То голоса ли нимф, то голос ли небес,
Но внемлют вместе с ней безмолвные поляны:
Богиня умерла, нет более Дианы!

3 октября 1894

ОТВЕРЖЕННЫЙ ГЕРОЙ

Памяти Дениса Папина

В серебряной пыли полуночная влага
Пленяет отдыхом усталые мечты,
И в зыбкой тишине речного саркофага
Отверженный герой не слышит клеветы.

Не проклинай людей! Настанет трепет, стоны
Вновь будут искренни, молитвы горячи,
Смутится яркий день, — и солнечной короны
Заблещут в полутьме священные лучи!

1894

ПЕРВЫЕ МЕЧТЫ

* * *

Мы встретились с нею случайно,
И робко мечтал я об ней,
Но долго заветная тайна
Таилась в печали моей.

Но раз в золотое мгновенье
Я высказал тайну свою;
Я видел румянец смущенья,
Услышал в ответ я «люблю».

И вспыхнули трепетно взоры,
И губы слилися в одно.
Вот старая сказка, которой
Быть юной всегда суждено.

27 апреля 1893

* * *

Мечты, как лентами, словами
Во вздохе слез оплетены.
Мелькают призраки над нами
И недосказанные сны.

О чем нам грезилось тревожно,
О чем молчали мы вдвоем,
Воскресло тенью невозможной
На фоне бледно-золотом.

И мы дрожим, и мы не знаем...
Мы ищем звуков и границ
И тусклым лепетом встречаем
Мерцанье вспыхнувших зарниц.

19 ноября 1894, 20 декабря 1895

НОВЫЕ ГРЕЗЫ

* * *

В тени задремавшего парка
«Люблю» мне шепнула она.
Луна серебрилась так ярко,
Так зыбко дрожала волна.

Но миг этот не был желанным,
Мечты мои реяли прочь,
И всё мне казалось обманным,
Банальным, как лунная ночь.

Сливая уста в поцелуе,
Я помнил далекие сны,
Другие сверкавшие струи,
Иное мерцанье луны.

6 августа 1893

* * *

Звезды закрыли ресницы,
Ночь завернулась в туман;
Тянутся грез вереницы,
В сердце любовь и обман.

Кто-то во мраке тоскует,
Чьи-то рыданья звучат;
Память былое рисует,
В сердце — насмешки и яд.

Тени забытой упреки...
Ласки недавней обман...
Звезды немые далеки,
Ночь завернулась в туман.

2 апреля 1893

МЕЧТЫ О ПОМЕРКШЕМ

Мечты о померкшем, мечты о былом,
К чему вы теперь? Неужели
С венком флёрдоранжа, с венчальным венком
Сплели стебельки иммортели?

Мечты о померкшем, мечты о былом,
К чему вы на брачной постели
Повисли гирляндой во мраке ночном,
Гирляндой цветов иммортели?

Мечты о померкшем, мечты о былом,
К чему вы душой овладели,
К чему вы трепещете в сердце моем
На брачной веселой постели?

13 марта 1894

CHEFS D'ŒUVRE

1894—1896

СТИХИ О ЛЮБВИ

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Моя любовь — палящий полдень Явы,
Как сон разлит смертельный аромат,
Там ящеры, зрачки прикрыв, лежат,
Здесь по стволам свиваются удавы.

И ты вошла в неумолимый сад
Для отдыха, для сладостной забавы?
Цветы дрожат, сильнее дышат травы,
Чарует всё, всё выдыхает яд.

Идем: я здесь! Мы будем наслаждаться, —
Играть, блуждать, в венках из орхидей,
Тела сплетать, как пара жадных змей!

День проскользнет. Глаза твои смежатся.
То будет смерть. — И саваном лиан
Я обовью твой неподвижный стан.

25 ноября 1894

ТЕНИ

Сладострастные тени на темной постели окружили,
легли, притаились, манят.
Наклоняются груди, сгибаются спины, веет жгучий,
тягучий, глухой аромат.

И, без силы подняться, без воли прижаться и вдавить
свои пальцы в округлости плеч,
Точно труп наблюдаю бесстыдные тени в раздражающем
блеске курящихся свеч;
Наблюдаю в мерцаньи колен изваянья, беломраморность
бедер, оттенки волос...
А дымящее пламя взвивается в вихре и сливает тела в
разноцветный хаос.

О, далекое утро на вспененном взморье, странно-алые
краски стыдливой зари!
О, весенние звуки в серебряном сердце и твой
сказочно-ласковый образ, Мари!
Это утро за ночью, за мигом признания, перламутрово-
чистое утро любви,
Это утро, и воздух, и солнце, и чайки, и везде — точно
отблеск — улыбки твои!
Озаренный, смущенный, ребенок влюбленный, я
бессильно плыву в безграничности грез...
А дымящее пламя взвивается в вихре и сливает мечты
в разноцветный хаос.

1895

ВСЁ КОНЧЕНО...

Всё кончено: меж нами связи нет.
А. Пушкин

Эта светлая ночь, эта тихая ночь,
Эти улицы, узкие, длинные!
Я спешу, я бегу, убегаю я прочь,
Прохожу тротуары пустынные.
Я не в силах восторга мечты превозмочь,
Повторяю напевы старинные,
И спешу, и бегу, — а прозрачная ночь
Стелет тени, манящие, длинные.

Мы с тобой разошлись навсегда, навсегда!
Что за мысль несказанная, странная!
Без тебя и наступят и минут года,
Вереница неясно туманная.

Не сойдемся мы вновь никогда, никогда.
    О любимая, вечно желанная!
Мы расстались с тобой навсегда, навсегда...
    Навсегда? Что за мысль несказанная!

Сколько сладости есть в тайной муке мечты.
    Этой мукой я сердце баюкаю,
В этой муке нашел я родник красоты,
    Упиваюсь изысканной мукою.
«Никогда мы не будем вдвоем, — я и ты...»
    И на грани пред вечной разлукою
Я восторгов ищу в тайной муке мечты,
    Я восторгами сердце баюкаю.

14 ноября 1895

ПОЦЕЛУИ

Здесь, в гостиной полутемной,
Под навесом кисеи
Так заманчивы и скромны
Поцелуи без любви.

Это — камень в пенном море,
Голый камень на волнах,
Над которым светят зори
В лучезарных небесах.

Это — спящая принцесса,
С ожиданьем на лице,
Посреди глухого леса
В очарованном дворце.

Это — маленькая фея,
Что на утренней заре,
В свете солнечном бледнея,
Тонет в топком янтаре.

Здесь, в гостиной полутемной,
Белы складки кисеи,
И так чисты, и так скромны
Поцелуи без любви.

30 октября 1895

КРИПТОМЕРИИ

В НОЧНОЙ ПОЛУМГЛЕ

В ночной полумгле, в атмосфере
Пьянящих, томящих духов,
Смотрел я на синий альков,
Мечтал о лесах криптомерий.

И вот — я лежу в полусне
На мху первобытного бора;
С мерцаньем прикрытого взора
Подруга прильнула ко мне.

Мы тешились оба охотой:
Гонялись за пестрым дроздом.
Потом, утомленно, вдвоем
Забылись недолгой дремотой.

Но чу! что за шелест лиан?
Опять вау-вау проказа?
Нет, нет! два блестящие глаза...
Подруга! мой лук! мой колчан!

Встревоженный шёпот: «Валерий!
Ты бредишь. Скажи, что с тобой?
Мне страшно!» — Альков голубой
Сменяет хвою криптомерий.

Февраль 1895

ОПЯТЬ СОН

Мне опять приснились дебри,
Глушь пустынь, заката тишь.
Желтый лев крадется к зебре
Через травы и камыш.

Предо мной стволы упрямо
В небо ветви вознесли.
Слышу шаг гиппопотама,
Заросль мнущего вдали.

На утесе безопасен,
Весь я — зренье, весь я — слух.
Но виденья старых басен
Возмущают слабый дух.

Крылья огненного змея
Не затмят ли вдруг закат?
Не взлетит ли, искры сея,
Он над нами, смерти рад?

Из камней не выйдет вдруг ли
Племя карликов ко мне?
Обращая ветки в угли,
Лес не встанет ли в огне?

Месяц вышел. Громче шорох.
Зебра мчится вдалеке.
Лев, взрывая листьев ворох,
Тупо тянется к реке.

Дали сумрачны и глухи.
Хруст слышнее. Страшно. Ведь
Кто же знает: это ль духи
Иль пещеры царь — медведь!

1895

НА ЖУРЧАЩЕЙ ГОДАВЕРИ

Лист широкий, лист банана,
На журчащей Годавери,
Тихим утром — рано, рано —
Помоги любви и вере!

Орхидеи и мимозы
Унося по сонным волнам,
Осуши надеждой слезы,
Сохрани венок мой полным.

И когда, в дали тумана,
Потеряю я из виду
Лист широкий, лист банана,
Я молиться в поле выйду;

В честь твою, богиня Счастья,
В честь твою, суровый Кама,
Серьги, кольца и запястья
Положу пред входом храма.

Лист широкий, лист банана,
Если ж ты обронишь ношу,
Тихим утром — рано, рано —
Амулеты все я сброшу.

По журчащей Годавери
Я пойду, верна печали,
И к безумной баядере
Снизойдет богиня Кали!

15 ноября 1894

НА ОСТРОВАХ ПАСХИ

Раздумье знахаря-заклинателя

Лишь только закат над волнами
Погаснет огнем запоздалым,
Блуждаю один я меж вами,
Брожу по рассеченным скалам.

И вы, в стороне от дороги,
Застывши на каменной груде,
Стоите, недвижны и строги,
Немые, громадные люди.

Лица мне не видно в тумане,
Но знаю, что страшно и строго.
Шепчу я слова заклинаний,
Молю неизвестного бога.

И много тревожит вопросов:
Кто создал семью великанов?
Кто высек людей из утесов,
Поставил их стражей туманов?

Мы кто? — Жалкий род без названья!
Добыча нам — малые рыбы!
Не нам превращать в изваянья
Камней твердогрудые глыбы!

Иное — могучее племя
Здесь грозно когда-то царило,
Но скрыло бегучее время
Всё то, что свершилось, что было.

О прошлом никто не споет нам.
Но грозно, на каменной груде,
Стоите, в молчаньи дремотном,
Вы, страшные, древние люди!

Храня океан и утесы,
Вы немы навек, исполины!..
О, если б на наши вопросы
Вы дали ответ хоть единый!

И только, когда над волнами
Даль гаснет огнем запоздалым,
Блуждаю один я меж вами,
По древним, рассеченным скалам.

15 января 1895

ХОЛМ ПОКИНУТЫХ СВЯТЫНЬ

МОЯ МЕЧТА

Моей мечте люб кругозор пустынь,
Она в степях блуждает вольной серной,
Ей чужд покой окованных рабынь,
Ей скучен путь проложенный и мерный.
Но, встретив Холм Покинутых Святынь,
Она дрожит в тревоге суеверной,
Стоит, глядит, не шелохнет травой,
И прочь идет с поникшей головой.

23 июня 1895

ЖРЕЦ

Бронзовая статуэтка

Далекий Сириус, холодный и немой!
Из ночи в ночь надменно
Сверкаешь ты над сумрачной землей,
Царишь над бедственной вселенной.

Владыка Сириус, не внемлющий мольбам,
Непобедимый мститель!
Пред алтарем ненужный фимиам
Тебе затеплил твой служитель.

Ты чужд нам, Сириус! но твой холодный луч
Сжигает наши жатвы.
Губи меня! и отравляй! и мучь!
И отвергай с презреньем клятвы!

Тебе, о Сириус, не знающий людей,
Я возношу моленья
Среди толпы, и в хижине своей,
И в миг последний упоенья!

Между 27 февраля и 22 марта 1895

В ПРОШЛОМ

Ты не ведала слов отреченья.
Опустивши задумчивый взор,
Точно в церковь ты шла на мученья,
Обнаженной забыла позор.

Вся полна неизменной печали,
Прислонилась ты молча к столбу, —
И соломой тебя увенчали,
И клеймо наложили на лбу.

А потом, когда смели бичами
Это детское тело терзать,
Вся в крови поднята палачами,
«Я люблю» ты хотела сказать.

1894

В БУДУЩЕМ

Я лежал в аромате азалий,
Я дремал в музыкальной тиши,
И скользнуло дыханье печали,
Дуновенье прекрасной души.

Где-то там, на какой-то планете,
Без надежды томилася ты,
И ко мне через много столетий
Долетели больные мечты.

Уловил я созвучные звуки,
Мне родные томленья постиг,
И меж гранями вечной разлуки
Мы душою слилися на миг.

9 августа 1895

БУДНИ

ТУМАННЫЕ НОЧИ

Вся дрожа, я стою на подъезде
Перед дверью, куда я вошла накануне,
И в печальные строфы слагаются буквы созвездий.
О, туманные ночи в палящем июне!

Там, вот там, на закрытой террасе
Надо мной наклонялись зажженные очи,
Дорогие черты, искаженные в страстной гримасе.
О, туманные ночи! туманные ночи!

Вот и тайна земных наслаждений...
Но такой ли ее я ждала накануне!
Я дрожу от стыда — я смеюсь! Вы солгали мне, тени!
Вы солгали, туманные ночи в июне!

12—13 августа 1895

ПОДРУГИ

Три женщины, грязные, пьяные,
Обнявшись, идут и шатаются.
Дрожат колокольни туманные,
Кресты у церквей наклоняются.

Заслышавши речи бессвязные,
На хриплые песни похожие,
Смеются извозчики праздные,
Сторонятся грубо прохожие.

Идут они, грязные, пьяные,
Поют свои песни, ругаются...
И горестно церкви туманные
Пред ними крестами склоняются.

27 сентября 1895

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Серебро, огни и блестки, —
Целый мир из серебра!
В жемчугах горят березки,
Черно-голые вчера.

Это — область чьей-то грезы,
Это — призраки и сны!
Все предметы старой прозы
Волшебством озарены.

Экипажи, пешеходы,
На лазури белый дым.
Жизнь людей и жизнь природы
Полны новым и святым.

Воплощение мечтаний,
Всемогущего игра,
Этот мир очарований,
Этот мир из серебра!

21 января 1895

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ

Весь город в серебряном блеске
От бледно-серебряных крыш, —
А там, на ее занавеске,
Повисла Летучая Мышь.

Мерцает неслышно лампада,
Белеет открытая грудь...
Всё небо мне шепчет: «Не надо»,
Но Мышь повторяет: «Забудь!»

Покорен губительной власти,
Близ окон брожу, опьянен.
Дрожат мои руки от страсти,
В ушах моих шум веретен.

Весь город в серебряном блеске
От бледно-серебряных крыш,
А там у нее — к занавеске
Приникла Летучая Мышь.

Вот губы сложились в заклятье...
О девы! довольно вам прясть!
Все шумы исчезнут в объятьи,
В твоем поцелуе, о страсть!

Лицом на седой подоконник,
На камень холодный упав,
Я вновь — твой поэт и поклонник,
Царица позорных забав!

Весь город в серебряном блеске
От бледно-серебряных крыш,
А там — у нее, с занавески, —
Хохочет Летучая Мышь!

27 сентября 1895

НОЧЬЮ

Дремлет Москва, словно самка спящего страуса,
Грязные крылья по темной почве раскинуты,
Кругло-тяжелые веки безжизненно сдвинуты,
Тянется шея — беззвучная, черная Яуза.

Чуешь себя в африканской пустыне на роздыхе.
Чу! что за шум? не летят ли арабские всадники?
Нет! качая грузными крыльями в воздухе,
То приближаются хищные птицы — стервятники.

Падали запах знаком крылатым разбойникам,
Грозен голос близкого к жизни возмездия.
Встанешь, глядишь... а они всё кружат над
покойником,
В небе ж тропическом ярко сверкают созвездия.

20 июня 1895

СУМАСШЕДШИЙ

Чтоб меня не увидел никто,
На прогулках я прячусь, как трус,
Приподняв воротник у пальто
И на брови надвинув картуз.

Я встречаю нагие тела,
Посинелые в рыхлом снегу,
Я минуты убийств стерегу
И смеюсь беспощадно с угла.

Я спускаюсь к реке. Под мостом
Выбираю угрюмый сугроб.
И могилу копаю я в нем,
И ложусь в приготовленный гроб.

Загорается дом... и другой...
Вот весь город пылает в огне...
Но любуюсь на блеск дорогой
Только я — в ледяной тишине.

А потом, отряхнувши пальто,
Принадвинув картуз на глаза,
Я бегу в неживые леса...
И не гонится сзади никто!

17 января 1895

ЧАСЫ ДНЕЙ

* * *

Когда былые дни я вижу сквозь туман,
Мне кажется всегда — то не мое былое,
А лишь прочитанный восторженный роман.

И странно мне теперь, в томительном покое,
Припомнить блеск побед и боль заживших ран:
И сердце, и мечты, и всё во мне — иное...

Напрасен поздний зов когда-то милых лиц,
Не воскресить мечты, мелькнувшей и прожитой, —
От горя и любви остался ряд страниц!

И я иду вперед дорогою открытой,
Вокруг меня темно, а сзади блеск зарниц...
Но неизменен путь звезды ее орбитой.

1895

MÉDITATIONS[1]

* * *

Тонкой, но частою сеткой
Завтрашний день отделен.
Мир так ничтожен, и редко
Виден нам весь небосклон.

---

[1] Раздумья (франц.). — *Ред.*

В страхе оглянешься: — Тени,
Призраки, голос «иди!»...
Гнутся невольно колени,
Плещут молитвы в груди.

Плакать и биться устанешь;
В сердце скрывая укор,
На небо черное взглянешь...
С неба скользнет метеор.

14 декабря 1894

* * *

Облегчи нам страдания, боже!
Мы, как звери, вгнездились в пещеры —
Жестко наше гранитное ложе,
Душно нам без лучей и без веры.

Самоцветные камни блистают,
Вдаль уходят колонн вереницы,
Из холодных щелей выползают
Саламандры, ужи и мокрицы.

Наши язвы наполнены гноем,
Наше тело на падаль похоже...
О, простри над могильным покоем
Покрывало последнее, боже!

15 декабря 1894

* * *

Свиваются бледные тени,
Видения ночи беззвездной,
И молча над сумрачной бездной
Качаются наши ступени.

Друзья! Мы спустились до края!
Стоим над разверзнутой бездной —
Мы, путники ночи беззвездной,
Искатели смутного рая.

Мы верили нашей дороге,
Мечтались нам отблески рая...
И вот — неподвижны — у края
Стоим мы в стыде и тревоге.

Неверное только движенье,
Хоть шаг по заветной дороге, —
И нет ни стыда, ни тревоги,
И вечно, и вечно паденье!

Качается лестница тише,
Мерцает звезда на мгновенье,
Послышится ль голос спасенья:
Откуда — из бездны иль свыше?

18 февраля 1895

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

БЕЛЫЕ КЛАВИШИ

Белые клавиши в сердце моем
Робко стонали под грубыми пальцами,
Думы скитались в просторе пустом,
Память безмолвно раскрыла альбом,
Тяжкий альбом, где вседневно страдальцами
Пишутся строфы о счастье былом...

Смеха я жаждал, хотя б и притворного,
Дерзкого смеха и пьяных речей.
В жалких восторгах бесстыдных ночей
Отблески есть животворных лучей,
Светит любовь и в позоре позорного.

В темную залу вхожу, одинок,
Путник безвременный, гость неожиданный.
Лица еще не расселись в кружок...
Вид необычный и призрак невиданный:
Слабым корсетом не стянут испорченный стан,
Косы упали свободно, лицо без румян.

«Девочка, знаешь, мне тяжко, мне как-то
рыдается,
Сядь близ меня, потолкуем с тобой, как
друзья...»
Взоры ее поднялись, удивленье тая.
Что-то в душе просыпается,
Что-то и ей вспоминается...
Это — ты! Это — я!

Белые клавиши в сердце моем
Стонут и плачут, живут под ударами,
Думы встают и кричат о былом,
Память дрожит, уронивши альбом,
Тяжкий альбом, переполненный старыми
Снами, мечтами о счастье святом!

Плачь! я не вынесу смеха притворного!
Плачь! я не вынесу дерзких речей!
Здесь ли, во мраке бесстыдных ночей,
Должен я встретить один из лучей
Лучшего прошлого, дня благотворного!

Робко, как вор, выхожу, одинок,
Путник безвременный, гость убегающий.
С ласковой лаской скользит ветерок,
Месяц выходит с улыбкой мигающей.
Город шумит, и мой дом недалек...
Блекни в сознаньи, последний венок!
Что мне до жизни чужой и страдающей!

21 августа 1895

ME EUM ESSE

1896—1897

НОВЫЕ ЗАВЕТЫ

* * *

Как царство белого снега,
Моя душа холодна.
Какая странная нега
В мире холодного сна!
Как царство белого снега,
Моя душа холодна.

Проходят бледные тени,
Подобны чарам волхва,
Звучат и клятвы, и пени,
Любви и победы слова...
Проходят бледные тени,
Подобные чарам волхва.

А я всегда, неизменно,
Молюсь неземной красоте;
Я чужд тревогам вселенной,
Отдавшись холодной мечте.
Отдавшись мечте, — неизменно
Я молюсь неземной красоте.

23 марта 1896

ЮНОМУ ПОЭТУ

Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее — область поэта.

Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.

Юноша бледный со взором смущенным!
Если ты примешь моих три завета,
Молча паду я бойцом побежденным,
Зная, что в мире оставлю поэта.

15 июля 1896

МУЧИТЕЛЬНЫЙ ДАР

И ношусь, крылатый вздох,
Меж землей и небесами.

Е. Баратынский

Мучительный дар даровали мне боги,
Поставив меня на таинственной грани.
И вот я блуждаю в безумной тревоге,
И вот я томлюсь от больных ожиданий.

Нездешнего мира мне слышатся звуки,
Шаги эвменид и пророчества ламий...
Но тщетно с мольбой простираю я руки, —
Невидимо стены стоят между нами.

Земля мне чужда, небеса недоступны,
Мечты навсегда, навсегда невозможны.
Мои упованья пред миром преступны,
Мои вдохновенья пред небом ничтожны!

25 октября 1895

IL BACIO

Есть древняя чистая ласка,
Прекрасней, чем буйная страсть:
Есть ласка святая, как сказка,
И есть в ней нездешняя власть.

Ее неземное значенье
Не тот на земле разгадал,
Кто, в дикой игре наслажденья,
Любовницы грудь целовал;

Не тот, кто за дымкой прозрачной
Ловил очарованный взгляд
И после в уста новобрачной
Вливал обольстительный яд.

Но кто уловил, хоть однажды,
Таинственный зов чистоты,
Ничем не обманет он жажды
Своей озаренной мечты.

Он будет блуждать и томиться,
Искать отражений во мгле,
И прошлому свету молиться,
И жить неземным на земле.

Но в нашем вседневном тумане
Мечтам повторения — нет,
И только за гранью желаний
Мы встретим желанный ответ!

27 ноября 1895

ПО ПОВОДУ «CHEFS D'ŒUVRE»[1]

Ты приняла мою книгу с улыбкой,
Бедную книгу мою...
Верь мне: давно я считаю ошибкой
Бедную книгу мою.

[1] Лучшее (франц.). — *Ред.*

Нет! не читай этих вымыслов диких,
Ярких и странных картин:
Правду их образов, тайно великих,
Я прозреваю один.

О, этот ропот больных искушений,
Хохот и стоны менад!
То — к неземному земные ступени,
Взгляд — до разлуки — назад.

Вижу, из сумрака вышедши к свету,
Путь свой к лучам золотым;
Ты же на детскую долю не сетуй:
Детям их отблеск незрим!

Так! не читай этих вымыслов диких,
Брось эту книгу мою:
Правду страниц ее, тайно великих,
Я, покоряясь, таю.

15 июля 1896

ВИДЕНИЯ

ВЕСНА

Белая роза дышала на тонком стебле.
Девушка вензель чертила на зимнем стекле.

Голуби реяли смутно сквозь призрачный снег.
Грезы томили всё утро предчувствием нег.

Девушка долго и долго ждала у окна.
Где-то за морем тогда расцветала весна.

Вечер настал, и земное утешилось сном.
Девушка плакала ночью в тиши, — но о ком?

Белая роза увяла без слез в эту ночь.
Голуби утром мелькнули — и кинулись прочь.

8 января 1896

НА БУЛЬВАРЕ

С опущенным взором, в пелериночке белой,
Она мимо нас мелькнула несмело, —
С опущенным взором, в пелериночке белой.

Это было на улице, серой и пыльной,
Где деревья бульвара склонялись бессильно,
Это было на улице серой и пыльной.

И только небо — всегда голубое —
Сияло прекрасное, в строгом покое,
Одно лишь небо, всегда голубое!

Мы стояли с тобой молчаливо и смутно...
Волновалась улица жизнью минутной.
Мы стояли с тобой молчаливо и смутно.

22 апреля 1896

ВЕТВИ

Ветви склонялись в мое окно,
Под ветром гнулись, тянулись в окно,
И занавеска, дрожа, томясь,
На белой ленте ко мне рвалась;
Но я смотрел в окно мимо них,
Мой взор погасал в небесах голубых.

— Там, где движенья и страсти нет,
Там вечно светит нетленный свет;
О чем мы бредим во сне, сквозь сон,
Тем мир незримо всегда напоен;
Красота и смерть неизменно одно...
А ветви гнутся и рвутся в окно.

19 июня 1896

МГНОВЕНИЯ

* * *

И снова бредешь ты в толпе неизменной,
Исполнен желаний земных.
Мгновения тайны, как тайна, мгновенны,
И сердце не вспомнит об них.

Она у окна, утомленно больная,
Глядит на бледнеющий день;
И ближе, и ближе — ночная, земная,
Всегда сладострастная тень.

27 апреля 1896

СКИТАНИЯ

* * *

Четкие линии гор;
Бледно-неверное море...
Гаснет восторженный взор,
Тонет в бессильном просторе.

Создал я в тайных мечтах
Мир идеальной природы, —
Чтó перед ним этот прах:
Степи, и скалы, и воды!

12 июня 1896
Ореанда

* * *

О, плачьте, о, плачьте
До радостных слез!
— Высоко на мачте
Мелькает матрос.

За гранью страданий
Есть новые дни.
— Над морем в тумане
Сверкнули огни.

Желанья — как воды,
Страданья — маяк...
— Плывут пароходы
В таинственный мрак.

20 сентября 1896
Новороссийск

* * *

Есть что-то позорное в мощи природы,
Немая вражда к лучам красоты:
Над миром скал проносятся годы,
Но вечен только мир мечты.

Пускай же грозит океан неизменный,
Пусть гордо спят ледяные хребты:
Настанет день конца для вселенной,
И вечен только мир мечты.

Июль 1896
Крым

* * *

Спит вагон, мерцает газ,
Поезд мчит, уносит нас.
Бесконечна даль полей,
Месяц горестный над ней.

С Юга, с Юга — в мир снегов
Мчится поезд мертвецов.
Смотрит месяц к нам в окно,
Только мертвым — всё равно!

1896

* * *

Мы ехали долго, без цели, куда-то,
Куда-то далёко, вперед, без возврата...
Поспешно мелькали кусты,
Вставали березы, поля убегали,
Сурово стучали под нами мосты.

Мы ехали долго. Нам дождь повстречался
И долго в оконные стекла стучался,
Угрюмо пророча печаль...
Но мы ускользнули за области бури
И к чистой лазури мы ринулись вдаль!

1896

НЕНУЖНАЯ ЛЮБОВЬ

* * *

Сквозь туман таинственный
Голос слышу вновь,
Голос твой единственный,
Юная любовь!

Тихо наклоняется
Призрак надо мной,
Призрак улыбается,
Бледный и земной.

Вот зажглись жемчужные
Звезды в небесах,
И слова ненужные
Снова на устах!

10 июля 1896

* * *

Я помню вечер, бледно-скромный,
Цветы усталых георгин,
И детский взор, — он мне напомнил
Глаза египетских богинь.

Нет, я не знаю жизни смутной:
Горят огни, шумит толпа, —
В моих мечтах — Твои минуты:
Твои мемфисские глаза.

22 июля 1896

* * *

Побледневшие звезды дрожали,
Трепетала листва тополей,
И, как тихая греза печали,
Ты прошла по заветной аллее.

По аллее прошла ты и скрылась...
Я дождался желанной зари,
И туманная грусть озарилась
Серебристою рифмой Марии.

24 июня 1896

* * *

Это было безумие грезы,
Невозможное полное счастье.
В мире бледных желаний и прозы
Прозвеневшие струны бесстрастья.

Не ища ни привета, ни встречи,
Но в томленьи волшебной отрады
Я ловил ее дальние речи,
Мимолетно-случайные взгляды.

Неизвестный, осмеянный, странный,
Я изведал безмерное счастье, —
Наслаждаться мечтой несказанной
И свободным восторгом бесстрастья.

27 августа 1896

АНГЕЛ БЛЕДНЫЙ

Ангел бледный, синеглазый,
Ты идешь во мгле аллеи.
Звезд вечерние алмазы
Над тобой горят светлее.
Ангел бледный, озаренный
Бледным светом фонаря,
Ты стоишь в тени зеленой,
Грезой с ночью говоря.

Ангел бледный, легкокрылый,
К нам отпущенный на землю!
Грез твоих я шёпот милый
Чутким слухом чутко внемлю.
Ангел бледный, утомленный
Слишком ярким светом дня,
Ты стоишь в тени зеленой,
Ты не знаешь про меня.

Звезды ярки, как алмаза
Грани, в тверди слишком синей.
Скалы старого Кавказа
Дремлют в царственной пустыне.
Здесь, где Демон камень темный
Огневой слезой прожег, —
Ангел бледный! — гимн нескромный
Я тебе не спеть не мог!

Июль 1896, 1910

* * *

Мы бродили, вдвоем и печальны,
Между тонких высоких стволов,
Беспощадные, жадные тайны
Нас томили, томили без слов.
Мы бродили, вдвоем и печальны,
Между тонких высоких стволов...

Желтоватый, безжизненный месяц
Над лугами взошел и застыл,
Мир теней — утомлен и невесел —
К отдаленным кустам отступил.
Желтоватый, безжизненный месяц
За стволами взошел и застыл.

Ты хотела сказать... Невозможным
Диссонансом раздались слова:
Стебельки закачались тревожно,
Трепеща зашептала трава,
Диссонансом больным, невозможным
В тишине прозвучали слова.

И опять — набегающий сумрак
Отуманил молчанье кругом.
Отдаваясь мучительным думам,
Мы брели в полумраке лесном,
И безжизненный месяц — угрюмо —
Озарял нас с тобою вдвоем.

10 августа 1896
Пятигорск

* * *

Это матовым вечером мая
Ты так горько шепнула «твоя!»,
Что с тех пор я томлюсь, вспоминая,
Что и нынче волнуюся я.

С этих пор я боюсь трепетанья
Предзакатных, манящих лучей,

Мне томительны сны и желанья,
Мне мучителен сумрак ночей;

Я одною мечтою волнуем:
Умирать, не поверив мечтам,
Но пред смертью припасть поцелуем
К дорогим побледневшим губам.

9 сентября 1896
Москва

ВЕЯНЬЕ СМЕРТИ

* * *

Последний день
Сверкал мне в очи.
Последней ночи
Встречал я тень.

А. Полежаев

И ночи, и дни примелькались,
Как дольные тени волхву.
В безжизненном мире живу,
Живыми лишь думы остались.

И нет никого на земле
С ласкающим, горестным взглядом,
Кто б в этой томительной мгле
Томился и мучился рядом.

Часы неизменно идут,
Идут и минуты считают...
О, стук перекрестных минут!
— Так медленно гроб забивают.

Январь 1896

* * *

После ночи бессонной,
После тягостных дум,
Странен звон отдаленный,
Гармонический шум.

Полутьма не редеет,
И декабрьская ночь
Словно медлит, не смеет,
Отодвинуться прочь.

Сумрак дум без просвета.
Темны дали судьбы.
Я не знаю ответа
На призыв, на мольбы.

Всё грядущее грозно,
Нет надежды в былом,
Беспощадное «поздно»
Прозвучало, как гром.

Эти слезы невольны:
Это — стоны души...
Чу! призыв колокольный
Вырастает в тиши.

1895

ПОСВ. ***

Мне снилось: мертвенно-бессильный,
Почти жилец земли могильной,
Я глухо близился к концу.

И бывший друг пришел к кровати
И, бормоча слова проклятий,
Меня ударил по лицу.

26 июня 1895

* * *

...Я вернулся на яркую землю,
Меж людей, как в тумане, брожу,
И шумящему говору внемлю,
И в горящие взоры гляжу.

Но за ропотом снежной метели,
И под шёпот ласкающих слов —
Не забыл я полей асфоделей,
Залетейских немых берегов.

И в сияньи земных отражений
Мне всё грезятся — ночью и днем —
Проходящие смутные тени,
Озаренные тусклым огнем.

21 января 1896

* * *

Я бы умер с тайной радостью
    В час, когда взойдет луна.
Овевает странной сладостью
    Тень таинственного сна.

Беспредельным далям преданный,
    Там, где меркнет свет и шум,
Я покину круг изведанный
    Повторенных слов и дум.

Грань познания и жалости
    Сердце вольно перейдет,
В вечной бездне, без усталости,
    Будет плыть вперед, вперед.

И всё новой, странной сладостью
    Овевает призрак сна...
Я бы умер с тайной радостью
    В час, когда взойдет луна.

14 июля 1898, 3 февраля 1899

В ПУТИ

* * *

Прохлада утренней весны
Пьянит ласкающим намеком;
О чем-то горестно далеком
Поют осмеянные сны.

Бреду в молчаньи одиноком.

О чем-то горестно далеком
Поют осмеянные сны,
О чем-то чистом и высоком,
Как дуновение весны.

Бреду в молчаньи одиноком.

О чем-то странном и высоком,
Как приближение весны...
В душе, с приветом и упреком,
Встают отвергнутые сны.

Бреду в молчаньи одиноком.

15 марта 1896

* * *

Не плачь и не думай:
Прошедшего — нет!
Приветственным шумом
Врывается свет.

Уснувши, ты умер
И утром воскрес, —
Смотри же без думы
На дали небес.

Что вечно — желанно,
Что горько — умрет...
Иди неустанно
Вперед и вперед.

1896

* * *

О, когда бы я назвал своею
Хоть тень твою!
Но и тени твоей я не смею
Сказать: люблю.

Ты прошла недоступно небесной
Среди зеркал,
И твой образ над призрачной бездной
На миг дрожал.

Он ушел, как в пустую безбрежность,
Во глубь стекла...
И опять для меня — безнадежность,
И смерть, и мгла!

28—29 октября 1897

ЗАВЕРШЕНИЕ

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Я не знаю других обязательств,
Кроме девственной веры в себя.
Этой истине нет доказательств,
Эту тайну я понял, любя.

Бесконечны пути совершенства,
О, храни каждый миг бытия!
В этом мире одно есть блаженство —
Сознавать, что ты выше себя.

Презренье — бесстрастие — нежность —
Эти три — вот дорога твоя.
Хорошо, уносясь в безбрежность,
За собою видеть себя.

1898

СТРОГОЕ ЗВЕНО

А. Курсинскому

Для всех приходят в свой черед
Дни отреченья, дни томленья.
Одна судьба нас всех ведет,
И в жизни каждой — те же звенья!

Мы всё, мы всё переживем,
Что было близко лучшим душам,
И будем плакать о былом,
И клятвы давние нарушим!

За снами страсти — суждено
Всем подступить к заветным тайнам,
И это строгое звено
Не называй в цепи случайным!

20 июля 1899

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

СОН ПРОРОЧЕСКИЙ

В мое окно давно гляделся день;
В моей душе, как прежде, было смутно.
Лишь иногда отрадою минутной
Дышала вновь весенняя сирень,
Лишь иногда, пророчески и чудно,
Мерцал огонь лампады изумрудной.

Минутный миг! и снова я тонул
В безгрезном сне, в томительном тумане
Неясных форм, неверных очертаний,
И вновь стоял неуловимый гул
Не голосов, а воплей безобразных,
Мучительных и странно неотвязных.

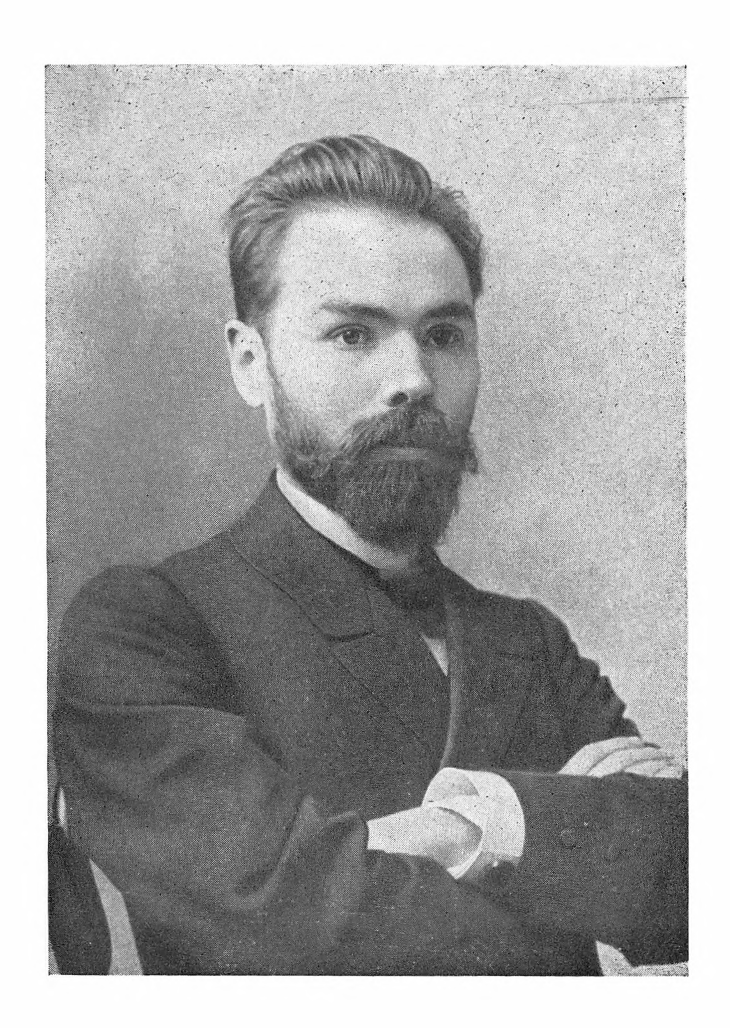
Мой бедный ум, как зимний пилигрим,
Изнемогал от тщетных напряжений.
Мир помыслов и тягостных сомнений,
Как влажный снег, носился перед ним;
Казалось: ряд неуловимых линий
Ломался вдруг в изменчивой картине.

Стал сон ясней. Дымящийся костер
На берегу шипел и рассыпался.
В гирляндах искр туманно означался
Безумных ведьм неистовый собор.
А я лежал, безвольно распростертый,
Живой для дум, но для движений мертвый.

Безмолвный сонм собравшихся теней
Сидел вокруг задумчивым советом.
Десятки рук над потухавшим светом
Тянулись в дым и грелись у огней;
Седых волос обрывки развевались,
И головы медлительно качались.

И вот одна, покинув страшный круг,
Приблизилась ко мне, как Демон некий.
Ужасный лик я видел через веки,
Горбатый стан угадывал, — и вдруг
Я расслыхал, как труп на дне гробницы,
Ее слова — как заклинанья жрицы.

«Ты будешь жить! — она сказала мне. —
Бродить в толпе ряды десятилетий,
О, много уст вопьются в губы эти,
О, многим ты «люблю» шепнешь во сне!
Замрешь не раз в порыве страсти пьяном...
Но будет всё — лишь тенью, лишь обманом!



Ты будешь петь! Придут к твоим стихам
И юноши и девы, и прославят,
И идол твой торжественно поставят
На высоте. Ты будешь верить сам,
Что яркий луч зажег ты над туманом...
Но будет всё — лишь тенью, лишь обманом!

Ты будешь ждать! И меж земных богов
Единого искать, тоскуя, бога.
И, наконец, уснет твоя тревога,
Как буйный ключ среди глухих песков.
Поверишь ты, что стал над Иорданом...
Но будет всё — лишь тенью, лишь обманом!»

Сказав, ушла. Хотел я отвечать,
Но вдруг костер, пред тем как рухнуть, вспыхнул,
И шёпот ведьм в беззвездной ночи стихнул,
Ужасный сон на грудь мне лег опять.
Вновь понеслись бесформенные тени,
И лишь в окно вливалась песнь сирени.

19 января 1896

TERTIA VIGILIA

1897—1901

ВОЗВРАЩЕНИЕ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я убежал от пышных брашен,
От плясок сладострастных дев,
Туда, где мир уныл и страшен;
Там жил, прельщения презрев.

Бродил, свободный, одичалый,
Таился в норах давней мглы;
Меня приветствовали скалы,
Со мной соседили орлы.

Мои прозренья были дики,
Мой каждый день запечатлен;
Крылато-радостные лики
Глядели с довременных стен.

И много зим я был в пустыне,
Покорно преданный Мечте...
Но был мне глас. И снова ныне
Я — в шуме слов, я — в суете.

Надел я прежнюю порфиру,
Умастил миром волоса.
Едва предстал я, гордый, пиру,
«Ты царь!» — решили голоса.

Среди цариц веселой пляски
Я вольно предызбрал одну:

Да обрету в желаньи ласки
Свою безвольную весну!

И ты, о мой цветок долинный,
Как стебель, повлеклась ко мне.
Тебя пленил я сказкой длинной...
Ты — наяву, и ты — во сне.

Но если, страстный, в миг заветный,
Заслышу я мой трубный звук,
— Воспряну! кину клич ответный
И вырвусь из стесненных рук!

31 марта 1900

Я

Мой дух не изнемог во мгле противоречий,
Не обессилел ум в сцепленьях роковых.
Я все мечты люблю, мне дороги все речи,
И всем богам я посвящаю стих.

Я возносил мольбы Астарте и Гекате,
Как жрец, стотельчих жертв сам проливал я кровь
И после подходил к подножиям распятий
И славил сильную, как смерть, любовь.

Я посещал сады Ликеев, Академий,
На воске отмечал реченья мудрецов,
Как верный ученик, я был ласкаем всеми,
Но сам любил лишь сочетанья слов.

На острове Мечты, где статуи, где песни,
Я исследил пути в огнях и без огней,
То поклонялся тем, что ярче, что телесней,
То трепетал в предчувствии теней.

И странно полюбил я мглу противоречий,
И жадно стал искать сплетений роковых.
Мне сладки все мечты, мне дороги все речи,
И всем богам я посвящаю стих...

24 декабря 1899

* * *

Ребенком я, не зная страху,
Хоть вечер был и шла метель,
Блуждал в лесу, и встретил пряху,
И полюбил ее кудель.

И было мне так сладко в детстве
Следить мелькающую нить,
И много странных соответствий
С мечтами в красках находить.

То нить казалась белой, чистой;
То вдруг, под медленной луной,
Блистала тканью серебристой;
Потом слилась со мглой ночной.

Я, наконец, на третьей страже.
Восток означился, горя,
И обагрила нити пряжи
Кровавым отблеском заря!

21 октября 1900

ЛЮБИМЦЫ ВЕКОВ

АССАРГАДОН

Ассирийская надпись

Я — вождь земных царей и царь, Ассаргадон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!
Едва я принял власть, на нас восстал Сидон.
Сидон я ниспроверг и камни бросил в море.

Египту речь моя звучала как закон,
Элам читал судьбу в моем едином взоре,
Я на костях врагов воздвиг свой мощный трон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!

Кто превзойдет меня? Кто будет равен мне?
Деянья всех людей — как тень в безумном сне,
Мечта о подвигах — как детская забава.

Я исчерпал до дна тебя, земная слава!
И вот стою один, величьем упоен,
Я, вождь земных царей и царь — Ассаргадон.

17 декабря 1897

ХАЛДЕЙСКИЙ ПАСТУХ

Отторжен от тебя безмолвием столетий,
Сегодня о тебе мечтаю я, мой друг!
Я вижу ночь и холм, нагую степь вокруг,
Торжественную ночь при тихом звездном свете.

Ты жадно смотришь вдаль; ты с вышины холма
За звездами следишь, их узнаешь и числишь,
Предвидишь их круги, склонения... Ты мыслишь,
И таинства миров яснеют для ума.

Божественный пастух! среди тиши и мрака
Ты слышал имена, ты видел горний свет:
Ты первый начертал пути своих планет,
Нашел названия для знаков Зодиака.

И пусть безлюдие, нагая степь вокруг;
В ту ночь изведал ты всё счастье дерзновенья,
И в этой радости дай слиться на мгновенье
С тобой, о искренний, о неизвестный друг!

7 ноября 1898

ЖРЕЦ ИЗИДЫ

Я — жрец Изиды Светлокудрой;
Я был воспитан в храме Фта,
И дал народ мне имя «Мудрый»
За то, что жизнь моя чиста.

Уста не осквернял я ложью,
Корыстью не прельщался я,
И к женской груди, с страстной дрожью,
Не припадала грудь моя;

Давал я щедро подаянье
Всем, обращавшимся ко мне...
Но есть в душе воспоминанье,
Как змей лежащее на дне.

Свершал я путь годичный в Фивы...
На палубе я утра ждал...
Чуть Нил влачил свои разливы;
Смеялся вдалеке шакал.

И женщина, в одежде белой,
Пришла на пристань, близ кормы,
И стала, трепетно-несмело,
Там, пред порогом водной тьмы.

Дрожал корабль наш, мертвый, сонный,
Громадой черной перед ней,
А я скрывался потаенно
Меж бревен, весел и снастей.

И, словно в жажде утешенья,
Та, в белом женщина, ждала,
И медлила свершить решенье...
Но дрогнула пред утром мгла...

В моей душе всё было смутно,
Хотел я крикнуть, — и не мог...
Но вдруг повеял ветр попутный,
И кормщик затрубил в свой рог.

Все пробудились, зашумели,
Вознесся якорь с быстротой,
Канаты радостно запели, —
Но пристань видел я — пустой!

И мы пошли, качаясь плавно,
И быстро всё светлело вкруг, —
Но мне казалось, будто явно
В воде распространялся круг...

Я — жрец Изиды Светлокудрой;
Я был воспитан в храме Фта,
И дал народ мне имя «Мудрый»
За то, что жизнь моя чиста!

9 марта 1900

ПСИХЕЯ

Что̀ чувствовала ты, Психея, в оный день,
Когда Эрот тебя, под именем супруги,
Привел на пир богов под неземную сень?
Что чувствовала ты в их олимпийском круге?

И вся любовь того, кто над любовью бог,
Могла ли облегчить чуть видные обиды:
Ареса дерзкий взор, царицы злобный вздох,
Шушуканье богинь и злой привет Киприды!

И на пиру богов, под их бесстыдный смех,
Где выше власти все, все — боги да богини,
Не вспоминала ль ты о днях земных утех,
Где есть печаль и стыд, где вера есть в святыни!

23 декабря 1898

ЦИРЦЕЯ

Я — Цирцея, царица; мне заклятья знакомы;
Я владычица духов и воды и огня.
Их восторгом упиться я могу до истомы,
Я могу приказать им обессилить меня.

В полусне сладострастья ослабляю я чары:
Разрастаются дико силы вод и огней.
Словно шум водопадов, словно встали пожары, —
И туманят, и ранят, всё больней, всё страшней.

И так сладко в бессильи неземных содроганий,
Испивая до капли исступленную страсть,
Сохранять свою волю на отмеченной грани,
И над дерзостной силой сохранять свою власть.

1 августа 1899

МОИСЕЙ

Я к людям шел назад с таинственных высот,
Великие слова в мечтах моих звучали.
Я верил, что толпа надеется и ждет...
Они, забыв меня, вокруг тельца плясали.

Смотря на этот пир, я понял их, — и вот
О камни я разбил ненужные скрижали,
И проклял навсегда твой избранный народ.
Но не было в душе ни гнева, ни печали.

А ты, о господи, ты повелел мне вновь
Скрижали истесать. Ты для толпы преступной
Оставил свой закон. Да будет так. Любовь

Не смею осуждать. Но мне, — мне недоступна
Она. Как ты сказал, так я исполню всё,
Но вечно, как любовь, — презрение мое.

25 апреля 1898

АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ

Неустанное стремленье от судьбы к иной судьбе,
Александр Завоеватель, я — дрожа — молюсь тебе.

Но не в час ужасных бо́ев, возле древних Гавгамел
Ты мечтой, в ряду героев, безысходно овладел.

Я люблю тебя, Великий, в час иного торжества.
Были буйственные клики, ропот против божества.

И к войскам ты стал, как солнце; ослепил их грозный взгляд,
И безвольно Македонцы вдруг отпрянули назад.

Ты воззвал к ним: «Вы забыли, кем вы были, что теперь!
Как стада, в полях бродили, в чащу прятались, как зверь.

Создана отцом фаланга, вашу мощь открыл вам он;
Вы со мной прошли до Ганга, в Сарды, в Сузы, в Вавилон.

Или мните: государем стал я милостью мечей?
Мне державство отдал Дарий! скипетр мой, иль он ничей!

Уходите! путь открытый! размечите бранный стан!
Дома детям расскажите о красотах дальних стран,

Как мы шли в горах Кавказа, про пустыни, про моря...
Но припомните в рассказах, где вы кинули царя!

Уходите! ждите славы! Но — Аммона вечный сын —
Здесь, по царственному праву, я останусь и один».

От курений залы пьяны, дышат золото и шелк.
В ласках трепетной Роксаны гнев стихает и умолк.

Царь семнадцати сатрапий, царь Египта двух корон,
На тебя — со скиптром в лапе — со стены глядит Аммон.

Стихли толпы, колесницы, на равнину пал туман...
Но, едва зажглась денница, взволновался шумный стан.

В поле стон необычайный, молят, падают во прах...
Не вздохнул ли, Гордый, тайно о своих ночных мечтах?

О заветное стремленье от судьбы к иной судьбе,
В час сомненья и томленья я опять молюсь тебе!

1899

СКИФЫ

Если б некогда гостем я прибыл
К вам, мои отдаленные предки, —
Вы собратом гордиться могли бы,
Полюбили бы взор мой меткий.

Мне не трудно далась бы наука
Поджидать матерого тура.
Вот — я чувствую гибкость лука,
На плечах моих барсова шкура.

Словно с детства я к битвам приучен!
Всё в раздолье степей мне родное!
И мой голос верно созвучен
С оглушительным бранным воем.

Из пловцов окажусь я лучшим,
Обгоню всех юношей в беге;
Ваша дева со взором жгучим
Заласкает меня ночью в телеге.

Истукан на середине деревни
Поглядит на меня исподлобья.
Я уважу лик его древний,
Одарить его пышно — готов я.

А когда рассядутся старцы,
Молодежь запляшет под клики, —
На куске сбереженного кварца
Начерчу я новые лики.

Я буду как все — и особый.
Волхвы меня примут как сына.
Я сложу им песню для пробы,
Но от них уйду я в дружину.

Гей вы! слушайте, вольные волки,
Повинуйтесь жданному кличу!
У коней развеваются челки,
Мы опять летим на добычу.

29 ноября 1900

КЛЕОПАТРА

Я — Клеопатра, я была царица,
В Египте правила восьмнадцать лет.
Погиб и вечный Рим, Лагидов нет,
Мой прах несчастный не хранит гробница.

В деяньях мира мой ничтожен след,
Все дни мои — то празднеств вереница,
Я смерть нашла, как буйная блудница...
Но над тобой я властвую, поэт!

Вновь, как царей, я предаю томленью
Тебя, прельщенного неверной тенью,
Я снова женщина — в мечтах твоих.

Бессмертен ты искусства дивной властью,
А я бессмертна прелестью и страстью:
Вся жизнь моя — в веках звенящий стих.

Ноябрь 1899

СТАРЫЙ ВИКИНГ

Он стал на утесе; в лицо ему ветер суровый
Бросал, насмехаясь, колючими брызгами пены.
И вал возносился и рушился, белоголовый,
И море стучало у ног о гранитные стены.

Под ветром уклончивым парус скользил на просторе,
К Винландии внук его правил свой бег непреклонный,
И с каждым мгновеньем меж ними всё ширилось
море,
А голос морской разносился, как вопль похоронный.

Там, там, за простором воды неисчерпно-обильной,
Где Скерлингов остров, вновь грянут губящие битвы,
Ему же коснеть безопасно под кровлей могильной
Да слушать, как женщины робко лепечут молитвы!

О, горе, кто видел, как дети детей уплывают
В страну, недоступную больше мечу и победам!

Кого и напевы военных рогов не сзывают,
Кто должен мириться со славой, уступленной
дедам.

Хочу навсегда быть желанным и сильным для боя,
Чтоб не были тяжки гранитные, косные стены,
Когда уплывает корабль среди шума и воя,
И ветер в лицо нам швыряется брызгами пены.

12 июля 1900

БАЯЗЕТ

Тимур, прочтя оскорбительное письмо Баязета, воскликнул: «Сын Мурата сошел с ума».

Нет! не с ума сошел Муратов сын,
Ошибся ты, хромец надменный!
Но он взревел, как вольный лев долин,
Узнав, что в мире есть еще один,
Что дерзких двое во вселенной.

И степи дрогнули под звон копыт,
И шум от сшибки замер в небе.
Покой пустыни воплями был сыт,
Багряной кровью сумрак был залит,
И верен был случайный жребий.

Февраль 1899

МАРИЯ СТЮАРТ

О, если б знала ты, что пред тобою было,
Когда бежал корабль к туманной полосе,
От милой Франции к Шотландии немилой,
Все беды, весь позор и униженья все!

Любила ты балы и пышный чин обеден,
И отдалась стране, где властвует туман,
Где в замках дедовских строй жизни хмур и
беден
И где звучат псалмы угрюмых пуритан.

Ты страсти жаждала, как неба жаждут птицы.
Вся подчинялась ей, тонула в ярких снах, —
И слышала в ответ название блудницы,
И твой возлюбленный погиб в твоих руках.

Потом, захвачена соперницей надменной,
В тюрьме ты провлекла семнадцать гордых лет,
И, наконец, без сил, к ее ногам, смиренно,
Припала ты рабой... И смерть была ответ.

О! ты ждала ее! ты, с сердцем омертвелым,
У плахи слушала последних верных плач.
Но солгала и смерть: твоим безглавым телом
В последний раз насытился палач.

1901

РАЗОРЕННЫЙ КИЕВ

Четыре дня мы шли опустошенной степью.
И вот открылось нам раздолие Днепра,
Где с ним сливается Десна, его сестра...
Кто не дивится там его великолепью!

Но было нам в тот день не до земных красот!
Спешили в Киев мы — разграбленный, пустынный,
Чтоб лобызать хоть прах от церкви Десятинной,
Чтоб плакать на камнях от Золотых ворот!

Всю ночь бродили мы, отчаяньем объяты,
Среди развалин тех, рыдая о былом;
Мы утром все в слезах пошли своим путем...
Еще спустя три дня открылись нам Карпаты.

3 ноября 1898

О ПОСЛЕДНЕМ РЯЗАНСКОМ КНЯЗЕ ИВАНЕ ИВАНОВИЧЕ

Ой вы, струночки, — многозвончаты!
Балалаечка — многознаечка!
Уж ты спой нам весело
Свою песенку,
Спой нам нонче ты, нонче ты, нонче ты...

Как рязанский князь под замком сидит,
Под замком сидит, на Москву глядит,
Думу думает, вспоминает он,
Как людьми московскими без вины полонен,
Как его по улицам вели давеча,
Природного князя, Святославича,
Как глядел на него московский народ,
Провожал, смеясь, от калужских ворот.

А ему, князю, подобает честь:
В старшинстве своем на злат-стол воссесть.
Вот в венце он горит, а кругом — лучи!
Поклоняются князья — Мономаховичи.
Но и тех любить всей душой он рад,
В племени Рюрика всем старший брат.

Вот он кликнет клич, кто горазд воевать!
На коне он сам поведет свою рать
На Свею, на Литву, на поганый Крым...
(А не хочет кто, отъезжай к другим!)
Споют гусляры про славную брань,
Потешат, прославят древнюю Рязань.

Но кругом темно — тишина, —
За решеткой в окно Москва видна,
Не услышит никто удалый клич,
За замком сидит последний Ольгович.
Поведут его, жди, середи воров
На злую казнь на кремлевский ров.

Ой вы, струночки, — многозвончаты!
Ой подруженька — многознаечка!
Спой нам нонче ты, спой нам нонче ты,
Балалаечка!

27 ноября 1899

НАПОЛЕОН

Да, на дороге поколений,
На пыли расточенных лет,
Твоих шагов, твоих движений
Остался неизменный след.

Ты скован был по мысли Рока
Из тяжести и властных сил:
Не мог ты не ступать глубоко,
И шаг твой землю тяготил.

Что строилось трудом суровым,
Вставало медленно в веках,
Ты сокрушал случайным словом,
Движеньем повергал во прах.

Сам изумлен служеньем счастья,
Ты, как пращой, метал войска,
И мировое самовластье
Бросал, как ставку игрока.

Пьянея славой неизменной,
Ты шел сквозь мир, круша, дробя...
И стало, наконец, вселенной
Невмоготу носить тебя.

Земля дохнула полной грудью,
И ты, как лист в дыханьи гроз,
Взвился и полетел к безлюдью
И пал, бессильный, на утес, —

Где, на раздолье одичалом,
От века этих дней ждала
Тебя достойным пьедесталом
Со дна встающая скала!

26 апреля 1901

У МОРЯ

* * *

Волны взбегают и пенятся,
Волны на шумном прибое;
Встанут и странно изменятся,
Гаснут в минутном покое.

Только что в дали сверкающей
Видел волны зарожденье,
Миг — и с волной отбегающей
Тихо грохочут каменья.

18 апреля 1898

* * *

У перекрестка двух дорог
Журчанье тихое фонтана;
Источник скуден и убог;
На камне надпись из Корана.

Здесь дышит скромный кипарис,
Здесь дремлет пыльная олива,
А ручеек сбегает вниз,
К прибрежью вольного залива.

21 апреля 1898

* * *

Где подступает к морю сад,
Я знаю грот уединенный:
Там шепчет дремлющий каскад,
Там пруд недвижен полусонный.

Там дышат лавры и миндаль
При набежавшем тихом ветре,
А сзади, закрывая даль,
Уходит в небо пик Ай-Петри.

30 апреля 1898

* * *

Месячный свет электрический
В море дрожит, извивается;
Силе подвластно магической,
Море кипит и вздымается.

Волны взбегают упорные,
Мечутся дикие, пленные,
Гибнут в борьбе непокорные,
Гаснут разбитые, пенные...

Месячный свет электрический
В море змеится, свивается;
Силе подвластно магической,
Море кипит и вздымается.

21 апреля 1898

В СТЕНАХ

* * *

Люблю я линий верность,
Люблю в мечтах предел.
Меня страшит безмерность
И чудо божьих дел.

Люблю дома, не скалы.
Ах, книги краше роз!
— Но милы мне кристаллы
И жало тонких ос.

13 ноября 1898

* * *

Я люблю большие дома
И узкие улицы города, —
В дни, когда не настала зима,
А осень повеяла холодом.

Пространства люблю площадей,
Стенами кругом огражденные, —
В час, когда еще нет фонарей,
А затеплились звезды смущенные.

Город и камни люблю,
Грохот его и шумы певучие, —
В миг, когда песню глубоко таю,
Но в восторге слышу созвучия.

29 августа 1898

* * *

Когда сижу один и в комнате темно,
И кто-то за стеной играет долго гаммы, —
Вдруг фонари зажгут, и свет, пройдя в окно,
Начертит на стене оконные две рамы;
И мыслю я тогда, усталый и больной:
— Фонарь, безвестный друг! ты близок! ты со мной!

А после из-за крыш подымется луна,
И, вспыхнув, облака уйдут как фимиамы,
И светлый луч луны, пройдя стекло окна,
Начертит явственней оконные две рамы;
О, как я оживлен! дрожа, мечтаю я:
— Луна, заветный друг! ты близко! ты — моя!

22 ноября 1898

* * *

Когда опускается штора
И ласковый ламповый свет
Умиряет усталые взоры, —
Мне слышится счастья привет.

Мне не нужно яркого блеска,
Красоты и величья небес.
Опустись, опустись, занавеска!
Весь мир отошел и исчез.

Со мной любимые книги,
Мне поет любимый размер.
— Да! я знаю, как сладки вериги
В глубине безысходных пещер.

3 октября 1899

* * *

Я провижу гордые тени
Грядущих и гордых веков,
Ушедшие в небо ступени,
Застывшие громады домов;

Улицы, кишащие людом,
Шумные дикой толпой,
Жизнь, озаренную чудом,
Где каждый миг — роковой;

Всю мощь безмерных желаний,
Весь ужас найденных слов, —
Среди неподвижных зданий,
В теснине мертвых домов.

20 марта 1899

* * *

Жадно тобой наслаждаюсь,
Сумрак улиц священный!
Тайно тебе поклоняюсь,
Будущий царь вселенной!

Ты далёко руки протянешь,
В пустыни, ко льдам, на горы;
Солнечный свет затуманишь,
К полутьме приучишь взоры.

Тайно тебе поклоняюсь,
Гряди, могущ и неведом!
Пред тобой во прах повергаюсь,
Пусть буду путем к победам.

27 апреля 1899

* * *

Люблю вечерний свет, и первые огни,
И небо бледное, где звезд еще не видно.
Как странен взор людей в медлительной тени,
Им на меня глядеть не страшно и не стыдно.

И я с людьми как брат, я всё прощаю им,
Печальным, вдумчивым, идущим в тихой смене,
За то, что вместе мы на грани снов скользим,
За то, что и они, как я, — причастны тени.

4—5 октября 1899

* * *

Мы к ярким краскам не привыкли,
Одежда наша — цвет земли;
И робким взором мы поникли,
Влачимся медленно в пыли.

Мы дышим комнатною пылью,
Живем среди картин и книг,
И дорог нашему бессилью
Отдельный стих, отдельный миг.

А мне что́ снится? — дикие крики.
А мне что́ близко? — кровь и война.
Мои братья — северные владыки,
Мое время — викингов времена.

9 марта 1899

* * *

Зодчество церквей старинных,
Современный прихотливый свод,
Много зданий — высоких, длинных,
Улицы неуверенный поворот.

Проходящих теней вереница,
Отрывки неугаданных слов,
Женские мимолетные лица
И смутная память шагов.

15 марта 1899

* * *

Огни уползающих конок
Браздят потемневший туман,
И зов колокольчиков звонок...
Пускается в путь караван.

Там, в душную втиснут каюту,
Застывший, сроднившийся вдруг
(Друзья и враги на минуту!)
Прохожих изменчивый круг.

Беседы и облик безмолвный,
Ряды сопоставленных лиц...
О конки! вы — вольные челны
Шумящих и строгих столиц.

23 июля 1900

* * *

Словно нездешние тени,
Стены меня обступили:
Думы былых поколений!
В городе я — как в могиле.

Здания — хищные звери
С сотней несытых утроб!
Страшны закрытые двери:
Каждая комната — гроб!

16 сентября 1900

* * *

В борьбе с весной редеет зимний холод,
Сеть проволок свободней и нежней,
Снег потемневший сложен в кучи, сколот,
Даль улицы исполнена теней.

Вдали, вблизи — всё мне твердит о смене:
И стаи птиц, кружащих над крестом,
И ручеек, звеня, бегущий в пене,
— И женщина с огромным животом.

25 февраля 1899

ЕЩЕ СКАЗКА

ЖЕНЩИНЕ

Ты — женщина, ты — книга между книг,
Ты — свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый стих.

Ты — женщина, ты — ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено средь пыток.

Ты — женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звездной,
Ты — в наших безднах образ божества!

Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся — от века — на тебя!

11 августа 1899

ЛЮБОВЬ

Не мысли о земном и малом
В дыханьи бури роковой, —
И, не стыдясь святого страха,
Клони чело свое до праха.
Любовью — с мировым началом
Роднится дух бессильный твой.

Любовь находит черной тучей.
Молись, познав ее приход!
Не отдавай души упорству,
Не уклоняйся, но покорствуй!
И кто б ни подал кубок жгучий, —
В нем дар таинственных высот.

17 мая 1900

* * *

Осенний день был тускл и скуден,
А воздух недвижимо жгуч.
Терялся луч больных полуден
В бескрайности сгущенных туч.

Шли тополя по придорожью,
Ветрам зимы обнажены,
Но маленькие листья — дрожью
Напоминали сон весны.

Мы шли, глядя друг другу в очи,
Встречая жданные мечты.
Мгновенья делались короче,
И было в мире — я и ты.

Когда, забыв о дольном плаче,
В пространствах две души летят,
Нельзя им чувствовать иначе,
Обменивая взгляд на взгляд!

23 октября 1900

* * *

Я — мотылек ночной. Послушно
Кружусь над яркостью свечи.
Сияет пламя равнодушно,
Но так ласкательны лучи.

Я этой лаской не обманут,
Я знаю гибель наизусть, —
Но крылья биться не устанут,
С усладой повторяю: пусть!

Вот всё невыносимей жгучесть,
Тесней и опьяненней круг,
Так явно неизбежна участь,
Но в паданьи захвачен дух.

Хочу упиться смертью знойной,
Изведать сладости огня.
Еще один полет нестройный,
И пламя обовьет меня.

Сентябрь 1900

* * *

В моих словах бесстыдство было,
В твоих очах — упорство дня,
И мы боролись с равной силой,
Друг друга жаждя и кляня.

А мальвы листьями встречались,
Клонясь под тихим ветерком,
И сосны яростно качались
В просторе слишком голубом.

О, если каждый образ вечен
И полны прошлым небеса,
То в безднах этот миг отмечен
Как огневая полоса!

3 сентября 1900

* * *

И снова ты, и снова ты,
И власти нет проклясть!
Как Сириус палит цветы
Холодным взором с высоты,
Так надо мной восходишь ты.
Ночное солнце — страсть!

Мне кто-то предлагает бой
В ночном безлюдье, под шатром.
И я, лицом к лицу с судьбой,
И я, вдвоем с тобой, с собой,
До утра упоен борьбой,
И — как Израиль — хром!

Дневные ринутся лучи, —
Не мне пред ними пасть!
Они — как туча саранчи,
Я с богом воевал в ночи,
На мне горят его лучи.
Я твой, я твой, о страсть!

18 сентября 1900

* * *

Я имени тебе не знаю,
Не назову.
Но я в мечтах тебя ласкаю...
И наяву!

Ты в зеркале еще безгрешней,
Прижмись ко мне.
Но как решить, чтó в жизни внешней
И чтó во сне?

Я слышу Нил... Закрыты ставни...
Песчаный зной...
Иль это только бред недавний,
Ты не со мной?

Иль, может, всё в мгновенной смене,
И нет имен,
И мы с тобой летим, как тени,
Как чей-то сон?..

2 октября 1900

* * *

Настал заветный час дремотный.
Без слов, покорствуя судьбе,
Клонюсь я к бездне безотчетной
С последней думой — о тебе!

В мечты мои ты льешь, царица,
Свет с изумрудного венца,
И дня прочтенная страница
Тобою дышит до конца.

13 сентября 1900

МИЛАЯ ПРАВДА

Я ЛЮБЛЮ

...между двойною бездной...
Ф. Тютчев

Я люблю тебя и небо, только небо и тебя,
Я живу двойной любовью, жизнью я дышу, любя.

В светлом небе — бесконечность: бесконечность милых глаз.
В светлом взоре — беспредельность: небо, явленное в нас.

Я смотрю в пространства неба, небом взор мой поглощен.
Я смотрю в глаза: в них та же — даль пространств и даль времен.

Бездна взора, бездна неба! я, как лебедь на волнах,
Меж двойною бездной рею, отражен в своих мечтах.

Так, заброшены на землю, к небу всходим мы, любя...
Я люблю тебя и небо, только небо и тебя.

26 июня 1897

* * *

К твоему плечу прижаться
Я спешу в вечерний час.
Пусть глаза мои смежатся:
Звуки стихли, свет погас.

Тихо веет лишь сознанье,
Что с тобой мы здесь вдвоем,
Словно ровное мерцанье
В безднах, выветренных сном.

Просыпаясь, в дрожи смутной
Протяну к устам уста:
Знать, что ты — не сон минутный,
Что блаженство — не мечта!

Засыпая, помнить буду,
Что твой милый, нежный лик
Близко, рядом, где-то, всюду, —
Мой ласкательный двойник!

И так сладко, так желанно,
На плечо припав твое,
Забывать в истоме жданной
Чье-то злое счастье... чье?

10 октября 1900

БЛИЗКИМ

К ПОРТРЕТУ ЛЕЙБНИЦА

Когда вникаю я, как робкий ученик,
В твои спокойные, обдуманные строки,
Я знаю — ты со мной! Я вижу строгий лик,
Я чутко слушаю великие уроки.

О Лейбниц, о мудрец, создатель вещих книг!
Ты — выше мира был, как древние пророки.
Твой век, дивясь тебе, пророчеств не постиг
И с лестью смешивал безумные упреки.

Но ты не проклинал, и тайны от людей
Скрывая в символах, учил их, как детей.
Ты был их детских снов заботливый хранитель.

А после — буйный век глумился над тобой,
И долго ждал ты час, назначенный судьбой...
И вот теперь встаешь, как Властный, как Учитель!

25 ноября 1897

К ПОРТРЕТУ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Ты нам казался сумрачным и властным,
Безумной вспышкой непреклонных сил;
Но ты мечтал об ангельски-прекрасном,
Ты демонски-мятежное любил!

Ты никогда не мог быть безучастным,
От гимнов ты к проклятиям спешил,
И в жизни верил всем мечтам напрасным:
Ответа ждал от женщин и могил!

Но не было ответа. И угрюмо
Ты затаил, о чем томилась дума,
И вышел к нам с усмешкой на устах.

И мы тебя, поэт, не разгадали,
Не поняли младенческой печали
В твоих как будто кованых стихах!

6—7 мая 1900

К ПОРТРЕТУ К. Д. БАЛЬМОНТА

Угрюмый облик, каторжника взор!
С тобой роднится веток строй бессвязный.
Ты в нашей жизни призрак безобразный,
Но дерзко на нее глядишь в упор.

Ты полюбил души своей соблазны,
Ты выбрал путь, ведущий на позор;
И длится годы этот с миром спор,
И ты в борьбе — как змей многообразный.

Бродя по мыслям и влачась по дням,
С тобой сходились мы к одним огням,
Как братья на пути к запретным странам,

Но я в тебе люблю, — что весь ты ложь,
Что сам не знаешь ты, куда пойдешь,
Что высоту считаешь сам обманом.

Август, сентябрь 1899

ПО ПОВОДУ СБОРНИКОВ «РУССКИЕ СИМВОЛИСТЫ»

Мне помнятся и книги эти,
Как в полусне недавний день;
Мы были дерзки, были дети,
Нам всё казалось в ярком свете...
Теперь в душе и тишь и тень.
Далеко первая ступень.
Пять беглых лет — как пять столетий.

22 января 1900

К САМОМУ СЕБЕ

Я желал бы рекой извиваться
По широким и сочным лугам,
В камышах незаметно теряться,
Улыбаться небесным огням.

Обогнув стародавние села,
Подремав у лесистых холмов,
Раскатиться дорогой веселой
К молодой суете городов.

И, подняв пароходы и баржи,
Испытав и забавы и труд,
Эти волны, свободны и ярки,
В бесконечный простор потекут.

Но боюсь, что в соленом просторе —
Только сон, только сон бытия!
Я хочу и по смерти и в море
Сознавать свое вольное я!

28 июля 1900

КНИЖКА ДЛЯ ДЕТЕЙ

ДОЗОР

Я слежу дозором
Медленные дни.
Перед пристальным взором
Светлеют они.

Люблю я березки
В троицын день,

И песен отголоски
Из ближних деревень.

Люблю я шум без толку,
Когда блестит мороз,
В огнях и в искрах елку,
Час свершенных грез.

И братские бокалы,
Счастье — Новый год!
Вечно неусталый
Времени оборот.

Люблю я праздник чудный —
Воскресенье Христа.
Поцелуй обоюдный
Сближает уста.

И дню вознесения
Стихи мои.
Дышит нега весенняя,
Но стихли ручьи.

Так слежу дозором
Времени оборот.
Пред пристальным взором
Прекрасен весь год.

27 декабря 1899

СЛЕПОЙ

Люблю встречать на улице
Слепых без провожатых.
Я руку подаю им,
Веду меж экипажей.

Люблю я предразлучное
Их тихое спасибо;

Вслед спутнику минутному
Смотрю я долго, смутно.

И думаю, и думаю:
Куда он пробирается,
К племяннице ли, к другу ли?
Его кто дожидается?

Пошел без провожатого
В путину он далекую;
Не примут ли там старого
С обычными попреками?

И встретится ль тебе, старик,
Бродяга вновь такой, как я же?
Иль заведет тебя шутник
И бросит вдруг меж экипажей?

13 октября 1899

МЫШИ

В нашем доме мыши поселились,
И живут, живут!
К нам привыкли, ходят, расхрабрились,
Видны там и тут.

То клубком катаются пред нами,
То сидят, глядят;
Возятся безжалостно ночами,
По углам пищат.

Утром выйдешь в зал — свечу объели,
Масло в кладовой,
Что поменьше, утащили в щели...
Караул! разбой!

Свалят банку, след оставят в тесте,
Их проказ не счесть...
Но так мило знать, что с нами вместе
Жизнь другая есть.

8 января 1899

ДЕМОНЫ ПЫЛИ

Есть демоны пыли,
Как демоны снега и света.
Есть демоны пыли!
Их одежда багряного цвета.
Горит огнем.
Но серым плащом
Они с усмешкой ее закрыли.

Демоны пыли
На шкапах притаились, как звери.
Глаза закрыли.
Но едва распахнутся двери,
Они дрожат,
Дико глядят;
Взметнутся, качнутся демоны пыли.

Где они победили,
Там покой, там сон, сновиденья,
Как в обширной могиле.
Они дремлют, лежат без движенья,
Притаясь в углу,
Не смотрят во мглу,
Но помнят сквозь сон, что они победили.

О демоны пыли!
Вы — владыки в красочном мире!
О демоны пыли!
Ваша власть с веками всё шире!
Ваш день придет, —
И всё уснет
Под тихое веянье серых воскрылий.

21 февраля 1899

ИЗ ДНЕВНИКА

ЗВЕЗДА МОРЕЙ

La mer sûre qui prie
La Vierge Marie.

P. Verlaine

И нам показалось: мы близко от цели.
Вдруг свет погас,
И вздрогнул корабль, и пучины взревели . . .
Наш пробил час.

И был я, безумный, проклятьем исполнен,
Упав за борт,
И три дня носился по пенистым волнам,
Упрям и горд.

Но в миг, как свершались пути роковые
Судьбы моей,
В сияньи предстала мне Дева Мария,
Звезда морей.

30 августа 1897

* * *

Я верю всегдашним случайностям,
Слежу, любопытствуя, миги.
Так сладко довериться крайностям,
Вертепы менять на вериги.

Раздумья свободно качаются,
Покорны и рады мгновенью;
И жизнями жизни сменяются...
Действительность кажется тенью.

Я быть не желаю властителем
Судьбы, подчинившейся мере.
Иду я по звездным обителям,
Вскрывая безвестные двери.

---

[1] Надежное море, которое молится Деве Марии. *П. Верлен* (франц.). — *Ред.*

Все дни направляются случаем,
Могу упиваться я всеми, —
И ночи подобны созвучиям
В одной беспредельной поэме.

1—3 сентября 1900

* * *

Люблю в осенний день несмелый
Листвы сквозящей слушать плач,
Вступая в мир осиротелый
Пустынных и закрытых дач.

Забиты досками террасы,
И взор оконных стекол слеп,
В садах разломаны прикрасы,
Лишь погреб приоткрыт, как склеп.

Смотрю я в парки дач соседних,
Вот листья ветром взметены
И трепеты стрекоз последних,
Как смерть вещающие сны.

Я верю: в дни, когда всецело
Наш мир приветит свой конец,
Так в сон столицы опустелой
Войдет неведомый пришлец.

8 сентября 1900

ПАПОРОТНИК

Предвечерний час объемлет
Окружающий орешник.
Чутко папоротник дремлет,
Где-то крикнул пересмешник.

В этих листьях слишком внешних,
В их точеном очертаньи,
Что-то есть миров нездешних...
Стал я в странном содроганьи.

И на миг в глубинах духа
(Там, где ужас многоликий)
Проскользнул безвольно, глухо
Трепет жизни жалкой, дикой.

Словно вдруг стволами к тучам
Вырос папоротник мощный.
Я бегу по мшистым кучам...
Бор не тронут, час полнощный.

Страшны люди, страшны звери,
Скалят пасти, копья точат.
Все виденья всех поверий
По кустам кругом хохочут.

В сердце ужас многоликий...
Как он жив в глубинах духа?
Облик жизни жалкой, дикой
Закивал мне, как старуха.

Предвечерний час объемлет
Окружающий орешник.
Небо древним тайнам внемлет,
Где-то крикнул пересмешник.

Июнь—июль 1900

ПРОЗРЕНИЯ

В НЕКОНЧЕННОМ ЗДАНИИ

Мы бродим в неконченном здании
По шатким, дрожащим лесам,
В каком-то тупом ожидании,
Не веря вечерним часам.

Бессвязные, странные лопасти
Нам путь отрезают... Мы ждем.
Мы видим бездонные пропасти
За нашим неверным путем.

Оконные встретив пробоины,
Мы робко в пространства глядим:
Над крышами крыши надстроены,
Безмолвие, холод и дым.

Нам страшны размеры громадные
Безвестной растущей тюрьмы.
Над безднами, жалкие, жадные,
Стоим, зачарованы, мы.

Но первые плотные лестницы,
Ведущие к балкам, во мрак,
Встают как безмолвные вестницы,
Встают как таинственный знак!

Здесь будут проходы и комнаты!
Все стены задвинутся сплошь!
О думы упорные, вспомните!
Вы только забыли чертеж!

Свершится, что вами замыслено,
Громада до неба взойдет
И в глуби, разумно расчисленной,
Замкнет человеческий род.

И вот почему — в ожидании
Не верим мы темным часам:
Мы бродим в неконченном здании,
Мы бродим по шатким лесам!

1 февраля 1900

В ДНИ ЗАПУСТЕНИЙ

Приидут дни последних запустений.
Земные силы оскудеют вдруг;
Уйдут остатки жалких поколений
К теплу и солнцу, на далекий Юг.

А наши башни, города, твердыни
Постигнет голос страшного суда,
Победный свет не заблестит в пустыне,
В ней не взгремят по рельсам поезда.

В плюще померкнут зодчего затеи,
Исчезнут камни под ковром травы,
На площадях плодиться будут змеи,
В дворцовых залах поселятся львы.

Но в эти дни последних запустений
Возникнет — знаю! — меж людей смельчак.
Он потревожит гордый сон строений,
Нарушит светом их безмолвный мрак.

На мшистых улицах заслышат звери
Людскую поступь в ясной тишине,
В домах застонут, растворяясь, двери,
Ряд изваяний встанет при огне.

Прочтя названья торжищ и святилищ,
Узнав по надписям за ликом лик,
Пришлец проникнет в глубь книгохранилищ,
Откроет тайны древних, наших книг.

И дни и ночи будет он в тревоге
Впивать вещанья, скрытые в пыли,
Исканья истины, мечты о боге,
И песни, гимны сладостям земли.

Желанный друг неведомых столетий!
Ты весь дрожишь, ты потрясен былым!
Внемли же мне, о, слушай строки эти:
Я был, я мыслил, я прошел как дым...

18 сентября 1899

БРАТЬЯМ СОБЛАЗНЕННЫМ

Светлым облаком плененные,
Долго мы смотрели вслед.
Полно, братья соблазненные!
Это только беглый свет.

Разве есть предел мечтателям?
Разве цель нам суждена?

Назовем того предателем,
Кто нам скажет — здесь она!

Разве редко в прошлом ставили
Мертвый идол Красоты?
Но одни лишь мы прославили
Бога жажды и мечты!

Подымайте, братья, посохи,
Дальше, дальше, как и шли!
Паруса развейте в воздухе,
Дерзко правьте корабли!

Жизнь не счастье, но томления,
Но прозренья, но борьба.
Всё вперед — от возрожденья
К возрожденью, сквозь гроба!

12 июня 1899

* * *

Каждый миг есть чудо и безумье,
Каждый трепет непонятен мне,
Все запутаны пути раздумья,
Как узнать, что в жизни, что во сне?

Этот мир двояко бесконечен,
В тайнах духа — образ мой исчез;
Но такой же тайной разум встречен,
Лишь взгляну я в тишину небес.

Каждый камень может быть чудесен,
Если жить в медлительной тюрьме;
Все слова людьми забытых песен
Светят таинством порой в уме.

Но влечет на ярый бой со всеми
К жизни, к смерти — жадная мечта!

Сладко быть на троне, в диадеме,
И лобзать покорные уста.

Мы на всех путях дойдем до чуда!
Этот мир — иного мира тень.
Эти думы внушены оттуда,
Эти строки — первая ступень.

6 сентября 1900

ОТРАДЫ

Знаю я сладких четыре отрады.
Первая — радость в сознании жить.
Птицы, и тучи, и призраки — рады,
Рады на миг и для вечности быть.

Радость вторая — в огнях лучезарна!
Строфы поэзии — смысл бытия.
Тютчева песни и думы Верхарна,
Вас, — поклоняясь, — приветствую я.

Третий восторг — то восторг быть любимым,
Ведать бессменно, что ты не один.
Связаны, скованы словом незримым,
Двое летим мы над страхом глубин.

Радость последняя — радость предчувствий,
Знать, что за смертью есть мир бытия.
Сны совершенства! в мечтах и в искусстве
Вас, — поклоняясь, — приветствую я.

Радостей в мире таинственно много,
Сладостна жизнь от конца до конца.
Эти восторги — предвестие бога,
Это — молитва на лоне отца.

28 апреля 1900

МЫ

В мире широком, в мире шумящем
Мы — гребень встающей волны.
Странно и сладко жить настоящим,
Предчувствием песни полны.

Радуйтесь, братья, верным победам!
Смотрите на даль с вышины!
Нам чуждо сомненье, нам трепет неведом, —
Мы — гребень встающей волны.

4 апреля 1899

* * *

С неустанными молитвами,
Повторяемыми вслух,
Прохожу я между битвами,
Ускользающий, как дух.

От своих друзей отторженный,
Предвещаю я венцы;
И на голос мой восторженный
Откликаются бойцы.

Но настанет миг — я ведаю —
Победят мои друзья,
И над жалкой их победою
Засмеюся первым — я.

23 июля 1899

СКАЗАНИЕ О РАЗБОЙНИКЕ
ИЗ ПРОЛОГА

Начинается песня недлинная
О Петре, великом разбойнике.

Был тот Петр разбойником тридцать лет,
Меж товарищей почитался на́большим,
Грабил поезда купецкие,
Делывал дела молодецкие.
Ни старцев не щадил, ни младенцев.

В той же стране случился монастырь святой,
На высокой горе, на отвесной,
— Меж землей и небом висит, —
Ниоткуда к монастырю нет доступа.

Говорит тут Петр товарищам:
«Одевайте меня в платье монашеское.
Пойду, постучусь перехожим странником,
Ночью вам ворота отопру,
Ночью вас на грабеж поведу,
Гей вы, товарищи, буйные да вольные!»

Одевали его в платье монашеское,
Постучался он странником под воротами.
Впустили его девы праведные,
Обласкали его сестры добрые,
Омыли ноги водицею,
Приготовили страннику трапезу.
Сидит разбойник за трапезой,
Ласке-любви сестер удивляется,
Праведными помыслами их смущается,
Что отвечать, что говорить — не знает.

А сестры близ в горенке собирались,
Говорили меж собой такие слова:
«Видно, гость-то наш святой человек,
Такое у него лицо просветленное,
Такие у него речи проникновенные.

Мы омыли ему ноги водицею,
А есть у нас сестра слепенькая.
Не омыть ли ей зрак той водицею?»

Призывали они сестру слепенькую,
Омывали ей зрак той водицею, —
И прозрела сестра слепенькая.
Тут все бежали в горенку соседнюю,
Падали в ноги все пред разбойником,
Благодарили за чудо великое.

У разбойника душа смутилася,
Возмутилася ужасом и трепетом.
Творил и он — земной поклон,
Земной поклон перед господом.
«Был я, господи, великим грешником,
Примешь ли ты мое покаяние!»

Тут и кончилась песня недолгая.
Стал разбойник подвижником,
Надел вериги тяжелые,
По всей земле прославился подвигами.
А когда со святыми преставился, —
Мощи его и поныне чудеса творят.

28 августа 1898

АГАНАТ

Финикийский рассказ

Женская звезда — планета Истар: она такова на закате. Мужская звезда — планета Истар: она такова при восходе.

Из текстов в библиотеке Ассурбанипала

Астарта Сидонская

Небесная девственница,
Богиня Астарта,
В торжестве невинности ты стоишь предо мной.
Длинная лестница,
Освещенная ярко,
А за дверью во храме смутный сумрак ночной.

Я знаю, божественная, —
Ты отблеск Ашеры,
Богини похоти и страстных ночей.
Теперь ты девственна!
Насладившись без меры,
Ты сияешь в венце непорочных лучей.

Утомленная условностями,
Вчера, о Астарта,
Прокляла я с восторгом твой возвышенный зов.
Я искала греховности,
Ласк леопарда,
Бессилья и дрожи бесконечных часов.

Но сегодня, о девственница,
Тебе, не Ашере,
Приношу на алтарь и мечты и цветы.
Освещенная лестница,
И за сумраком двери
Возвращенье к невинности... да! я — как ты.

I

Ей было имя Аганат. Она
Прекрасней всех в Сидоне. В темном взоре
Сверканье звезд ночных, а грудь бледна.

В дни юности она познала горе:
Ее жених, к сидонским берегам
Не возвратясь, погиб безвестно в море.

И, девственность принесши в дар богам,
Она с тех пор жила как жрица страсти,
А плату за любовь несла во храм.

Чуть подымались в дали синей снасти,
Она спешила на берег, ждала,
Встречала моряков игрой запястий,

И, обольщенного, к себе вела,
В свой тесный дом, на башенку похожий,
Где в нижней комнате царила мгла

И возвышалось каменное ложе.
Никто не забывал ее ночей!
Из всех гетер платили ей дороже, —

Но каждый день входили гости к ней.
И от объятий в вихре наслажденья,
От тел, сплетенных, словно пара змей,

Означилось на камне углубленье.

II

Когда бы маг, искусный в звездочтеньи,
Составил летопись судеб твоих,
Ее прочел бы он в недоуменьи.

Так! — не погиб в скитаньях твой жених:
В стране далекой он томился пленным,
За годом годы, как за мигом миг.

Он жил рабом, отверженцем презренным,
Снося обиды, отирая кровь,
Но в сердце оставался неизменным:

К тебе хранил он прежнюю любовь,
Живя все годы умиленной верой,
Святой надеждой: всё вернется вновь!

И, не забыт владычицей Ашерой,
Он, наконец, покинул горький плен,
Бежал, был принят греческой триерой,

И счастливо добрался в Карфаген.
Отсюда путь на родину свободный!
И он плывет и ждет сидонских стен,

Как алчет пищи много дней голодный,
И молится: «Пусть это всё не сон!»
Но только берег встал над гладью водной,

Едва раздался с мачты крик: «Сидон!»
— Иное что-то вдруг открылось думам,
Своей мечты безумье понял он

И замер весь в предчувствии угрюмом.

III

И жизнь и шум на пристани Сидона
В веселый час прихода кораблей:
И весел мерный плеск в воде зеленой,

Канатов скрип, и окрики людей,
И общий говор смешанных наречий...
Но горе тем, кто не нашел друзей,

Кто был обманут вожделенной встречей!
Для тех гетеры собрались сюда,
Прельщают взглядом, обнажили плечи.

Как жаждал он хоть бледного следа
Былого! — Тщетно! Что воспоминанья
Нетленно проносили сквозь года,

Исчезло всё. Сменились очертанья
Залива; пристань разрослась с тех пор,
Безвестные кругом столпились зданья.

Нигде былого не встречает взор...
Лишь моря шум твердит родные звуки,
Да есть родное в высях дальних гор.

— Пятнадцать лет! пятнадцать лет разлуки!
Искать друзей иль убежать назад?
Но вдруг до плеч его коснулись руки.

Он смотрит: золото, браслетов ряд,
И жгучий взор под бровью слишком черной.
«Моряк, пойдем! на нынче ты мой брат!»

И за гетерой он идет покорный.

IV

Не начато вино в больших амфорах,
Он с ней не рядом (то недобрый знак),
И мало радости в упорных взорах.

Глядит он молча за окно, во мрак;
Ее вопросы гаснут без ответа;
Он страшен ей, задумчивый моряк.

Но сознает она всю власть обета.
Рукой привычной скинут плащ. Спеши!
Она зовет тебя полураздетой.

Но он, — томим до глубины души, —
Садится к ней на каменное ложе,
И вот они беседуют в тиши.

— Зачем меня ты позвала? — «Прохожий,
Ты так хорош». — Ты здешняя? — «О, да!»
— Что делала ты прежде? — «Да всё то же».

— Нет, прежде! Ты была ведь молода,
Быть может, ты любила... — «Я не сказки
Рассказывать звала тебя сюда!»

И вдруг, вскочив, она спешит к развязке,
Зовет его. Но тот, потупя взгляд,
Не внемлет слов соблазнам, как и ласке.

Потом, глухим предчувствием объят,
Еще вопрос он задает подруге:
— А как зовут тебя? — «Я — Аганат».
И вздрогнул, и прянул прочь в испуге.

V

О, велика богиня всех богинь,
Астарта светлая! ты царствуешь всевластно
Над морем, над землей, над сном пустынь.

Ты видишь всё, всё пред бессмертной ясно;
Твое желанье — всем мирам завет;
Дрожат и боги — пред тобой, прекрасной!

Когда свершилась эта встреча, свет
Твоей звезды затмился на мгновенье...
Но благости твоей предела нет.

Решила ты, — исполнено решенье.
И в тот же миг рассеялись года,
Как смутный сон исчезли поколенья,

Восстали вновь из праха города,
Вернулись к солнцу спавшие в могиле,
Всё стало вновь как прежде, как *тогда.*

Все о недавнем, как о сне, забыли.
Был вечер. Аганат и с ней жених
Опять в лесу за городом бродили.

И длинный спор, как прежде, шел у них:
До свадьбы он хотел пуститься в море,
Искать богатства в городах чужих,

А ей была разлука эта — горе.
«Не уезжай! На что богатство нам!»
И, этот раз, он уступил ей в споре.

И в день, когда, отдавшись парусам,
Его корабль ушел по глади синей,
Они торжественно пошли во храм —

Свои обеты повторить богине.

19 декабря 1897—4 октября 1898

ЗАМКНУТЫЕ

Сатирическая поэма

I

Я год провел в старинном и суровом,
Безвестном Городе. От мира оградясь,
Он не хотел дышать ничем живым и новым,
Почти порвав с шумящим миром связь.
Он жил былым своим воспоминаньем,
Перебирая в грезах быль и сны,
И весь казался обветшалым зданьем,
Каким-то сказочным преданьем
О днях далекой старины.

Казалось мне: он замкнут безнадежно.
Давила с Севера отвесная скала,
Купая груди в облачном просторе,
С Востока грань песков, пустыня стерегла.
А с двух сторон распростиралось море,
Безлюдно, беспощадно, безнадежно.
На пристани не раз, глаза с тоской прилежной
В узоры волн колеблемых вперив,
Следил я, как вставал торжественный прилив,
Как облака неслись — вперед и мимо, мимо...
Но не было вдали ни паруса, ни дыма —
Никто не плыл к забытым берегам...
Лишь абрис острова порой мелькал мне там,
Где явственно заря, когда без солнца светит,
Границу кругозора метит,
Но гасло всё в лучах, мне памятно едва,
Всё в благостный простор вбирала синева.
И снова мир был замкнут безнадежно.

Весь Город был овеян тайной лет.
Он был угрюм и дряхл, но горд и строен.
На узких улицах дрожал ослабший свет,
И каждый резкий звук казался там утроен.
В проходах темных, полных тишины,
Неслышно прятались пристанища торговли;
Углами острыми нарушив ход стены,
Кончали дом краснеющие кровли;

Виднелись с улицы в готическую дверь
Огромные и сумрачные сени,
Где вечно нежились сырые тени...
И затворялся вход, ворча как зверь.

Из серых камней выведены строго
Являли церкви мощь свободных сил.
В них дух столетий смело воплотил
И веру в гений свой, и веру в бога.
Передавался труд к потомкам от отца,
Но каждый камень, взвешен и размерен,
Ложился в свой черед по замыслу творца,
И линий общий строй был строг и верен,
И каждый малый свод продуман до конца.
В стремленьи ввысь, величественно смелом,
Вершилось здание свободным острием,
И было конченным, и было целым,
Спокойно замкнутым в себе самом.

В музеях запертых, в торжественном покое,
Хранились бережно останки старины:
Одежды, утвари, оружие былое,
Трофеи победительной войны —
То кормы лодок дерзких мореходов,
То кубки с обликом суровых лиц,
Знамена покорявшихся народов
Да клювы неизвестных птиц.
И всё в себе былую жизнь таило,
Иных столетий пламенную дрожь.
Как в ветер верило истлевшее ветрило!
Как жаждал мощных рук еще сверкавший нож!..
А всё кругом пустынно-глухо было.

II

Я в их церквах бывал, то пышных, то пустынных.
В одних всё статуи, картины и резьба,
Обряд, застывший в пышностях старинных,
Бессмысленно-пустая ворожба!
Над миром скованным гудящий вопль органа,
Зов пастыря — как божий голос — строг,

Вещает он с Синая, из тумана,
Лишь «Dominus vobiscum» — «с вами бог!»
В других церквах восторг опустошенья,
На черных стенах цифры, ряд страниц;
Молящиеся, в чинном исступленьи,
Кричат псалмы, как стаи хищных птиц.
Но вопль органа вдруг — замрет, как самый
камень.
Друг другу повторив, что это лишь обряд,
Они для памяти причастие творят,
И пастырь в сюртуке вещает важно: Amen.

Я залы посещал ученых заседаний
И слушал с ужасом размерность их речей.
Казалось мне: влекут кумир огромный Знаний
Покорные быки под щелканье бичей.
Глубокой колеей, со стоном, визгом, громом,
Телега тянется — в веках намечен путь, —
Всё было в тех речах безжалостно-знакомым,
И в смене скучных слов не изменялась суть.
Однажды ошибясь при выборе дороги,
Они упрямо шли, глядя на свой компас.
И был их труд велик, шаги их были строги,
Но уводил их прочь от цели каждый час!

К художникам входил я в мастерские.
О, бедность горькая опустошенных дум!
Искусство! вольная стихия!
Сюда не долетал твой вдохновенный шум!
Художник быть не может не пророком,
И рабство с творчеством согласовать нельзя!
Кто не прошел пустынь в томленьи одиноком,
Не знает, где лежит святой мечты стезя!

В искусстве важен искус строгий,
Прерви души мертвящий плен
И выйди пламенной дорогой
К потоку вечных перемен.

Твоя душа — то ключ бездонный.
Не замыкай истомных уст.

Едва ты встанешь, утоленный,
Как станет мир — и сух и пуст.

Так! сделай жизнь единой дрожью,
Люби и муки до конца,
Упейся истиной и ложью, —
Во имя кисти и резца!

Не будь окован и любовью,
Бросайся в пропасти греха,
Пятнай себя священной кровью, —
Во имя лиры и стиха!

Искусство жаждет самовластья
И души черпает до дна.
Едва душа вздохнет о счастье, —
Она уже отрешена!

III

А жизнь кругом лилась, как степью льются воды.
Как в зеркале, днем повторялся день,
С покорностью свой круг кончали годы,
С покорностью заря встречала тень.
Случалось в праздник мне, на площадь выйдя рано,
Зайти в собор с толпой нарядных дев.
Они молились там умильно, и органа
Я слушал в их кругу заученный напев.

Случалось вечером, взглянув за занавески,
Всецело выхватить из мирной жизни миг:
Там дремлют старики, там звонок голос детский,
Там в уголке — невеста и жених.
И только изредка над этой сладкой прозой
Вдруг раздавалась песнь ватаги рыбаков,
Идущих улицей, да грохотал угрозой
Далекий смех бесчинных кабаков.

За городом был парк, развесистый и старый,
С руиной замка в глубине.

Туда под вечер приходили пары —
«Я вас люблю» промолвить при луне.
В воскресный летний день весь город ратью
чинной
Сходился там — мечтать и отдохнуть.
И восхищались все из года в год руиной,
И ряд за рядом совершали путь.
Им было сладостно в условности давнишней,
Казались сочтены движенья их.
Кругом покой аллей был радостен и тих,
Но в этой тишине я был чужой и лишний.
Я к пристани бежал от оскорбленных лиц,
Чтоб сердце вольностью хотя на миг растрогать,
Где с запахом воды сливал свой запах деготь,
Где мачт колеблемых был звучен скрип.

О пристань! я любил твой неумолчный скрип,
Такой же, как в былом, дошедший из столетий, —
И на больших шестах растянутые сети,
И лодки с грузом серебристых рыб.
Любил я моряков нахмуренные взоры
И твердый голос их, иной, чем горожан.
Им душу сберегли свободные просторы,
Их сохранил людьми безлюдный океан.
Там было мне легко. Присевши на бочонок,
Я забывал тюрьму меня обставших дней
И облака следил, как радостный ребенок,
И волны пели мне всё громче, всё ясней.
И ветер с ними пел; и чайки мне кричали;
Что было вкруг меня, всё превращалось в зов…
И раскрывались вновь торжественные дали:
Пути, где граней нет, простор без берегов!

IV

И понял я, что здесь царил кумир единый:
Обычной внешности. Пред искренностью страх
Торжествовал и в храме и в гостиной,
В стихах и вере, в жестах и словах.

Жизнь, подчиненная привычке и условью,
Елеем давности была освящена.
Никто не смел — ни скорбью, ни любовью
Упиться, как вином пылающим, до дна;
Никто не подымал с лица холодной маски,
И каждым взглядом лгал, и прятал каждый крик;
Расчетом и умом все оскверняли ласки,
И берегли свой пафос лишь для книг!

От этой пошлости, обдуманной, привычной,
Как жаждал, хоть на час, я вольно отдохнуть!
Но где в глаза живым я мог, живой, взглянуть?
Там, где игорный дом, и там, где дом публичный!
Как пристани во мгле, вы высились, дома,
И люди знали вновь, отдавшись вашей власти,
Всё беспристрастие и купли и найма,
Паденья равенство и откровенность страсти!
Кто дни и месяцы (актеры и рабы!)
Твердили «строгий долг» и «скорбь об идеале»,
Преобразясь в огне желаний и борьбы,
То знали ненависть, то чувственно стонали,
То гнулись под рукой Слепой Судьбы!

Когда по городу тени
Протянуты цепью железной,
Ряды безмолвных строений
Оживают, как призрак над бездной.

Загораются странные светы,
Раскрываются двери, как зевы,
И в окнах дрожат силуэты
Под музыку и напевы.

Раскрыты дневные гробницы,
Выходит за трупом труп.
Загораются румянцем лица,
Кровавится бледность губ.

Пышны и ярки одежды,
В волосах алмазный венец.

А вглядись в утомленные вежды,
Ты узнаешь, что пред тобой мертвец.

Но страсть, подчиненная плате,
Хороша в огнях хрусталей;
В притворном ее аромате
Дыханье желанней полей.

И идут, идут в опьяненьи
Отрешиться от жизни на час,
Изведать освобожденье
Под блеском обманных глаз, —

Чтоб в мире, на свой непохожем,
От свободы на миг изнемочь.
Тот мир ничем не тревожим,
Пока полновластна ночь.

Но в тумане улицы длинной
Забелеет тусклый рассвет.
И вдруг всё мертво и пустынно,
Ни светов, ни красок нет.

Безобразных, грязных строений
Тают при дне вереницы,
И женщин белые тени,
Как трупы, ложатся в гробницы.

V

И страшная мечта меня в те дни томила:
Что, если Город мой — предвестие веков?
Что, если Пошлость — роковая сила,
И создан человек для рабства и оков?
Что, если Город мой — прообраз, первый, малый,
Того, что некогда жизнь явит в полноте,
Что, если мир, унылый и усталый,
Стоит, как странник запоздалый,
К трясине подойдя, на роковой черте?

И, как кошмарный сон, виденьем беспощадным,
Чудовищем размеренно громадным,
С стеклянным черепом, покрывшим шар земной,
Грядущий Город-дом являлся предо мной.
Приют земных племен, размеченный по числам,
Обязан жизнию (машина из машин!)
Колесам, блокам, коромыслам,
Предвидел я тебя, земли последний сын!
Предчувствовал я жизнь замкнутых поколений,
Их думы, сжатые познаньем, их мечты,
Мечтам былых веков подвластные как тени,
Весь ужас переставшей пустоты!
Предчувствовал раба подавленную ярость
И торжествующих многообразный сон,
Всех наших помыслов обманутую старость,
Срок завершившихся времен!

. . . .

. . . .

Но нет! Не избежать мучительных падений,
Погибели всех благ, чем мы теперь горды!
Настанет снова бред и крови и сражений,
Вновь разделится мир на вражьих две орды.

Борьба, как ярый вихрь, промчится по вселенной
И в бешенстве сметет, как травы, города,
И будут волки выть над опустелой Сеной,
И стены Тоуэра исчезнут без следа.

Во глубинах души, из тьмы тысячелетий,
Возникнут ужасы и радость бытия,
Народы будут хохотать, как дети,
Как тигры, грызться, жалить, как змея.

И всё, что нас гнетет, снесет и свеет время,
Все чувства давние, всю власть заветных слов,
И по земле взойдет неведомое племя,
И будет снова мир таинствен и нов.

В руинах, звавшихся парламентской палатой.
Как будет радостен детей свободных крик,
Как будет весело дробить останки статуй
И складывать костры из бесконечных книг.

Освобождение, восторг великой воли,
Приветствую тебя и славлю из цепей!
Я — узник, раб в тюрьме, но вижу поле, поле...
О солнце! о простор! о высота степей!

1900—1901
Ревель, Москва

URBI ET ORBI

1901—1904

ВСТУПЛЕНИЯ

* * *

По улицам узким, и в шуме и ночью, в театрах, в садах
я бродил,
И в явственной думе грядущее видя, за жизнью,
за сущим следил.
Я песни слагал вам о счастье, о страсти, о высях,
границах, путях,
О прежних столицах, о будущей власти, о всем
распростертом во прах.
Спокойные башни, и белые стены, и пена раздробленных
рек,
В восторге всегдашнем, дрожали, внимали стихам,
прозвучавшим навек.
И девы и юноши встали, встречая, венчая меня как
царя,
И, теням подобно, лилась по ступеням потоком широким
заря.
Довольно, довольно! я вас покидаю! берите и сны
и слова!
Я к новому раю спешу, убегаю, мечта неизменно жива!
Я создал, и отдал, и поднял я молот, чтоб снова
с начала ковать.
Я счастлив и силен, свободен и молод, творю, чтобы
кинуть опять!

Апрель 1901

ЛЕСТНИЦА

Всё каменней ступени,
Всё круче, круче всход.
Желанье достижений
Еще влечет вперед.

Но думы безнадежней
Под пылью долгих лет.
Уверенности прежней
В душе упорной — нет.

Помедлив на мгновенье,
Бросаю взгляд назад:
Как белой цепи звенья —
Ступеней острых ряд.

Ужель в былом ступала
На всё нога моя?
Давно ушло начало,
В безбрежности края,

И лестница всё круче...
Не оступлюсь ли я,
Чтоб стать звездой падучей
На небе бытия?

Январь 1902

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНЬЕ

Где я последнее желанье
Осуществлю и утолю?
Найду ль немыслимое знанье,
Которое, таясь, люблю?

Приду ли в скит уединенный,
Горящий главами в лесу,
И в келью бред неутоленный
К ночной лампаде понесу?

Иль в городе, где стены давят,
В часы безумных баррикад,
Когда Мечта и Буйство правят,
Я слиться с жизнью буду рад?

Иль, навсегда приветив книги,
Веков мечтами упоен,
Я вам отдамся, — миги! миги! —
Бездонный, многозвонный сон?

Я разных ратей был союзник,
Носил чужие знамена,
И вот опять, как алчный узник,
Смотрю на волю из окна.

Январь 1902

У СЕБЯ

Так всё понятно и знакомо,
Ко всем изгибам глаз привык;
Да, не ошибся я, я — дома:
Цветы обоев, цепи книг...

Я старый пепел не тревожу, —
Здесь был огонь и вот остыл.
Как змей на сброшенную кожу,
Смотрю на то, чем прежде был.

Пусть много гимнов не допето
И не исчерпано блаженств,
Но чую блеск иного света,
Возможность новых совершенств!

Меня зовет к безвестным высям
В горах поющая весна,
А эта груда женских писем
И нежива, и холодна!

Лучей зрачки горят на росах,
Как серебром всё залито...
Ты ждешь меня у двери, посох!
Иду! иду! со мной — никто!

1901

ПОБЕГ

И если страстный, в час заветный,
Заслышу я мой трубный звук...

Tertia Vigilia

Мой трубный глас, ты мной заслышан
Сквозь утомленный, сладкий сон!
Альков, таинственен и пышен,
Нас облегал со всех сторон.

И в этой мгле прошли — не знаю, —
Быть может, годы и века.
И я был странно близок раю,
И жизнь шумела, далека.

Но вздрогнул я, и вдруг воспрянул,
И разорвал кольцо из рук.
Как молния, мне в сердце глянул
Победно возраставший звук.

И сон, который был так долог,
Вдруг кратким стал, как всё во сне.
Я распахнул тяжелый полог
И потонул в палящем дне.

В последний раз взглянул я свыше
В мое высокое окно:
Увидел солнце, небо, крыши
И города морское дно.

И странно мне открылась новой,
В тот полный и мгновенный миг,
Вся жизнь толпы многоголовой,
Заботы вспененный родник.

И я — в слезах, что снова, снова
Душе открылся мир другой,
Бегу от пышного алькова,
Безумный, вольный и нагой!

Август — октябрь 1901

РАБОТА

Здравствуй, тяжкая работа,
Плуг, лопата и кирка!
Освежают капли пота,
Ноет сладостно рука!

Прочь венки, дары царевны,
Упадай порфира с плеч!
Здравствуй, жизни повседневной
Грубо кованная речь!

Я хочу изведать тайны
Жизни мудрой и простой.
Все пути необычайны,
Путь труда, как путь иной.

В час, когда устанет тело
И ночлегом будет хлев, —
Мне под кровлей закоптелой
Что приснится за напев?

Что восстанут за вопросы,
Опьянят что за слова,
В час, когда под наши косы
Ляжет влажная трава?

А когда, и в дождь и в холод,
Зазвенит кирка моя,
Буду ль верить, что я молод,
Буду ль знать, что силен я?

7 июля 1901

НИТЬ АРИАДНЫ

Вперяю взор, бессильно жадный:
Везде кругом сырая мгла.
Каким путем нить Ариадны
Меня до бездны довела?

Я помню сходы и проходы,
И зал круги и лестниц винт,
Из мира солнца и свободы
Вступил я, дерзкий, в лабиринт.

В руках я нес клубок царевны,
Я шел и пел; тянулась нить.
Я счастлив был, что жар полдневный
В подземной тьме могу избыть.

И, видев странные чертоги
И посмотрев на чудеса,
Я повернул на полдороге,
Чтоб выйти вновь под небеса,

Чтоб после тайн безлюдной ночи
Меня ласкала синева,
Чтоб целовать подругу в очи,
Прочтя заветные слова...

И долго я бежал по нити
И ждал: пахнет весна и свет.
Но воздух был всё ядовитей
И гуще тьма... Вдруг нити — нет.

И я один в беззвучном зале.
Мой факел пальцы мне обжег.
Завесой сумерки упали.
В бездонном мраке нет дорог.

Я, путешественник случайный,
На подвиг трудный обречен.
Мстит лабиринт! Святые тайны
Не выдает пришельцам он.

28 октября 1902

БЛУДНЫЙ СЫН

Так отрок Библии, безумный расточитель...

Пушкин

Ужели, перешедши реки,
Завижу я мой отчий дом
И упаду, как отрок некий,
Повергнут скорбью и стыдом!

Я уходил, исполнен веры,
Как лучник опытный на лов,
Мне снились тирские гетеры
И сонм сидонских мудрецов.

И вот, что́ грезилось, всё было:
Я видел всё, всего достиг.
И сердце жгучих ласк вкусило,
И ум речей, мудрее книг.

Но, расточив свои богатства
И кубки всех отрав испив,
Как вор, свершивший святотатство,
Бежал я в мир лесов и нив.

Я одиночество, как благо,
Приветствовал в ночной тиши,
И трав серебряная влага
Была бальзамом для души.

И вдруг таким недостижимым
Представился мне дом родной,
С его всходящим тихо дымом
Над высыхающей рекой!

Где в годы ласкового детства
Святыней чувств владел и я, —
Мной расточенное наследство
На ярком пире бытия!

О, если б было вновь возможно
На мир лицом к лицу взглянуть,
И безраздумно, бестревожно
В мгновеньях жизни потонуть!

Ноябрь 1902 — январь 1903

У ЗЕМЛИ

Я б хотел забыться и заснуть.
Лермонтов

Помоги мне, мать-земля!
С тишиной меня сосватай!
Глыбы черные деля,
Я стучусь к тебе лопатой.

Ты всему живому — мать,
Ты всему живому — сваха!
Перстень свадебный сыскать
Помоги мне в комьях праха!

Мать, мольбу мою услышь,
Осчастливь последним браком!
Ты венчаешь с ветром тишь,
Луг с росой, зарю со мраком.

Помоги сыскать кольцо!..
Я об нем без слез тоскую
И, упав, твое лицо
В губы черные целую.

Я тебя чуждался, мать,
На асфальтах, на гранитах...
Хорошо мне здесь лежать
На грядах, недавно взрытых.

Я — твой сын, я тоже — прах,
Я, как ты, — звено созданий.
Так откуда — страсть и страх,
И бессонный бред исканий?

В синеве плывет весна,
Ветер вольно носит шумы...
Где ты, дева-тишина,
Жизнь без жажды и без думы?..

Помоги мне, мать! К тебе
Я стучусь с последней силой!
Или ты, в ответ мольбе,
Обручишь меня — с могилой?

1902

В ОТВЕТ

П. П. Перцову

Довольно, пахарь терпеливый,
Я плуг тяжелый свой водил.

А. Хомяков

Еще я долго поброжу
По бороздам земного луга,
Еще не скоро отрешу
Вола усталого — от плуга.

Вперед, мечта, мой верный вол!
Неволей, если не охотой!
Я близ тебя, мой кнут тяжел,
Я сам тружусь, и ты работай!

Нельзя нам мига отдохнуть,
Взрывай земли сухие глыбы!
Недолог день, но длинен путь.
Веди, веди свои изгибы!

Уж полдень. Жар палит сильней.
Не скоро тень над нами ляжет.
Пустынен кругозор полей.
«Бог помочь!» — нам никто не скажет.

А помнишь, как пускались мы
Весенним, свежим утром в поле
И думали до сладкой тьмы
С другими рядом петь на воле?

Забудь об утренней росе,
Не думай о ночном покое!
Иди по знойной полосе,
Мой верный вол, — нас только двое!

Нам кем-то высшим подвиг дан,
И спросит властно Он отчета...
Трудись, пока не лег туман,
Смотри: лишь начата работа!

А в час, когда нам темнота
Закроет все пределы круга,
Не я, а тот Другой, — мечта, —
Сам отрешит тебя от плуга!

24 августа 1902

ПЕСНИ

ФАБРИЧНАЯ

Как пойду я по бульвару,
Погляжу на эту пару.
Подарил он ей цветок —
Темно-синий василек.

Я ль не звал ее в беседку?
Предлагал я ей браслетку.
Она сердца не взяла
И с другим гулять пошла.

Как они друг другу любы!
Он ее целует в губы,
И не стыдно им людей,
И меня не видно ей.

Он улестит, он упросит,
Стыд девичий она бросит!
Их до дома провожу,
Перед дверью посижу.

Будет лампы свет в окошке...
Различу ее сережки...
Вдруг погаснет тихий свет, —
Я вздохну ему в ответ.

Буду ждать я утра в сквере,
Она выйдет из той двери.
На груди ее цветок —
Темно-синий василек.

23 декабря 1900

ФАБРИЧНАЯ

Есть улица в нашей столице.
Есть домик, и в домике том
Ты пятую ночь в огневице
Лежишь на одре роковом.

И каждую ночь регулярно
Я здесь под окошком стою,
И сердце мое благодарно,
Что видит лампадку твою.

Ах, если б ты чуяла, знала,
Чье сердце стучит у окна!
Ах, если б в бреду угадала,
Чья тень поминутно видна!

Не снятся ль тебе наши встречи
На улице, в жуткий мороз,
Иль наши любовные речи,
И ласки, и ласки до слез?

Твой муж, задремавший на стуле,
Проспит, что ты шепчешь в бреду;
А я до зари караулю
И только при солнце уйду.

Мне вечером дворники скажут,
Что ты поутру отошла,

И молча в окошко укажут
Тебя посредине стола.

Войти я к тебе не посмею,
Но, земный поклон положив,
Пойду из столицы в Расею
Рыдать на раздолии нив.

Я в камнях промучился долго,
И в них загубил я свой век.
Прими меня, матушка Волга,
Царица великая рек.

26 июля 1901

ДЕТСКАЯ

Палочка-выручалочка,
Вечерняя игра!
Небо тени свесило,
Расшумимся весело,
Бегать нам пора!

Раз, два, три, четыре, пять,
Бегом тени не догнать.
Слово скажешь, в траву ляжешь,
Черной цепи не развяжешь.
Снизу яма, сверху высь,
Между них вертись, вертись.

Что под нами, под цветами,
За железными столбами?
Кто на троне? кто в короне?
Ветер высью листья гонит
И уронит с высоты...
Я ли первый или ты?

Палочка-выручалочка,
То-то ты хитра!
Небо тени свесило,
Постучи-ка весело
Посреди двора.

Август 1901

СБОРЩИКОВ

Пожертвуйте, благодетели,
На новый колокол —
Глас господень.
Звон колокольный
С напевом ангельским
Дивно сходен.

Святые отшельники
В виденьях слышали
Лик небесный;
Святые отшельники
Верно запомнили
Нездешние песни.

Наш звон православный
Напевом ангельским
Поет и трубит.
Пожертвуйте, православные,
На новый колокол,
Что милость будет.

Вас бог не забудет.

24 августа 1898

ДЕВИЧЬЯ

То-то жизнь наша прискорбна:
Мы весь день разлучены!
Но зато всю ночь подробно
Про тебя я вижу сны.

Как ты, бедный друг, страдаешь
Под гуденье, за станком,
Как, закрыв лицо, рыдаешь,
Что с весельем незнаком.

Что мне сделать, неудачной?
Чем мне милому помочь?..

Полно мне считаться прачкой!
Я уйду на долгу ночь.

Полюблюсь на тротуаре
Я богатому купцу,
Укачу я с ним на паре,
До утра с ним прокучу.

Будут серьги, будет брошка,
Будут деньги в портмоне.
Я себе возьму немножко, —
За другим приди ко мне.

Подарю тебе часы я
На цепочке золотой...
Может, деньги и чужие,
Да подарок будет мой!

Если с кем я целовалась, —
Он уехал в Верею.
Я тебе верна осталась,
Ты, которого люблю.

1901

ВЕСЕЛАЯ

Дай мне, Ваня, четвертак,
Пожертвуй полтинник!
Что ты нынче весел так,
Словно именинник?

Раскошелься до гроша,
Не теряй минуты.
Или я не хороша?
Мои плечи круты!

Надо жить, чтоб пьяной быть
До обеда, влежку,
Чтоб поутру не тужить
Про нашу дорожку.

Чтобы щеки от тех слез,
Белые, не пухли,
Я румянюсь ярче роз,
Подвиваю букли.

Если ж станет невтерпеж
С мутного похмелья,
Ты опять, опять придешь,
Принесешь веселья.

Буду ждать я час-другой,
Где-то мой сударик?
Помни, помни, друг милой,
Красненький фонарик!

6 сентября 1901

БАЛЛАДЫ

РАБ

Я — раб, и был рабом покорным
Прекраснейшей из всех цариц.
Пред взором, пламенным и черным,
Я молча повергался ниц.

Я лобызал следы сандалий
На влажном утреннем песке.
Меня мечтанья опьяняли,
Когда царица шла к реке.

И раз — мой взор, сухой и страстный,
Я удержать в пыли не мог,
И он скользнул к лицу прекрасной,
И очи бегло ей обжег...

И вздрогнула она от гнева,
Казнь — оскорбителям святынь!
И вдаль пошла — среди напева
За ней толпившихся рабынь.

И в ту же ночь я был прикован
У ложа царского, как пес.
И весь дрожал я, очарован
Предчувствием безвестных грез.

Она вошла стопой неспешной,
Как только жрицы входят в храм,
Такой прекрасной и безгрешной,
Что было тягостно очам.

И падали ее одежды
До ткани, бывшей на груди...
И в ужасе сомкнул я вежды...
Но голос мне шепнул: гляди!

И юноша скользнул к постели.
Она, покорная, ждала...
Лампад светильни прошипели,
Настала тишина и мгла.

И было всё на бред похоже!
Я был свидетель чар ночных,
Всего, что тайно кроет ложе,
Их содроганий, стонов их.

Я утром увидал их — рядом!
Еще дрожащих в смене грез!
И вплоть до дня впивался взглядом, —
Прикован к ложу их, как пес.

Вот сослан я в каменоломню,
Дроблю гранит, стирая кровь.
Но эту ночь я помню! помню!
О, если б пережить всё — вновь!

Ноябрь 1900

ПОМПЕЯНКА

«Мне первым мужем был купец богатый,
Вторым поэт, а третьим жалкий мим,
Четвертым консул, ныне евнух пятый,
Но кесарь сам меня сосватал с ним.

Меня любил империи владыка,
Но мне был люб один нубийский раб,
Не жду над гробом: «casta et pudica»,[1]
Для многих пояс мой был слишком слаб.

Но ты, мой друг, мизиец мой стыдливый!
Навек, навек тебе я предана.
Не верь, дитя, что женщины все лживы:
Меж ними верная нашлась одна!»

Так говорила, не дыша, бледнея,
Матрона Лидия, как в смутном сне;
Забыв, что вся взволнована Помпея,
Что над Везувием лазурь в огне.

Когда ж без сил любовники застыли
И покорил их необорный сон,
На город пали груды серой пыли,
И город был под пеплом погребен.

Века прошли; и, как из алчной пасти,
Мы вырвали былое из земли.
И двое тел, как знак бессмертной страсти,
Нетленными в объятиях нашли.

Поставьте выше памятник священный,
Живое изваянье вечных тел,
Чтоб память не угасла во вселенной
О страсти, перешедшей за предел!

17 сентября 1901

ПУТНИК

По беломраморным ступеням
Царевна сходит в тихий сад —
Понежить грудь огнем осенним,
Сквозной листвой понежить взгляд.

---

[1] «чистая и целомудренная» (лат.). — *Ред.*

Она аллеей к степи сходит,
С ней эфиопские рабы,
И солнце острый луч наводит
На их лоснящиеся лбы.

Где у границ безводной степи,
Замкнув предел цветов и влаг,
Стоят столбы и дремлют цепи, —
Царевна задержала шаг.

Лепечут пальмы; шум фонтанный
Так радостен издалека,
И ветер, весь благоуханный,
Летит в пустыню с цветника.

Царевна смотрит в детской дрожи,
В ее больших очах — слеза.
Красивый юноша-прохожий
Простерся там, закрыв глаза.

На нем хитон простой и грубый,
У ног дорожная клюка.
Его запекшиеся губы
Скривила жажда и тоска.

Зовет царевна: «Брат безвестный,
Приди ко мне сюда, сюда!
Вот здесь плоды в корзине тесной,
Вино и горная вода.

Я уведу тебя к фонтанам,
Рабыни умастят тебя.
В моем покое златотканом
К тебе я припаду, любя».

И путник, взор подняв поспешно,
Глядит, как царь, на дочь царя,
Она — прекрасна и безгрешна,
Она — как юная заря.

Но он в ответ: «Сойди за цепи,
И кубок мне сама подай!»

Закрыл глаза бедняк из степи.
Фонтаны бьют. Лепечет рай.

Бледнеет и дрожит царевна.
Лежат невольники у ног.
Она растерянно и гневно
Бросает кубок на песок.

Идет к дворцу аллеей сада,
С ней эфиопские рабы...
И смех чуть слышен за оградой,
Где степь, и цепи, и столбы.

1903

ДУМЫ

L'ENNUI DE VIVRE...[1]

Я жить устал среди людей и в днях,
Устал от смены дум, желаний, вкусов,
От смены истин, смены рифм в стихах.
Желал бы я не быть «Валерий Брюсов».
Не пред людьми — от них уйти легко, —
Но пред собой, перед своим сознаньем, —
Уже в былое цепь уходит далеко,
Которую зовут воспоминаньем.
Склонясь, иду вперед, растущий груз влача:
Дней, лет, имен, восторгов и падений.
Со мной мои стихи бегут, крича,
Грозят мне замыслов недовершенных тени,
Слепят глаза сверканья без числа
(Слова из книг, истлевших в сердце-склепе),
И женщин жадные тела
Цепляются за звенья цепи.

О, да! вас, женщины, к себе воззвал я сам
От ложа душного, из келий, с перепутий,

[1] Скука жизни... (франц.). — *Ред.*

И отдавались мы вдвоем одной минуте,
И вместе мчало нас теченье по камням.
Вы скованы со мной небесным, высшим браком,
Как с морем воды впавших рек,
Своим я вас отметил знаком,
Я отдал душу вам — на миг, и тем навек.
Иные умерли, иные изменили,
Но все со мной, куда бы я ни шел.
И я влеку по дням, клонясь как вол,
Изнемогая от усилий,
Могильного креста тяжелый пьедестал:
Живую груду тел, которые ласкал,
Которые меня ласкали и томили.

И думы... Сколько их, в одеждах золотых,
Заветных дум, лелеянных с любовью,
Принявших плоть и оживленных кровью!..
Я обречен вести всю бесконечность их.
Есть думы тайные — и снова в детской дрожи,
Закрыв лицо, я падаю во прах...
Есть думы светлые, как ангел божий,
Затерянные мной в холодных днях.
Есть думы гордые — мои исканья бога —
Но оскверненные притворством и игрой,
Есть думы-женщины, глядящие так строго,
Есть думы-карлики с изогнутой спиной...
Куда б я ни бежал истоптанной дорогой,
Они летят, бегут, ползут — за мной!

А книги... Чистые источники услады,
В которых отражен родной и близкий лик,
— Учитель, друг, желанный враг, двойник —
Я в вас обрел все сладости и яды!
Вы были голубем в плывущий мой ковчег
И принесли мне весть, как древле Ною,
Что ждет меня земля, под пальмами ночлег,
Что свой алтарь на камнях я построю...
С какою жадностью, как тесно я приник
К стоцветным стеклам, к окнам вещих книг,
И увидал сквозь них просторы и сиянья,
Лучей и форм безвестных сочетанья,

Услышал странные, родные имена...
И годы я стоял, безумный, у окна!
Любуясь солнцами, моя душа ослепла,
Лучи ее прожгли до глубины, до дна,
И все мои мечты распались горстью пепла.

О, если б всё забыть, быть вольным, одиноким,
В торжественной тиши раскинутых полей,
Идти своим путем, бесцельным и широким,
Без будущих и прошлых дней.
Срывать цветы, мгновенные, как маки,
Впивать лучи, как первую любовь,
Упасть, и умереть, и утонуть во мраке,
Без горькой радости воскреснуть вновь и вновь!

1902

HABET ILLA IN ALVO[1]

Ее движенья непроворны,
Она ступает тяжело,
Неся сосуд нерукотворный,
В который небо снизошло.
Святому таинству причастна,
И той причастностью горда,
Она по-новому прекрасна,
Вне вожделений, вне стыда.
В ночь наслажденья, в миг объятья,
Когда душа была пьяна,
Свершилась истина зачатья,
О чем не ведала она!
В изнеможеньи и в истоме
Она спала без грез, без сил,
Но, как в эфирном водоеме,
В ней целый мир уже почил.
Ты знал ее меж содроганий
И думал, что она твоя...

---

[1] Она понесла во чреве (лат.). — *Ред.*

И вот она с безвестной грани
Приносит тайну бытия!

Когда мужчина встал от роковой постели,
Он отрывает вдруг себя от чар ночных,
Дневные яркости на нем отяготели,
И он бежит в огне — лучей дневных.
Как пахарь бросил он зиждительное семя,
Он снова жаждет дня, чтоб снова изнемочь, —
Ее ж из рук своих освобождает Время,
На много месяцев владеет ею Ночь!
Ночь — Тайна — Мрак — Неведомое — Чудо,
Нам непонятное, что приняла она...
Была любовь и миг, иль только трепет блуда, —
И вновь вселенная в душе воплощена!

Ребекка! Лия! мать! с любовью или злобой
Сокрытый плод нося, ты служишь как раба,
Но труд ответственный дала тебе судьба:
Ты охраняешь мир таинственной утробой.
В ней сберегаешь ты прошедшие века,
Которые преемственностью живы,
Лелеешь юности красивые порывы
И мудрое молчанье старика.
Пространство, время, мысль — вмещаешь дважды ты
Вмещаешь и даешь им новое теченье:
Ты, женщина, ценой деторожденья
Удерживаешь нас у грани темноты!
Неси, о мать, свой плод! внемли глубокой дрожи,
Таи дитя, оберегай, питай,
И после, в срочный час, припав на ложе,
Яви земле опять воскресший май!

Свершилось. Сон недавний явен,
Миг вожделенья воплощен:
С тобой твой сын пред богом равен,
Как ты сама — бессмертен он!
Что́ было свято, что́ преступно,
Что́ соблазняло мысль твою,
Ему открыто и доступно,
И он как первенец в раю.

Что́ пережито — не вернется,
Берем мы миги, их губя!
Ему же солнце улыбнется
Лучом погасшим для тебя!
И снова будут чисты розы,
И первой первая любовь!
Людьми изведанные грезы
Неведомыми станут вновь.
И кто-то, сладкий яд объятья
Вдохнув с дыханьем темноты,
(Быть может, также в час зачатья)
В его руках уснет, как ты!

Иди походкой непоспешной,
Неси священный свой сосуд,
В преддверьи каждой ночи грешной
Два ангела с мечами ждут.
Спадут, как легкие одежды,
Мгновенья радостей ночных.
Иные, строгие надежды
Откроются за тканью их.
Она покров заветный тайны,
Сокрытой в явности веков,
Но неземной, необычайный
Огнем пронизанный покров.
Прими его, покрой главу им
И в сумраке его молись,
И верь под страстным поцелуем,
Что в небе глубь, и в бездне высь!

Июль 1902

ПАРИЖ

И я к тебе пришел, о город многоликий,
К просторам площадей, в открытые дворцы;
Я полюбил твой шум, все уличные крики:
Напев газетчиков, бичи и бубенцы;
Я полюбил твой мир, как сон, многообразный
И вечно дышащий, мучительно-живой...

Твоя стихия — жизнь, лишь в ней твои соблазны,
Ты на меня дохнул — и я навеки твой.

Порой казался мне ты беспощадно старым,
Но чаще ликовал, как резвое дитя,
В вечерний, тихий час по меркнущим бульварам
Меж окон блещущих людской поток катя.
Сверкали фонари, окутанные пряжей
Каштанов царственных; бросали свой призыв
Огни ночных реклам; летели экипажи,
И рос, и бурно рос глухой, людской прилив.
И эти тысячи и тысячи прохожих
Я сознавал волной, текущей в новый век.
И жадно я следил теченье вольных рек,
Сам — капелька на дне в их каменистых ложах,
А ты стоял во мгле — могучим, как судьба,
Колоссом, давящим бесчисленные рати...
Но не скудел пэан моих безумных братий,
И Города с Людьми не падала борьба...

Когда же, утомлен виденьями и светом,
Искал приюта я — меня манил собор,
Давно прославленный торжественным поэтом...
Как сладко здесь мечтал мой воспаленный взор,
Как были сладки мне узорчатые стекла,
Розетки в вышине — сплетенья звезд и лиц.
За ними суета невольно гасла, блекла,
Пред вечностью душа распростиралась ниц...
Забыв напев псалмов и тихий стон органа,
Я видел только свет, святой калейдоскоп,
Лишь краски и цвета сияли из тумана...
Была иль будет жизнь? и колыбель? и гроб?
И начинал мираж вращаться вкруг, сменяя
Все краски радуги, все отблески огней.
И краски были мир. В глубоких безднах рая
Не эти ль образы, века, не утомляя,
Ласкают взор ликующих теней?

А там, за Сеной, был еще приют священный.
Кругообразный храм и в бездне саркофаг,
Где, отделен от всех, спит император пленный, —
Суровый наш пророк и роковой наш враг!

Сквозь окна льется свет, то золотой, то синий,
Неяркий, слабый свет, таинственный как мгла,
Прозрачным знаменем дрожит он над святыней,
Сливаясь с веяньем орлиного крыла!
Чем дольше здесь стоишь, тем всё кругом безгласней,
Но в жуткой тишине растет беззвучный гром,
И оживает всё, что было детской басней,
И с невозможностью стоишь к лицу лицом!
Он веком властвовал, как парусом матросы,
Он миллионам душ указывал их смерть;
И сжали вдруг его стеной тюрьмы утесы,
Как кровля, налегла расплавленная твердь.
Заснул он во дворце — и взор открыл в темнице,
И умер, не поняв, прошел ли страшный сон...
Иль он не миновал? ты грезишь, что в гробнице?
И вдруг войдешь сюда — с жезлом и в багрянице, —
И пред тобой падем мы ниц, Наполеон!

И эти крайности! — всё буйство жизни нашей,
Средневековый мир, величье страшных дней, —
Париж, ты съединил в своей священной чаше,
Готовя страшный яд из песен и идей!
Ты человечества — мальстрем. Напрасно люди
Мечтают от твоих влияний ускользнуть!
Ты должен всё смешать в чудовищном сосуде.
Блестит его резьба, незримо тает муть.
Ты властно всех берешь в зубчатые колеса
И мелешь души всех, и веешь легкий прах.
А слезы вечности кропят его, как росы...
И ты стоишь, Париж, как мельница, в веках!

В тебе возможности, в тебе есть дух движенья,
Ты вольно окрылен, и вольных крыльев тень
Ложится и теперь на наши поколенья,
И стать великим днем здесь может каждый день.
Плотины баррикад вонзал ты смело в стены
И замыкал поток мятущихся времен,
И раздроблял его в красивых брызгах пены.
Он дальше убегал, разбит, преображен.
Вторгались варвары в твой сжатый круг, крушили
Заветные углы твоих святых дворцов,
Но был не властен меч над тайной вечной были:

Как феникс, ты взлетал из дыма, жив и нов.
Париж не весь в домах, и в том иль в этом лике:
Он часть истории, идея, сказка, бред.
Свое бессмертие ты понял, о великий,
И бреду твоему исчезновенья — нет!

1903
Париж

МИР

Я помню этот мир, утраченный мной с детства,
Как сон непонятый и прерванный, как бред...
Я берегу его — единое наследство
Мной пережитых и забытых лет.
Я помню формы, звуки, запах... О! и запах!
Амбары темные, огромные кули,
Подвалы по́д полом, в грудях земли,
Со сходами, припрятанными в трапах,
Картинки в рамочках на выцветшей стене,
Старинные скамьи и прочные конторки,
Сквозь пыльное окно какой-то свет незоркий,
Лежащий без теней в ленивой тишине,
И запах надо всем, нежалящие когти
Вонзающий в мечты, в желанья, в речь, во всё!
Быть может, выросший в веревках или дегте,
Иль вползший, как змея, в безлюдное жилье,
Но царствующий здесь над всем житейским складом,
Проникший всё насквозь, держащий всё в себе!
О, позабытый мир! и я дышал тем ядом,
И я причастен был твоей судьбе!

Я помню: за окном, за дверью с хриплым блоком
Был плоский и глухой, всегда нечистый двор.
Стеной и вывеской кончался кругозор
(Порой закат блестел на куполе далеком).
И этот старый двор всегда был пуст и тих,
Как заводь сорная, вся в камышах и тине...
Мелькнет монахиня... Купец в поддевке синей...
Поспешно пробегут два юрких половых...
И снова душный сон всех звуков, красок, линий...
Когда въезжал сюда телег тяжелый ряд,
С самоуверенным и беспощадным скрипом, —

И дюжим лошадям, и безобразным кипам,
И громким окрикам сам двор казался рад.
Шумели молодцы, стуча вскрывались люки,
Мелькали руки, пахло кумачом...
Но проходил тот час, вновь умирали звуки,
Двор застывал во сне, привычном и немом...
А по́д вечер опять мелькали половые,
Лениво унося порожние судки...
Но поздно... Главы гаснут золотые.
Углы — приют теней — темны и глубоки.
Уже давно вся жизнь влачится неисправней,
Мигают лампы, пахнет керосин...
И скоро вынесут на волю, к окнам, ставни,
И пропоет замок, и дом заснет — один.

Я помню этот мир. И сам я в этом мире
Когда-то был как свой, сливался с ним в одно.
Я мальчиком глядел в то пыльное окно,
У сумрачных весов играл в большие гири
И лазил по мешкам в сараях, где темно.
Мечтанья детские в те дни уже светлели:
Мне снились: рощи пальм, безвестный океан,
И тайны полюсов, и бездны подземелий,
И дерзкие пути междупланетных стран.
Но дряхлый, ветхий мир на все мои химеры
Улыбкой отвечал, как ласковый старик.
И тихо надо мной — ребенком — ник,
Громадный, неподвижный, серый.
И что-то было в нем родным и близким мне.
Он глухо мне шептал и понимал его я...
И смешивалось всё, как в смутном сне:
Мечта о неземном и сладкий мир покоя...
. . . .

Недавно я прошел знакомым переулком
И не узнал заветных мест совсем.
Тот, мне знакомый, мир был тускл и нем —
Теперь сверкало всё, гремело в гуле гулком!
Воздвиглись здания из стали и стекла,
Дворцы огромные, где вольно бродят взоры...
Разрыты навсегда таинственные норы,
Бесстрастный свет вошел туда, где жалась мгла.

И лица новые, и говор чужд... Всё ново!
Как сказка смелая — воспоминанья лет!
Нет даже и во мне тогдашнего былого,
Напрасно я ищу в душе желанный след...
В душе всё новое, как в городе торговли,
И мысли, и мечты, и чаянья, и страх.
Я мальчиком мечтал о будущих годах:
И вот они пришли... Ну что же? Я таков ли,
Каким желал я быть? Добыл ли я венец?
Иль эти здания, все из стекла и стали,
Восставшие в душе как призрачный дворец,
Все утоленные восторги и печали,
Всё это новое — напрасно взяло верх
Над миром тем, что мне — столетья завещали,
Который был моим, который я отверг!

1903
Москва

Элегии

В ДАМАСК

Губы мои приближаются
    К твоим губам,
Таинства снова свершаются,
    И мир как храм.

Мы, как священнослужители,
    Творим обряд.
Строго в великой обители
    Слова звучат.

Ангелы, ниц преклоненные,
    Поют тропарь.
Звезды — лампады зажженные,
    И ночь — алтарь.

Что нас влечет с неизбежностью,
    Как сталь магнит?
Дышим мы страстью и нежностью,
    Но взор закрыт.

Водоворотом мы схвачены
Последних ласк.
Вот он, от века назначенный,
Наш путь в Дамаск!

1903

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

Я сквозь незапертые двери
Вошел в давно знакомый дом,
Как в замок сказочных поверий,
Постигнутый волшебным сном.

Сквозь спущенные занавески
Чуть проникали тени дня,
И люстры тонкие подвески
Сверкали бледно, не звеня.

И так шаги казались странны,
Почти заглушены в коврах.
Картины, темны и туманны,
Терялись смутно на стенах.

Я встретил взгляд без выраженья
Остановившихся часов.
Полузасохшие растенья
Стояли стражей мертвецов.

Я заглянул... Она смотрела,
Как тихо догорал камин.
Зола каких-то писем тлела,
Но в воздухе дышал жасмин.

На платье белое — всё реже
Бросали угли отсвет свой.
Она вдыхала запах свежий,
Клонясь всё ниже головой.

И, не веселый, не печальный,
Я скрылся, как вошел, без слов,
Приняв в гостиной взгляд прощальный
Остановившихся часов.

25 декабря 1901

К БЛИЗКОЙ

Предстанет миг, и дух мой канет
В неизмеримость без времен,
И что-то новое настанет,
И будет прах земли как сон.

Настанет мир иных скитаний,
Иных падений и высот,
И, проходя за гранью грани,
Мой дух былое отряхнет,

Воспоминанья все утратит,
В огне небес перегорит
И за познанье тайн заплатит
Забвеньем счастья и обид.

И вот, как облако влекомый,
Молчанье строгое храня,
Я вдруг завижу лик знакомый,
И трепет обожжет меня.

В моей душе преображенной,
От всех условий бытия,
Как мысль от тени, отрешенной,
Восстанет вся любовь моя,

Весь круг бессилия и счастья,
Все дни, что вечностью прошли,
Весь вещий ужас сладострастья,
Вся ложь, вся радуга земли!

И словно вновь под сводом звездным,
С своей бездонной высоты,
Твое я имя кину к безднам,
И мне на зов ответишь — ты!

1903

ЭПИЗОД

1

Не правда ли: мы в сказке,
Мы в книжке для детей?
Твои так нежны глазки,
И поступь — как у фей!

Я — принц, а ты — царевна,
Отец твой — злой король...
Но не гляди так гневно,
Побыть с тобой позволь.

Я в шапке-невидимке,
Для всех — ты здесь одна!
И вот в вечерней дымке
Померкла даль окна.

Прислужницы уводят
Тебя под полог твой...
Ночные тени бродят,
И я во мгле с тобой!

Уста твои безмолвны,
Смежен покорный взор.
Бросаю в воздух — в волны
Наш самолет-ковер.

Влекут нас в царство ласки
Семь белых лебедей...
Не правда ли: мы в сказке,
Мы в книжке для детей?

2

Зачем твое имя Мария,
Любимое имя мое?
Любовь — огневая стихия,
Но ты увлекаешь в нее.

Зачем с утомляющей дрожью
Сжимаю я руку твою
И страсть, как посланницу божью,
В горящей мечте узнаю?

Ты шепчешь, лицо уклоняя:
«Зачем я слаба? — ты сильней».
И вьется дорога ночная
По царству теней и огней.

3

Когда твой поезд, с ровным шумом,
Мелькнул и стал вонзаться в даль,
А я стоял, доверясь думам,
Меня так нежила печаль.

Там на платформе опустелой,
В июльском пламенном огне,
Всё то, что с детством охладело,
Я находил живым во мне.

И после всех моих падений
Мне так легко давались вновь
И детский трепет разлучений,
И детски нежная любовь.

Июль 1901

ОДИНОЧЕСТВО

Проходят дни, проходят сроки,
Свободы тщетно жаждем мы.
Мы беспощадно одиноки
На дне своей души-тюрьмы!

Присуждены мы к вечной келье,
И в наше тусклое окно
Чужое горе и веселье
Так дьявольски искажено.

Напрасно жизнь проходит рядом
За днями день, за годом год.
Мы лжем любовью, словом, взглядом, —
Вся сущность человека лжет!

Нет сил сказать, нет сил услышать,
Невластно ухо, мертв язык.
Лишь время знает, чем утишить
Безумно вопиющий крик.

Срывай последние одежды
И грудью всей на грудь прильни, —
Порыв бессилен! нет надежды!
И в самой страсти мы одни!

Нет единенья, нет слиянья —
Есть только смутная алчба,
Да согласованность желанья,
Да равнодушие раба.

Напрасно дух о свод железный
Стучится крыльями, скользя.
Он вечно здесь, над той же бездной:
Упасть в соседнюю — нельзя!

И путник, посредине луга,
Кругом бросает тщетный взор:
Мы вечно, вечно в центре круга,
И вечно замкнут кругозор!

1903

СОНЕТЫ И ТЕРЦИНЫ

ВТИРУША

Ты вновь пришла, вновь посмотрела в душу,
Смеешься над бессильным крикнуть: «Прочь!»
Тот вечно раб, кто принял раз втирушу...
Покорствуй дух, когда нельзя помочь.

Я — труп пловца, заброшенный на сушу,
Ты — зыбких волн неистовая дочь.
Бери меня. Я клятвы не нарушу.
В твоих руках я буду мертв всю ночь.

До утра буду я твоей добычей,
Орудием твоих ночных утех.
И будет вкруг меня звенеть твой смех.

Исчезнешь ты под первый щебет птичий,
Но я останусь нем и недвижим,
И странно чуждый женщинам земным.

1903

MON RÊVE FAMILIER[1]

Люблю мечты моей созданье.

Лермонтов

Вновь одинок, как десять лет назад,
Брожу в саду; ведут аллеи те же,
С цветущих лип знакомый аромат.

Чу! лай собак. Повеял ветер свежий,
И с тихим вечером приходит бред,
Что нежит сердце год за годом реже.

Мне нынче снова — девятнадцать лет!
Ты вновь со мной, «мечты моей созданье»!
Дай плакать мне — я снова твой поэт!

---

[1] Моя привычная мечта (франц.). — *Ред.*

Как сладостно твоих шагов шуршанье;
Ты дышишь рядом; подыми я взор,
Твоих очей ответит мне сверканье.

Не изменилась ты, — о, нет, — с тех пор,
Как мальчику явилась ты впервые
И был свершен наш брачный договор!

Ты мне дала узнать, что страсть — стихия,
Ввела во храмы воплощенных грез,
Открыла мне просторы неземные,

Следила ты, как друг, пока я рос,
На первые свиданья приходила,
Была меж нами третья в мире роз.

Я изменил — но ты не изменила,
Лишь отошла, поникнув головой,
Когда меня смутила злая сила.

О, как я мог пожертвовать тобой!
И женщине из плоти и из крови
Как предпочел небесный образ твой!

Но лишь с тобой мне счастье было внове,
В часы луны, у перепевных струй,
На ложе — у палящих изголовий,

Прильнув к груди, впивая поцелуй,
Невольно я тебя искал очами,
Тебя я жаждал!.. Верь и не ревнуй.

По-прежнему твой лик витал над снами!
Кого б я ни ласкал, дрожа, любя,
Я счастлив был лишь тайными мечтами, —

Во всех, во всех лаская лишь тебя!

22 мая 1903
Петровское-Разумовское

ТЕРЦИНЫ К СПИСКАМ КНИГ

И вас я помню, перечни и списки,
Вас вижу пред собой за ликом лик.
Вы мне, в степи безлюдной, снова близки.

Я ваши таинства давно постиг!
При лампе, наклонясь над каталогом,
Вникать в названья неизвестных книг;

Следить за именами; слог за слогом
Впивать слова чужого языка;
Угадывать великое в немногом;

Воссоздавать поэтов и века
По кратким, повторительным пометам:
«Без титула», «в сафьяне» и «редка».

И ныне вы предстали мне скелетом
Всего, что было жизнью сто веков,
Кивает он с насмешливым приветом,

Мне говорит: «Я не совсем готов,
Еще мне нужны кости и суставы,
Я жажду книг, чтоб сделать груду слов.

Мечтайте, думайте, ищите славы!
Мне всё равно, безумец иль пророк,
Созданья для ума и для забавы.

Я всем даю определенный срок.
Твори и ты, а из твоих мечтаний
Я сохраню навек семь-восемь строк.

Всесильнее моих упоминаний
Нет ничего. Бессмертие во мне.
Венчаю я — мир творчества и знаний».

Так остов говорит мне в тишине,
И я, с покорностью целуя землю,
При быстро умирающей луне,

Исчезновение! твой зов приемлю.

10 апреля 1901

КАРТИНЫ

ЛЮБЛЮ ОДНО

Люблю одно: бродить без цели
По шумным улицам, один;
Люблю часы святых безделий,
Часы раздумий и картин.

Я с изумленьем, вечно новым,
Весной встречаю синеву,
И в вечер пьян огнем багровым,
И ночью сумраком живу.

Смотрю в лицо идущих мимо,
В их тайны властно увлечен,
То полон грустью нелюдимой,
То богомолен, то влюблен.

Под вольный грохот экипажей
Мечтать и думать я привык,
В теснине стен я весь на страже:
Да уловлю господень лик!

12 октября 1900

РАНЬШЕ УТРА

Я знаю этот свет, неумолимо четкий,
И слишком резкий стук пролетки в тишине,
Пред окнами контор железные решетки,
Пустынность улицы, не дышащей во сне.

Ночь канула в года, свободно и безумно.
Еще горят огни всех вдохновенных сил;
Но свежий утренник мне веет в грудь бесшумно,
Недвижные дома — как тысячи могил.

Там люди-трупы спят, вдвоем и одиноко,
То навзничь, рот открыв, то ниц — на животе.

Но небо надо мной глубоко и высоко,
И даль торжественна в открытой наготе!

Два равных мира есть, две равные стихии:
Мир дня и ночи мир, безумства и ума,
Но тяжки грани их — часы полуночные,
Когда не властен свет и расточилась тьма.

С последним чаяньем, свою мечту ночную
Душа стремится влить в пустые формы дня,
Но тщетно я борюсь и тщетно я колдую:
Ты, день, могучий враг, вновь покоришь меня!

1902

КАМЕНЩИК

— Каменщик, каменщик в фартуке белом,
Что ты там строишь? кому?
— Эй, не мешай нам, мы заняты делом,
Строим мы, строим тюрьму.

— Каменщик, каменщик с верной лопатой,
Кто же в ней будет рыдать?
— Верно, не ты и не твой брат, богатый.
Незачем вам воровать.

— Каменщик, каменщик, долгие ночи
Кто ж проведет в ней без сна?
— Может быть, сын мой, такой же рабочий.
Тем наша доля полна.

— Каменщик, каменщик, вспомнит, пожалуй,
Тех он, кто нес кирпичи!
— Эй, берегись! под лесами не балуй...
Знаем всё сами, молчи!

16 июля 1901

ПРОХОЖЕЙ

Она прошла и опьянила
Томящим сумраком духов
И быстрым взором оттенила
Возможность невозможных снов.

Сквозь уличный железный грохот
И пьян от синего огня,
Я вдруг заслышал жадный хохот,
И змеи оплели меня.

В моих глазах еще синела
Небес вечерних полумгла,
Но теплота чужого тела
Меня объяла и прожгла.

И в ужасе борьбы упорной,
Меж клятв, молений и угроз,
Я был опутан влагой черной
Ее распущенных волос.

1901

ГОЛОС ЧАСОВ

С высокой башни колокольной,
Призывный заменяя звон,
Часы поют над жизнью дольной,
Следя движение времен.

Но днем в бреду многоголосном
Не слышен звонкий их напев,
Над гулким грохотом колесным,
Над криком рынка, смехом дев.

Когда ж устанет день, и ляжет
Ночная тень во всех углах,
И шуму замолчать прикажет,
И переменит жизнь в огнях,

Мы все, покорствуя невольно,
В пространном царстве вещих снов,
С высокой башни колокольной
Внимаем голосу часов.

Густеют и редеют тени.
А торжествующая медь
Зовет и нас в череде мгновений
Мелькнуть, побыть и умереть.

28 июня 1902

НА СКАЧКАХ

Люблю безумное стремленье
К столбу летящих лошадей,
Их равномерное храпенье
И трепет вытянутых шей.

Когда в начале свежи силы,
Под шум о землю бьющих ног,
Люблю задержанной кобылы
Уверенный упругий скок.

Люблю я пестрые камзолы,
В случайный сбитые букет,
И финиш, ярый и тяжелый,
Где миг колеблет «да» и «нет».

Когда счастливец на прямую
Выходит, всех опередив,
Я с ним победу торжествую,
Его понятен мне порыв!

Быть первым, вольно одиноким!
И видеть, что близка мета,
И слышать отзвуком далеким
Удары ног и щелк хлыста!

23 сентября 1902

ЧУДОВИЩА

Зловещее и смутное есть что-то...
К. Фофанов

Во всех углах жилья, в проходах, за дверьми
Стоят чудовища, незримые людьми:
Болезни, ужасы и думы тех, кто прежде
Жил в этих комнатах и верил здесь надежде.
И все мы, с первых дней вступая в старый дом,
Под их влиянием таинственным живем.
Их образ — как у птиц. Как глупые пингвины,
Они стоят во мгле, к стене притиснув спины
И чинно крылышки прижав к своим бокам;
Как грифы серые, нахохлясь, по углам,
За печкой, за бюро сидят неясной грудой;
Как совы, на шкапах таятся, и оттуда
Глядят незрячими глазами целый день.
При свете дня их нет, они — пустая тень,
И только вечером, когда уносят свечи
И где-то вдалеке шумят за чаем речи, —
В потемках, в комнатах, безмолвных с давних пор,
Они выходят все из мрака и из нор,
Гуляют и шумят за мигом миг смелее,
Почти что на виду вытягивают шеи,
Пугают мальчика, боящегося мглы,
И, лишь внесут огонь, скрываются в углы.
А после, полночью, в квартире тупо спящей
Блуждают, властные, какой-то ратью мстящей,
Мечтами давних лет холодный сон томят
И в губы спящего вдыхают мертвый яд.

1903

НОЧЬ

Горящее лицо земля
В прохладной тени окунула.
Пустеют знойные поля,
В столицах молкнет песня гула.

Идет и торжествует мгла,
На лампы дует, гасит свечи,

В постели к любящим легла
И властно их смежила речи.

Но пробуждается разврат.
В его блестящие приюты
Сквозь тьму, по улицам, спешат
Скитальцы покупать минуты.

Стрелой вонзаясь в города,
Свистя в полях, гремя над бездной,
Летят немолчно поезда
Вперед по полосе железной.

Глядят несытые ряды
Фабричных окон в темный холод,
Не тихнет резкий стон руды,
Ему в ответ хохочет молот.

И, спину яростно клоня,
Скрывают бешенство проклятий
Среди железа и огня
Давно испытанные рати.

Сентябрь 1902

АНТОЛОГИЯ

ЯРОСТНЫЕ ПТИЦЫ

Яростные птицы с огненными перьями
Пронеслись над белыми райскими преддверьями,
Огненные отблески вспыхнули на мраморе,
И умчались странницы, улетели за море.

Но на чистом мраморе, на пороге девственном,
Что-то всё алелося блеском неестественным,
И в вратах под сводами, вечными, алмазными,
Упивались ангелы тайными соблазнами.

Январь 1901

Ночь.

Горящее лицо земля
Въ прохладной тѣни окунула
Пустынных рощей идя,
Въ стоящих моментъ [illegible] чуда,

~~И в тысячах [illegible] духов,~~
~~Въ постелях, [illegible] и [illegible],~~
~~На рубеже безбрежных снов~~
~~Стихают от дума [illegible] [illegible]~~

Поет и торжествует мгла,
На камни дует, гасит свечи,
Въ постели из любящих легла
И властно их смежила речи.

~~Но, пробужденных [illegible]~~

~~Лишь на ограде~~

Но проступает разрыв
~~Из мрака блестящ его [illegible]~~

В РАЮ

An Maximilian Schick

Лишь закрою глаза, как мне видится берег
Полноводной реки, тени синей волны.
Дремлет небо одной из Полдневных Америк,
Чуть дрожа на качелях речной глубины.

Веет ветер какого-то лучшего века,
Веет юность свободной и гордой земли.
Мчатся легкие серны, друзья человека,
Песня вольных охотников молкнет вдали.

Обнаженные юноши, девы и дети
Выбегают на отмель веселой толпой,
И бросаются в воду, при радостном свете,
Словно горсти жемчужин, блестя за водой.

Длится время, качаются зыби заката,
Здесь и там задымился и светит костер.
Дева спутника игр обнимает, как брата...
О, как сладки во мгле поцелуи сестер!

Да, я знаю те земли и знаю то время,
Их свободно и быстро в мечтах узнаю...
И часами смотрю на блаженное племя,
И как путник-прохожий я с ними в раю!

6 мая 1903

СОН

Как город призрачный в пустыне,
У края бездн возник мой сон.
Не молкнет молний отсвет синий,
Над кручей ясен небосклон.

И пышен город, озаренный:
Чертоги, башни, купола,

И водоемы, и колонны...
Но ждет в бездонной бездне мгла.

И вот уже, как звон надгробный,
Сквозь веки слышится рассвет,
Вот стены — призракам подобны,
И вот на башнях — шпилей нет...

Когда же явь мне в очи глянет,
Я буду сброшен с тех высот,
Весь город тусклой тенью станет
И, рухнув, в пропасть соскользнет.

И алчно примет пасть пучины
За храмом храм, за домом дом...
И вот — лишь две иль три руины
Вещают смутно о былом.

22 августа 1903

ЗНОЙНЫЙ ДЕНЬ

Белый день, прозрачно белый,
Золотой, как кружева...
Сосен пламенное тело,
Зноем пьяная трава.

Пробегающие тучи,
Но не смеющие пасть...
Где-то в сердце, с силой жгучей,
Затаившаяся страсть.

Не гляди так, не зови так,
Ласк ненужных не желай.
Пусть пылающий напиток
Перельется через край.

Ближе вечер... Солнце клонит
Возрастающую тень...
Пусть же в памяти потонет
Золотой и белый день.

1902
Верея

ОБЛАКА

Облака опять поставили
Паруса свои.
В зыбь небес свой бег направили
Белые ладьи.

Тихо, плавно, без усилия
В даль без берегов
Вышла дружная флотилия
Сказочных пловцов.

И, пленяясь теми сферами,
Смотрим мы с полей,
Как скользят рядами серыми
Кили кораблей.

Но и нас ведь должен с палубы
Видеть кто-нибудь,
Чье желанье сознавало бы
Этот вольный путь!

21 августа 1903

ТЕРЕМ

Иоанне Б.

Тихи дни и годы — годы в терему,
Словно льются воды медленно во тьму.

День неслышно тает, гаснет без следа...
Тусклый свет роняет пестрая слюда,

За окошком главы — малый край небес,
По простенкам травы — непостижный лес.

С темной образницы кроткий свет лампад...
Те же, те же лица, что и день назад!

Та же всё работа, песни без души...
Льются дни без счета, как вода в тиши...

Только в воскресенье бегло видишь мир:
В церкви чтенье, пенье — отдаленный клир,

Дома смех, салазки, снежная гора,
Да под вечер пляски, сказки гусляра.

Сны усталых сладки — жжет лебяжий пух...
На ухо загадки кто-то шепчет вслух,

Снится сине море, снится царский сын,
Знаешь страсть и горе, хоть на час один!

Утро. С образницы кроткий свет на всех.
Тихо, как в гробнице. За окошком — снег.

Январь 1901

ПРЕЗРЕНИЕ

Великое презрение и к людям и к себе
Растет в душе властительно, царит в моей судьбе.

Любил бы, да не в силах я, не ищешь и не ждешь,
И все мечты как призраки, и все желанья — ложь.

Откроет ли нам истина свое лицо иль нет,
Я буду ль жить по имени во глуби долгих лет,

И ты, о ком я думаю, ты любишь ли меня,
И мне скитаться долго ли, иль не дожить и дня,

Мне всё равно, мне всё равно, слежу игру теней.
Я долго жизнь рассматривал, я присмотрелся к ней.

Как лист, в поток уроненный, я отдаюсь судьбе,
И лишь растет презрение и к людям и к себе.

29 октября 1900

К УСТЬЮ!

На волны набегают волны,
Растет прилив, отлив растет,
Но, не скудея, вечно полны
Вместилища свободных вод.

На годы набегают годы,
Не молкнет ровный стук минут,
И дни и годы, словно воды,
В просторы вечности текут.

Дыша то радостью, то грустью,
И я мгновеньям отдаюсь,
И, как река стремится к устью,
К безбрежной дали я стремлюсь.

Промчится жизни быстротечность,
За днями дни, за годом год,
И утлый челн мой примет вечность
В неизмеримость черных вод.

1903

ОДЫ И ПОСЛАНИЯ

К. Д. БАЛЬМОНТУ

Вечно вольный, вечно юный,
Ты как ветер, как волна,
Речь твоя поет, как струны,
Входит в души, как весна.

Веет ветер быстролетный,
И кругом дрожат цветы,
Он ласкает, безотчетный,
Всё вокруг — таков и ты!

Ты как звезды — близок небу.
Да, ты — избранный, поэт!
Дара высшего не требуй!
Дара высшего и нет.

«Высшим знаком ты отмечен»,
Чти свою святыню сам,
Будь покорен, будь беспечен,
Будь подобен облакам.

Всё равно, куда их двинет
Ветер, веющий кругом.
Пусть туман как град застынет,
Пусть обрушится дождем,

И над полем и над бездной
Облака зарей горят.
Будь же тучкой бесполезной,
Как она лови закат!

Не ищи, где жаждет поле,
На раздумья снов не трать.
Нам забота. Ты на воле!
На тебе ее печать!

Может: наши сны глубоки,
Голос наш — векам завет,
Как и ты, мы одиноки,
Мы — пророки... Ты — поэт!

Ты не наш — ты только божий.
Мы весь год — ты краткий май!
Будь — единый, непохожий,
Нашей силы не желай.

Ты сильней нас! Будь поэтом,
Верь мгновенью и мечте.
Стой, своим овеян светом,
Где-то там, на высоте.

Тщетны дерзкие усилья,
Нам к тебе не досягнуть!
Ты же, вдруг раскинув крылья,
В небесах направишь путь.

1902

ЕМУ ЖЕ

Нет, мой лучший брат, неправ ты:
Я тебя не разлюблю!
Мы плывем, как аргонавты,
Душу вверив кораблю.

Все мы в деле: у кормила,
Там, где парус, где весло.
Пыль пучины окропила
Наше влажное чело.

Но и в диком крике фурий,
Взором молний озарен,
Заклинатель духов бури,
Ты поешь нам, Арион!

Если нас к земному лону
Донести дано судьбе,
Первый гимн наш — Аполлону,
А второй наш гимн — тебе!

Если ж зыбкий гроб в пучине
Присудили парки нам,
Мы подземной Прозерпине
И таинственным бо́гам

Предадим с молитвой душу, —
А тебя из мглы пучин
Тихо вынесет на сушу
На спине своей — дельфин.

3 августа 1903

ЛЕВ СВЯТОГО МАРКА

Pax tibi, Marce, evangelista meus. [1]

(Надпись на книге, которую держит в лапах лев святого Марка)

Кем открыт в куске металла
Ты, святого Марка лев?
Чье желанье оковало
На века — державный гнев?

«Мир тебе, о Марк, глашатай
Вечной истины моей».
И на книгу лев крылатый
Наступил, как страж морей.

Полузверь и полуптица!
Охраняема тобой,
Пять веков морей царица
Насмехалась над судьбой.

В топи илистой лагуны
Встали белые дворцы,
Пели кисти, пели струны,
Мир судили мудрецы.

Сколько гордых, сколько славных,
Провожая в море день,
Созерцали крыл державных
Возрастающую тень.

И в святые дни Беллини
Ты над жизнью мировой
Так же горд стоял, как ныне
Над развенчанной страной.

Я — неведомый прохожий
В суете других бродяг;
Пред дворцом, где жили дожи,
Генуэзский вьется флаг;

---

[1] Мир тебе, Марк, мой евангелист (лат.). — *Ред.*

Не услышишь ты с канала
Тасса медленный напев;
Но, открыт в куске металла,
Ты хранишь державный гнев,

Над толпами, над веками,
Равен миру и судьбе,
Лев с раскрытыми крылами
На торжественном столбе.

9 июня 1902
Венеция

ПАМЯТИ И. КОНЕВСКОГО

Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,
Прекрасный, мощный, смелый, величавый,
В *начале* поприща торжеств и славы,
Исполненный несокрушенных сил!

В. Кюхельбекер

И ты счастлив, нам скорбь — тебе веселье,
Не в будничных тисках ты изнемог,
Здесь на земле ты справил новоселье,
И празднично еще горит чертог.

Ты жаждал знать. С испугом и любовью
Пытливым взором ты за грань проник, —
Но эти сны не преданы злословью,
Из тайн не сделано тяжелых книг.

Ты просиял и ты ушел, мгновенный,
Из кубка нового один испив.
И что предвидел ты, во всей вселенной
Не повторит никто... Да, ты счастлив.

Лишь, может быть, свободные стихии
Прочли и отразили те мечты.
Они и ты — вы были как родные,
И вот вы близки вновь, — они и ты!

Ты между них в раздолье одиноком,
Где тихий прах твой сладко погребен.
Как хорошо тебе в лесу далеком,
Где ветер и березы, вяз и клен!

3 октября 1901

АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Я многим верил до исступленности,
С такой надеждой, с такой любовью!
И мне был сладок мой бред влюбленности,
Огнем сожженный, залитый кровью.

Как глухо в безднах, где одиночество,
Где замер сумрак молочно-сизый...
Но снова голос! зовут пророчества!
На мутных высях чернеют ризы!

«Брат, что ты видишь?» — Как отзвук молота,
Как смех внемирный, мне отклик слышен:
«В сиянии небо — вино и золото! —
Как ярки дали! как вечер пышен!»

Отдавшись снова, спешу на кручи я
По острым камням, меж их изломов.
Мне режут руки цветы колючие,
Я слышу хохот подземных гномов.

Но в сердце — с жаждой решенье строгое,
Горит надежда лучом усталым.
Я много верил, я проклял многое,
И мстил неверным в свой час кинжалом.

1903

МЛАДШИМ

Они Ее видят! они Ее слышат!
С невестой жених в озаренном дворце!
Светильники тихое пламя колышат,
И отсветы радостно блещут в венце.

А я безнадежно бреду за оградой
И слушаю говор за длинной стеной.
Голодное море безумствовать радо,
Кидаясь на камни, внизу, подо мной.

За окнами свет, непонятный и желтый,
Но в небе напрасно ищу я звезду...
Дойдя до ворот, на железные болты
Горячим лицом приникаю — и жду.

Там, там, за дверьми — ликование свадьбы,
В дворце озаренном с невестой жених!
Железные болты сломать бы, сорвать бы!..
Но пальцы бессильны и голос мой тих.

1903

ЮРГИСУ БАЛТРУШАЙТИСУ

Осенний ветер выл над урной одинокой.
Ю. Б.

Нам должно жить! Лучом и светлой пылью,
Волной и бездной должно опьянеть,
И все круги пройти — от торжества к бессилью,
Устать прекрасно, — но не умереть!

Нам вверены загадочные сказки,
Каменья, ожерелья и слова,
Чтоб мир не стал глухим, чтоб не померкли краски,
Чтоб тайна веяла, жива.

Блудящий огонек — надежда всей вселенной —
Нам окружил венцами волоса,
И если мы умрем, то он — нетленный —
Из жизни отлетит к планетам, в небеса.

Тяжелая плита над нашей мертвой грудью
Задвинет навсегда все вещие пути,
И ветер будет петь унылый гимн безлюдью...
Нам умереть нельзя! нет, мы должны идти!

Октябрь 1901

З. Н. ГИППИУС

Неколебимой истине
Не верю я давно,
И все моря, все пристани
Люблю, люблю равно.

Хочу, чтоб всюду плавала
Свободная ладья,
И Господа и Дьявола
Хочу прославить я.

Когда же в белом саване
Усну, пускай во сне
Все бездны и все гавани
Чредою снятся мне.

Декабрь 1901

STEPHANOS

1904—1905

ПОСВЯЩЕНИЕ

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Когда впервые, в годы блага,
Открылся мне священный мир
И я со скал Архипелага
Заслышал зов истлевших лир,

Когда опять во мне возникла
Вся рать, мутившая Скамандр,
И дерзкий вскормленник Перикла,
И завершитель Александр, —

В душе зажглась какая вера!
С каким забвением я пил
И нектар сладостный Гомера,
И твой безумный хмель, Эсхил!

Как путник над разверстой бездной,
Над тайной двадцати веков,
Стремил я руки бесполезно
К былым теням, как в область снов.

Но путь был долог, сердце слепло
И зоркость грез мрачили дни,
Лишь глубоко под грудой пепла
Той веры теплились огни.

И вот, в столице жизни новой,
Где всех стремящих сил простор,
Ты мне предстал: и жрец суровый,
И вечно юный тирсофор!

Как странен в шуме наших споров,
При нашей ярой слепоте,
Напев твоих победных хоров
К неумиравшей красоте!

И нашу северную лиру
Сведя на эолийский звон,
Ты возвращаешь мне и миру
Родной и близкий небосклон!

16 ноября 1903

ВЕЧЕРОВЫЕ ПЕСНИ

ПРИВЕТСТВИЕ

Поблек предзакатный румянец.
На нитях серебряно-тонких
Жемчужные звезды повисли,
Внизу — ожерелье огней,
И пляшут вечерние мысли
Размеренно-радостный танец
Среди еле слышных и звонких
Напевов встающих теней.

Полмира, под таинством ночи,
Вдыхает стихийные чары
И слушает те же напевы
Во храме разверстых небес.
Дрожат обессилевши девы,
Целуют их юноши в очи,
И мучат безумных кошмары
Стремительным вихрем чудес.

Вам всем, этой ночи причастным,
Со мной в эту бездну глядевшим,
Искавшим за поясом млечным
Священным вопросам ответ,
Сидевшим на пире беспечном,
На ложе предсмертном немевшим,
И нынче, в бреду сладострастном,
Всем зачатым жизням — привет!

17—19 февраля 1904

* * *

Воздух становится синим,
Словно разреженный дым...
Час упоительно мирный
Мы успокоенно минем,
Близясь к часам роковым.

Выгнулся купол эфирный;
Движется мерно с Востока
Тень от ночного крыла;
В бездне бездонно-глубокой
Всё откровенное тонет,
Всюду — лишь ровная мгла.

Морю ли ставить препоны
Валом бессильных огней?
Черные всадники гонят
Черных быков миллионы, —
Стадо полночных теней!

Февраль 1904

* * *

День вечерел. Мы были двое.
Ф. Тютчев

Помню вечер, помню лето,
Рейна полные струи,
Над померкшим старым Кёльном
Золотые нимбы света,

В этом храме богомольном —
Взоры нежные твои...

Где-то пели, где-то пели
Песню милой старины.
Звуки, ветром тиховейным
Донесенные, слабели,
И сливались, там, над Рейном,
С робким ропотом волны.

Мы любили! мы забыли,
Это вечность или час!
Мы тонули в сладкой тайне,
Нам казалось: мы не жили,
Но когда-то Heinrich Heine
В стройных строфах пел про нас!

6 марта 1904

ГОЛОС ПРОШЛОГО

Вьет дорога на деревни
Зеленеющим овсом,
И поет мне голос древний,
Колокольчик, о былом.

Словно в прошлое глядится
Месяц, вставший над рекой,
И янтарный лик двоится:
Он и тот же, и другой.

Снова смутное бряцанье,
Вновь и вечер, и овес,
Лишь одни воспоминанья
Я живыми не донес.

Как в тумане всё поблекло,
На минувших годах тень...
Так едва мерцают стекла
Удаленных деревень.

Всё темнее. Кто томится
В смутной песне под дугой?
Словно в прошлое глядится
Лик янтарный над рекой.

1904

ОХОТНИК

Над бредом предзакатных марев,
Над трауром вечерних туч,
По их краям огнем ударив,
Возносится последний луч.

И, глуби черные покинув,
В лазурный день из темноты
Взлетает яркий рой павлинов,
Раскрыв стоцветные хвосты.

А Ночь, охотник с верным луком,
Кладет на тетиву стрелу.
Она взвилась с протяжным звуком,
И птица падает во мглу.

Весь выводок сразили стрелы...
От пестрой стаи нет следа...
На запад, слепо потемнелый,
Глядит Восточная Звезда.

16 апреля 1904

ЦЕЛЕНИЕ

Целит вечернее безволие
Мечту смятенную мою.
Лучей дневных не надо более,
Всю тусклость мига признаю!

Пускай темнеют дали синие,
Я не зажгу во тьме свечи:
В душе ни смеха, ни уныния...
Ты, голос памяти, — молчи!

Обвили сладостными платами
Мне тени дышащую грудь.
Нависла сводами и скатами
Над взором тягостная муть.

Идут часы — мгновенья серые,
Царит всевластно темнота...
Иль позабыт во мгле пещеры я,
И всё что было — лишь мечта?

Иль я лишь прах, во гробе тающий,
Я — чей-то призрак в бледной мгле,
К давно минувшему взывающий
И всем безвестный на земле!

1904

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

Как любил я, как люблю я эту робость первых встреч,
Эту беглость поцелуя и прерывистую речь!

Как люблю я, как любил я эти милые слова, —
Их напев не позабыл я, их душа во мне жива.

Я от ласковых признаний, я от нежных просьб отвык,
Стал мне близок крик желаний, страсти яростный язык,

Все слова, какие мучат воспаленные уста,
В час, когда бесстыдству учат — темнота и нагота!

Из восторгов и уныний я влекусь на голос твой,
Как изгнанник, на чужбине услыхавший зов родной.

Здесь в саду, где дышат тени, здесь, где в сумраке светло,
Быстрой поступью мгновений вновь былое подошло.

Вижу губы в легкой сети ускользающих теней.
Мы ведь дети! все мы дети, мотыльки вокруг огней!

Ты укрыла, уклонила в темноту смущенный взгляд...
Это было! всё, что было, возвратил вечерний сад!

Страсти сны нам только снятся, но душа проснется вновь,
Вечным светом загорятся — лишь влюбленность! лишь любовь!

1904

ВЕЧЕР ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Ветер печальный,
Многострадальный,
С лаской прощальной
Ветви клоня,
Свеял хрустальный
Дождь на меня.

Тенью зеленой
Лип осененный,
Я, окропленный
Майским дождем, —
Жрец преклоненный
Пред алтарем.

День миновавший,
Свет отсиявший,
Дождь пробежавший, —
Гимн этот — вам!
Вечер наставший,
Властвуй, как храм!

Ливень весенний
Смолк. Без движений
Первые тени
В тихой дали.
Час примирений
С миром земли!

10 мая 1905

НА САЙМЕ

* * *

Меня, искавшего безумий,
Меня, просившего тревог,
Меня, вверявшегося думе
Под гул колес, в столичном шуме,
На тихий берег бросил Рок.

И зыби синяя безбрежность,
Меня прохладой осеня,
Смирила буйную мятежность,
Мне даровала мир и нежность
И вкрадчиво влилась в меня.

И между сосен тонкоствольных,
На фоне тайны голубой,
Как зов от всех томлений дольных, —
Залог признаний безглагольных, —
Возник твой облик надо мной!

1905

* * *

Желтым шелком, желтым шелком
По атласу голубому
Шьют невидимые руки.
К горизонту золотому
Ярко-пламенным осколком
Сходит солнце в час разлуки.

Тканью празднично-пурпурной
Убирает кто-то дали,
Расстилая багряницы,
И в воде желто-лазурной
Заметались, заблистали
Красно-огненные птицы.

Но серебряные змеи,
Извивая под лучами
Спин лучистые зигзаги,
Беспощадными губами
Ловят, ловят всё смелее
Птиц, мелькающих во влаге!

1905

* * *

Я — упоен! мне ничего не надо!
О, только б длился этот ясный сон,
Тянулись тени северного сада,
Сиял осенне-бледный небосклон.

Качались волны, шитые шелками,
Лиловым, красным, желтым, золотым,
И, проблистав над синью янтарями,
Сгущало небо свой жемчужный дым,

И падало безумье белой ночи,
Прозрачной, призрачной, чужой — и ты,
Моим глазам свои вверяя очи,
Смущаясь и томясь, искала б темноты!

1905

* * *

Мы в лодке вдвоем, и ласкает волна
    Нас робким и зыбким качаньем.
И в небе и в нас без конца тишина,
    Нас вечер встречает молчаньем.

И сердце не верит в стране тишины,
    Что здесь, над чертогами Ато,
Звенели мечи, и вожди старины
    За сампо рубились когда-то.

И сердце не верит, дыша тишиной,
Ласкательным миром Суоми,
Что билось недавно враждой роковой
И жалось в предсмертной истоме.

11 сентября 1905

* * *

Голубое, голубое
Око сумрачной страны!
Каждый день ты вновь иное:
Грезишь, пламенное, в зное,
В непогоду кроешь сны.

То, в свинцовый плащ одето,
Сосны хмуришь ты, как бровь;
То горишь лучами света,
От заката ждешь ответа,
Всё — истома, всё — любовь!

То, надев свои алмазы,
Тихим ропотом зыбей
Ты весь день ведешь рассказы
Про народ голубоглазый,
Про его богатырей!

1905

* * *

Воздух живительный, воздух смолистый
Я узнаю.
Свет не слепит, упоительный, чистый,
Словно в раю.

Узкой тропинкой к гранитам прибрежным
Вышел, стою.
Нежу простором, суровым и нежным,
Душу мою.

Сосны недвижны на острове, словно
В дивном краю.
Тихие волны лепечут любовно
Сказку свою.

Вот где дозволило божье пристрастье
Мир бытию!
Веет такое же ясное счастье
Только в раю.

1905, 28 мая 1908

ПРАВДА ВЕЧНАЯ КУМИРОВ

К ДЕМЕТРЕ

Небо четко, небо сине,
Жгучий луч палит поля;
Смутно жаждущей пустыней
Простирается земля;

Губы веющего ветра
Ищут, что поцеловать...
Низойди в свой мир, Деметра,
Воззови уснувших, мать!

Глыбы взрыхленные черны,
Их вспоил весенний снег.
Где вы, дремлющие зерна,
Замышляйте свой побег!

Званы вы на пир вселенной!
Стебли к солнцу устремя,
К жизни новой, совершенной,
Воскресайте, озимя!

И в душе за ночью зимней
Тоже — свет, и тоже — тишь.
Что ж, душа, в весеннем гимне
Ты проснуться не спешишь?

Как засеянное поле
Простираются мечты,
И в огнистом ореоле
Солнце смотрит с высоты

Брошен был порой осенней
И в тебя богатый сев, —
Зерна страсти и мучений,
Всколоситесь как напев!

Время вам в движеньях метра
Прозвучать и проблистать.
Низойди в свой мир, Деметра,
Воззови к уснувшим, мать!

1904

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА

Орфей

Слышу, слышу шаг твой нежный,
Шаг твой слышу за собой.
Мы идем тропой мятежной,
К жизни мертвенной тропой.

Эвридика

Ты — ведешь, мне — быть покорной,
Я должна идти, должна...
Но на взорах — облак черный,
Черной смерти пелена.

Орфей

Выше! выше! все ступени,
К звукам, к свету, к солнцу вновь!
Там со взоров стают тени,
Там, где ждет моя любовь!

Эвридика

Я не смею, я не смею,
Мой супруг, мой друг, мой брат!
Я лишь легкой тенью вею,
Ты лишь тень ведешь назад.

Орфей

Верь мне! верь мне! у порога
Встретишь ты, как я, весну!
Я, заклявший лирой — бога,
Песней жизнь в тебя вдохну!

Эвридика

Ах, что значат все напевы
Знавшим тайну тишины!
Что весна, — кто видел севы
Асфоделевой страны!

Орфей

Вспомни, вспомни! луг зеленый,
Радость песен, радость пляск!
Вспомни, в ночи — потаенный
Сладко-жгучий ужас ласк!

Эвридика

Сердце — мертво, грудь — недвижна.
Что вручу объятью я?
Помню сны, — но непостижна,
Друг мой бедный, речь твоя.

Орфей

Ты не помнишь! ты забыла!
Ах, я помню каждый миг!
Нет, не сможет и могила
Затемнить во мне твой лик!

Эвридика

Помню счастье, друг мой бедный,
И любовь, как тихий сон...
Но во тьме, во тьме бесследной
Бледный лик твой затемнен...

Орфей

— Так смотри! — И смотрит дико,
Вспять, во мрак пустой, Орфей.
— Эвридика! Эвридика! —
Стонут отзвуки теней.

10—11 июня 1904

МЕДЕЯ

На позлащенной колеснице
Она свергает столу с плеч
И над детьми, безумной жрицей,
Возносит изощренный меч.

Узду грызущие драконы,
Взметая крылья, рвутся ввысь;
Сверкнул над ними бич червлёный, —
С земли рванулись, понеслись.

Она летит, бросая в долы
Куски окровавленных тел,
И мчится с нею гимн веселый,
Как туча зазвеневших стрел.

«Вот он, вот он, ветер воли!
Здравствуй! в уши мне свисти!
Вижу бездну: море, поле —
С окрыленного пути.

Мне лишь снилось, что с людьми я,
Сон любви и счастья сон!
Дух мой, пятая стихия,
Снова сестрам возвращен.

Я ль, угодная Гекате,
Ей союзная, могла
Возлюбить тщету объятий,
Сопрягающих тела?

Мне ли, мощью чародейства,
Ночью зыбливший гроба,
Засыпать в тиши семейства,
Как простой жене раба?

Выше, звери! хмелем мести
Я дала себе вздохнуть.
Мой подарок — на невесте,
Жжет ей девственную грудь.

Я, дробя тела на части
И бросая наземь их,
Весь позор последней страсти
Отрясаю с плеч моих.

Выше, звери! взвейтесь выше!
Не склоню я вниз лица,
Но за морем вижу крыши,
Верх Ээтова дворца».

Вожжи брошены драконам,
Круче в воздухе стезя.
Поспешают за Язоном,
Обезумевшим, друзья.

Каждый шаг — пред ним гробница,
Он лобзает красный прах...
Но, как огненная птица,
Золотая колесница
В дымно-рдяных облаках.

Октябрь 1904

БАЛЬДЕРУ ЛОКИ

Светлый Бальдер! мне навстречу
Ты, как солнце, взносишь лик.
Чем лучам твоим отвечу?
Опаленный, я поник.
Я взбегу к снегам, на кручи:
Ты смеешься с высоты!
Я взнесусь багряной тучей:
Как звезда сияешь ты!
Припаду на тайном ложе
К алой ласковости губ:
Ты метнешь стрелу, — и что же!
Я, дрожа, сжимаю труп.

Но мне явлен Нертой мудрой
Призрак будущих времен.
На тебя, о златокудрый,
Лук волшебный наведен.

В час веселья, в ясном поле,
Я слепцу вручу стрелу, —
Вскрикнешь ты от жгучей боли,
Вдруг повергнутый во мглу!
И когда за темной Гелой
Ты сойдешь к зловещим снам, —
Я предам, со смехом, тело
Всем распятьям, всем цепям!
Пусть в пещере яд змеиный
Жжет лицо мне, — я в бреду
Буду петь с моей Сигиной:
Бальдер! Бальдер! ты в аду!

Не вотще вещали норны
Мне таинственный обет.
В пытках вспомнит дух упорный:
Нет! не вечен в мире свет!
День настанет: огнебоги
Сломят мощь небесных сил,
Рухнут Одина чертоги,
Рухнет древний Игдразил.
Выше радуги священной
Встанет зарево огня, —
Но последний царь вселенной,
Сумрак! сумрак! — за меня.

Ноябрь 1904

ТЕЗЕЙ АРИАДНЕ

«Ты спишь, от долгих ласк усталая,
Предавшись дрожи корабля,
А всё растет полоска малая, —
Тебе сужденная земля!

Когда сошел я в сень холодную,
Во тьму излучистых дорог,
Твоею нитью путеводною
Я кознь Дедала превозмог.

В борьбе меня твой лик божественный
Властней манил, чем дальний лавр...

Разил я с силой сверхъестественной, —
И пал упрямый Минотавр!

И сердце в первый раз изведало,
Что есть блаженство на земле,
Когда свое биенье предало
Тебе — на темном корабле!

Но всем судило Неизбежное,
Как высший долг, — быть палачом.
Друзья! сложите тело нежное
На этом мху береговом.

Довольно страсть путями правила,
Я в дар богам несу ее.
Нам, как маяк, давно поставила
Афина строгая — копье!»

———

И над водною могилой
В отчий край, где ждет Эгей,
Веют черные ветрила —
Крылья вестника скорбей.

А над спящей Ариадной,
Словно сонная мечта,
Бог в короне виноградной
Клонит страстные уста.

1—2 июля 1904

АХИЛЛЕС У АЛТАРЯ

Знаю я, во вражьем стане
Изогнулся меткий лук,
Слышу в утреннем тумане
Тетивы певучий звук.

Встал над жертвой облак дыма,
Песня хора весела,
Но разит неотвратимо
Аполлонова стрела.

Я спешу склонить колена,
Но не с трепетной мольбой.
Обручен я, Поликсена,
На единый миг с тобой!

Всем равно в глухом Эребе
Годы долгие скорбеть.
Но прекрасен ясный жребий —
Просиять и умереть!

Мать звала к спокойной доле...
Нет! не выбрал счастья я!
Прошумела в ратном поле
Жизнь мятежная моя.

И, вступив сегодня в Трою
В блеске царского венца, —
Пред стрелою не укрою
Я спокойного лица!

Дай, к устам твоим приникнув,
Посмотреть в лицо твое,
Чтоб не дрогнув, чтоб не крикнув,
Встретить смерти острие.

И, не кончив поцелуя,
Клятвы тихие творя,
Улыбаясь, упаду я
На помосте алтаря.

27 января 1905

АНТОНИЙ

Ты на закатном небосклоне
Былых, торжественных времен,
Как исполин стоишь, Антоний,
Как яркий, незабвенный сон.

Боролись за народ трибуны
И императоры — за власть,
Но ты, прекрасный, вечно юный,
Один алтарь поставил — страсть!

Победный лавр, и скиптр вселенной,
И ратей пролитую кровь
Ты бросил на весы, надменный, —
И перевесила любовь!

Когда вершились судьбы мира
Среди вспененных боем струй, —
Венец и пурпур триумвира
Ты променял на поцелуй.

Когда одна черта делила
В веках величье и позор, —
Ты повернул свое кормило,
Чтоб раз взглянуть в желанный взор.

Как нимб, Любовь, твое сиянье
Над всеми, кто погиб, любя!
Блажен, кто ведал посмеянье,
И стыд, и гибель — за тебя!

О, дай мне жребий тот же вынуть,
И в час, когда не кончен бой,
Как беглецу, корабль свой кинуть
Вслед за египетской кормой!

Апрель 1905

ОРФЕЙ И АРГОНАВТЫ

Боги позволили, Арго достроен,
Отдан канат произволу зыбей.
Станешь ли ты между смелых, как воин,
Скал чарователь, Орфей?

Тифис, держи неуклонно кормило!
Мели выглядывай, зоркий Линкей!
Тиграм и камням довольно служила
Лира твоя, о Орфей!

Мощен Геракл, благороден Менотий,
Мудр многоопытный старец Нелей, —
Ты же провидел в священной дремоте
Путь предстоящий, Орфей!

Слава Язону! руно золотое
Жаждет вернуть он отчизне своей.
В день, когда вышли на подвиг герои,
Будь им сподвижник, Орфей!

Славь им восторг достижимой награды,
Думами темных гребцов овладей,
И навсегда закляни Симплегады
Гимном волшебным, Орфей!

5—6 ноября 1904

ИЗ АДА ИЗВЕДЕННЫЕ

В ПОЛДЕНЬ

Свершилось! молодость окончена!
Стою над новой крутизной.
Как было ясно, как утончено
Сиянье утра надо мной.

Как жрец, приветствуя мгновения,
Великий праздник первых встреч,
Впивал все краски и все тени я,
Чтоб их молитвенно сберечь.

И чудом правды примиряющей
Мне в полдень пламенный дано
Из чаши длительно-сжигающей
Испить священное вино:

Признав в душе, навстречу кинутой,
Сны потаенные свои,
Увидеть небосвод, раздвинутый
Заветной радугой любви,

И сжать уста устами верными,
И жизнь случайностям предать,
И над просторами безмерными
На крыльях страсти задрожать!

Зарю, закатно розоперстую,
Уже предчувствуя вдали,
Смотрю на бездну, мне отверстую,
На шири моря и земли.

Паду, но к цели ослепительной
Вторично мне не вознестись,
И я с поспешностью томительной
Всем существом впиваю высь.

13—14 сентября 1903, 1904

КУБОК

И кто б ни подал кубок жгучий...
Tertia Vigilia

Вновь тот же кубок с влагой черной,
Вновь кубок с влагой огневой!
Любовь, противник необорный,
Я узнаю твой кубок черный
И меч, взнесенный надо мной.

О дай припасть устами к краю
Бокала смертного вина!
Я бросил щит, я уступаю, —
Лишь дай, припав устами к краю,
Огонь отравы пить до дна!

Я знаю, меч меня не минет,
И кубок твой беру, спеша.
Скорей! скорей! пусть пламя хлынет,
И крик восторга в небо кинет
Моя сожженная душа!

Январь 1905

МОЛНИЯ

Опять душа моя расколота
Ударом молнии, и я,
Вдруг ослепленный вихрем золота,
Упал в провалы бытия.

С победным хохотом, товарища,
Лемуры встретили меня —
На пепле старого пожарища,
В дыму последнего огня.

«Ты — наш!—вскричали в дикой нежности, —
Ты наш! и в безднах вечно будь!
Свободный дух предай мятежности,
Тропы лазурные забудь!»

И мне от жгучей боли весело,
И мне желанен мой костер,
И небо черный полог свесило
На мой полуослепший взор.

17 ноября 1904

В ЗАСТЕНКЕ

Кто нас двух, душой враждебных,
Сблизить к общей цели мог?
Кто заклятьем слов волшебных
Нас воззвал от двух дорог?

Кто над пропастью опасной
Дал нам взор во взор взглянуть?
Кто связал нас мукой страстной?
Кто нас бросил — грудь на грудь?

Мы не ждали, мы не знали,
Что вдвоем обречены:
Были чужды наши дали,
Были разны наши сны!

Долго, с трепетом испуга,
Уклонив глаза свои,
Отрекались друг от друга
Мы пред ликом Судии.

Он же, мудрый, он же, строгий,
Осудил, не облича.
Нас смутил глухой тревогой
Смех внезапный палача.

В диком вихре — кто мы? что мы?
Листья, взвитые с земли!
Сны восторга и истомы
Нас, как уголья, прожгли.

Здесь, упав в бессильной дрожи,
В блеске молний и в грозе,
Где же мы: на страстном ложе
Иль на смертном колесе?

Сораспятая на муку,
Давний враг мой и сестра!
Дай мне руку! дай мне руку!
Меч взнесен! Спеши! Пора!

10—11 декабря 1904

ВИДЕНИЕ КРЫЛЬЕВ

Связанные взглядом,
Над открытой бездной
Наклонились мы,
Рядом! рядом! рядом!
С дрожью бесполезной
Пред соблазном тьмы.

Взоры уклоняя,
Шепчешь ты проклятья
Общему пути, —
Зная! зная! зная!
Что тесней объятья
Мы должны сплести!

Что твои усилья
Разорвать сплетенья
Наших рук и глаз!
Крылья! крылья! крылья! —
Яркое виденье
Ослепило нас.

Страшен и неведом,
Там Крылатый Кто-то
Озарен огнем.
Следом! следом! следом!
В чаяньи полета
Бросимся вдвоем!

4—5 ноября 1905

В СКЛЕПЕ

Ты в гробнице распростерта в миртовом венце.
Я целую лунный отблеск на твоем лице.

Сквозь решетчатые окна виден круг луны.
В ясном небе, как над нами, тайна тишины.

За тобой, у изголовья венчик влажных роз,
На твоих глазах, как жемчуг, капли прежних слез.

Лунный луч, лаская розы, жемчуг серебрит,
Лунный свет обходит кругом мрамор старых плит.

Что ты видишь, что ты помнишь в непробудном сне?
Тени темные всё ниже клонятся ко мне.

Я пришел к тебе в гробницу через черный сад,
У дверей меня лемуры злобно сторожат.

Знаю, знаю, мне недолго быть вдвоем с тобой!
Лунный свет свершает мерно путь свой круговой.

Ты — недвижна, ты — прекрасна в миртовом венце.
Я целую свет небесный на твоем лице!

1905

МГНОВЕНИЯ

* * *

Костра расторгнутая сила
Двух тел сожгла одну мечту,
И влага страсти погасила
Последних углей красноту.

И, опаленны и бессильны,
В объятьях тщетно мы дрожим:
Былое пламя — прах могильный,
Над нами расточенный дым.

Но знаю, искра тлеет где-то,
Как феникс воскресает страсть, —
И в новый вихрь огня и света
Нам будет сладостно упасть!

23 марта 1904

* * *

Дай устам моим приникнуть
К влажно дышащим устам,
Чтоб в молчаньи мог возникнуть
Мой заветный, тайный храм.

Снова сходы, переходы,
Лестниц узкие винты,
В полутьме лепечут воды,
Веют пряные цветы.

Дальше! дальше! в те покои,
Где во мраке слепнет взор.
Чу! как пенье неземное,
Вдалеке девичий хор.

Девы! девы! громче киньте
Через сумрак вещий зов!
Я теряюсь в лабиринте
Переходов и шагов.

Жажду света, жажду встречи
Пред огнями алтаря.
Вот вдали мелькнули свечи,
Словно ранняя заря.

Тороплюсь, спешу к подножью
Царских врат... упал, немой...
С легким стоном, с тихой дрожью
Ты поникла надо мной.

1905

ИЗ ПЕСЕН МАЛЬДУНА

Верные челны, причальте
К этим унылым теснинам.
Здесь, на холодном базальте,
Черную ночь провести нам!

Ах! вам всё снятся магнолий
Купы над синим заливом, —
Время блаженной неволи,
Жизнь в упоеньи ленивом.

Ах! вам всё помнятся, братья,
Очи подруг долгожданных,
Их огневые объятья,
Тайны ночей бездыханных!

Полно! изведано счастье!
Кубок пустой опрокинут.
Слаще, чем дрожь сладострастья,
Вольные волны нас ринут.

Кормы, качаясь на влаге,
Манят нас к Новому Свету.
Мы по природе — бродяги,
Мы — моряки по обету!

Спите же сном беззаботным,
Здесь, где я посох свой бросил:
Завтра, чуть утро блеснет нам,
Снова мы сядем у весел!

10—12 июля 1905

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

ВСТРЕЧА

O toi que j'eusse aimée, o toi qui le savais!

Ch. Baudelaire (A une passante)[1]

О, эти встречи мимолетные
На гулких улицах столиц!
О, эти взоры безотчетные,
Беседа беглая ресниц!

На зыби яростной мгновенного
Мы двое — у одной черты;
Безмолвный крик желанья пленного:
«Ты кто, скажи?» — Ответ: «Кто ты?»

И взором прошлое рассказано,
И брошен зов ей: «Будь моей!»
И вот она обетом связана...
Но миг прошел, и мы не с ней.

Далёко, там, в толпе, скользит она,
Уже с другим ее мечта...
Но разве страсть не вся испытана,
Не вся любовь пережита!

29 сентября 1904

---

[1] О ты, которую я мог бы полюбить, о ты, которая это знала! *Ш. Бодлер* (Прохожей) (франц.). — *Ред.*

В ПУБЛИЧНОМ ДОМЕ

Ходят и дерзко поводят плечами,
Камнями, тканями, телом блестя,
Бедрами, шелком шурша, шелестя...

«Что же, дитя, ты стоишь как во храме?
Очи опущены, шея закрыта...
Кто ты, дитя?»
— «Я — Афродита».

— «Пеннорожденная! Андиомена!
К жертвам привыкшая Эроса мать,
Здесь, где властители — купля и мена,
Что тебе медлить? чего тебе ждать?»

— «Всюду я, где трепет страстный
Своевольно зыблет грудь.
Вы бессильны, вы не властны
Тайну страсти обмануть!

Лгите зовом поцелуя,
О любви ведите торг, —
В миг последний, торжествуя,
Опьянит глаза восторг!

Все признанья, ласки, клятвы,
Ревность, близость — лишь тропа,
Где иду я к полю жатвы
С яркой молнией серпа.

В тишине альковов брачных
И в веселье грешных лож
Желтизну колосьев злачных
Узнает равно мой нож.

Здесь иль нет, пришлец случайный,
Ниц ты склонишься челом —
Пред моей предвечной тайной,
Под моим святым серпом!»

1905

В РЕСТОРАНЕ

Горите белыми огнями,
Теснины улиц! Двери в ад,
Сверкайте пламенем пред нами,
Чтоб не блуждать нам наугад!

Как лица женщин в синем свете
Обнажены, углублены!
Взметайте яростные плети
Над всеми, дети Сатаны!

Хрусталь горит. Вино играет.
В нем солнца луч освобожден.
Напев ли вальса замирает
Иль отдаленный сонный стон?

Ты вновь со мной! ты — та же! та же!
Дай повторять слова любви...
Хохочут дьяволы на страже,
И алебарды их — в крови.

Звени огнем, — стакан к стакану!
Смотри из пытки на меня!
— Плывет, плывет по ресторану
Синь воскресающего дня.

1905

КАМЁНЩИК

Камни, полдень, пыль и молот,
Камни, пыль и зной.
Горе тем, кто свеж и молод
Здесь, в тюрьме земной!

Нам дана любовь — как цепи,
И нужда — как плеть...
Кто уйдет в пустые степи
Вольно умереть!

Камни, полдень, пыль и молот,
Камни, пыль и зной...
Камень молотом расколот,
Длится труд дневной.

Камни бьем, чтоб жить на свете,
И живем, — чтоб бить...
Горе тем, кто ныне дети,
Тем, кто должен быть!

Камни, полдень, пыль и молот,
Камни, пыль и зной...
Распахнет ли смертный холод
Двери в мир иной!

Декабрь 1903

В ВАГОНЕ

В ее глаза зеленые
Взглянул я в первый раз,
В ее глаза зеленые,
Когда наш свет погас.

Два спутника случайные,
В молчаньи, без огней,
Два спутника случайные,
Мы стали близки с ней.

Дрожал вагон размеренно,
Летел своим путем,
Дрожал вагон размеренно,
Качая нас вдвоем.

И было здесь влияние
Качания и тьмы,
И было здесь влияние,
В котором никли мы.

И чьи-то губы близились
Во тьме к другим губам,
И чьи-то губы близились...
Иль это снилось нам?

В ее глаза зеленые
Взглянул я в первый раз,
В ее глаза зеленые,
Когда в них свет погас.

12—13 июня 1904

КРЫСОЛОВ

Я на дудочке играю,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Я на дудочке играю,
Чьи-то души веселя.

Я иду вдоль тихой речки,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Дремлют тихие овечки,
Кротко зыблются поля.

Спите, овцы и барашки,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
За лугами красной кашки
Стройно встали тополя.

Малый домик там таится,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Милой девушке приснится,
Что ей душу отдал я.

И на нежный зов свирели,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Выйдет словно к светлой цели
Через сад, через поля.

И в лесу под дубом темным,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Будет ждать в бреду истомном,
В час, когда уснет земля.

Встречу гостью дорогую,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Вплоть до утра зацелую,
Сердце лаской утоля.

И, сменившись с ней колечком,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Отпущу ее к овечкам,
В сад, где стройны тополя.

18 декабря 1904

ГРЕБЦЫ ТРИРЕМЫ

Тесно во мгле мы сидим,
Люди, над ярусом ярус.
Зыблются ветром живым
Где-то и стяги и парус!

В узкие окна закат
Красного золота бросил.
Выступил сумрачный ряд
Тел, наклоненных у весел.

Цепи жестоки. Навек
К месту прикованы все мы.
Где теперь радостный бег
Нами влекомой триремы?

Режем ли медленый Нил,
Месим ли фризскую тину?
Или нас Рок возвратил
К белому мысу Пахину?

Песню нам, что ли, начать?
Но не расслышат и жалоб
Те, кто достойны дышать
Морем с разубранных палуб!

Кто там? Нагая ль жена
Дремлет на шкуре пантеры?
Чу! это песня слышна
В честь венценосной гетеры.

Или то Цезарь-певец
Лирой тревожит Тритона,
Славя свой вечный венец,
Славя величие трона?

Нет! то военных рожков
Вызов, готовящий к бою!
Я для друзей иль врагов
Волны упругие рою?

Эх, что мечтать! всё равно
Цезаря влечь иль пирата!
— Тускло струится в окно
Отблеск последний заката.

Быстро со мглой гробовой
Снова сливаемся все мы,
Мча на неведомый бой
Бег быстролетной триремы.

1904

К ОЛИМПИЙЦАМ

Всё как было, всё как вечно.
Победил и побежден!
Рассечен дорогой млечной
Бесконечный небосклон.

Миллионы, миллионы
Нескончаемых веков
Возносили в бездну стоны
Оскорбляемых миров.

Всё — обман, всё дышит ложью,
В каждом зеркале двойник,
Выполняя волю божью,
Кажет вывернутый лик.

Все победы — униженье,
Все восторги — боль и стыд.
Победитель на мгновенье,
Я своим мечом убит!

На снегу нетленно-белом
Я простерт. Струится кровь...
За моим земным пределом,
Может быть, сильна любовь!

Здесь же, долу, во вселенной —
Лишь обманность всех путей,
Здесь правдив лишь смех надменный
Твой, о брат мой Прометей!

Олимпиец! бурей снежной
Замети мой буйный прах, —
Но зажжен огонь мятежный
Навсегда в твоих рабах!

15—16 декабря 1904

СОВРЕМЕННОСТЬ

КИНЖАЛ

Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножон не вырвешь
свой клинок. . .

М. Лермонтов

Из ножен вырван он и блещет вам в глаза,
Как и в былые дни, отточенный и острый.
Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза,
И песня с бурей вечно сестры.

Когда не видел я ни дерзости, ни сил,
Когда все под ярмом клонили молча выи,
Я уходил в страну молчанья и могил,
В века загадочно былые.

Как ненавидел я всей этой жизни строй,
Позорно-мелочный, неправый, некрасивый,
Но я на зов к борьбе лишь хохотал порой,
Не веря в робкие призывы.

Но чуть заслышал я заветный зов трубы,
Едва раскинулись огнистые знамена,
Я — отзыв вам кричу, я — песенник борьбы,
Я вторю грому с небосклона.

Кинжал поэзии! Кровавый молний свет,
Как прежде, пробежал по этой верной стали,
И снова я с людьми, — затем, что я поэт,
Затем, что молнии сверкали.

1903

К ТИХОМУ ОКЕАНУ

Снилось ты нам с наших первых веков
Где-то за высью чужих плоскогорий,
В свете и в пеньи полдневных валов,
Южное море.

Топкая тундра, тугая тайга,
Страны шаманов и призраков бледных
Гордым грозили, закрыв берега
Вод заповедных.

Но нам вожатым был голос мечты!
Зовом звучали в веках ее клики!
Шли мы, слепые, и вскрылся нам ты,
Тихий! Великий!

Чаша безмерная вод! дай припасть
К блещущей влаге устами и взором,
Дай утолить нашу старую страсть
Полным простором!

Вот чего ждали мы, дети степей!
Вот она, сродная сердцу стихия!
Чудо свершилось: на грани своей
Стала Россия.

Брат-Океан! ты — как мы! дай обнять
Братскую грудь среди вражеских станов.
Кто, дерзновенный, захочет разъять
Двух великанов?

27 января 1904

ВОЙНА

На камнях скал, под ропот бора
Предвечной Силой рождена,
Ты — дочь губящего Раздора,
Дитя нежданное, Война.

И в круг зверей, во мглу пещеры
Тебя швырнула в гневе мать,
И с детства ты к сосцам пантеры
Привыкла жадно припадать.

Ты мощью в мать, хотя суровей,
По сердцу ты близка с отцом,
И не людскую жажду крови
Всосала вместе с молоком.

Как высший судия, всевластно
Проходишь ты тропой веков,
И кровь блестит полоской красной
На жемчугах твоих зубов.

Ты золотую чашу «право»,
Отцовский дар, бросаешь в мир,
Чтоб усладить струей кровавой,
Под гулы битв, свой страшный пир.

И за тобой, дружиной верной
Спеша, с знаменами в руках,
Все повторяют крик пантерный,
Тобой подслушанный в лесах.

1904—1905

НА НОВЫЙ 1905 ГОД

И вот в железной колыбели,
В громах, родится новый год.

Ф. Тютчев (1855)

Весь год прошел как сон кровавый,
Как глухо душащий кошмар,
На облаках, как отблеск лавы,
Грядущих дней горит пожар.

Как исполин в ночном тумане
Встал новый год, суров и слеп,
Он держит в беспощадной длани
Весы таинственных судеб.

Качнулись роковые чаши,
При свете молний взнесены:
Там жребии врага и наши,
Знамена тяжкие войны.

Молчи и никни, ум надменный!
Се — высшей истины пора!
Пред миром на доске вселенной
Веков азартная игра.

И в упоении и в страхе
Мы, современники, следим,
Как вьется кость в крови и прахе,
Чтоб выпасть знаком роковым.

Декабрь 1904

К СОГРАЖДАНАМ

Борьба не тихнет. В каждом доме
Стоит кровавая мечта,
И ждем мы в тягостной истоме
Столбцов газетного листа.

В глухих степях, под небом хмурым,
Тревожный дух наш опочил,
Где над Мукденом, над Артуром
Парит бессменно Азраил.

Теперь не время буйным спорам,
Как и веселым звонам струн.
Вы, ликторы, закройте форум!
Молчи, неистовый трибун!

Когда падут крутые Веи
И встанет Рим как властелин,
Пускай опять идут плебеи
На свой священный Авентин!

Но в час сражений, в ратном строе,
Все — с грудью грудь! и тот неправ,
Кто назначенье мировое
Продать способен, как Исав!

Пусть помнят все, что ряд столетий
России ведать суждено,
Что мы пред ними — только дети,
Что наше время — лишь звено!

Декабрь 1904

ЦУСИМА

Великолепная могила!
Пушкин

Где море, сжатое скалами,
Рекой торжественной течет,
Под знойно-южными волнами,
Изнеможен, почил наш флот.

Как стая птиц над океаном,
За ним тоскующей мечтой
По странным водам, дивным странам
Стремились мы к мете одной.

И в день, когда в огне и буре
Он, неповинный, шел ко дну,
Мы в бездну канули с лазури,
Мы пили смертную волну.

И мы, как он, лежим, бессильны,
Высь — недоступно далека,
И мчит над нами груз обильный,
Как прежде, южная река.

И только слезы, только горе,
Толпой рыдающих наяд,
На стрелах солнца сходят в море,
Где наши остовы лежат.

Да вместе призрак величавый,
Россия горестная, твой
Рыдает над погибшей славой
Своей затеи роковой!

И снова всё в веках, далеко,
Чтó было близким наконец, —
И скипетр Дальнего Востока,
И Рима Третьего венец!

Август 1905

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

Они кричат: за нами право!
Они клянут: ты бунтовщик,
Ты поднял стяг войны кровавой,
На брата брата ты воздвиг!

Но вы, чтó сделали вы с Римом,
Вы, консулы, и ты, сенат!
О вашем гнете нестерпимом
И камни улиц говорят!

Вы мне твердите о народе,
Зовете охранять покой,
Когда при вас Милон и Клодий
На площадях вступают в бой!

Вы мне кричите, что не смею
С сенатской волей спорить я,
Вы, Рим предавшие Помпею
Во власть секиры и копья!

Хотя б прикрыли гроб законов
Вы лаврами далеких стран!
Но что же! Римских легионов
Значки — во храмах у парфян!

Давно вас ждут в родном Эребе!
Вы — выродки былых времен!
Довольно споров. Брошен жребий.
Плыви, мой конь, чрез Рубикон!

Август 1905

ОДНОМУ ИЗ БРАТЬЕВ

Свой суд холодный и враждебный
Ты произнес, но ты неправ!
Мои стихи — сосуд волшебный
В тиши отстоянных отрав!

Стремлюсь, как ты, к земному раю
Я, под безмерностью небес:
Как ты, на всех запястьях знаю
Следы невидимых желез.

Но, узник, ты схватил секиру,
Ты рубишь твердый камень стен,
А я, таясь, готовлю миру
Яд, где огонь запечатлен.

Он входит в кровь, он входит в душу,
Преображает явь и сон...
Так! я незримо стены рушу,
В которых дух наш заточен.

Чтоб в день, когда мы сбросим цепи
С покорных рук, с усталых ног,
Мечтам открылись бы все степи
И волям — дали всех дорог.

20 августа 1905

ЗНАКОМАЯ ПЕСНЬ

Эта песнь душе знакома,
Слушал я ее в веках.
Эта песнь — как говор грома
Над равниной, в облаках.

Пел ее в свой день Гармодий,
Повторил суровый Брут,
В каждом призванном народе
Те же звуки оживут.

Это — колокол вселенной
С языком из серебра,
Что качают миг мгновенный
Робеспьеры и Мара́.

Пусть ударят неумело:
В чистой меди тот же звон!
И над нами загудела
Песнь торжественных времен.

Я, быть может, богомольней,
Чем другие, внемлю ей,
Не хваля на колокольне
Неискусных звонарей.

16 августа 1905

* * *

Их цепи лаврами обвил.

Пушкин

Да! цепи могут быть прекрасны,
Но если лаврами обвиты.
А вы трусливы, вы безгласны,
В уступках ищете защиты.

Когда б с отчаяньем суровым
В борьбе пошли вы до предела,
Я вас венчал бы лавром новым,
Я вас воспел бы в песне смелой.

Когда бы, став лицом к измене,
Вы, как мужчины, гордо пали,
Я знаю — в буре вдохновенней
Я сплел бы вам венец печали!

Но вы безвольны, вы бесполы,
Вы скрылись за своим затвором.
Так слушайте напев веселый.
Поэт венчает вас позором.

Август 1905

ПАЛОМНИКАМ СВОБОДЫ

Свои торжественные своды
Из-за ограды вековой
Вздымал к простору Храм Свободы,
Затерянный в тайге глухой.

Сюда, предчувствием томимы,
К угрюмо запертым дверям,
Сходились часто пилигримы
Возжечь усердно фимиам.

И плача у заветной двери,
Не смея прикоснуться к ней,
Вновь уходили, — той же вере
Учить, как тайне, сыновей.

И с гулом рухнули затворы,
И дрогнула стена кругом,
И вот уже горят, как взоры,
Все окна храма торжеством.

Так что ж, с испугом и укором,
Паломники иных времен
Глядят, как зарево над бором
Весь заливает небосклон.

1905

УЛИЧНЫЙ МИТИНГ

Кто председатель? кто вожатый?
Не ты ли, Гордый Дух, с мечом,
Как черный нетопырь — крылатый,
Но ликом сходный с божеством?

Не ты ль подсказываешь крики
И озлобленья и вражды,
И шепчешь, хохоча, улики,
И намечаешь жертв ряды?

Не ты ли в миг последний взглянешь
В лицо всем — яростным лицом,
И в руки факелы протянешь
С неумирающим огнем?

И вспыхнут заревом багряным
На вечном небе облака,
И озарятся за туманом
Еще не вставшие века.

Ты в пламени и клубах дыма
Отпляшешь танец страшный свой,
Как ныне властвуя незримо
Над торжествующей толпой.

Да, ты пройдешь жестокой карой,
Но из наставшей темноты,
Из пепла общего пожара
Воздвигнешь новый мир — не ты!

22 октября 1905

ЛИК МЕДУЗЫ

Лик Медузы, лик грозящий,
Встал над далью темных дней,
Взор — кровавый, взор — горящий,
Волоса — сплетенья змей.

Это — хаос. В хаос черный
Нас влечет, как в срыв, стезя.
Спорим мы иль мы покорны,
Нам сойти с пути нельзя!

В эти дни огня и крови,
Что сольются в дикий бред,
Крик проклятий, крик злословий
Заклеймит тебя, поэт!

Но при заревах, у плахи,
На руинах всех святынь,
Славь тяжелых ломов взмахи,
Лиры гордой не покинь.

Ты, кто пел беспечность смеха
И святой покой могил,
Ты от века — в мире эхо
Всех живых, всех мощных сил.

Мир заветный, мир прекрасный
Сгибнет в бездне роковой.
Быть напевом бури властной —
Вот желанный жребий твой.

С громом близок голос музы,
Древний хаос дружен с ней.
Здравствуй, здравствуй, лик Медузы,
Там, над далью темных дней.

Сентябрь 1905

ДОВОЛЬНЫМ

Мне стыдно ваших поздравлений,
Мне страшно ваших гордых слов!
Довольно было унижений
Пред ликом будущих веков!

Довольство ваше — радость стада,
Нашедшего клочок травы.
Быть сытым — больше вам не надо,
Есть жвачка — и блаженны вы!

Прекрасен, в мощи грозной власти,
Восточный царь Ассаргадон,
И океан народной страсти,
В щепы дробящий утлый трон!

Но ненавистны полумеры,
Не море, а глухой канал,
Не молния, а полдень серый,
Не агорá, а общий зал.

Довольным.

Мне стыдно ваших поздравлений,
Мне страшно ваших гордых слов!
Довольно было унижений
Пред ликом будущих веков!

Довольство ваше — радость стада,
Нашедшего клочек травы
Быть сытым — больше вам не надо,
Есть жвачка — и блаженны вы!

Прекрасен, в блеске грозной власти,
Восточный царь, Ассаргадон,
И океан народной страсти,
А щепы дробящий утлый трон.

Но ненавистны полумеры,
Не море, а глухой канал,
Не молния, а полдень серый,
Не агора, а общий зал.

На этих всех, довольных малым,
Вы, дети пламенного дня,
Восстаньте смерчем, смертным шквалом,
Крушите жизнь — и с ней меня!

18 октября 1905

На этих всех, довольных малым,
Вы, дети пламенного дня,
Восстаньте смерчем, смертным шквалом,
Крушите жизнь — и с ней меня!

18 октября 1905

ГРЯДУЩИЕ ГУННЫ

Топчи их рай, Аттила.

Вяч. Иванов

Где вы, грядущие гунны,
Что тучей нависли над миром!
Слышу ваш топот чугунный
По еще не открытым Памирам.

На нас ордой опьянелой
Рухните с темных становий —
Оживить одряхлевшее тело
Волной пылающей крови.

Поставьте, невольники воли,
Шалаши у дворцов, как бывало,
Всколосите веселое поле
На месте тронного зала.

Сложите книги кострами,
Пляшите в их радостном свете,
Творите мерзость во храме, —
Вы во всем неповинны, как дети!

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светы
В катакомбы, в пустыни, в пещеры.

И что́, под бурей летучей,
Под этой грозой разрушений,
Сохранит играющий Случай
Из наших заветных творений?

Бесследно всё сгибнет, быть может,
Что ведомо было одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.

Осень 1904, 30 июля — 10 августа 1905

К СЧАСТЛИВЫМ

Свершатся сроки: загорится век,
Чей луч блестит на быстрине столетий,
И твердо станет вольный человек
Пред ликом неба на своей планете.

Единый Город скроет шар земной,
Как в чешую, в сверкающие стекла,
Чтоб вечно жить ласкательной весной,
Чтоб листьев зелень осенью не блекла;

Чтоб не было рассветов и ночей,
Но чистый свет, без облаков, без тени;
Чтоб не был мир ни твой, ни мой, ничей,
Но общий дар идущих поколений.

Цари стихий, владыки естества,
Последыши и баловни природы,
Начнут свершать, в веселье торжества,
Как вечный пир, ликующие годы.

Свобода, братство, равенство, всё то,
О чем томимся мы, почти без веры,
К чему из нас не припадет никто, —
Те вкусят смело, полностью, сверх меры.

Разоблаченных тайн святой родник
Их упоит в бессонной жажде знанья,
И Красоты осуществленный лик
Насытит их предельные желанья.

И ляжем мы в веках как перегной,
Мы все, кто ищет, верит, страстно дышит,
И этот гимн, в былом пропетый мной,
Я знаю, мир грядущий не услышит.

Мы станем сказкой, бредом, беглым сном,
Порой встающим тягостным кошмаром.
Они придут, как мы еще идем,
За всё заплатят им, — мы гибнем даром.

Но что ж! Пусть так! Клони меня, Судьба!
Дышать грядущим гордая услада!
И есть иль нет дороги сквозь гроба,
Я был! я есмь! мне вечности не надо!

1904, август 1905

ФОНАРИКИ

Столетия — фонарики! о, сколько вас во тьме,
На прочной нити времени, протянутой в уме!
Огни многообразные, вы тешите мой взгляд...
То яркие, то тусклые фонарики горят.
Сверкают, разноцветные, в причудливом саду,
В котором, очарованный, и я теперь иду.
Вот пламенники красные — подряд по десяти.
Ассирия! Ассирия! мне мимо не пройти!
Хочу полюбоваться я на твой багряный свет:
Цветы в крови, трава в крови, и в небе красный след.
А вот гирлянда желтая квадратных фонарей.
Египет! сила странная в неяркости твоей!
Пронизывает глуби все твой беспощадный луч,
И тянется властительно с земли до хмурых туч.
Но что горит высоко там, и что слепит мой взор?
Над озером, о Индия, застыл твой метеор.
Взнесенный, неподвижен он, в пространствах — брат звезде,
Но пляшут отражения, как змеи, по воде.
Широкая, свободная, аллея вдаль влечет,
Простым, но ясным светочем украшен строгий вход.
Тебя ли не признаю я, святой Периклов век!
Ты ясностью, прекрасностью победно мрак рассек!
Вхожу: всё блеском залито, все сны воплощены,
Все краски, все сверкания, все тени сплетены!
О Рим, свет ослепительный одиннадцати чаш:
Ты — белый, торжествующий, ты нам родной, ты наш!

Век Данте — блеск таинственный, зловеще золотой...
Лазурное сияние, о Леонардо, твой!..
Большая лампа Лютера — луч, устремленный вниз...
Две маленькие звездочки, век суетных маркиз...
Сноп молний — Революция! За ним громадный шар,
О ты! век девятнадцатый, беспламенный пожар!
И вот стою ослепший я, мне дальше нет дорог,
А сумрак отдаления торжественен и строг.
К сырой земле лицом припав, я лишь могу глядеть,
Как вьется, как сплетается огней мелькнувших сеть.
Но вам молюсь, безвестные! еще в ночной тени
Сокрытые, не жившие, грядущие огни!

1904

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

СЛАВА ТОЛПЕ

В пропасти улиц закинуты,
Городом взятые в плен,
Что мы мечтаем о Солнце потерянном!
Области Солнца задвинуты
Плитами комнатных стен.
В свете искусственном,
Четком, умеренном,
Взоры от красок отучены,
Им ли в расплавленном золоте зорь потонуть!
Гулом сопутственным,
Лязгом железным
Празднует город наш медленный путь.
К безднам всё глубже уводят излучины...
Нам к небесам, огнезарным и звездным,
Не досягнуть!

Здравствуй же, Город, всегда озабоченный,
В свете искусственном,
В царственной смене сверканий и тьмы!
Сладко да будет нам в сумраке чувственном
Этой всемирной тюрьмы!

Окна кругом заколочены,
Двери давно замуравлены,
Сабли у стражи отточены, —
Сабли, вкусившие крови, —
Все мы — в цепях!
Слушайте ж песнь храмовых славословий,
Вечно живет, как кумир нам поставленный, —
Каменный прах!
Славлю я толпы людские,
Самодержавных колодников,
Славлю дворцы золотые разврата,
Славлю стеклянные башни газет.
Славлю я лики благие
Избранных веком угодников
(Черни признанье — бесценная плата,
Дара поэту достойнее нет!).
Славлю я радости улицы длинной,
Где с дерзостным взором и мерзостным хохотом
Предлагают блудницы
Любовь,
Где с ропотом, топотом, грохотом
Движутся лиц вереницы,
Вновь
Странно задеты тоской изумрудной
Первых теней, —
И летят экипажи, как строй безрассудный,
Мимо зеркальных сияний,
Мимо рук, что хотят подаяний,
К ликующим вывескам наглых огней!

Но славлю и день ослепительный
(В тысячах дней неизбежный),
Когда среди крови, пожара и дыма,
Неумолимо,
Толпа возвышает свой голос мятежный,
Властительный,
В безумии пьяных веселий
Всё прошлое топчет во прахе,
Играет, со смехом, в кровавые плахи,
Но, словно влекома таинственным гением
(Как река свои воды к простору несущая),
С неуклонным прозрением,

Стремится к торжественной цели,
И, требуя царственной доли,
Глуха и слепа,
Открывает дорогу в столетья грядущие!

Славлю я правду твоих своеволий,
Толпа!

1904

КОНЬ БЛЕД

И се конь блед и сидящий
на нем, имя ему Смерть.

Откровение, VI, 8

I

Улица была — как буря. Толпы проходили,
Словно их преследовал неотвратимый Рок.
Мчались омнибусы, кэбы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.
Вывески, вертясь, сверкали переменным оком,
С неба, с страшной высоты тридцатых этажей;
В гордый гимн сливались с рокотом колес и скоком
Выкрики газетчиков и щелканье бичей.
Лили свет безжалостный прикованные луны,
Луны, сотворенные владыками естеств.
В этом свете, в этом гуле — души были юны,
Души опьяневших, пьяных городом существ.

II

И внезапно — в эту бурю, в этот адский шёпот,
В этот, воплотившийся в земные формы бред,
Ворвался, вонзился чуждый, несозвучный топот,
Заглушая гулы, говор, грохоты карет.
Показался с поворота всадник огнеликий,
Конь летел стремительно и стал с огнем в глазах.
В воздухе еще дрожали — отголоски, крики,
Но мгновенье было — трепет, взоры были — страх!

Был у всадника в руках развитый длинный свиток,
Огненные буквы возвещали имя: Смерть...
Полосами яркими, как пряжей пышных ниток,
В высоте над улицей вдруг разгорелась твердь.

III

И в великом ужасе, скрывая лица, — люди
То бессмысленно взывали: «Горе! с нами бог!»
То, упав на мостовую, бились в общей груде...
Звери морды прятали, в смятеньи, между ног.
Только женщина, пришедшая сюда для сбыта
Красоты своей, — в восторге бросилась к коню,
Плача целовала лошадиные копыта,
Руки простирала к огневеющему дню.
Да еще безумный, убежавший из больницы,
Выскочил, растерзанный, пронзительно крича:
«Люди! Вы ль не узнаёте божией десницы!
Сгибнет четверть вас — от мора, глада и меча!»

IV

Но восторг и ужас длились — краткое мгновенье.
Через миг в толпе смятенной не стоял никто:
Набежало с улиц смежных новое движенье,
Было всё обычным светом ярко залито.
И никто не мог ответить, в буре многошумной,
Было ль то виденье свыше или сон пустой.
Только женщина из зал веселья, да безумный
Всё стремили руки за исчезнувшей мечтой.
Но и их решительно людские волны смыли,
Как слова ненужные из позабытых строк.
Мчались омнибусы, кэбы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.

Июль и декабрь 1903

ВСЕ НАПЕВЫ

1906—1909

ПОЭТУ

Ты должен быть гордым, как знамя;
Ты должен быть острым, как меч;
Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь.

Всего будь холодный свидетель,
На всё устремляя свой взор.
Да будет твоя добродетель —
Готовность взойти на костер.

Быть может, всё в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов,
И ты с беспечального детства
Ищи сочетания слов.

В минуты любовных объятий
К бесстрастью себя приневоль,
И в час беспощадных распятий
Прославь исступленную боль.

В снах утра и в бездне вечерней
Лови, что шепнет тебе Рок,
И помни: от века из терний
Поэта заветный венок.

18 декабря 1907

I. ЭЛЕГИИ И БУКОЛИКИ

ОДИНОЧЕСТВО

Отступи, как отлив, всё дневное, пустое волненье,
Одиночество, стань, словно месяц, над часом моим!
Слышу, тихо грохочут с волной уходящей каменья,
Вижу, алый закатный туман превращается в дым.

То в алмазных венцах, то в венках полевых маргариток,
То в одеждах рабынь, то в багряных плащах королев,
То, как ветер, смеясь, то с лицом, утомленным от пыток,
Вкруг меня наклоняется хор возвратившихся дев.

Взор ваш ласков, как прежде, и шаг, как бывало,
размерен...
Значит, тот я, что был, если прошлый мне мир
возвращен!
Подходите, шепчите: я был вам и буду вам — верен,
Никому не открою я ваших священных имен!

К вашим ласковым пальцам прижму воспаленные веки,
К вашим грудям знакомым устало прильну головой...
Сестры! нежные сестры! я в детстве вам клялся навеки,
Только с вами я счастлив, и только меж вами я свой!

Затихает вдали успокоенный ропот отлива,
На волнах потухает змеиностей лунных игра,
И, в венке маргариток, склоняясь надо мной, торопливо
Мне рассказ о прожитом в разлуке — лепечет сестра.

12 февраля 1907

ВЕЧЕРОВЫЕ ПЕСНИ

СУМЕРКИ

Горят электричеством луны
На выгнутых, длинных стеблях;
Звенят телеграфные струны
В незримых и нежных руках;

Круги циферблатов янтарных
Волшебно зажглись над толпой,
И жаждущих плит тротуарных
Коснулся прохладный покой.

Под сетью пленительно-зыбкой
Притих отуманенный сквер,
И вечер целует с улыбкой
В глаза — проходящих гетер.

Как тихие звуки клавира —
Далекие ропоты дня...
О сумерки! милостью мира
Опять упоите меня!

5 мая 1906

ФЕВРАЛЬ

Свежей и светлой прохладой
Веет в лицо мне февраль.
Новых желаний — не надо,
Прошлого счастья — не жаль.

Нежно-жемчужные дали
Чуть орумянил закат.
Как в саркофаге, печали
В сладком бесстрастии спят.

Нет, не укор, не предвестье, —
Эти святые часы!

Тихо пришли в равновесье
Зыбкого сердца весы.

Миг между светом и тенью!
День меж зимой и весной!
Весь подчиняюсь движенью
Песни, плывущей со мной.

31 января 1907

НА ГРАНИТАХ

К ШВЕЦИИ

В этом море кто так щедро
Сев утесов разбросал,
Кто провел проливы в недра
        Вековечных скал?

Кто, художник, словом дивным
Возрастил угрюмый бор
По извивам непрерывным
        Матовых озер?

Кто в безлунной мгле столетий,
Как в родной и верный дом,
Вел народ на камни эти
        Роковым путем?

Кто, под вопли вьюги снежной,
Под упорный зов зыбей,
Сохранил сурово-нежный
        Говор древних дней?

В час раздумий, в час мечтаний,
В тихий отдых от забот,
В свете северных сияний,
        У мятежных вод,

Кто-то создал эту сказку
Про озера и гранит,
И в дали веков развязку
Вымысла таит!

Сентябрь 1906

НА ГРАНИТАХ

Снова долгий тихий вечер.
Снова море, снова скалы.
Снова солнце искры мечет
Над волной роскошно-алой.

И не зная, здесь я, нет ли,
Чем дышу — мечтой иль горем, —
Запад гаснет, пышно-светел,
Над безумно светлым морем.

Им не слышен, — им, бесстрастным, —
Шёпот страсти, ропот гнева.
Небо хочет быть прекрасным.
Море хочет быть — как небо!

Волны быстро нижут кольца,
Кольца рдяного заката...
Сердце! сердце! успокойся:
Всё — навек, всё — без возврата!

20 июля 1906

ВИСБИ

Старый Висби! старый Висби!
Как твоих руин понятны —
Скорбь о годах, что погибли,
Сны о были невозвратной!

Снится им былая слава,
В море синем город белый,
Многошумный, многоглавый,
Полный смехом, полный делом;

Снится — в гавани просторной
Флот, который в мире славен,
Паруса из Риги, Кёльна,
С русских, английских окраин;

Снится звон веселый в праздник,
Звон двенадцати соборов,
Девы — всех цветков нарядней,
Площадь, шумная народом.

Жизнью новой, незнакомой
Не встревожить нам руины!
Им виденья грустной дремы
Сохранили мир старинный.

С ними те же кругозоры,
И всё то же море к стенам
Стелет синие уборы
С кружевами белой пены.

Июль, сентябрь 1906

В ПОЛЕ

ВЕК ЗА ВЕКОМ

Взрывают весенние плуги
Корявую кожу земли, —
Чтоб осенью снежные вьюги
Пустынный простор занесли.

Краснеет лукаво гречиха,
Синеет младенческий лен...
И снова всё бело и тихо,
Лишь волки проходят как сон.

Колеблются нивы от гула,
Их топчет озлобленный бой...
И снова безмолвно Микула
Взрезает им грудь бороздой.

А древние пращуры зорко
Следят за работой сынов,
Ветлой наклоняясь с пригорка,
Туманом вставая с лугов.

И дальше тропой неизбежной,
Сквозь годы и бедствий и смут,
Влечется, суровый, прилежный,
Веками завещанный труд.

Январь 1907

АВГУСТ

И первый лист любезен падший.

Вяч. Иванов

Здравствуй, Август, венчан хмелем,
Смуглый юноша-сатир!
Мы ковры под дубом стелем,
Мы в лесу готовим пир.

Будь меж нами гость желанный
За простым лесным столом.
Груды груш благоуханны,
Чаши пенятся вином.

Заплелись багрянцы клена
В золотую ткань дубов,
Но за ними — небосклона
Синий круг без облаков.

Словно этот плод созрелый,
Лето соками полно!
Пей же с нами, чашей целой,
Вечно жгучее вино!

Ты, серпы точивший в поле,
Ты, поднявший первый цеп,
Славь недели полной воли,
Новый плод и новый хлеб!

Август милый! отрок смуглый!
Как и мы, ты тоже пьян.

Свечерело. Месяц круглый
Озарил круги полян.

Мы не спорим, не ревнуем,
Припадая, как во сне,
Истомленным поцелуем
К обнажившейся спине.

1907

В ЛУГАХ

Задремал пастух понурый
Над унылостью равнин.
Тучи медленны и хмуры,
Преет мята, веет тмин.

Спит пастух и смутно слышит
Жвачку ровную коров,
А над сонным осень дышит
Чарой скошенных лугов.

Спит пастух, но в тихом стаде
Есть другой сторожевой —
В белом дедовском наряде
И с венцом над головой.

Он пришел от ближней речки,
Где дрожали тростники:
Перед ним встают овечки,
На него глядят быки.

Лошадям он гривы гладит,
Жеребят сбирает в круг,
И со злой овчаркой ладит,
Как хозяин и как друг.

Спит пастух, и дышит тмином,
И во сне виденьям рад...
Тихо бродит по долинам
Древний пастырь местных стад.

Август 1907

Александру Блоку

одному изъ немногихъ

избранныхъ

нашихъ дней.

1906 Валерій Брюсовъ

МГНОВЕНИЯ

ЧАС ВОСПОМИНАНИЙ

Воспоминанье, с нежной грустью,
Меня в глаза целует. День
Струей чуть слышной льется к устью,
И на душу ложится тень.

Вновь, как моряк, носимый морем,
Всю жизнь я вижу пред собой,
С ее надеждами и горем,
С ее безумством и мечтой.

И, заслоняя все другие,
Чуть зримы в жуткой тишине,
Двух женщин облики немые
Во мгле склоняются ко мне.

То с дерзкой дрожью сладострастья,
С бесстыдным отблеском в зрачках,
Манят меня виденьем счастья,
Забытого в холодных днях;

То смотрят нежно и любовно
И, не ревнуя, не кляня,
О всем погибшем плачут, словно
И обо мне и за меня!

И снова я из бездны черной
Стремлюсь к далеким берегам, —
Но кто-то шепчет мне упорно,
Что жребий свой я выбрал сам.

. . . .

День потонул во мгле безбрежной,
Кругом прибой грозящих струй...
Воспоминанье, с грустью нежной,
Вновь близит страшный поцелуй.

20 ноября 1908

АНГЕЛ БЛАГОГО МОЛЧАНИЯ

Молитва

Ангел благого молчания,
Властно уста загради
В час, когда силой страдания
Сердце трепещет в груди!

Ангел благого молчания,
Радостным быть помоги
В час, когда шум ликования
К небу возносят враги!

Ангел благого молчания,
Гордость в душе оживи
В час, когда пламя желания
Быстро струится в крови!

Ангел благого молчания,
Смолкнуть устам повели
В час, когда льнет обаяние
Вечно любимой земли!

Ангел благого молчания,
Душу себе покори
В час, когда брезжит сияние
Долгожеланной зари!

В тихих глубинах сознания
Светят святые огни!
Ангел благого молчания,
Душу от слов охрани!

7 мая 1908

ЛИКОРН

Сонет

Столетний бор. Вечерний сумрак зелен.
Мне щеки нежит мох и мягкий дерн.
Мелькают эльфы. Гномы из расщелин
Гранита смотрят. Кра́дется ликорн.

Зачем мой дух не волен и не целен!
Зачем в груди пылает ярый горн!
Кто страсть мне присудил? и кем он велен,
Суровый приговор бесстрастных норн?

Свободы! Тишины! Путем знакомым
Сойти в пещеру к празднующим гномам.
Иль с дочерьми Царя Лесного петь,

Иль мирно спать, со мхом, с землей,
                                        с гранитом...
Нет! голосом жестоким и несытым
Звучит во мне, считая миги, медь.

1908

II. ЭРОТИКА

''ΕΡΩΣ 'ΑΝΙΚΑΤΕ ΜΑΧΑΝ[1]

ВСТРЕЧА

Близ медлительного Нила, там, где озеро Мерида,
в царстве пламенного Ра,
Ты давно меня любила, как Озириса Изида, друг, царица
и сестра!
И клонила пирамида тень на наши вечера.

Вспомни тайну первой встречи, день, когда во храме
пляски увлекли нас в темный круг,
Час, когда погасли свечи, и когда, как в странной сказке,
каждый каждому был друг,
Наши речи, наши ласки, счастье, вспыхнувшее вдруг!

Разве ты, в сияньи бала, легкий стан склонив мне в руки,
через завесу времен,
Не расслышала кимвала, не постигла гимнов звуки
и толпы ответный стон?
Не сказала, что разлуки — кончен, кончен долгий сон!

Наше счастье — прежде было, наша страсть —
воспоминанье, наша жизнь — не в первый раз,
И, за временной могилой, неугасшие желанья с прежней
силой дышат в нас,
Как близ Нила, в час свиданья, в роковой и краткий час!

1906, 1907

---

[1] Эрот, непобедимый в битве (др.-греч.). — *Ред.*

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Октавы

Не всё ль равно, была ль ты мне верна?
И был ли верен я, не всё равно ли?
Не нами наша близость решена,
И взоры уклонить у нас нет воли.
Я вновь дрожу, и снова ты бледна,
В предчувствии неотвратимой боли.
Мгновенья с шумом льются, как поток,
И страсть над нами взносит свой клинок.

Кто б нас ни создал, жаждущих друг друга,
Бог или Рок, не всё ли нам равно!
Но мы — в черте магического круга,
Заклятие над нами свершено!
Мы клонимся от счастья и испуга,
Мы падаем — два якоря — на дно!
Нет, не случайность, не любовь, не нежность, —
Над нами торжествует — Неизбежность.

22 января 1909

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Que tes mains soient bénies
Car elles sont impures!

Remy de Gourmont[1]

Сиянье глаз твоих благословляю!
В моем бреду светило мне оно.

Улыбку уст твоих благословляю!
Она меня пьянила, как вино.

Твоих лобзаний яд благословляю!
Он отравил все думы и мечты.

---

[1] Да будут благословенны твои руки, потому что они порочны! *Реми де Гурмон* (франц.). — *Ред.*

Твоих объятий серп благословляю!
Всё прошлое во мне им сжала ты.

Огонь любви твоей благословляю!
Я радостно упал в его костер.

Весь мрак души твоей благословляю!
Он надо мной свое крыло простер.

За всё, за всё тебя благословляю!
За скорбь, за боль, за ужас долгих дней,

За то, что влекся за тобою к Раю,
За то, что стыну у его дверей!

1908

МЕРТВАЯ ЛЮБОВЬ

В ПОЛНОЧЬ

Понял! мы в раю!
Stephanos

«Ты — мой, как прежде?» — «Твой, как прежде!»
— «Ты счастлив?» — «Счастлив».—«Всё, как прежде!»

Полночь в стекла сонно бьет.
Ночь свершает свой обход.

«Целуй меня! Целуй, как прежде!»
— «Тебя целую я, как прежде!»

Заступ в землю глухо бьет.
Ночь свершает свой обход.

«Мы в мире лишь вдвоем, как прежде?»
— «Да, в мире лишь вдвоем, как прежде».

Кто сказал, что гроб несут?
Четок, четок стук минут!

«А где ж блаженство, то, что прежде?»
— «Блаженство было, прежде, прежде!»

Чу! земли за комом ком.
Ночь застыла за окном.

«Иль мы в могиле, вновь, как прежде?»
— «Да, мы в могиле, вновь, как прежде».

Ветер травы сонно мнет.
Ночь свершает свой обход.

1908

ХОЛОД

Холод, тело тайно сковывающий,
Холод, душу очаровывающий...

От луны лучи протягиваются,
К сердцу иглами притрагиваются.

В этом блеске — всё осилившая власть,
Умирает обескрылевшая страсть.

Всё во мне — лишь смерть и тишина,
Целый мир — лишь твердь и в ней луна.

Гаснут в сердце невзлелеянные сны,
Гибнут цветики осмеянной весны.

Снег сетями расстилающимися
Вьет над днями забывающимися,

Над последними привязанностями,
Над святыми недосказанностями!

1906

ОБРЕЧЕННЫЙ

СЕБАСТЬЯН

На медленном огне горишь ты и сгораешь,
Душа моя!
На медленном огне горишь ты и сгораешь,
Свой стон тая.

Стоишь, как Себастьян, пронизанный стрелами,
Без сил вздохнуть.
Стоишь, как Себастьян, пронизанный стрелами
В плечо и грудь.

Твои враги кругом с веселым смехом смотрят,
Сгибая лук.
Твои враги кругом с веселым смехом смотрят
На смены мук.

Горит костер, горит, и стрелы жалят нежно
В вечерний час.
Горит костер, горит, и стрелы жалят нежно
В последний раз.

Что ж не спешит она к твоим устам предсмертным,
Твоя мечта?
Что ж не спешит она — к твоим устам предсмертным
Прижать уста!

11 октября 1907

ЖИЗНЬ

Безликая, она забыла счет обличий:
Подсказывает роль любовнику в бреду,
И коршуна влечет над нивами к добыче,
И гидре маленькой дает дышать в пруду.

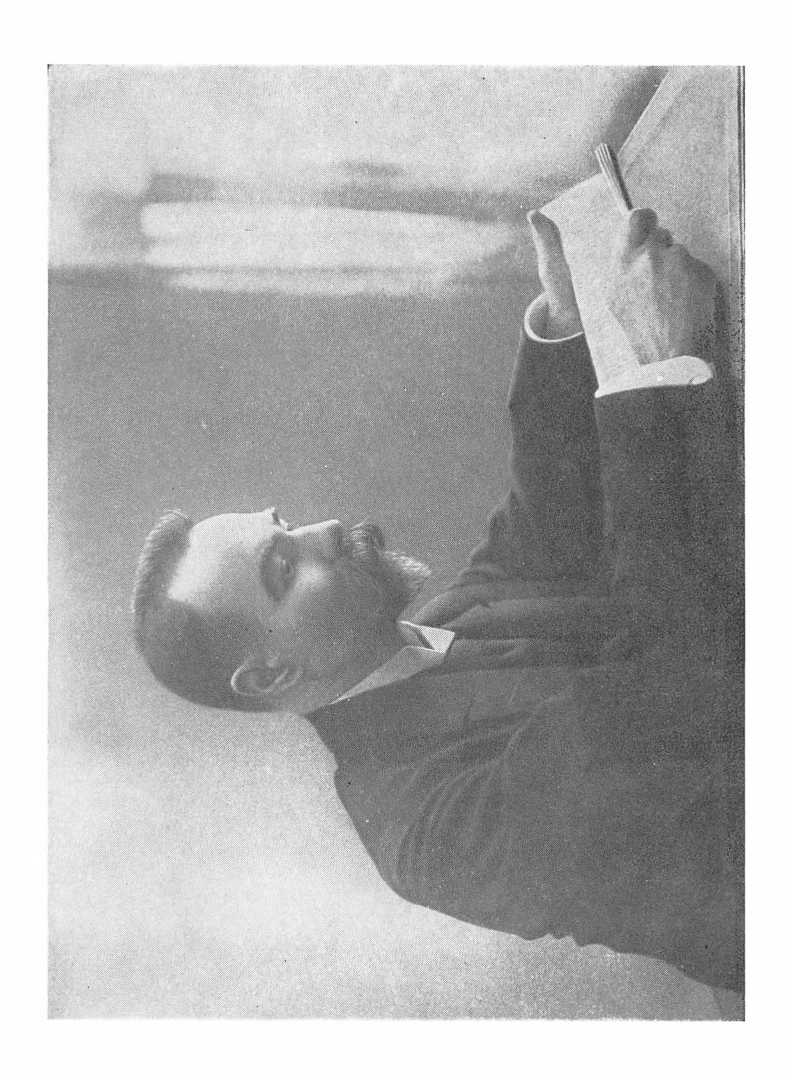
В пустыне выжженной встает былинкой смелой,
В ничтожной капельке селит безмерный мир,
Рождает каждый миг, вплетает тело в тело,
И семена существ проносит чрез эфир!

От грозных пирамид и гордых библиотек
До гор, воздвигнутых из ракушек морских,
От криков дикаря, метнувшего свой дротик,
До черного червя, который мудро тих, —

Сверкает жизнь везде, грохочет жизнь повсюду!
Бросаюсь в глубь веков, — она горит на дне...
Бегу на высь времен, — она кричит мне: буду!
Она над всем, что есть; она во всем, во мне!

О, братья: человек! бацилла! тигр! гвоздика!
И жители иных, непознанных планет!
И духи тайные, не кажущие лика!
Мы все — лишь беглый блеск на вечном море лет!

1906



ВИДЕНИЯ

ПОВОЛЬНИК

Здравствуй, буйная ватага, удалых годов друзья!
Вот и снова я — бродяга, вот опять — повольник я!

Я в затворах жил подолгу, выпил чашу рабской доли,
Но я молод — видя Волгу, я могуч — под ветром воли!

Повинуйтесь снова кличу, становитесь в бранный круг!
Как бывало, на добычу поведу за стругом струг.

Ах, как сладки лязги сабли! как бессильно свищут
пули!
Что, удар мой не ослаб ли? голос слышен ли и в гуле?

А теперь дели, что взято! всем поровну, без греха!
Горстью мерь сребро и злато, а на локоть мерь меха.

Спрятав знатные товары, мы костер зажжем над плесом,
Будут звонко вторить чары нашим песням стоголосым;

А когда луна остудит волны Волги и песок,
Всем по очереди будет с полоняночкой часок!

20 мая 1907

ЖЕНЩИНЫ

НАША ТЕНЬ

Наша тень вырастала в длину тротуара
В нерешительный час догоравшего дня.
И лишь уголья тлели дневного пожара,
В отдаленьи, за нами — без сил, без огня.

Наша тень подымалась на стены строений,
То кивала с простенков, то падала вновь,
И ловила мои утомленные пени, —
Что костер догорел, что померкла любовь.

Засветились огни; наша тень почернела;
Отбегала назад и росла впереди,
Угадала, как я прошептала несмело:
«Если больше не любишь, так что ж, — уходи!»

Ослепил нас фонарь сине-газовым светом,
И, растаяв внезапно у ног без следа,
Наша тень засмеялась над тихим ответом,
Над нежданным ответом: «Прощай навсегда!»

2—3 апреля 1906

В ГОРОДЕ

ГОРОДУ

Дифирамб

Царя властительно над долом,
Огни вонзая в небосклон,
Ты труб фабричных частоколом
Неумолимо окружен.

Стальной, кирпичный и стеклянный,
Сетями проволок обвит,
Ты — чарователь неустанный,
Ты — неслабеющий магнит.

Драконом, хищным и бескрылым,
Засев, — ты стережешь года,
А по твоим железным жилам
Струится газ, бежит вода.

Твоя безмерная утроба
Веков добычей не сыта, —

В ней неумолчно ропщет Злоба,
В ней грозно стонет Нищета.

Ты, хитроумный, ты, упрямый,
Дворцы из золота воздвиг,
Поставил праздничные храмы
Для женщин, для картин, для книг;

Но сам скликаешь, непокорный,
На штурм своих дворцов — орду.
И шлешь вождей на митинг черный:
Безумье, Гордость и Нужду!

И в ночь, когда в хрустальных залах
Хохочет огненный Разврат,
И нежно пенится в бокалах
Мгновений сладострастных яд, —

Ты гнешь рабов угрюмых спины,
Чтоб, исступленны и легки,
Ротационные машины
Ковали острые клинки.

Коварный змей, с волшебным взглядом!
В порыве ярости слепой
Ты нож, с своим смертельным ядом,
Сам подымаешь над собой.

1907

УЛИЧНАЯ

Свищет вполголоса арии,
Блеском и шумом пьяна,
Здесь, на ночном тротуаре,
Вольная птица она!

Детски балуется с локоном,
Вьющимся дерзко к глазам,
То вдруг наклонится к окнам,
Смотрит на радужный хлам.

Вот улыбнулась знакомому
Всем ожерельем зубов!
Вот, подмигнув молодому,
Бросила несколько слов.

Кто-то кивнул необдуманно,
К ней наклонился, — и вот
Вместе смеется он шумно,
Рядом, волнуясь, идет.

Словно громадное зеркало,
Их отразило окно,
И отраженье померкло,
Канув на темное дно.

1906, 1907

ВЕЧЕРНИЙ ПРИЛИВ

Кричат афиши, пышно-пестрые,
И стонут вывесок слова,
И магазинов светы острые
Язвят, как вопли торжества.

Там спят за стеклами материи,
Льют бриллианты яркий яд,
И над звездой червонцев — серии
Сияньем северным горят.

Прорезан длинными колодцами
Горящих улиц, — город жив.
Киша бессчетными уродцами,
Вечерний празднует прилив.

Скрыв небеса с звездами чуткими,
Лучи синеют фонарей —
Над мудрецами, проститутками,
Над зыбью пляшущих людей.

Кадрилей нарушая линии,
Меж пар кружащихся звеня,

Трамваи мечут молньи синие,
Автомобили — сноп огня.

Позор, под музыку колесную,
Вознес смычок, как дирижер,
И слил толпу многоголосную
В единый и священный хор:

«Мы славим, Прах, Твое Величество,
Тебе ведем мы хоровод
Вкруг алтарей из электричества,
Вонзивших копья в небосвод!»

Апрель — декабрь 1906

ХВАЛА ЧЕЛОВЕКУ

Молодой моряк вселенной,
Мира древний дровосек,
Неуклонный, неизменный,
Будь прославлен, Человек!

По глухим тропам столетий
Ты проходишь с топором,
Целишь луком, ставишь сети,
Торжествуешь над врагом!

Камни, ветер, воду, пламя
Ты смирил своей уздой,
Взвил ликующее знамя
Прямо в купол голубой.

Вечно властен, вечно молод,
В странах Сумрака и Льда,
Петь заставил вещий молот,
Залил блеском города.

Сквозь пустыню и над бездной
Ты провел свои пути,
Чтоб нервущейся, железной
Нитью землю оплести.

В древних, вольных океанах,
Где играли лишь киты,
На стальных левиафанах
Пробежал державно ты.

Змея, жалившего жадно
С неба выступы дубов,
Изловил ты беспощадно,
Неустанный зверолов.

И, шипя под хрупким шаром
И в стекле согнут в дугу,
Он теперь, покорный чарам,
Светит хитрому врагу.

Царь несытый и упрямый
Четырех подлунных царств,
Не стыдясь, ты роешь ямы,
Множишь тысячи коварств;

Но, отважный, со стихией
После бьешься с грудью грудь,
Чтоб еще над новой выей
Петлю рабства захлестнуть.

Верю, дерзкий! ты поставишь
Над землей ряды ветрил.
Ты по прихоти направишь
Бег в пространстве, меж светил.

И насельники вселенной,
Те, чей путь ты пересек,
Повторят припев священный:
«Будь прославлен, Человек!»

1 декабря 1906

ПРАВДА ВЕЧНАЯ КУМИРОВ

ОРЫ

Устремив друг к другу взоры,
В пляске двигаясь вперед,
Вы ведете — оры! оры! —
Свой священный хоровод.

В ночь глухую — слух, склоненный
К безответной бездне слов,
Слышит топот потаенный
Ваших маленьких шагов.

Солнце встанет, снова канет
В неизбежность новый день.
Ваша пляска не устанет
Обгонять и свет и тень.

Мы, дыша мечтой блаженной,
Сном работы, ядом книг,
В душной кузнице вселенной
Все куем за мигом миг.

И, скользя тропой столетий
Мимо жизни, мимо нас,
Ловко ловите вы в сети
Каждый выкованный час.

Стойте! стойте! на мгновенье
Дайте бездну оглянуть!
— Плавны легкие движенья
Дев, свершающих свой путь!

В них безвольность, в них беспечность,
Взор их благостен и тих!
Что ж? они ль пропляшут вечность,
Иль Она — поглотит их?

1905, 28 августа 1906

ДЕДАЛ И ИКАР

Дедал

Мой сын! мой сын! будь осторожен.
Спокойней крылья напрягай.
Под ветром путь наш ненадежен,
Сырых туманов избегай.

Икар

Отец! ты дал душе свободу,
Ты узы тела разрешил.
Что ж медлим? выше! к небосводу!
До вечной области светил!

Дедал

Мой сын! мы вырвались из плена,
Но пристань наша далека:
Под нами — гривистая пена,
Над нами реют облака...

Икар

Оте́ц! что́ облака! что́ море!
Удел наш — воля мощных птиц:
Взлетать на радостном просторе,
Метаться в далях без границ!

Дедал

Мой сын! лети за мною следом,
И верь в мой зрелый, зоркий ум.
Мне одному над морем ведом
Воздушный путь до белых Кум.

Икар

Отец! к чему теперь дороги!
Спеши насытить счастьем грудь!
Вторично не позволят боги
До сфер небесных досягнуть!

Дедал

Мой сын! не я ль убор пернатый
Сам прикрепил к плечам твоим?
Взлетим мы дважды, и трикраты,
И сколько раз ни захотим!

Икар

Отец! сдержать порыв нет силы!
Я опьянел! я глух! я слеп!
Взлетаю ввысь, как в глубь могилы,
Бросаюсь к солнцу, как в Эреб!

Д е д а л
Мой сын! мой сын! лети срединой,
Меж первым небом и землей...
Но он — над стаей журавлиной,
Но он — в пучине золотой!

О юноша! презрев земное,
К орбите солнца взнесся ты.
Но крылья растопились в зное,
И в море, вечно голубое,
Безумец рухнул с высоты.

1 апреля 1908

ОДИССЕЙ

Певцами всей земли прославлен
Я, хитроумный Одиссей,
Но дух мой темен и отравлен,
И в памяти гнездится змей.

Я помню день — как щит лазурный,
И зелень вод и белость пен,
Когда стремил нас ветр безбурный
К нагому острову сирен.

Их угадав на камне плоском
И различив прибрежный гул, —
В руках согретым, мягким воском
Я слух товарищей замкнул.

Себя же к мачте корабельной
Я дал покорно привязать,
Чтоб песни лирной и свирельной
Соблазн опасный испытать.

И всё мечта предугадала!
Когда в тиши морских пустынь,
Вонзая сладостные жала,
Песнь разлилась полубогинь, —

Вдруг уязвленный мукой страстной,
С одной мечтой — спешить на зов,
Из тесных уз рвался напрасно
Я, доброволец меж рабов!

И наш корабль пронесся мимо,
Сирены скрылись вдалеке,
Их чар избег я невредимо...
Но нет конца моей тоске!

Зачем я был спокойно-мудрым,
Провидел тайны вод седых,
Не вышел к девам темнокудрым
И не погиб в объятьях их!

Чтоб вновь изведать той отравы,
Вернуть событий колесо,
Я отдал бы и гимны славы,
И честь, и ложе Калипсо!

1907

ЭНЕЙ

К встающим башням Карфагена
Нептуна гневом приведен,
Я в узах сладостного плена
Дни проводил как дивный сон.

Ах, если боги дали счастье
Земным созданиям в удел,
В те дни любви и сладострастья
Я этой тайной овладел!

И быть всю жизнь в такой неволе, —
Царицы радостным рабом, —
Душе казалось лучшей долей
И всех былых трудов венцом!

И ночь была над сонным градом...
Был выпит пламенный фиал...
В тиши дворца, с царицей рядом,
На ложе царском я дремал.

Еще я помнил вздохи, стоны,
Весь наш порыв — в неясном сне, —
И грудь горячая Дидоны
Всё льнула трепетно ко мне...

И вот — внезапный свет сквозь тени,
И шелест окрыленных ног.
Над ложем сумрачным — Циллений
Склоняет посох, вестник-бог.

«Внемли, — вещает, — сын богини!
Ты медлишь, но не медлит Рок!
Ты избран был хранить святыни,
И подвиг твой в веках высок.

Земная страсть да спит в герое!
Тебе ль искать ливийских нег,
Когда ты призван — Новой Трои
Взрастить торжественный побег?

Узнай глаголы Громовержца:
Величью покорись, плыви
К пределам Итала, — из сердца
Исторгнув помыслы любви!»

Виденье скрылось, как зарница,
И голос замер, как мечта.
Сквозь сон, открыв глаза, царица
Ко мне приподняла уста...

Но я, безумный, с ложа прянул,
Я отвратил во тьму глаза.
И утром трубный голос грянул,
И флот наш поднял паруса.

Сентябрь 1908

К МЕДНОМУ ВСАДНИКУ

В морозном тумане белеет Исакий.
На глыбе оснеженной высится Петр.
И люди проходят в дневном полумраке,
Как будто пред ним выступая на смотр.

Ты так же стоял здесь, обрызган и в пене,
Над темной равниной взмутившихся волн;
И тщетно грозил тебе бедный Евгений,
Охвачен безумием, яростью полн.

Стоял ты, когда, между криков и гула,
Покинутой рати ложились тела,
Чья кровь на снегах продымилась, блеснула
И полюс земной растопить не могла.

Сменяясь, шумели вокруг поколенья,
Вставали дома, как посевы твои...
Твой конь попирал с беспощадностью звенья
Бессильно под ним изогнутой змеи.

Но северный город — как призрак туманный,
Мы, люди, проходим, как тени во сне.
Лишь ты сквозь века, неизменный, венчанный,
С рукою простертой летишь на коне.

24—25 января 1906
Петербург

К СОБОРУ КЭМПЕРА

Я был разорван мукой страстной,
Язвим извилистой тоской,
Когда, безмерный, но безгласный,
Во тьме ты вырос предо мной.

Созданье канувших столетий!
Вонзая в небо две иглы,

Ты встал при тихом, звездном свете,
Как властелин надземной мглы.

Моим мечтам, всегда тревожным,
Моей бессильной воле — ты
Сказал без слов о невозможном
Слияньи силы и мечты!

Меня сдавил ты, неотступный,
Всей тяжестью былых времен,
И был я, жалкий и преступный,
Твоим величьем обличен.

И вот — бродяга безымянный
На темной площади поник
Перед тобой, старик венчанный,
Как пред Изидой ученик.

1 сентября 1908

НА ФОРУМЕ

Не как пришлец на римский форум
Я приходил — в страну могил,
Но как в знакомый мир, с которым
Одной душой когда-то жил.

И, как во сне родные тени,
Встречал я с радостной тоской
Базилик рухнувших ступени
И плиты древней мостовой.

А надо мною, — как вершина
Великих, пройденных веков,
Венчали арки Константина
Руину храмов и дворцов.

Дорог строитель чудотворный,
Народ Траяна! твой завет,
Спокойный, строгий и упорный,
В гранит и мрамор здесь одет.

Твоих развалин камень каждый
Напоминает мне — вести
К мете, намеченной однажды,
Среди пустынь свои пути.

Август 1908

СОВРЕМЕННОСТЬ

СЛУЖИТЕЛЮ МУЗ

Свой хор заветный водят музы
Вдали от дольных зол и бед.
Но ты родные Сиракузы
Люби, как древле Архимед!

Когда бросает ярость ветра
В лицо нам вражьи знамена, —
Сломай свой циркуль геометра,
Прими доспех на рамена!

И если враг пятой надменной
На грудь страны поникшей стал, —
Забудь о таинствах вселенной,
Поспешно отточи кинжал!

Священны миги роковые,
В порыве гнева тайна есть,
И лик склоняет Урания,
Когда встает и кличет Месть!

Пусть боги смотрят безучастно
На скорбь земли: их вечен век.
Но только страстное прекрасно
В тебе, мгновенный человек!

1 сентября 1907

ДУХ ЗЕМЛИ

Schreckliches Gesícht.
Goethe [1]

В порыве скорби и отваги
Тебя, о мощный Дух Земли,
Мы, как неопытные маги,
Неосторожно закляли.

Ты встал, громаден и ужасен,
На гордый зов, на дерзкий клик,
Так ослепительно прекрасен
И так чудовищно велик!

Ступил — и рухнули громады
Хранимых робко городов;
Дохнул на толпы, без пощады, —
И смёл безумных гордецов.

Ты наше маленькое знамя
Вознес безжалостной рукой,
Чтоб с ним, под гром, скрутилось пламя
В полете тучи грозовой.

Ты озарил нам глубь столетий,
И там, за дымом и огнем,
Открылось нечто в рдяном свете,
Как странный сон в краю ином.

И вот, отпрянув, мы трепещем,
Заклятья повторяя вслух:
Да остановим, словом вещим,
Тебя, — неукротимый Дух!

5 июля 1907

---

[1] Невыносимый лик. *Гете* (нем.). — *Ред.*

НАШ ДЕМОН

Ἅπαντι δαίμων ἀνδρί

Μένανδρος [1]

У каждого свой тайный демон.
Влечет неумолимо он
Наполеона через Неман
И Цезаря чрез Рубикон.

Не демон ли тебе, Россия,
Пути указывал в былом,
На берег Сити в дни Батыя,
На берег Дона при Донском?

Не он ли вел Петра к Полтаве,
Чтоб вывести к струям Невы,
И дни Тильзита, дни бесславий,
Затмил пыланием Москвы?

Куда ж теперь, от скал Цусимы,
От ужаса декабрьских дней,
Ты нас влечешь, неодолимый?
Не видно вех, и нет путей.

Где ты, наш демон? Или бросил
Ты вверенный тебе народ,
Как моряка без мачт и весел,
Как путника в глуши болот?

Явись в лучах, как страж Господень,
Иль встань, как призрак гробовой,
Но дай нам знак, что не бесплоден
Столетий подвиг роковой!

1908

КОМУ-ТО

Фарман, иль Райт, иль кто б ты ни был!
Спеши! настал последний час!
Корабль исканий в гавань прибыл,
Просторы неба манят нас!

---

[1] У всякого человека свой демон. *Менандр* (др.-греч.). — *Ред.*

Над поколением пропела
Свой вызов пламенная медь,
Давая знак, что косность тела
Нам должно волей одолеть.

Наш век вновь в Дéдала поверил,
Его суровый лик вознес,
И мертвым циркулем измерил
Возможность невозможных грез.

Осуществители, мы смеем
Ловить пророчества в былом,
Мы зерна древние лелеем,
Мы урожай столетий жнем.

Так! мы исполним завещанье
Великих предков. Шар земной
Мы полно примем в обладанье,
Гордясь короной четверной.

Пусть, торжествуя, вихрь могучий
Взрезают крылья корабля,
А там, внизу, в прорывах тучи,
Синеет и скользит земля!

2 сентября 1908
Жювизи

ПОСЛАНИЯ

М. А. ВРУБЕЛЮ

От жизни лживой и известной
Твоя мечта тебя влечет
В простор лазурности небесной
Иль в глубину сапфирных вод.

Нам недоступны, нам незримы,
Меж сонмов вопиющих сил,
К тебе нисходят серафимы
В сияньи многоцветных крыл.

Из теремов страны хрустальной,
Покорны сказочной судьбе,
Глядят, лукаво и печально,
Наяды, верные тебе.

И в час на огненном закате,
Меж гор предвечных видел ты,
Как дух величий и проклятий
Упал в провалы с высоты.

И там, в торжественной пустыне,
Лишь ты постигнул до конца —
Простертых крыльев блеск павлиний
И скорбь эдемского лица!

9 января 1906

АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Нас не призвал посланник божий
В свой час, как братьев, от сетей,
И долго были непохожи
Изгибы наших двух путей.

Ты был безумием и верой
На высь Фавора возведен;
Как Данте, яростной пантерой
Был загнан я на горный склон.

Но на высотах, у стремнины,
Смутясь, мы встретились с тобой.
Со мною был — мой жезл змеиный,
С тобой — твой посох костяной.

И в темный путь пошли мы рядом...
Но кто-то третий близко был.
Палящей страстью, жгучим ядом,
Он нашу душу опалил.

И — помню — кроя в сердце муку,
Как смертный, впившийся кинжал,
Братоубийственную руку
Я на поэта подымал...

И что ж! на пламени сомненья,
Что злобно зыблила вражда,
Сковались тайной цепи звенья,
Нас съединившей навсегда.

Я в миги страшные измерил
Твоих безумий правоту,
И ты, восторженный, поверил
В мою спокойную мечту.

Пойдем ли дальше в путь единый,
Иль каждому — удел иной,
Тебе дарю я жезл змеиный,
Беру твой посох костяной.

День ярко гаснет на откосах,
Клубится сумрак по земле.
Да будет мне твой белый посох
Путеводителем во мгле!

<1909>

ВСТРЕЧНОЙ

Они не созданы для мира.

М. Лермонтов

Во вселенной, страшной и огромной,
Ты была — как листик в водопаде,
И блуждала странницей бездомной,
С изумленьем горестным во взгляде.

Ты дышать могла одной любовью,
Но любовь таила скорбь и муки.
О, как быстро обагрялись кровью
С нежностью протянутые руки!

Ты от всех ждала участья — жадно.
Все обиды, как дитя, прощала,
Но в тебя вонзались беспощадно
Острые, бесчисленные жала.

И теперь ты брошена на камни,
Как цветок, измолотый потоком.
Бедная былинка, ты близка мне, —
Мимо увлекаемому Роком!

Сентябрь — ноябрь 1907

НАЧИНАЮЩЕМУ

...доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит!

А. Пушкин

Нет, мы не только творцы, мы все и хранители тайны!
В образах, в ритмах, в словах есть откровенья веков.
Гимнов заветные звуки для слуха жрецов не случайны,
Праздный в них различит лишь сочетания слов.
Пиндар, Вергилий и Данте, Гете и Пушкин — согласно
В явные знаки вплели скрытых намеков черты.
Их угадав, задрожал ли ты дрожью предчувствий неясной?
Нет? так сними свой венок: чужд Полигимнии ты.

<1909>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СЕЯТЕЛЬ

Я сеятеля труд, упорно и сурово,
Свершил в краю пустом,
И всколосилась рожь на нивах; время снова
Мне стать учеником.

От шума и толпы, от славы и приветствий
Бегу в лесной тайник,
Чтоб снова приникать, как в отдаленном детстве,
К тебе, живой родник!

Чтоб снова испытать раздумий одиноких
И огненность и лед
И встретить странных грез, стокрылых и стооких,
Забытый хоровод.

О радость творчества, свободного, без цели,
Ко мне вернешься ты!
Мой утомленный дух проснется в колыбели
Восторженной мечты!

Вновь, как Адам в раю, неведомым и новым
Весь мир увижу я,
И буду заклинать, простым и вещим словом,
Все тайны бытия!

<1908>

ФАЭТОН

Как в полдень колесница Феба
Стоит на ясной высоте,
По крутизне земного неба
И я взнесен к своей мете.

Я вижу с вечного зенита
Со всех сторон отвесный скат,
И мне одна стезя открыта:
Дуга крутая на закат!

Быть может, коней не сдержу я,
Как древле оный Фаэтон,
И звери кинутся, ликуя,
Браздить горящий небосклон.

Тогда, Кронион, суд исполни
И гибелью покрой мой стыд:
Пусть, опален зубцами молний,
Паду к ногам Океанид.

7 июня 1905—4 апреля 1906 — август 1906

ЗЕРКАЛО ТЕНЕЙ

1909—1912

НА ГРУДИ ЗЕМНОЙ

* * *

Веселый зов весенней зелени,
Разбег морских надменных волн,
Цветок шиповника в расселине,
Меж туч луны прозрачный челн,
Весь блеск, весь шум, весь говор мира,
Соблазны мысли, чары грез, —
От тяжкой поступи тапира
До легких трепетов стрекоз, —
Еще люблю, еще приемлю,
И ненасытною мечтой
Слежу, как ангел дождевой
Плодотворит нагую землю!

Какие дни мне предназначены
И в бурях шумных и в тиши,
Но цел мой дух, и не растрачены
Сокровища моей души!
Опять поманит ли улыбкой
Любовь, подруга лучших лет,
Иль над душой, как влага зыбкой,
Заблещет молний синий свет, —
На радости и на страданья
Живым стихом отвечу я,
Ловец в пучине бытия
Стоцветных перлов ожиданья!

Приди и ты, живых пугающий,
Неотвратимый, строгий час,
Рукой холодной налагающий
Повязку на сиянье глаз!
В тебе я встречу новый трепет,
Твой лик загадочный вопью, —
Пусть к кораблю времен прицепит
Твоя рука мою ладью.
И, верю, вечностью хранимый,
В тех далях я узнаю вновь
И страсть, и горесть, и любовь,
Блеск дня, чернь ночи, вёсны, зимы! ..

1911

НА ВЕЧЕРНЕМ АСФАЛЬТЕ

Мысли священные, жальте
Жалами медленных ос!
В этой толпе неисчетной,
Здесь, на вечернем асфальте,
Дух мой упорный возрос.

В этой толпе неисчетной
Что я? — лишь отзвук других.
Чуткое сердце трепещет:
Стон вековой, безотчетный
В нем превращается в стих.

Чуткое сердце трепещет
Трепетом тонкой струны,
Слышит таинственный ропот...
Шар электрический блещет
Мертвым лучом с вышины.

Слышит таинственный ропот
Сердце в молчаньи толпы.
Здесь, на вечернем асфальте,
Словно предчувствие — топот,
Даль — словно в вечность тропы.

Здесь, на вечернем асфальте,
Дух мой упорный возрос.
Что я? — лишь отзвук случайный
Древней, мучительной тайны.
Мысли священные, жальте
Жалами медленных ос!

25 июня 1910

* * *

Что устоит перед дыханьем
И первой встречею весны!

Ф. Тютчев

Снова, с тайной благодарностью,
Глубоко дышу коварностью
В сердце льющейся весны,
Счастье тихое предчувствую,
И живой душой сопутствую
Птицам в далях вышины.

Снова будут сны и радости!
Разольются в поле сладости
Красных кашек, свежих трав.
Слух занежу в вешней прелести,
В шуме мошек, в легком шелесте
Вновь проснувшихся дубрав.

Снова ночи обнаженные
Заглядятся в воды сонные,
Чтоб зардеться на заре.
Тучка тонкая привесится
К золотому рогу месяца,
Будет таять в серебре.

Эти веянья и таянья,
Эти млеянья и чаянья,
Этот милый майский шум, —

Увлекая к беспредельности,
Возвращают тайну цельности
Снов и мира, слов и дум...

1911

* * *

О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить хочу, я жизнь люблю!

А. Пушкин

Идут года. Но с прежней страстью,
Как мальчик, я дышать готов
Любви неотвратимой властью
И властью огненной стихов.
Как прежде, детски, верю счастью
И правде переменных снов!

Бывал я, с нежностью, обманут
И, с лаской, дружбой оскорблен, —
Но строфы славить не устанут
Любви и страсти сладкий сон.
Я говорю: пусть розы вянут,
Май будет ими напоен!

Всё прошлое — мне только снилось,
Разгадка жизни — впереди!
Душа искать не утомилась,
И сердце — дрожью жить в груди.
Пусть всё свершится, — что б ни сбылось! —
Грядущий миг, скорей приди!

Вновь, с рыбаком, надежды полный,
Тая восторженную дрожь,
В ладье гнилой, бросаюсь в волны.
Гроза бушует вкруг. Так что ж!
Не бойся, друг! Пусть гибнут челны:
Ты счастье Цезаря везешь!

2 ноября 1911

ОБЪЯТИЯ СНОВ

БЕССОННИЦА

Луна стоит над призрачной горой;
Неверным светом залита окрестность;
Ряд кипарисов вытянулся в строй;
Их тени побежали в неизвестность.

Она проснулась и глядит в окно...
Ах, в полночь всё странней и идеальней!
Как давит бедра это полотно,
Как мало воздуха в знакомой спальне!

Она молчит, и всё молчит вокруг,
Портьеры, дверь, раздвинутые ставни.
И рядом спит ее привычный друг,
Знакомый, преданный, любовник давний.

Он рядом спит. Чернеет борода
И круг кудрей на наволочке белой.
Он равномерно дышит, как всегда;
Под простыней простерто прямо тело.

Луна стоит. Луна ее зовет
В холодные, в свободные пространства.
В окно струится свет, и свет поет
О тайной радости непостоянства...

Встать и бежать... Бежать в лучах луны,
По зелени, росистой, изумрудной,
На выси гор, чтоб сесть в тени сосны,
И плакать, плакать в тишине безлюдной!

Под простыней тревожно дышит грудь,
Мечты влекутся в даль и в неизвестность...
Луна плывет и льет живую ртуть
На сонную, безмолвную окрестность.

8 декабря 1909—10 января 1910

ДЕМОН САМОУБИЙСТВА

И кто, в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений,
Самоубийство и любовь!

Ф. Тютчев

Своей улыбкой, странно-длительной,
Глубокой тенью черных глаз
Он часто, юноша пленительный,
Обворожает, скорбных, нас.

В ночном кафе, где электрический
Свет обличает и томит,
Он речью, дьявольски-логической,
Вскрывает в жизни нашей стыд.

Он в вечер одинокий — вспомните, —
Когда глухие сны томят,
Как врач искусный, в нашей комнате
Нам подает в стакане яд.

Он в темный час, когда, как оводы,
Жужжат мечты про боль и ложь,
Нам шепчет роковые доводы
И в руку всовывает нож.

Он на мосту, где воды сонные
Бьют утомленно о быки,
Вздувает мысли потаенные
Мехами злобы и тоски.

В лесу, когда мы пьяны шорохом
Листвы и запахом полян,
Шесть тонких гильз с бездымным порохом
Кладет он, молча, в барабан.

Он верный друг, он — принца датского
Твердит бессмертный монолог,
С упорностью участья братского,
Спокойно-нежен, тих и строг.

В его улыбке, странно-длительной,
В глубокой тени черных глаз
Есть омут тайны соблазнительной,
Властительно влекущей нас...

15—16 мая 1910

ОФЕЛИЯ

Офелия гибла и пела,
И пела, сплетая венки,
С цветами, венками и песнью
На дно опустилась реки.

А. Фет

Ты не сплетала венков Офелии,
В руках не держала свежих цветов;
К окну подбежала, в хмельном веселии,
Раскрыла окно, как на радостный зов!

Внизу суетилась толпа безумная,
Под стуки копыт и свистки авто,
Толпа деловая, нарядная, шумная,
И тебя из толпы не видел никто.

Кому было дело до лика странного,
Высóко, высóко, в чужом окне!
Чего ж ты искала, давно желанного,
Блуждающим взором, внизу, на дне?

Никто головы не поднял, — и с хохотом
Ты кинулась вниз, на пустой гранит.
И что-то упало, с тяжелым грохотом,
Под зовы звонков и под стук копыт.

Метнулась толпа и застыла, жадная,
Вкруг бедного тела, в крови, в пыли...
Но жизнь шумела, всё та же, нарядная,
Авто и трамваи летели вдали.

1911

ПОД МЕРТВОЙ ЛУНОЮ

В МОЕЙ СТРАНЕ

В моей стране — покой осенний,
Дни отлетевших журавлей,
И, словно строгий счет мгновений,
Проходят облака над ней.

Безмолвно поле, лес безгласен,
Один ручей, как прежде, скор.
Но странно ясен и прекрасен
Омытый холодом простор.

Здесь, где весна, как дева, пела
Над свежей зеленью лугов,
Где после рожь цвела и зрела
В святом предчувствии серпов,

Где ночью жгучие зарницы
Порой влюбленных стерегли,
Где в августе склоняли жницы
Свой стан усталый до земли, —

Теперь торжественность пустыни,
Да ветер, бьющий по кустам,
А неба свод, глубоко синий, —
Как купол, увенчавший храм!

Свершила ты свои обеты,
Моя страна! и замкнут круг!

Цветы опали, песни спеты,
И собран хлеб, и скошен луг.

Дыши же радостным покоем
Над миром дорогих могил,
Как прежде ты дышала зноем,
Избытком страсти, буйством сил!

Насыться миром и свободой,
Как раньше делом и борьбой, —
И зимний сон, как всей природой,
Пусть долго властвует тобой!

С лицом и ясным и суровым
Удары снежных вихрей встреть,
Чтоб иль воскреснуть с майским зовом,
Иль в неге сладкой умереть!

8 октября 1909

ЗЕРНО

Лежу в земле, и сон мой смутен...
В открытом поле надо мной
Гуляет, волен и беспутен,
Январский ветер ледяной.

Когда стихает ярость бури,
Я знаю: звезд лучистый взор
Глядит с темнеющей лазури
На снежный мертвенный простор.

Порой во сне, сквозь толщь земную,
Как из другого мира зов,
Я глухо слышу, жутко чую
Вой голодающих волков.

И бредом кажется былое,
Когда под солнечным лучом
Качалось поле золотое,
И я был каплей в море том.

Иль день, когда осенней нивой
Шел бодрый сеятель, и мы
Во гроб ложились, терпеливо
Ждать торжествующей зимы.

Лежу в могиле, умираю,
Молчанье, мрак со всех сторон...
И всё трудней мне верить маю,
И всё страшней мой черный сон...

11 ноября 1909

* * *

Цветок засохший, душа моя!
Мы снова двое — ты и я.

Морская рыба на песке.
Рот открыт в предсмертной тоске.

Возможно биться, нельзя дышать...
Над тихим морем — благодать.

Над тихим морем — пустота:
Ни дыма, ни паруса, ни креста.

Солнечный свет отражает волна,
Солнечный луч не достигает дна.

Солнечный свет беспощаден и жгуч...
Не было, нет, и не будет туч.

Беспощаден и жгуч под солнцем песок.
Рыбе томиться недолгий срок.

Цветок засохший, душа моя!
Мы снова двое — ты и я.

<1911>

РОДНЫЕ СТЕПИ

ПО МЕЖЕ

Как ясно, как ласково небо!
Как радостно реют стрижи
Вкруг церкви Бориса и Глеба!

По горбику тесной межи
Иду, и дышу ароматом
И мяты и зреющей ржи.

За полем усатым, не сжатым
Косами стучат косари.
День медлит пред ярким закатом...

Душа, насладись и умри!
Всё это так странно знакомо,
Как сон, что ласкал до зари.

Итак, я вернулся, я — дома?
Так здравствуй, июльская тишь,
И ты, полевая истома,

Убогость соломенных крыш
И полосы желтого хлеба!
Со свистом проносится стриж

Вкруг церкви Бориса и Глеба:

1910
Белкино

* * *

В полях забытые усадьбы
Свой давний дозирают сон.
И церкви сельские, простые
Забыли про былые свадьбы,
Про роскошь барских похорон.

Дряхлеют парки вековые
С аллеями душистых лип.
Над прудом, где гниют беседки,
В тиши, в часы вечеровые,
Лишь выпи слышен зыбкий всхлип.

Выходит месяц, нежит ветки
Акаций, нежит робость струй.
Он помнит прошлые затеи,
Шелк, кружева, на косах сетки,
Смех, шёпот, быстрый поцелуй.

Теперь всё тихо. По аллее
Лишь жаба, волочась, ползет
Да еж проходит осторожно...
И всё бессильней, всё грустнее
Сгибаются столбы ворот.

Лишь в бурю, осенью, тревожно
Парк стонет громко, как больной,
Стряхнуть стараясь ужас сонный...
Старик! жить дважды невозможно:
Ты вдруг проснешься, пробужденный
Внезапно взвизгнувшей пилой!

1910, 1911

* * *

На сухой осине серая ворона,
Поле за оврагом, отдаленный лес,
Серый молочайник у крутого склона,
Мухомор на кочке, вздутый, словно бес.

Грустно, нелюдимо, пусто в мире целом,
Колеи дороги поросли травой,
Только слабо в небе, синевато-белом,
Виден дым далекий, верно, над избой.

Взором утомленным вижу в отдаленьи
Разноцветный веер недожатых нив,
Где-то есть жилище, где-то есть селенье,
Кто-то здесь, в просторах, уцелел и жив...

Или я чужой здесь, в этой дикой шири,
Одинок, как эта птица на суку,
Говорящий странник в молчаливом мире,
В даль полей принесший чуждую тоску?..

Июль 1911

ЛЕТНЯЯ ГРОЗА

Синие, чистые дали
Между зеленых ветвей
Бело-молочными стали...
Ветер играет смелей.

Говор негромкого грома
Глухо рокочет вдали...
Всё еще веет истома
От неостывшей земли.

Птицы кричали и смолкли;
С каждым мгновеньем темней.
В небо выходит не полк ли
Сумрачных, страшных теней.

Вновь громовые угрозы,
Молнии резкий зигзаг.
Неба тяжелые слезы
Клонят испуганный мак.

Ливень, и буря, и где-то
Солнца мелькнувшего луч...
Русское, буйное лето,
Месяцы зноя и туч!

1911

НА ЛЕСНОЙ ДОРОГЕ

По дороге встречный странник,
В сером, рваном армяке,
Кто ты? может быть, избранник,
Бога ищущий в тоске?

Иль безвестный проходящий,
Раздружившийся с трудом,
Божьим именем просящий
Подаянья под окном?

Иль, тая свои надежды,
Ты безлунной ночи ждешь,
Под полой простой одежды
Пронося разбойный нож?

Как узнать? мы оба скроем
Наши мысли и мечты.
Лишь на миг мелькнут обоим
Те ж дорожные кусты,

Лишь на миг увидят двое,
Меж незыблемой листвы,
Те же, дремлющие в зное,
Дали вечной синевы.

Разошлись — и ты далече...
Колеи крутой изгиб...
И уж я забыл о встрече,
Заглядясь на красный гриб.

2—6 августа 1910

СТРАСТИ СНЫ

* * *

> Я жить хочу! хочу печали,
> Любви и счастию назло.
> Меня судьбы избаловали
> И слишком сгладили чело!
>
> *М. Лермонтов*

И снова я, простерши руки,
Стремглав бросаюсь в глубину,
Чтоб испытать и страх и муки,
Дробя кипящую волну.

Влеки меня, поток шумящий,
Бросай и бей о гребни скал,
Хочу тоски животворящей,
Я по отчаянью взалкал!

Ах, слишком долго, с маской строгой,
Бродил я в тесноте земной,
Я разучился жить тревогой,
Я раздружился с широтой!

Куда меня поток ни кинет,
Живым иль мертвым — всё равно,
Но сердце ужаса не минет,
Но грудь опять узнает дно!

Еще мне видны, как картины,
Реки крутые берега,
Стадам любезные долины
И плугу милые луга.

Их не хочу! всё ближе пена
Порогов каменных, — и вот
Меня, нежнее, чем измена,
Крутит глухой водоворот.

1911

* * *

Опять безжалостные руки
Меня во мраке оплели.
Опять на счастье и на муки
Меня мгновенья обрекли.

Бери меня! Я твой по праву!
Пусть снова торжествует ложь!
Свою нерадостную славу
Еще одним венком умножь!

Я — пленник (горе побежденным!)
Твоих колен и алчных уст.
Но в стоне сладостно-влюбленном
Расслышь костей дробимых хруст!

С тобой, как цепью, спаян вместе,
Полузакрыв истомный взор,
Я не забыл о тайной мести
За твой восторг, за мой позор!

А! зверь неутомимо-гибкий!
Быть может, я тебя люблю!
Но все движенья, все улыбки
Твои — я жадно уловлю.

Дрожа, прислушаюсь к стенанью,
Запечатлею звуки слов,
И с ними, как с богатой данью,
Вернусь к свободе из оков.

Потом — моим стихам покорным,
С весельем, передам твой лик,
Чтоб долго призраком упорным
Стоял пред миром твой двойник!

1911

* * *

Как птицы очковой змеей очарованы,
Поднять мы не смеем измученных рук,
И, двое, железами давними скованы,
Мы сносим покорно медлительность мук.

Всегда предо мною улыбка поблекшая
Когда-то горевших, как пурпуром, губ.
Ты никнешь в оковах, сестра изнемогшая,
И я неподвижен, как брошенный труп.

Привстать бы, сорвать бы оковы железные,
И кольца и цепи! и вольными вновь
Бежать в дали синие, в сумерки звездные,
Где ставит алтарь свой меж сосен Любовь!

Со смехом упасть там на мхи потемневшие,
Объятья святые, как детям, сплести, —
Забыть эти муки, как сны отлетевшие,
Как камни на прежнем, пройденном пути!

Я знаю, исчезнет тоска нестерпимая
При веяньи первом прохлады лесной,
И снова ты станешь былая, любимая,
И я на колени склонюсь пред тобой!

Но воля бессильна, как птица бескрылая,
И залиты руки тяжелым свинцом.
Ты никнешь, в слезах, ненавистная, милая,
В оковах железных мы никнем вдвоем...

1911

СЛОВА ТОСКУЮЩЕЙ ЛЮБВИ

* * *

Amor condusse noi ad una...[1]

Любовь ведет нас к одному,
Но разными путями:
Проходишь ты сквозь скорбь и тьму,
Я ослеплен лучами.

Есть путь по гребням грозных гор,
По гибельному склону;
Привел он с трона на костер
Прекрасную Дидону.

Есть темный путь, ведущий в ночь,
Во глубь, в земные недра.
На нем кто б мог тебе помочь,
Удавленница Федра?

Есть путь меж молнийных огней,
Меж ужаса и блеска.
Путь кратких, но прекрасных дней, —
Твой страшный путь, Франческа!

---

[1] Любовь привела нас к одной <смерти> (итал.). — *Ред.*

Лазурный, лучезарный путь
Пригрезился Джульетте.
Она могла восторг вдохнуть,
Но нет! не жить на свете!

Любовь приводит к одному, —
Вы, любящие, верьте! —
Сквозь скорбь и радость, свет и тьму
К блаженно-страшной смерти!

6 декабря 1911

НА ЗАРЕ

Бледнеет ночь. Свой труд окончив,
С улыбкой думаю о ней,
О той, чей детский взор уклончив,
Чей голос — дрожь весенних дней.

Всё это видел я когда-то,
И этот взор, и эту дрожь...
Но всё земное вечно свято,
И в жизни каждый миг хорош!

Я снова, с радостным мученьем,
Готов, как в годы первых встреч,
Следить покорно за движеньем
Ее стыдливо-робких плеч.

И всё, что мне казалось мертвым,
В моей душе живет опять,
И краскам выцветшим и стертым
Дано гореть, дано блистать!

Как неизменны, как всесильны,
Вы, звуки нежные: люблю!
Пускай умру, как стебель пыльный, —
В час смерти жизнь благословлю!

Склонясь к окну, о ней мечтаю —
Мечтами тысячи веков,
И, как врата к земному раю,
Горят завесы облаков.

1911

ЖИЗНИ МГНОВЕНИЯ

ВЕЧЕРОВАЯ ПЕСНЯ

Я тебе посвятил умиленные песни,
Вечерний час!
Эта тихая радость воскресни, воскресни
Еще хоть раз!

Разливается сумрак — голубоватый —
Меж стен домов.
Дали синие неба миром объяты,
Без звезд, без слов...

Электричество вспыхнуло, — полны и ясны
Луны дрожат.
Трамваев огни, там зеленый, здесь красный,
Потянулись в ряд.

Предвесеннею свежестью дышится вольно,
Стерлись года,
И кажется сердцу, невольно, безбольно:
Всё — как тогда!

Я снова в толпе, молодой, одинокий...
И, как во сне,
Идет меж прохожих мой призрак далекий
Навстречу мне...

<1911>

УТРОМ

Стонет старая шарманка
Вальс знакомый под окном.
Ты глядишь, как иностранка
Где-то в городе чужом.

Не пойму твоих улыбок,
Страха мне не превозмочь.
Иль что было — ряд ошибок,
Это счастье, эта ночь?

Ты смеешься, отошла ты,
У окна стоишь в тени...
Иль, скажи, не нами смяты
На постели простыни?

Изменив своей привычке,
Ты, как римлянка рабу,
Пятачок бросаешь птичке,
Предвещающей судьбу.

Знаю, что за предсказанье
Птичка вытащит тебе:
«Исполнение желанья,
Изменение в судьбе».

Нет! былое не ошибка!
Ты смеешься не над ним!
Счастлив тот, чье сердце зыбко,
Кто способен стать иным.

Счастлив тот, кто утром встанет,
Позабыв про ночь и тень.
Счастлив цвет, что быстро вянет,
Что цветет единый день.

Будь же в мире — иностранка,
Каждый день в краю другом!
Стонет старая шарманка
Вальс знакомый под окном.

<1911>

В РЕСТОРАНЕ

Вспоминаю под жалобы скрипки,
В полусне ресторанных огней,
Ускользающий трепет улыбки —
Полудетской, желанной, твоей.

С тихим вальсом, знакомо печальным,
В темный парк ускользают мечты.
Липы дремлют в наряде венчальном,
И во мгле улыбаешься — ты.

Этот вальс, этот зов, эти звуки —
Возвращает и годы и дни.
Я целую дрожащие руки,
Мы — во сне, мы — в тени, мы — одни.

Вижу вызовы дерзкого взгляда,
Вижу алые губы, как кровь...
Ах, не надо, не надо, не надо,
Душу снова качает любовь.

Неподвижны у стойки лакеи,
Искры брызжет вино и хрусталь...
Мы идем по вечерней аллее
В непостижно-прозрачную даль.

Всё безжалостней жалобы скрипки,
Всё безумней взлетают смычки...
Ивы темные нежны и гибки
Над лукой потемневшей реки.

1911

•

ПО ТОРЖИЩАМ

В ИГОРНОМ ДОМЕ

Как Цезарь жителям Алезии
К полям все выходы закрыл,
Так Дух Забот от стран поэзии
Всех, в век железный, отградил.

Нет, не найти им в буйстве чувственном,
В вине и страсти, где врата.
И только здесь, в огне искусственном,
Жива бессмертная Мечта!

Опять сердца изнеможенные
Восторг волненья узнают,
Когда в свои объятья сонные
Вбирает их Великий Спрут.

Незримыми, святыми цитрами
Заворожая души их,
Обводит он глазами хитрыми
Десятки пленников своих.

И те, мгновеньем зачарованы,
Лелеемы заветным сном,
Не знают, что давно окованы
Своим недремлющим врагом.

Белеют шторы. Призрак утренний
Глядится жалобно в окно.
Но все объяты негой внутренней
Мечты, утраченной давно!

<1912>

МИЛОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

БЛИЗ МОРЯ

•

Засыпать под ропот моря,
Просыпаться с шумом сосен,
Жить, храня веселье горя,
Помня радость прошлых вёсен;

В созерцаньи одиноком
Наблюдать лесные тени,
Вечно с мыслью о далеком,
Вечно в мареве видений.

Было счастье, счастье было,
Горе было, есть и будет...
Море с вечно новой силой
В берег биться не забудет,

Не забудут сосны шумом
Отвечать на ветер с моря,
И мечты валам угрюмым
Откликаться, бору вторя.

Хорошо о прошлом мыслить,
Сладко плакать в настоящем...
Темной хвои не исчислить
В тихом сумраке шумящем.

Хорошо над серым морем,
Хорошо в бору суровом,
С прежним счастьем, с вечным горем,
С тихим горем, вечно новым!

Июль 1911

НА МОГИЛЕ ИВАНА КОНЕВСКОГО

(† 8 июля 1901 г.)

Я посетил твой прах, забытый и далекий,
На сельском кладбище, среди простых крестов,
Где ты, безвестный, спишь, как в жизни, одинокий,
Любовник тишины и несказанных снов.

Ты позабыт давно друзьями и врагами,
И близкие тебе давно все отошли,
Но связь давнишняя не порвалась меж нами,
Двух клявшихся навек — жить радостью земли!

И здесь, в стране чужой, где замки над обрывом
Ревниво берегут сны отошедших дней,
Где бурная река крутит своим разливом
Ряды поверженных, воде врученных пней;

Где старые дубы и сумрачные вязы,
Как в годы рыцарей, стоят глухой стеной;
Где ночью, в синеве, всемирные алмазы
Спокойно бодрствуют над юной вновь страной;

Ты мой услышал зов, такой же, как и прежде!
Я радостно воззвал, и ты шепнул: «Живи!
Дыши огнем небес, верь песне и надежде,
И тело сильное опять отдай любви!»

Ты мне сказал: «Я здесь, один, в лесу зеленом,
Но помню, и сквозь сон, мощь бури, солнца, рек,
И ветер, надо мной играя тихим кленом,
Поет мне, что земля — жива, жива вовек!»

13 июля 1911
Зегевольд

СВЯТОЕ РЕМЕСЛО

ПОЭТ — МУЗЕ

Я изменял и многому и многим,
Я покидал в час битвы знамена,
Но день за днем твоим веленьям строгим
Душа была верна.

Заслышав зов, ласкательный и властный,
Я труд бросал, вставал с одра, больной,
Я отрывал уста от ласки страстной,
Чтоб снова быть с тобой.

В тиши полей, под нежный шёпот нивы,
Овеян тенью тучек золотых,
Я каждый трепет, каждый вздох счастливый
Вместить стремился в стих.

Во тьме желаний, в муке сладострастья,
Вверяя жизнь безумью и судьбе,
Я помнил, помнил, что вдыхаю счастье,
Чтоб рассказать тебе!

Когда стояла смерть, в одежде черной,
У ложа той, с кем слиты все мечты,
Сквозь скорбь и ужас я ловил упорно
Все миги, все черты.

Измучен долгим искусом страданий,
Лаская пальцами тугой курок,
Я счастлив был, что из своих признаний
Тебе сплету венок.

Не знаю, жить мне много или мало,
Иду я к свету иль во мрак ночной, —
Душа тебе быть верной не устала,
Тебе, тебе одной!

27 ноября 1911

РОДНОЙ ЯЗЫК

Мой верный друг! мой враг коварный!
Мой царь! мой раб! родной язык!
Мои стихи — как дым алтарный!
Как вызов яростный — мой крик!

Ты дал мечте безумной крылья,
Мечту ты путами обвил.
Меня спасал в часы бессилья
И сокрушал избытком сил.

Как часто в тайне звуков странных
И в потаенном смысле слов
Я обретал напев — нежданных,
Овладевавших мной стихов!

Но часто, радостью измучен
Иль тихой упоен тоской,
Я тщетно ждал, чтоб был созвучен
С душой дрожащей — отзвук твой!

Ты ждешь, подобен великану.
Я пред тобой склонен лицом.
И всё ж бороться не устану
Я, как Израиль с божеством!

Нет грани моему упорству.
Ты — в вечности, я — в кратких днях,
Но всё ж, как магу, мне покорствуй,
Иль обрати безумца в прах!

Твои богатства, по наследству,
Я, дерзкий, требую себе.
Призыв бросаю, — ты ответствуй,
Иду, — ты будь готов к борьбе!

Но, побежден иль победитель,
Равно паду я пред тобой:
Ты — Мститель мой, ты — мой Спаситель,
Твой мир — навек моя обитель,
Твой голос — небо надо мной!

31 декабря 1911

ВЛАСТИТЕЛЬНЫЕ ТЕНИ

ЕГИПЕТСКИЙ РАБ

Я жалкий раб царя. С восхода до заката,
Среди других рабов, свершаю тяжкий труд,
И хлеба кус гнилой — единственная плата
За слезы и за пот, за тысячи минут.

Когда порой душа отчаяньем объята,
Над сгорбленной спиной свистит жестокий кнут,
И каждый новый день товарища иль брата
В могилу общую крюками волокут.

Я жалкий раб царя, и жребий мой безвестен;
Как утренняя тень, исчезну без следа,
Меня с лица земли века сотрут, как плесень;

Но не исчезнет след упорного труда,
И вечность простоит, близ озера Мерида,
Гробница царская, святая пирамида.

7 октября 1911

СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА

Пламя факелов крутится, длится пляска саламандр.
Распростерт на ложе царском, — скиптр на сердце, —
Александр.

То, что было невозможно, он замыслил, он свершил,
Блеск фаланги македонской видел Ганг и видел Нил.

Будет вечно жить в потомстве память славных,
страшных дел,
Жить в стихах певцов и в книгах, сын Филиппа, твой
удел!

Между тем на пышном ложе ты простерт, — бессильный
прах,
Ты, врагов дрожавших — ужас, ты, друзей
смущенных — страх!

Тайну замыслов великих смерть ревниво погребла,
В прошлом — яркость, в прошлом — слава, впереди —
туман и мгла.

Дымно факелы крутятся, длится пляска саламандр.
Плача близких, стона войска не расслышит Александр.

Вот Стикс, хранимый вечным мраком,
В ладье Харона переплыт.
Пред Радамантом и Эаком
Герой почивший предстоит.

— «Ты кто?» — «Я был царем. Элладой
Был вскормлен. Стих Гомера чтил.
Лишь Славу почитал наградой,
И образцом мне был Ахилл.

Раздвинув родины пределы,
Пройдя победно целый свет,
Я отомстил у Гавгамелы
За Саламин и за Милет!»

И, встав, безликий Некто строго
Гласит: «Он муж был многих жен.
Он нарекался сыном бога.
Им друг на пире умерщвлен.

Круша Афины, руша Фивы,
В рабов он греков обратил;
Верша свой подвиг горделивый,
Эллады силы сокрушил!»

Встает Другой, — черты сокрыты, —
Вещает: «Так назначил Рок,
Чтоб воедино были слиты
Твой мира, Эллада, твой — Восток!

Не так же ль свяжет в жгут единый,
На Западе, народы — Рим,
Чтоб обе мира половины
Потом сплелись узлом одним?»

Поник Минос челом венчанным,
Нем Радамант, молчит Эак.
И Александр, со взором странным,
Глядит на залетейский мрак.

Пламя факелов крутится, длится пляска саламандр.
Распростерт на ложе царском, — скиптр на сердце, — Александр.

И уже, пред царским ложем, как предвестье скорых сеч,
Полководцы Александра друг на друга взносят меч.

Мелеагр, Селевк, Пердикка, пьяны памятью побед,
Царским именем, надменно, шлют веленья, шлют запрет.

Увенчать себя мечтает диадемой Антигон.
Антипатр царить в Элладе мыслит, властью упоен.

И во граде Александра, где столица двух морей,
Замышляет трон воздвигнуть хитроумный Птоломей.

Дымно факелы крутятся, длится пляска саламандр.
Споров буйных диадохов не расслышит Александр.

1900, 1911

СУЛЛА

Утонченник седьмого века,
Принявший Греции последний вздох,
Ты презирать учился человека
У самой низменной из всех земных эпох!

И справедливо мрамор саркофага
Гласил испуганным векам:
«Никто друзьям не сделал столько блага
И столько зла — врагам!»

Ты был велик и в мести и в разврате,
Ты счастлив был в любви и на войне,
Ты перешел все грани вероятий,
Вином земных блаженств упился ты вполне.

И выразил себя, когда, царя над Римом,
Не зная, где предел твоих безмерных сил, —
С презрением невыразимым
Народу ты свободу возвратил!

<1912>

ГРЯДУЩЕМУ ПРИВЕТ

АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ СТОЛП

На Невском, как прибой нестройный,
Растет вечерняя толпа.
Но неподвижен сон спокойный
Александрийского столпа.

Гранит суровый, величавый,
Обломок довременных скал!

Как знак побед, как вестник славы,
Ты перед царским домом стал.

Ты выше, чем колонна Рима,
Поставил знаменье креста.
Несокрушима, недвижима
Твоя тяжелая пята.

И через кровли низких зданий,
Всё озирая пред собой,
Ты видишь в сумрачном тумане
Двух древних сфинксов над Невой.

Глаза в глаза вперив, безмолвны,
Исполнены святой тоски,
Они как будто слышат волны
Иной, торжественной реки.

Для них, детей тысячелетий,
Лишь сон — виденья этих мест,
И эта твердь, и стены эти,
И твой, взнесенный к небу, крест.

И, видя, что багряным диском
На Запад солнце склонено,
Они мечтают, как — давно —
В песках, над падшим обелиском,
Горело золотом оно.

9 апреля 1909

К ФИНСКОМУ НАРОДУ

Упорный, упрямый, угрюмый,
Под соснами взросший народ!
Их шум подсказал тебе думы,
Их шум в твоих песнях живет.

Спокойный, суровый, могучий,
Как древний родимый гранит!
Твой дух, словно зимние тучи,
Не громы, но вьюги таит.

Меж ка̀мней, то мшистых, то голых,
Взлюбил ты прозрачность озер:
Ты вскормлен в работах тяжелых,
Но кроток и ясен твой взор.

Весь цельный, как камень огромный,
Единою грудью дыша, —
Дорогой жестокой и темной
Ты шел, сквозь века, не спеша;

Но песни свои, как святыни,
Хранил — и певучий язык,
И миру являешь ты ныне
Всё тот же, всё прежний свой лик.

В нужде и в труде терпеливый, —
Моряк, земледел, дровосек, —
На камнях взлелеял ты нивы,
Вражду одолел своих рек;

С природой борясь, крепкогрудый,
Все трудности встретить готов, —
Воздвиг на гранитах причуды
Суровых своих городов.

И рифмы, и кисти, и струны
Теперь покорились тебе.
Ты, смелый, ты, мощный, ты, юный,
Бросаешь свой вызов судьбе.

Стой твердо, народ непреклонный!
Недаром меж скал ты возрос:
Ты мало ли грудью стесненной
Метелей неистовых снес!

Стой твердо! Кто с гневом природы
Веками бороться умел, —
Тот выживет трудные годы,
Тот выйдет из всякой невзгоды,
Как прежде, и силен и цел!

Август 1910

К МОЕЙ СТРАНЕ

Моя страна! ты доказала
И мне и всем, что дух твой жив,
Когда, почуяв в теле жало,
Ты заметалась, застонала,
Вся — исступленье, вся — порыв!

О, страшен был твой недвижимый,
На смерть похожий, черный сон!
Но вдруг пронесся гул Цусимы,
Ты задрожала вся, и мнимый
Мертвец был громом пробужден.

Нет, не позор бесправной доли,
Не зов непризванных вождей,
Но жгучий стыд, но ярость боли
Тебя метнули к новой воле
И дали мощь руке твоей!

И как недужному, сквозь бреды,
Порой мелькают имена, —
Ты вспомнила восторг победы,
И то, о чем сказали деды:
Что ты великой быть — должна!

Пусть ветры вновь оледенили
Разбег апрельский бурных рек:
Их жизнь — во временной могиле,
Мы смеем верить скрытой силе,
Ждать мая, мая в этот век!

1911

ДЛЯ ВСЕХ

ПАМЯТИ В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ

Как Мелизанда, и ты уронила корону в глубокий родник,
Плакала долго, напрасно клонила над влагой прозрачной свой лик.

Встретил в лесу тебя рыцарь суровый, пути потерявший ловец,
Странницей грустной нежданно пленился, другой тебе подал венец.

В замок угрюмый, старинный, старинный он ввел, как царицу, тебя,
Чтил он твой взор и твой голос певучий, тебе поклонялся, любя.

Но ты бежала от всех поклонений, с тоской о чудесном, ином. . .
Кто же сразил тебя ночью, жестокий, тяжелым и острым мечом!

Рыцарь суровый, над телом погибшей и руки ломай и рыдай!
Верим мы все, что открыт Мелизанде желанный и радостный рай.

1910

В ОТВЕТ НА ОДНО ПРИЗНАНИЕ

Нине Петровской

Ты обо мне мечтала в годы те,
Когда по жизни шел я одиноко,
И гордо предан огненной мечте
О женщине безвестной и далекой.

Когда любви я отдал бы себя
Вполне, без меры, яростно и слепо,
Когда, священную любовь любя,
Я верен был ей в сумраке вертепа, —

О, если б ты тогда пришла ко мне
С своей душой, свободной и мятежной,
Так жаждущей гореть в живом огне,
Неукротимой, исступленной, нежной!

Какую сказку сотворили б мы
Из нашей страсти! новый сон Эдгара!
Она зажглась бы, — как над миром тьмы
Торжественное зарево пожара!

Какие б я слова нашел тогда,
В каких стихах пропел бы гимны счастья!
Но розно мы томились те года,
И расточали праздно, навсегда,
Двух душ родных святое сладострастье!

9 апреля 1909

СЕМЬ ЦВЕТОВ РАДУГИ

1912—1915

ОРАНЖЕВЫЙ

Я САМ

SED NON SATIATUS[1]

Что же мне делать, когда не пресыщен
Я — этой жизнью хмельной!
Что же мне делать, когда не пресыщен
Я — вечно юной весной!
Что же мне делать, когда не пресыщен
Я — высотой, глубиной!
Что же мне делать, когда не пресыщен
Я — тайной муки страстной!

Вновь я хочу всё изведать, что было...
Трепеты, сердце, готовь!
Вновь я хочу всё изведать, что было:
Ужас, и скорбь, и любовь!
Вновь я хочу всё изведать, что было,
Всё, что сжигало мне кровь!
Вновь я хочу всё изведать, что было,
И — чего не было — вновь!

Руки несытые я простираю
К солнцу и в сумрак опять!
Руки несытые я простираю
К струнам: им должно звучать!

---

[1] Но не пресыщен (лат.). — *Ред.*

Руки несытые я простираю,
Чтобы весь мир осязать!
Руки несытые я простираю —
Милое тело обнять!

14 августа 1912

ЮНОШАМ

Мне всё равно, друзья ль вы мне, враги ли,
И вам я мил иль ненавистен вам,
Но знаю, — вы томились и любили,
Вы душу предавали тайным снам;

Живой мечтой вы жаждете свободы,
Вы верите в безумную любовь,
В вас жизнь бушует, как морские воды,
В вас, как прибой, стучит по жилам кровь;

Ваш зорок глаз и ваши легки ноги,
И дерзость подвига волнует вас,
Вы не боитесь, — ищете тревоги,
Не страшен, — сладок вам опасный час;

И вы за то мне близки и мне милы,
Как стеблю тонкому мила земля:
В вас, в вашей воле черпаю я силы,
Любуясь вами, ваш огонь деля.

Вы — мой прообраз. Юности крылатой
Я, в вашем облике, молюсь всегда.
Вы то, что вечно, дорого и свято,
Вы — миру жизнь несущая вода!

Хочу лишь одного — быть вам подобным
Теперь и после: легким и живым,
Как волны океанские свободным,
Взносящимся в лазурь, как светлый дым.

Как вы, в себя я полон вещей веры,
Как вам, судьба поет и мне: живи!

Хочу всего, без грани и без меры,
Опасных битв и роковой любви!

Как перед вами, предо мной — открытый,
В безвестное ведущий, темный путь!
Лечу вперед изогнутой орбитой
В безмерностях пространства потонуть!

Кем буду завтра, нынче я не знаю,
Быть может, два-три слова милых уст
Вновь предо мной врата раскроют к Раю,
Быть может, вдруг мир станет мертв и пуст.

Таким живу, таким пребуду вечно, —
В моих, быть может, чуждых вам стихах,
Всегда любуясь дерзостью беспечной
В неугасимых молодых зрачках!

23 января 1914
Эдинбург

СЫН ЗЕМЛИ

СЫН ЗЕМЛИ

Я — сын земли, дитя планеты малой,
Затерянной в пространстве мировом,
Под бременем веков давно усталой,
Мечтающей бесплодно о ином.

Я — сын земли, где дни и годы — кратки,
Где сладостна зеленая весна,
Где тягостны безумных душ загадки,
Где сны любви баюкает луна.

От протоплазмы до ихтиозавров,
От дикаря с оружьем из кремня
До гордых храмов, дремлющих меж лавров,
От первого пророка до меня, —

Мы были узники на шаре скромном,
И сколько раз в бессчетной смене лет
Упорный взор земли в просторе темном
Следил с тоской движения планет!

К тем сестрам нашей населенной суши,
К тем дочерям единого отца,
Как много раз взносились наши души,
Мечты поэта, думы мудреца!

И, сын земли, единый из бессчетных,
Я в бесконечное бросаю стих, —
К тем существам, телесным иль бесплотным,
Что мыслят, что живут в мирах иных.

Не знаю, как мой зов достигнет цели,
Не знаю, кто привет мой донесет,
Но, если те любили и скорбели,
Но, если те мечтали в свой черед

И жадной мыслью погружались в тайны,
Следя лучи, горящие вдали, —
Они поймут мой голос не случайный,
Мой страстный вздох, домчавшийся с земли!

Вы, властелины Марса иль Венеры,
Вы духи света иль, быть может, тьмы, —
Вы, как и я, храните символ веры:
Завет о том, что будем вместе мы!

1913

ЗЕМЛЕ

Я — ваш, я ваш родич, священные гады!

Ив. Коневской

Как отчий дом, как старый горец горы,
Люблю я землю: тень ее лесов,
И моря ропоты, и звезд узоры,
И странные строенья облаков.

К зеленым далям с детства взор приучен,
С единственной луной сжилась мечта,
Давно для слуха грохот грома звучен,
И глаз усталый нежит темнота.

В безвестном мире, на иной планете,
Под сенью скал, под лаской алых лун,
С тоской любовной вспомню светы эти
И ровный ропот океанских струн.

Среди живых цветов, существ крылатых
Я затоскую о своей земле,
О счастье рук, в объятьи тесном сжатых,
Под старым дубом, в серебристой мгле.

В Эдеме вечном, где конец исканьям,
Где нам блаженство ставит свой предел,
Мечтой перенесусь к земным страданьям,
К восторгу и томленью смертных тел.

Я брат зверью, и ящерам, и рыбам,
Мне внятен рост весной встающих трав.
Молюсь земле, к ее священным глыбам
Устами неистомными припав!

25 августа 1912

ДЕТСКИЕ УПОВАНИЯ

Снова ночь и небо, и надменно
Красный Марс блистает надо мной.
Раб земли, окованный и пленный,
Что томиться грезой неземной?

Не свершиться детским упованьям!
Не увидишь, умиленный, ты
Новый луч над вечным мирозданьем:
Наш корабль в просторах пустоты!

Не свершишь ты первого полета,
Не прочтешь и на столбцах газет,

Что безвестный, ныне славный, кто-то,
Как Колумб, увидел новый свет.

Что ж, покорствуй! Но душа не хочет
Расставаться с потаенным сном
И, рыдая, радостно пророчит
О великом имени земном.

О, ужель, как дикий краснокожий,
Удивится пришлецам Земля?
И придет крестить любимец божий
Наши воды, горы и поля?

Нет! но мы, своим владея светом,
Мы, кто стяг на полюс донесли,
Мы должны нести другим планетам
Благовестье маленькой Земли.

1914
Зегевольд

ПЕРЕД ТОБОЮ Я

ULTIMA THULE[1]

Где океан, век за веком стучась о граниты,
Тайны свои разглашает в задумчивом гуле,
Высится остров, давно моряками забытый, —
Ultima Thule.

Вымерли конунги, здесь что царили когда-то,
Их корабли у чужих берегов затонули.
Грозно безлюдье вокруг, и молчаньем объята
Ultima Thule.

Даже и птицы чуждаются хмурых прибрежий,
Где и тюлени на камнях не дремлют в июле,
Где и киты проплывают всё реже и реже. . .
Ultima Thule.

---

[1] Крайняя Фула (лат.). — *Ред.*

Остров, где *нет* ничего и где всё только *было,*
Краем желанным ты кажешься мне потому ли?
Властно к тебе я влеком неизведанной силой,
Ultima Thule.

Пусть на твоих плоскогорьях я буду *единым!*
Я посещу ряд могил, где герои уснули,
Я поклонюсь твоим древним угрюмым руинам,
Ultima Thule.

И, как король, что в бессмертной балладе помянут,
Брошу свой кубок с утеса, в добычу акуле!
Канет он в бездне, и с ним все желания канут...
Ultima Thule.

Апрель 1915

ЗЕЛЕНЫЙ

В СТРАНЕ ТИШИНЫ

ИМАТРА

Кипит, шумит. Она — всё та же,
Ее не изменился дух!
Гранитам, дремлющим на страже,
Она ревет проклятья вслух.

И, глыбы вод своих бросая
Во глубь, бела и вспенена,
От края камней и до края,
Одно стремление она.

Что здесь? драконов древних гривы?
Бизонов бешеных стада?
Твой грозный гул, твои извивы
Летят, всё те же, сквозь года.

Неукротимость, неизменность,
Желанье сокрушить свой плен
Горят сквозь зыбкую мгновенность
Венчанных радугами пен!

Кипи, шуми, стремись мятежней,
Гуди, седой водоворот,
Дай верить, что я тоже прежний
Стою над распрей прежних вод!

6 июня 1913
Imatra

У КРУГЛОГО КАМНЯ

Белея, ночь приникла к яхте,
Легла на сосны пеленой...
Отава, Пейва, Укко, Ахти,
Не ваши ль тени предо мной?

Есть след ноги на камне старом,
Что рядом спит над гладью вод.
Туони! ты лихим ударом
Его отбросил от ворот!

Бывало, в грозные хавтаймы,
Неся гранитные шары,
Сюда, на тихий берег Саймы,
Вы все сходились для игры.

Где ныне косо частоколом
Вдали обведены поля,
Под вашим божеским футболом
Дрожала древняя земля.

И где теперь суровый шкипер
Фарватер ищет между скал,
Когда-то Юмала-голкипер
Лицо от пота омывал.

Былые матчи позабыты,
И вы — лишь тени в белой мгле, —
Но тяжкие мячи — граниты
Лежат в воде и на земле.

29 мая 1913
Вуоксенниска

НЕВЕДОМЫЙ ПРОХОЖИЙ

НАД СЕВЕРНЫМ МОРЕМ

Над морем, где древние фризы,
Готовя отважный поход,
Пускáлись в туман серо-сизый
По гребням озлобленных вод, —

Над морем, что, словно гигантский,
Титанами вырытый ров,
Отрезало берег британский
От нижнегерманских лугов, —

Бреду я, в томленьи счастливом
Неясно-ласкающих дум,
По отмели, вскрытой отливом,
Под смутно-размеренный шум.

Волна набегает, узорно
Извивами чертит песок
И снова отходит покорно,
Горсть раковин бросив у ног;

Летит красноклювая птица,
Глядя на меня без вражды,
И чаек морских вереница
Присела у самой воды;

Вдали, как на старой гравюре,
В тумане уходит из глаз,
Привыкший к просторам и к буре,
Широкий рыбацкий баркас...

Поют океанские струны
Напевы неведомых лет,
И слушают серые дюны
Любовно-суровый привет.

И кажутся сердцу знакомы
И эти напевы тоски,
И пенные эти изломы,
И влажные эти пески,

И этот туман серо-сизый
Над взрытыми далями вод...
Не с вами ли, древние фризы,
Пускался я в дерзкий поход?

5 июля 1913
Scheveningen

В ГОЛЛАНДИИ

Эти милые, красно-зеленые домики,
Эти садики, в розах и желтых и алых,
Эти смуглые дети, как малые гномики,
Отраженные в тихо-застывших каналах, —

Эти старые лавки, где полки уставлены
Рядом банок пузатых, давно закоптелых,
Этот шум кабаков, заглушенный, подавленный,
Эти рослые женщины в чепчиках белых, —

Это всё так знакомо, и кажется: в сказке я,
И готов наважденью воскликнуть я: vade!
Я с тобой повстречался, Рембрандтова Саския?
Я в твой век возвращен, Адриан ван Остаде?

13 июля 1913
Leiden

ПРИРОДЫ СОГЛЯДАТАЙ

СУХИЕ ЛИСТЬЯ

Сухие листья, сухие листья,
Сухие листья, сухие листья,
Под тусклым ветром, кружат, шуршат,
Сухие листья, сухие листья,
Под тусклым ветром сухие листья,
Кружась, что шепчут, что говорят?

Трепещут сучья под тусклым ветром;
Сухие листья, под тусклым ветром,
Что говорят нам, нам шепчут что?
Трепещут листья, под тусклым ветром,
Лепечут листья, под тусклым ветром,
Но слов не понял никто, никто!

Меж черных сучьев синеет небо,
Так странно нежно синеет небо,
Так странно нежно прозрачна даль.

Меж голых сучьев прозрачно небо,
Над черным прахом синеет небо,
Как будто небу земли не жаль.

Сухие листья шуршат о смерти,
Кружась под ветром, шуршат о смерти:
Они блестели, им время тлеть.
Прозрачно небо. Шуршат о смерти
Сухие листья, — чтоб после смерти
В цветах весенних опять блестеть!

1913
Опалиха

ТАМ, У ВХОДА

УМЕРШИМ МИР!

Умершим мир! Пусть спят в покое
В немой и черной тишине.
Над нами солнце золотое,
Пред нами волны — все в огне.

Умершим мир! Их память свято
В глубинах сердца сохраним.
Но дали манят, как когда-то,
В свой лиловато-нежный дым.

Умершим мир! Они сгорели,
Им поцелуй спалил уста.
Так пусть и нас к такой же цели
Ведет безумная мечта!

Умершим мир! Но да не встанет
Пред нами горестная тень!
Что было, да не отуманит
Теперь воспламененный день!

Умершим мир! Но мы, мы дышим.
Пока по жилам бьется кровь,
Мы все призывы жизни слышим
И твой священный зов, Любовь!

Умершим мир! И нас не минет
Последний, беспощадный час,
Но здесь, пока наш взгляд не стынет,
Глаза пусть ищут милых глаз!

1914

ЖЕЛТЫЙ

СТОИМ МЫ СЛЕПЫ...

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

Свершилось. Рок рукой суровой
Приподнял завесу времен.
Пред нами лики жизни новой
Волнуются, как дикий сон.

Покрыв столицы и деревни,
Взвились, бушуя, знамена.
По пажитям Европы древней
Идет последняя война.

И всё, о чем с бесплодным жаром
Пугливо спорили века,
Готова разрешить ударом
Ее железная рука.

Но вслушайтесь! В сердцах стесненных
Не голос ли надежд возник?
Призыв племен порабощенных
Врывается в военный крик.

Под топот армий, гром орудий,
Под ньюпоров гудящий лет,
Всё то, о чем мы, как о чуде,
Мечтали, может быть, встает.

Так! слишком долго мы коснели
И длили Валтасаров пир!
Пусть, пусть из огненной купели
Преображенным выйдет мир!

Пусть падает в провал кровавый
Строенье шаткое веков, —
В неверном озареньи славы
Грядущий мир да будет нов!

Пусть рушатся былые своды,
Пусть с гулом падают столбы;
Началом мира и свободы
Да будет страшный год борьбы!

17 июля 1914

КРУГИ НА ВОДЕ

От камня, брошенного в воду,
Далеко ширятся круги.
Народ передает народу
Проклятый лозунг: «Мы — враги!»

Племен враждующих не числи:
Круги бегут, им нет числа;
В лазурной Марне, в желтой Висле
Влачатся чуждые тела;

В святых просторах Палестины
Уже звучат шаги войны;
В Анголе девственной — долины
Ее стопой потрясены;

Безлюдные утесы Чили
Оглашены глухой пальбой,
И воды Пе-че-ли покрыли
Флот, не отважившийся в бой.

Везде — вражда! где райской птицы
Воздушный зыблется полет,

Где в джунглях страшен стон тигрицы,
Где землю давит бегемот!

В чудесных, баснословных странах
Визг пуль и пушек ровный рев,
Повязки белые на ранах
И пятна красные крестов!

Внимая дальнему удару,
Встают народы, как враги,
И по всему земному шару
Бегут и ширятся круги.

2 декабря 1914
Варшава

НА КАРПАТАХ

Уступами всходят Карпаты,
Под ногами тает туман.
Внизу различают солдаты
Древний край — колыбель славян.

Весенним приветом согрета,
Так же тихо дремала страна...
На четыре стороны света
Отсюда шли племена.

Шли сербы, чехи, поляки,
Полабы и разная русь.
Скрывалась отчизна во мраке,
Но каждый шептал: «Я вернусь!»

Проносились века и беды,
Не встречался с братьями брат,
И вот, под грохот победы,
Мы снова на склонах Карпат.

Вздохни же ожиданным мигом,
Друзей возвращенных встречай,
Так долго под вражеским игом,
Словно раб, томившийся край.

Засветился день возвращенья,
Под ногами тает туман...
Здесь поставьте стяг единенья
Нашедших друг друга славян!

15 октября 1914

ЧАША ИСПЫТАНИЙ

Будь меж святынь в веках помянута
Ты, ныне льющаяся кровь!
Рукой властительной протянута
Нам чаша испытаний вновь.

Она не скоро опорожнится,
Струясь потоком с высоты...
И вот — в руках врагов заложница,
Сирена польская, и ты!

Так что ж! с лицом первосвященников
Спокойно жертву принесем!
Оплакивать не время пленников,
Ряды оставшихся сомкнем.

Одно: идти должны до края мы,
Всё претерпев, не ослабеть.
День торжества, день, нами чаемый,
Когда-то должен заблестеть.

И пусть над Бугом — каски прусские;
Он от того чужим не стал;
И будем мы всё те же русские,
Уйдя за Волгу, за Урал.

Под Нарвами, под Аустерлицами
Учились мы Бородину.
Нет, мало овладеть столицами,
Чтоб кончить Русскую войну!

Июль 1915

В ВИЛЬНО

Опять я — бродяга бездомный,
И груди так вольно дышать.
Куда ты, мой дух неуемный,
К каким изумленьям опять?

Но он, — он лишь хочет стремиться
Вперед, до последней поры;
И сердцу так сладостно биться
При виде с Замкóвой горы.

У ног «стародавняя Вильна», —
Сеть улиц, строений и крыш,
И Вилия ропщет бессильно,
Смущая спокойную тишь.

Но дальше, за кругом холмистым, —
Там буйствует шумно война,
И, кажется, в воздухе чистом
Победная песня слышна.

Внизу же, где липки так зыбко
Дрожат под наитием дня,
Лик Пушкина, с мудрой улыбкой,
Опять поглядит на меня.

15 августа 1914
Вильно

ВСЁ ЧАЩЕ

Всё чаще по улицам Вильно
Мелькает траурный креп.
Жатва войны обильна,
Широк разверзнутый склеп.

Всё чаще в темных костелах,
В углу, без сил склонена,

Сидит, в мечтах невеселых,
Мать, сестра иль жена.

Война, словно гром небесный,
Потрясает испуганный мир...
Но всё дремлет ребенок чудесный,
Вильно патрон — Казимир.

Всё тот же, как сон несказанный,
Как сон далеких веков,
Подымет собор святой Анны
Красоту точеных венцов.

И море всё той же печали,
Всё тех же маленьких бед,
Шумит в еврейском квартале
Под гулы русских побед.

17 августа 1914
Вильно

СИНИЙ

В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ

Что я могу припомнить? Ясность глаз
И детский облик, ласково-понурый,
Когда сидит она, в вечерний час,
За ворохом шуршащей корректуры.

Есть что-то строгое в ее глазах,
Что никогда расспросов не позволит,
Но, может быть, суровость эта — страх,
Что кто-нибудь к признаньям приневолит.

Она смеяться может, как дитя,
Но тотчас поглядит лицом беглянки,
Застигнутой погоней; миг спустя
Она опять бесстрастно правит гранки.

И, что-то важное, святое скрыв
На самом дне души, как некий идол,
Она — как лань пуглива, чтоб порыв
Случайный тайны дорогой не выдал.

И вот сегодня — ясность этих глаз
Мне помнится; да маленькой фигуры
Мне виден образ; да в вечерний час
Мне слышен ровный шелест корректуры...

1913

ПРОСТЕНЬКАЯ ПЕСНЯ

Ты, в тени прозрачной
Светлого платана,
Девочкой играла
Утром рано-рано.

Дед твердил с улыбкой,
Ласков, сед и важен,
Что далеким предком
Был платан посажен.

Ты, в тени прозрачной
Светлого платана,
Девушкой скрывалась
В первый час тумана.

Целовалась сладко
В тихом лунном свете,
Так, как целовались
Люди ряд столетий.

Ты, в тени прозрачной
Светлого платана,
Женщиной рыдала
Под напев фонтана.

Горестно рыдала
О минутной сказке
Опалившей страсти,
Обманувшей ласки.

Ты, в тени прозрачной
Светлого платана,
В старость вспоминала
Жизнь, как мир обмана,

Вспоминала, с грустной
Тишиной во взоре,
Призрачное счастье,
Медленное горе.

И, в тени прозрачной
Светлого платана,
Так же сладко дремлет
Прежняя поляна.

Ты же на кладбище,
Под плакучей ивой,
Спишь, предавшись грезе,
Может быть, счастливой.

1913

ГОЛУБОЙ

В МАСКЕ

МУМИЯ

Я — мумия, мертвая мумия.
Покровами плотными сдавленный,
Столетья я сплю бестревожно,
Не мучим ни злом, ни усладой,
Под маской на тайне лица.

И, в сладком томленьи раздумия,
В покой мой, другими оставленный,
Порой, словно тень, осторожно
Приходит, с прозрачной лампадой,
Любимая внучка жреца.

В сверкании лала и золота,
Одета святыми уборами,
Она наклоняется гибко,
Целует недвижную маску
И шепчет заклятья любви:

«Ты, спящий в гробнице расколотой!
Проснись под упорными взорами,
Привстань под усталой улыбкой,
Ответь на безгрешную ласку,
Для счастья, для мук оживи!»

Стуча ожерельями, кольцами,
Склоняется, вся обессилена,
И просит, и молит чего-то,
И плачет, и плачет, и плачет
Над свитком покровов моих...

Но как, окружен богомольцами,
Безмолвен бог, с обликом филина,
Я скован всесильной дремотой.
Умершим что скажет, что значит
Призыв непрозревших живых!

1913

ИКСИОН И ЗЕВС

Иксион

О Зевс! где гром твой? до земли он
Не досягнул! где молньи все?
Пусть распинаем я, Иксион,
На беспощадном колесе!
Пусть Тартара пространства серы,
Пусть муки вечны впереди, —
Я груди волоокой Геры,
Дрожа, прижал к своей груди!

Зевс

Смертный безумец! не Геру ласкал ты!
Зевса забыл ты безмерную власть.
Призрак обманный в объятьях держал ты:
Я обманул ненасытную страсть!
Гера со мною, чиста, неизменна,
Здесь, на Олимпе, меж вечных богинь.
Смертный, посмевший мечтать дерзновенно,
Вечно страдай, все надежды покинь!

Иксион

О Зевс! я радостную Геру
Привел к себе, в ночную тишь.
Чем эту пламенную веру
В моей душе ты заглушишь?

Так! сделай казнь страшней, огромней,
Я счастлив роковой судьбой!
А ты, богов властитель, помни,
Что я смеялся над тобой!

1913

В РАЗРУШЕННОМ МЕМФИСЕ

Как царственно в разрушенном Мемфисе,
Когда луна, тысячелетий глаз,
Глядит печально из померкшей выси
На город, на развалины, на нас.

Ленивый Нил плывет, как воды Стикса;
Громады стен проломленных хранят
Следы кирки неистового гикса;
Строг уцелевших обелисков ряд.

Я — скромный гость из молодой Эллады,
И, в тихий час таинственных планет,
Обломки громкого былого рады
Шепнуть пришельцу горестный привет:

«Ты, странник из земли, любимой небом,
Сын племени, идущего к лучам, —
Пусть ты клянешься Тотом или Фебом,
Внимай, внимай, о чужестранец, нам!

Мы были горды, высились высоко,
И сердцем мира были мы в веках, —
Но час настал, и вот, под бурей Рока,
Погнулись мы и полегли во прах.

В твоей стране такие же колонны,
Как стебли, капителью расцветут,
Падет пред ними путник удивленный,
Их чудом света люди назовут.

Но и твои поникнут в прах твердыни,
Чтоб после путники иной страны,

Останки храмов видя средь пустыни,
Дивились им, величьем смущены.

Быть может, в землях их восстанут тоже
Дворцы царей и капища богов,
Но будут некогда и те похожи
На мой скелет, простертый меж песков.

Поочередно скиптр вселенской славы
Град граду уступает. Не гордись,
Пришелец. В мире все на время правы,
Но вечно прав лишь тот, кто держит высь!»

Торжествен голос царственных развалин,
Но, словно Стикс, струится черный Нил,
И диск луны, прекрасен и печален,
Свой вечный путь вершит над сном могил.

1913

ФИОЛЕТОВЫЙ

В ДУШЕВНОЙ ГЛУБИНЕ

ВСЕМ

О, сколько раз, блаженно и безгласно,
В полночной мгле, свою мечту храня,
Ты думала, что обнимаешь страстно —
Меня!

Пусть миги были тягостно похожи!
Ты верила, как в первый день любя,
Что я сжимаю в сладострастной дрожи —
Тебя!

Но лгали образы часов бессонных,
И крыли тайну створы темноты:
Была в моих объятьях принужденных —
Не ты!

Вскрыть сладостный обман мне было больно,
И я молчал, отчаянье тая...
Но на твоей груди лежал безвольно —
Не я!

О, как бы ты, страдая и ревнуя,
Отпрянула в испуге предо мной,
Поняв, что я клонюсь, тебя целуя, —
К другой!

15 июля 1915
Бурково

НА ПАМЯТНОМ ЛИСТКЕ

ЛИРА И ОСЬ

Вячеславу Иванову

1. Лира

Прозрев, я в лиру верую
В медлительном раздумьи,
Как веровал в безумьи
Палящей слепоты.
На глубь зелено-серую,
Где буйствуют буруны,
Опять настроив струны,
Смотрю без слез, как ты.

На этой грани каменной,
Блуждая без лазури,
Под вопль веселый бури,
Корабль мой сокрушен.
Но я, с надеждой пламенной,
Воззвал к богам единым,
И плещущим дельфином
Спасен я, Арион!

Здесь, под скалой свисающей,
Где тени странно-сизы,
Под солнцем бросив ризы,
Я новый гимн пою,
И ветер, сладко тающий
В своем полете скором
Над стихнувшим простором,
Донес мне песнь твою.

Всем суждены крушения,
Кто поднял парус белый,
Кто в море вышел, смелый,
Искать земли иной!
Благих богов решения
Да славят эти песни:
Опасней и чудесней
Да будет жребий твой!

2. Ось

Ты — мне: «Когда у нижней меты
Квадрига рухнет, хрустнет ось,
И будут сотни рук воздеты, —
Ристатель! страх напрасный брось!
Пусть мышцы сильные не дрогнут,
Скорей клинок свой вознеси!..»
И, не повергнут и не согнут,
Я стал у сломанной оси.

Нет, я не выбуду из строя,
Но, силы ярые утроя,
Вновь вожжи туго закручу:
Уже на колеснице новой,
Длить состязание готовый,
Стою, склоняю грудь, лечу!

Драконы ли твои, Медея,
Триптóлема ль живая ось
Меня возносят пламенея, —
Но коням не помчаться врозь!
Стою и грудь склоняю косо
Как на земле, так в небеси:
Пусть вихрятся в огне колеса
На адамантовой оси.

И верю: срыва Фаэтона
Я мину на изгибе склона,
Где все чудовища грозят,
И по дуге сходящей неба
Направлю колесницу Феба —
Зажечь стопламенный закат.

1913—1914
Эдинбург II

ДЕВЯТАЯ КАМЕНА

1915—1917

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

О СЕБЕ САМОМ

Хвала вам, девяти каменам!

Пушкин

Когда мечты любви томили
Ребенка, он, впивая их,
Влил в дерзкой книге «Ювенилий»
Свой ранний опыт в робкий стих.

И сны искусств мечтам предстали:
Японский штрих, французский севр,
Веков, в огне багряном, дали, —
И создал твердый стих «Chefs d'Oeuvre».

И трепет неземных предчувствий
Средь книг и беглых встреч тая,
Я крылий снам искал в искусстве,
И назвал книгу: «Это — я».

Но час настал для «Третьей Стражи».
Я, в шуме улиц, понял власть
Встающих в городе миражей,
Твоих, звенящих, зовов страсть.

Изведав мглы блаженств и скорби,
Победы пьяность, смертный страх,
Я мог надменно «Urbi et Orbi»
Петь гимн в торжественных стихах.

Когда ж в великих катастрофах
Наш край дрожал, и кликал Рок, —
Венчая жизнь в певучих строфах,
Я на себя взложил «Венок».

Впервые юноши и девы
Приветом встретили певца,
И он слагал им «Все напевы»,
Пленяя тайной слов сердца.

Но зорким взором и спокойно
Я озарил сцепленья дней,
Чтоб пред людьми, в оправе стройной,
Поставить «Зеркало Теней».

И ждал себе одной награды —
Предаться вновь влеченью снов
И славить мира все услады,
И «Радуги» все «семь цветов»!

Но гром гремит. Молчать — измена,
До дна взволнован мой народ...
Ужель «Девятая Камена»
Победных песен не споет?

А вслед? Конец ли долгим сменам?
Предел блужданьям стольких лет?
«Хвала вам, девяти каменам!»
Но путь укажет Мусагет!

Март 1917

ЛИШЬ БЕЗМЯТЕЖНОГО МИРА...

Лишь безмятежного мира жаждет душа, наконец.
Взором холодным окину блеск и богатства Офира,
С гордым лицом отодвину, может быть, царский
венец.
Жаждет душа без желаний лишь безмятежного мира.
Надо? — Из груди я выну прежнее сердце сердец.
Что мне напев ликований, шум беспечального пира,
Что обольщенья лобзаний женских под звоны колец!

Прочь и певучая лира! Больше не ведать кумира,
Быть обращенным во льдину, быть обращенным
в свинец!
В благостном холоде стыну, пью из святого потира
Тайну последних молчаний, сшедший с арены борец.
Прошлое прошлому кину! Лишь безмятежного мира,
Лишь раствориться в тумане жаждет душа, наконец!

29 августа 1916

В ДНИ КРАСНЫХ ЗНАМЕН

МОЛИТЕСЬ!

Молитесь о праздничных розах,
О лилиях чистых молитесь,
О реющих летом стрекозах,
О призраках, виденных в грезах,
О всем бесполезном — молитесь!

Да высшая милость не минет
Прекрасных видений природы!
Любовь к Красоте да не стынет!
Да будет приветливо принят
Мечтатель под стягом свободы!

Есть тайная ценность в ненужных
Мечтах, и цветах, и святынях,
И души, без тучек жемчужных,
Без песни потоков содружных,
Завянут, как пальмы в пустынях!

Нет! мало свободы и братства,
И таинства счастья — так зыбки!
Во храме творит святотатство,
Кто губит земное богатство —
Мечту, Красоту и Улыбки!

Чу! Вихрь в налетающих грозах
Что день нам гудит: «Берегитесь!»

Погибнут стрекозы на лозах...
Молитесь о пламенных розах,
О лилиях белых — молитесь!

1917

ОСВОБОЖДЕННАЯ РОССИЯ

Освобожденная Россия —
Какие дивные слова!
В них пробужденная стихия
Народной гордости — жива!
Как много раз в былые годы
Мы различали властный зов:
Зов обновленья и свободы,
Стон — вызов будущих веков!

Они, пред нами стоя, грозно
Нас вопрошали: «Долго ль ждать?
Пройдут года, и будет поздно!
На сроках есть своя печать.
Пусть вам тяжелый жребий выпал:
Вы ль отречетесь от него?
По всем столетьям рок рассыпал
Задачи, труд и торжество!»

Кто, кто был глух на эти зовы?
Кто, кто был слеп средь долгой тьмы?
С восторгом первый гул суровый,
Обвала гул признали мы.
То, десять лет назад, надлома
Ужасный грохот пробежал...
И вот теперь, под голос грома,
Сорвался и летит обвал!

И тем, кто в том работал, — слава!
Недаром жертвы без числа
Россия в дни борьбы кровавой
И в дни былого принесла!
Недаром сгибли сотни жизней
На плахе, в тюрьмах и в снегах!

Их смертный стон был гимн отчизне,
Их подвиг оживет в веках!

Как те, и наше поколенье
Свой долг исполнило вполне,
Блажен, въявь видевший мгновенья,
Что прежде грезились во сне!
Воплощены сны вековые
Всех лучших, всех живых сердец:
Преображенная Россия
Свободной стала — наконец!

1 марта 1917

СВОБОДА И ВОЙНА

Свобода! Свобода! Восторженным кликом
Встревожены дали холодной страны:
Он властно звучит на раздолье великом
Созвучно с ручьями встающей весны.

Россия свободна! Лазурь голубее,
Живительней воздух, бурливей река...
И в новую жизнь бесконечной аллеей
Пред нами приветно раскрылись века.

Но разве сознанье не мучит, не давит,
Что в радости марта, на празднике верб,
Весны и свободы не видит, не славит
Поляк, армянин, и бельгиец, и серб?

В угрюмых ущельях, за зеркалом Вана,
Чу! лязганье цепи, удар топора!
Там тысячи гибнут по слову султана,
Там пытки — забава, убийство — игра.

А дальше, из глуби Ускюба, с Моравы,
Не те же ли звоны, не тот же ли стон?
Там с ветром весенним лепечут дубравы
Не песенки страсти, — напев похорон.

В развалинах — башни Лувена и Гента,
Над родиной вольной — неистовый гнет...
Германских окопов железная лента
От мира отрезала целый народ.

А ближе! в родной нам, истерзанной Польше!
Нет воли всмотреться, немеет язык...
О, как же гордиться и праздновать дольше,
Катить по просторам восторженный клик?

Довольно! Не кончено дело свободы,
Не праздник пред нами, а подвиг и труд,
Покуда в оковах другие народы,
С надеждой на нас, избавления ждут!

22 марта 1917

ПРЕД ЗРЕЛИЩЕМ ВОЙНЫ

ОРЕЛ ДВУГЛАВЫЙ

Бывало, клекотом тревожа целый мир
И ясно озарен неугасимой славой,
С полуночной скалы взлетал в седой эфир
Орел двуглавый.

Перун Юпитера в своих когтях он нес
И сеял вкруг себя губительные громы,
Бросая на врагов, в час беспощадных гроз,
Огней изломы.

Но с диким кобчиком, за лакомый кусок
Поспорив у́ моря, вступил он в бой без чести,
И, клюнутый в крыло, угрюм, уныл и строг,
Сел на насесте.

Пусть рана зажила — всё помня о былом,
Он со скалы своей слетать не смеет в долы,
Лишь подозрительно бросает взор кругом,
Страшась крамолы.

Пусть снова бой идет за реки, за моря,
На ловлю пусть летят опять цари пернатых;
Предпочитает он, чем в бой вступать, паря, —
Сидеть в палатах.

Но, чтоб не растерять остаток прежних сил,
Порой подъемлет он перун свой, как бывало...
И грозной молнией уж сколько поразил
Он птицы малой!

И сколько вкруг себя он разогнал друзей,
Посмевших перед ним свободно молвить слово.
Теперь его завет один: «Дави и бей
Всё то, что ново!»

Бывало, пестунов он выбирать умел:
Когда он замышлял опять полет гигантский,
Потемкин был при нем, Державин славу пел,
Служил Сперанский.

Но пустота теперь на северной скале;
Крыло орла висит, и взор орлиный смутен,
А служит птичником при стихнувшем орле
Теперь Распутин.

10 июля 1914

* * *

Опять к любимым мелочам,
Я думал, жизнь меня принудит,
К привычным песням и речам...
Но сны мрачны, и по ночам
Меня невольный трепет будит.

Хочу забыть — забыть нельзя.
Во мраке лики роковые
Стоят, насмешливо грозя,
И кровью залита стезя
Твоя, скорбящая Россия!

Мысль говорит: «Твоих стихов
Чтó голос, еле слышный, может?
Вернись к напевам прежних строф!»
Но, словно гул колоколов,
Призыв таинственный тревожит.

9 декабря 1915

ТРИДЦАТЫЙ МЕСЯЦ

Тридцатый месяц в нашем мире
Война взметает алый прах,
И кони черные валькирий
Бессменно мчатся в облаках!

Тридцатый месяц Смерть и Голод,
Бродя, стучат у всех дверей:
Клеймят, кто стар, клеймят, кто молод,
Детей в объятьях матерей!

Тридцатый месяц бог Европы,
Свободный Труд — порабощен:
Он роет для войны окопы,
Для Смерти льет снаряды он!

Призывы светлые забыты
Первоначальных дней борьбы,
В лесах грызутся троглодиты
Под барабан и зов трубы!

Достались в жертву суесловью
Мечты порабощенных стран:
Тот опьянел бездонной кровью,
Тот золотом безмерным пьян...

Борьба за право стала бойней;
Унижен, Идеал поник...
И всё нелепей, всё нестройней
Крик о победе, дикий крик!

А Некто темный, Некто властный,
Событий нити ухватив,

С улыбкой дьявольски-бесстрастной
Длит обескрыленный порыв.

О горе! Будет! будет! будет!
Мы хаос развязали. Кто ж
Решеньем роковым рассудит
Весь этот ужас, эту ложь?

Пора отвергнуть призрак мнимый,
Понять, что подменили цель...
О, счастье — под напев любимый
Родную зыблить колыбель!

Январь 1917

В АРМЕНИИ

К АРМЯНАМ

Да, вы поставлены на грани
Двух разных, спорящих миров,
И в глубине родных преданий
Вам слышны отзвуки веков.

Все бури, все волненья мира,
Летя, касались вас крылом —
И гром глухой походов Кира,
И Александра бранный гром.

Вы низили, в смятеньи стана,
При Каррах, римские значки;
Вы за мечом Юстиниана
Вели на бой свои полки;

Нередко вас клонили бури,
Как вихри — нежный цвет весны:
При Чингис-хане, Ленгтимуре,
При мрачном торжестве Луны.

Но, воин стойкий, под ударом
Ваш дух не уступил Судьбе;
Два мира вкруг него недаром
Кипели, смешаны в борьбе.

Гранился он, как твердь алмаза,
В себе все отсветы храня:
И краски нежных роз Шираза,
И блеск Гомерова огня.

И уцелел ваш край Наирский
В крушеньях царств, меж мук земли:
Вы за оградой монастырской
Свои святыни сберегли.

Там, откровенья скрыв глубоко,
Таила скорбная мечта
Мысль Запада и мысль Востока,
Агурамазды и Христа,

И — ключ божественной услады,
Нетленный в переменах лет,
На светлом пламени Эллады
Зажженный — ваших песен свет!

И ныне, в этом мире новом,
В толпе мятущихся племен,
Вы встали — обликом суровым
Для нас таинственных времен.

Но то, что было, — вечно живо!
В былом — награда и урок.
Носить вы вправе горделиво
Свой многовековой венок.

А мы, великому наследью
Дивясь, обеты слышим в нем. . .
Так! Прошлое тяжелой медью
Гудит над каждым новым днем.

И верится, народ Тиграна,
Что, бурю вновь преодолев,
Звездой ты выйдешь из тумана,
Для новых подвигов созрев,

Что вновь твоя живая лира,
Над камнями истлевших плит,
Два чуждых, два враждебных мира
В напеве высшем съединит!

23 января 1916
Тифлис

К АРМЕНИИ

В тот год, когда господь сурово
Над нами длань отяготил, —
Я, в жажде сумрачного крова,
Скрываясь от лица дневного,
Бежал к бесстрастию могил.

Я думал: божескую гневность
Избуду я в святой тиши:
Смирит тоску святая древность,
Тысячелетних строф напевность
Излечит недуги души.

Но там, где я искал гробницы,
Я целый мир живой обрел:
Запели, в сретенье денницы,
Давно истлевшие цевницы,
И смерти луг — в цветах расцвел.

Не мертвым голосом былины —
Живым приветствием любви
Окрестно дрогнули долины,
И древний мир, как зов единый,
Мне грянул грозное: Живи!

Сквозь разделяющие годы
Услышал я ту песнь веков.
Во славу благостной природы,

Любви, познанья и свободы —
Песнь цепь ломающих рабов.

Армения! твой древний голос —
Как свежий ветер в летний зной:
Как бодро он взвивает волос,
И, как дождем омытый колос,
Я выпрямляюсь под грозой!

9 декабря 1915

В БАКУ

Стыдливо стучатся о пристань валы
Каспийского моря,
Подкрашенной пеной — и выступ скалы,
И плиты узоря.

На рейде ряды разноцветных судов
Качаются кротко,
И мирно дрожит на волненьи валов
Подводная лодка.

Сплетается ветер с январским теплом,
Живительно-свежий,
И ищет мечта, в далекé голубом,
Персидских прибрежий.

Там розы Шираза, там сад Шах-Намэ,
Газели Гафиза...
И грезы о прошлом блистают в уме,
Как пестрая риза.

Привет тебе, дальний и дивный Иран,
Ты, праотец мира, —
Где некогда шли спарапеты армян
За знаменем Кира...

Но мирно на рейде трепещут суда
С шелками, с изюмом;
Стыдливо о пристань стучится вода
С приветливым шумом.

На улицах быстрая смена толпы,
Случайных собратий,
И гордо стоят нефтяные столпы
На Биби-Эйбате.

24 января 1916
Кюр-Дамир

В ТИФЛИСЕ

Увидеть с улицы грохочущей
Вершины снежных гор —
Неизъяснимое пророчащий
Зазубренный узор;

Отметить монастырь, поставленный
На сгорбленный уступ,
И вдоль реки, снегами сдавленной,
Ряд кипарисных куп;

Вступив в толпу многоодежную,
В шум разных языков,
Следить чадру, как дали снежную,
Иль строгий ход волов;

Смотреть на поступи верблюжие
Под зеркалом-окном,
Где эталажи неуклюжие
Сверкают серебром;

Пройдя базары многолюдные,
С их криком без конца,
Разглядывать остатки скудные
Грузинского дворца;

В мечтах восставить над обломками
Пленителей молвы:
Тамары век с делами громкими
И век Саят-Новы;

Припоминать преданья пестрые,
Веков цветной узор, —
И заглядеться вновь на острые
Вершины снежных гор.

1916
Тифлис

К АРАРАТУ

Благодарю, священный Хронос!
Ты двинул дней бесцветных ряд, —
И предо мной свой белый конус
Ты высишь, старый Арарат.

В огромной шапке Мономаха,
Как властелин окрестных гор,
Ты взнесся от земного праха
В свободно-голубой простор.

Овеян ласковым закатом
И сизым облаком повит,
Твой снег сияньем розоватым
На кручах каменных горит.

Внизу, на поле каменистом,
Овец ведет пастух седой,
И длинный посох, в свете мглистом,
Похож на скипетр вековой.

Вдали — убогие деревни,
Уступы, скалы, камни, снег...
Весь мир кругом — суровый, древний,
Как тот, где опочил ковчег.

А против Арарата, слева,
В снегах, алея, Алагяз,
Короной венчанная дева,
Со старика не сводит глаз.

1916

АРАРАТ ИЗ ЭРИВАНИ

Весь ослепительный, весь белый,
В рубцах задумчивых морщин,
Ты взнес над плоскостью равнин
Свой облик древле-онемелый,
Накинув на плечи покров
Таких же белых облаков.

Внизу кипят и рукоплещут
Потоки шумные Зангу;
Дивясь тебе, на берегу
Раины стройные трепещут,
Как белых девственниц ряды,
Покрыв застывшие сады.

С утеса стены Саардара,
Забыв о славе прошлой, ждут,
Когда пройдет внизу верблюд,
Когда домчится гул с базара,
Когда, с мурлыканьем, купец
Протянет блеющих овец.

Но ты, седой Масис, не слышишь
Ни шумных хвал, ни нужд земных,
Ты их отверг, ты выше их,
Ты небом и веками дышишь,
Тебе шептать лишь младший брат
Дерзает — Малый Арарат.

И пусть, взглянув угрюмо к югу,
Как древле, ты увидишь вновь —
Дым, сталь, огни, тела и кровь,
Миры, грозящие друг другу:
Ты хмурый вновь отводишь лоб,
Как в дни, когда шумел потоп.

Творенья современник, ведал
Ты человечества конец,
И тайну новых дней Творец

Твоим сединам заповедал:
Встав над кровавостью равнин,
Что будет — знаешь ты один.

1916
Эривань

БАКУ

Холодно Каспию, старый ворчит:
Длится зима утомительно-долго.
Норд, налетев, его волны рябит;
Льдом его колет любовница Волга!

Бок свой погреет усталый старик
Там, у горячих персидских предгорий...
Тщетно! вновь с севера ветер возник,
Веет с России метелями... Горе!

Злобно поднимет старик-исполин
Дряхлые воды, — ударит с размаху,
Кинет суда по простору пучин...
То-то матросы натерпятся страху!

Помнит старик, как в былые века
Он широко разлегался на ложе...
Волга-Ахтуба была не река,
Моря Азовского не было тоже;

Все эти речки: Аму, Сыр-Дарья,
Всё, чем сегодня мы карты узорим,
Были — его побережий семья;
С Черным, как с братом, сливался он морем!

И, обойдя сонм Кавказских громад,
Узким далеко простершись проливом,
Он омывал вековой Арарат,
Спал у него под челом горделивым.

Ныне увидишь ли старых друзей?
Где ты, Масис, охранитель ковчега?

Так же ли дремлешь в гордыне своей?
— Хмурится Каспий, бьет в берег с разбега.

Всё здесь и чуждо и ново ему:
Речки, холмы, города и народы!
Вновь бы вернуться к былому, к тому,
Что он знавал на рассвете природы!

Видеть бы лес из безмерных стволов,
А не из этих лимонов да лавров!
Ждать мастодонтов и в глуби валов
Прятать заботливо ихтиозавров!

Ах, эти люди! Покинув свой прах,
Бродят они средь зыбей и в туманах,
Режут валы на стальных скорлупах,
Прыгают ввысь на своих гидропланах!

Всё ненавистно теперь старику!
Всё б затопить, истребить, обесславить, —
Нивы, селенья и это Баку,
Что его прежние глуби буравит!

25 января 1917
Баку

ТИГРАН ВЕЛИКИЙ

В торжественном, лучистом свете,
Что блещет сквозь густой туман
Отшедших вдаль тысячелетий, —
Подобен огненной комете,
Над миром ты горишь, Тигран!

Ты понял помыслом крылатым
Свой век, ты взвесил мощь племен.
И знамя брани над Евфратом
Вознес, в союзе с Митридатом,
Но не в безумии, как он.

Ты ставил боевого стана
Шатры на всех концах земных:

В горах Кавказа и Ливана,
У струй Куры, у Иордана,
В виду столиц, в степях нагих.

И грозен был твой зов военный,
Как гром спадавший на врагов:
Дрожал, заслыша, парф надменный,
И гневно, властелин вселенной,
Рим отвечал с семи холмов.

Но, воин, ты умел Эллады
Гармонию и чары чтить:
В стихах Гомера знал услады,
И образ Мудрости-Паллады
С Нанэ хотел отождествить!

Ты видел в нем не мертвый идол;
Свою заветную мечту,
Вводя Олимп в свой храм, ты выдал:
Навек — к армянской мощи придал
Ты эллинскую красоту!

И, взором вдаль смотря орлиным,
Ты видел свой народ в веках
Стоящим гордо исполином:
Ты к светлым вел его годинам
Чрез войны, чрез тоску и страх...

Когда ж военная невзгода
Смела намеченный узор, —
Ты помнил благо лишь народа,
Не честь свою, не гордость рода, —
Как кубок яда, пил позор.

Тигран! мы чтим твой вознесенный
И лаврами венчанный лик.
Но ты, изменой угнетенный,
Ты, пред Помпеем преклоненный
Во имя родины, — велик!

11 декабря 1916

МЫ — СКИФЫ

Мы — те, об ком шептали в старину
С невольной дрожью эллинские мифы:
Народ, взлюбивший буйство и войну,
Сыны Геракла и ехидны — скифы.

Вкруг моря Черного, в пустых степях,
Как демоны, мы облетали быстро,
Являясь вдруг, чтоб сеять всюду страх,
К верховьям Тигра иль к низовьям Истра.

Мы ужасали дикой волей мир,
Горя зловеще, там и здесь, зарницей:
Пред нами Дарий отступил, и Кир
Был скифской на пути смирен царицей.

Что были мы? — Щит, нож, колчан, копье,
Лук, стрелы, панцирь да коня удила!
Блеск, звон, крик, смех, налет — всё бытье
В разгуле бранном, в пире пьяном было!

Лелеяли нас вьюги да мороз,
Нас холод влек в метельный вихрь событий:
Ножом вино рубили мы, волос
Замерзших звякали льдяные нити!

Наш верный друг, учитель мудрый наш,
Вино ячменное живило силы:
Мы мчались в бой под звоны медных чаш
На поясе, и с ними шли в могилы.

Дни битв, охот и буйственных пиров,
Сменяясь, облик создавали жизни...
Как было весело колоть рабов,
Пред тем как зажигать костер на тризне!

В курганах грузных, сидя на коне,
Среди богатств, как завещали деды,
Спят наши грозные цари: во сне
Им грезятся пиры, бои, победы.

Но, в стороне от очага присев,
Порой, когда хмелели сладко гости,
Наш юноша выделывал для дев
Коней и львов из серебра и кости.

Иль, окружив сурового жреца,
Держа в руке высоко факел дымный,
Мы, в пляске ярой, пели без конца
Неистово-восторженные гимны!

1916

ТАЙНА ДЕДА

— Юноша! грустную правду тебе расскажу я.
Высится вечно в тумане Олимп многохолмный.
Мне старики говорили, что там, на вершине,
Есть золотые чертоги, обитель бессмертных.
Верили мы и молились гремящему Зевсу,
Гере, хранящей обеты, Афине премудрой,
В поясе дивном таящей соблазн — Афродите...
Но, год назад, пастухи, что к утесам привыкли,
Посохи взяв и с водой засушенные тыквы,
Смело на высь поднялись, на вершину Олимпа,
И не нашли там чертогов — лишь камни нагие:
Не было места, чтоб жить олимпийцам блаженным!
Юноша! горькую тайну тебе открываю:
Ведай, что нет на Олимпе богов — и не будет!
— Если меня испугать этой правдой ты думал,
Дед, то напрасно! Богов не нашли на Олимпе
Люди. Так что же! Чтоб видеть бессмертных, потребны
Зоркие очи и слух, не по-здешнему чуткий!
Зевса, Афину и Феба узреть пастухам ли!
Я ж, на Олимпе не быв, в молодом перелеске
Слышал напевы вчера неумолчного Пана,

Видел недавно в ручье беспечальную нимфу,
Под вечер с тихой дриадой беседовал мирно,
И, вот сейчас, как с тобой говорю я, — я знаю,
Сзади с улыбкой стоит благосклонная Муза!

<1916>

В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

УГОЛКИ УЛИЦЫ

Темная улица; пятнами свет фонарей;
Угол и вывеска с изображеньем зверей.

Стройная девушка; вырез причудливый глаз;
Перья помятые, платья потертый атлас.

Шла и замедлила; чуть обернулась назад;
Взгляд вызывающий, плечи заметно дрожат.

Мальчик застенчивый; бледность внезапная щек;
Губы изогнуты: зов иль несмелый намек?

Стал, и с поспешностью, тайно рукой шевеля,
Ищет в бумажнике, есть ли при нем три рубля.

1916

НОЧЬЮ

НОЧНЫЕ СТРАХИ

И бездна нам обнажена,
С своими страхами и мглами...
Вот отчего нам ночь страшна.

Ф. Тютчев

Как золото на черни,
Блестит во мгле вечерней
Диск маятника; стук
Минут в тиши размерней.

Невольно —суеверней
Глядишь во мрак, вокруг.

Ночь открывает тайны.
Иной, необычайный
Встал мир со всех сторон,
Безмерный и бескрайный...
И страхи не случайны,
Тревожащие сон.

Те страхи — груз наследий
Веков, когда медведи
Царили на земле;
Когда, копьем из меди
Наметив, о победе
Мы спорили во мгле;

Когда во тьме пещеры
Шагов ночной пантеры
Страшился человек...
И древние химеры,
В преданьях смутной веры,
Хранит доныне век.

1917

НАД ВЕЧНОЙ ТАЙНОЙ

УЙДИ УВЕРЕННО

Кого из жизни бури выбили,
Кто сух, как запыленный куст,
Не выдавай желанья гибели
И дум, что мир уныл и пуст, —
В словах ли сдержанных, в изгибе ли
Отвыкших улыбаться уст.

Таи, что мутными и жуткими
Часы влачатся для тебя,

Что жизнь, как жерновами, сутками
Твое сознанье мнет, дробя,
Что счастлив ты лишь промежутками
Меж явью, сумрак возлюбя.

Что и во снах, порой, без жалости
Всё тот же ужас бытия
Тебя гнетет в твоей усталости,
Иль тайно колет, как змея...
Прикинься, что земные малости
Отринула душа твоя.

Умей притворными улыбками
Встречать обманчивых друзей,
Грустить прилично, лишь со скрипками,
Поющими в кругу гостей;
Как кормщик, над валами зыбкими
Скользить насмешливо умей.

И, высмотрев спокойно с палубы,
Что твой последний луч погас,
Что, как поверхность ни блистала бы,
Дна не достанет водолаз, —
Ты вдруг, без выкриков, без жалобы,
Уйди уверенно от нас!

1916

В АЛЬБОМАХ

ХИРУРГУ П. И. ПОСТНИКОВУ

Что в протоплазме зыблил океан,
Что древле чувствовал летучий ящер,
В чем жизнь была первичных обезьян —
Всё ты впитал в себя, мой давний пращур!

И плоть живую передал ты мне,
Где каждый мускул, все суставы, кости

Гласят, как знак, о грозной старине,
О тех, что спят на мировом погосте.

Наследие бесчисленных веков,
Мое так мудро слепленное тело!
Ты — книга, где записано без слов
То прошлое, что было и истлело.

Ты говоришь про жизнь в морских волнах,
Про ползанье, летанье, о трехглазом
Чудовище, о гнездах на ветвях...
Блажен, кто слух склонил к твоим рассказам!

Блажен, кто понял, вещее, тебя
И, видя человеческую бренность,
Умеет в ней разгадывать, любя,
Природы беспредельной неизменность!

Завидую тому, кто, острый взор
Склонив на эти связки, эти вены,
За ними видит мировой простор
И вечной жизни радостные смены!

16 августа 1916

И. ТУМАНЯНУ

Надпись на книге

Да будет праведно возмездие
Судьбы — и в годах и в веках;
Так! создал новое созвездие
Ты на армянских небесах.

Пусть звезды малые и крупные
Тебя кропят, пронзая тьму:
Мы смотрим в сферы недоступные,
Дивясь сиянью твоему!

1916

ПОСЛЕДНИЕ МЕЧТЫ

1917—1919

В ГОРНЕМ СВЕТЕ

Я сознаю, что постепенно
Душа истаивает. Мгла
Ложится в ней. Но, неизменно,
Мечта свободная — светла!

Бывало, жизнь мутили страсти,
Как черный вихрь морскую гладь;
Я, у враждебных чувств во власти,
То жаждал мстить, то мог рыдать.

Но как орел в горах Кавказа,
За кругом круг, уходит ввысь,
Чтоб скрыться от людского глаза, —
Желанья выше вознеслись!

Я больше дольних смут не вижу,
Ничьих восторгов не делю;
Я никого не ненавижу
И — страшно мыслить — не люблю!

Но, с высоты полета, бездны
Открыты мне — былых веков:
Судьбы мне внятен ход железный
И вопль умолкших голосов.

Прошедшее, как дно морское,
Узором стелется вдали;
Там баснословных дней герои
Идут, как строем корабли.

Вникая в смысл тысячелетий,
В заветы презренных наук,
Я словно слышу, в горнем свете,
Планетных сфер певучий звук;

И, прежнему призванью верен,
Тот звук переливаю в стих,
Чтоб он, отчетлив и размерен,
Пел правду новых снов моих!

Июль 1918

ВЕСНЯНКА

Лишь на севере мы ценим
Весь восторг весны, —
Вешней неги не обменим
На иные сны.

После долгой ночи зимней
Нежен вешний день,
Ткани мглы гостеприимной
Расстилает тень.

Там, где землю крыл по склонам
Одноцветный снег,
Жжет глаза в лесу зеленом
Молодой побег!

В душу к нам глядит подснежник
Взором голубым;
Даже старый хлам, валежник,
Кажется живым!

Мы весной живем, как дети,
Словно бредим вслух;
В свежих красках, в ясном свете
Оживает дух!

Каждый маю стал союзник
И врагом зимы,
Каждый счастлив, словно узник
Выйдя из тюрьмы!

1918

РАБОТА

Единое счастье — работа,
В полях, за станком, за столом, —
Работа до жаркого пота,
Работа без лишнего счета, —
Часы за упорным трудом!

Иди неуклонно за плугом,
Рассчитывай взмахи косы,
Клонись к лошадиным подпругам,
Доколь не заблещут над лугом
Алмазы вечерней росы!

На фабрике, в шуме стозвонном
Машин, и колес, и ремней,
Заполни, с лицом непреклонным,
Свой день, в череду миллионном
Рабочих, преемственных дней!

Иль — согнут над белой страницей, —
Что сердце диктует, пиши;
Пусть небо зажжется денницей, —
Всю ночь выводи вереницей —
Заветные мысли души!

Посеянный хлеб разойдется
По миру; с гудящих станков
Поток животворный польется;
Печатная мысль отзовется
Во глуби бессчетных умов.

Работай! Незримо, чудесно
Работа, как сев, прорастет.

Что станет с плодами — безвестно,
Но благостно, влагой небесной,
Труд всякий падет на народ.

Великая радость — работа,
В полях, за станком, за столом!
Работай до жаркого пота,
Работай без лишнего счета,
Всё счастье земли — за трудом!

1917

МАКСИМУ ГОРЬКОМУ В ИЮЛЕ 1917 ГОДА

В *** громили памятник Пушкина;
в *** артисты отказались играть «На дне».

Газетное сообщение 1917 г.

Не в первый раз мы наблюдаем это:
В толпе опять безумный шум возник,
И вот она, подъемля буйный крик,
Заносит руку на кумир поэта.

Но неизменен в новых бурях света
Его спокойный и прекрасный лик;
На вопль детей он не дает ответа,
Задумчив и божественно велик.

И тот же шум вокруг твоих созданий
В толпе, забывшей гром рукоплесканий,
С каким она лелеяла «На дне».

И так же образы любимой драмы,
Бессмертные, величественно-прямы,
Стоят над нами в ясной вышине.

17 июля 1917

В ТАКИЕ ДНИ

1919—1920

РОССИИ

В стозарном зареве пожара,
Под ярый вопль вражды всемирной,
В дыму неукрощенных бурь, —
Твой облик реет властной чарой:
Венец рубинный и сапфирный
Превыше туч пронзил лазурь.

Россия! в злые дни Батыя,
Кто, кто монгольскому потопу
Возвел плотину, как не ты?
Чья, в напряженной воле, выя,
За плату рабств, спасла Европу
От Чингисхановой пяты?

Но из глухих глубин позора,
Из тьмы бессменных унижений,
Вдруг, ярким выкриком костра, —
Не ты ль, с палящей сталью взора,
Взнеслась к державности велений
В дни революции Петра?

И вновь, в час мировой расплаты,
Дыша сквозь пушечные дула,
Огня твоя хлебнула грудь, —
Всех впереди, страна-вожатый,
Над мраком факел ты взметнула,
Народам озаряя путь.

Что ж нам пред этой страшной силой?
Где ты, кто смеет прекословить?
Где ты, кто может ведать страх?
Нам — лишь вершить, что ты решила,
Нам — быть с тобой, нам — славословить
Твое величие в веках!

1920

ТРЕТЬЯ ОСЕНЬ

(1917—1920)

Вой, ветер осени третьей,
Просторы России мети,
Пустые обшаривай клети,
Нищих вали по пути;

Догоняй поезда на уклонах,
Где в теплушках люди гурьбой
Ругаются, корчатся, стонут,
Дрожа на мешках с крупой;

Насмехайся горестным плачем,
Глядя, как голод, твой брат,
То зерно в подземельях прячет,
То душит грудных ребят;

В городах, бесфонарных, беззаборных,
Где пляшет нужда в домах,
Покрутись в безлюдии черном,
Когда-то шумном, в огнях;

А там, на погнутых фронтах,
Куда толпы пришли на убой,
Дым расстилай к горизонтам,
Поднятый пьяной пальбой!

Эй, ветер с горячих взморий,
Где спит в олеандрах рай, —
Развевай наше русское горе,
Наши язвы огнем опаляй!

Но вслушайся: в гуле орудий,
Под проклятья, под вопли, под гром,
Не дружно ли, общей грудью,
Мы новые гимны поем?

Ты, летящий с морей на равнины,
С равнин к зазубринам гор,
Иль не видишь: под стягом единым
Вновь сомкнут древний простор!

Над нашим нищенским пиром
Свет небывалый зажжен,
Торопя над встревоженным миром
Золотую зарю времен.

Эй, ветер, ветер! поведай,
Что в распрях, в тоске, в нищете
Идет к заповедным победам
Вся Россия, верна мечте;

Что прежняя сила жива в ней,
Что, уже торжествуя, она
За собой, всё властней, всё державней
Земные ведет племена!

7 октября 1920

К РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ломая кольцо блокады,
Бросая обломки ввысь,
Всё вперед, за грань, за преграды
Алым всадником — мчись!

Сквозь жалобы, вопли и ропот
Трубным призывом встает
Твой торжествующий топот,
Над простертым миром полет.

Ты дробишь тяжелым копытом
Обветшалые стены веков,
И жуток по треснувшим плитам
Стук беспощадных подков.

Отважный! яростно прянув,
Ты взвил потревоженный прах.
Оседает гряда туманов,
Кругозор в заревых янтарях.

И все, — и пророк и незоркий,
Глаза обратив на восток, —
В Берлине, в Париже, в Нью-Йорке
Видят твой огненный скок.

Там взыграв, там кляня свой жребий,
Встречает в смятеньи земля
На рассветном пылающем небе
Красный призрак Кремля.

4 декабря 1920

ПАРКИ В МОСКВЕ

Ты постиг ли, ты почувствовал ли,
Что, как звезды на заре,
Парки древние присутствовали
В день крестильный, в Октябре?

Нити длинные, свивавшиеся
От Ивана Калиты,
В тьме столетий затерявшиеся,
Были в узел завиты.

И когда в Москве трагические
Залпы радовали слух,
Были жутки в ней — классические
Силуэты трех старух.

То — народными пирожницами,
То — крестьянками в лаптях,
Пробегали всюду — с ножницами
В дряхлых, скорченных руках.

Их толкали, грубо стискивали,
Им пришлось и брань испить,
Но они в толпе выискивали
Всей народной жизни нить.

И на площади, — мне сказывали, —
Там, где Кремль стоял как цель,
Нить разрезав, цепко связывали
К пряже — свежую кудель:

Чтоб страна, борьбой измученная,
Встать могла, бодра, легка,
И тянулась нить рассученная
Вновь на долгие века!

5 октября 1920

ТОВАРИЩАМ ИНТЕЛЛИГЕНТАМ

(Инвектива)

Еще недавно всего охотней
Вы к новым сказкам клонили лица;
Уэллс, Джек Лондон, Леру и сотни
Других плели вам небылицы.

И вы дрожали, и вы внимали,
С испугом радостным, как дети,
Когда пред вами вскрывались дали
Земле назначенных столетий.

Вам были любы — трагизм и гибель,
Иль ужас нового потопа, —
И вы гадали: в огне ль, на дыбе ль
Погибнет старая Европа.

И вот свершилось. Рок принял грезы,
Вновь показал свою превратность:
Из круга жизни, из мира прозы
Мы взброшены в невероятность!

Нам слышны громы: то — вековые
Устои рушатся в провалы;
Над снежной ширью былой России
Рассвет сияет небывалый.

В обломках троны; над жалкой грудой
Народы видят надпись «бренность».

И в новых ликах, живой причудой
Пред нами реет современность.

То, что мелькало во сне далеком,
Воплощено в дыму и в гуле...
Что ж вы коситесь неверным оком
В лесу испуганной косули?

Что ж не спешите вы в вихрь событий —
Упиться бурей, грозно-странной?
И что ж в былое с тоской глядите,
Как в некий край обетованный?

Иль вам, фантастам, иль вам, эстетам,
Мечта была мила как дальность?
И только в книгах да в лад с поэтом
Любили вы оригинальность?

Февраль — март 1919

ТОЛЬКО РУССКИЙ

Только русский, знавший с детства
Тяжесть вечной духоты,
С жутью взявший, как наследство,
Дедов страстные мечты;

Тот, кто выпил полной чашей
Нашей прошлой правды муть, —
Без притворства может к нашей
Новой вольности примкнуть.

Мы пугаем. Да, мы — дики,
Тесан грубо наш народ:
Ведь века над ним владыки
Простирали тяжкий гнет, —

Но когда в толпе шумливой
Слышишь брань и буйный крик, —
Вникни думой терпеливой
В новый, пламенный язык.

Ты расслышишь в нем, что прежде
Не звучало нам вовек:
В нем теперь — простор надежде,
В нем — свободный человек!

Чьи-то цепи где-то пали,
Что-то взято навсегда,
Люди новые восстали
Здесь, в республике труда.

Полюби ж в толпе вседневной
Шум ее, и гул, и гам,
Даже грубый, даже гневный,
Даже с бранью пополам!

1919

СЕРП И МОЛОТ

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в пораженья, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром — Серп и Молот!

Мы землю вновь вспоим трудом,
Меч вражий будет вновь расколот:
Недаром мы, блестя серпом,
Взметнули дружно мощный молот.

Но смело, мысль, в такие дни
Лети за грань, в планетный холод!
Вселенский серп, сев истин жни,
Толщь тайн дроби, вселенский молот!

Мир долго жил! Довольно лжи!
Как в осень, плод поспелый золот!
В единый сноп, серп, нас вложи,
В единый цоколь скуй нас, молот!

Но вечно светом вешних верб
Дух человека свеж и молод.
Точи для новой жатвы серп,
Храни для новой битвы молот!

13 мая 1921

ПОД ГУЛЫ И ВЗРЫВЫ

Вихри войны, кони гибели, не успокоены.
Роя просторы, опоры былого крушат;
В городе черны разломанных окон пробоины,
Громко развалины вопят о днях баррикад.

Ропотом моря вся жизнь вдохновенно взволнована,
Взносит свой гребень встающая к звездам волна:
В шторме, растущем безмерно, стихия раскована,
Даль заполняет потоком победным она.

В грозных разгромах, в гудящей над миром мятежности,
В празднике бури, в неистовстве молний, в громах,
Что же мы двое, с мечтой о целительной нежности,
С трепетной песней о счастье немом на устах?

Легкие листики, взвеяны в сумрачной бурности,
Будем раздавлены, смяты, растоптаны мы
Шагом народов к великой, к всеобщей лазурности,
Ляжем, разъяты, — обломки рассеянной тьмы?

Нет! в нашей страсти всё тот же порыв напряженности,
Отзвук циклона, влекущего мир на свой суд.
Сладко нам реять над алым провалом бездонности,
Сладко под гулы и взрывы свой строить уют.

С вами, кто рушат и зиждут, не тайные нити ли
Вяжут вас, дерзких, в пожаре поющих любовь?
В жизни, идущей на смену векам, мы — строители
Вечного храма надежд, восстающего вновь!

29 июля 1920

ГИМН АФРОДИТЕ

За длительность вот этих мигов странных,
За взгляд полуприкрытый глаз туманных,
За влажность губ, сдавивших губы мне,
За то, что здесь, на медленном огне,
В одном биеньи сердце с сердцем слито,
Что равный вздох связал мечту двоих, —
Прими мой стих,
Ты, Афродита!

За то, что в дни, когда поля, серея,
Покорно ждут холодных струй Борея, —
Твой луч, как меч, взнесенный надо мной,
Вновь льет в мой сад слепительность и зной,
Что зелень светлым Аквилоном взвита,
Что даль в цветах, и песни реют в них, —
Прими мой стих,
Ты, Афродита!

За всё, что будет и не быть не может,
Что сон и этот будет скоро дожит,
Что видеть мне, в час сумрачных разлук,
Разомкнутым кольцо горячих рук,
Что тайно в страсти желчь отравы скрыта,
Что сводит в Ад любовь рабов своих, —
Прими мой стих,
Ты, Афродита!

2 сентября 1920

ЕГИПЕТСКИЙ ПРОФИЛЬ

Твои мемфисские глаза.
Me eum esse

Когда во тьме закинут твой,
Подобный снам Египта, профиль, —
Что мне, куда влекусь за тьмой,
К слепительности ль, к катастрофе ль!

Разрез чуть-чуть прикрытых глаз,
Уклоны губ чуть-чуть надменных —

Не так же ль пил, в такой же час,
Ваятель сфинксов довременных?

Когда над ним, в забвенный год,
Свой суд в Аду вершил Озирис,
Не был ли принят в счет щедрот
Вот этих век извивный вырез?

Застылый очерк бледных щек
Таит всю быль о давнем брате:
Его сквозь сумрак вывел Рок
К палящей пропасти объятий.

Вдавив уста в холодный лик
Той жрицы Гора иль Изиды,
Он гневно в камень бросил крик
Восторга — иль глухой обиды.

Всё отошло; но Сфинкс в века
Пронес его мечты и гибель.
Где ж тайна их, в чертах виска,
В той выгнутости ль, в том изгибе ль?

Хочу и я, как дар во храм,
За боль, что мир зовет любовью, —
Влить в строфы, сохранить векам
Вот эту тень над левой бровью.

1 августа 1920

СРОК

Я знаю, ты, земля, вращеньем быстрым
Свой старый шар влечешь во мрак и свет,
Просторы разных стран бросая вслед
То крикам рынка, то полночным систрам.

С полмиром кинут я теперь во тьму,
Полсуток ждать мне солнечного всхода,
Слежу без звезд по дугам небосвода,
И глубь ночных часов страшна уму.

Расстались мы. Еще в глазах вся нега
Желанных глаз; всё может губы сжечь
Яд милых губ; прикосновенье плеч,
Всё сладко пальцам. Но, летя с разбега, —

Земля швырнула нас к иному дню,
Кружась, срок создает до новой встречи.
Найду ль я вновь те губы, веки, плечи,
Иль в бездну мигов счастья сон сроню?

Лети, лети, земля, путем планетным.
В пустыне сфер крути живой волчок, —
Чтоб, малый атом, я, изжив свой срок,
Мог страстный вздох вернуть устам запретным!

1921

ОТ СТОЛЕТИЙ...

От столетий, от книг, от видений
Эти губы, и клятвы, и ложь.
И не знаем мы, полночь ли, день ли,
Если звезды обуглены сплошь.

В мире встанет ли новый Аттила,
Божий бич, божий меч, — потоптать
Не цветы, но мечты, что взрастила
Страсть, — хирамовым кедрам под стать?

Солнце пятна вращает, циклоны
Надвигая с морей на постель,
Но не тот же ли локон наклонный
Над огнем мировых пропастей?

Чтобы око земное не слепло,
На мгновенье двум сближенным в смех —
От советской Москвы на Алеппо
Революции праздничный сбег.

И с земли до звезды, до столетий
Восстающих, — борьбе и войне
Этот огненный столп одолеть ли,
В наших строфах горящий вдвойне!

1921

РОМАНТИКАМ

Вам, удаленным и чуждым, но близким и милым,
Вам эти строфы, любимцы отринутых дней.
В зеркало месяц виденья бросает Людмилам,
С бледным туманом слита вереница теней;

С тихой и нежной мечтой о принцессах лилейных
Рыцари едут в лесу за цветком голубым;
Тени султанов глядятся в кристальных бассейнах
В знойных гаремах, окутанных в сладостный дым.

Светлы картины и чары не страшны; пропитан
Воздух земного томленьем о лучшем, ином.
В юности кем этот трепет тоски не испытан,
Кто с Лоэнгрином не плыл на челне золотом!

Трезвая правда сожгла ваши чистые дали,
С горных высот мы сошли до глубоких низин;
С грохотом города стены холодные встали,
С дымом фабричным задвигались поршни машин.

Вышли другие, могучие силой хотений,
Вышли, чтоб рушить и строить на твердой земле, —
Но в их упорстве был отзвук и ваших стремлений,
В свете грядущего — луч, вас манивший во мгле.

Вам, кто в святом беспокойстве восторженно жили,
Гибли трагически, смели и петь и любить,
Песнь возлагаю на вашей бессмертной могиле:
Счастлив, кто страстных надежд здесь не мог утолить.

1920

ЦЕЗАРЬ КЛЕОПАТРЕ

Нас влекут пурпурные ветрила,
Нежен вздох павлиньих опахал,
Терпкой влагой душно веет с Нила,
В жгучей сини Феб недвижно стал.

Мысли — четки. Выслушай, царица!
Ропот мой безумьем назови!
Пусть в тебе таит свой бред блудница,
Цезарь тож не новичок в любви.

Что ж, пред кем, скажи, в Александрии
Я сложил и фаски и венец,
Взор закрыл на распри мировые,
В Риме кинул золотой дворец?

Иль гетер в столицах шумных мало?
Иль не я владыка всех земель?
Но от хитрых ласк душа устала,
Что мне в снах Киприды лишний хмель?

Нет, египтянка, в изгибе строгом
Губ твоих, в огне холодном глаз
Понял я призыв к иным дорогам,
К большей глуби, соблазнившей нас.

Клонит лик пред сыном Афродита,
Эрос-Мститель гнет священный лук,
Пропасть высшей страсти нам открыта.
Чу, на дне — камней скользнувших звук.

Миродержец, днесь я диадемой
Царственной вяжу твое чело,
Не в Киферу нас влечет трирема,
В даль столетий — фатума весло.

Нам сужден ли сон мгновенной неги?
Прочь Гефестом кованная сеть!
Двум кометам в их надмирном беге
Нам дано в пример векам алеть.

Так гори, согласно пламенея,
Огнь любви спеши со мной вдохнуть,
Чтоб с тебя он сжег клеймо Помпея,
Чтоб к клинку мне подготовил грудь.

1920

А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

В дни победы, где в вихре жестоком
Всё былое могло потонуть,
Усмотрел ты провидящим оком
Над развалом зиждительный путь.

Пусть пьянил победителей смелых
Разрушений божественный хмель,
Ты провидел, в далеких пределах,
За смятеньем конечную цель.

Стоя первым в ряду озаренном
Молодых созидателей, ты
Указал им в былом, осужденном,
Дорогие навеки черты.

В ослеплении поднятый молот
Ты любовной рукой удержал,
И кумир Бельведерский, расколот,
Не повергнут на свой пьедестал.

Ты широко вскрываешь ворота
Всем, в ком трепет надежд не погиб, —
Чтоб они для великой работы
С сонмом радостным слиться могли б,

Чтоб под черными громами, в самой
Буре мира — века охранить,
И вселенского нового храма
Адамантовый цоколь сложить!

1920

БУДЬ МРАМОРОМ

Ты говоришь: ограда меди ратной...

Адалис

Будь мрамором, будь медью ратной,
Но воском, мягким воском будь.
Тепло судьбы благоприятной
Всем существом умей вдохнуть.

Так, не сгорая и не тая,
Преображай знакомый лик,
Предельный призрак выдвигая,
Как свой властительный двойник.

Захвачен вихрем ярко-юным,
Что в прах свергает алтари,
Гори восторженным трибуном,
Зов бури вольно повтори.

Меж «юношей безумных», вкован
В живую цепь, к звену звено,
Славь, с неустанностью взволнован,
Беспечность, песни и вино.

В сонм тайный мудрецами принят,
Как древле Пирр в совет царей,
Всё, что исчезло, всё, что минет,
Суди всех глубже, всех мудрей.

А в поздний час, на ложе зыбком,
В пыланье рук включен, как в сеть, —
Улыбкой дарственной — улыбкам,
Мечте — мечтой любви ответь.

Являй смелей, являй победней
Свою стообразную суть,
Но где-то, в глубине последней,
Будь мрамором и медью будь.

4 сентября 1920

ДЕНЬ

Еще раз умер, утром вновь воскрес;
Бред ночи отошел, забыт, отброшен.
Под серым сводом свисших вниз небес,
Меж тусклых стен, мир ярок и роскошен.

Вновь бросься в день, в целящий водоем,
Скользи в струях, глядись в стекле глубоком,
Чтоб иглы жизни тело жгли огнем,
Чтоб вихрь событий в уши пел потоком.

Хватай зубами каждый быстрый миг,
Его вбирай всей глубью дум, всей волей.
Всё в пламя обрати: восторг, скорбь, вскрик,
Есть нега молний в жале жгучей боли.

Час рассеки на сотню тысяч миль,
Свой путь свершай от света к свету в безднах,
Весь неизмерный круг замкнув, не ты ль
Очнешься вновь, живым, в провалах звездных?

Борьбой насытясь, выпей яд любви,
Кинь в сушь сознаний факел дневной песни,
Победы блеск, стыд смеха изживи, —
Умри во мгле и с солнцем вновь воскресни!

24 августа 1920

ОДНО ЛИШЬ

Я ль не искал под бурей гибели,
Бросая киль в разрез волны,
Когда, гудя, все ветры зыбили
Вкруг черный омут глубины?

Не я ль, смеясь над жизнью старящей,
Хранил всех юных сил разбег,
Когда сребрил виски товарищей,
Губя их пыл, предсмертный снег?

Ах, много в прошлом, — листья спадшие, —
Друзей, любовниц, книг и снов!
Но вновь в пути мне братья младшие
Плели венки живых цветов.

За кругом круг сменив видения,
Я к новым далям страсть донес,
Пью грозы дней земных! не менее,
Чем прежде, пьян от нежных слез.

К чему ж судьбой, слепой прелестницей,
В огне и тьме я был храним,
И долгих лет спиральной лестницей
В блеск молний вышел, невредим?

Одно лишь знаю: дальше к свету я
Пойду, громам нежданным рад,
Ловя все миги и не сетуя, —
Отцветший час бросать назад.

9 января 1921

МИГ

1920—1921

СМОТРЕТЬ В БЫЛОЕ

Смотреть в былое, видеть все следы,
Что в сушь песка вбивали караваны
В стране без трав, без крыш и без воды,
Сожженным ветром иль миражем пьяны;

Припоминать, как выл, свистя, самум,
Меня слепя, ломая грудь верблюду,
И, все в огне, визжа сквозь душный шум,
Кривлялись джины, возникали всюду;

Воссоздавать нежданный сон, оаз,
Где веер пальм, где ключ с душой свирели
И где, во мгле, под вспышкой львиных глаз,
Проснешься, когти ощущая в теле!

Смотреть вперед и видеть вновь пески,
Вновь путь в пустыне, где желтеют кости...
Уже не кровь, года стучат в виски,
И зной и смерть слились в последнем тосте.

Но, сжав узду, упорно править ход,
Где холм не взрезан скоком туарега,
Опять еще, где океан ревет, —
В лед волн соленых ринуться с разбега!

17 января 1921

КОММУНАРАМ

Под вопль вражды, под гулким гневом
Недаром вы легли в веках, —
Упал над миром тучным севом
Ваш огненно-кровавый прах:

Вы, лабиринтцы, в дни позора
Под дерзким эллинским копьем;
Ты, круг священный Пифагора,
Поющий на костре своем;

Вы, все, что восставали, тая,
Вальденцы, Виклеф, Гуса стан,
Пророки нового Синая,
Ты, исступленный Иоанн;

И вы, кто жертвой искуплений
Легли в Париже, у стены,
Чьи грозно вопящие тени
В лучах побед вознесены!

Как в басне, из зубов дракона
Возникли мощные бойцы,
Бросаете в земное лоно
Вы мученичества венцы.

Под те же гулы и угрозы,
Приемля ваш немолчный зов,
Мы ваши праведные грезы
Возносим над борьбой веков!

1921

ОКЛИКИ

ЧЕТВЕРТЫЙ ОКТЯБРЬ

Окликаю Коршуна в пустыне:
«Что летишь, озлоблен и несмел?»
— «Кончен пир мой, более не стынет
Труп за трупом там, где бой гремел!»

Окликаю Волка, что поводит
Сумрачно зрачками: «Что уныл?» —
— «Нет мне места на пустом заводе:
Утром колокол на нем звонил...»

Окликаю Ветер: «Почему ты
Вой ведешь на сумрачных ладах?»
— «Больше мне нельзя в годину смуты
Раздувать пожары в городах».

Окликаю Зиму: «Эй, старуха!
Что твоя повисла голова?»
— «Плохо мне! Прикончена разруха,
Всюду мне в лицо трещат дрова!»

Чу! гудок фабричный! Чу! взывают
Свистом, пролетая, поезда.
Красные знамена обвивают
Русь былую, словно пояса.

Что грозило, выло и рычало,
Всё притихло, чуя пятый год.
Люди, люди! Это лишь начало,
Октября четвертого приход!

Из войны, из распрь и потрясений
Все мы вышли к бодрому труду;
Мы куем, справляя срок весенний,
Новой жизни новую руду.

Кто трудился, всяк на праздник прошен!
Путь вперед — роскошен и широк.
Это — зов, что в глубь столетий брошен,
Это — наше право, это — рок.

25—30 октября 1921

ЗАЧЕМ?

Зачем? Разве я знаю?
Не нами, давно суждено:
Поля опалять мистралю,
Якорю падать на дно.

Гольфштрему, может быть, хочется
Медлить в огне Гаити,
Но должен Мальштремом корчиться
На холодном норвежском граните.

На эти глаза обманные
Стигматы губ наложить, —
Это — играет ветер туманами,
Это — травами ночь ворожит.

Если двое в невольной неге мы
Угадываем шёпоты срока,
Это — солнца Виктории-Регии
Дрожат в синеве Ориноко.

Зачем? Кто нам ответит?
Словами любви не лги!
Сквозь эфир скользящей планете
Непонятны ее круги.

10 февраля 1921

ИНКОГНИТО

Порой любовь проходит инкогнито,
В платье простом и немного старомодном.
Тогда ее не узнаёт никто.
С ней болтают небрежно и слишком свободно.

Это часто случается на весеннем бульваре, и
У знакомых в гостиной, и в фойе театральном;
Иногда она сидит в деловой канцелярии,
Как машинистка, пишет, улыбаясь печально.

Но у нее на теле, сквозь ткани незримый нам,
Пояс соблазнов, ею не забытый.
Не будем придирчивы к былым именам, —
Всё же часто сидим мы пред лицом Афродиты.

А маленький мальчик, что в детской ревности
Поблизости вертится, это — проказливый Амор.

Колчан и лук у него за спиной, как в древности;
Через стол он прицелится, опираясь на мрамор.

Что мы почувствуем? Укол, ощутимый чуть,
В сердце. Подумаем: признак энкардита.
Не догадаемся, домой уходя, мы ничуть,
Что смеется у нас за спиной Афродита.

Но если ты сразу разгадаешь инкогнито,
По тайным признакам поймешь, где богиня, —
В праведном ужасе будь тверд, не дрогни, не то
Стрела отравленная есть у ее сына.

12 марта 1921

ЗВЕНО В ЦЕПЬ

И в наших городах, в этой каменной бойне,
Где взмахи рубля острей томагавка,
Где музыка скорби лишена гармоний,
Где величава лишь смерть, а жизнь — только ставка;

Как и в пышных пустынях баснословных Аравий,
Где царица Савская шла ласкать Соломона, —
О мираже случайностей мы мечтать не вправе:
Все звенья в цепь, по мировым законам.

Нам только кажется, что мы выбираем;
Нет, мы все — листья в бездушном ветре!
Но иногда называем мы минуты — раем,
Так оценим подарок, пусть их всего две́-три!

Если с тобой мы встретились зачем-то и как-то,
То потому, что оба увлекаемы вдаль мы;
Жизнь должна быть причудлива, как причудлив
кактус,
Жизнь должна быть прекрасна, как прекрасны пальмы.

И если наши губы отравлены в поцелуе,
Хотя и пытаешься ты порой противоречить, —
Это потому, что когда-то у стен Ветилуи
Два ассирийских солдата играли в чет и нечет.

4 марта 1921

КОНДОР

К чему чернеющий контур
Ты прячешь, гневный гигант, —
В тишине распластанный кондор
Над провалами сонных Анд?

В неделях бархатных кроясь,
Ты медлишь, чтоб, сон улуча,
Проступить сквозь атласную прорезь
Мига, разя сплеча.

Кровь тебе в холодную сладость,
Медяное лицо поверни.
Где постромок серебряных слабость
У разбившей ось четверни?

Утаишь ли чудовищность крыльев?
Их нашим трепетом смерь!
Там, за кругом лампы открытой,
По ковру распростерта смерть.

Что ж, клонясь к безвольным бумагам,
Черчу пейзажи планет:
От кондоров горних у мага
Заклинаний испытанных нет.

22 июня 1921

ДАЛИ

1922

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Красное знамя весть о пролетариате,
Извиваясь кольцом,
Плещет в голубые провалы вероятия
Над Кремлевским дворцом;

И новые, новые, странные, дикие,
Поют слова...
Древним ли призракам, Мойрам ли, Дике ли
Покорилась Москва?

Знаю и не узнаю знакомого облика:
Всё здесь иным.
Иль, как в сказке, мы все выше леса до облака
Вознесены?

Здравствуй же, племя, вскрывающее двери нам
В век впереди!
Не скоро твой строй тараном уверенным
Судьба разредит!

Лишь гром над тобой, жизнь еще не воспетая,
Свой гимн вопил,
Но с богами бессмертье — по слову поэта — я
Заживо пил.

Волшебной водой над мнимой усталостью
Плеснули года.
Что-нибудь от рубцов прежних ран осталось ли?
Грудь молода.

С восторгом творчества, под слепыми циклонами,
Мечту сливать
И молодость в губы губами неуклонными
Целовать!

24 марта 1922

ЛЕГЕНДА ЛЕТ

Мощь — в плиты пирамиды; гнев холодный —
В сеть клинописи, летопись побед;
В каррарский мрамор, в звоны бронз, в полотна —
Сказанья скорбные торжеств и бед;

Мечты и мудрость — в книги, свитки, томы,
Пергаменты, столбцы печатных строк! —
Клад всех веков, что нищенских котомок
Позорный сбор, — запас на краткий срок!

Тем — статуи, музеи — этим! Чтите,
В преданьях стран, певцов и мудрецов! —
Иной поэт пел в дальней Атлантиде,
Всё к тем же звездам обратив лицо.

При прежнем солнце глянет день, и, к тайнам
Причислен, станет баснословен — слон.
Бред в смене бредов — Архимед с Эйнштейном,
Легенда лет — Москва иль Вавилон.

Искать? чего? — крупинки в вихрь вселенной
Не вдвинуть! Сны? — им всё во власть ли ты
Предашь? Длить вечность Фаусту с Еленой,
Где призрак-мысль и призрак-страсть слиты!

8 февраля 1922

ПРИНЦИП ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Первозданные оси сдвинуты
Во вселенной. Слушай: скрипят!
Что наш разум зубчатый? — лавину ты
Не сдержишь, ограды крепя.

Для фараоновых радужных лотосов
Петлицы ли фрака узки,
Где вот-вот адамант Leges motus'ов
Ньютона — разлетится в куски!

И на сцену — венецианских дожей ли,
Если молнии скачут в лесу!
До чего, современники, мы дожили:
Самое Время — канатный плясун!

Спасайся, кто может! — вопль с палубы.
Шлюпки спускай! — Вам чего ж еще?
Чтоб треснул зенит и упало бы
Небо дырявым плащом?

Иль колеса в мозгу так закручены,
Что душат и крики и речь,
И одно вам — из церкви порученный
Огонек ладонью беречь?

15 марта 1922

ЛИШЬ МИГИ

Не шествия, где в гул гудят знамена,
Не праздник рамп, не храмовой хорал, —
Туда, в провал, из правды совремённой,
С морского дна излюбленный коралл;

Нет! — милые обличья жизни нежной:
Вдвоем над Гете светом тень спугнуть,
Вдохнуть вдвоем с созвездий иней снежный,
У ног любимых ботик застегнуть;

Лишь миги, те, — сознанья соль живая, —
Что пресный ключ включают в океан,
И жгут из мглы дней и надежд, всплывая, —
Киприды лик, весь пеной осиян;

И там, за гранью памятей и пеней,
Впивая в *я* не взором кругозор,

Не вопль вражды, не прелесть песнопений,
Победный терн иль лавровый позор,

Но час, где ночь, где за стеклом бесцветным
С промерзлых камней оклики колес,
Где узость плеч под простыней, в заветном
Последнем споре под наитьем слез.

18 ноября 1921

В ПРЯТКИ

Ночь уснула, дождем убаюкана,
Спит старуха, младенца крепче,
Теперь не расслышит ни звука она,
Что любовник-месяц ей шепчет.

Ветер улицы яростно вылизал,
Всюду рыщет, косматый и серый,
Веселится в роскошном обилии зал,
Скачет с мокрыми ветками в скверах.

Тучи, побитое войско, разомкнуты,
Вскачь бегут, меж звезд, без оглядки:
Иссекли их, щелкая, громы кнута,
Молний пляс истомил игрой в прятки.

Стены все — упорные странницы,
Ходят грузно по лунной указке:
Свет мигнул — церковь старая кланяется,
Тень нашла — к дому дом льнет по-братски.

Без присмотра все силы кинуты,
Развинтилась в них каждая гайка.
Эх, доверилась Сумраку-сыну и ты,
Ночь-карга, земная хозяйка!

Он же рад сам трунить над месяцем,
Распустил стихии: при свете
Радостно раз куролеситься им, —
Разошлись тучи, камни и ветер!

18 мая 1921

ОТ ВИСКА И ДО ВИСКА

Ветер гонит искры снега
Мимо окон, застя свет;
В свисте вьюги взрывы смеха;
Чутко плачет печь в ответ.

Здесь за дверью — остров малый,
Вихри волн — за рифом там.
Мгла причалы мачт сломала,
Мгла примчала нас к мечтам.

Лапой лампу пальма ль валит?
Зной с каких морских песков?
Ночь причудней. Пью в овале
Грустных губ вино веков.

Рыщут тигры; змеи свиты;
Прямо прянет вниз боа...
Что все страхи! лишь зови ты
Грот, где бред наш, — Самоа.

Мглами слеп, втеснюсь во мглу я,
Где прически прядь низка,
Чтоб вдохнуть сон снов, целуя
От виска и до виска!

27 января 1922

НАД КАРТОЙ ЕВРОПЫ 1922 г.

Встарь исчерченная карта
Блещет в красках новизны —
От былых Столбов Мелькарта
До Колхидской крутизны.

Кто зигзаги да разводы
Рисовал здесь набело?
Словно временем на своды
Сотню трещин навело.

Или призрачны седины
Праарийских стариков,
И напрасно стяг единый
Подымался в гарь веков?

Там, где гений Александра
В общий остров единил —
Край Перикла, край Лисандра,
Царства Мидий, древний Нил?

Там, где гордость Газдрубала,
Словно молотом хрусталь,
Беспощадно разрубала
Рима пламенная сталь?

Там, где папы громоздили
Вновь на Оссу Пелион?
Там, где огненных идиллий
Был творцом Наполеон?

Где мечты? Везде пределы,
Каждый с каждым снова враг;
Голубь мира поседелый
Брошен был весной в овраг.

Это — Крон седобородый
Говорит веками нам:
Суждено спаять народы
Только красным знаменам.

26 марта 1922

НОВЫЙ СИНТАКСИС

Язык изломан? Что ж! — глядите:
Слова истлевшие дотла.
Их разбирать ли, как Эдите
На поле Гастингском тела?

Век взвихрен был; стихия речи
Чудовищами шла из русл,

И ил, осевший вдоль поречий,
Шершавой гривой заскорузл.

Но так из грязи черной встали
Пред миром чудеса Хеми,
И он, как шлак в Иоахимстале, —
Целенье долгих анемий.

В напеве первом пусть кричащий
Звук: то забыл про немоту
Сын Креза, то в воскресшей чаще
Возобновленный зов «ату!»

Над Метценжером и Матиссом
Пронесся озверелый лов, —
Сквозь Репина к супрематистам,
От Пушкина до этих слов.

<1922>

СТИХИ О ГОЛОДЕ

«Умирают с голода,
Поедают трупы,
Ловят людей, чтоб их съесть, на аркан!»
Этого страшного голоса
Не перекричат никакие трубы,
Ни циклон, ни самум, ни оркан!

Люди! люди!
Ты, всё человечество!
Это ли не последний позор тебе?
После прелюдий
Войн и революций,
На скрижалях земли он увековечится!
Пред вашей святыней
Не лучше ли вам кричать гильотине:
Прямо нас всех по аорте бей!

Как?
Тысячелетия прошли с тех пор,
Как человек посмел взглянуть в упор

В лицо природы, как Халдей назначил
Пути планет, и Эллин мерить начал
Просторы неба; мы ль не пьяны тем,
Что в наших книгах сотни тысяч тем,
Что, где ни подпись, всюду — многознайки,
Что мотор воет в берег Танганайки,
Бипланы странствуют, как строй гусят,
И радио со всех газет гудят!

Однако!
Наша власть над стихиями — где ж она?
«Пи» исчислено до пятисотого знака,
Любая планета в лабораториях свешена,
Комариные нервы исчислил анатом,
Мы разложили атом...
Но вот — от голода обезумевший край,
Умирает, людоедствует,
Мать подымает на сына руку;
А ученый ученому мирно наследствует,
Определяет пыльцу апатура...
Кто там? бог! или рок! иль натура!
Карай
Эту науку!

Как!
Ужели истину всех мудрецов земли,
Как вихри пыль, столетья размели?
Том на тома, играли лишь в бирюльки
Филологи, твердя о древней люльке,
Где рядом спал Ариец и Семит,
Монгол и Тюрк, и раб от пирамид?
Как! все народы, в единеньи страстном,
Не стали братьями на этот раз нам?
И кто-то прокричал, вслух всем векам:
«Полезна ль помощь русским мужикам?»

Да!
Стелется сизым туманом всё та же
Вражда
Там, где нам предлагают стажи!
Лишь немногие выше нее, —
Над болотами Чимборазо!

Нет, не все знали, что мир гниет,
До этого раза!

Но пусть
Там, с Запада, набегает облава;
Пусть гончих не счесть,
Пусть подвывает рог ловчего!
Тем, кто пришел на помощь к нам, — слава!
Им, в истории, — честь!
Но мы не примем из лукавых слов ничего!
Мы сами под ропот вражды и злорадства
Переживем лихолетье!
Всё же заря всемирного братства
Заблестит, — из пещеры руда! —
Но дано заалеть ей
Лишь под знаменем красным — Труда!

1922

MEA

1922—1924

МАГИСТРАЛЬ

Были лемуры, атланты и прочие...
Были Египты, Эллады и Рим...
Варвары, грузы империй ворочая,
Лишь наводили на мир новый грим...

Карты пестрели потом под феодами,
Чтоб королям клочья стран собирать...
Рущились троны и крепли... И одами
Славили музы борьбу, рать на рать...

Царства плотились в союзы, в империи,
Башнями строя штыки в высоту...
Новый бой шел за земные артерии...
Азию, Африку, всё — под пяту!

Труд поникал у машин и над нивами...
Армии шли — убивать, умирать...
Кто-то, чтоб взять всю добычу, ленивыми
Пальцами двигал борьбу, рать на рать.

Было так, длилось под разными флагами,
С Семирамиды до Пуанкаре...
Кто-то, засев властелином над благами,
Тесно сжимал роковое каре.

Небо сияло над гордыми, зваными...
Жизнь миллионов плелась в их руках...
Но — ветер взвыл над людскими саваннами,
Буря, что издавна тлела в веках.

И грань легла меж прошлым и грядущим,
Отмечена, там, где-то, дата дат:
Из гроз последних лет, пред миром ждущим,
Под красным стягом встал иной солдат.

Мир раскололся на две половины:
Они и мы! Мы — юны, скудны, — но
В века скользим с могуществом лавины,
И шар земной сплотить нам суждено!

Союз Республик! В новой магистрали
Сольют свой путь все племена Европ,
Америк, Азий, Африк и Австралий,
Чтоб скрыть в цветах былых столетий гроб.

20—25 января 1924

ЛЕНИН

Кто был он? — Вождь, земной Вожатый
Народных воль, кем изменен
Путь человечества, кем сжаты
В один поток волны времен.

Октябрь лег в жизни новой эрой,
Властней века разгородил,
Чем все эпохи, чем все меры,
Чем Ренессанс и дни Аттил.

Мир прежний сякнет, слаб и тленен;
Мир новый — общий океан, —
Растет из бурь октябрьских: *Ленин*
На рубеже, как великан.

Земля! зеленая планета!
Ничтожный шар в семье планет!
Твое величье — имя это,
Меж слав твоих — прекрасней нет!

Он умер; был одно мгновенье
В веках; но дел его объем
Превысил жизнь, и откровенья
Его — мирам мы понесем!

25 января 1924

У КРЕМЛЯ

По снегу тень, — зубцы и башни;
Кремль скрыл меня, — орел крылом.
Но город-миф — мой мир домашний,
Мой кров, когда вне — бурелом.

С асфальтов Шпре, с Понтийских топей,
С камней, где докер к Темзе пал,
Из чащ чудес — земных утопий, —
Где глух Гоанго, нем Непал,

С лент мертвых рек Месопотамий,
Где солнце жжет людей, дремля, —
Бессчетность глаз горит мечтами
К нам, к стенам Красного Кремля!

Там — ждут, те — в гневе, трепет — с теми;
Гул над землей метет молва...
И — зов над стоном, светоч в темень —
С земли до звезд встает Москва.

А я, гость лет, я, постоялец,
С путей веков, здесь дома я.
Полвека дум нас в цепь спаяли,
И искра есть в лучах — моя!

Здесь полнит память все шаги мне,
Здесь, в чуде, я — абориген,
И я храним, звук в чьем-то гимне,
Москва! в дыму твоих легенд!

11 декабря 1923

МИР ЭЛЕКТРОНА

Быть может, эти электроны —
Миры, где пять материков,
Искусства, знанья, войны, троны
И память сорока веков!

Еще, быть может, каждый атом —
Вселенная, где сто планет;
Там — всё, что здесь, в объеме сжатом,
Но также то, чего здесь нет.

Их меры малы, но всё та же
Их бесконечность, как и здесь;
Там скорбь и страсть, как здесь, и даже
Там та же мировая спесь.

Их мудрецы, свой мир бескрайный
Поставив центром бытия,
Спешат проникнуть в искры тайны
И умствуют, как ныне я;

А в миг, когда из разрушенья
Творятся токи новых сил,
Кричат, в мечтах самовнушенья,
Что бог свой светоч погасил!

13 августа 1922

МИР N ИЗМЕРЕНИЙ

Высь, ширь, глубь. Лишь три координаты.
Мимо них где путь? Засов закрыт.
С Пифагором слушай сфер сонаты,
Атомам дли счет, как Демокрит.

Путь по числам? — Приведет нас в Рим он.
(Все пути ума ведут туда!)
То же в новом — Лобачевский, Риман,
Та же в зубы узкая узда!

Но живут, живут в N измереньях
Вихри воль, циклоны мыслей, те,
Кем смешны мы с нашим детским зреньем,
С нашим шагом по одной черте!

Наши солнца, звезды, всё в пространстве,
Вся безгранность, где и свет бескрыл,
Лишь фестон в том праздничном убранстве,
Чем их мир свой гордый облик скрыл,

Наше время — им чертеж на плане.
Вкось глядя, как мы скользим во тьме,
Боги те тщету земных желаний
Метят снисходительно в уме.

21 января 1924

НЕ ПАМЯТЬ...

Как дни тревожит сон вчерашний,
Не память, — зов, хмельней вина,
Зовет в поля, где комья пашни
Бьет в плуг, цепляясь, целина.

Рука гудит наследьем кровным —
Сев разметать, в ладонь собрав;
Цеп над снопом обрушить; ровным
Размахом срезать роскошь трав.

Во мне вдруг вздрогнет доля деда,
Кто вел соху под барский бич,
И (клич сквозь ночь!) я чем-то, где-то
Всё тот же старый костромич.

И с солнцем тают (радуг льдины!)
Витражи стран, кулисы книг:
Идет вдоль всей земли единый,
Русь, твой синеющий сошник!

Мужичья Русь! там, вне заводов,
Без фабрик, — обреченный край,
Где кроет бор под бурей сводов,
Где домовой прет спать в сарай, —

Как ты в мечты стучишь огнивом?
Не память, — зов, хмельней вина,
К стогам снегов, к весенним нивам,
Где с Волгой делит дол Двина!

30 сентября 1923

ЛЕСНАЯ ТЬМА

Безлюдье. Глушь. Зеленоватый
Свет. Но в тиши есть голоса:
Те, чем живут, те, чем чреваты
В июльски жаркий день леса.

Писк птицы; стрекот насекомых;
Скрип двух стволов; да вдалеке,
Меж звуков чуждых, но знакомых,
Моторной лодки треск в реке.

Нет! чу! еще! сквозь мириады
Зеленых листьев — плащ земной —
Шум, что не ведали дриады:
Гудит пропеллер надо мной.

Не знаю, здесь, где полюс близко,
Блуждал ли древле старый Пан, —
Но хищным шипом василиска
Его встревожил бы биплан.

Гуд оживленного металла
Прорезал дали; власть ума
Богов Эллады разметала,
И светит вдруг лесная тьма.

Шум листьев в сумрачном хорале
Притих; идут, смелей, грозней,
Электроплуг, электротраллер,
Чудовища грядущих дней.

19 июля 1923

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ «МЕДНОГО ВСАДНИКА»

Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом;
Дождь мелкий моросил; туман
Всё облекал в плащ затрапезный,
Всё тот же медный великан,
Топча змею, скакал над бездной.

Там, у ограды, преклонен,
Громадой камня отенен,
Стоял он. Мыслей вихрь слепящий
Летел, взвивая ряд картин, —
Надежд, падений и годин.
Вот — вечер; тот же город спящий,
Здесь двое под одним плащом
Стоят, кропимые дождем,
Укрыты сумрачным гранитом,
Спиной к приподнятым копытам.
Как тесно руки двух слиты!
Вольнолюбивые мечты
Спешат признаньями меняться;
Встает в грядущем день, когда
Народы мира — навсегда
В одну семью соединятся.

Но годы шли. Другой не тут.
И рати царские метут
Литвы мятежной прах кровавый
Под грозный зов его стихов.
И заглушат ли гулы славы
Вопль здесь встающих голосов,

Где первой вольности предтечи
Легли под взрывами картечи?
Иль слабый стон, каким душа
Вильгельма плачет с Иртыша?
А тот же пристально-суровый
Гигант, взнесенный на скале!
Ужасен ты в окрестной мгле,
Ты, демон площади Петровой!
Виденье призрачных сибилл,
В змею — коня копыта вбил,
Уздой железной взвил Россию, —
Чтоб двух племен гнев, стыд и страх,
Как укрощенную стихию,
Праправнук мог топтать во прах!

Он поднял взор. Его чело
К решетке хладной прилегло,
И мыслей вихрь вскрутился, черный,
Зубцами молний искривлен.
«Добро, строитель чудотворный!
Ужо тебе!» — так думал он.
И сквозь безумное мечтанье,
Как будто грома грохотанье,
Он слышит топот роковой.
Уже пуста была ограда;
Уже скакал по камням града,
Над мутно плещущей Невой,
С рукой простертой Всадник Медный...
Куда он мчал слепой порыв?
И, исполину путь закрыв,
С лучом рассвета бело-бледный,
Стоял в веках Евгений бедный.

28 октября 1923

МАРРИЭТОВЫ МИЧМАНЫ

Марриэтовы мичманы,
Вы, лихая ватага,
Здесь лукаво-комичные,
Там живая отвага!

Вслед за вами, по вспененным
Тропам, с детства мы — чайка!
Волны пели, и в пеньи нам:
«Примечай! примечай-ка!»

Где учебник? Рассеянно
Глаз твердит: «Смерть Аттилы»...
А в мечтах: из бассейна
Голубого Антиллы.

А в мечтах: на фрегате мы,
Шхуны в плен с их поклажей!
Мальты там берега из тьмы,
Шум и скрип такелажа.

А за шквалами шалости:
Красть изюм, бить нежонок...
Ах! припомнить до жалости
Те страницы книжонок,

Ту неправду, что измала
Жгла огнем неустанным,
Ту, что волю в нас вызвала —
В жизни стать капитаном!..

20 августа 1923

ДОМОВОЙ

Опять, опять, опять, опять
О прошлом, прежнем, давнем, старом,
Лет тридцать, двадцать, десять, пять
Отпетом, ах! быть может, даром!

Любимых книг, заветных лиц
Глаза, страницы, строфы, всклики;
Гирлянды гор, ступни столиц,
Муть моря, плавни повилики...

В земной толпе — я темный дом,
Где томы, тени, сны, портреты;

Эдгаров Янек — я, за льдом
Ток лавы, памятью прогретый.

Но дом живет, вулкан горит,
С балкона — песни, речи, сплетни:
Весенний верх сухих ракит,
В одежде свежей плющ столетний!

Лишь домовой, таясь в углу,
Молчит в ответ пустым гитарам, —
Косясь на свет, смеясь во мглу, —
О прошлом, прежнем, давнем, старом.

3 сентября 1922

КАРУСЕЛЬ

Июльский сумрак лепится
К сухим вершинам лип;
Вся прежняя нелепица
Влита в органный всхлип;
Семь ламп над каруселями —
Семь сабель наголо,
И белый круг усеяли,
Чернясь, ряды голов.

Рычи, орган, пронзительно!
Вой истово, литавр!
Пьян возгласами зритель, но
Пьян впятеро кентавр.
Гудите, трубы, яростно!
Бей больно, барабан!
За светом свет по ярусам, —
В разлеты, в сон, в обман!

Огни и люди кружатся,
Скорей, сильней, вольней!
Глаза с кругами дружатся,
С огнями — пляс теней.
Круги в круги закружены,
Кентавр кентавру вслед...

Века ль обезоружены
Беспечной скачкой лет?

А старый сквер, заброшенный,
Где выбит весь газон,
Под гул гостей непрошенных
Глядится в скучный сон.
Он видит годы давние
И в свежих ветках дни,
Где тени те же вставлены,
Где те же жгут огни.

Всё тот же сумрак лепится
К зеленым кронам лип;
Вся древняя нелепица
Влита в органный всхлип...
Победа ль жизни трубится
В век, небылой досель?
Иль то кермесы Рубенса
Вновь вертят карусель?

12 июля 1922

СНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

НЕОКОНЧЕННАЯ КНИГА

ПОДРАЖАНИЕ ТРУВЕРАМ

Нет, никогда не мог Амур в сем мире
Так сердце мучить, как меня она!
Я из-за той, кто всех прекрасней в мире,
Не знаю отдыха, не знаю сна.
Увы! не знает жалости она,
И мне укрыться некуда в сем мире, —
Затем, что всюду мне она видна!

Лети, о песня, и скажи прекрасной,
Что чрез нее покой утратил я!
Что сердцем я страдаю по прекрасной,
Затем, что зло покинут ею я!
Ах, заслужила ль то любовь моя!
Но если я умру, пускай прекрасной
Всё песня скажет, правды не тая!

3 марта 1908

ПРОГУЛКА
(XVIII ВЕК)

Как вдруг нежданно стали гулки
Шаги среди больших стволов!
И в первый раз во всей прогулке
Смолк смех и говор голосов.
И вы, Алина, с робкой дрожью,
Ко мне прижались в полумгле,

И — как, не знаю, — но к подножью
Сосны мы сели на земле.
Ваш детский страх, ваш страх наивный
Я успокаивал, шутя...
А вечер, пламенный и дивный,
Гас, иглы сосен золотя.
Не потому ль, когда догнали
Друзей мы у лесной реки,
Заката отблеском сверкали
У вас два пятнышка щеки?

1911

В ДУХЕ ЭЙХЕНДОРФА

Я стою на опушке леса;
Луна прогнала облака.
Надо мной — голубая завеса,
Внизу — как лента, река.

Ударяет колокол мерно —
Далеких зов деревень.
Показала голову серна
И скрылась тотчас же в тень.

Не дрогнут листом ни единым
Деревья, преданы сну,
И бог идет по вершинам,
Озирая свою страну.

1912

В ДУХЕ ЛАТИНСКОЙ АНТОЛОГИИ

Мне говорят, что Марина многим дарит свои ласки.
Что ж! получаю ли я меньше любви оттого?
Если солнце живит шиповник в саду у соседа,
Хуже ль в саду у меня алый сверкает тюльпан?

Если Зефир овеял Лукании луг утомленный,
Лацию в летний день меньше ль прохлады он даст?
Ласки любовников всех лишь огонь разжигают в Марине,
Жаждет, пылая, она, пламя чтоб я погасил.

1912

СМЕРТЬ РЫЦАРЯ ЛАНЦЕЛОТА

(Старинная английская баллада)

За круглый стол однажды сел
Седой король Артур.
Певец о славе предков пел,
Но старца взор был хмур.

Из всех сидевших за столом,
Кто трону был оплот,
Прекрасней всех других лицом
Был рыцарь Ланцелот.

Король Артур, подняв бокал,
Сказал: «Пусть пьет со мной,
Кто на меня не умышлял,
Невинен предо мной!»

И пили все до дна, до дна,
Все пили в свой черед;
Не выпил хмельного вина
Лишь рыцарь Ланцелот.

Король Артур был стар и сед,
Но в гневе задрожал,
И вот поднялся сэр Мордред
И рыцарю сказал:

«Ты, Ланцелот, не захотел
Исполнить долг святой.
Когда ты честен или смел,
Иди на бой со мной!»

И встали все из-за стола,
Молчал король Артур;
Его брада была бела,
Но взор угрюм и хмур.

Оруженосцы подвели
Двух пламенных коней,
И все далеко отошли,
Чтоб бой кипел вольней.

Вот скачет яростный Мордред,
Его копье свистит,
Но Ланцелот, дитя побед,
Поймал его на щит.

Копье пускает Ланцелот,
Но, чарами храним,
Мордред склоняется, и вот
Оно летит над ним.

Хватают рыцари мечи
И рубятся сплеча.
Как искры от ночной свечи, —
Так искры от меча.

«Моргану помни и бледней!» —
Взывает так Мордред.
«Ни в чем не грешен перед ней!» —
Так Ланцелот в ответ.

Но тут Джиневру вспомнил он,
И взор застлался мглой,
И в то ж мгновенье, поражен,
Упал вниз головой.

Рыдали рыцари кругом,
Кто трона был оплот:
Прекрасней всех других лицом
Был рыцарь Ланцелот.

И лишь один из всех вокруг
Стоял угрюм и хмур:
Джиневры царственной супруг,
Седой король Артур.

1913

ИЗ ИНДИЙСКОЙ ЛИРИКИ

1

Уже за горы канул месяц,
Уже восток зарделся,
Уже в саду запели птицы,
А я, Любовь, смотри: всё плачу!

2

Я брошен ею, но я не плачу.
Видишь ли: я улыбаюсь.
— Твоя улыбка — рассвет печальный
Над погоревшей деревней.

3

Через речку цепкие лианы
Провели несокрушимый мост.
Там качаться любят обезьяны,
Окрутив вокруг лианы хвост.

От меня и прямо к сердцу милой
Проведен любовью крепкий мост.
Там качаться любят злые силы,
Окрутив вокруг желаний хвост.

<1913>

КИТАЙСКИЕ СТИХИ

1

Твой ум — глубок, как море,
Твой дух — высок, как горы.

2

Все дни — друг на друга похожи:
Как муравьи — одинаково серы.
Работай, чти старших, чти голос божий.
Завяжи узел — труда, почтенья, веры.

3

Глупец восклицает: «Ломок
Стебель памяти о заслугах!»
Мудрый говорит: «Буду скромен,
И меня прославят речи друга!»

14 декабря 1914
Варшава

RICO FRANCO

(Испанская народная песня)

A caza, iban, à caza
Los cazadores del rey. [1]

Веселой тешились охотой
Король и рыцари его;
Веселой тешились охотой, —
И не убили ничего.

Все сокола их разлетелись,
И утомил бесплодный путь,

---

[1] На охоту, шли на охоту королевские охотники (исп.). — *Ред.*

Все сокола их разлетелись, —
Настало время отдохнуть.

Поблизости был древний замок,
Там, где кончался темный лес,
Поблизости был древний замок,
И в нем прекрасная Иньес.

Ее увидел рыцарь Рико —
И всё на свете позабыл;
Ее увидел рыцарь Рико —
И деву страстно полюбил.

Наутро, замок покидая,
Еще при блеске ранних рос,
Наутро, замок покидая,
Коварно деву он увез.

— Не об отце ль, Иньес, ты плачешь?
Забудь: не встанет больше он.
О брате ли, Иньес, ты плачешь?
Моим мечом он поражен.

— Не плачу я, сеньор любезный,
Но мне наряд мешает мой,
Мне дайте нож, сеньор любезный:
Я длинный шлейф обрежу свой.

Тогда учтиво рыцарь Рико
Кинжал толедский подает,
Тогда учтиво рыцарь Рико,
Полет коня замедлив, ждет.

Лицо Иньес к нему склоняет,
Чтоб взор ее он видеть мог,
И в грудь ему Иньес вонзает
В Толедо кованный клинок.

1915

ГАЗЕЛЛА

Подражание персидскому

В ту ночь нам птицы пели, как серебром звеня,
С тобой мы были рядом, и ты любил меня.

Твой взгляд, как у газели, был вспышками огня,
И ты газельим взглядом всю ночь палил меня.

Как в тесноте ущелий томит пыланье дня,
Так ты, маня к усладам, всю ночь томил меня.

Злой дух, в горах у ели, таится, клад храня,
Ах, ты не тем ли кладом всю ночь манил меня?

Минуты розовели, с востока тень гоня.
Как будто по аркадам ты вел, без сил, меня.

Пусть птицы мне звенели, что близко западня:
В ту ночь любовным ядом ты отравил меня.

1915

ФИНСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

1

Баю, баюшки, баю,
Спи, дитя, усни, баю.
Баю дитятке пою,
В санки сна его кладу.
Сон, приди, возьми его,
Сон, бери, клади его
В золотые свои санки,
Во серебряные санки!

Посади дитя во санки,
В свои праздничные санки,
Медным полем покати
По свинцовому пути.

Дорогого повези,
Золотого проводи
На серебряную гору,
На вершину золотую,
В златолиственный ивняк,
В златолистый березняк,
Где кукушки золотые,
Где серебряные птицы.

2

Коль пришел бы мой желанный,
Мой знакомый, долгожданный,
За версту пойду навстречу,
Побегу и за две — встречу,
Загородку отворить,
Новый мостик подложить.
Протяну ему я руку,
Хоть бы он держал гадюку,
Зацелую не в черед,
Будь хоть в волчьей крови рот,
Охвачу руками шею,
Хоть бы смерть была за нею,
Да и сяду с ним рядком,
Будь хоть всё в крови кругом!

<1917>

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ

ОКТАВА

Ты знаешь, чью любовь мы изливаем в звуки?
Ты знаешь, что за скорбь в поэзии царит?
То мира целого желания и муки,
То человечество стремится и грустит.
В моленьях о любви, в мучениях разлуки
Не наш, а общий стон в аккордах дивных слит.
Страдая за себя, мы силою искусства
В гармонии стиха сливаем мира чувства.

1892

ПРИ ПОСЫЛКЕ ВЕРЛЭНУ ПЕРЕВОДА «РОМАНСОВ БЕЗ СЛОВ»

Еще покорный ваш вассал,
Я шлю подарок сюзерену,
И горд и счастлив тем, что Сену
Гранитом русским оковал.

23 ноября 1894

* * *

Кучи свезенного снега,
Лужи, ручьи и земля...
Дышит весенняя нега
В этом конце февраля.

Образы ночи греховной
Гаснут и тают, как сон;
Сердцу привольно — и словно
Прошлому я возвращен.

Прежним беспечным мальчишкой
Я пробираюсь домой,
Ранец сжимаю под мышкой,
Шлепаю в воду ногой.

Счастье-то! нынче суббота!
Завтра — раздолье игре,
Завтра война и охота
Будут у нас на дворе.

Мы заготовили копья,
Сделали ружей запас
(Грязные снежные хлопья
Пулями служат у нас).

План я устрою счастливо,
Смело врагов разобью —
И отпирую на диво
Новую славу свою...

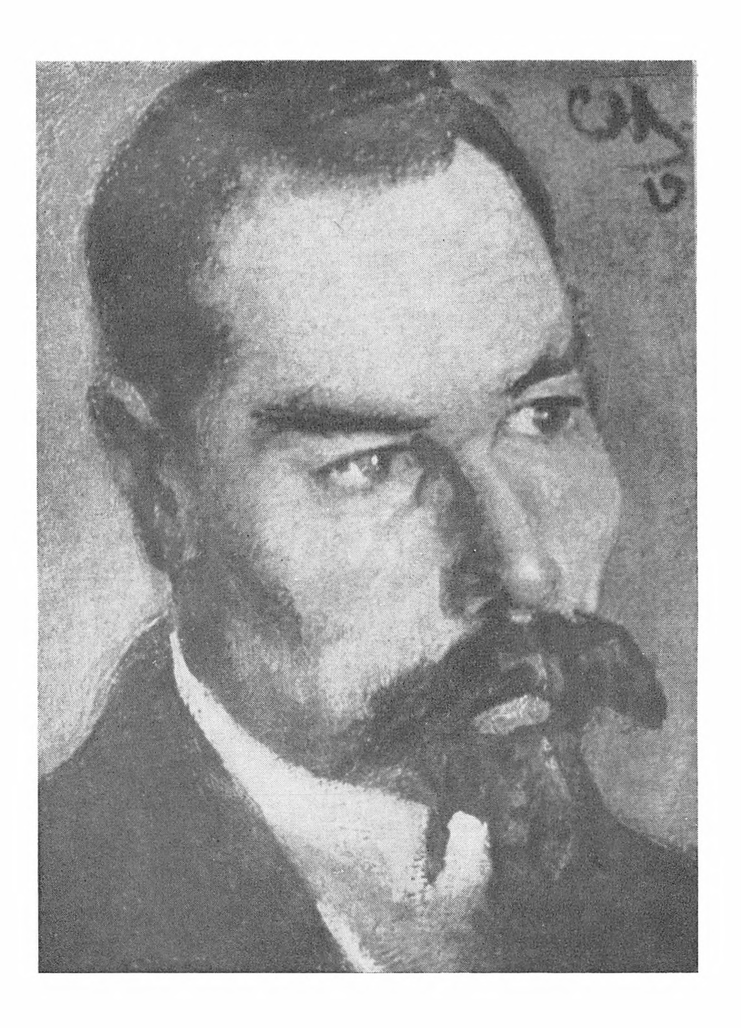
Веря грядущей победе,
Мчусь я по лужам домой
И на беспечных соседей
Брызжу и брызжу водой.

В воздухе ж юная нега,
Всюду следы февраля,
Кучи свезенного снега,
Лужи, ручьи и земля.

24 февраля 1895

* * *

Белеет ночь. Деревья сквера
Гигантским мохом поднялись.
Вот из-за крыш луна-химера
Приозарила светом высь.



И в фосфорическом сияньи
Открылся бледный мир чудес:
Дома стоят, как изваянья,
Висит, как полог, свод небес.

Как декорации феерий,
Деревья тянутся к луне.
И кто-то ждет в пустынном сквере,
Поднявши руки к вышине.

1—2 мая 1895

* * *

Я люблю у застав переулки Москвы,
Разноцветные, узкие, длинные,
По углам у заборов обрывки травы,
Тротуары, и в полдень пустынные.

Эта тихая жизнь, эта жизнь слободы,
Эта тишь в долетающем грохоте
Так свободно на сердце свевает следы
Городской утомительной похоти.

В рассмеявшейся паре у ближних ворот
Открывается сердцу идиллия,
И от скучного хора всемирных забот
Я к стихам уношусь без усилия.

28 июня 1895

* * *

Тоска неясная о чем-то неземном.

Минский

Я часто размышлял о сущности вещей,
Я их лишал и крыльев и пространства,
Но всё ж не мог лишить последнего убранства,
И видел смутный рой мелькающих теней.

И я боролся вновь, и вновь искал вселенной
Вне времени, вне всяких чувств моих.
Она являлась мне, но искрою мгновенной,
Мелькнувшей в вечности и жившей только миг.

27 июля 1895

ИМПРОВИЗАЦИЯ

Будущий век,
Тебе посвящаю я песни!
По теченью невидимых рек
Всё быстрей, всё смелей, всё чудесней
Уплывает вперед человек.
О, времен потрясающий бег!
Словно тает мучительный снег,
Словно гаснут узорища плесни,
Словно никнут виденья чудовищ...
Уплывает вперед человек
В мир цветов и весны,
В мир всеобщей волны,
Предугаданных смутно сокровищ.

Я грядущее люблю,
Я грядущему молиться
Никогда не устаю.
Я хочу
Верить беглому лучу,
В блестках искристых дробиться,
Каждым мигом насладиться,
Жизнью мировой дышать —
И холодной властью мысли...
Дням, что в вечности нависли,
Как словам повелевать!

Но жалкие мечты! кругом и отовсюду
Видения идут — герои, короли,
Поэты властные, избранники земли,
И вопят и зовут! о нет! не верю чуду!
И я, как все, томиться осужден
В цепях веков и в тягости времен!

Октябрь 1899

* * *

Торжествовать! какие звуки!
Их плеск расплесканный мне люб.
Еще мне внятны эти руки
И язвы впечатленных губ.

Но в сладких думах о победе
Из глуби памяти встает,
Как образ, воплощенный в меди,
Холодных замыслов расчет.

И сдавлен, с судорожной жаждой,
Над ужасом померкших глаз,
О, миги страсти, каждый! каждый! —
Смеясь, предчувствовал я вас.

Торжествовать! люблю я звуки,
Люблю моих заклятий власть.
Мне нужны слезы, чьи-то муки,
Победа, гордость — но не страсть.

Ноябрь 1900

* * *

Братья бездомные, пьяные братья,
В шуме, в дыму кабака!
Ваши ругательства, ваши проклятья —
Крик, уходящий в века.

Вас, обезличенных медленным зверством,
Властью бичей и железь,
Вас я провижу во храме отверстом,
В новом сияньи небес.

Много веков насмехавшийся Голод,
Стыд и Обида-сестра
Ныне вручают вам яростный молот,
Смело берите — пора!

Вот растворяю я хриплые двери:
Город в вечернем огне,
Весело вспомнить опять, что мы звери,
Воле отдаться вполне.

Видите зданье за зданьем, как звенья,
Залы для женщин и книг...
Разве не вы приносили каменья,
Строили храмы владык!

Ринемтесь дико и смоем лавиной
Всю эту плесень веков!
Пусть оглушит ее голос звериный,
Наш торжествующий рев.

Полно покорствовать! видите, братья,
Двери открыты в века.
Слышу ругательства, слышу проклятья
В шуме, в дыму кабака.

21 марта 1901

* * *

Нам руки свободные свяжут
И шею обтянут веревкой,
Попы нам прощение скажут,
Повесят нас быстро и ловко.

Я буду качаться, качаться,
Без пошлой опоры на землю,
И будет в бреду мне казаться,
Я шуму великому внемлю.

Мне будет казаться: народы
Собрались внизу перед нами,
Искателей новой свободы
Сошлись проводить со слезами.

И буду, качаясь, кивать я,
Как будто при громе приветствий,
Как будто все люди мне братья,
Как это мне грезилось в детстве.

Кругом, как я корчусь, взирая,
Все зрители будут смеяться,
А я над толпой, умирая,
Всё буду качаться, качаться.

1901

* * *

Надо струны перестроить
Вновь на новый лад.
Песни вещие усвоить
Я готов, я рад.

Сердце, мертвое от жажды,
Слышишь? — бьют ключи!
Песнь одну не петь нам дважды,
Лучше замолчи.

Я, как феникс, в пламя кинут,
Гибну, взор смежив...
Но едва мученья минут,
Встану юн и жив.

Я в земле, под грудой гнили, —
Мертвое зерно.
Но дожди меня вспоили —
Цвесть мне суждено!

Дух живительный и юный
Влился в грудь мою, —
Строю заново я струны,
Верю и пою.

21 февраля 1902

* * *

Я много лгал и лицемерил,
И сотворил я много зла,
Но мне за то, что много верил,
Мои отпустятся дела.

Я дорожил минутой каждой,
И каждый час мой — был порыв,
Всю жизнь я жил великой жаждой,
Ее в пути не утолив.

На каждый зов готов ответить,
И, открывая душу всем,
Не мог я в мире друга встретить
И для людей остался нем.

Любви я ждал, но не изведал
В ее бездонной полноте, —
Я сердце хо́лодности предал,
Я изменил своей мечте!

Тех обманул я, тех обидел,
Тех погубил, — пусть вопиют!
Но я искал — и это видел
Тот, кто один мне — правый суд!

16 апреля 1902

БАЛЬДЕРУ. II

Тебя приветствую, мое поражение.

З. Гиппиус

Кто победил из нас, — не знаю!
Должно быть, ты, сын света, ты!
И я, покорствуя, встречаю
Все безнадежные мечты.

Своим и я отметил знаком
Ту, за кого воздвигся бой,
Ей на душу упал я мраком
И в бездны ринул за собой.

Но в самом ужасе падений,
На дне отчаянья и тьмы,
Твой дальний луч рассеял тени,
И в небеса взглянули мы!

Нас сладострастным содроганьем
Вязала страсть, но встал твой лик!
И мы отпрянули с рыданьем,
И я над плачущей поник.

Когда я мнил кричать проклятья,
Благословили скорбь уста,
И в наши грешные объятья
Влилась незримо — Чистота!

Я молча раскрываю руки:
Она — твоя, возьми! бери!
Мне сладко от смертельной муки,
Мне больно от лучей зари.

1 января 1905

К НАРОДУ

Vox populi[1]

Давно я оставил высоты,
Где я и отважные товарищи мои,
Мы строили быстрокрылый арго —
Птицу пустынных полетов, —
Мечтая перелететь на хребте ее
Пропасть от нашего крайнего кряжа
До сапфирного мира безвестной вершины.

Давно я с тобой, в твоем теченьи, народ,
В твоем многошумном, многоцветном
водовороте,
Но ты не узнал моего горького голоса,
Ты не признал моего близкого лика, —
В пестром плаще скомороха,
Под личиной площадного певца,
С гуслями сказителя вечных времен.

На полях под пламенным куполом,
На улицах в ущельях стен,
Со страниц стремительной книги,

---

[1] Глас народа (лат.). — *Ред.*

С подмостков, куда вонзаются взоры,
Я слушал твой голос, народ!
Кто мудрец? — у меня своя мудрость!
Кто венценосец? — у меня своя воля!
Кто пророк? — я не лишен благодати!
Но твой голос, народ, — вселенская власть.
Твоему желанию — лишь покоряться,
Твоему кумиру — только служить.

Ты дал мне, народ, мой драгоценный дар:
Язык, на котором слагаю я песни.
В моих стихах возвращаю твои тайны — тебе!
Граню те алмазы, что ты сохранил в своих недрах!
Освобождаю напевы, что замкнул ты в золотой скорлупе!
Я — маг, вызывающий духов, тобою рожденных, нами убитых!
Без тебя я — звезда без света,
Без тебя я — творец без мира,
Буду жить, пока дышишь — ты и созданный тобою язык.

Повелевай, — повинуюсь.
Повяжи меня, как слепого, — пойду,
Дай мне быть камнем в твоей праще,
Войди в меня, как в одержимого демон,
Я — уста, говори, кричи мною.

Псалтырь моя!
Ты должна звенеть по воле властителя.
Я разобью тебя об утес, непослушная.
Я оборву вас, струны, как паутины, непокорные!
Раскидаю колышки, как сеют зерна весной.
Наложу обет молчания, если не подчинишься, псалтырь!
Останусь столпником, посмешищем праздных прохожих, здесь, на большом перекрестке!

20—23 июня 1905

* * *

Ужель доселе не довольно?
Весь этот ужас, этот бред
Еще ль язык мечты крамольной,
А не решающий ответ?

Не время ль, наконец, настало
Земных расплат, народных кар,
Когда довольно искры малой,
Чтоб охватил всю брешь пожар!

Так кто же голос? Мы, поэты, —
Народа вольные уста!
И наши песни — вам ответы,
И наша речь вовек проста!

29 июля 1905

БЛИЗКИМ

Нет, я не ваш! Мне чужды цели ваши,
Мне странен ваш неокрыленный крик,
Но, в шумном круге, к вашей общей чаше
И я б, как верный, клятвенно приник!

Где вы — гроза, губящая стихия,
Я — голос ваш, я вашим хмелем пьян,
Зову крушить устои вековые,
Творить простор для будущих семян.

Где вы — как Рок, не знающий пощады,
Я — ваш трубач, ваш знаменосец я,
Зову на приступ, с боя брать преграды,
К святой земле, к свободе бытия!

Но там, где вы кричите мне: «Не боле!»
Но там, где вы поете песнь побед,
Я вижу новый бой во имя новой воли!
Ломать — я буду с вами! строить — нет!

30 июля 1905

НИТЬ

Отдамся ль я случайному наитью,
Сознательно ль кую и правлю стих, —
Я всё ж останусь телеграфной нитью,
Протянутой в века из дней моих!
И я смотрю, раскрыв с усильем веки
Мечты, уставшей, словно слабый глаз,
В грядущее! — как некогда ацтеки
Смотрели в мир, предчувствуя в нем нас.

Август 1906

БАЛАГАНЫ

Балаганы, балаганы
На вечерней площади.
Свет горит, бьют барабаны,
Дверь открыта, — проходи.

Панорамы, граммофоны,
Новый синематограф,
Будды зуб и дрозд ученый,
Дева с рогом и удав.

За зеленой занавеской
Отделенье для мужчин.
Много шума, много блеска,
Смотрят бюсты из витрин.

Зазвонили к перемене.
Красный занавес раскрыт.
Черный фрак на синей сцене
Мило публику смешит.

«Раритеты раритетов
Показать я вам готов:
Две находки — из предметов
Отдаленнейших веков.

Это — с петлею веревка
(Может каждый в руки взять).
Ей умели очень ловко
Жизнь, чью надо, убавлять.

Это — царская корона
(Крест — один, алмазов — сто).
Ей могли во время óно
Делать Некиим — ничто.

Все газетные заметки
Прославляют наш музей,
Верьте слову: ныне редки
Амулеты прежних дней».

Всяк, кто смотрит, рот разинул,
Все теснятся, стар и мал...
Зазвонили. Вечер минул.
Красный занавес упал.

Тихо молкнут барабаны,
Гаснут лампы впереди.
Спят спокойно балаганы
На базарной площади.

7 января 1907

* * *

Пора разгадывать загадки,
Что людям загадали мы,
Решенья эти будут кратки,
Как надпись на стене тюрьмы.

Мы говорили вам: Изменой
Живи; под твердью голубой
Вскипай и рассыпайся пеной,
То значит: Будь всегда собой.

Мы говорили вам: Нет истин,
Прав — миг, прав — беглый поцелуй,
Тот лжет, кто говорит: Здесь пристань!
То значит: Истины взыскуй!

Мы говорили вам: Лишь в страсти
Есть сила. В вечном колесе
Вращаясь, домогайся власти,
То значит: Люди равны все!

Нам скажут: Сходные решенья
Давно исчерпаны до дна.
Что делать? разны поколенья,
Язык различен, цель — одна!

1908(?)

* * *

Я знал тебя, Москва, еще невзрачно-скромной,
Когда кругом пруда реки Неглинной, где
Теперь разводят сквер, лежал пустырь огромный
И утки вольные жизнь тешили в воде;

Когда поблизости гремели балаганы
Бессвязной музыкой, и ряд больших картин
Пред ними рисовал таинственные страны,
Покой гренландских льдов, Алжира знойный сплин;

Когда на улице звон двухэтажных конок
Был мелодичней, чем колес жестокий треск,
И лампы в фонарях дивились, как спросонок,
На газовый рожок, как на небесный блеск;

Когда еще был жив тот «город», где героев
Островский выбирал: мир скученных домов,
Промозглых, сумрачных, сырых, — какой-то Ноев
Ковчег, вмещающий все образы скотов.

Как изменилось всё! Ты стала, в буйной злобе,
Всё сокрушать, спеша очиститься от скверн,
На месте флигельков восстали небоскребы,
И всюду запестрел бесстыдный стиль модерн...

1909(?)

* * *

Здесь раннего посева всходы,
Здесь воплощенье давних грез,
Мечты былые я сквозь годы,
Как зерна чистые, пронес.

Я их лелеял одиноко,
Таил, как праведные сны,
И ждал, пока грозой жестокой
Не будут нивы вспоены.

И вот взошли мои посевы,
Дрожат под солнцем, наконец,
И в час работы *Все напевы*
Я повторил, веселый жнец.

1909 (?)

* * *

Я видел много городов,
И малых и больших,
Я слышал сонмы голосов,
Гудящих в стенах их.

Я видел склоны грозных гор,
Ширь радостных морей,
Я знал восторг, я знал позор,
Все омуты страстей.

Что ж мне осталось в мире сем?
Он предо мной — как склеп.
Я песни пел — и вот я нем,
Я видел огнь — и слеп!

Я помню: ненависть, любовь,
Молитвы, ужас, бред...
Ужели начинать мне вновь
Весь круг былых побед?

Где новый Дант? другой Шекспир?
Невиданный закат?
Я до конца прошел весь мир,
И нет путей назад!

1 августа 1911

* * *

Нет тебе на свете равных,
Стародавняя Москва!
Блеском дней, вовеки славных,
Будешь ты всегда жива!

Град, что строил Долгорукий
Посреди глухих лесов,
Вознесли любовно внуки
Выше прочих городов!

Здесь Иван Васильич Третий
Иго рабства раздробил.
Здесь, за длинный ряд столетий,
Бил источник наших сил.

Здесь нашла свою препону
Поляков надменных рать;
Здесь пришлось Наполеону
Зыбкость счастья разгадать.

Здесь, как было, так и ныне —
Сердце всей Руси святой,
Здесь стоят ее святыни,
За Кремлевскою стеной!

Здесь пути перекрестились
Ото всех шести морей,
Здесь великие учились
Верить родине своей!

Расширяясь, возрастая,
Вся в дворцах и вся в садах,
Ты стоишь, Москва святая,
На своих семи холмах.

Ты стоишь, сияя златом
Необъятных куполов,
Над Востоком и Закатом
Зыбля зов колоколов.

1911(?)

ПРИ ЭЛЕКТРИЧЕСТВЕ

Я мальчиком мечтал, читая Жюля Верна,
Что тени вымысла плоть обретут для нас;
Что поплывет судно громадней «Грит-Истерна»;
Что полюс покорит упрямый Гаттерас;
Что новых ламп лучи осветят тьму ночную;
Что по полям пойдет, влекомый па̀ром, Слон;
Что «Наутилус» нырнет свободно в глубь морскую;
Что капитан Робюр прорежет небосклон.

Свершились все мечты, что были так далеки.
Победный ум прошел за годы сотни миль:
При электричестве пишу я эти строки,
И у ворот, гудя, стоит автомобиль;
На полюсах взвились звездистые знамена;
Семья «Титаников» колеблет океан,
Подводные суда его взрезают лоно,
И в синеву, треща, взлетел аэроплан.

Но есть еще мечта, чудесней и заветней;
Я снова предан ей, как в юные года:
Там, далеко от нас, в лазури ночи летней,
Сверкает и зовет багряная звезда.
Томят мою мечту заветные каналы,
О существах иных твердят безвольно сны...
Марс, давний, старый друг! наш брат! двойник наш алый!
Ужели мы с тобой вовек разлучены?

Не верю! Не хочу здесь, на зеленом лоне,
Как узник, взор смежить! Я жду, что сквозь эфир,
В свободной пустоте, помчит прибор Маркони
Приветствия земли в родной и чуждый мир;
Я жду, что, наконец, увижу шар блестящий,

Как точка малая, затерянный в огнях,
Путем намеченным к иной земле летящий,
Чтоб братство воссоздать в разрозненных мирах.

28 мая 1912

* * *

Зыблются полосы света
В черной, холодной воде.
Страстным вопросам ответа
Нет в этом мире нигде!

Небо закрыто туманом,
Звезды незримы во мгле.
Тайным и горьким обманом
Облито всё на земле.

Вы — фонари! — повторенья
Светлых, небесных очей,
Как ваше зыбко дробленье
В сумраке черных ночей.

Ты, неживого канала
Черная, злая вода, —
Как ты дробишься устало,
Сжата в гранит навсегда!

Зыблются отблески света, —
Блеск фонарей на воде...
Страстным вопросам ответа
Нет в этом мире нигде!

1 ноября 1912
Петербург

* * *

Безумец! думал плыть ты по
Спокойной влаге, в сладкой дреме,
Но, как герой Эдгара По,
Закручен в бешеном мальстреме?

Летят, свистят извивы волн,
Их громовые стоны звонки;
Летит твой наклоненный челн
В жерло чудовищной воронки.

Но, как герой жестоких «Tales»,[1]
Припомни книгу Архимеда:
Лишь разум не сошел бы с рельс,
И мысли суждена победа!

Мой разум, бодрствуй! мысль, гори!
Мы с вами созданы для рыб ли?
В душе мерцает свет зари...
Мой разум! нет, мы не погибли!

1912

* * *

Разбегаются снова поля за окном,
Темный лес по окружности медленно вертится,
Сеть из проволок то на кругу голубом,
То на поле зеленом отчетливо чертится.

Дальний путь, дальний путь, дальний путь,
дальний путь.
Это я прошептал, иль колесами сказано.
Убежать! позабыть! умереть! отдохнуть!
Что-то длинное, долгое снова развязано.

Милый Макс! да, ты прав! под качанье рессор
Я, как ты, задремал, убаюкан их «титатью»,
И уже Океан смотрит прямо в упор
Мне в глаза, здесь, в полях, за болотистой
Припятью.

29 июня 1913

---

[1] «Рассказов» (англ.). — *Ред.*

* * *

Когда я, юношей, в твоих стихах мятежных
Впервые расслыхал шум жизни мировой:
От гула поездов до стона волн прибрежных,
От утренних гудков до воплей безнадежных
Покинутых полей, от песни роковой
Столиц ликующих, от властного напева
Раздумий, что в тиши поют нам мудрецы,
Бросающие хлеб неведомого сева
На ниве жизненной во все ее концы, —
Я вдруг почувствовал, как страшно необъятен
Весь мир передо мной, и ужаснулся я
Громадности Земли, и вдруг мне стал понятен
Смысл нашего пути среди туманных пятен,
Смысл наших малых распрь в пучине бытия!

Верхарн! ты различил «властительные ритмы»
В нестройном хаосе гудящих голосов.

1913

ВСХОЖДЕНИЕ

И лестница всё круче, —
Не оступлюсь ли я.

Urbi et Orbi

Как винт чудовищный, свиваясь вкруг стены,
Восходит лестница на высь гигантской башни.
Давно исчезло дно безмерной глубины.
Чтоб дальше сделать шаг, всё должно быть
бесстрашней.

За ярусом — другой; сквозь прорези бойниц
Я вижу только ночь да слабый отблеск звездный;
И нет огней земли, и нет полночных птиц,
И в страшной пустоте висит мой путь железный.

Направо — к камням жмусь; налево — нет перил;
Зловеще под ногой колеблются ступени.
Гляжу наверх — темно; взглянуть назад — нет сил;
Бессильный факел мой бросает тень на тени.

Кто, дьявол или бог, какой народ, когда
Взвел башню к небесам, как древле в Вавилоне?
И кто, пророк иль враг, меня привел сюда
На склоне злого дня и дней моих на склоне?

И что там, в высоте? божественный покой,
Где снимет предо мной Изида покрывало?
Иль черное кольцо и только свод глухой,
И эхо прокричит во тьме: «Начни с начала!»

Не знаю. Но иду; мечу свой факел ввысь;
Ступени бью ногой: мой дух всхожденьем хмелен.
Огонь мой, дослужи! Нога, не оступись!..
Иль этот адский винт, и правда, беспределен?

8 декабря 1914
Варшава

* * *

Когда смотрю в декабрьский сумрак ночи,
Всё кажется — под дальний гул пальбы:
Дрожит земля до самых средоточий
И падают огромные столбы.

Всё кажется — под страшный ропот боя,
Что старый мир разрушиться готов.
Не волны ли, неукротимо воя,
Ломают стены древних берегов?

Не жаль сознанью новой Атлантиды!
Пусть покрывает ясность глубины
Всю ложь веков, предвечные обиды
И тщетные, неявленные сны!

Пусть новый мир встает из бездн безвестных,
Не знающий, что в прошлом были мы:
О нем мечтаю в свете звезд небесных,
Под гул пальбы смотря в провалы тьмы!

12 декабря 1914
Варшава

ЭЛЛИСУ

Нет! к озаренной сиянием бездне
Сердце мое не зови!
Годы идут, а мечте всё любезней —
Грешные песни любви.

Белые рыцари... сень Палестины...
Вечная Роза и крест...
Ах, поцелуй заменяет единый
Мне всех небесных невест!

Ах! за мгновенье под свежей сиренью
С милой — навек я отдам
Слишком привычных к нездешнему пенью
Оных мистических Дам.

Их не умею прославить я в песне...
Сердце! опять славословь
С годами всё умиленней, чудесней
Вечно земную любовь!

1914

ЗАВЕТ СВЯТОСЛАВА

По знакомой дороге назад
Возвращались полки Святослава.
Потрясен был надменный Царьград,
Над героями реяла слава,
Близки были родимой земли
И равнины и мощные реки...
Но в горах на пути залегли,
Поджидая, коварные греки.

И, шеломы врагов опознав,
По холмам и утесам соседним,
Так дружине сказал Святослав:
«Видно, день — биться боем последним!

Пусть враги нас порубят, побьют,
Пусть обратно добычу отымут, —
Но певцы про нас славу споют,
Ибо мертвые сраму не имут!»

И рубились они до конца,
Полегли до последнего в поле;
Не осталось в живых и певца,
Чтобы спеть о губительной доле.
Сгиб в траве Святослава скелет,
Вихрем выветрен, ливнями вымыт...
Но поет ему славу поэт,
Ибо мертвые сраму не имут.

В наши грозные, тяжкие дни
Вспомним снова завет Святослава!
Как во тьме путевые огни,
Веку новому — прошлого слава!
Уступает народу народ
Города, и равнины, и реки, —
Только доблесть бессмертно живет,
Ибо храбрые славны вовеки!

1915

В АЛЬБОМ

Многое можно прощать,
Многое, но ведь не всё же.
Мы пред врагом отступать
Будем постыдно... О, боже!

Мы пред врагом отступать
Будем теперь — почему же?
— Брошена русская рать
Там, на полях, без оружий!

Брошена русская рать.
Пушки грохочут всё реже,
Нечем на залп отвечать...
Иль то маневры в манеже?

Нечем на залп отвечать,
Голые руки... О, боже! —
Многое можно прощать,
Многое, но ведь не всё же!

1915

ЕГИПЕТСКИЕ НОЧИ

Поэма в 6-ти главах

(Обработка и окончание поэмы А. Пушкина)

1

Прекрасен и беспечен пир
В садах Египетской царицы,
И мнится: весь огромный мир
Вместился в узкие границы.
Там, где квадратный водоем
Мемфисским золотом обложен,
За пышно убранным столом
Круг для веселья отгорожен.
Кого не видно средь гостей?
Вот — Эллин, Римлянин, Испанец,
И сын Египта, и Британец,
Сириец, Индус, Иудей...

На ложах из слоновой кости
Лежат увенчанные гости.
Десятки бронзовых лампад
Багряный день кругом струят;
Беззвучно веют опахала,
Прохладу сладко наводя,
И мальчики скользят, цедя
Вино в хрустальные фиалы;
Порфирных львов лежат ряды,
Чудовищ с птичьей головою,
Из клювов золотых, чредою,
Точа во глубь струю воды;
Музы́ка стонет сладострастно;
Дары Финикии прекрасной,
Блистают сочные плоды;

А вдалеке, где гуще тени,
На мозаичные ступени
Теснится толпами народ:
Завидуя, из-за ворот
Глядит на смены наслаждений.

Но что веселый праздник смолк?
Затихли флейты, гости немы;
В сверканьи светлой диадемы,
Царица клонит лик на шелк,
И тени сумрачной печали
Ее прозрачный взор застлали.
Зачем печаль ее гнетет?
Чего еще недостает
Египта древнего царице?
В своей блистательной столице
Спокойно властвует она,
И часто пред ее глазами
Пиры сменяются пирами;
Она хвалой упоена,
И величавые искусства
Ей тешат дремлющие чувства.
Горит ли африканский день,
Свежеет ли ночная тень,
Покорны ей земные боги;
Полны чудес ее чертоги;
В златых кадилах вечно там
Сирийский дышит фимиам,
Звучат тимпаны, флейты, лира
Певцов со всех пределов мира.

Чего желать осталось ей?
Весь мир царице угождает:
Сидон ей пурпур высылает;
Град Киликийский — лошадей;
Эллада — мрамор и картины;
Италия — златые вина
И Балтика — янтарь седой.

Наскучил город ей? — Вдоль Нила,
Поставив пестрые ветрила,
Она в триреме золотой

Плывет. Ее взволнуют страсти? —
Пойдет, с сознаньем гордой власти,
В покои тайные дворца,
Где ключ угрюмого скопца
Хранит невольников прекрасных
И юношей стыдливо-страстных.
И всё ж она невесела:
Ей скучен хор льстецов наемных
И страсть красавцев подъяремных;
Не сходит тень с ее чела.
Ей всё послушно, всё доступно,
И лишь любовью неподкупной
Ей насладиться не дано!
И долго, с думою глубокой,
Она сидела одиноко.
И стыло гретое вино.

2

Был снова праздник в пышном зале
Александрийского дворца.
На ложах гости возлежали;
Вокруг, при факелах, блистали
Созданья кисти и резца;
Чертог сиял. Гремели хором
Певцы при звуке флейт и лир.
Царица голосом и взором
Свой пышный оживляла пир.
Сердца неслись к ее престолу.
Но вдруг над чашей золотой
Она задумалась и долу
Поникла дивною главой...

И пышный пир как будто дремлет;
Безмолвны гости; хор молчит;
Но вновь она чело подъемлет
И с видом ясным говорит:
«В моей любви для вас блаженство?
Блаженство можно вам купить...
Внемлите мне: могу равенство
Меж вами я восстановить.
Кто к торгу страстному приступит?

Свою любовь я продаю;
Скажите: кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою?»

Рекла, — и ужас всех объемлет.
И страстью дрогнули сердца...
Она смущенный ропот внемлет
С холодной дерзостью лица.
«Я жду, — вещает, — что ж молчите?
Или теперь бежите прочь?
Вас было много, — приступите,
Купите радостную ночь!»
И взор презрительный обводит
Кругом поклонников своих...
Вдруг из толпы один выходит,
Вослед за ним и два других:
Смела их поступь, ясны очи;
Навстречу им она встает.
Свершилось: куплены три ночи, —
И ложе смерти их зовет.

Благословенные жрецами,
Теперь из урны роковой
Пред неподвижными гостями
Выходят жребии чредой.
И первый — Флавий, воин смелый,
В дружинах римских поседелый;
Снести не мог он от жены
Высокомерного презренья:
Он принял вызов наслажденья,
Как принимал во дни войны
Он вызов ярого сраженья.
За ним — Критон, младой мудрец,
Рожденный в рощах Эпикура,
Критон, поклонник и певец
Харит, Киприды и Амура.
Любезный сердцу и очам,
Как вешний цвет едва развитый,
Последний — имени векам
Не передал; его ланиты
Пух первый нежно оттенял;
Восторг в очах его сиял;

Страстей неопытная сила
Кипела в сердце молодом...
И с умилением на нем
Царица взор остановила.

— «Клянусь, о матерь наслаждений!
Тебе неслыханно служу:
На ложе страстных искушений
Простой наемницей всхожу!
Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари,
О боги грозного Аида!
Клянусь, до утренней зари
Моих властителей желанья
Я сладострастно утолю,
И всеми тайнами лобзанья
И дивной негой утомлю!
Но только утренней порфирой
Аврора вечная блеснет,
Клянусь, под смертною секирой
Глава счастливцев отпадет!»

3

И вот уже сокрылся день,
И блещет месяц златорогий.
Александрийские чертоги
Покрыла сладостная тень.
Окончен пир. Сверкая златом,
Идет царица в свой покой
По беломраморным палатам.
За ней — рабов покорный строй
И круг поклонников смущенных,
Вином и страстью утомленных.
Меж них, спокоен и угрюм,
Безмолвно выступает Флавий,
Речей внимая смутный шум...
Его судьбе и горькой славе
Дивятся гости, трепеща.
У всех, под складками плаща,
Сердца дрожат в глухой тревоге.
Но вот царица, на пороге,

Замедлила, и ясный лик
К смущенным лицам обратила:
В ее глазах — какая сила!
Как нежен стал ее язык!

—«Я жду тебя, отважный воин:
Исполнить клятвы пробил час!
Я верю: будешь ты достоин
Обета, сблизившего нас!
Приди ко мне, желанный, смелый!
Я этой жертвы жду давно.
Мое прославленное тело
Тебе богами суждено!
С тобой хочу предаться страсти,
Неотвратимой, как судьба,
Твоей я подчиняюсь власти,
Как неподкупная раба!
Всего, чего возжаждешь, требуй:
Я здесь — для сладостных услуг!
Доколь не пробегут по небу
Лучи зари, ты — мой супруг!»

Сказала: и, простерши руки,
В объятья мужа приняла.
Раздались флейт поющих звуки
И хора стройная хвала.
И гости, сумрачны и бледны,
Боясь понять свою мечту,
Глядят, как полог заповедный
Скрывает новую чету.
И каждый, с трепетом желаний,
Невольно мыслит: «Мог и я. . .».
Но свисли пурпурные ткани,
Гимена тайны затая.

Фонтаны бьют, горят лампады,
Курится легкий фимиам,
И сладострастные прохлады
Земным готовятся богам;
В роскошном золотом покое,
Средь обольстительных чудес,
Под сенью пурпурных завес

Блистает ложе золотое.
Что там? Свежительная мгла
Теперь каким признаньям внемлет,
Какие радости объемлет,
Лаская страстные тела?
Кто скажет! Только водомета
Струя, смеясь, лепечет что-то.

Замолк дворец. Устало спят
Рабы в своих каморках темных;
Безлюдны дали зал огромных;
Лишь сторожа стоят у врат.
В задумчивых аллеях сада —
Молчанье, сумрак и прохлада...
Но кто застыл в беседке роз?
Один, во власти мрачных грез,
Он смотрит на окно царицы,
И будет, молча, ждать денницы,
Прикован взором, недвижим,
Безумной ревностью томим,
Иль плакать вслух, как плачут дети!
Не он ли, хоть на краткий срок,
Царицы грустный взор привлек,
Не он ли вынул жребий третий?

4

Означились огни денницы;
Рабочий пробудился люд;
По узким улицам столицы
Ряды разносчиков снуют.
Глядяся в зеркала морские,
Встречает день Александрия.
Но тих торжественный дворец.
Еще угрюмый страж-скопец
Не отворял глухих затворов;
Еще, на беспощадный зов,
Во сне счастливый — сонм рабов
Не открывал в испуге взоров,
И лишь на ложе золотом
Царица гордая не дремлет,
Небрежно дальним шумам внемлет

И смотрит, с пасмурным челом,
На мужа, кто простерт на ложе.

Ах, не она ль вчера ему,
Всем сладострастьем женской дрожи,
Как властелину своему
Вливала в жилы страсть? — И что же!
Ах, не она ль, среди затей,
Припоминала вдруг лукаво
События недавних дней
И Цезаря с бессмертной славой:
Как миродержец-исполин
Ее ласкал рукой могучей,
И прибавляла, с лестью жгучей,
Что он, пришлец, ей он один
Напомнил Цезаря? И что же!
За мигом миг казался строже
Взор гостя странного, и он,
Вином как будто упоен,
Вдруг твердо отстранил царицу:
— «Довольно, женщина! Пора
Пред дымом смертного костра
Мне сном приветствовать денницу!»
Он лег, заснул, и вот он спит.
Царица сумрачно глядит
На сон бестрепетно-спокойный,
И грудь ее — в тревоге знойной.

— «Проснися, воин! близок день!»
И Флавий открывает очи.
Давно исчезла летней ночи
Прозрачно-голубая тень;
Свет, через пурпурные ткани
Проникнув, бродит на полу,
И светлый дым благоуханий,
Виясь, колеблет полумглу.
— «Что, утро? Здравствуй, Феб-губитель!»
И, с ложа прянув, пояс свой
Гость надевает. Но, с мольбой,
К нему царица: «Мой властитель!
Еще есть время. Я — твоя!
Ужель и взгляда я не стою?

Я наслаждения утрою,
Пресыщу новой лаской я
Твои последние мгновенья!
Пади на ложе наслажденья,
Где ждет тебя любовь моя!»

Но странный гость, в ответ, сурово,
Бесстрастье гордое храня:
— «Ужель, ты думаешь, мне ново —
Всё, чем прельщаешь ты меня?
Ты прихотлива и затейна,
Но слаще вольная любовь,
В дубравах, за пределом Рейна!
Ты страстью распаляешь кровь,
Но в ласке девушки испанской,
В объятьях пленницы британской
Есть больше неги и огня!
Во дни жестокие Фарсала,
Я вспомнил, как и ты, ласкала
Одна фракиянка меня;
Но я забыл ее лобзанья,
Ее приманчивый напев,
Храня всегда воспоминанья
О днях блаженного свиданья
С одной из гордых галльских дев!
Прощай!»
Она дрожит от гнева,
Ее изменены черты.
— «Когда тебе любая дева
Милей, чем я, зачем же ты
Мой принял вызов? Посмеяться
Ты надо мной хотел? Тебе
Спокойно с жизнью не расстаться!
Твоей мучительной судьбе,
Твоей неумолимой казни
Все ужаснутся!»

Без боязни
Он смотрит на лицо ее.
— «Ты надо мной властна, быть может,
И тело бедное мое
Безжалостный палач изгложет.

Но всё ж я — прав. Что обещал,
Я в эту ночь исполнил честно:
С тобой я, как тебе известно,
До третьей стражи разделял
Твои, царица, вожделенья,
Как муж, я насыщал твой пыл...
Что ж! Я довольно в мире жил,
А ты — свершай свои решенья!»

И он, суровый сын войны,
Клеврет Великого Помпея,
Спокойным взором, не бледнея,
Встречает гневный взор жены.
Безмолвно, ярость подавляя,
Та бьет по меди молотком,
И звуки, стражу призывая,
Звеня, разносятся кругом.
Раскрыты завесы у двери.
Рабы, как на веревках звери,
Вступают в золотой покой;
И, грозной стражей окруженный,
В свое раздумье погруженный,
Проходит воин через строй.
Палач у входа. Но царица
Уже зовет своих рабынь;
Бежит невольниц вереница,
Неся одежды, пух простынь,
Фиалы тонких умащений...
Бледнеет тень ночных видений,
И вновь, прекрасна и ясна,
На пир готовится она.

5

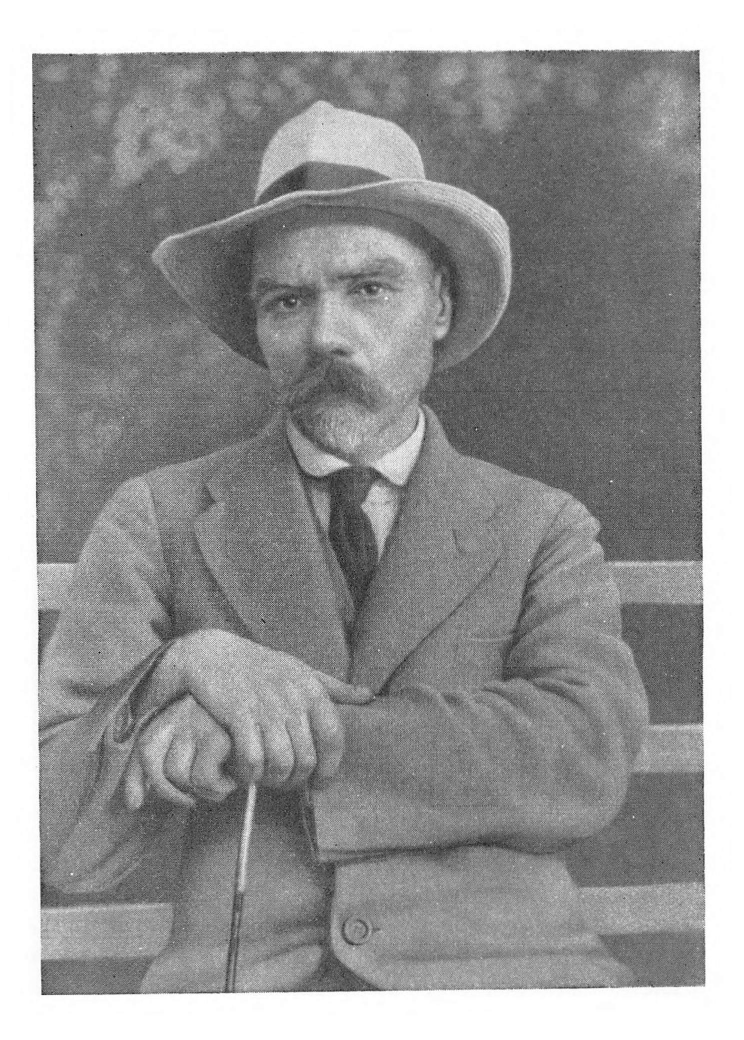
Всё ограниченней, короче
Остаток малый новой ночи,
И снова первый робкий луч
Уже скользит меж завес окон
И трогает, огнист и жгуч,
Царицы сине-черный локон.
Не сонных в спальне луч застал!
Чу! говор, вздохи, поцелуи,

И звонко в искристый фиал,
Опенены, сбегают струи.

— «Клянуся Вакхом! я — не сыт!
Царица! Ты — Андиомена,
Любимица младых харит!
Мне кажется, морская пена
Доныне с ног твоих бежит.
Дай осушить ее устами!
Пред тем как Феб, грозя лучами,
Блеснет, — владычица любви,
Порыв жреца благослови!
Он здесь, коленопреклоненный,
Лобзает, весь горя огнем,
Святыни, спрятанные днем,
И каждый волос благовонный
На теле божеском твоем!»

Он — счастлив, он — безумен страстью,
Он медлить заклинает тьму,
Чтоб до конца упиться властью,
На срок дарованной ему;
Не признавая утомлений,
Творит хотенье из хотений;
Но пресыщенно холодна
На свет зари глядит она.
Довольно! Пробил час. Аврора
Открыла дверь. Помчится скоро
По крутизне лазури Феб.
Она встает...

Но он ослеп,
Он ничего не видит, кроме
Прекрасной груди, рук и плеч,
Он молит, в трепетной истоме,
Опять на мягкий пух прилечь,
О близкой смерти забывая.
Он обречен, но ласки ждет.
И, неохотно уступая,
Как милостыню подавая,
Царица снова предает
Свой стан объятьям распаленным;



Но, внемля клятвам исступленным,
Приемля зной палящих губ,
Она ненужных слов не тратит
И мыслит:

«Он — красив, неглуп,
Он жизнью эту ночь оплатит,
Но почему так чужд мне он?
Простой невольник и Критон,
Мудрец изнеженный, — меж ними
Какая разница? Своими
Лобзаньями, на краткий час,
Они развлечь умеют нас,
И только. В рощах Арголиды
Он воспринял завет Киприды;
Но той же страстью распалит
На рынке купленный Нумид!
Другие, нашими жрецами
Воспитанные в тайном храме,
Объятий странных новизной
На время изумить способны...
Но все — что листья, все — подобны,
Для ночи созданы одной!»

Очнулась, поднялась на ложе.
Он снова припадает к ней,
Он смотрит ей в глаза. Но строже,
Чем прежде, взгляд ее очей.
— «Настало время расставанья».
— «Еще, еще одно лобзанье!»
— «Пора. Сияет в окна день».
— «Нет! Погляди! повсюду тень!»
— «Конец!» Она встает и властно
Идет, чтоб дать условный знак,
Но он влечется сладострастно
За ней, целуя каждый шаг.
— «Помедли! Видишь, я не трачу
Ни мига даром! Пью до дна
Блаженство! Я от счастья плачу,
Что ты была мне суждена.
Чтó Зевс с его безмерной силой!
За весь Олимп я не отдам

Того, что есть, того, что было,
И не завидую богам!»

Одета белым покрывалом,
Она стоит перед кимвалом,
Не отвечает и стучит.
Всё ближе по порфиру плит
Шаги. — «Пока они у двери,
Хоть поцелуй по крайней мере!»
Молчит. — «Хоть раз позволь взглянуть
Мне — на божественную грудь!»
Вошли. Рабы теснятся строем,
Влекут его, но, обратясь,
Он, сладко плача и смеясь,
Любуется ночным покоем...

На двор мощеный за дворцом
Из храмины Критон выходит;
Палач с тяжелым топором
Его на лобный камень взводит.
Но юноша в последний раз
К рассвету простирает руки:
«Постой, палач! В свой смертный час,
За счастье принимая муки,
Хочу приветствовать зарю!
Тебя, о Феб, благодарю!
Ты вовремя на колеснице
Надел лучистый ореол!
Кто эту ночь, как я, провел,
Вдвоем с божественной царицей,
Не может и не должен жить:
Мне больше некого любить!
Пока ты светишь в этом мире,
Гласи сияньем, что нельзя
Блаженней быть, чем ныне я!»
И наклонился он к секире.
Палач ударил, раз и два;
Упала наземь голова,
И струи алые помчались,
И кровью площадь залита...
Но всё ж, казалось, улыбались
У мертвой головы — уста.

6

И третья ночь прошла. Он спит,
Ребенок, страстью истомленный.
Царица, с думой потаенной,
Печально на него глядит.
Так молод! Были так стыдливы
Его невольные порывы,
Так робки просьбы детских глаз!
В ответ на хитрые соблазны
Он лепет повторял бессвязный,
И вспыхивал и быстро гас.
Напрасно ласково учила
Она его игре страстей:
Его неопытная сила
Чуждалась пламенных затей.
Он плакал в буйстве наслаждений,
Страшась изысканных забав,
Потом, обняв ее колени,
Молчал, к возлюбленной припав,
И долго, счастьем умиленный,
Смотрел во взор ее бездонный.

Он спит. Но сонные уста
Так чисты! Так ресницы милы!
Ужели эта красота
Сегодня станет прах могилы?
Какая страшная мечта!

Царица вздрогнула невольно,
Как будто вдруг уязвлена;
Ей жутко, ей почти что больно.
Над спящим тихо склонена,
Касаньем ласковым она
Ребенка будит осторожно:
— «Проснись, мой мальчик, рассвело!»
И на прекрасное чело
Кладет свой поцелуй тревожно.

Он пробуждается. Уже?
Всё вспомнил. Так: чертог, царица,
И в окна бьющая денница,

И он стоит на рубеже...
Воспоминанья жгучей ласки
На миг лицо зажгли; потом
С его ланит сбежали краски:
Он бледен, страшен он лицом.
И сердце царственной блудницы
Внезапной болью стеснено,
И чувства, спавшие давно,
Оживлены в душе царицы,
И двое на лучи денницы,
Равно дрожа, глядят в окно.

И, голос понижая, словно
Кого-то разбудить страшась,
Лепечет быстро и любовно
Царица, к юноше склонясь:
«Мой мальчик! встань, иди за мною!
Я тайный путь тебе открою!
Хочу спасти тебя! Беги!
Есть дверь за северной колонной.
Проход выводит потаенный
У Нила, в поле... Чу! шаги!
Нельзя нам медлить. Я не властна
Нарушить грозный свой обет.
Час минет — и спасенья нет.
Беги!»
Он смотрит. Та — прекрасна;
Божественны ее черты.
И он с волненьем ей: «А ты?»
— «Что я? Беги, пока есть время!»
— «Жить без тебя? Какое бремя!
И дни и годы пустоты!
Беги со мной!» — «Но ты безумен!
Твой зов нелеп и неразумен.
Послушай: дорог каждый миг!
Я всем скажу, что задремала,
Не догадалась, не слыхала,
Что ты в подземный ход проник...».

Она зовет, почти что молит,
Она его войти неволит

В дверь отворенную. Но он,
И слепо счастлив и смущен,
Противится, твердя упорно:
«Беги со мной!» Пред ними ход,
Ведущий вглубь, угрюмый, черный;
Она туда его влечет:
«Спеши! Иль ты себя погубишь!»
А он: «Нет, ты меня не любишь!»
— «Ты позабыл, кто ты, кто я!
Есть у тебя отец, родные.
Живи для них! Сии края
Покинув, удались в чужие...».
И, новой грусти не тая,
Он возражает ей упрямо:
«Не любишь ты! Скажи мне прямо!
И я умру рабом твоим.
Но если... если я любим!
Какое дивное блаженство!
Любовь нам возвратит равенство;
Как боги счастливы, вдвоем
В другие страны мы уйдем!
Иль дорожишь ты багряницей?
Тебя пленяет пышный прах?
Ты будешь для меня царицей
В моей душе, не на словах!
Что знаешь ты? Притворство лести,
Обманы! Я и день и ночь
С тобой единой буду вместе,
Не отходя ни шагу прочь!
Подумай: видеть, просыпаясь,
Черты любимого лица,
И жить вдвоем, не расставаясь,
До вожделенного конца!»

Что может отвечать царица
На детский, на бессвязный бред?
А за стеной шумит столица...
Он — обречен; спасенья нет.
Но юноша, не понимая,
Что значит складка роковая
На лбу царицы, шепчет вновь:
«Бежим! Нас позвала любовь!

Я понял: это — воля Рока!
Меня привел он издалека,
Чтоб вывести тебя!» И вот
Мечтатель, взорами сверкая,
Спешит, царицу побуждая
Сойти за ним в подземный ход.

Но та безумца отстранила.
Ее чело пробороздило
Раздумье тайное. Потом,
Скользнув к своей постели гибко,
Она, с обманчивой улыбкой,
Наполнила бокал вином.
— «Ты — прав! Мне вдруг понятно стало,
Что я тебя лишь ожидала!
Так! Мы бежим из этих зал!
Прочь, злато, ткани и каменья!
Но, уходя, в знак единенья,
Прощальный выпьем мы фиал!»

Он кубок пьет. Она руками
Его любовно обвила,
И снова нежными устами
Коснулась детского чела.
Улыбкой неземного счастья
Он отвечает, будто вновь
Дрожит на лоне сладострастья...
Но с алых губ сбегает кровь,
Взор потухает отененный,
И всё лицо покрыто тьмой...
Короткий вздох — и труп немой
Лежит пред северной колонной.

Закрыв ненужную теперь
Над лестницей подземной дверь,
Царица долго любовалась,
Склонясь к недвижному лицу,
И долго странно улыбалась...
И вдруг, далеко по дворцу
Пронесся медный зов кимвала.
Заслыша им знакомый звон,

Бегут рабы со всех сторон
И раскрывают опахала;
Рабыни выбрали давно
Наряд для утреннего часа;
Уже разубрана терраса,
Над ней алеет полотно...
Всё приготовлено для пира:
Сегодня во дворце своем,
За пышно убранным столом,
Царица встретит триумвира.

И вот идет толпа гостей;
Сверкают шлемы, блещут брони;
И, посреди своих друзей,
Привыкший удивлять царей,
К царице близится Антоний.

Зима 1914 — 25 июля 1916
Варшава — Белосток — Москва

* * *

Летайте, птицы, —
И мы за вами!
Нам нет границы,
И над громами,
Над чернью туч
Челн Человека
Победу века
Гласит, летуч!

Прорезал небо
Руль моноплана,
Соперник Феба!
Глубь океана,
И волны рек,
И воздух горный
Тебе покорны,
О Человек!

1916(?)

ПОСЛЕ НЕУДАЧИ

Надежды рухнули, как строй картонных домиков;
Желанья стелются, как с тусклых углей дым...
Мечты любимые, сонм трагиков и комиков,
Поспешно, в уголке, с лица стирают грим.

Душа затемнена, — пустой партер без зрителей!
Огни погашены, накинуты чехлы...
Статисты скромные, недавние воители,
Торопятся к дверям, мелькнув на миг из мглы.

Что ж дальше? Новые разыскивать трагедии,
Для новых mises en scène разлиновать тетрадь?
Иль, выбрав наскоро в оставленном наследии
Всё ценное, с узлом, как вору, убежать?

Был ясен приговор, и режиссер освистанный
Не должен ли сойти со сцены навсегда?
Над тем, что красотой, божественной и истинной,
Считал он, прозвучал холодный смех суда.

Да, надо уходить... Но дым желаний стелется,
По углям тлеющим взбегает огонек,
И кто-то, кажется, вот-вот сейчас осмелится
Дать знак, — и прозвенит сзывающий звонок!

1917

ЗА ЧТО?

«За что?» — стенали в Мицраиме
Евреи, руки ввысь воздев...
Но с каждым днем неумолимей
Порабощал их божий гнев.

«За что? Грех наших своеволий
Казнишь иль за отцов — детей?»
И длился вопль года, доколе
Не встал Водитель — Моисей.

И тот же стон над нами ныне
Стоит: «За что?» — Ответа нет...
Но, может быть, и к нам в пустыне
С Синая прогремит ответ:

«За что? — За то, что вы терпели,
Дрожа, насилие и гнет;
Не научили — к высшей цели
Стремиться свой родной народ;

Что под бичом самодержавья
Вы пригибались пять веков;
Пред миром, не стыдясь бесславья,
Сносили прозвище рабов;

Что не сомкнулись вы в едином
Порыве — за свободу пасть,
А победив, с чутьем звериным
Свою, в добыче, рвали часть!

За ужас долгого позора,
За дни презренья к малым сим,
За грех безволья и раздора —
Сегодня целый край казним!

Бьет срок — сплотиться, чтобы новый
Вождь, тот, пред коим где-нибудь
Теперь пылает куст терновый,
Обрел готовых в трудный путь».

2 января 1918

* * *

Народные вожди! вы — вал, взметенный бурей
И ветром поднятый победно в вышину.
Вкруг — неумолчный рев, крик разъяренных фурий,
Шум яростной волны, сшибающей волну;

Вкруг — гибель кораблей: изломанные снасти,
Обломки мачт и рей, скарб жалкий, и везде
Мельканье чьих-то тел — у темных сил во власти,
Носимых горестно на досках по воде!

И видят, в грозный миг, глотая соль, матросы,
Как вал, велик и горд, проходит мимо них,
Чтоб грудью поднятой ударить об утесы
И дальше путь пробить для вольных волн морских!

За ним громады волн стремятся, и покорно
Они идут, куда их вал влечет идти:
То губят вместе с ним под твердью грозно-черной,
То вместе с ним творят грядущему пути.

Но, морем поднятый, вал только морем властен,
Он волнами влеком, как волны он влечет —
Так ты, народный вождь, и силен и прекрасен,
Пока, как гребень волн, несет тебя — народ!

1918

ПРИЗНАНИЕ

Я — междумирок. Равен первым,
Я на собраньи знати — пэр,
И каждым вздохом, каждым нервом
Я вторю высшим духам сфер.

Сумел мечтами подсмотреть я
Те чувства, что взойти должны,
Как пышный сев, спустя столетья, —
Но ныне редким суждены!

Но создан я из темной глины,
На мне ее тяжелый гнет.
Пусть я достиг земной вершины, —
Мой корень из низин растет.

Мне Гете — близкий, друг — Вергилий,
Верхарну я дарю любовь...
Но ввысь всходил не без усилий —
Тот, в жилах чьих — мужичья кровь.

Я — твой, Россия, твой по роду!
Мой предок вел соху в полях.

Люблю твой мир, твою природу,
Твоих творящих сил размах!

Поля, где с краю и до краю
Шел «в рабском виде» царь небес,
Любя, дрожа, благословляю:
Здесь я родился, здесь воскрес!

И там, где нивы спелой рожью
Труду поют хвалу свою,
Я в пахаре, с любовной дрожью,
Безвестный, брата узнаю!

1918

* * *

Слепой циклон, опустошив
Селенья и поля в отчизне,
Уходит вдаль... Кто только жив,
С земли вставай для новой жизни!

Тела разбросаны вокруг...
Не время тосковать на тризне!
Свой заступ ладь, веди свой плуг, —
Пора за труд — для новой жизни!

Иной в час бури был несмел:
Что пользы в поздней укоризне?
Сзывай работать всех, кто цел, —
Готовить жатву новой жизни!

Судьба меняет часто вид,
Лукавой женщины капризней,
И ярче после гроз горит
В лазури солнце новой жизни!

На души мертвые людей
Живой водой, как в сказке, брызни:
Зови! буди! надежды сей!
Сам верь в возможность новой жизни.

1918

* * *

Парки бабье лепетанье
Жутко в жуткой тишине...
Что оно пророчит мне —
Горечь? милость? испытанье?
Темных звуков нарастанье
Смысла грозного полно.
Чу! жужжит веретено,
Вьет кудель седая пряха...
Скоро ль нить мою с размаха
Ей обрезать суждено!

Спящей ночи трепетанье
Слуху внятно... Вся в огне
Бредит ночь в тревожном сне.
Иль ей грезится свиданье,
С лаской острой, как страданье,
С мукой пьяной, как вино? —
Всё, чего мне не дано!
Ветви в томности трепещут,
Звуки страстным светом блещут,
Жгут в реке лучами дно.

Ночь! зачем глухой истомой
Ты тревожишь мой покой?
Я давно сжился с тоской.
Как бродяга в край искомый,
Я вошел в наш мир знакомый,
Память бедствий сохраня.
В шумах суетного дня
Я брожу с холодным взглядом,
И со мной играет рядом
Жизни мышья беготня.

Я иду в толпе, ведомый
Чьей-то гибельной рукой, —
Как же в плотный круг мирской
Входит призрак невесомый?
Знаю: как сухой соломой
Торжествует вихрь огня,

Так, сжигая и казня,
Вспыхнет в думах жажда страсти...
Ночь! ты спишь! но чарой власти
Что тревожишь ты меня!

1918

ВТОРОЙ ВЕНОК СОНЕТОВ

I. Атлантида

Над буйным хаосом стихийных сил
Зажглось издревле Слово в человеке:
Твердь оживили имена светил,
Злак разошелся с тварью, с сушей — реки.

Врубаясь в мир, ведя везде просеки,
Под свист пращи, под визги первых пил,
Охотник, пастырь, плужник — кто чем был —
Вскрывали части тайны в каждом веке.

Впервые светоч из священных слов
Зажгли Лемуры, хмурые гиганты;
Его до неба вознесли Атланты.

Он заблистал для будущих веков,
И с той поры всё пламенней, всё шире
Сияла людям Мысль, как свет в эфире.

II. Халдея

Сияла людям Мысль, как свет в эфире:
Ее лучи лились чрез океан —
Из Атлантиды в души разных стран;
Так луч зенита отражен в надире!

Свет приняли — Китай и Индостан,
Края эгейцев и страна Наири,
Он просверкал у Аймара́ и в Тире,
Где чтим был Ягве, Зевс и Кукулкан.

И ярко факел вспыхнул в Вавилоне;
Вещанья звезд прочтя на небосклоне,
Их в символы Семит пытливый влил.

Седьмица дней и Зодиак — идеи
Пребудут знаком, что уже в Халдее
Исканьем тайн дух человека жил.

III. Египет

Исканьем тайн дух человека жил,
И он сберег Атлантов древних тайны
В стране, где, просверлив песок бескрайный,
Поит пустыню многоводный Нил.

Терпенье, труд, упорный, чрезвычайный,
Воздвигли там ряд каменных могил,
Чтоб в них навек зов истины застыл:
Их формы, грани, связи — не случайны!

Египет цели благостной достиг.
Хранят поныне плиты пирамиды
Живой завет погибшей Атлантиды.

Бог Тот чертил слова гигантских книг,
Чтоб в числах три, двенадцать и четыре
Мощь разума распространялась в мире.

IV. Эллада

Мощь разума распространялась в мире —
Египет креп, как строгое звено,
Но было людям жизнь понять дано
И в радости: в резце, в палитре, в лире.

Влилась в века Эллада, как вино, —
В дворцовой фреске, в мраморном кумире,
В живом стихе, в обточенном сапфире,
Явя, что было, есть и суждено.

Но, строя храмы, вознося колонны,
Могла ль она забыть зов потаенный,
Что край Озириса ей повторил?

Шел Эллин к знанью по пути мистерий —
Но дух народа блеск давал и вере,
Прекрасен, светел, венчан, златокрыл.

V. Эллинизм и Рим

Прекрасен, светел, венчан, златокрыл
Цвел гений Греции. Но предстояло
Спаять в одно — халдейские начала
И мысли эллинской священный пыл.

Встал Александр! Всё ж Року было мало
Фалангой всюду созданных горнил;
И вот, чтоб Рим весь мир объединил,
Медь грозных легионов застонала.

В те дни, как Азия спешила взять
Дар Запада, и каждый край, как призма,
Лил, преломляя, краски эллинизма,

К завоеванью всей вселенной — рать
Вел Римлянин; при первом триумвире
Он встал, как царь, в торжественной порфире.

VI. Римская империя

Он встал, как царь, в торжественной порфире,
Укрыв под ней весь мировой простор,
От скал Сахары до Шотландских гор,
От врат Мелькарта до снегов Сибири.

Столетий и племен смиряя спор,
Сливая голоса в безмерном клире,
Всем дав участье на вселенском пире,
Рим над землей свое крыло простер.

Все истины, что выступали к свету, —
Под гул побед, под сенью римских прав,
Переплавлялись властно в новый сплав.

Вела империя работу эту,
Хоть вихрь порой величья не щадил,
Хоть иногда лампады Рок гасил.

VII. Переселение народов

Хоть иногда лампады Рок гасил,
Рим до конца исполнил труд владыки.
Он был свершен, когда, под вопль и крики,
Сонм варваров империю свалил.

Народы хлынули, свирепы, дики;
Мрак разостлался, тягостен, уныл;
Казалось: луч наук навек почил,
И тщетно трон свой высил Карл Великий.

Но в мгле крушений отблеск золотой
Искал путей, везде сверкал мечтой,
Под стук мечей, под грозный скок валькирий.

Меж камней, бывших кесарских палат,
Под робкий свет монашеских лампад
Дух знанья жил, скрыт в тайном эликсире.

VIII. Средние века

Дух знанья жил, скрыт в тайном эликсире,
Поя целебно мутный мрак веков.
Пусть жизнь была сплошной борьбой врагов,
Пусть меч звенел в бою и на турнире —

Искал алхимик камень мудрецов,
Ум утончался в преньях о вампире,
Познать творца пытался богослов —
И мысль качала мировые гири.

Монах, судейский, рыцарь, менестрель —
Все смутно видели святую цель,
Хоть к ней и шли не по одной дороге.

В дни ужасов, огня, убийств, тревоги
Та цель сияла, как звезда; она
Во все века жила, затаена.

IX. Возрождение

Во все века жила затаена
И жажда светлых, благостных веселий.
Настали сроки: струны вновь запели,
И краски вновь зардели с полотна.

Из дряхлой Византии в жизнь — весна
Вошла, напомнив о любви, о теле;
В своих созданьях Винчи, Рафаэли
Блеск бытия исчерпали до дна.

Те плыли за Колумбом в даль Америк,
Те с Кортецом несли на чуждый берег
Крест, чтоб с ним меч победно пронести.

Стремились все — открыть, изобрести,
Найти, создать... Царила в эти годы
Надежда — вскрыть все таинства природы.

X. Реформация

Надежда — вскрыть все таинства природы —
Мир к высшей тайне привела, — и бог
Восстал над бурей будничных тревог,
Над сном народов, над игрушкой моды.

За громом Лютера прошли походы
Густава, Тилли; снова сумрак, строг,
Окутал землю, и военный рог
К войне за веру звал из рода в роды.

Промчался Кромвель; прогремела Ночь
Варфоломея; люди в пытках гибли;
Стал дыбой — крест, костром — страницы
библий.

Но Истина, исканий смелых дочь,
Жива осталась в вихрях непогоды;
К великой цели двигались народы.

XI. Революция

К великой цели двигались народы.
Век философии расцвел, отцвел;
Он разум обострил, вскрыл глуби зол
И людям вспыхнул маяком свободы.

Упали с гулом вековые своды,
Был свергнут в бездну старый произвол,
Поток идей разлился, словно воды,
Что в марте затопляли луг и дол.

Гудели волны буйного потока,
Ученье братства разнеся широко,
Под знамя воли клича племена.

Бороться с правдой силился напрасно
Державный Север: под зарницей красной,
Шумя, Европу обняла война.

XII. Наполеон

Шумя, Европу обняла война,
Гласят: «Мир хижинам и гибель тронам!»
Пусть эта брань потом Наполеоном,
В дыму побед, была усмирена.

Навек осталась вскрытой глубина;
Над ней теперь гудело вещим звоном —
Всё то, об чем шептали лишь ученым
Намеки книг в былые времена.

Ваграм и Дрезден, Аустерлиц и Йена,
Вы — двух начал таинственная смена:
Толпе открыли вы свободный путь.

Народ рванулся ветром тайн дохнуть...
Но не давал дышать им в полной мере
Всё ж топот армий, гулы артиллерий.

XIII. Девятнадцатый век

Всё ж топот армий, гулы артиллерий
Затихли: смолк войны зловещий звон;
И к знанью сразу распахнулись двери,
Природу человек вдруг взял в полон.

Упали в прах обломки суеверий,
Наука в правду обратила сон:
В пар, в телеграф, в фонограф, в телефон,
Познав составы звезд и жизнь бактерий.

Античный мир вел к вечным тайнам нить;
Мир новый дал уму власть над природой;
Века борьбы венчали всех свободой.

Осталось: знанье с тайной съединить.
Мы близимся к концу, и новой эре
Не заглушить стремленья к высшей сфере.

XIV. Мировая война XX века

Не заглушить стремленья к высшей сфере
И буре той, что днесь шумит кругом!
Пусть вновь все люди — злобный враг с врагом,
Пусть в новых душах вновь воскресли звери.

На суше, в море, в вольной атмосфере,
Везде — война, кровь, выстрелы и гром...
Рок ныне судит неземным судом
Позор республик лживых и империй!

Сквозь эту бурю истина пройдет,
Народ свободу полно обретет
И сам найдет пути к мечте столетий!

Пройдут бессильно ужасы и эти,
И Мысль взлетит размахом мощных крыл
Над буйным хаосом стихийных сил!

XV. Заключение

Над буйным хаосом стихийных сил
Сияла людям Мысль, как свет в эфире,
Исканьем тайн дух человека жил,
Мощь разума распространялась в мире.

Прекрасен, светел, венчан, златокрыл,
Он встал, как царь, в торжественной порфире.
Хоть иногда лампады Рок гасил,
Дух знанья жил скрыт в дивном эликсире.

Во все века жила, затаена,
Надежда — вскрыть все таинства природы,
К великой цели двигались народы.

Шумя, Европу обняла война...
Всё ж топот армий, громы артиллерий
Не заглушат стремленья к высшей сфере.

1918 (?)

ВСТУПЛЕНИЕ К АВТОБИОГРАФИИ

Жизнь кончена, я это сознаю,
Нет больше целей, нет надежд свободных,
Пора пересказать всю жизнь свою
В стихах неспешных, сжатых и холодных.
Мне — сорок шесть. За эти годы я
Людей значительных встречал немало
(Меж ними были и мои друзья),
Судьба меня нередко баловала,

Я видел много стран, и сквозь окно
Три революции мог наблюдать я жадно,
Испить любовь мне было суждено
И все мученья страсти беспощадной.
И всё прошло, и всё я пережил,
И многих нет, с кем я сидел на пире...
Смотрю спокойно на ряды могил
И больше ничего не жду я в мире.

20 марта 1919

ТРУД

В мире слов разнообразных,
Что блестят, горят и жгут, —
Золотых, стальных, алмазных, —
Нет священней слова: «труд!»

Троглодит стал человеком
В тот заветный день, когда
Он сошник повел к просекам,
Начиная круг труда.

Всё, что пьем мы полной чашей,
В прошлом создано трудом:
Всё довольство жизни нашей,
Всё, чем красен каждый дом,

Новой лампы свет победный,
Бег моторов, поездов,
Монопланов лёт бесследный.
Всё — наследие трудов!

Все искусства, знанья, книги —
Воплощенные труды!
В каждом шаге, в каждом миге
Явно видны их следы.

И на место в жизни право
Только тем, чьи дни — в трудах:
Только труженикам — слава,
Только им — венок в веках!

Но когда заря смеется,
Встретив позднюю звезду, —
Что за радость в душу льется
Всех, кто бодро встал к труду!

И, окончив день, усталый,
Каждый щедро награжден,
Если труд, хоть скромный, малый,
Был с успехом завершен!

1919

* * *

Я доживаю полстолетья,
И на событья всё ясней
Могу со стороны смотреть я,
Свидетель отошедших дней.

Мое мечтательное детство
Касалось тех далеких лет,
Когда, как светлое наследство,
Мерцал «реформ» прощальный свет.

И, мальчик, пережил, как быль, я
Те чаянья родной земли,
Что на последние усилья
В день марта первого ушли.

Потом упала ризой черной
На всю Россию темнота,
Сдавила тяжко и позорно
Всех самовластная пята.

Я забывал, что снилось прежде,
Я задыхался меж других,
И верить отвыкал надежде,
И мой в неволе вырос стих.

О, как забилось сердце жадно,
Когда за ужасом Цусим

Промчался снова вихрь отрадный
И знамя красное за ним!

Но вновь весы судьбы качнулись,
Свободы чаша отошла,
И цепи рабства протянулись,
И снова набежала мгла.

Но сердце верило... И снова
Гром грянул, молнии зажглись,
И флаги красные сурово
Взвились в торжественную высь.

Простой свидетель, не участник,
Я ждал, я верил, я мечтал...

1919 (?)

* * *

Что день, то сердце всё усталей
Стучит в груди; что день, в глазах —
Тусклей наряд зеленых далей,
И шум, и смутный звон в ушах;

Всё чаще безотчетно давит,
Со дна вставая, душу грусть,
И песнь, как смерть от дум избавит,
Пропеть я мог бы наизусть.

Так что ж! Еще работы много,
И всё не кончен трудный путь.
Веди ж вперед, моя дорога,
Нет, всё не время — отдохнуть!

И под дождем лучей огнистых,
Под пылью шумного пути
Мне должно, мимо рощ тенистых,
С привала на привал идти.

Не смею я припасть к фонтану,
Чтоб освежить огонь лица,

Но у глухой судьбы не стану
Просить пощады — до конца!

Путем, мной выбранным однажды,
Без ропота, плетясь, пойду,
И лишь взгляну, томясь от жажды,
На свежесть роз в чужом саду.

1919

* * *

Я вырастал в глухое время,
Когда весь мир был глух и тих.
И людям жить казалось в бремя,
А слуху был ненужен стих.

Но смутно слышалось мне в безднах:
Невнятный гул, далекий гром,
И топоты копыт железных,
И льдов тысячелетних взлом.

И я гадал: мне суждено ли
Увидеть новую лазурь,
Дохнуть однажды ветром воли
И грохотом весенних бурь.

Шли дни, ряды десятилетий.
Я наблюдал, как падал плен.
И вот предстали в рдяном свете,
Горя, Цусима и Мукден.

Год пятый прошумел, далекой
Свободе открывая даль.
И после гроз Войны жестокой
Был Октябрем сменен Февраль.

Мне видеть не дано, быть может,
Конец, чуть блещущий вдали,
Но счастлив я, что был мной прожит
Торжественнейший день земли.

Март 1920

* * *

Если ты сам догадаться не мог,
Опыт научит, спокоен и строг.

Жизнь откровения даст не спеша,
Время добавит, усами шурша.

Все они трое, как будто любя,
Маску наденут в тиши на тебя.

Сами завяжут бессменный шнурок,
Сами подскажут знакомый урок.

Надо под маской все помыслы крыть,
Надо под маской все чувства таить...

Знает ли кто, как в душе иногда
Ропщет восторг и смеется вражда,

Знает ли кто, как над книгой порой
Хочется плакать, клонясь головой?

Нет, разве жизнь романтичная сказка?
Держится прочно холодная маска.

6 июня 1920

* * *

Пусть вечно милы посевы, скаты,
Кудрявость рощи, кресты церквей,
Что в яркой сини живут, сверкая, —
И всё ж деревня, прощай, родная!
Обречена ты, обречена ты
Железным ходом судьбы своей.

Весь этот мирный, весь этот старый,
Немного грубый, тупой уклад
Померкнуть должен, как в полдень брачный
Рассветных тучек узор прозрачный.

Уже, как громы, гудят удары,
Тараны рока твой храм дробят.

Так что ж! В грядущем прекрасней будет
Земли воскресшей живой убор.
Придут иные, те, кто могучи,
Кто плыть по воле заставят тучи,
Кто чрево пашни рождать принудят,
Кто дланью сдавят морской простор.

Я вижу — фермы под вязью кленов;
Извивы свежих цветных садов;
Разлив потоков в гранитах ярок
Под легкой стаей моторных барок;
Лес, возращенный на мудрых склонах,
Листвы гигантской сгущает кров.

Победно весел в блистаньи светов,
Не затененных ненужной мглой,
Труд всенародный, труд хороводный,
Работный праздник души свободной,
Меж гордых статуй, под песнь поэтов,
Подобный пляске рука с рукой.

Ступив на поле, шагнув чрез пропасть,
Послушны чутко людским умам,
В размерном гуле стучат машины,
Взрывая глыбы под взмах единый,
И, словно призрак, кидают лопасть
С земли покорной ввысь, к облакам.

22 июля 1920

БОЛЕЗНЬ

Демон сумрачной болезни
Сел на грудь мою и жмет.
Всё бесплодней, бесполезней
Дней бесцветных долгий счет.

Ночью сумрак мучит думы,
Утром светы множат грусть.

За окном все гулы, шумы
Знаю, помню наизусть.

То, что прежде так страшило,
Стало близким и простым:
Скоро новая могила
Встанет — с именем моим.

Что ж! порвать давно готов я
Жизни спутанную нить, —
Кончив повесть, послесловья
Всем понятного не длить.

Только жаль, мне не дождаться
До конца тех бурь слепых,
Что гудят, летят, крутятся
Над судьбой племен земных.

Словно, бывши на спектакле,
Пятый акт не досмотреть
И уйти... Куда? — во мрак ли,
В свет ли яркий? ..
Мысль, ответь.

1920

* * *

Когда стоишь ты в звездном свете,
Смотря на небо, не забудь,
Что эти звезды, блестки эти
И те, что слиты в Млечный Путь, —

Всё это — солнца огневые,
Как наше солнце, и кругом
Плывут шары земель, — такие,
Как шар земной, где мы живем.

В просторном океане неба,
Как в жизни нашей, — тот же круг;
Там тот же бодрый труд для хлеба,
Та ж радость песен и наук.

1920

БУНТ

В огне ночном мне некий дух предрек:
«Что значит бунт? — Начало жизни новой.
Объято небо полосой багровой,
Кровь метит волны возмущенных рек.

Великим днем в века пройдет наш век,
Крушит он яро скрепы и основы,
Разверста даль; приять венец готовый,
В сиянье братства входит человек.

Дни просияют маем небывалым,
Жизнь будет песней; севом злато-алым
На всех могилах прорастут цветы.

Пусть пашни черны; веет ветер горний;
Поют, поют в земле святые корни, —
Но первой жатвы не увидишь ты!»

1920 (?)

* * *

Последние дымы войны
Еще стелются в газетах,
Вековечные сны
Плоть принимают в декретах,
В каждом дне — затаенный гром,
И на всё кругом
Новая маска надета.

А где-то,
В переулке,
На продажу заколоты белые булки,
Из корзины таращит глаза сирень,
А ночью в сквериках,
Прижавшись в тень,
Двое бессонных
Влюбленных
Открывают Америки.

1921

* * *

Созвучья слова не случайны!
Пусть связь речений далека,
В ней неразгаданные тайны
Всегда живого языка.

К словам от слов, от мысли к мысли
Сплетенье верных рифм ведет;
И строфы, как гирлянды, свисли
Над глубиной прозрачных вод.

В заветной правде отражений
Удвоены, углублены —
Все истины земных стремлений,
Все наши праведные сны.

Поэт, живи в волнах созвучий,
Лови их радость на лету,
Чтоб, в звонких песнях, стих певучий
Замкнул крылатую мечту.

Ограждена двоякой гранью,
Бессмертью возвращенный прах,
Она смущенному сознанью
Сияет радугой в веках!

1922

БУДУЩЕЕ

Будущее!
Интереснейший из романов!
Книга, что мне не дано прочитать!
Край, прикрытый прослойкой туманов!
Храм, чья стройка едва начата!

1922 (?)

ШАРМАНКА

Не запела, застонала,
Заскрипела то, что знала
И забыла, — быль иль сон?

Песня — вздохи, пляска — стон:
Скорбный вопль за блеском бальным,
Вальс в напеве погребальном...
Вздрогнет, охнув, ржавый вал,
Кашель старческий обронит, —
И мазуркой вновь хоронит,
Плачем правит карнавал.

Наших бабушек приманка,
Как ты, шамкая, шарманка,
До трамваев дожила?
Краска с ящика сошла,
Доски гнилы, слева, справа;
Лишь на створке — немец бравый,
В шляпе — длинное перо.
Петь ты хочешь дряхлым хрипом,
Но, под полинялым трипом,
Ох, скрипит, болит нутро!

Звуки, словно в стужу, дрогнут.
А старик, над старой согнут,
Вертит, вертит рукоять...
Эй, бедняк! чего стоять!
Все — кто в кино, кто на даче...
Или ты не ждешь подачи,
Нищий мейстер? — что́ пятак!
Только б стоном удлиненным
Жить в былом, в похороненном:
Плакать можно ведь и так!

16 июня 1924

DOLCE FAR NIENTE[1]

Под столетним кедром тени...
Tertia Vigilia, 1900 г.

И после долгих, сложных, трудных
Лет, — блеск полуденных долин,
Свод сосен, сизо-изумрудных,
В чернь кипарисов, в желчь маслин;

[1] Блаженное безделье (итал.). — *Ред.*

И дали моря зыбь цветная,
Всех синих красок полукруг,
Где томно тонет сонь дневная,
Зовя уснуть — не вслух, не вдруг...

Расплавлен полдень; зорь аркады,
Приблизясь, шлют ручьи огня...
Но здесь трещат, как встарь, цикады,
И древний кедр признал меня.

Щекой припасть к коре шершавой,
Вобрать в глаза дрожанья вод...
Чу! скрипнул ключ, издавна ржавый,
Дверь вскрыта в сон былой, — и вот,

Пока там, в море, льются ленты,
Пока здесь, в уши, бьет прибой,
Пью снова dolce far niente
Я, в юность возвращен судьбой.

8 июля 1924

ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ

Он в старой раме, с блеклыми тонами,
В губах усмешка, взгляд лукав и строг,
И, кажется, везде следит за нами,
Чуть в комнату вступаешь на порог.

Прическа старомодна, но в сверканьи
Зрачков — не тайна ль тайн затаена?
Чем пристальней глядишь на их мельканье,
Тем явственней, что говорит она:

«Нет, только нас поистине любили,
И дать любовь умеем только мы.
Прошла весна, и землю зазнобили
Холодные предвестники зимы.
Вы не любви, вы ищете победы,
Мужскую робость шумом слов прикрыв,
Каким презреньем встретили бы деды
Всю вашу страсть, весь жалкий ваш порыв!»

23 августа 1924

ПАРОДИИ И ЭПИГРАММЫ

НА К. Д. БАЛЬМОНТА

Я испанец, я в болеро, шпагой мой украшен бок,
Если б я вонзать кинжалы в севильянок вечно мог!
Мой отец был инквизитор, жаждой крови я в отца.
Вижу Солнце, Солнце, Солнце, Солнце, Солнце.
Нет конца.

Август 1900

НА З. ГИППИУС

Я знаю удовольствие смерти,
Но еще пожить я хочу.
Мне новое платье примерьте
С крылышками — и я улечу.

Я дорогой иду непрохожей,
Но знаю, дух мой высок!
Мы с тобой, о боже, похожи,
За что же ко мне ты строг!

Я боюсь удовольствий смерти,
Жить, о, жить я хочу!
С крылышками мне платье примерьте,
И, дрожа, я отдамся лучу.

Август — сентябрь 1900

НА СЕБЯ

Я — фараон. Я жил на свете.
В Египте занимал я трон.
Тому уж двадцать пять столетий,
Как умер я. Я — фараон.

1900

‹ЭПИГРАММЫ›

Ф. Сологуб

Твои глаза, конечно, зорки,
Ты беса мелкого узрел,
Но ах! зачем же прелесть порки
В своих поэмах ты воспел.

К. Бальмонт

Он был поистине поэт
(Порою — мило неприличен),
Черт дернул ехать в Новый Свет,
И стал косноязычен.

В. Брюсов

Сам себе в солдатский ранец
Царский скиптр подбросил — он
В мире рифм воссел на трон —
Царь иль Самозванец?

Муж, желающий зело
Вид иметь гиганта,
И в его стихах стекло
Вроде бриллианта.

А. Блок

Не писал бы ты статей
О интеллигенции:
Ты в стихах поэт, ей-ей,
Но плохи твои сентенции.

18—19 января 1910

ПРОПОВЕДНИКУ «МИГА»

Те же слова ты твердишь, что твердил назад лет пятнадцать,
Так же восторженно ты — «мигом живите!» — зовешь.
Но почему ж этот миг продлился на долгие годы?
Жизни текучей пророк, мумией кажешься ты.

1910 (?)

AVE, FUNIS, SPES UNICA[1]

Всю жизнь ищу мистическую мяту,
Вся жизнь моя — хожденье по канату.

Но в высоте той мяты нет и нет,
И я надел безмолвия жилет.

Ты, кто, как я, в тоске предмирной замер,
Кто испытал святыни Katzen-Jammer,[2]

Взойди, как я, на Ницшевский канат,
И, поздний, жди, вперяя взор назад.

1911 (?)

М. А. КУЗМИН

Что в легкомыслии есть мудрость,
В поверхностности — глубина,
Доказывает чернокудрость
Нам Михаила Кузмина.

1913 (?)

---

[1] Приветствую тебя, канат, единственная надежда (лат.). — *Ред.*
[2] Похмелье (нем.). — *Ред.*

* * *

На Сологубе Федоре
Учитесь, лодыри,
Не тратить сил.
Он долго не упорствовал,
Полукоморствовал
И прекратил.

8 апреля 1916

Ю. И. АЙХЕНВАЛЬДУ

Из Пушкина — одна мила ему цитата:
«Поэзия должна быть глуповата».
Поэтов судит он, на похвалы нескуп:
Хорош, кто глуповат, негоден, кто неглуп.

1916

НА Б. А. САДОВСКОГО

На портретике — кудрявый,
В сладеньких поэмках — лыс,
Шествует по храму славы
Садовской Борис.

1916

К. Д. Б.

Будем как солнце! И диск восходящий
Брызнул лучами на весь горизонт...
Вечер настал. И сквозь дождь моросящий
Тусклым пятном догорает Бальмонт.

1916 (?)

ПАРОДИЯ СТИХОВ В. ШЕРШЕНЕВИЧА

Мое сердце — выгребная яма,
Где огрызки, обрезки и жижа,
Но не сробеет она пред блистательным храмом,
Где над раками жемчуги золото нижет.

Как великолепны эти отбросы,
Когда солнце надевает красную феску:
Слоновой кости фаллос — этот окурок папиросы,
Эта картофельная шелуха похожа
на соблазнительную арабеску!

Стоцветно-радужно сияют помои,
Пузыри над ними — новым эдемом!
Это мы нашу поэзию строим,
Это наши имажинистические поэмы!

Читатель! не проклинай трикраты,
Не плюй в мое сердце, в яму эту;
Это всё — твоей жизни результаты,
Твою душу тебе возвращают поэты.

25 сентября 1920

В СТИЛЕ Ф. СОЛОГУБА

Не говори мне о длиннотах
Жирафьих лап,
В их льстиво-ласковых заботах
Мой дух ослаб.

И если луг весенний зелен,
Будь смелой, ведь
Для нас двоих в углу постелен
В меху медведь.

Поверь на медведе двуспальном
Моим мечтам!
И пусть бредет в песке опальном
Гиппопотам.

9 февраля 1923

ПЕРЕВОДЫ

ПЕНТАДИЙ

О ПРИБЛИЖЕНИИ ВЕСНЫ

Да, убегает зима! оживляют землю зефиры,
 Эвр согревает дожди. Да, убегает зима!
Всюду чреваты поля; жары предчувствует почва.
 Всходами новых семян всюду чреваты поля.
Весело пухнут луга, листвой оделись деревья.
 По открытым долам весело пухнут луга.
Плач Филомелы звучит; преступной матери пени,
 Сына отдавшей во снедь, плач Филомелы звучит.
Буйство потока в горах стремится по вымытым камням,
 И надалёко гудит буйство потока в горах.
Тысячи тысяч цветов творит дыханье Авроры.
 Дышат во глуби долин тысячи тысяч цветов.
Стонет в ущельях пустых овечьим блеяньем эхо.
 Звук, отраженный скалой, стонет в ущельях пустых.
Вьется младой виноград, меж двух посаженный вязов,
 Вверх по тростинке лозой вьется младой виноград.
Клеит под крышей опять говорливая ласточка утром,
 Строя на лето гнездо, клеит под крышей опять.
Где зеленеет платан, в тени, услаждает дремота;
 Надевают венки, где зеленеет платан.
Сладко теперь умереть! нити жизни, сорвитеся с прялки!
 В милых объятьях любви сладко теперь умереть!

Май 1907, <1910>

НАРЦИСС

Тот, чей отец был поток, любовался водами мальчик,
И потоки любил — тот, чей отец был поток.
Видит себя самого, отца увидеть мечтая,
В ясном, зеркальном ручье видит себя самого.
Тот, кто дриадой любим, над этой любовью смеялся,
Честью ее не считал — тот, кто дриадой любим.
Замер, дрожит, изумлен, любит, смотрит, горит,
вопрошает,
Льнет, упрекает, зовет, замер, дрожит, изумлен.
Кажет он сам, что влюблен, ликом, просьбами, взором,
слезами,
Тщетно целуя поток, кажет он сам, что влюблен.

<1910>

МОГИЛА АЦИДА

Ацида здесь — на вершине горы — ты видишь гробницу
И бегущий поток там, у подножья холмов?
В них остается доныне память о гневе циклопа,
В них и печаль и любовь, светлая нимфа, твои!
Но, и погибнув, лежит он здесь, погребен, не без славы;
Имя его навсегда шумные волны стремят.
Здесь он еще пребывает, и кажется нам, он не умер:
Чья-то лазурная жизнь зыблется в ясной воде.

<1910>

АВСОНИЙ

О ИМЕНИ НЕКОЕГО ЛЮЦИЯ, ВЫРЕЗАННОМ НА МРАМОРЕ

Буква одна блестит, отделенная парою точек:
Одинокая L имя дает угадать.
Дальше выбита М, да М, но не вся уцелела,
Камня упавшим куском верх у нее поврежден.

И, здесь кто погребен, Метелл, иль Марций, иль Марий,
Достоверно узнать не суждено никому.
Спутаны все элементы, лежат в случайных осколках,
Ничего не прочесть в этих бессвязных значках.
Смерти людей удивляться ль? и мраморный памятник гибнет,
Смертный день для камней и для имен настает!

4 февраля 1910

РОЖДЕНИЕ РОЗ

Это было весной, и ласково, колющим хладом
Веял день, возвращен алой рукою зари.
Ветер, свежий еще, предшествуя коням Авроры,
Упредить призывал зноем пылающий день.
Я бродил по дорожкам в саду, через все перекрестки,
Чтоб усладиться вполне раннего утра порой.
Видел я, как роса, замерзшая в иней, висела
Там на никлой траве, здесь на стеблях овощей,
Как на широких кочнах играли округлые капли,
Отяжелевшие вновь весом небесной воды.
Видел я, как смеялись розы, Пестума дети,
Орошены росой, с утренней новой звездой;
Как на росистых кустарниках редкие перлы белели,
Осуждены на смерть, в свете всходящего дня.
Кто угадает: Аврора румянец ли роз похищает,
Или дает, и заря злостью красит цветы?
Та же роса, тот же цвет, и утро то ж у обеих,
У звезды и цветов: мать их, Венера, одна!
Может быть, сходен и их аромат? но в далях воздушных
Свой развевает заря, ближний нам легче вдыхать.
Общая им — цветам и звездам — богиня Киприда
Повелела иметь тот же пурпуровый плащ!

Миг подходил, когда цветов напухшие почки
Быстро, одна за другой, были раскрыться должны.
Та зеленеет, покрыта листиков шапочкой тесной.
Та через тоненький лист красный являет намек.
Гордый та раскрывает верх своего обелиска,
Освободив острие алой своей головы.

С темени та совлекает сборки лишней одежды,
 В жажде себя проявить сотней своих лепестков,
И поспешает раскрыть богатство смеющейся чаши,
 Выставляя ряды алых, сомкнутых кругов.
Та, что горела огнем волос багряных недавно,
 Бледная, вот обмерла, сонм лепестков обронив...

Я дивился, как быстро грабит бегущее время,
 Видя, как блекли цветы, еле успевши расцвесть.
Вот, пока говорю, опали червленные кудри
 Пурпурной розы: земля красным обрызгана вкруг.
Все эти виды, и эти рожденья, и все измененья
 День их единый явил, кончил единый их день!
Как мы жалеем, Природа, что прелесть цветов так мгновенна:
 Чуть их взорам явив, ты похищаешь дары.
День сколько длится единый — жизнь столько длится для розы:
 К юности ранней ее краткая старость близка.
Ту, чье рожденье встречала только что алая Эос,
 Вечером возвратясь, видит старухой она.
Но им назначено пусть погибнуть в короткое время:
 Сами они, уходя, род свой стремятся продлить!
Дева! розы сбирай, пока новы, пока молода ты:
 Помни, что возраст и твой столь же поспешно летит!

<1911>

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА

СОНЕТ

Благословен тот вечер, месяц, год,
То время, место, та страна благая,
Тот край земной, тот светлый миг, когда я
Двух милых глаз стал пленник в свой черед.

Благословенна ты, боль роковая,
Что бог любви нам беспощадно шлет,
И лук его, и стрел его полет,
Разящих сердце, язвы растравляя.

Благословенны речи все, где я
Ее назвал, печали не тая,
Желанья все, все жалобы, все стоны!

Благословенны вы, мои канцоны,
Ей спетые, все мысли, что с тоской
Лишь к ней неслись, к ней, только к ней одной.

3 декабря 1920

С ФРАНЦУЗСКОГО

ЭКУШАР ЛЕБРЕН

ОДА

Анакреон, ты люб был девам,
Старик восьмидесяти лет,
И Граций хор, пленен напевом,
Тебя венком венчал, поэт.

И Пиндар, лебедь Беотийский,
Пройдя столетия предел,
То славил праздник Олимпийский,
То о любви протяжно пел.

Софокла, старика седого,
Венчала, Мельпомена, ты.
Люблю смотреть, как старость снова
Срывает лавры и цветы.

И я кладу персты на лиру,
На Пинде шаг мой слышен вновь:
Свободу воспевал я миру,
И цепи пел твои, Любовь!

В дни юности следил, Гораций,
Я с робостью тропу твою.
Еще могу воспеть я Граций,
Еще героев я пою.

То воздыхаю я с Тибуллом,
То за Тиртеем петь хочу,
То, дерзостно, вслед за Катуллом,
Рой ядовитых стрел мечу.

И пусть во взорах свет вечерний
Все краски мира затемнил:
Зато я чужд надменной черни,
И дружбе более я мил.

И снова я блажен и светел,
Лишь Музы дом мой посетят,
И верю, что Любовь я встретил,
Лишь встречу девы нежный взгляд.

Нет, не сведу с Любви я взоры:
Всегда я ею упоен,
И под рукой иной Авроры
И я воскресну, как Тифон!

1913

АНТУАН АРНО

ЛИСТОК

Сорван с веточки зеленой,
Бедный листик запыленный,
Ты куда несешься? — Ах,
Я не знаю. Дуб родимый
Ниспровергла буря в прах.
Я теперь лечу, гонимый
По полям и вдоль лесов,
По горам и долам мира,
Буйной прихотью ветров,
Аквилона и Зефира.
Я, без жалобы, без слов,
Мчусь, куда уносят грозы
В этой жизни всё, в свой срок:
Лепесток засохший розы,
Как и лавровый листок.

1912

ШАРЛЬ МИЛЬВУА

РЕКА ЗАБВЕНИЯ

Лета, ты, чей ропот клонит
В дрему элисейский мрак,
Ты, в чьих волнах равно тонет
Память бед и память благ.

Прочь! жестоких утешений
Пусть не славит мне твой звук.
Я забвеньем наслаждений
Не куплю забвенья мук.

1912

ПЬЕР-ЖАН БЕРАНЖЕ

КОРОЛЬ ИВЕТО

Король безвестен Ивето,
Он не прославил сана!
Вставал он поздно, но зато
Любил ложиться рано.
И не корону, царский знак,
Носил он, а ночной колпак,
Чудак!
О-о! о-о! ля-ля! ля-ля!
Милей не знаю короля,
Тра-ля!

Четырежды на дню он ел
(Дворец был крыт соломой),
И ездил на осле, и пел,
И был везде как дома.
Он весел был, не ведал слез;
При нем всех стражей должность нес —
Лишь пес.

О-о! о-о! ля-ля! ля-ля!
Милей не знаю короля,
Тра-ля!

Он не тягчил налогов гнет,
Лишь пить любил на славу.
Но, осчастливя свой народ,
Король и пьет по праву.
Лишь к виноделам был он строг,
Чтоб с бочки кружку брать в налог
Он мог.
О-о! о-о! ля-ля! ля-ля!
Милей не знаю короля,
Тра-ля!

Умел к красоткам подъезжать,
Дружился с ними скоро,
Его своим «отцом» назвать
Мог подданный без спора.
Ему сражаться было лень;
Он раз в году палил весь день, —
В мишень.
О-о! о-о! ля-ля! ля-ля!
Милей не знаю короля,
Тра-ля!

Не покорив земли ничьей,
Он жизнь провел в безделье
И, образец всех королей,
Законом звал веселье.
При нем лишь раз и стар и мал,
Когда король в гробу лежал,
Рыдал.
О-о! о-о! ля-ля! ля-ля!
Милей не знали короля,
Тра-ля!

С его портретом в крае том
Знакомы не по слухам,
То — вывеска над кабаком,
Известном всем питухам.

И в праздник, став пред нею в ряд,
Стакан в руке, все, стар и млад,
Кричат:
О-о! о-о! ля-ля! ля-ля!
Милей не будет короля,
Тра-ля!

1919

АЛЬФОНС ДЕ ЛАМАРТИН

ЗАПАД

И море бурное стихало, как в сосуде
Кипящая вода над гаснущим огнем,
И лобызал отлив скалы прибрежной груди,
Чтоб, возвратясь в предел, забылись воды сном.

Бродячая звезда, скользя за облаками,
Бросала на валы свой отблеск без лучей,
Но этот свет, порой, терялся за волнами,
Как тонущий корабль, вдали, среди зыбей.

И небосклон бледнел; и ветер утомленный
Смолкал меж парусов, недвижный и немой:
И тени ширились, угрюмы, непреклонны,
На небе и земле скрывая всё собой.

И в глубине души, бледнеющей как море,
Все звуки здешние смолкали с шумом дня,
И кто-то там, во мне, как в мире на просторе,
Рыдал, благословлял, молился за меня.

И лишь на Западе, как в пламенной пещере,
Еще таился свет, как золотой костер,
И облако в огне сияло у преддверий,
Как будто некий вождь туда свой стяг простер.

И тени первые, и облака, и воды
Как будто бы неслись к той бездне золотой.
Казалось: целый мир, всё то, в чем жизнь природы,
Боялось умереть, теряя свет дневной.

И прахи вечера, подхваченные в поле,
И пена белая, руно бегущих волн,
Летели в тот огонь; и взгляд мой, против воли,
Стремился в тот предел, слезами грусти полн!

И исчезало всё; тревожный и бессильный,
Как темный горизонт, я был без дум, без слов...
И вдруг в моей душе встал памятник могильный,
Возникла мысль одна, как сфинкс среди песков.

О свет, где ты теперь? Шар солнца огнецветный,
Куда ты канул? Ночь, и облака, и дым,
И пена волн, и прах, и ты, мой взор заветный,
Куда летите вы, куда мы все летим?

К Тебе, кто всё объял! к Тебе, пред кем мгновенно
Всё бытие звезды! к Тебе, в ком ночь и день!
В ком брег и океан, прилив, отлив вселенной!
В ком всё, что в мире есть, исчезнет, словно тень!

9 марта 1908

АЛЬФРЕД ДЕ ВИНЬИ

МОЛЧАНИЕ

(Отрывок)

О, если правда то, что в ночь пред страшной тайной
Сын человеческий те произнес слова
И что, презрев наш мир, как выкидыш случайный,
Слепа, глуха, нема над нами синева, —
Путь справедливости: презрительным сознаньем
Принять отсутствие и отвечать молчаньем
На вечное молчанье божества.

<1909>

ВИКТОР ГЮГО

ПИСАНО В 1853 г.

О родина! когда без силы
Ты пред тираном пала ниц,
Раздастся песня из могилы —
В ответ на стоны из темниц!

Изгнанник, стану я у моря,
Как черный призрак на скале,
И, с гулом волн прибрежных споря,
Мой голос зазвучит во мгле;

И эти яростные звуки
Вокруг сиянье разольют,
Как чьи-то пламенные руки
Мечами сумрак рассекут;

Как громы, грянут на колонны,
На глыбы неподвижных гор,
Чтоб, светом молний озаренный,
Затрепетал тревожно бор;

Как некий колокол гудящий,
Угрюмых воронов вспугнут,
И на могилах стебель спящий
Дыханьем вещим шелохнут!

Я крикну: «Горе беззаконным!
Насильники, убийцы — вам!»
И воззову я к душам сонным,
Как вождь к смутившимся бойцам.

И верю: откликами встретят
Набат моих суровых слов.
Когда ж живые не ответят,
Восстанут мертвые на зов!

1 мая 1907

ПИСАНО В ИЗГНАНИИ

Не тот, кто прав, счастлив; не тот, кто прав,
и властен!
Герой всегда ль угрюм? Всегда ли раб несчастен?
Ужели у судьбы всего один закон:
Всё то же колесо, и тот же Иксион?
О! кто б ты ни был, бог, взыскуемый от века,
Но если тщетна скорбь, но если человека
Вся жизнь не более, как в вихре бурь зерно, —
Твое величие отринуть нам дано!
Мы справедливости хотим душой нетленной,
Как равновесия ум ищет во вселенной.
Мне нужно твердо знать, что в бездне, где
со тьмой
Слилось сияние, — есть Правда надо мной.
Хочу возмездия! Пусть упадает мщенье
Не на невинного — на клубы преступленья!
Нет! торжествующий мне Каин нестерпим!
Когда царит Порок и гнется всё пред ним,
Хочу, чтоб с неба гром ударил, чтоб, синея,
Вонзилась молния в надменного Атрея!

1907 (?)

НАСТУПЛЕНИЕ НОЧИ

Вот вечер близится, час молчаливый, мирный.
Сверкает дельта солнц в безбрежности эфирной
И бога имени заглавный чертит знак;
Венера, бледная, блестит сквозь полумрак.
Вязанку хвороста таща в руках сухого,
Мечтает дровосек, как у огня живого
Веселый котелок согреет свой живот,
И радостно спешит. Спит птица. Скот идет.
Ослы прошли домой под ношей необъятной.
Потом смолкает всё, и только, еле внятно,
Лепечут стебли трав и дикого овса.
Всё стало — силуэт: дома, холмы, леса.
Там черные кусты медлительно трепещут
Под ветром ночи; там, в тени, озера блещут.

И лилии болот, цветы волшебных фей,
И ирисов цветы, и стебельки нимфей,
Склоняясь и дрожа, зрачками глаз прекрасных
Глядятся в глубь зеркал таинственных и ясных.

19 апреля 1912

ВЕЧЕР

Полнеба сумраком объято.
Присев у двери, как всегда,
Любуюсь я, как луч заката
Святит последний час труда.

Там, где поля омыты мглами, —
Лохмотья старика, смущен,
Я вижу: в борозды горстями
Грядущий сев бросает он.

Высоким черным очертаньем
Царя над глубиной полей,
С каким спокойным упованьем
Он ждет благого бега дней:

Идет средь сумрака пустого,
Вперед, назад; найдя межу,
Бросает горсть, уходит снова...
Свидетель темный, я слежу.

А тень, раскидывая крылья,
Величит образ старика,
И кажется, что без усилья
До звезд взнеслась его рука.

1913

ОКЕАН

(Отрывок)

Ладьи, чьи подняты ветрила,
Плывут, куда Судьба судила
И Рок слепой.

О кормы их стучатся волны,
И дует ветер грудью полной
В их легкий рой.

Рассеявшись в степи огромной,
Лот опускают в вероломный
Покой валов;
Хотя есть карты водной шири,
Летят, куда летят четыре
Орла ветров.

Плывем, — так шепчут бригантины, —
Мы — к Гибралтару, мы — в Афины,
Мы — в Тафилет.
Плывем, — так говорят матросы, —
На Мальту, где прозрачны росы
И нежен свет.

Плывем, — нам скажут капитаны, —
Мы — в Индию, в чужие страны,
Мы — в Тетуан,
На Кипр, где солнце ярко светит...
— И в страны мертвецов! — ответит
Им Океан.

<1913>

КО ДНЮ ВОЗВРАЩЕНИЯ ВО ФРАНЦИЮ В 1870 г. ПОСЛЕ ВОСЕМНАДЦАТИЛЕТНЕГО ИЗГНАНИЯ

Кто в дни, когда и бог ответа не найдет
На все вопросы,
Укажет — в свет иль мрак свершат свой поворот
Судьбы колеса?

К чему нас поведут, о Рок, твои труды?
Позорно-черный
Прольется ль мрак на мир иль утренней звезды
Луч животворный?

Мне разом видятся вдали — добро и зло!
Достойны были
Аустерлица мы, но также Ватерлоо
Мы заслужили!

Париж! в тебя, мечтам священная страна, —
Вернусь я смело:
Я душу приношу изгнанника: она
Всегда горела.

Не встать в ряды бойцов упорных в этот час
Мне было б стыдно:
Извне грозит нам тигр, а изнутри на нас
Шипит ехидна.

И в дни, когда померк наш чистый идеал, —
Пред вражьим строем,
Кто чересчур велик, чтоб пасть? иль слишком мал,
Чтоб стать героем?

Когда, грозя войной, зажглась угрюмо твердь
Зарей кровавой
И встретить впереди нас может только — смерть
Иль только слава;

Когда — повсюду кровь, когда вот-вот — в огне
Дома займутся,
Когда трусы дрожат, бегут, я вижу: мне
Пора вернуться!

Когда надменно враг с границ готов грозить,
Скажу я смело:
Я власти не ищу; опасности делить
Хочу всецело!

Враг! Не вчера ли он, как гость, входил в наш дом?
Везде — измена!
Позволь, о родина! мне пред твоим грехом
Пасть на колена!

Твой сын, я не могу во дни кошмарных снов
Быть одиноким:
И обличу врагов, их сумрачных орлов —
Стихом жестоким!

Покрытая стыдом, повергнута во прах,
Ты всё ж — святая!
Твой след я целовать хочу с огнем в очах,
Дрожа, рыдая!

Когда, в чаду побед, плясала ты, пьяна,
С бесстыдным смехом,
И пела, веря в ложь, на миг ослеплена
Своим успехом,

И шум твоих пиров катился, как поток,
До граней мира, —
Париж покинул я, как сумрачный пророк
Вертепы Тира!

Когда, преобразя Лютецию в Содом,
С Гоморрой споря,
Цвела Империя, — я перенес свой дом
К роптанью моря.

Под гулы волн внимал я гул твоих утех,
Затмивших разум;
Я отвечал на твой призыв, и крик, и смех
Всегда отказом.

Но вот грозит тебя Аттила растоптать
Своей ордою:
И рушится вокруг весь мир, — и я опять
Теперь с тобою!

О Франция! на твой позорный эшафот
Взойду, ликуя,
О мать моя! твоих цепей тяжелый гнет
Делить хочу я!

Спешу к тебе затем, что ядер страшный град
Тебя осыпал!
Хочу сказать, что я с тобой страданий яд
До капли выпил!

И, может быть, в земле, где в темной глубине
Роятся силы,
В награду за мое изгнанье — дашь ты мне
Приют могилы!

21 февраля 1919

ПРИЗЫВ К СПЯЩИМ

Проснитесь же! Стыда довольно!
Презрите вражескую рать.
Пусть море встанет бурей вольной, —
Сограждане! Довольно спать!
Наденьте ваши блузы, дети,
Припомнив «девяносто третий»!
Несите свет во все концы!
Иль цепи свергнуть невозможно?
Иль страшен вам ваш враг ничтожный?
Ведь на титанов шли отцы!

Разите, граждане, орду и властелина!
Кто против вас? — Попы. Кто с вами? — Бог, единый
Он встанет судией:
Сразить он может всех и всё одним ударом,
Как пес, он гонится в песках за тигром ярым
Иль за морской змеей;
Как птицу с дерева, дыханьем уст разящих
Во храме вержет ниц сонм идолов блестящих —
С бессчетной их семьей!

У вас оружия не стало?
Берите вилы, молотки,
Сбирайте камни в одеяла,
Ломайте у дверей крюки!
И будьте, гимн сложив Надежде,
Великой Францией, как прежде,
Великим городом опять!

Пора, от ярости сгорая,
Сорвать оковы рабства с края
И с памяти презренье снять!

Ужель напомнить вам, как бились роялисты?
Там каждый был велик, там каждый шел как истый
Герой, за короля!
Там каждый вырастал, отвагой пламенея,
Там трусов не было! Не правда ль, о Вандея,
Суровая земля?
Там грудью шли в огонь и с палкой — против стали!
Чтоб сотню пушек взять, довольно там считали
Простого костыля!

А если вы носить оковы,
Влачить в позоре жизнь свою
Еще хоть день, хоть час готовы, —
Свой барабан я разобью
И брошу свой рожок военный!
Я закричу толпе презренной:
«Былого недостойны вы!»
А вам, гиганты дней счастливых,
Я брошу про зайчат трусливых:
«Они — не ваши дети, львы!»

1919 (?)

ОГЮСТ БАРБЬЕ

ОТРЫВОК

Три дня я наблюдал, сдавив невольный гнев,
Как падал и вставал в борьбе народный лев.
На звонких улицах торжественной столицы
Я видел, как, в крови и с пулей у ключицы,
Он яростно ревел, взметая лапой прах,
И пламенный огонь горел в его зрачках;
Как, обессиленный, он, сквозь штыки и пули,
Прорвавшись к Лувру, пал — при общем диком гуле,
При криках бешеных... Его вздымалась грудь;

Напрасно силился он глубоко вздохнуть,
И в пасти благостной его язык кровавый
Вращался медленно... Пред дверью к храму
Славы,
На пышных ступенях народного дворца,
Лежал он, побежден, но гордый до конца.

И вдруг, нежданная, отвсюду поползла
Толпа громадная, без меры, без числа.
И те же карлики, при каждом твердом шаге
Твоем дрожавшие, вдруг набрались отваги...
Теперь они кричат восторженный привет,
Целуя шерсть твою и гладя твой хребет,
И риторы толпы, осиплые от крика,
Твердят тебе: «Ты — лев», зовут тебя «владыкой»!
. . . .

<1913>

ЖЕРАР ДЕ НЕРВАЛЬ

ЭПИТАФИЯ САМОМУ СЕБЕ

Он прожил жизнь свою то весел, как скворец,
То грустен и влюблен, то странно-беззаботен,
То — как никто другой, то — как и сотни сотен...
И постучалась Смерть у двери, наконец.

И попросил ее он обождать немного,
Поспешно дописал последний свой сонет,
И после в темный гроб он лег, задувши свет,
И на груди своей скрестивши руки строго.

Ах, часто леностью его душа грешила,
Он сохнуть оставлял в чернильнице чернила,
Он мало что узнал, хоть увлекался всем,

Но в тихий зимний день, когда от жизни бренной
Он позван был к иной, как говорят, нетленной,
Он, уходя, шепнул: «Я проходил — зачем?»

1907 (?)

АЛЬФРЕД ДЕ МЮССЕ

* * *

Слабому сердцу посмел я сказать:
Будет, ах, будет любви предаваться!
Разве не видишь, что вечно меняться —
Значит в желаньях блаженство терять?

Сердце мне, сердце шепнуло в ответ:
Нет, не довольно любви предаваться!
Слаще тому, кто умеет меняться,
Радости прошлые — то, чего нет!

Слабому сердцу посмел я сказать:
Будет, ах, будет рыдать и терзаться!
Разве не видишь, что вечно меняться —
Значит напрасно и вечно страдать?

Сердце мне, сердце шепнуло в ответ:
Нет, не довольно рыдать и терзаться,
Слаще тому, кто умеет меняться,
Горести прошлые — то, чего нет!

<1909>

УМЕРШЕЙ

Прекрасна ль Ночь, что тихо спит
В часовне темной, безучастно,
Где ложе Анджело стоит?
Тогда она была прекрасна.

Сердечна ль та, что золотой
Дождь сыплет по пути, беспечно,
Не зная жалости земной?
Тогда она была сердечна.

Мечта ли нежный голосок,
Что нечто шепчет, без начала
И без конца, как ручеек
В полях? Тогда она мечтала.

Молитва ль — вспышка ясных глаз,
Что то на землю устремилась,
То вновь пред небом, как алмаз,
Горит? Тогда она молилась.

И если б чашечка цветка,
Что никогда не раскрывалась,
Могла дрожать от ветерка,
Она бы тоже улыбалась.

И если б в скорбные часы
Ей на руку, как с пышной розы,
Упали капельки росы,
Она бы тоже знала слезы.

И если б гордость, до конца,
Ей бесполезно не светила,
Как свечи гробу мертвеца,
Она бы тоже и любила.

Но умерла она, не жив,
Подобие лишь жизни зная,
Из рук ту книгу уронив,
Что продержала, не читая.

1913

ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ

ИСКУССТВО

Да, тем творение прекрасней,
Чем нами взятый матерьял
Нам неподвластней:
Стих, мрамор, сардоникс, металл.

Не надо хитростей мишурных,
Но, прямо чтоб идти, ремни
Ты на котурнах
У Музы туже затяни!

Прочь, ритм знакомый и удобный,
Как чересчур большой башмак,
Сегодня модный,
Что носит и бросает всяк!

Ваятель! глину, что покорно
Под пальцем уступает, кинь,
Когда упорно
Мечты летят в святую синь.

Борись с каррарской глыбой, меткой
Рукою крепкий Па́рос бей,
Чтоб камень редкий
Хранил изгиб черты твоей.

Доверься бронзе несравненной
Из Сиракуз, в которой лик
Ввек неизменный
Живет, прекрасен и велик.

Пусть, осторожный соглядатай,
Отыщет верный твой резец
В куске агата
Лик Феба и его венец.

Стремись, Художник, к высшей цели:
Сменить тебе не будет жаль
Блеск акварели
На печь, где плавится эмаль.

Твори сирен — род синеокий, —
Свивающих на сто ладов
Свой хвост широкий,
Чудовищ золотых гербов;

Рисуй тройное озаренье
Над ликом Девы и Христа
И возвышенье
Голгофы с знаменьем Креста.

Проходит всё. — Одно искусство
Творить способно навсегда.
Так мрамор бюста
Переживает города.

Медаль простая, что́ находит
Плуг пахаря средь пустыря,
Опять выводит
На свет забытого царя.

И сами боги умирают,
Но строки царственные строф —
Те пребывают
Нетленными в ряду веков.

Ваяй, шлифуй, чекань медали!
Твои витающие сны
На вечной стали
Да будут запечатлены!

1897, 25 августа 1913

ПЕРВАЯ УЛЫБКА ВЕСНЫ

Пока заботой повседневной
Мы заняты и смущены, —
Смеясь под ливнем, Март безгневный
Готовит таинства весны.

Выходит на лужок зеленый
И, притаясь, когда всё спит,
Подснежников белит бутоны
И одуванчики желтит.

На все затеи пудры белой
Ему, проказнику, не жаль:
То яблоню осыплет смело,
То в иней уберет миндаль.

Природа спит, дыша устало,
Под долгий, скучный шум дождей,

А он, смеясь, на одеяло
Бутоны роз бросает ей!

Вбегая в лес гостеприимный,
Фиалки сеет он, а сам
Насвистывает тихо гимны,
Подсказывая их дроздам.

Он у ключа, где пьют олени,
Пугливо дали оглядев, —
Выращивает, чуждый лени,
Прозрачных ландышей посев.

И меж ползучей повилики
Сажает пышные кусты
Лесной, пахучей земляники,
Чтоб летом веселилась ты!

И, видя, что в лесу и в поле
Его работа свершена,
Без ропота, покорный доле,
Он шепчет: «Приходи, весна!»

7 марта 1909

КАРМЕН

Она худа. Глаза как сливы;
В них уголь спрятала она;
Зловещи кос ее отливы;
Дубил ей кожу сатана!

Она дурна, — вот суд соседский.
К ней льнут мужчины тем сильней.
Есть слух, что мессу пел Толедский
Архиепископ перед ней.

У ней над шеей смугло-белой
Шиньон громадный черных кос;
Она всё маленькое тело,
Раздевшись, прячет в плащ волос.

Она лицом бледна, но брови
Чернеют и алеет рот:
Окрашен цветом страстной крови,
Цветок багряный, красный мед!

Нет! С мавританкою подобной
Красавиц наших не сравнять!
Сиянье глаз ее способно
Пресыщенность — разжечь опять.

В ее прельстительности скрыта,
Быть может, соль пучины той,
Откуда, древле, Афродита
Всплыла, прекрасной и нагой!

<1909>

ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ

СЛОНЫ

Краснеющий песок, пылающий от века,
Как мертвый океан, на древнем ложе спит;
Волнообразными извивами закрыт
Медяный горизонт: там область Человека.

Ни звука; всё молчит. Пресыщенные львы
Попрятались в горах лениво, по пещерам;
И близ высоких пальм, так памятных пантерам,
Жирафы воду пьют и мнут ковер травы.

И птица не мелькнет, прорезав воздух сонный,
В котором царствует диск солнца, весь в огне.
Лишь иногда боа, разнеженный во сне
Лучами жгучими, блеснет спиной червленой.

Но вот, пока всё спит под твердью огневой,
В глухой пустынности: пески, холмы, овраги —
Громадные слоны, неспешные бродяги,
Бредут среди песков к своей стране родной.

Как скалы темные, на сини вырастая,
Они идут вперед, взметая красный прах
И, чтоб не утерять свой верный путь в песках,
Уверенной пятой уступы дюн ломая.

Вожак испытанный идет вперед. Как ствол
Столетний дерева, его в морщинах кожа,
Его спина на склон большой горы похожа,
Его спокойный шаг неспешен и тяжел.

Не медля, не спеша, как патриарх любимый,
Он к цели избранной товарищей ведет;
И, длинной рытвиной свой означая ход,
Идут за вожаком гиганты-пилигримы.

Их сжаты хоботы меж двух клыков больших;
Их уши подняты, но их глаза закрыты...
Роями жадными вокруг жужжат москиты,
Летящие на дым от испарений их.

Но что им трудный путь, что голод, жажда, раны,
Что эти жгучие, как пламя, небеса!
В пути им грезятся далекие леса,
И финиковых пальм покинутые страны.

Родимая земля! в водах большой реки
Там грузно плавают, с мычаньем, бегемоты.
Туда, на водопой, в час зноя и дремоты,
Спускались и они, ломая тростники...

И вот, с неспешностью и полны упованья,
Как черная черта на фоне золотом,
Слоны идут... И вновь недвижно всё кругом,
Едва в пустой дали их гаснут очертанья.

1908

ДРЕМОТА КОНДОРА

За лестницей крутой, что вздвигли Кордильеры,
За мглами дымными, куда летят орлы,
И выше всех вершин, где зевами скалы
С кровавой лавою выходит запах серы, —

Таков же грозностью, порою так же ал,
Громадный кондор, полн угрюмо-мощной лени,
На всю Америку, на дали — без движений
Глядит, и солнца луч, в его зрачках, — опал.

С Востока ночь плывет, где дикие пампасы
Простерлись без конца; уже находит сон
На Чили, на дома, на горные террасы,
На Тихий океан, на дивный небосклон.

Материком немым ночь властно овладела;
С песков на берега, с ущелий к склонам гор,
По остриям вершин скользит, темня простор
Взрастаньем царственным разлива без предела.

Как привиденье, он, на страшной вышине,
Омыт сиянием, что́ кровь струит по снегу,
Ждет жуткой темноты, готов к ее набегу:
И кроет, подойдя, она его вполне.

В бездонной глубине, с неведомого мыса,
Зажегся Южный Крест, маяк из крупных звезд;
Он шеей, в радости, мускулистой и лысой,
Трясет, и хохлится, и слышен хрип окрест.

По̇том взлетает, снег взметая без усилья,
Он, с хриплым выкриком, ввысь, где всегда покой,
Прочь от комка теней, прочь от звезды живой, —
Спать, в льдистом воздухе, раскинув мощно крылья.

1913

ШАРЛЬ БОДЛЕР

НЕПОКОРНЫЙ

Крылатый серафим, упав с лазури ясной
Орлом на грешника, схватил его, кляня,
Трясет за волосы и говорит: «Несчастный!
Я — добрый ангел твой! узнал ли ты меня?

Ты должен всех любить любовью неизменной:
Злодеев, немощных, глупцов и горбунов,
Чтоб милосердием ты мог соткать смиренно
Торжественный ковер для господа шагов!

Пока в твоей душе есть страсти хоть немного,
Зажги свою любовь на пламеннике бога,
Как слабый луч прильни к предвечному лучу!»

И ангел, грешника терзая беспощадно,
Разит несчастного своей рукой громадной.
Но отвечает тот упорно: «Не хочу!»

1907

АВЕЛЬ И КАИН

I

Авеля дети, дремлите, питайтесь,
Бог на вас смотрит с улыбкой во взоре.

Каина дети, в грязи пресмыкайтесь,
И умирайте в несчастье, в позоре!

Авеля дети, от вас всесожженья
К небу возносятся прямо и смело.

Каина дети, а ваши мученья
Будут ли длиться всегда, без предела?

Авеля дети, всё сделано, чтобы
В ваших полях были тучными злаки.

Каина дети, а ваши утробы
Стонут от голода, словно собаки.

Авеля дети, под ласковым кровом,
Вам и в холодную зиму не хуже!

Каина дети, под ветром суровым,
В ваших пещерах дрожать вам от стужи!

Авеля дети, любите, плодитесь,
Пусть вас заменят детей ваших дети!

Каина дети, любить берегитесь,
Бедных и так уж довольно на свете!

Авеля дети, вас много, вас много,
Словно лесные клопы вы без счета!

Каина дети, проклятой дорогой
Жалко влачитесь с тоской и заботой!

II

Авеля дети! но вскоре! но вскоре!
Прахом своим вы удобрите поле!

Каина дети! кончается горе,
Время настало, чтоб быть вам на воле!

Авеля дети! теперь берегитесь!
Зов на последнюю битву я внемлю!

Каина дети! на небо взберитесь!
Сбросьте неправого бога на землю!

1907

КРАСОТА

О смертный! как мечта из камня, я прекрасна!
И грудь моя, что всех погубит чередой,
Сердца художников томит любовью властно,
Подобной веществу, предвечной и немой.

В лазури царствую я сфинксом непостижным;
Как лебедь, я бела и холодна, как снег;
Презрев движение, любуюсь неподвижным;
Вовек я не смеюсь, не плачу я вовек.

Я — строгий образец для гордых изваяний,
И, с тщетной жаждою насытить глад мечтаний,
Поэты предо мной склоняются во прах.

Но их ко мне влечет, покорных и влюбленных,
Сиянье вечности в моих глазах бессонных,
Где всё прекраснее, как в чистых зеркалах.

<1909>

ВЕЧЕРНИЕ СУМЕРКИ

Вот вечер сладостный, всех преступлений друг.
Таясь, он близится, как сообщник; вокруг
Смыкает тихо ночь и завесы и двери,
И люди, торопясь, становятся — как звери!
О вечер, милый брат, твоя желанна тень
Тому, кто мог сказать, не обманув: «Весь день
Работал нынче я». — Даешь ты утешенья
Тому, чей жадный ум томится от мученья;
Ты, как рабочему, бредущему уснуть,
Даешь мыслителю возможность отдохнуть. . .
Но злые демоны, раскрыв слепые очи,
Проснувшись, как дельцы, — летают в сфере ночи,
Толкаясь крыльями у ставен и дверей,
И проституция вздымает меж огней,
Дрожащих на ветру, свой светоч ядовитый. . .
Как в муравейнике, все выходы открыты;
И, как коварный враг, который мраку рад,
Повсюду тайный путь творит себе Разврат.
Он, к груди города припав, неутомимо
Ее сосет. — Меж тем восходят клубы дыма
Из труб над кухнями; доносится порой
Театра тявканье, оркестра рев глухой.
В притонах для игры уже давно засели
Во фраках шулера, среди ночных камелий. . .
И скоро в темноте обыкновенный вор
Пойдет на промысл свой — ломать замки контор
И кассы раскрывать, — чтоб можно было снова
Своей любовнице дать щегольнуть обновой.

Замри, моя душа, в тяжелый этот час!
Весь этот дикий бред пусть не дойдет до нас!

То — час, когда больных томительнее муки;
Берет за горло их глухая ночь; разлуки
Со всем, что в мире есть, приходит череда.
Больницы полнятся их стонами. — О да!
Не всем им суждено и завтра встретить взглядом
Благоуханный суп, с своей подругой рядом!
А, впрочем, многие вовеки, может быть,
Не знали очага, не начинали жить!

<1909>

ПОЛЬ ВЕРЛЕН

* * *

Il pleut doucement sur la ville.
Arthur Rimbaud.[1]

Небо над городом плачет,
Плачет и сердце мое.
Что оно, что оно значит,
Это унынье мое?

И по земле и по крышам
Ласковый лепет дождя.
Сердцу печальному слышен
Ласковый лепет дождя.

Что ты лепечешь, ненастье?
Сердца печаль без причин...
Да! ни измены, ни счастья, —
Сердца печаль без причин.

Как-то особенно больно
Плакать в тиши ни о чем,
Плачу, но плачу невольно,
Плачу, не зная о чем.

<1894, 1911>

[1] Над городом тихо идет дождь. *Артур Рембо* (франц.). — *Ред.*

* * *

Тянется безмерно
Луговин тоска.
Блещет снег неверно,
Как пласты песка.

Небеса без света
Тверды, словно медь,
Месяц глянул где-то,
Вновь чтоб умереть.

Зыблется, как тучи,
Дальний, серый бор
Там, где пар летучий
Кроет кругозор.

Небеса без света
Тверды, словно медь,
Месяц глянул где-то,
Вновь чтоб умереть.

Ворон, с хриплым криком,
Старый волк худой,
Вам в просторе диком
Хорошо зимой!

Тянется безмерно
Луговин тоска.
Блещет снег неверно,
Как пласты песка.

<1894, 1911>

ВАЛЬКУР

Кирпич, черепица,
О, потаенных
Уголков вереница
Для сердец влюбленных!

Виноград и хмели,
Цветы и ветки,
Уюты веселий,
Живые беседки!

Кабачков услады,
Шум и пиво,
Лукавые взгляды
Служанки красивой.

Близость вокзала
И дорог бесконечных...
Иль этого мало
Для Агасферов беспечных!

<1894, 1911>

* * *

Огромный черный сон
Смежил мне тяжко вежды.
Замри, ненужный стон,
Усните, все надежды!

Кругом слепая мгла,
Теряю я сознанье,
Где грань добра и зла...
О, грустное преданье!

Я — колыбель. Слегка
Ее качает в нише
Незримая рука.
О, тише, тише, тише!

3 января 1898, <1913>

* * *

Небосвод над этой крышей
  Так высок, так чист!
Стройный вяз над этой крышей
  Наклоняет лист.

В небе синем и высоком
Колокольный звон.
Чу! на дереве высоком
Птицы тихий сон.

Боже! боже! всё так мирно,
Просто предо мной!
Еле слышен тихий, мирный
Ропот городской.

— «Что ж ты сделал, ты, что плачешь
Много, много дней,
Что ж ты сделал, ты, что плачешь,
С юностью твоей?»

6 октября 1898, <1911>

ПАРИЖСКОЕ КРОКИ

Луна на стены налагала пятна
Углом тупым.
Как цифра пять, согнутая обратно,
Вставал над острой крышей черный дым.

Томился ветер, словно стон фагота.
Был небосвод
Бесцветно сер. На крыше звал кого-то,
Мяуча жалобно, иззябший кот.

А я, — я шел, мечтая о Платоне,
В вечерний час,
О Саламине и о Марафоне...
И синим трепетом мигал мне газ.

21 ноября 1898, <1911>

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Долгие пени
Скрипки осенней,
Зов неотвязный,

Сердце мне ранят,
Думы туманят
   Однообразно.

Сплю, холодею,
Вздрогнув, бледнею
   С боем полночи.
Вспомнится что-то.
Всё без отчета
   Выплачут очи.

Выйду я в поле.
Ветер на воле
   Мечется, смелый.
Схватит он, бросит,
Словно уносит
   Лист пожелтелый.

29 ноября 1898, 27 июля 1901

* * *

Соловью, который с высоты ветки глядится в реку, кажется, что он упал туда. Сидя на вершине дуба, он боится утонуть.

Сирано де Бержерак

Деревьев тень в воде, под сумраком седым,
   Расходится как дым,
Тогда как в высоте, с действительных ветвей,
   Рыдает соловей.

И путник, заглянув к деревьям бледным, — там
   Бледнеет странно сам,
А утонувшие надежды и мечты
   Рыдают с высоты.

6 октября 1901

* * *

Надежда чуть блестит, как под окном солома.
Не бойся: пролетел полетом пьяный шмель.
Закатные лучи стремятся пылью в щель.
На руки голову склони, и спи. Ты дома.

О бедный, бледный друг, испей воды хотя
Холодной. После спи. Я здесь, взгляни: мы двое.
Баюкать буду я, а ты мечтай в покое
И тихо подпевай, как малое дитя.

Бьет полдень. Он уснул. Из жалости уйдите.
Как женские шаги томительны в мозгу
Отверженцев больных, что грезят о защите!

Бьет полдень. О усни! Давно не нужны слезы.
Надежда чуть блестит, как камень на лугу...
Когда сентябрьские опять воскреснут розы!

8 октября 1901

ПРИВЫЧНАЯ МЕЧТА

Мне часто видится заветная мечта —
Безвестной женщины, любимой и желанной.
Но каждый раз она и не совсем не та,
И не совсем одна, — и это сердцу странно.

И ею я любим любовью неустанной,
Для ней одной, увы! моя душа чиста,
Для ней одной в душе светлеет, что́ туманно,
И счастье мне дают одни ее уста.

Смугла она? бледна? красива? — Я не знаю.
Но имя мне звучит нежней, чем имена
Всех тех, кого я знал, когда был близок раю!

В манящем голосе она таит одна
Все звуки голосов, отторгнутых утратой,
И тихий взор ее подобен взору статуй.

1901, <1913>

В ТИШИ

Здесь, где сумрак словно дым,
Под навесом из ветвей, —
Мы молчаньем упоим
Глубину любви своей.

Наши души и сердца,
И волненье наших снов
Мы наполним до конца
Миром сосен и кустов.

Ты смежишь глаза в тени,
Руки сложишь на груди...
Всё забудь, всё отгони,
Что манило впереди.

Пусть нас нежно убедит
Легкий ветер, что порой,
Пролетая, шелестит
Порыжелою травой.

И когда с дубов немых
Вечер строго ниспадет,
Голос всех скорбей земных,
Соловей нам запоет.

Январь 1911

ЖЕНЩИНА И КОШКА

Она играла с кошкой. Странно,
В тени, сгущавшейся вокруг,
Вдруг очерк выступал нежданно
То белых лап, то белых рук.

Одна из них, сердясь украдкой,
Ласкалась к госпоже своей,
Тая под шелковой перчаткой
Агат безжалостных когтей.

Другая тоже злость таила,
И зверю улыбалась мило...
Но Дьявол здесь был, их храня.

И в спальне темной, на постели,
Под звонкий женский смех, горели
Четыре фосфорных огня.

<1911>

* * *

Гул полных кабаков; грязь улицы; каштана
Лысеющего лист, увядший слишком рано;
Железа и людей скрежещущий хаос,
Громадный омнибус, меж четырех колес
Сидящий плохо, взор, то алый, то зеленый,
Вращающий кругом; рабочий утомленный,
Городовому в нос пускающий свой дым
Из трубки; с крыш капéль; неверный по сырым
Каменьям шаг; асфальт испорченный; по краю
Потоки грязные, — и это путь мой к раю!

<1911>

ИСКУССТВО ПОЭЗИИ

Посв. Шарлю Морису

О музыке на первом месте!
Предпочитай размер такой,
Что зыбок, растворим, и вместе
Не давит строгой полнотой.

Ценя слова как можно строже,
Люби в них странные черты.
Ах, песни пьяной чтó дороже,
Где точность с зыбкостью слиты!

То — взор прекрасный за вуалью,
То — в полдень задрожавший свет,
То — осенью, над синей далью,
Вечерний, ясный блеск планет.

Одни оттенки нас пленяют,
Не краски: цвет их слишком строг!
Ах, лишь оттенки сочетают
Мечту с мечтой и с флейтой рог.

Страшись насмешек, смертных фурий,
И слишком остроумных слов
(От них слеза в глазах Лазури!),
И всех приправ плохих столов!

Риторике сломай ты шею!
Не очень рифмой дорожи.
Коль не присматривать за нею,
Куда она ведет, скажи!

О, кто расскажет рифмы лживость?
Кто, пьяный негр, иль кто, глухой,
Нам дал грошовую красивость
Игрушки хриплой и пустой!

О музыке всегда и снова!
Стихи крылатые твои
Пусть ищут, за чертой земного,
Иных небес, иной любви!

Пусть в час, когда всё небо хмуро,
Твой стих несется вдоль полян,
И мятою и тмином пьян...
Всё прочее — литература!

<1911>

ПРОЛОГ

Всё это — сумрака созданья,
Виденья ночи пред концом.
О Истина, твое сиянье
Лишь первым светит им лучом!

В них всё так бледно, всё так хило,
Что взорам кажется скорей:

Их не луна ли сотворила
Под зыбким ужасом ветвей.

Иль эти сумрачные тени,
Вдруг облик восприяв живой,
Смешаются с семьей творений
На светлой сцене мировой,

И будут громко славить бога
В напевах чистых и простых,
Под ярким солнцем, до порога
Небес нетленно-голубых!

<1911>

* * *

Дни осени настали,
Зевая, приказали
Про лето позабыть.
Дрожь осени так кстати
Нас кутает в кровати. —
Что ж! в ней и будем жить!

Мне ненавистно лето!
Несносно слышать это:
«Как жарко! будем спать!»
Так глупо тратить миги,
Быть скучными, как книги!
Вот осень — и кровать.

Один в другом, забудем
Весь мир! Как угли, будем
Друг друга жечь, колоть!
Да будет наше знамя:
Стать яростней, чем пламя,
Стать пламенней, чем плоть!

<1911>

ЖЮЛЬ ЛАФОРГ

ЖАЛОБА ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЛУНЕ

Что за полная луна!
Эй, скажи, ты чем полна?

Зорю слышно из казарм,
Вдалеке прошел жандарм.

Из окна рояль поет,
Переходит площадь кот.

Город спит, и тих и горд.
Вот, последний взяв аккорд,

Прохрипел рояль, как зверь.
Что б за час мог быть теперь?

Ты, луна, — среди пустынь;
Я — один... Сказать: аминь?

О беспечная луна!
Изо всех ты стран видна.

На Миссури ты глядишь,
И на праздничный Париж,

И на полюс, и на всё...
Что ж! ты видишь и ее,

Там, в экспрессе, у окна?
Ах, счастливая луна, —

Это, после свадьбы, с ней
Он теперь летит в Вевей...

Ну, пропал бы я совсем,
Если б страсть моих поэм

Приняла она всерьез!
Будем жить, довольно грез!..

Ах, луна! в душе тоска,
Скорбь пустого городка!

Ах, луна! я плачу! слушай!
Или ты заткнула уши?

1901 (?)

ЖОРЖ РОДЕНБАХ

ВЕЧЕР

Вступает сумрак в дом, и комната ему
Сдается без борьбы, бессильно и покорно,
И вдруг становится пустынной и просторной.
Вот, первым, потолок ушел в глухую тьму,
И тени тянутся, как нити паутины.
Поблекли краски все; из почерневших рам
Портреты прадедов глядят суровей к нам.
Оделись трауром старинные картины;
Померкло зеркало; в темнеющем стекле
Давно искажены живые отраженья;
У статуй бронзовых в колеблющейся мгле
Так неуверенны застывшие движенья!
Там был букет из роз, но он во тьме исчез,
И больше нет цветов; медлительны и строги,
Повисли сумерки над складками завес,
Их странно углубив, как колеи дороги,
И жмутся возле ламп, предчувствуя, что те
Врагами станут вдруг в пронзенной темноте...
Но комната пока во власти тьмы всецело
И кажется в тот час внезапно постарелой.

<1903, 1909>

ЭМИЛЬ ВЕРХАРН

ГОЛОВА

На черный эшафот ты голову взнесешь
Под звон колоколов, и глянешь с пьедестала.
И крикнут мускулы, и просверкает нож, —
И это будет пир и крови и металла!

И солнце рдяное и вечера пожар,
Гася карбункулы в холодной влаге ночи,
Узнают, увидав опущенный удар,
Сумели ль умереть твое чело и очи!

Злодейство громкое вползет в народ змеей.
Свой океан смирив вокруг помоста славы,
Толпа потом, как мать, приняв твой гроб простой,
Баюкать будет труп, кровавый и безглавый.

И ядовитое, как сумрачный цветок
(Где зреет красный яд, как молнии сверканье),
Недвижное, как в грудь вонзившийся клинок,
Пребудет о тебе в толпе воспоминанье!

Под звон колоколов ты голову взнесешь
На черный эшафот, и глянешь с пьедестала,
И крикнут мускулы, и просверкает нож, —
И это будет пир и крови и металла!

5 сентября 1899, 17 августа 1905

ЛОНДОН

То — Лондон, о мечта! чугунный и железный,
Где стонет яростно под молотом руда,
Откуда корабли идут в свой путь беззвездный —
К случайностям морей, кто ведает куда!

Вокзалов едкий дым, где светится мерцаньем,
Серебряным огнем, скорбь газовых рожков,

Где чудища тоски ревут по расписаньям
Под беспощадный бой Вестминстерских часов.

Вдоль Темзы — фонари; не парок ли бессонных
То сотни веретен вонзились в темь реки?
И в лужах дождевых, огнями озаренных, —
Как утонувшие матросов двойники.

И голоса гуляк, и жесты девки пьяной,
И надпись кабака, подобная Судьбе, —
И вот, внезапно Смерть в толпе, как гость
незваный...
То — Лондон, о мечта, влачащийся в тебе!

29 ноября 1903, 18 августа 1905

ТРИБУН

Как мощных вязов грубые стволы,
Что деды берегли на площади соборной,
Стоит он между нас, надменный и упорный,
В себе связав безвестных сил узлы.

Ребенком вырос он на темных тротуарах
Предместья темного, изъеденного злом,
Где каждый человек с проклятьем был рабом
И жил, как под замком, в тюрьме укладов старых.

В тяжелом воздухе мертвящего труда,
Меж лбов нахмуренных и спин, согбенных долей,
Где каждый день за стол садилась и нужда...
Всё это — с коих пор! И это всё — доколе!

И вдруг — его прыжок в шумящий мир борьбы,
Когда народ, сломав преграды вековые
И кулаки подняв на темный лик судьбы,
Брал приступом фасады золотые,
И, с гневом смешанный, шел дождь камней,

Гася по окнам отблески огней
И словно золотом усыпав мостовые!

И речь его, похожая на кровь,
На связку острых жал, разрозненных нещадно.
И гнев его, и ярость, и любовь
То вместе свитые, то вьющиеся жадно
Вокруг его идей!
И мысль его, неистово живая,
Вся огневая,
Вся слитая из воли и страстей!
И жест его, подобный вихрю бури,
В сердца бросающий мечты,
Как сев кровавый с высоты,
Как благодатный дождь с лазури!

И стал он королем торжественных безумий.
Всходил и всходит он, всё выше, всё вперед.
И мощь его растет, среди восторгов, в шуме,
И сам забыл он, где ее исход!
Весь мир как будто ждал, что встанет он;
согласно
Трепещут все сердца с его улыбкой властной;
Он — ужас, гибель, злоба, смерть и кровь;
Он — мир, порядок, сила и любовь!
В нем тайна воли одинокой,
Кующей молоты великих дел, —
И, полон гордости, что знают дети Рока,
Он кровью вечности ее запечатлел!

И вот он у столба распутья мирового,
Где старые пути иным рассечены,
Которым ринутся искатели иного
К блистательной заре неведомой весны!
Он тем уже велик, что отдается страсти,
Не думая, всей девственной душой,
Что сам не знает он своей последней власти
И молний, вверенных ему судьбой!
Что он — загадка весь, с ненайденным решеньем,
Что с головы до пят он погружен в народ,

Что, целен и упрям, живет его движеньем
И с ним умрет.

И пусть, свершив свой путь, пройдя подобно грому,
Исчезнет он с земли в день празднеств иль стыда,
И пусть шумит за ним иль слава, иль вражда,
Пусть новый час принадлежит другому!
Не до конца его друзья пошли
На пламенный призыв пророческого слова.
И если он исчез, то — чтоб вернуться снова!
Его душа была в Грядущем, там, вдали,
В просторах моря золотого.
Отлив, пришедший в свой черед,
Ее на дне не погребет!
Его былая мощь — сверкает в Океане,
Как искр бессчетность на волнах,
И в плоть и в кровь вошел огонь его мечтаний,
И истины его — теперь во всех сердцах!

30 августа 1905

ВОССТАНИЕ

Улица быстрым потоком шагов,
Плеч, и рук, и голов
Катится, в яростном шуме,
К мигу безумий,
Но вместе —
К свершеньям, к надеждам и к мести!
Улица грозная, улица красная,
Властная,
В золоте пышном заката,
В зареве ярком, окрасившем твердь.
Вся смерть
Встала в призывах набата.
Вся смерть,
Как ожившие дико мечты,
Встала в огнях и неистовых криках!
Головы чьи-то на пиках —
Словно на стеблях цветы.

Гулы глухие орудий
(Кашель чугунный безжалостных грудей)

Мерят печальные вздохи минут.
Циферблаты разбиты на башнях высоких,
Не льется на площади ровный их свет
(Словно очи столицы смежили ресницы);
Времени более нет
Для сердец опьяненных, жестоких,
Для толпы, свершающей суд!

Ярость великая, с пламенным ликом,
С радостным криком,
С кровью, бушующей в жилах,
Встала на груде камней.
Всё она может! всё она в силах!
Одно лишь мгновенье
Даст более ей,
Чем целых веков тяготенье.

Всё, что мечталось когда-то,
Что гении, в песне крылатой,
Провидели в темной дали,
Что в души, как сев, западало,
Чем души, как вёсны, цвели,
Всё встало
В миге, смешавшем как сплав:
Ненависть, силу, сознание прав!

Люди празднуют праздник кровавый,
Люди проходят и красны и пьяны,
Люди проходят по мертвым телам.
Солдаты не знают, кто правый, неправый,
Стучат, как всегда, барабаны,
Но пальцы устали касаться к куркам.
Толпы народа проходят за толпами следом
Сквозь ужас, под зовами красных знамен,
К началу новых времен,
К победам.
Убивая, — творить, обновлять!
С ненасытной природой вонзать
Зубы в святую мишень!
В великий безумием день
Пряжу для жизни ликующей прясть

Иль жертвой строительной пасть!
Умирая, — творить, обновлять!

Горят мосты и строенья
(Фасады из крови на фоне ночном),
И в глуби каналов дрожат отраженья —
На самое дно уходящим столбом!
Громадные тени больших колоколен
Лежат, как преграды, по светлой земле.
Огонь над домами, и весел и волен,
Кидает пригоршнями искры во мгле.
И черные дымы извивом могучим
Летят, вне себя, к окровавленным тучам.

Чу! залп!

Смерть, машинально беря на прицел,
Треском сухим разряжаемых ружей
Валит в кровавые лужи
Груды причудливо скорченных тел,
Стоявших, за миг, в полусне столбняковом.
Подавлена давка молчаньем свинцовым;
Трупы, изорваны залпом, простерты;
Обнажился, забыв о пристойности, мертвый;
Отблеск пожара на лицах у всех —
Словно чудовищный смех!

Колокол черный гудит в тишине.
В яростном бое, рыдая и споря,
Хриплые звуки плывут к вышине,
Как валы возмущенного моря.
Торопясь, задыхаясь, взывает набат
(Так сердца перебоем стучат),
Но часто настойчивый звук,
Как голос пресекшийся вдруг,
Бессильно смолкает,
И десяток пылающих рук
Кресты колокольни ласкает.

Чу! залп!

Толпа — перед входами сумрачных мэрий,
Державших весь город под тяжкой пятой,

Давивших порывы к мечте золотой,
Качает, ломает тяжелые двери;
Засовы трещат, и взлетают замки;
Отдают из утроб сундуки
Расчетные книги, счета и бумаги;
Их факелы лижут своим языком, —
И помнят о черном былом
Лишь черного дыма зигзаги!
Взвились над балконами красные флаги,
И, падая, кто-то руками раскинул
в пространстве пустом!

Своеволье и буйство везде.
Христос, в полумраке церквей,
Сорванный кем-то с распятья,
Повис на последнем гвозде,
Простирая бессильно объятья.
Лужами разлит елей;
Разбиты стекла Мадонн;
Оплеваны лики икон;
Пол убелен
Снегом причастья,
И по нему проложили немало дорог
Следы святотатственных ног.

Самоцветные камни убийств и возмездий
Горят, словно взоры далеких созвездий.
Город сверкает,
Как исполин золотой, облеченный в багрец!
Город во мглу простирает
Свой, опоясанный пламенем ярким, венец!
Поля и селенья, безмолвно простерты,
Следят, не решаясь дышать,
Как некто во глуби громадной реторты
Жизнь и безумие хочет смешать;
Как дым, подымаясь из бури народной,
Метет небосвод безответно-холодный.

Убивая, твори, обновляй
Иль пади и умри!
Открой или руки о двери сломай, —
Ты, искра в сияньи встающей зари!

И что бы судьба ни судила, —
Сквозь сонмы веков нас влечет,
Спеша, задыхаясь, безвестная Сила,
Роковая Сила — вперед!

Декабрь 1905, <1923>

МЯТЕЖ

Туда, где над площадью — нож гильотины,
Где рыщут мятеж и набат по домам!
Мечты вдруг, безумные, — там!

Бьют сбор барабаны былых оскорблений,
Проклятий бессильных, раздавленных в прах.
Бьют сбор барабаны в умах.

Глядит циферблат колокольни старинной
С угрюмого неба ночного, как глаз...
Чу! бьёт предназначенный час!

Над крышами вырвалось мстящее пламя,
И ветер змеистые жала разнес,
Как космы кровавых волос.

Все те, для кого безнадежность — надежда,
Кому вне отчаянья — радости нет,
Выходят из мрака на свет.

Бессчетных шагов возрастающий топот
Всё громче и громче в зловещей тени,
На дороге в грядущие дни.

Протянуты руки к разорванным тучам,
Где вдруг прогремел угрожающий гром,
И молнии ловят излом.

Безумцы! кричите свои повеленья!
Сегодня всему наступает пора,
Что бредом казалось вчера.

Зовут... приближаются... ломятся
в двери...
Удары прикладов качают окно, —
Убивать — умереть — всё равно!

1905

ВЕТЕР

Вот, зыбля вереск вдоль дорог,
Ноябрьский ветер трубит в рог.
Вот ветер вереск шевелит,
Летит
По деревням и вдоль реки,
Дробится, рвется на куски, —
И дик и строг,
Над вересками трубит в рог.

И над колодцами бадьи,
Качаясь, жалобно звенят,
Кричат
Под ветром жалобы свои.
Под ветром ржавые бадьи
Скрипят
В тупом и тусклом забытьи.

Ноябрьский ветер вдоль реки
Нещадно гонит лепестки
И листья желтые с берез;
Поля, где пробежал мороз,
Метлой железною метет,
Вороньи гнезда с веток рвет;
Зовет,
Трубя в свой рог,
Ноябрьский ветер, дик и строг.

Вот старой рамой
Стучит упрямо;
Вот в крыше стонет, словно просит,
И молкнет с яростью бессилья.
А там, над красным краем рва,
Большие мельничные крылья

Летящий ветер косят, косят, —
Раз-два, раз-два, раз-два, раз-два!

Вкруг церкви низкой и убогой
На корточки присев, дома
Дрожат и шепчутся с тревогой,
И церковь вторит им сама.
Раскинув распятые руки,
Кресты на кладбище глухом
Кричат от нестерпимой муки
И наземь падают ничком.

Дик и строг,
Ноябрьский ветер трубит в рог
На перекрестке ста дорог!

Встречался ль вам
Ноябрьский ветер здесь и там,
Трубач, насильник и бродяга,
От стужи зол и пьян отвагой?
Видали ль вы, как нынче в ночь
Он с неба месяц бросил прочь,
Когда всё скудное село
От ужаса изнемогло
И выло, как зверей ватага?

Слыхали ль вы, как, дик и строг,
По верескам и вдоль дорог
Ноябрьский ветер трубит в рог?

1905 (?)

КУЗНЕЦ

Где выезд в поле, где конец
Жилых домов, седой кузнец,
Старик угрюмый и громадный,
С тех пор как, ярость затая,
Легла руда под молот жадный,
С тех пор как дым взошел над горном,

Кует и правит лезвия
Терпенья — над огнем упорным...

И знают жители селенья,
Те, что поблизости живут
И в сжатых кулаках таят ожесточенье,
Зачем он принял этот труд
И что дает ему терпенье
Сдавить свой гневный крик в зубах!
А те, живущие в равнине, на полях,
Чьи тщетные слова — лай пред кустом без зверя,
То увлекаясь, то не веря,
Скрывают страх
И с недоверчивым вниманьем
Глядят в глаза, манящие молчаньем.

Кузнец стучит, старик кует,
За днями день, за годом год.

В свой горн он бросил крик проклятий
И гнев, глухой и вековой;
Холодный вождь безвестных ратей,
В свой горн, горящий, золотой,
Он бросил ярость, горесть — злобы
И мятежа гудящий рев,
Чтоб дать им яркость молний, чтобы
Им дать закал стальных клинков.

Вот он,
Сомнений чужд и чуждый страха,
Склоненный над огнем, внезапно озарен,
И пламя перед ним как ряд живых корон;
Вот, молот бросивши с размаха,
Его вздымает он, упрям и напряжен,
Свой молот, вольный и блестящий,
Свой молот, из руды творящий
Оружие побед,
Тех, что провидит он за далью лет!

Пред ним все виды зол, бессчетных,
всевозможных:
Голодным беднякам — подарки слов пустых;

Слепцы, ведущие уверенно других;
Желчь отвердевшая — в речах пророков ложных;
Над каждой мыслью — робости рога;
Пред справедливостью — из текстов баррикады;
Мощь рабских рук, не знающих награды
Ни в шуме городском, ни там, где спят луга;
Деревни, скошенные тенью,
Что падает серпом от сумрачных церквей;
И весь народ, привыкший к униженью,
Упавший ниц под нищетой своей,
Не мучимый раскаяньем напрасным,
Сжимающий клинок, что всё же станет красным;
И право жить, и право быть собой —
В тюрьме законности, толкуемой неверно;
И пламя радости и нежности мужской,
Погасшее в руках морали лицемерной;
И отравляемый божественный родник,
В котором жадно пьет сознанье человека; —
И после всяких клятв, и после всех улик,
Всё то же вновь и вновь, доныне и от века!

Кузнец, в спокойствии немом,
Не верит хартиям, в которых
Вскрывают смысл иной потом.
В дни действий гибель — договоры!
И он молчит, давно молчит,
Мужскую гордость сжав зубами воли,
Неистовец из тех, кому две доли:
Он мертв падет иль победит!
Чего он хочет, хочет непреклонно,
Круша своим хотением гранит,
Сгибая им во тьме бездонной
Кривые мировых орбит.

И, слушая, как снова, снова
Струятся слезы всех сердец, —
Невозмутимый и суровый,
Седой кузнец,
Он верит пламенно, что злобы неизменной,
Глухих отчаяний безмерная волна,
К единому стремлением сильна,

Однажды повернет к иному времена
И золотой рычаг вселенной!
Что должно ждать с оружием в руках,
Когда родится Миг в чернеющих ночах!
Что должно подавлять преступный крик разлада,
Когда знамена ветер споров рвет;
Что меньше надо слов, но лучше слушать надо,
Чтоб Мига различить во мраке мерный ход;
Что знаменьям не быть ни на земле, ни в небе,
Что бог-спаситель к людям не сойдет,
Но что безмолвные возьмут свой жребий!

Он знает, что толпа, возвысив голос свой
(О, сила страшная, чей яркий луч далеко
Сверкает на челе торжественного Рока),
Вдруг выхватит безжалостной рукой
Какой-то новый мир из мрака и из крови,
И счастье вырастет, как на полях цветы,
И станет сущностью и жизни и мечты,
Всё будет радостью, всё будет внове!

И ясно пред собой он видит эти дни,
Как если б, наконец, уже зажглись они:
Когда содружества простейшие уроки
Дадут народам — мир, а жизни — светлый строй,
Не будут люди, злобны и жестоки,
Как волки грызться меж собой;
Сойдет Любовь, чья благостная сила
Еще неведома в последних глубинах,
С надеждой к тем, кого судьба забыла;
И брешь пробьет в пузатых сундуках
(Где дремлет золото, хранимое напрасно)
День справедливости, несдержанной и красной;
Подвалы, тюрьмы, банки и дворцы
Исчезнут в дни, когда умрут гордыни;
И люди, лишь себя величащие ныне,
Себялюбивые слепцы,
Всем братьям расточат свои живые миги;
И будет жизнь людей проста, ясна;
Слова (их угадать еще не могут книги)
Всё разъяснят, раскроют всё до дна,
Что кажется теперь запутанным и темным;

Причастны Целому, с своим уделом скромным
Сроднятся слабые; и тайны вещества,
Быть может, явят тайну божества...

За днями день, за годом год
Кузнец стучит, старик кует
За гранью города, в тиши,
Как будто лезвия души,
Над красным горном наклонен,
Во глубь столетий смотрит он,
Кует, их светом озарен,
Предвидя сроков окончанье,
Клинки терпенья и молчанья.

1905, <1923>

ДЕКАБРЬ

— Откройте, люди, откройте дверь мне!
Стучусь в окно я, стучусь в косяк.
Откройте, люди! я — зимний ветер,
Из мертвых листьев на мне наряд.

— Входи свободно, холодный ветер,
Живи всю зиму в печной трубе!
Тебя мы знаем, тебе мы верим,
Холодный ветер, привет тебе!

— Откройте, люди! я — неустанный,
В неверно-серой одежде дождь.
Я чуть заметен в дали туманной,
На фоне неба и голых рощ.

— Входи свободно, дождь неустанный,
Входи, холодный, входи, глухой!
Входите вольно, дождь и туманы:
Есть много трещин в стене сырой.

— Откройте, люди, дверные болты,
Откройте, люди! я — белый снег.
Все листья, ветер, в полях размел ты,
Плащом я скрою их все, их всех.

— Входи свободно, под крики вьюги,
И лилий белых живой посев
Разбрось щедрее по всей лачуге,
До самой печи, о белый снег!

Входите смело, снег, дождь и ветер,
Входите, дети седой зимы!
Мы, люди, любим и вас и север
За скорбь, что с вами познали мы!

1906

В ВЕЧЕРНИЙ ЧАС

Пусть тот, кто некогда, в неведомых веках,
Склонив в вечерний час над этой книгой вежды,
Моих забвенных строк встревожит давний прах,
Чтоб наших дней понять желанья и надежды!

О, пусть он ведает, с каким восторгом я,
Сквозь ярость и мятеж, борьбы внимая кличу,
Бросался в бой страстей и в буйство бытия,
Чтоб вынести из мук — Любовь, свою добычу!

Люблю свой острый мозг, огонь своих очей,
Стук сердца своего и кровь своих артерий,
Люблю себя и мир, хочу природе всей
И человечеству отдаться в полной мере!

Жить: это — взяв, отдать с весельем жизнь свою.
Со мною равны те, кто миром так же пьяны!
С бессонной жадностью пред жизнью я стою,
Стремлюсь в ее самум, в ее поток багряный!

Паденье и полет, величье и позор —
Преображает всё костер существованья.
О, только б, кругозор сменив на кругозор,
Всегда готовым быть на новые исканья!

Кто ищет, жаждет кто, — сливает трепет свой
С мятущейся толпой, с таинственной вселенной.
Ум жаждет вечности, он дышит широтой,
И надобно любить, чтоб мыслить вдохновенно!

Безмерной Нежностью всеведенье полно,
В ней — красота миров, в ней — движущая сила,
Причины тайные ей разгадать дано...
О ты, кого мечта в грядущем посетила,

Моих былых стихов тебе открыть ли смысл?
Я жду, что в дни твои пришедший мощный гений
Из неизбежного, из пасти мертвых числ
Исторгнет истину всемирных примирений!

<1906>

НЕ ЗНАЮ ГДЕ

Это где-то на севере, где, я не знаю,
Это где-то на полюсе, в мире стальном,
Там, где стужа когтями скребется по краю
Селитренных скал, изукрашенных льдом.

Это — холод великий, едва отраженный
В серебряном зеркале мертвых озер;
Это — иней, что точит, морочит бессонный,
Низкорослый, безлиственный бор.

Это — полночь, огромный скелет обнаженный
Над серебряным зеркалом мертвых озер,
Это — полночь, что точит, морочит, хохочет,
Но раздвинуть руками гигантскими хочет
Холодный и звездный простор.

В дали полуночной, безвольной
Это — смолкнувший звон колокольный,
Это — убранный снегом и льдами собор.

Это — хор похоронный, с которым без слов я
рыдаю,
Литургия Великого Холода в мире стальном.
Это где-то, — не в старом ли северном крае? —
не знаю!
Это где-то, — не в старом ли северном сердце? —
в моем!

<1906>

ДОЖДЬ

Как длинные нити, нетихнущий дождь,
Сквозь серое небо, и тучен и тощ,
Над квадратами луга, над кубами рощ,
Струится нетихнущий дождь,
Томительный дождь,
Дождь...

Так он льет со вчера,
Так он мокрые тянет лоскутья
С тверди серой и черной;
Терпеливый, упорный,
Так он льет со вчера
На перепутья,
Необорный.

По путям,
Что ведут от полей к городам,
По дорогам, безмерно скривленным,
Шагом сонным,
Монотонным,
Утомленным,
Словно дроги путем похоронным,
Проезжают возы, в колеях,
До того без конца параллельных,
Что они исчезают в ночных небесах,
И сливаются в далях предельных,
А вода,
Час за часом, струится всегда;
Плачут травы, деревья и домы
В бесконечности кроткой истомы...

Перейдя за гнилые плотины,
Разливаются реки в долины
Серой пеной,
И плывет унесенное сено;
Ветер хлещет орешник и ивы;
И, хвостами в воде шевеля,
Стадо черных быков наполняет мычаньем поля;
Вечер близится; тени — пугливы,
И неслышно ложатся вдоль сумрачных рощ;

Твердь — всё та же,
Так же льется нетихнущий дождь,
Долгий дождь,
Дождь густой, непрозрачный, как сажа.

Долгий дождь
Нити вытянул ровно и прямо;
Ткет ногтями своими упрямо,
Петля за петлей, стежок за стежком, —
Одеянье,
Закрывая в свой плащ каждый дом,
Каждое зданье,
В плащ изодранный, жалкий,
Что виснет тряпьем,
Как на палке...

Голубятня под крышей зубчатой;
Слуховое оконце, бумагой заткнутое грубо;
Водосточные трубы,
Что крестом стоят над коньком;
На мельницах крылья с заплатой;
Крест над родной колокольней, —
Под долгим дождем,
Непрерывным дождем,
Умирает зимой в агонии безвольной...

О нетихнущий дождь,
В серых нитях, в морщинах, с большой бородой
Водяной!
О нетихнущий дождь
Старых стран,
Многодневный, седой, облеченный в туман!

<1915>

ТОЙ, КТО ЖИВЕТ БЛИЗ МЕНЯ

Лобзанья мертвые годов минувших
Оставили печать на дорогих чертах;
Поблекло много роз и на твоих щеках
Под строгим ветром лет мелькнувших;

Твои уста и ясные глаза
Не блещут больше молнией летучей,
И над твоим челом не виснет тучей
Твоя густая черная коса;

И руки милые, с задумчивым мерцаньем
На пальцах, никогда уже не льнут ко мне,
Чтоб целовать мой лоб в минутном сне,
Как утро мхи целует с трепетаньем;

И тело юное, то тело, что мечтой
Я украшал с волнением когда-то,
Уже не дышит свежестью и мятой,
И плечи не сравню я с ивой молодой.

Всё гибнет, и, увы! всё блекнет миг за мигом,
И даже голос твой как будто изменен.
Как зрелый мак, твой стройный стан склонен.
И юность поддалась невидимым веригам!

И всё ж моя душа, верна, твердит тебе:
Что мне до бега лет, назначенных судьбе!
Я знаю, что ничто, во всей вселенной,
Не изменит восторженной мечты,
И для любви, глубокой, неизменной,
Не значат ничего прикрасы красоты!

<1915>

ФЕВРАЛЬ

Есть в мире скорбные сердца,
Что плачут, плачут без конца;
Как мрамор плит в лучах луны,
Они бледны.

Есть в мире много скорбных спин,
Согбенных под ярмом годин,
Как кровли нищенских домов
У берегов.

Есть в мире много скорбных рук,
Иссохших от вседневных мук,
Как листья желтые у ног
В пыли дорог.

Есть в мире много скорбных глаз,
Глядящих с робостью на нас,
Как овцы в час грозы ночной
Глядят с тоской.

Да, много скорбных есть людей,
Усталых в кротости своей,
Что, сгорблены, бегут вдали
По всем путям большой земли.

20 марта 1918

ЖАН МОРЕАС

НОКТЮРН

Тук-тук, тук-тук. — «Ты кто, старик?»
— «Я, ваша милость, гробовщик».

— «Сюда, сюда, тебя я жду,
Высокий клен сруби в саду,
Тяжелый гроб мне приготовь,
Чтоб схоронить мою любовь».

Тук-тук, тук-тук. — «Стучи, старик,
Спеши работать, гробовщик!

Ты белым тюлем гроб обвей,
Как грудь у ней, как грудь у ней!
И голубой прибавь убор,
Как милый взор, как милый взор!»

Тук-тук, тук-тук. — «Стучи, старик,
Спеши работать, гробовщик!

Вот там, вот там, где кленов ряд,
В тот час, когда погас закат
И месяц встал, и кругл и ал,
Другой к ее устам припал».

Тук-тук, тук-тук. — «Ты кто, старик?»
— «Я, ваша милость, гробовщик».

— «Иди в мой сад, — иди, я жду.
Высокий клен сруби в саду,
Тяжелый гроб мне приготовь,
Чтоб схоронить мою любовь».

8 марта 1896

МОРИС МЕТЕРЛИНК

НАМЕРЕНИЯ

Сжальтесь над унылыми глазами,
Где душа мечтает о своем,
Сжальтесь над невскрытыми цветами,
Над тоской на берегу ночном!

Смущены таинственные воды;
Лилии дрожат в их глубине,
И бегут по влаге вдаль разводы...
Эти все видения — во мне!

Боже! боже! на стеблях от лилий
Вырастают странные цветы;
Мерно взмахи серафимских крылий
Движут воду в озере мечты.

И за чашей чаша расцветает
На воде, по знаку, в этот час,
И душа, как лебедь, раскрывает
Крылья белые усталых глаз.

17 августа 1902, <1913>

УНЫНИЕ

Павлины, белые павлины, уплыли при лучах луны,
Павлины, белые павлины, уплыли плавно навсегда,
Уплыли белые павлины, мои томительные сны,
До пробужденья, до рассвета, во глубь заглохшего пруда.
Павлины, белые павлины, мои томительные сны,
Уплыли плавно в глубь глухую, где дремлет тусклая вода,
В глухую глубь пруда без солнца, где волны полны тишины,
Павлины, белые павлины, уплыли плавно навсегда.

30 марта 1905

* * *

А если он возвратится,
Что должна ему я сказать?
— Скажи, что я и до смерти
Его продолжала ждать.

А если он спросит, где ты?
О, что я скажу в ответ!
— Отдай ему этот перстень,
Ничего не сказав в ответ.

А если он удивится,
Почему так темно теперь?
— Укажи погасшую лампу,
Укажи открытую дверь.

А если он спрашивать будет
О том, как свет угасал?
— Скажи, что я улыбалась, —
Чтоб только он не рыдал!

А если он не спросит,
Должна ли я говорить?
— Взгляни на него с улыбкой
И позволь ему позабыть.

<1899>

* * *

Пришли и сказали
(О, как страшно, дитя!),
Пришли и сказали,
Что уходит он.

Вот зажгла я лампу
(О, как страшно, дитя!),
Вот зажгла я лампу
И пошла к нему!

Но у первой двери
(О, как страшно, дитя!),
Но у первой двери
Задрожал мой свет.

У второй же двери
(О, как страшно, дитя!),
У второй же двери
Зашептал мой свет.

И у третьей двери
(О, как страшно, дитя!),
И у третьей двери —
Умер свет.

<1905>

* * *

Я тридцать лет искала, сестры,
Где скрылся Он.
Я тридцать лет блуждала, сестры,
И всё — как сон.

Я тридцать лет блуждала, сестры,
Прошла везде,
Он был во всем и всюду, сестры,
И — всё ж нигде!

Настал печальный вечер, сестры!
Мой посох — прочь!
Моя душа страдает, сестры,
И скоро ночь!

Но вам шестнадцать лет, о, сестры!
Что жизнь моя!
Взяв посох мой, ступайте, сестры,
Искать, как я!

<1905, 1909>

* * *

Были у ней золотые короны,
Кому их, все три, подарила она?

Она подарила первую матери:
Золотые тенета купила она
И ее держала в оковах всё лето.

Она подарила вторую возлюбленным:
Серебряной вязи купили они
И ее держали в оковах всю осень.

Она подарила последнюю дочери:
Железные цепи купила она
И ее держала в оковах всю зиму.

<1905>

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ

УПРЕК

«Как! мною ты владел, — моим лицом смущенным,
Клонившимся с мольбой,
И телом всем моим, покорным, обнаженным,
Дрожавшим пред тобой!

Дыханье уст моих ты пил устами жадно;
Ловил во мгле теней
Мой заглушенный стон; касался беспощадной
Рукой — моих грудей.

И сердца моего широкие биенья
Подслушивать ты мог;
И ропот робости; увы! — и наслажденья
Непобедимый вздох.

Да! ты владел моим бессилием покорным,
И страхом и стыдом...
Что говорю! моим — бесстыдством! и позорным
Желаний торжеством...

Я пред тобой была безвольной, обнаженной
От бедер до лица,
И заклинала я, чтоб сумрак благосклонный
Тянулся без конца! —

И мог ты о другом беседовать с другими,
Не о моих губах!
Их речь выслушивать, смеяться вместе с ними,
И думать о делах!

И мог ты снова жить, как жил, меня не зная!
И, свой восторг тая,
Не называть меня! молчать, не повторяя:
Она моя! моя!

Нет! если ты владел моей покорной страстью,
И ты, с того же дня,
Всем не кричал о том, в душе не веря счастью,
Ты не любил меня!»

1908

ЭРНЕСТ РЕЙНО

ЗАБЫТЫЕ ПЕВЦЫ...

Забытые певцы! безвестные поэты!
Бессчетный черный полк, вовеки не согретый
Лучом известности! У букинистов я,
В числе календарей и книжного старья,
Ваш томик разыскав, беру его без торга
(О, гробик маленький печалей и восторга!)
И после, вечером, при лампе, в тишине,
Как я вознагражден, когда внезапно мне
Из груды слов пустых, с томительной страницы,
Блеснет прекрасный стих, как беглый блеск
зарницы!
С певцом неведомым я в чувстве слиться рад,
И слезы горькие в моей груди дрожат,
И в глубь грядущих дней смотрю я горделиво,
Исправив приговор судьбы несправедливой!

<1909>

ЛЮСИ ДЕЛАРЮ-МАРДРЮС

РОДНОЙ АРОМАТ

Почуяв аромат страны родной, — зубами
Впилась я в яблоко, с закрытыми глазами...
И мне представилось, что в поле я стою,
Что ветер с берега ласкает грудь мою,
И от лучей меня скрывает тополь старый...
И мне послышалось, что слиты волн удары
С веселым щебетом птиц, реющих кругом...
И я подумала, что там, в саду моем,
Сорвавши яблоко рукой нетерпеливой,
Забыла я закрыть калитку...
Сколько раз
Там, в поле, осенью, смежая веки глаз,
Пила я сок плодов твоих, о край счастливый,

Моя Нормандия! Не излечиться мне
Вовеки от любви к моей родной стране!
Всегда мне радостно в мечтах об ней забыться...
Да кто же мог когда от детства излечиться!

<1909>

ДЖОРДЖ-ГОРДОН БАЙРОН

ХОЧУ Я БЫТЬ РЕБЕНКОМ ВОЛЬНЫМ

Хочу я быть ребенком вольным
И снова жить в родных горах,
Скитаться по лесам раздольным,
Качаться на морских волнах.
Не сжиться мне душой свободной
С саксонской пышной суетой!
Милее мне — над зыбью водной
Утес, в который бьет прибой!

Судьба! возьми назад щедроты
И титул, что в веках звучит!
Жить меж рабов — мне нет охоты,
Их руки пожимать мне стыд!
Верни мне край мой одичалый,
Где знал я грезы ранних лет,
Где реву Океана — скалы
Шлют свой бестрепетный ответ!

О! я не стар! Но мир, бесспорно,
Был сотворен не для меня!
Зачем же скрыты тенью черной
Приметы рокового дня?

Мне прежде снился сон прекрасный,
Виденье дивной красоты...
Действительность! ты речью властной
Разогнала мои мечты.

Кто был мне друг — в краю далеком,
Кого любил — тех нет со мной.
Уныло в сердце одиноком,
Когда надежд исчезнет рой!
Порой над чашами веселья
Забудусь я на краткий срок...
Но что мгновенный бред похмелья!
Я сердцем, сердцем — одинок!

Как глупо слушать рассужденья,
О, не друзей и не врагов!
Тех, кто по прихоти рожденья
Стал сотоварищем пиров.
Верните мне друзей заветных,
Деливших трепет юных дум,
И брошу оргий дорассветных
Я блеск пустой и праздный шум.

А женщина!.. Тебя считал я
Надеждой! утешеньем! всем!
Каким же мертвым камнем стал я,
Когда твой лик для сердца нем!
Дары судьбы, ее пристрастья,
Весь этот праздник без конца
Я отдал бы за каплю счастья,
Что знают чистые сердца!

Я изнемог от мук веселья,
Мне ненавистен род людской,
И жаждет грудь моя ущелья,
Где мгла нависнет над душой!
Когда б я мог, расправив крылья,
Как голубь к радостям гнезда,
Умчаться в небо без усилья,
Прочь, прочь от жизни — навсегда!

1904

ОСКАР УАЙЛЬД

БАЛЛАДА РЭДИНГСКОЙ ТЮРЬМЫ

I

Он больше не был в ярко-красном,
Но он обрызган был
Вином багряным, кровью алой,
В тот час, когда убил, —
Ту женщину убил в постели,
Которую любил.

В одежде серой, сером кепи,
Меж тех, кто осужден,
И он гулял походкой легкой;
Казался весел он;
Но не знавал я, кто смотрел бы
Так жадно в небосклон.

Да, не знавал я, кто вперял бы
Так пристально глаза
В клочок лазури, заменявший
В тюрьме нам небеса,
И в облака, что проплывали,
Поставив паруса.

Я также шел меж душ страдальных,
Но круг другой свершал.
Я думал о его поступке,
Велик он или мал.
Бедняге в петле быть, — за мною
Так кто-то прошептал.

О, боже! Словно закачались
Твердыни стен кругом,
И небо налегло на череп,
Как огненный шелом.
Я сам страдал, но позабыл я
О бедствии своем.

Я знал одно: с какою мыслью
Он между нас идет,
И почему он смотрит жадно
На ясный небосвод.
Он ту убил, кого любил он,
И вот за то умрет.

Возлюбленных все убивают, —
Так повелось в веках, —
Тот — с дикой злобою во взоре,
Тот — с лестью на устах;
Кто трус — с коварным поцелуем,
Кто смел — с клинком в руках.

Один любовь удушит юный,
В дни старости — другой,
Тот — сладострастия рукою,
Тот — золота рукой,
Кто добр — кинжалом, потому что
Страдает лишь живой.

Тот любит слишком, этот — мало;
Те ласку продают,
Те покупают; те смеются,
Разя, те слезы льют.
Возлюбленных все убивают, —
Но все ль за то умрут?

Не всем палач к позорной смерти
Подаст условный знак,
Не все на шею примут петлю,
А на лицо колпак,
И упадут, вперед ногами,
Сквозь пол, в разверстый мрак.

Не все войдут в тюрьму, где будет
Следить пытливый глаз,
Днем, ночью, в краткий час молитвы
И слез в тяжелый час, —
Чтоб узник добровольной смертью
Себя от мук не спас.

Не всем у двери в час рассветный
Предстанет страшный хор:
Священник, в белом весь, дрожащий,
Судья, склонивший взор,
И, в черном весь, тюрьмы Смотритель,
Принесший приговор.

Не всем придется одеваться
Позорно впопыхах,
Меж тем как ловит грубый Доктор
В их нервных жестах страх,
И громко бьют, как страшный молот,
Часы в его руках.

Не все узнают муки жажды,
Что горло жжет огнем,
Когда палач в своих перчатках,
Скользнув в тюрьму тайком, —
Чтоб жажды им не знать вовеки,
Окрутит их ремнем.

Не все склонят чело, внимая
Отходной над собой,
Меж тем как ужас сердца громко
Кричит: ведь ты живой!
Не все, входя в сарай ужасный,
Свой гроб толкнут ногой.

Не все, взглянув на дали неба
В окно на потолке
И, чтобы смерть пришла скорее,
Молясь в глухой тоске,
Узнают поцелуй Кайафы
На трепетной щеке.

II

Он шесть недель свершал прогулку
Меж тех, кто осужден.
В одежде серой, в сером кепи,
Казался весел он.
Но не знавал я, кто смотрел бы
Так жадно в небосклон.

Да, не знавал я, кто вперял бы
Так пристально глаза
В клочок лазури, заменявший
В тюрьме нам небеса,
И в облака, что плыли мимо,
Раскинув волоса.

Рук не ломал он, как безумец,
Что посреди могил
Дитя обманное — Надежду —
Охотно б воскресил;
Он лишь глядел на высь, на солнце
И воздух утра пил.

Рук не ломал он и не плакал,
Приняв, что суждено,
Но жадно пил он солнце, словно
Таит бальзам оно,
И ртом открытым пил он воздух,
Как чистое вино.

Шло много там же душ страдальных,
Я с ними круг свершал,
Мы все забыли наш проступок,
Велик он или мал,
За тем следя угрюмым взором,
Кто петли, петли ждал.

И странно было, что так просто
Меж нами он идет,
И странно было, что так жадно
Он смотрит в небосвод,
И странно было, что убил он,
И вот за то умрет.

Листвой зеленой дуб и клены
Веселый май дарит,
Но вечно-серый, любим виперой,
Проклятый столб стоит,
На нем плода не жди, но кто-то,
Сед или юн, висит.

Стоять высоко — всем охота,
Высь всех людей зовет,
Но без боязни, в одежде казни,
Кто встретит эшафот?
Кто смело бросит взгляд сквозь петлю
Последний в небосвод?

Плясать под звуки скрипок сладко,
Мечта и Жизнь манят;
Под звуки флейт, под звуки лютен
Все радостно скользят,
Но над простором, в танце скором,
Плясать едва ль кто рад!

Прилежным взглядом, ряд за рядом,
Следили мы за ним,
И каждый думал, не пойдет ли
И он путем таким.
Слепорожденным, знать не дано нам,
Не к Аду ль мы спешим.

И день настал: меж Осужденных
Не двигался мертвец.
Я понял, что на суд, в застенок,
Предстал он, наконец.
Что вновь его увидеть в мире
Мне не судил Творец.

Мы встретились, как в бурю в море
Разбитые суда,
Друг с другом не промолвив слова
(Слов не было тогда), —
Ведь мы сошлись не в ночь святую,
А в горький день стыда.

Двух проклятых, отъединил нас
От жизни скрип ворот;
Весь мир нас выбросил из сердца,
Бог — из своих забот;
Попались мы в силок железный,
Что грешных стережет.

III

Двор Осужденных! Жестки камни,
С высоких стен — роса...
Там мы гуляли, — свинцом свисали
Над нами небеса.
И зоркий Страж, чтоб кто не умер,
Следил во все глаза.

И тот же Страж следил за Мертвым,
Днем и ночной порой,
Следил, когда вставал он плакать
Иль падал ниц с мольбой, —
Чтоб он себя от эшафота
Не спас своей рукой.

Устав тюремный без ошибки
Тюрьмы Смотритель знал;
Что смерть есть только факт научный,
Нам Доктор объяснял;
В день дважды приходил Священник
И книжки раздавал.

В день дважды пил он кварту пива,
Пускал из трубки дым;
Служитель церкви от волненья
Был разумом храним;
Что руки палачей так близко,
Он находил благим.

Но почему так говорил он,
И Страж не смел спросить.
Ведь тот, кому достался в жизни
Печальный долг следить,
Замком сомкнуть обязан губы,
Лицо под маской скрыть.

Иначе может он быть тронут
И помощь оказать,
А место ль это речь привета,
Как к брату, обращать?
Что в состояньи Состраданье
Там, где должны страдать?

И всё удалей мы свершали
Наш шутовской парад.
Что нам! Мы знали, что мы стали
Из Дьявольских бригад!
Обрито темя, цепи бремя —
Веселый маскарад!

Канат кровавыми ногтями
Щипали мы до тьмы,
Мы стены мыли, пол белили,
Решетки терли мы,
Носили ведра, взводом, бодро,
Скребли замки тюрьмы.

Мешки мы шили, камни били,
Таскали пыльный тес,
Стуча по жести, пели песни,
Потели у колес.
Но в каждом сердце скрыт был ужас
И ключ безвестных слез.

Так скрыт, что, словно в травах волны,
Все наши дни ползли,
И жребий страшный, нам грозящий,
Мы позабыть могли.
И мы однажды — пред могилой,
Идя с работ, прошли.

Живой желая жертвы, яма
Зевала желтым ртом,
И грязь про кровь шепталась тайно
С асфальтовым двором.
Сказало это: здесь до света
Он будет с палачом.

Мы промолчали; душу сжали —
Смерть, Ужас и Судьба.
Прошел палач с своей сумою
Походкою раба,
И все, дрожа, к себе вошли мы,
Как в разные гроба.

Толпою страхов коридоры
В ту были ночь полны,
В железной башне, тихи, страшны,
Шаги теней слышны,
И сквозь бойницы, бледны, лица
Смотрели с вышины.

Он спал и грезил, как уснувший
В весенний день, в лугах.
Следя, не понимали Стражи,
Как спать, забывши страх,
Когда палач стоит за дверью
С веревкою в руках.

Но плакал тот, кто слез не ведал!
От всех сон скрылся прочь:
Грабители, убийцы, воры
Не спали в эту ночь;
Страх за того им вторгся в душу,
Кому нельзя помочь.

За грех чужой изведать ужас,
О, что страшней, Творец!
До рукояти меч Расплаты
Вонзился в глубь сердец,
Катились слезы за другого
И были — как свинец.

А Стражи, в обуви бесшумной,
Скользили каждый час;
На нас, склоненных, удивленно
Смотрел в окошко глаз:
Они дивились, что мы молились —
Быть может, в первый раз.

Минуты длились; мы молились,
Оплакивая труп.
И перья полночи свивались
Над гробом в мрачный клуб;
Вино раскаянья на губке
Казалось — желчь для губ.

Петух пел серый, петух пел красный,
    Но не рождался день.
В углах, где мы лежали, Ужас
    Водил за тенью тень.
Во тьме кривлялись злые духи,
    Забыв дневную лень.

Они скользили, проходили,
    Как люди сквозь туман,
Луну дразнили под кадрили,
    Сгибая ловко стан.
С чредой поклонов церемонных
    Шли из различных стран.

Шли, улыбаясь, шли, кривляясь,
    Вперед, рука с рукой,
Плясали странно сарабанду,
    Кругом, одна с другой,
Чертили дерзко арабески,
    Как ветер над водой.

Марионеток пируэты
    Творили на носках,
И масок флейты, масок песни
    Нам всем внушали страх.
Они все пели, громко пели,
    Тревожа сон в гробах.

«О, пусть, — кричали, — *пышны дали!*
    В цепях пойдешь куда?
Однажды, дважды кость бросайте,
    Играйте, господа!
Но проиграет, кто играет
    С Грехом в Дому Стыда!»

Не рой видений были тени,
    Плясавший страшный хор!
Тем, кто в оковах был суровых,
    Носил цепей убор, —
Казалось, — боже, — с живыми схожи
    Они, пугая взор.

Кружились маски в вальсе, в пляске,
Смеялись нам из тьмы;
Как рой прелестниц, с верху лестниц
Сбегали в глубь тюрьмы;
Глумясь с укором, звали взором,
Пока молились мы.

———

Вот плакать начал ветер утра,
Но ночь не отошла:
Ночь на своем станке гигантском
За нитью нить пряла.
Молясь, дрожали мы и ждали,
Чтоб Правда Дня пришла.

Вкруг влажных стен тюремных ветер,
Блуждая, грустно выл,
И нас, как колесо стальное,
За мигом миг разил.
О ветер! Что же мы свершили,
Чтоб ты нас сторожил!

И, наконец, узор решетки
Стал четко виден мне,
Как переплет свинцовый, рядом
С кроватью на стене.
И понял я, что где-то в мире
День божий — весь в огне.

Мы в шесть часов убрали кельи,
В семь тишина легла,
Но мощной дрожью чьих-то крыльев
Тюрьма полна была;
С дыханьем льдистым — долг свершить свой
Царица Смерть вошла.

Не шагом бурным, в плаще пурпурном,
Не на коне верхом. . .
Доска, веревка, парень ловкий —
Вся виселица в том.
Скользнул постыдно (было видно)
Ее герольд к нам в дом.

———

Казалось, кто-то чрез болото
Идет в унылой тьме:
Шептать моленья мы не смели
И вновь рыдать в тюрьме;
Погасло в каждом что-то разом:
Надежды свет в уме.

Идет всё прямо Правосудье,
Не потеряет след,
Могучих губит, губит слабых, —
В нем милосердья нет,
Пятой железной давит сильных, —
Убийца с давних лет!

Мы ждали, чтоб пробило восемь...
Был сух во рту язык...
Мы знали: восемь — голос Рока,
Судьбы проклятый крик.
Равно для злых и правых петлю
Готовит Рок в тот миг.

Что было делать, как не ждать нам,
Чтоб этот знак был дан?
Недвижны, немы были все мы,
Как камни горных стран,
Но сердце с силой било, словно
Безумец в барабан.

Внезапно всколыхнул молчанье
Часов тюремный звон;
И вдруг, как волны, всё наполнил
Бессильной скорби стон:
Так прокаженные тревожат,
Вопя, болотный сон.

Как лики ужаса являет
Порой нам снов кристалл, —
Мы вдруг увидели веревку,
Нам черный крюк предстал,
Мы услыхали, как молитву
Палач в стон смерти сжал.

Весь ужас, так его потрясший,
Что крик он издал тот,
Вопль сожаленья, пот кровавый,
Их кто, как я, поймет?
Кто жил не жизнь одну, а больше,
Не раз один умрет.

IV

В день казни нет обедни в церкви,
Ее нельзя свершать:
Священник слишком болен сердцем,
Иль бледен он, как тать,
Иль то в его глазах прочтем мы,
Что нам нельзя читать.

Мы были заперты до полдня. . .
Но, слышим, вот звонят. . .
Бренча ключами, молча, Стражи
Открыли келий ряд.
Пошли мы лестницей железной,
Свой покидая Ад.

Хотя на божий свет мы вышли,
Наш круг был изменен:
Один от страха весь был бледен,
Другой, как стебль, склонен,
И не знавал я, кто смотрел бы
Так жадно в небосклон.

Да, не знавал я, кто вперял бы
Так пристально глаза
В клочок лазури, заменявший
В тюрьме нам небеса,
И в облака, что плыли мимо,
Чтоб окропить леса.

И не было меж нас такого,
Кто б, с бледностью лица,
Не думал, что и он достоин
Такого же конца:
Ведь если он убил живого,
То эти — мертвеца.

Тот, кто вторично грех свершает,
Терзает мертвых вновь,
Он с них срывает страшный саван
И вновь их точит кровь,
Вновь точит кровь, за каплей каплю,
И убивает вновь.

Как клоуны, в наряде диком,
В рисунке двух кругов,
Мы молча шли асфальтом скользким,
Вкруг, вкруг, все сто шагов,
Мы молча шли асфальтом скользким,
И каждый шел без слов.

Мы молча шли асфальтом скользким,
И через каждый ум
Носилась Память об ужасном,
Как ветра дикий шум,
И перед каждым мчался Ужас,
И Страх стоял, угрюм.

Взад и вперед ходили Стражи,
Как пастухи в стадах,
Одеты в праздничное платье,
В воскресных сюртуках,
Но выдавала их деянье
Нам известь на ногах.

Где широко зияла яма,
Ее мы не нашли.
Виднелись у стены тюремной
Песок и слой земли,
Да комья извести, как саван,
Над мертвым сверх легли.

Да! Был у мертвого свой саван, —
Не многим дан такой!
Труп обнажен, чтоб стыд был больше,
Но за глухой стеной
Лежит в земле, — закован в цепи, —
В одежде огневой.

И пламя извести всё гложет
    Там тело мертвеца:
Ночами жадно гложет кости,
    Днем гложет плоть лица,
Поочередно плоть и кости,
    Но сердце — без конца!

Три долгих года там не сеют
    И не сажают там,
Три долгих года там не место
    Ни травам, ни цветам;
Земля молчит, не шлет упрека
    Смущенным небесам.

Им кажется: убийцы сердце
    Отравит сок стеблей.
Неправда! Взысканная богом,
    Земля добрей людей:
Алей цвет алой розы будет
    И белой цвет — белей.

Даст сердце стебли розы белой,
    Рот — стебли алых роз,
Кто знает, чем святую волю
    Готов явить Христос,
С тех пор как посох Парсифаля
    Цветами вдруг пророс?

Нет! Белым розам, алым розам
    В тюрьме не место жить.
Кремень, булыжник, черепица —
    Всё, что здесь может быть:
Цветы могли б иное горе
    Порою облегчить.

Нет! Ни один — ни розы алой,
    Ни белой — лепесток
Не упадет близ стен проклятых
    На землю иль песок,
Не скажет узникам, что умер
    За всех распятый бог.

И всё ж, хотя стеной проклятой
Тот мертвый окружен,
И дух того не бродит ночью,
Кто цепью отягчен,
И дух того лишь стонет жалко,
Кто в известь схоронен, —

Он всё ж, — несчастный, — дремлет в мире,
Иль в мире будет он:
Он Ужасами не тревожим,
Он Страхом не смущен,
В земле нет ни Луны, ни Солнца,
Где бедный схоронен.

Как зверь, он ими был повешен,
И реквием святой
Не пел над ним, как утешенье
Его душе больной.
С поспешностью он унесен был,
Зарыт в земле сырой.

Раздетый труп они швырнули
(Пусть мухи поедят!),
Смеялись, что так вздуто горло,
Чист и недвижен взгляд,
И с хохотом ему творили
Из извести наряд.

Колен Священник не преклонит
Перед могилой той,
Пред ней не сделает, с молитвой,
Он знак креста святой,
Хоть ради грешников Спаситель
Сошел в наш мир земной.

Но что ж! Грань жизни перешел он:
То участь всех живых.
В разбитой урне Сожалений
Потоки слез чужих.
О нем отверженцы рыдали,
Но плакать — доля их.

V

Прав или нет Закон, — не знаю:
То знать мы не должны.
Мы, узники, одно мы знаем,
Что прочен свод стены,
Что день в тюрьме подобен году,
Что дни его длинны.

И знаю я, что все Законы
(Создание людей),
С тех пор как брат убит был братом
И длится круг скорбей, —
Зерно бросают, лишь мякину
Храня в коре своей.

Я также знаю — и должны бы
О том все знать всегда, —
Что люди строят стены тюрем
Из кирпичей стыда
И запирают, чтоб Спаситель
Не заглянул туда.

Они свет Солнца запирают
И милый лик Луны,
Они свой Ад усердно прячут,
И в нем схоронены
Дела, что люди и сын божий
Увидеть не должны!

В тюрьме растет лишь Зло, как севы
Губительных стеблей.
Одно достойно в том, кто гибнет
И изнывает в ней:
Что в ней Отчаяние — сторож,
А Горе — спутник дней.

Здесь могут голодом ребенка
И день и ночь терзать,
Бить слабых, мучить сумасшедших
И старцев оскорблять.
Те гибнут, те теряют разум,
И все должны молчать.

Живут здесь люди в кельях узких,
И тесных, и сырых,
В окно глядит, дыша отравой,
Живая Смерть на них,
И, кроме Похоти, всё стало
Прах — в образах людских.

Поят водою здесь гнилою,
Ее мы с илом пьем;
Здесь хлеб, что взвешен строго, смешан
С известкой и с песком;
Здесь сон не дремлет: чутко внемлет,
Крича, обходит дом.

Пусть тощий Голод с Жаждой бледной,
Как две змеи, язвят,
Пусть сохнет тело, — что за дело! —
Другой ужасней яд:
Мы днем таскаем камни, — ночью
Они в груди лежат.

Здесь в келье — сумрак, в сердце — полночь.
Здесь всюду — мрак и сон.
Колеса вертим, паклю щиплем,
Но каждый заключен
В Аду отдельном, и молчанье
Страшней, чем медный звон.

Никто не подойдет к нам с речью
Приветной и живой,
Лишь глаз к нам смотрит сквозь решетку
Безжалостный и злой;
Забыты всеми, гибнем, гибнем
Мы телом и душой!

Одни, унижены, мы ржавим
Цепь жизни без конца.
Те плачут, те клянут, те терпят
С бесстрастностью лица, —
Но камни сердца раздробляет
Благой Закон Творца.

Сердца, разбитые в темницах,
Благоуханье льют,
Так, как у ног Христа разбитый
Альвастровый сосуд,
И дивным полон ароматом
Земных грехов приют.

О, счастлив тот, чье сердце может
Разбиться на пути!
Как иначе очистить душу
И новый путь найти?
Когда не в глубь сердец разбитых, —
Куда Христу сойти?

И тот, чье вздуто было горло,
Чист и недвижен взгляд,
Ждал рук Того, Кем был разбойник
С креста на Небо взят.
Сердцам разбитым и печальным
Христос являться рад.

Тот в красном, кто читал Законы,
Ему отсрочку дал, —
Три маленьких недели жизни,
Чтоб он свой грех сознал
И кровью искупил минуту,
Когда он нож держал.

Омыли слезы крови руку,
Что кровью залита.
Смывается кровь только кровью,
И влага слез — чиста.
Знак Каина кровавый — белой
Печатью стал Христа.

VI

Близ Рэдинга есть замок Рэдинг
И ров позорный в нем.
Во рву лежит один несчастный,
Сжигаемый огнем;
В горючем саване лежит он,
Без имени над рвом.

Пусть он до дня, когда вострубит
    Архангел, мирно спит.
Шум лишних вздохов, слез ненужных
    Его пусть не смутит.
Убил он ту, кого любил он,
    И вот за то убит.

Возлюбленных все убивают, —
    Так повелось в веках, —
Тот — с дикой злобою во взоре,
    Тот — с лестью на устах.
Кто трус — с коварным поцелуем,
    Кто смел — с клинком в руках.

1912

ЭДГАР ПО

ЮЛАЛЮМ

Скорбь и пепел был цвет небосвода,
    Листья сухи и в форме секир,
    Листья скрючены в форме секир
Моего незабвенного года.
    Был октябрь, и был сумрачен мир.
То был край, где спят Обера воды,
    То был дымно-туманный Уир, —
Лес, где озера Обера воды,
    Ведьм любимая область — Уир.

Кипарисов аллеей, как странник,
    Там я шел с Психеей вдвоем,
    Я с душою своей шел вдвоем,
Мрачной думы измученный странник.
    Реки мыслей катились огнем,
    Словно лава катилась огнем,
Словно серные реки, что Яник
    Льет у полюса в сне ледяном,
Что на северном полюсе Яник
    Со стоном льет подо льдом.

Разговор наш был — скорбь без исхода,
Каждый помысл — как взмахи секир,
Память срезана взмахом секир:
Мы не помнили месяца, года
(Ах, меж годами страшного года!),
Мы забыли, что в сумраке мир,
Что поблизости Обера воды
(Хоть когда-то входили в Уир!),
Что здесь озера Обера воды,
Лес и область колдуний — Уир!

Дали делались бледны и серы,
И заря была явно близка,
По кадрану созвездий — близка,
Пар прозрачный вставал, полня сферы,
Озаряя тропу и луга;
Вне его полумесяц Ашеры
Странно поднял двойные рога,
Полумесяц алмазной Ашеры
Четко поднял двойные рога.

Я сказал: «Он нежнее Дианы.
Он на скорбных эфирных путях,
Веселится на скорбных путях.
Он увидел в сердцах наших раны,
Наши слезы на бледных щеках;
Он зовет нас в блаженные страны,
Сквозь созвездие Льва в небесах —
К миру Леты влечет в небесах.
Он восходит в блаженные страны
И нас манит, с любовью в очах,
Мимо логова Льва, сквозь туманы,
Манит к свету с любовью в очах».

Но, поднявши палец, Психея
Прошептала: «Он странен вдали!
Я не верю звезде, что вдали!
О, спешим! о, бежим! о, скорее!
О, бежим, чтоб бежать мы могли!»
Говорила, дрожа и бледнея,
Уронив свои крылья в пыли,

В агонии рыдала, бледнея
И влача свои крылья в пыли,
Безнадежно влача их в пыли.

Я сказал: «Это — только мечтанье!
Дай идти нам в дрожащем огне,
Искупаться в кристальном огне.
Там, в сибиллином этом сияньи,
Красота и надежда на дне!
Посмотри! Свет плывет к вышине!
О, уверуем в это мерцанье
И ему отдадимся вполне!
Да, уверуем в это мерцанье
И за ним возлетим к вышине,
Через ночь — к золотой вышине!»

И Психею, шепча, целовал я,
Успокаивал дрожь ее дум,
Побеждал недоверие дум,
И свой путь с ней вдвоем продолжал я.
Но внезапно, высок и угрюм,
Саркофаг, и высок и угрюм,
С эпитафией дверь — увидал я.
И, невольно, смущен и угрюм,
«Что за надпись над дверью?» сказал я.
Мне в ответ: «Юлалюм! Юлалюм!
То — могила твоей Юлалюм!»

Стало сердце — скорбь без исхода,
Каждый помысл — как взмахи секир,
Память — грозные взмахи секир.
Я вскричал: «Помню прошлого года
Эту ночь, этот мёсяц, весь мир!
Помню: я же, с тоской без исхода,
Ношу страшную внес в этот мир
(Ночь ночей того страшного года!).
Что за демон привел нас в Уир!
Так! то — мрачного Обера воды,
То — всегда туманный Уир!
Топь и озера Обера воды,
Лес и область колдуний — Уир!

1895—1896, <1924>

АННАБЕЛЬ ЛИ

Много лет, много лет прошло,
У моря, на крае земли.
Я девушку знал, я ее назову
Именем Аннабель Ли,
И жила она только одной мечтой —
О своей и моей любви.

Я ребенок был, и ребенок она,
У моря, на крае земли,
Но любили любовью, что больше любви,
Мы, и я и Аннабель Ли!
Серафимы крылатые с выси небес
Не завидовать нам не могли!

Потому-то (давно, много лет назад,
У моря, на крае земли)
Холоден, жгуч, ветер из туч
Вдруг дохнул на Аннабель Ли,
И родня ее, знатная, к нам снизошла,
И куда-то ее унесли,
От меня унесли, положили во склеп,
У моря, на крае земли.

Вполовину, как мы, серафимы небес
Блаженными быть не могли!
О, да! потому-то (что ведали все
У моря, на крае земли)
Полночью злой вихрь ледяной
Охватил и убил мою Аннабель Ли!

Но больше была та любовь, чем у тех,
Кто пережить нас могли,
Кто мудростью нас превзошли,
И ни ангелы неба, — никогда, никогда! —
Ни демоны с края земли
Разлучить не могли мою душу с душой
Прекрасной Аннабель Ли!

И с лучами луны нисходят сны
О прекрасной Аннабель Ли,
И в звездах небеса горят, как глаза

Прекрасной Аннабель Ли,
И всю ночь, и всю ночь не уйду я прочь,
Я всё с милой, я с ней, я с женой моей,
Я — в могиле, у края земли,
Во склепе приморской земли.

21 ноября 1900, <1924>

ВОРОН

Как-то в полночь, в час унылый, я вникал, устав,
без силы,
Меж томов старинных, в строки рассужденья одного
По отвергнутой науке, и расслышал смутно звуки,
Вдруг у двери словно стуки, — стук у входа моего.
«Это — гость, — пробормотал я, — там, у входа моего,
Гость, — и больше ничего!»

Ах! мне помнится так ясно: был декабрь и день
ненастный,
Был как призрак — отсвет красный от камина моего.
Ждал зари я в нетерпенье, в книгах тщетно утешенье
Я искал в ту ночь мученья, — бденья ночь, без той, кого
Звали здесь Линор. То имя... Шепчут ангелы его,
На земле же — нет его.

Шелковистый и не резкий шорох алой занавески
Мучил, полнил темным страхом, что не знал я до того.
Чтоб смирить в себе биенья сердца, долго в утешенье
Я твердил: «То — посещенье просто друга одного».
Повторял: «То — посещенье просто друга одного,
Друга, — больше ничего!»

Наконец, владея волей, я сказал, не медля боле:
«Сэр иль Мистрис, извините, что молчал я до того.
Дело в том, что задремал я, и не сразу расслыхал я,
Слабый стук не разобрал я, стук у входа моего».
Говоря, открыл я настежь двери дома моего.
Тьма, — и больше ничего.

И, смотря во мрак глубокий, долго ждал я, одинокий,
Полный грез, что ведать смертным не давалось до того!
Всё безмолвно было снова, тьма вокруг была сурова,
Раздалось одно лишь слово: шепчут ангелы его.
Я шепнул: «Линор», и эхо — повторило мне его,
Эхо, — больше ничего.

Лишь вернулся я несмело (вся душа во мне горела),
Вскоре вновь я стук расслышал, но ясней, чем до того.
Но сказал я: «Это ставней ветер зыблет своенравней,
Он и вызвал страх недавний, ветер, только и всего,
Будь спокойно, сердце! Это — ветер, только и всего.
Ветер, — больше ничего!»

Растворил свое окно я, и влетел во глубь покоя
Статный, древний Ворон, шумом крыльев славя торжество,
Поклониться не хотел он; не колеблясь, полетел он,
Словно лорд иль леди, сел он, сел у входа моего,
Там, на белый бюст Паллады, сел у входа моего,
Сел, — и больше ничего.

Я с улыбкой мог дивиться, как эбеновая птица,
В строгой важности — сурова и горда была тогда.
«Ты, — сказал я, — лыс и черен, но не робок и упорен,
Древний, мрачный Ворон, странник с берегов, где ночь всегда!
Как же царственно ты прозван у Плутона?» Он тогда
Каркнул: «Больше никогда!»

Птица ясно прокричала, изумив меня сначала.
Было в крике смысла мало, и слова не шли сюда.
Но не всем благословенье было — ведать посещенье
Птицы, что над входом сядет, величава и горда,
Что на белом бюсте сядет, чернокрыла и горда,
С кличкой «Больше никогда!»

Одинокий, Ворон черный, сев на бюст, бросал, упорный,
Лишь два слова, словно душу вылил в них он навсегда.
Их твердя, он словно стынул, ни одним пером не двинул,
Наконец, я птице кинул: «Раньше скрылись без следа
Все друзья; ты завтра сгинешь безнадежно!..» Он тогда
Каркнул: «Больше никогда!»

Вздрогнул я, в волненьи мрачном, при ответе столь
удачном.
«Это — всё, — сказал я, — видно, что он знает, жив года
С бедняком, кого терзали беспощадные печали,
Гнали вдаль и дальше гнали неудачи и нужда.
К песням скорби о надеждах лишь один припев нужда
Знала: больше никогда!»

Я с улыбкой мог дивиться, как глядит мне в душу
птица.
Быстро кресло подкатил я, против птицы, сел туда:
Прижимаясь к мягкой ткани, развивал я цепь
мечтаний,
Сны за снами; как в тумане, думал я: «Он жил года,
Что ж пророчит, вещий, тощий, живший в старые года,
Криком: больше никогда?»

Это думал я с тревогой, но не смел шепнуть ни слога
Птице, чьи глаза палили сердце мне огнем тогда.
Это думал и иное, прислонясь челом в покое
К бархату; мы, прежде, двое так сидели иногда...
Ах! при лампе, не склоняться ей на бархат иногда
Больше, больше никогда!

И, казалось, клубы дыма льет курильница незримо,
Шаг чуть слышен серафима, с ней вошедшего сюда.
«Бедный! — я вскричал, — то богом послан отдых всем
тревогам,
Отдых, мир! чтоб хоть немного ты вкусил забвенье, —
да?
Пей! о, пей тот сладкий отдых! позабудь Линор, — о,
да?»
Ворон: — «Больше никогда!»

«Вещий, — я вскричал, — зачем он прибыл, птица или
демон?
Искусителем ли послан, бурей пригнан ли сюда?
Я не пал, хоть полн уныний! В этой заклятой пустыне,
Здесь, где правит ужас ныне, отвечай, молю, когда
В Галааде мир найду я? обрету бальзам когда?»
Ворон: — «Больше никогда!»

«Вещий, — я вскричал, — зачем он прибыл, птица или
демон?
Ради неба, что над нами, часа страшного суда,
Отвечай душе печальной: я в раю, в отчизне дальной,
Встречу ль образ идеальный, что меж ангелов всегда?
Ту мою Линор, чье имя шепчут ангелы всегда?»
Ворон: — «Больше никогда!»

«Это слово — знак разлуки! — крикнул я, ломая руки.
Возвратись в края, где мрачно плещет Стиксова вода!
Не оставь здесь перьев черных, как следов от слов
позорных!
Не хочу друзей тлетворных! С бюста — прочь, и
навсегда!
Прочь — из сердца клюв, и с двери — прочь виденье
навсегда!»
Ворон: — «Больше никогда!»

И, как будто с бюстом слит он, всё сидит он, всё
сидит он,
Там, над входом, Ворон черный с белым бюстом слит
всегда!
Светом лампы озаренный, смотрит, словно демон
сонный.
Тень ложится удлиненно, на полу лежит года, —
И душе не встать из тени, пусть идут, идут года, —
Знаю, — больше никогда!

1896, <1905, 1924>

СОНЕТ К НАУКЕ

Наука! ты — дитя Седых Времен!
Меняя всё вниманьем глаз прозрачных,
Зачем тревожишь ты поэта сон,
О коршун! крылья чьи — взмах истин мрачных!

Тебя любить? и мудрой счесть тебя?
Зачем же ты мертвишь его усилья,
Когда, алмазы неба возлюбя,
Он мчится ввысь, раскинув смело крылья!

Дианы коней кто остановил?
Кто из лесу изгнал Гамадриаду,
Услав искать приюта меж светил?

Кто выхватил из лона вод Наяду?
Из веток Эльфа? Кто бред летних грез,
Меж тамарисов, от меня унес?

<1924>

ЕЛЕНЕ

Тебя я видел раз, лишь раз; шли годы;
Сказать не смею сколько, но немного.
То был Июль и полночь; и от полной
Луны, что, как твоя душа, блуждая,
Искала путь прямой по небесам, —
Сребристо-шелковым покровом света,
Спокойствие, и зной, и сон спадали
На поднятые лики тысяч роз,
В саду волшебном выросших, где ветер
Смел пробегать на цыпочках едва, —
На поднятые лица роз спадали,
Струивших, как ответ на свет любовный
В безумной смерти, аромат души, —
На лица роз спадали, что смеялись
И умирали в том саду, заклятом
Тобой и чарой близости твоей.

Одетой в белом, на ковре фиалок,
Тебя лежащей видел я; свет лунный
Скользил на поднятые лица роз
И на твое, — ах! поднятое с грустью.

Была ль Судьба — та полночь, тот Июль,
Была ль Судьба (что именуют Скорбью),
Что повелела мне у входа медлить,
Вдыхая ароматы сонных роз?
Ни шага вкруг; проклятый мир — дремал,
Лишь ты и я не спали (боже! небо!
Как бьется сердце, единя два слова!).
Лишь ты и я не спали. Я смотрел,

И в миг единый всё вокруг исчезло
(О, не забудь, что сад был тот — волшебный!):
Луны погасли перловые блестки,
Скамьи из моха, спутанные тропки,
Счастливые цветы, деревья в грусти, —
Всё, всё исчезло; даже запах роз
В объятьях ароматных вздохов умер.
Исчезло всё, — осталась ты, — нет, меньше,
Чем ты: лишь дивный свет — очей твоих,
Душа твоих взведенных ввысь очей.
Лишь их я видел: то был — весь мой мир;
Лишь их я видел; все часы лишь их,
Лишь их, пока луна не закатилась.

О, сколько страшных сказок сердца было
Написано на тех кристальных сферах!
Что за тоска! Но что за упованья!
И что за море гордости безмолвной!
Отважной гордости, и несравненной
Глубокой силы роковой Любви!

Вот, наконец, Диана, наклоняясь
На запад, стерла грозовые тучи;
Ты, призрак, меж деревьев, осенявших
Тебя, исчезла. Лишь глаза остались,
Не уходили, — не ушли вовек,
Мне освещая одинокий к дому
Мой путь, светили (как надежды) — вечно.
Они со мной ведут меня сквозь годы,
Мне служат, между тем я сам — их раб;
Их дело — обещать, воспламенять —
Мой долг; спасаем я их ярким блеском,
Их электрическим огнем очищен,
Я освящен огнем их елисейским.
Мне наполняя душу Красотой
(Она ж — Надежда), светят в небе — звезды,
Что на коленях чту в ночных томленьях;
Но вижу их и в полном блеске полдня,
Всегда их вижу, — блещущие нежно
Венеры две, что не затмит и солнце.

<1924>

ПЕСНЯ НЕСЭСИ

Под жасмином, под маком,
Под ветвями, что сны
Охраняющим мраком
Берегут от луны, —

Лучезарные сестры!
Вы, кто, взоры смежив,
Чарой пламенно-острой
Звездам шлете призыв, —

Чтобы им опуститься
К вашим ликам на час.
Словно взором Царицы,
Призывающей вас, —

Пробуждайтесь, хранимы
Ароматом цветов:
Некий подвиг должны мы
Совершить в царстве снов!

Отряхните, ликуя,
С черноты ваших кос
Каждый след поцелуя
В каплях утренних рос!

(Ибо ангел не в силах
Без любви жить и час,
И заря усыпила
Поцелуями вас!)

Встаньте! С крыльев стряхните
Рос чуть видимый гнет:
Их прозрачные нити
Ваш замедлят полет.

След любовной истомы
Свейте, свейте вконец!
В косах — блеск невесомый,
Он для сердца — свинец!

Где Лигейя? — Далеко ль,
    Кто прекрасней всех дев,
Чей и помысл жестокий
    Переходит в напев?

Или ты пожелала
    Задремать в куще роз?
Или грезишь устало,
    Как морской альбатрос,[1]

На полночном молчаньи,
    Как на воздухе он,
Внемля в страстном мечтаньи
    Мелопее времен?

Знаю! где бы Лигейю
    Ни сковала мечта,
Та же музыка с нею
    Неразрывно слита.

Ты, Лигейя, смежаешь
    Много взоров мечтой,
Но, уснув, ты внимаешь
    Песням, сродным с тобой, —

Что цветам, беспрерывней,
    Дождь лепечет в саду,
Чтоб затем, в ритме ливней,
    Проплясать их в бреду, —

Тем, что ропщут при всходе
    Чуть прозябшей травы, —
Звукам, вечным в природе,
    Повторенным, увы![2]

---

[1] Говорят, что альбатрос спит, паря в воздухе.

[2] Я нашел эту мысль в старой английской сказке, которую цитирую на память: «Самая сущность, первичный источник, происхождение всякой музыки — в пленительном шуме, который издают прорастающие растения».

О, далеко, далеко
    Унеси свои сны,
Где источник глубокий
    Спит под лаской луны, —

Где над озером сонным
    В звездах вся синева,
И посевом зеленым
    К ним глядят острова, —

Где, в извилинах лилий,
    Дикий берег не смят
И где в неге бессилий
    Девы юные спят, —

Те, что, пчел разумея,
    Вместе с ними — во сне,[1] —
Пробудись, о Лигейя,
    Там, в блаженной стране!

Девам спящим — в виденье
    Музыкально шепни!
(Чтоб услышать то пенье,
    И уснули они).

Ибо ангелов что же
    Пробуждает от сна,
В час, когда так похожа
    На виденье луна,

Как не чара, чудесней
    Чар, сводящих луну:
Ритм пленительной песни,
    Низводящей ко сну!

<1924>

---

[1] Дикие пчелы не спят в темноте, если светит луна.

С НЕМЕЦКОГО

ИОГАНН-ВОЛЬФГАНГ ГЕТЕ

ФАУСТ

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Сцена VI

Большой двор перед дворцом. Факелы. Мефистофель, как смотритель, впереди.

Мефистофель

Сюда, сюда, скорей, скорей,
Лемуры в вечной дрожи,
Творимые из жил, костей
И связок полурожи!

Лемуры
(хором)

Мы здесь, мы тотчас под рукой,
Насколько разумеем,
Еще одной страной большой
Мы скоро овладеем.
Точеных копий вот запас,
Вот цепи мерить цели:
Но для чего позвали нас,
Мы позабыть успели.

Мефистофель

Нет хитростей особых в том,
Свой рост за меру вы примите;
Длиннейший ляжет пусть ничком,
А вы, другие, дерн вокруг скосите,
Как ряд веков тому назад,
И длинный вырежьте квадрат!
Идти в могилу из дворца —
Кто глупого избег конца!

Лемуры
(с насмешливыми ужимками копают)

Я молод был и я любил,
Я жизнь считал за сказку.
Чуть слышу звон, веселья зов,
Пускались ноги в пляску.
Но старость подошла, клюкой
Схватив меня сердито;
И вот я над могилой стал,
Зачем она открыта!

Фауст
(выходя из дворца, ощупывая притолоку)

Как сладостен мне этот стук лопат!
Толпа свершает, что мне нужно..
Земля сама с собой содружна,
Возводит волнам ряд преград,
Что море валом окуют.

Мефистофель
(в сторону)

Ты лишь для нас трудился тут,
Творя плотину да препону;
Морскому черту, Посидону,
Уготовлял ты пышный пир.
Как ни трудись, но смертью ты отмечен,
Союз стихий и ада вечен,
Чтоб некогда сгубить весь мир.

Фауст

Смотритель!

Мефистофель

Здесь!

Фауст

На всем пути
Сбирать народ к работе надо;
Влияй угрозой иль наградой,
Зови, наказывай, плати,
И каждый день мне подавай отчеты,
Как над каналом движутся работы.

Мефистофель
(вполголоса)

Мне кажется, так слухи мне твердили,
Здесь не в канале дело, а в могиле.

Фауст

Дыханьем местность заразив,
У гор болота проржавели.
Мы, топь гнилую осушив,
Достигнем тем последней цели.
Дадим мы место многим миллионам
Жить, пусть непрочно, но, трудом законным
Нив плодородных круг стадам и людям
Даруя, землю новую добудем.
Пусть поселится на холмах крутых
Люд трудовой, сам воздвигая их.
Так здесь возникнет край эдемский мой,
И пусть о самый вал стучит прибой!
Где ж он в плотине путь себе прогложет, —
Содружный труд сейчас разрыв заложит.
Мне эту истину открыли годы.
В том смысл всей мудрости людской:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто день за днем за них вступает в бой.
Здесь в вечном страхе пусть ведет года
Ребенок, муж, старик, трудясь всегда.
Ах, этой жизни видеть ход,
Где волен край и волен весь народ,
Тогда мгновенью я сказал бы:
Помедли, так прекрасно ты!

И след земной мой не пропал бы
В эонах вечной темноты,
В предчувствии той радости, старик,
Я высшего мгновения достиг.

Фауст падает навзничь, лемуры поднимают его и кладут на землю.

Мефистофель

Не сыт восторгом, счастьем всем не сыт,
Он всё о новых призраках хлопочет;
Пустой, последний, жалкий миг стоит,
Но удержать его он хочет.
В борьбе со мной он был велик,
Но время — царь, пал на землю старик,
Часы стоят.

Хор

Как полночь, немы! встали,
Упали стрелки.

Мефистофель

Сломаны, упали.

Хор

Всему конец.

Мефистофель

Конец! нелепый звук.
Сказать смешно.
Конец и чистое ничто — одно.
Что значит вечное творенье
И сотворенного исчезновенье?
«Всему конец!» — что б это означало?
Да то, что этого и не бывало,
Но, словно есть, в круг мчится бесконечно, —
За то и мило мне Пустое — вечно.

Положение во гроб.

Лемур
(соло)

Кто строил этот тесный дом
Кирками и лопатой?

Лемуры
(хором)

Глухому в саване льняном —
Просторная палата!

Лемур
(соло)

Где стулья, стол? Кто этот зал
Украсил так убого?

Лемуры
(хором)

Всё это он на время взял,
А кредиторов много.

Мефистофель

Простерто тело, хочет дух бежать,
Я лист представлю, что подписан кровью,
Но, ах, умеют ныне по условью
У черта души отнимать.
Не стало прежних нам дорог,
На новых с нами все недружны;
Сам прежде всё б свершить я мог,
Теперь помощники мне нужны.
Теперь дела ведешь едва.
Обычаи и старые права
Повсюду ныне ненадежны.
Последний вздох кончал всё прежде; лишь
Слетит он, схватишь быстренькую мышь,
Цап, и в когтях уносишь осторожно.
Теперь душа в обители гнилой
Сидит упорно, дом боясь покинуть,
Пока стихий упорный бой
Ее не сможет силой ринуть.
Часы и дни трудись я незаметно,
Когда, где, как — я спрашиваю тщетно.
Смерть потеряла роковую мощь
И даже, правда ль, сразу не поймешь:
Случалось мне смотреть на труп остылый,
То был обман, вставал он, полон силы.

(Фантастические крылорукие, заклинающие движения)

Сюда скорее! шаг удвойте ваш,
Чины прямого и кривого рога,
Чертей бывалых верная подмога,
Сюда внесите адский запах наш.
У ада пастей много, много,
В черед, по званью ловит он во тьму,
Но в дни последние, теперь — не строго
Все стали относиться и к тому.

Чудовищная адская пасть разверзается слева.

Разверзлась челюсть, силы преисподней
Взметают пламя к вышине,
И в глуби, где дороги безысходней,
Сверкает Град в немеркнущем огне.
Высоко до зубов его взметнулась пена,
Спастись надеясь, грешники плывут, —
Но зев сжимает грозная гиена,
Вновь в красное жерло они падут.
В углах еще безмерная громада
Мучительств, хоть предел и огражден.
Пугайте грешных ужасами ада!
Ведь всё для них — лишь бред, и ложь, и сон!

(К толстым бесам короткого прямого рога)

Вы, красноРожие пузаны,
На адской сере вздутые везде,
С короткой шеей, низкие чурбаны,
Смотрите, фосфор не зажжется ль где.
То — душенька, то крылья мчат Психею;
Сорвите их, и стать ей лишь червем!
Чтоб, заклеймив печатию своею,
Ее повлек я в огнебурный гром.
За нижней областью следите,
Пузаны, это ваш обет.
Не тем ли скрыты жизни нити,
Ответа точного нам нет.
Пуп ей, всего вернее, дом.
Эй, не зевать, не то скользнет тайком.

(К худым бесам длинного кривого рога)

Гиганты, крылорукие верзилы,
Смотрите вверх вы, тоже не зевать!

Готовьте руки, в когти влейте силы,
Чтоб на лету беглянку задержать,
Наверно ей несносно стало там,
А гений жаждет взвиться к небесам.

Сияние свыше, справа.

Небесное воинство

Длите, посланники,
Неба избранники,
Радостный лёт.
Грех да простится,
Прах оживится,
Всему, что в природе,
Дорогу к свободе
Да созидает
Нам медленный ход.

Мефистофель

Нескладный хор, противность бормотанья
С ненужным днем без нужды сходит к нам.
Вверху там дево-юношей взыванья,
Любезные лишь сумрачным ханжам.
Им ведомо, как в час, всегда проклятый,
Стремились мы весь род людской сгубить,
Но что нашли мы, худшее трикраты,
Казалось им достойным быть.
Они явились, лицемеры!
Нас много раз они свергали в прах,
Как мы, такие ж принимая меры,
Всё те же черти, в клобуках!
Стыдом нам было б уступить им внове!
К могиле все, и будьте наготове!

Хор ангелов

(рассыпая розы)

Розы цветущие,
Бальзамы льющие,
Гирлянды вьющие,
Всем жизнь дающие,
В ветках крыленные,
В почках рожденные,
Скройте весь край!

В зелени, в пурпуре
Дайте нам май!
Здесь же простертому —
Радостный рай!

Мефистофель
(к дьяволам)

Что гнетесь, жметесь? Тот ли жар в аду!
Держитесь твердо, пусть их сеют,
Стой каждый смело в череду!
Иль думают, цветов блестящих сеть
Чертей горячих может одолеть?
В дыханьи вашем гаснет, блекнет всё,
Ну, дуйте, рожи, — будет, будет, стой!
От вашей мочи сгинет тот рой,
Не так жестоко, нос и пасть заткнули б!
Эй, слишком сильно вы дохнули!
И должной меры все не сохранят.
Не сохнут — лишь трещат, блестят, горят.
На нас летит, жжет нас огонь тлетворный,
Сплотитесь вместе, будьте все упорны!
Слабеет мощь, нет сил с огнем таким!
Ах, чуют черти жар, несродный им.

Ангелы

Цветенье священное,
Пламя блаженное,
Любовь раздают они,
Радость несут они,
Врачуя сердца!
Истины слово
С эфира благого, —
В хоре их снова
День без конца!

Мефистофель

О стыд! о вечный срам над нами!
Все черти стали вверх ногами,
Бездельники, поднявши зад,
Все в бездну кувырком стремятся,
Чтоб от ожогов искупаться, — в ад.

Но твердо я решил остаться.

(Сражаясь с пылающими розами)

Ну, что горишь, блудящий огонек!
Ты, схвачен, станешь лишь простой комок.
Сгинь, пропади, чего горишь без меры,
Затылок жжет, как зной смолы и серы.

Ангелы

(хор)

Тех, что здесь чужды вам,
Вы не касайтесь;
Тех, что враждебны нам,
Вечно чуждайтесь.
Он и надменен будь,
Твердо храним мы путь,
Любящих взносит
Только любовь.

Мефистофель

Затылок, сердце, печень — всё горит.
Сверхдьявольский огонь палит,
Чем и в аду жесточе.
Вот почему вы стонете все ночи,
Несчастные влюбленные, и бред,
Ломая шеи, мчите милой вслед.
И я! Зачем в их сторону гляжу я?
Не жил ли, с ними я всегда враждуя?
К ним взор всегда бросал я, как к врагу.
Что чуждое насквозь мне грудь пронзило?
В молодках этих всё мне ныне мило;
Я почему ж ругать их не могу!
Но если вдамся я в обманы,
Кто здесь предстанет дураком?
Противные мне мальчуганы,
Сегодня вы по сердцу мне во всем.
Милашки-деточки, хочу узнать я,
Не Люцифером ли вы рождены?
Прекрасны вы, вас жажду целовать я,
По-моему, вы здесь и быть должны.
Мне так естественно, так ладно,

Как если б я без счета видел вас,
По-кошачьи мне здесь отрадно,
Смотрю — и всё милей вы каждый раз.
Идите ближе, бросьте мне хоть взгляд!

Ангелы

Подходим мы, но ты бежишь назад!
Мы близимся, коль можешь, не уйди!

Ангелы, разлетаясь, заполняют всё пространство.

Мефистофель
(оттиснутый на авансцену)

Вы нас зовете духами паденья,
Но колдунов и в вас уменье —
Мужчин и жен сбивать с пути!
Нелепейшее приключенье!
Любви ль стихия такова?
Горит всё тело, но в волненьи
Огня не ощущает голова. —
Взлетают ввысь и вниз! Поближе рейте,
Чуть-чуть земного в прелесть членов влейте!
Мила, конечно, строгость в вас,
Но улыбнуться должно вам хоть раз!
То было б мне навек усладой,
Желал бы я влюбленных взгляда.
Одна черта у губ, ну поскорей!
Ты, длинный, всех других ты краше!
Поповские оставьте мины ваши.
Взгляните на меня чуть-чуть страстней!
Могли бы вы летать обнажены,
Рубашки эти длинны чрезмерно, —
Несутся прочь, спиной обращены! —
Но всё ж канальи лакомы, — то верно.

Хор ангелов

Пусть воссияет
Пламень любовный,
Пусть и греховный
Истину знает!
Чтобы всё злое
Стихло в покое,

Чтоб в сонме духов он
Счастье обрел.

Мефистофель

(овладевая собой)

Но что со мной! — Как Иов, рана к ране,
Я сам себе в болячках страшен стал.
Но торжествую я, во мне былой закал,
Себе я верен, род свой не продал,
Дух дьявола во мне спасен заране!
Любовный пыл сквозь волдыри пропал,
Проклятого огня не ощущаю,
Я всех вас, как и должно, проклинаю.

Хор ангелов

Пламя святое,
Кто им окутан,
Входит в приют он,
Где неземное,
От пепелища
К небу спеши.
Воздух очищен,
Дух, им дыши!

Они возносятся, унося, что было бессмертного в Фаусте.

Мефистофель

(озираясь)

Но что ж! — Куда исчезли те, что были?
Молокососами я проведен,
Они с добычей к небу воспарили,
Затем и был ко рву их рой стеснен.
Великий клад, единственный, утрачен,
Высокий дух, что мной уже был схвачен,
Так ловко у меня похищен он.
Куда мне с жалобой явиться,
Кто защитит права мои?
На старости сумел ты осрамиться
И заслужил страдания свои!
Я вел себя совсем позорно,
Плод долгих замыслов, увы! исчез;
Простая похоть, пыл любовный, вздорный
Тебя смутил, бывалый бес!

И в эти детски-глупые дела
Мог вдаться ум, тебе подобный!
Да, надо верить, Глупость не мала,
Когда своих сразить способна.

1920

С АРМЯНСКОГО

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

НОКТЮРН

Луна нежна, ветер нежен,
И сон земледелов нежен;
Луна высоко взошла,
И голос свирели нежен;
Пастух распустил быков,
И сон под чинарой нежен;
Прохлада веет в листве,
И ветер приморский нежен;
По камням ручей журчит,
И говор струй его нежен;
Все птички по гнездам спят,
Но свист соловья так нежен;
Как сладко пахнет в лесу:
То запах розы так нежен!

1915

ВОЕННАЯ ЭРЗЕРУМСКАЯ ПЕСНЯ

Поднялся крик с огромных гор, где дремлет Эрзерум,
Сердца армян потрясены, заслышав бранный шум.

Крестьянин, знавший до того лишь ремесло свое,
Бросает старое село, держа в руке ружье.

Старик, на посох опершись, с слезами крестит лоб:
«Свободной родину узреть, а там хотя б и в гроб!»

Ласкаясь, женщины мужьям сурово говорят:
«Ступай, сражайся и без ран не приходи назад!»

И девам легкая их жизнь отныне тяжела:
Они торопят женихов на славные дела.

Рыдала слишком долго ты, о матерь Айастан!
Пусть голодны твои сыны, но бодр их бранный стан.

В объятья их свои прими, прижми к груди своей,
Свои священные поля их кровью отогрей!

1915

* * *

О злая! с черной красотой! о дорогая! ангел мой!
Ты и не спросишь, что со мной, о дорогая, что
со мной!

Как жжет меня моя любовь! о дорогая, жжет любовь!
Твой лоб так бел, но сумрак — бровь! о дорогая,
сумрак — бровь.

Твой взор — как море, я — ладья! о дорогая, я —
ладья.
На этих волнах — чайка я! о дорогая, чайка — я.

Мне не уснуть, и то судьба, о дорогая, то — судьба!
О злая, выслушай раба! о дорогая, речь раба.

Ты — врач: мне раны излечи, о дорогая, излечи!
Я словно в огненной печи, о дорогая, я — в печи!

Все дни горю я, стон тая, о дорогая, стон тая,
О злая, ведь не камень я, о дорогая, пламень — я!

Мне не уснуть и краткий срок, о дорогая, краткий срок,
Тебя ищу — и одинок! о дорогая, одинок!

И ночь и день к тебе лечу, о дорогая, я лечу,
Тебя назвать я всем хочу, о дорогая, и молчу.

Но как молчать, любовь тая, о дорогая, страсть тая?
О злая, ведь не камень я, о дорогая, пламень — я!

<1916>

ФРИК

КОЛЕСО СУДЬБЫ

Гей, ты, Судьба! нам изменив, ты нас свергаешь с высоты;
Ты останавливаешь вмиг коловращенье суеты.
От века зыблющийся мир на склоне скользком держишь ты,
Подставив меру зла, твердишь: «Сыпь все заботы и мечты!»

Ах, Колесо! злодея ты лелеешь в доме золотом,
А честный должен подбирать объедки за чужим столом.
Ты в рыцари выводишь тех, кому б сидеть в хлеву свином,
Без заступа ты роешь ров и рушишь праведника дом.

Скажи: «Ты — неправа, Судьба!» — и смех услышишь без конца.
За что ученых гонишь ты, а любишь злого иль глупца?
Из них ты делаешь вельмож, их ты доводишь до венца.
И шлешь по горам и полям бродить за хлебом мудреца.

Теперь еще труднее нам, когда Татарин сел на трон,
Всех обделил он и воров поставил господами он.

Но ты ни с кем ведь не родня: вновь повернется ось
времен,
Ударишь ты, и нет царя, исчезнет он, как утром сон.

Как верить, Колесо, тебе, ведь ты не любишь никого!
Нет правды у тебя, нет клятв, нет совести, нет ничего!
Сегодня возведешь на трон, а завтра сокрушишь его,
Повергнешь в пепл и в прах, лишишь — честей, короны
и всего.

Лишь исподлобия взглянув, Судьба хребет свой
повернет,
Что тут бумага, что перо иль даже всадников сто сот!
Все терпят: от пинков Судьбы и царь спины не
сбережет,
Не сдержишь стрелами тебя, и полетишь на дно
с высот!

Судья неправедный! зачем ты правый презираешь суд?
Ты с правым во вражде всегда, а твой любимец — вор
иль плут.
Ошибки чаще ты творишь, Судьба, чем на земле весь
люд,
Ты землю, море, небо, всё — заворожаешь в пять
минут.

Невежда пред тобой велик, а мудрый головой поник,
И, что кругом ты неправа, какой не вымолвит язык!
Но, слышу, мне Судьба в ответ: «Не лай, как пес,
пустой старик,
С тех пор как я — Судьба, еще никто не лгал, как
этот Фрик!»

— Моя судьба, меня ты бьешь, ты — мой неправедный
судья,
Но вспомни, что от бога всё, и власть его, а не
моя! —
Судьба еще: «Величит бог как бедняка, так и царя,
Хоть я — Судьба, но вот тебе дать ничего не вправе я!

Бог повелит — ты будешь царь, я посажу тебя в чертог,
Бог не велит — и будешь ты скитаться нищим вдоль
дорог».
— Судьба, я замолкаю: всё — прекрасно, что дозволил
бог,
Но, нашим по грехам, порой — Армянский к нам
Создатель строг.

1915

ИОАНН ЕРЗЫНКАЙСКИЙ

ГНОМИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

I

Наш мир подобен колесу: то вверх, то вниз влечет
судьба;
Верх падает, и вновь ему взнестись настанет
череда.
Так плотник мастерит равно и колыбели и гроба:
Приходит сей, уходит тот, а он работает всегда.

II

Язык для речи служит нам: речь праведных — что
злата звон;
Бог людям дал один язык, язык у змия — раздвоен.
И, у кого два языка, один — колюч, другой —
червлен,
Становится сродни змее и всеми ненавидим он.

<1916>

НААПЕТ КУЧАК

КРУНК[1]

Крунк! куда летишь? Крик твой — слов сильней!
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?
Стой! домчишься вмиг до семьи своей.
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?

Свой покинул сад я в родной стране,
Чуть вздохну, душа — вся горит в огне.
Крунк! постой! твой крик нежит сердце мне,
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?

Пусть мои мольбы тщетно прозвучат,
Крик твой слаще, чем — в скалах водопад.
Твой в Алеппо путь? иль летишь в Багдад?
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?

Сердце звало нас — собрались, ушли,
В лживом мире мы братьев не нашли,
И тоскуем здесь, от друзей вдали...
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?

Медленна годов в мире череда.
Да услышит бог, растворит врата!
Жизнь хариба[2] — грусть, взор — в слезах всегда.
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?

Боже! пожалей, кто живет изгнан!
Грудь хариба — скорбь, сердце — полно ран,
Хлеб, что ест он, — желчь, ключ, что пьет, — поган...
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?

Праздников мне нет, будни — день за днем!
Вертелом пронзен, я сожжен огнем.
Но не пламя жжет: память о былом!
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?

---

[1] Журавль (арм.). — *Ред.*
[2] Живущий на чужбине (арм.). — *Ред.*

От Багдада путь до границ далек!
Вот, возьми письмо, я даю в залог, —
Верности твоей будь порукой бог:
Ты снеси, доставь милым мой залог.

Я пишу в письме, что мой свет погас,
Что ни в ночь, ни днем не открыть мне глаз,
Что я здесь томлюсь, милые, по вас!
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?

Осень настает... Что же! поспешай!
Стаю ты собрал меж бессчетных стай;
Не ответив, ты улетел в наш край...
Крунк! из этих мест скройся, улетай!

1915

САЯТ-НОВА

* * *

Я в жизни вздоха не издам, доколе джан ты для меня!
Наполненный живой водой златой пинджан ты для меня!
Я сяду, ты мне бросишь тень, в пустыне — стан ты для меня!
Узнав мой грех, меня убей: султан и хан ты для меня!

Ты вся — чинарный кипарис; твое лицо — пранги-атлас;
Язык твой — сахар, мед — уста, а зубы — жемчуг и алмаз;
Твой взор — эмалевый сосуд, где жемчуг, изумруд, топаз.
Ты — бриллиант! бесценный лал индийских стран ты для меня!

Как мне печаль перенести? иль сердце стало как утес?
Ах! я рассудок потерял! в кровь обратились токи слез!

Ты — новый сад, и в том саду, за тыном из роскошных
роз,
Позволь мне над тобой порхать: краса полян ты для
меня!

Любовью опьянен, не сплю, но сердце спит, тобой
полно:
Всем миром пусть пресыщен мир, но алчет лишь тебя
оно!
С чем, милая, сравню тебя? Всё, всё исчерпано давно.
Конь Раш из огненных зыбей, степная лань ты для
меня!

Поговори со мной хоть миг, будь — милая Саят-Новы!
Ты блеском озаряешь мир, ты солнцу — щит средь
синевы!
Ты — лилия долин, и ты — цветок багряный средь
травы:
Гвоздика, роза, сусамбар и майоран ты для меня!

1915

* * *

Нынче милую мою видел я в саду;
След подковки золотой освятил гряду;
Словно розу соловей, я воспел звезду,
Взор затмился мой слезой, разум был в бреду.

Ах, пусть враг мой попадет, как и я, в беду!
Яр моя! твой нежный вид душу тайно жжет,
Образ твой — шербет любви, губы — сладкий мед,
Словом, взглядом многих ты мучишь в свой черед.
Что ж, убей, но не скажи, что и я — не тот!
Пусть умру, вверяю жизнь твоему суду.

Пряди кос твоих весь год туго сплетены,
Мед в устах, могли б им быть груди смочены,
Расцветает алый рот между роз весны...
Но садовника глаза влагою полны:
Посмотри: как соловей, я пою и жду.

Ты прекраснее стократ, чем и твой портрет;
Если в комнату войдешь, тьмы без лампы нет;
Как вином мускатным дом, дух тобой согрет;
И в садах перед тобой блекнет каждый цвет;
Ветер льнет к тебе, вокруг воздух как в меду!

Знай: другой не воспою, ты доколь жива!
Выслушай, матах тебе: искренни слова!
Хлеб и соль не забывай, волю божества!
От любви к тебе — в тюрьме я, Саят-Нова!
Я теряю разум, я — вовсе пропаду!

1915

ДЖИВАНИ

* * *

Как дни зимы, дни неудач недолго тут: придут —
уйдут,
Всему есть свой конец, не плачь! — Что бег минут:
придут — уйдут.
Тоска потерь пусть мучит нас, но верь, что беды лишь
на час:
Как сонм гостей, за рядом ряд, они снуют: придут —
уйдут.

Обман, гонение, борьба и притеснение племен,
Как караваны, что под звон в степи идут: придут —
уйдут.
Мир — сад, и люди в нем цветы! но много в нем
увидишь ты
Фиалок, бальзаминов, роз, что́ день цветут: придут —
уйдут.

Итак, ты, сильный, не гордись! итак, ты, слабый,
не грусти!
События должны идти, творя свой суд, — придут —
уйдут!

Смотри: для солнца страха нет скрыть в тучах свой
палящий свет,
И тучи, на восток спеша, плывут, бегут: придут —
уйдут.

Земля ласкает, словно мать, ученого, добра, нежна;
Но диких бродят племена, они живут: придут — уйдут...
Весь мир — гостиница Дживан! а люди — зыбкий
караван!
И всё идет своей чредой: любовь и труд — придут —
уйдут!

1915

РАФАЭЛ ПАТКАНЯН

* * *

Ребенка святой колыбелью клянусь
И светлой святыней отцовского гроба!
Крещеньем в священной купели клянусь,
Родимой, мне жизнь подарившей, утробой!

Свидетелем будь мне гора Арарат,
Что встала в веках пьедесталом ковчега,
И ты, о Аракса живой водопад,
Что мать Айастан орошаешь с разбега!

И вы, о строители царства армян,
Храните свидетельство клятвы безгрешной:
Саак, и Мэсроп, и Хэвонд, и Вартан,
Ашот милосердный, Гагик неутешный!

Всё отдал тебе я, народ мой родной:
Жизнь, радость, богатство — во имя обета!
И только любовь остается со мной...
Но, если так надо, возьмите и это!

1915

ИЗ ПОЭМЫ
«СМЕРТЬ ХРАБРОГО ВАРДАНА МАМИКОНЬЯНА»

И теперь нам молчать, о друзья, и теперь,
Когда враг нас терзает, как яростный зверь,
Прямо в грудь направляет свой меч роковой,
Не смущаясь рыданьем и скорбной мольбой?
О братья армяне! пора отвечать:
И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг
Захватил ухищреньем наш отчий очаг,
Имя Гайка низверг, что блистало в былом,
И, великий в веках, обесчещен Торгом!
Лишил языка, отнял скипетр и рать?
И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг
Отнял меч-оборону, унизив наш стяг,
У работников плуг вырвал дерзко из рук,
Переделал на цепи тот меч и тот плуг?
О горе! в плену мы должны изнывать!
И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг,
Поднимая оружье, как гибельный знак,
Нас таить заставляет рыданья невзгод,
То, что душу гнетет, нам сказать не дает?
Чтоб плакать, где свой нам Евфрат отыскать?
И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг,
Совершая с надменностью каждый свой шаг,
Голос правды в душе у себя заглушив,
Гонит нас из страны, от родных наших нив?
Скитальцам, нам некуда, братья, бежать!
И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг,
Равнодушно взирая на толпы бродяг,

Нагло руку простер и, преступно глумясь,
Оборвал между братьев последнюю связь?
Так близко погибель армян! Что начать?
И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг
Нас лишает последних божественных благ?
Нашу церковь гнетет, чтоб сломить нас верней,
Волка в шкуре овечьей поставив над ней?
Нет храмов, где б нам принимать благодать!
И ныне молчать?

И теперь нам молчать? Что же скажет весь свет,
Если камни и скалы застонут в ответ?
Скажут все, что армяне достойны судьбы,
Что они по заслугам в плену и рабы!
Умели отцы край родной защищать!
Доколе ж молчать?

Пусть молчит тот, кто нем, чей недвижим язык,
Или тот, кто в ярме видеть сладость привык!
Но в ком сердце мужчин, кому честь дорога,
Пусть бесстрашно идет против злого врага!
Кто славой сумел свою смерть увенчать,
Тот вправе молчать!

<1916>

ПЕТРОС ДУРЬЯН

МОЯ СМЕРТЬ

Если смерти ангел бледный
Мне предстанет, взор склонив,
Свеет скорбь рукой победной —
Знайте: я, как прежде, жив!

Если светом бледным свечи,
Ложе смерти озарив,
Мне зальют лицо и плечи —
Знайте: я, как прежде, жив!

Если друг, в слезах, быть может,
Льдистым саваном обвив,
В черный гроб меня положит —
Знайте: я, как прежде, жив!

Если колокол застонет —
Смерти смех, ее призыв,
И мой гроб в толпе потонет —
Знайте: я, как прежде, жив!

Если близкие, с рыданьем
Гроб в могилу опустив,
Не промедлят с расставаньем —
Знайте: я, как прежде, жив!

Если ж та могила станет
Всем чужой и навсегда
Память обо мне увянет —
Знайте, что я — мертв тогда!

1915

* * *

Близ океана голубого,
Где блещут золотом пески,
Когда в золе, покрывшей снова
Весь пепел грез, тех роз тоски,
    Зари засветятся огни,
    Мою любовь ты вспомяни!

Когда опять в листве зеленой,
Чью тень любили мы с тобой,
Где часто, в час завороженный,
Сердец мы пили сладкий зной,
    Лист дрогнет, как в былые дни,
    Мои признанья вспомяни!

И утром, на заре весенней,
Когда простор и ал и чист,

Иди в поля, в простор цветений,
Смотри, где сух, где зелен лист...
Вдруг птичка запоет в тени:
Мои мечты ты вспомяни!

Чамлы-Чая взойди на кручи,
Иль на уступ Бахлар-Баши:
Мы любовались там на тучи,
Мы там блуждали — две души!
Зефир шепнет тебе «усни»!
Мою судьбу ты вспомяни!

Когда ночь летняя приветит
Тебя, звездиста и чиста,
И, как фонарь, луна засветит,
Чтоб озарить твой путь к Мота,
Былым мечтам не измени,
Мою печаль ты вспомяни!

Когда посмотришь ты, угрюмый,
На черноликий небосвод,
И сдавят сумрачные думы
Твое чело и взор, как гнет,
Ударит колокол... Вздохни
И смерть мою ты вспомяни!

1915

РОПОТЫ

Прощайте, бог и солнце, — мир лучей,
Горящий знойно над душой моей!
Собой умножу в небесах огни.
Что звезды? Не проклятье ли они
Несчастных, неповинных душ, чело
Браздящих неба, горько и светло?
О, ружья огненные бога! вы
Основы молний, перлы синевы!

Что я сказал? Испепели меня,
Разбей, о боже! Атом жалкий, я
Осмелился стремиться к небесам!

Желал взнестись к божественным огням!
Молюсь тебе, о боже, в дрожи мук,
Цветение и луч, волна и звук,
О, снявший розу с моего чела,
Огонь — с очей, с уст — трепет, блеск — с крыла!
Ты сердцу вздохи дал и взорам — тьму,
Сказал, что в Смерти я тебя пойму.
За гробом жизнь, о верю, для меня
Ты сохранил: молитв, цветов, огня!
А если мне исчезнуть суждено,
Беззвучно, безответно пасть на дно, —
Дай бледной молнией теперь же стать,
Над именем твоим восстав, кричать,
Что ты — «бог мести», впиться в грудь твою
Проклятием, подобно острию!
Ах, я дрожу, я бледен, я заклят,
Во мне вся внутренность кипит, как ад...
Меж стонов кипарисов черный вздох,
Я — лист осенний, что поблек, иссох.
Мне искру дайте, искру, чтобы жить!
Как после грез холодный гроб взлюбить?
О боже, как судьба моя черна!
Могильной сажей вписана она.
О, влей хоть каплю пламени в нее!
Я жить хочу, хочу любить еще...
Мне в душу падайте, огни небес,
Чтоб ваш любовник горестный воскрес!

Весна челу ни розы не дает,
Ни луч с небес улыбкой не скользнет:
Ночь — гроб мой; звезды — факелы; уныл
Блуждает месяц, плача, средь могил.
Для тех, над кем никто не сронит слез,
Ты этот месяц в небеса вознес.
Кто к смерти близки, всё же нужны тем,
Сначала — жизнь, и плакальщик затем.
Писали тщетно звезды мне: «Любовь!»
Пел тщетно соловей: «Люби же вновь!»
Твердили тщетно ветры о любви,
И отражали ясный лик ручьи!
Напрасно лес при мне был молчалив,
Молчали листья, тайну затаив,

Чтоб не смутить мечты святой моей,
Напрасно я всегда мечтал о ней,
Напрасно вы, весенние цветы,
Струили ладан на мои мечты!
Нет, всё смеялось, в злобе торжества,
И этот мир — насмешка божества!

1915

ИОАННЕС ИОАННИСИАН

ЦАРЬ АРТАВАЗД

Легенда

Бей молотом по наковальне, кузнец!
Бей молотом, звенья да крепнут цепей!
Врага ненавистного звенья цепей!
Бей молотом по наковальне, кузнец!

Угрюмые тучи пришли, собрались,
Седого Масиса чело облекли,
И буря ревет, словно звери сошлись,
Свистит, стонет, буйствует ветер вдали.

Бей молотом! ну! Дикий рев повторя,
Ужасные вопли из бездны звучат;
И молния блещет со взоров царя,
И искры от гнева высоко летят!

Он, мстительный, хочет вернуться опять,
Чтоб яд смертоносный страданий своих
По лону земли без конца разливать, —
Но крепко он стиснут в цепях роковых.

Пусть верные псы те оковы грызут,
Грызут беспрестанно оковы царя, —
Страданья твои, Артавазд, не пройдут,
Последняя в мире — далеко заря!

Твоей обессиленной злобы порыв
Под молотом нашим опять упадет!

Мы верим: наш край еще будет счастлив,
И грешный народ еще благо найдет!

Но, если будем подобны камням,
Расслышать не сможем призывов души, —
Спасенья купель не откроется нам:
Наш молот тогда, Артавазд, сокруши!

Когда перестанем мы молотом бить, —
Вы, псы, разгрызите железо оков:
Пора наступила — царя отпустить,
Он ринется в мир, и жесток и суров...

Но нет! не пришла роковая пора!
Нам с нового неба затеплился свет!
То — радуги, в семь переливов, игра:
Свободной и светлой судьбины завет!

Бей молотом, бей неустанно, кузнец!
Бей молотом, звенья да крепнут цепей!
Царя ненавистного тяжесть цепей!
Бей молотом по наковальне, кузнец!

1916

* * *

Всё вперед! всё наверх! бесконечен мой путь,
Истомилися руки, о, где же конец?
Где удастся коленам моим отдохнуть?
Всё вперед, всё наверх, непреклонный боец!

Пусть твердеют уступы нахмуренных гор,
Пусть грозней предвещают стремнины — конец,
Есть дыханье в груди, и ногам есть упор,
Всё вперед, всё наверх, неустанный боец!

Пусть далёко вершина, светла и чиста,
Пусть еще не сегодня страданьям конец,
Завтра будет, наверно, победа взята.
Всё вперед, всё наверх, вдохновенный боец!

<1916>

АЛЕКСАНДР ЦАТУРЯН

ПЕСНЯ

Желанный май, зеленый май!
Как мне приветствовать тебя?
Ты кровь и плач принес в наш край,
И петь не в силах я, скорбя.

Я пел, живой тоской объят,
Тебе хвалу, за днями день,
Когда твой сладкий аромат
Будил в горах и долах лень.

Настроив лиру, пел бодрей,
Когда светлели дали грез,
Я пел, как в рощах соловей,
Когда наш край был полон роз.

Но что теперь споют мечты?
Как мне приветствовать тебя?
Шипами стали все мечты,
И петь не в силах я, скорбя.

Дома у нас — руины, прах,
Померкли радостные дни,
Надежды обратились в страх,
И горе — в океан, взгляни!

Брат армянин! Под мраком туч
Не вижу твоего лица,
Твой долгий плач — уныл и жгуч,
И всё же мукам нет конца.

Желанный май, зеленый май,
Как мне приветствовать тебя?
Ты скорбь и кровь принес в наш край,
И петь не в силах я, скорбя.

1915

ОВАНЕС ТУМАНЯН

ЛАМПАДА ПРОСВЕТИТЕЛЯ

Лампада в полночь, меж светил,
Висит, блистая, в небесах,
Что Просветитель утвердил
В армянских темных небесах.

Хоть без веревки вознесена
Над Арагацем высоко,
С престола вышнего она
Мир озаряет далеко.

И теплится столетий ряд,
Неугасима в смене дней:
Святого слезы в ней горят,
Благоухающий елей.

Руке людей не досягнуть
До той безмерной высоты,
Ее и ветру не задуть,
Бродяге — вихрю темноты.

Когда наш дивный край лежит
Под черным мраком без конца,
Когда унылый страх томит
Людские слабые сердца;

Тот, кто невинен, в ком любовь,
Кто твердой верой осиян,
Кто бодро ждет, что вспыхнет вновь
День лучезарный для армян, —

Взглянув на небо, видит тот,
Что вечный светоч там повис,
Как око господа, с высот
Глядящее на землю вниз!

1916

АРМЯНСКОЕ ГОРЕ

Армянское горе — безбрежное море,
Пучина огромная вод;
На этом огромном и черном просторе
Душа моя скорбно плывет.

Встает на дыбы иногда разъяренно
И ищет, где брег голубой;
Спускается вглубь иногда утомленно,
В бездонный глубокий покой.

Но дна не достигнет она в этом море
И брега вовек не найдет.
В армянских страданьях — на черном просторе
Душа моя скорбью живет.

<1916>

АВЕТИК ИСААКЯН

* * *

Сорванную розу ветке не вернуть,
Мигом миновавшим снова не вздохнуть.

Что пережила ты — всё во сне, в тумане,
И любовь и горе — тень воспоминаний.

Сохраняй же чистым сердце, доброй будь,
Чтоб на память жизни не осела муть,

Не спеши... Смерть глянет поздно или рано...
Всё пройдет бесследно: сны и мгла тумана!

<1916>

* * *

Безвестна, безымянна, позабыта
Могила есть в безжизненной степи.
— Чей пепел тлеет под плитой разбитой,
Кто, плача, здесь молился: «Мирно спи»?

Немой стопой столетия проходят;
Вновь жаворонка песнь беспечна днем,
Вновь ветер волны травяные водит...
— Кем был любим он? кто мечтал об нем?

<1916>

ДЕРЕНИК ДЕМИРЧЯН

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ «ЛЭНК-ТИМУР»

I

Настал жестокий, черный год: зима — бесснежна и тепла;
Весна — потоплена в дождях; дни летние — сухая мгла.
Как будто кровью полный глаз, стояло солнце в облаках,
Вещая кровь, смотрело вниз и взглядом наводило страх.
Из туч, как высохших грудей, струилась ржавчина и яд.
Посев не приносил плодов, дышал зловонием распад,
И мертвецы из мглы могил вставали, жалобно стеня:
Шел черный год, жестокий год, глад, меч, всемирная резня.

II

Резня, резня, везде, везде, безумие, убийства, страх!
Резня повсюду — в городах, по деревням, в монастырях!
Резня нещадная везде! Кто жив, кляни свой первый вздох,

Кто видит — лучше бы ослеп, кто слышит — лучше бы оглох!
Ослепнем все, и ослепим мы солнце, этот глаз дневной,
И сверху донизу весь мир задернем черной пеленой.
Ударьте, ветры, без препон, безудержно трясите твердь,
Разверзни чрево, хаос! Пусть грядет Последний День и Смерть!
Что за чудовищный народ, суроволик, великоглав?
Не в трубы ль Страшного Суда трубят архангелы, восстав?

III

Сурун, сурун! — то броней звон,
Гора гремит и вторит дол,
Сурун, сурун! бегите прочь,
Гора гремит и вторит дол.

Беда, беда родным горам,
Беда, беда родным полям,
Беда князьям и пастухам,
Пришел суровый Лэнк-Тимур...

Беги, дитя! беги, старик!
Беги, богач! беги, мужик!
В пещерах, девы, скройте лик!
Пришел суровый Лэнк-Тимур.

Грозит мечом, грозит огнем,
Наполнил страхом высь и дол,
Сурун — сурун! бегите прочь,
Гора гремит и вторит дол.

<1916>

ВААН ТЕРЬЯН

* * *

Ужель поэт последний я,
Певец последний в нашем мире?
Сон или смерть — та скорбь твоя,
О светлая страна Наири?

Во мгле, бездомный, я поник,
Томясь мечтой об осиянной,
И лишь твой царственный язык
Звучит молитвой неустанной.

Звучит, и светел и глубок,
Жжет и наносит сердцу раны.
Что ярче: розы ли цветок
Иль кровь из сердца, ток багряный?

И стонет, в страхе, мысль моя:
«О, воссияй, мечта, Наири!
Ужель поэт последний я,
Певец последний в нашем мире?»

1915

* * *

Скользящей стопой, словно нежным крылом
шелестя темноты,
Прошла чья-то тень, облелеяв во мгле трав
белеющий цвет;
Вечерней порой — легковеющий вздох, что
ласкает кусты, —
Виденье прошло, женский призрак мелькнул,
белым флером одет.

В пустынный простор бесконечных полей
прошептала она, —
Не слово ль любви прошептала она
задремавшим полям?

Остался в цветах этот шёпот навек, словно
отзвуки сна,
И, шёпот ловя, этот шёпот святой,
я склоняюсь к цветам!

<1916>

* * *

Опять спустилась ночь, опять! и снова
Ты — одинока, ты — обнажена,
Во власти ты смущения больного,
И страхом, страхом снова ты полна!

Как лист, встречая ветер предосенний,
Трепещешь ты, как стебель камыша,
Ты пред собой сама без сил, без охранений,
Ты пред собой сама, — моя душа!

<1916>

ЯН РАЙНИС

ЗЕРНА МЕЖ ЖЕРНОВОВ

Прекрасные мечты ночей бессонных,
Заветы, идеалы, сердца зов —
Всё мелется меж мигов обыденных,
Как зерна меж тяжелых жерновов.

1915

ЗВУЧАЩЕЕ ПЛАМЯ

На нить нанизанные звуки
Плывут и реют в вышине:
Моей души мечты и муки
Горят и плавятся в огне!

Душа горит, сгорает ярко,
В огне расплавлена она.
Пусть сердце полно кровью жаркой,
Душа огнем претворена!

В ней всё тяжелое сгорело,
Она свободна и легка:
Всё плавится, что тяготело, —
Томленья, ужасы, тоска!

Огонь! пройди до глуби темной,
Где крылись муки, страхи, гнев,

Развей по ниве подъяремной
Свой пламенеющий посев!

Огонь, звенящий без предела,
Сжигай все думы, — чтоб разнес
Потом их пеплом, пылью белой,
Свободный ветер новых грез!

Но всё плывут и реют звуки,
И думы нижутся на нить:
Моей души мечты и муки
Горят, чтоб белым пеплом стыть!

1915

НОВАЯ СИЛА

Разрушить это тело — в вашей власти,
Мой стан согнуть и кости сокрушить,
Лучи огней бездремных потушить
И, по суду, суставы рвать на части;
Во власти пытками и дух терзать,
Пока застонет он от мук суровых,
Чтоб скорбь свою страдальцам передать...
Но дух — не ваш! И, преданный оковам,
Свободен, он восстанет с солнцем новым!

<1916>

В ГОРАХ

За годом год, всё глубже ты отметишь,
Как одинок ты! Отойдут друзья.
Лишь изредка в пути родного встретишь
Иль стебелек сорвет рука твоя.

Потом и то исчезнет... На вершинах
Замрет душа в безмолвии глухом...
Ты отдыха не обретешь на льдинах.

Но будет всё ж — под ледяным щитом —
Тоска земли в тебе пылать огнем.

<1916>

ВОЛЧЬЯ БЕРЛОГА

Как волк сжился с своей берлогой
И без нее не хочет жить,
Так память повторяет строго
Всё то, что жаждешь ты забыть.

Идешь ты к скалам и к стремнинам...
Ты разве их не избегал?
И внемлешь бурям и пучинам,
Как прежде столько раз внимал.

Себя повсюду узнаешь ты,
Бежишь к берлоге без следа...
Когда-нибудь в нее войдешь ты,
Чтоб в ней остаться навсегда!

<1916>

ИЗ ФИНСКИХ ПОЭТОВ

ИОГАН-ЛЮДВИГ РУНЕБЕРГ

У РУЧЬЯ

На берегу твоем, ручей,
Слежу я облака,
Как их ведет в волне твоей
Незримая рука.

Вот улыбнулось мне одно,
Как розы первоцвет.
Прости! Уже ушло оно,
Ему возврата нет.

Но, столь же ясно и светло,
Скользит другое — вот...
И с той же быстротой прошло,
Исчезло в свой черед.

Вот третья туча; но, мрачна
И тяжела на вид,
Неспешно двигаясь, она
Твои струи мрачит.

И я, ручей, тебя готов
Сравнить с душой моей:
Немало светлых облаков
Промчалось и над ней;

В нее и тучи по пути
    Свою бросали ночь,
Являлись быстро, но уйти,
    Ах, не спешили прочь!

И пусть я знал наверняка,
    Под бурей и в тиши,
Что это — только облака
    Над зеркалом души;

Но свет и темная пора
    Зависят всё ж от них...
Когда же кончится игра,
    Ручей, в волнах твоих!

1916

ПРИМЕЧАНИЯ

Поэтическое наследие Брюсова чрезвычайно обширно. Им были изданы 14 сборников оригинальных стихотворений, а также сборники «Русские символисты» (3 вып.), «Книга Раздумий», составленные в большей части из его стихов. В 1913 г. в издательстве «Сирин» начало выходить Полное собрание сочинений и переводов Брюсова, оставшееся незаконченным (прекратилось в 1915 г.); из вышедших томов — I—IV отведены оригинальным стихам. Кроме того, Брюсов издал трехтомное собрание своих стихотворений «Пути и перепутья» (тт. I—II, 1908, т. III — 1909) и две антологии: «Избранные стихи (1897—1915)» (М., 1915, 2-е изд. — 1916), «Кругозор. Избранные стихи 1898—1922» (М., 1922). Незадолго до смерти Брюсов подготовил к печати избранные произведения в трех томах. Издание вышло в 1926—1927 гг., после смерти поэта.

Многие стихи Брюсова, печатавшиеся в повременных изданиях, не были затем включены поэтом в сборники. Некоторые он вообще не публиковал. После смерти Брюсова они частично были опубликованы в книгах «Неизданные стихи (1914—1924)» (М.—Л., 1928) и «Неизданные стихотворения» (М., 1935). Отдельные новые публикации содержались в последующих изданиях избранных стихов поэта.

До сих пор не собраны и не опубликованы полностью многочисленные переводы Брюсова. Сам Брюсов подготовил и издал два сборника переводов Верлена («Романсы без слов». М., 1894; «Поль Верлэн, Собрание стихов». М., 1911), четыре — Верхарна («Стихи о современности», М., 1906; «Собрание стихотворений. 1883—1916», М., 1916 и 1917; «Поэмы», Пб.—М., 1923), один — Э. По («Полное собрание поэм и стихотворений». М.—Л., 1924), «Балладу Рэдингской тюрьмы» Оскара Уайльда (М., 1915, 2-е изд. — 1919). В изд. «Пантеон» в 1909 г. вышла антология «Французские лирики XIX в.», которая в расширенном виде составила т. XXI Полного собрания сочинений Брюсова. Переводы Брюсова входили в антологии «Французские лирики XVIII века» (М., 1914), «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» (М., 1916), «Сборник латышской литературы» (П., 1916), «Сборник финляндской литературы» (П., 1917). После смерти Брюсова были изданы отдельно его переводы «Фауста» Гете (ч. I, М.—Л., 1932) и «Энеиды» Вергилия (М., 1933).

Подавляющее большинство рукописей стихотворений Брюсова сохранилось. Основная часть его рукописного наследия находится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина; стихи сб. «Девятая Камена» и «Urbi et Orbi» (не полностью) — в Рукописном

отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, единичные стихотворения — в ЦГАЛИ.

В настоящее издание включены избранные стихотворения и переводы Брюсова. Они отбирались по принципу, который сам Брюсов положил в основу своего последнего издания избранных произведений. В предисловии к нему Брюсов писал, что остановился на «историческом» принципе, заключающемся в том, чтобы «по возможности приводить в образцах все разные периоды моей деятельности как поэта, стремясь, конечно, давать из них только произведения наиболее характерные и удачные».

Структура книги также соответствует тому построению, которого Брюсов придерживался во всех своих собраниях стихов: стихи расположены по сборникам, внутри сборников — по разделам. «Каждый из изданных мною сборников стихов составляет определенное целое и по содержанию, и по своему архитектурному строению, — писал Брюсов. — Мне было жаль разрушать эти живые организмы ради мертвой схемы хронологической последовательности» (предисловие к «Полному собранию сочинений и переводов»). В предисловии к подготовленному им изданию избранных произведений Брюсов подчеркивал, что ему «не хотелось разрывать явной связи между отдельными стихотворениями в группы или циклы». Естественно, что как сборники, так и разделы представлены в настоящей книге не полностью. Эпиграфы, которые Брюсов предпослал разделам, приведены в примечаниях. Так как состав сборников в ряде случаев представлен значительно шире, чем в последнем подготовленном Брюсовым издании стихотворений («Избранные произведения», 1926—1927), в основу их структуры положены тт. I—IV «Полного собрания сочинений и переводов», а для сборников, не вошедших в «Полное собрание», — их первые издания. Стихи Брюсова советского периода печатаются в последовательности, принятой в том или ином сборнике, без указания разделов.

Стихи, опубликованные Брюсовым в повременной печати, но не вошедшие в сборники, а также не публиковавшиеся прижизненно, как и стихи из незаконченной книги «Сны человечества», составляют особые разделы и печатаются в хронологической последовательности.

Переводы расположены по языкам и хронологии переведенных поэтов, а в пределах переводов из одного автора — в хронологической последовательности переводов Брюсова.

Опубликованные Брюсовым стихи печатаются по тексту последней печатной авторской редакции с проверкой по беловым и черновым автографам; не опубликованные при жизни поэта — по автографам (за исключением случаев, оговоренных в примечаниях). Стихотворения в основном датируются по автографам, где даты указаны более точно, чем в печатных источниках. При названиях сборников сохраняется авторская датировка.

В примечаниях указываются — первая публикация текста, те прижизненные издания, в которых текст подвергался изменениям, существенные разночтения и источник печатного текста. В том случае, когда стихотворения печатаются по первой публикации, источник текста не указывается.

Брюсов продолжал работать над своими стихами и после их опубликования. При переизданиях ряд стихотворений подвергался

авторской правке и переделке. К I—III тт. Полного собрания сочинений Брюсов приложил отдел «вариантов», в котором были помещены не только другие редакции тех или иных стихотворений, но и варианты отдельных стихов, которые, как писал поэт, кажутся ему «теперь удачнее позднейших исправлений или слишком значительно разнятся от них». Из богатейшего рукописного материала Брюсова, а также прижизненных изданий в наших примечаниях приводятся первоначальные редакции и наиболее значительные варианты оригинальных стихотворений. Приводимые в комментариях примечания Брюсова к отдельным стихотворениям заимствованы из первых изданий соответствующих сборников и первых публикаций.

За помощь, оказанную при подготовке этой книги, выражаем глубокую благодарность И. М. Брюсовой.

Сокращения, принятые в примечаниях

Автобиогр. — Валерий Брюсов. Автобиография. В кн. «Русская литература XX века. 1890—1910». Под ред. проф. С. А. Венгерова, т. I. Изд. «Мир», М., 1914, стр. 101—118.

В — журнал «Весы».

Верлен — Поль Верлэн. Собрание стихов в переводе Валерия Брюсова. Кн-во «Скорпион», М., 1911.

Верхарн (1906) — Эмиль Верхарн. Стихи о современности в переводе Валерия Брюсова. Кн-во «Скорпион», М., 1906.

Верхарн (1915) — Эмиль Верхарн. Собрание стихов. Перевод Валерия Брюсова. Изд. «Универсальная библиотека», М., 1915.

Верхарн (1923) — Эмиль Верхарн. Поэмы. Перевод Валерия Брюсова. 4-е переработанное и дополненное издание. «Всемирная литература», Пб.—М., 1923.

ВЖ — журнал «Вопросы жизни».

ВН — Валерий Брюсов. Все напевы. Стихи 1906—1909 гг. («Пути и перепутья». Собрание стихов, т. III). М., 1909. Кн-во «Скорпион».

ВТД — Валерий Брюсов. В такие дни. Стихи. 1919—1920. ГИЗ, М., 1921.

ГБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва).

ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Д — Валерий Брюсов. Дали. Стихи 1922 г. ГИЗ, М., 1922.

Дневн. — Валерий Брюсов. Дневники 1891—1910. Изд. М. и С. Сабашниковых, М., 1927.

ЗР — журнал «Золотое руно».

ЗТ — Валерий Брюсов. Зеркало теней. Стихи 1909—1912 гг. Кн-во «Скорпион», М., 1912.

Избр. (1915) — Валерий Брюсов. Избранные стихи (1897—1915). Изд. «Универсальная библиотека», М., 1915.

Избр. (1945) — Валерий Брюсов. Избранные стихотворения. ГИХЛ, М., 1945.

Избр. пр. I—III — Валерий Брюсов. Избранные произведения, т. I. Стихотворения 1894—1905 гг. ГИЗ, М.—Л., 1926; т. II. Стихотворения 1905—1912 гг., ГИЗ, М.—Л., 1926; т. III. Стихотворения 1913—1914 гг., ГИЗ, М.—Л., 1927.

Избр. соч. I—II — В. Брюсов. Избранные сочинения в двух томах. Гослитиздат, М., 1955.

ИМЛИ — Рукописный отдел Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР.

КР — К. Д. Бальмонт, Валерий Брюсов, Модест Дурнов, Ив. Коневской. Книга раздумий. СПб., 1899.

Круг. — Валерий Брюсов. Кругозор. Избранные стихи. ГИЗ, М., 1922.

ЛН — «Литературное наследство».

Миг — Валерий Брюсов. Миг. Стихи 1920—1921 гг. Изд. З. И. Гржебина. Пб. — Берлин, 1922.

Неизд. (1928) — Валерий Брюсов. Неизданные стихи (1914—1924). ГИЗ, М.—Л., 1928.

Неизд. (1935) — Валерий Брюсов. Неизданные стихотворения. ГИХЛ, М., 1935.

НП — журнал «Новый путь».

Опыты — Валерий Брюсов. Опыты. Кн-во «Геликон». М., 1918.

П. Арм. — Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней в переводе русских поэтов. Издание Московского армянского комитета, 1916.

Письма Перцову — Письма В. Я. Брюсова П. П. Перцову (К истории раннего символизма). ГАХН, М., 1927.

ПМ — Валерий Брюсов. Последние мечты. Лирика 1917—1919 гг. Изд. «Творчество», М., 1920.

Э. По — Эдгар По. Полное собрание поэм и стихотворений. Перевод и предисловие Валерия Брюсова. «Всемирная литература», М.—Л., 1924.

ПП I—II — Валерий Брюсов. Пути и перепутья. Собрание стихов. Т. I (1892—1901), т. II (1892—1905). Кн-во «Скорпион», М., 1908.

ПР — журнал «Печать и революция».

Прим. — Примечания.

ПСС I—IV, XXI — Валерий Брюсов. Полное собрание сочинений и переводов. Т. I. Стихи 1892—1899 гг. Изд. «Сирин», СПб., 1913; т. II. Стихи 1897—1901 гг. СПб., 1914; т. III. Стихи 1901—1904 гг. СПб., 1914; т. IV. Стихи 1905—1909 гг. СПб., 1914, т. XXI. Французские лирики XIX века. СПб., 1913.

РМ — журнал «Русская мысль».

РС 1—3 — Русские символисты. Вып. 1, М., 1894; вып. 2, М., 1894; вып. 3, М., 1895.

СМ — журнал «Современный мир».

ст. — строка.

СЦ — альманах «Северные цветы».

СЦР — Валерий Брюсов. Семь цветов радуги. Стихи 1912—1915 гг. Изд. К. Ф. Некрасова, М., 1916.

Фр. лир. — Французские лирики XIX века. Переводы в стихах и библиографические примечания Валерия Брюсова. Изд. «Пантеон», СПб., 1909.

Ch — Валерий Брюсов. Chefs d'œuvres. Сборник стихотворений (Осень 1894 — весна 1895). М., 1895; 2-е изд. — М., 1896.

Juv — Juvenilia. Неизданный сборник юношеских стихов Брюсова (1896).

Mea — Валерий Брюсов. Mea. Собрание стихов 1922—1924. ГИЗ, М., 1924.
MEE — Валерий Брюсов. Me eum esse. Новая книга стихов. М., 1897.
St — Валерий Брюсов. Στέφανος. Венок. Стихи 1903—1905 гг. Кн-во «Скорпион», М., 1906.
TV — Валерий Брюсов. Tertia Vigilia. Книга новых стихов 1897—1900. Кн-во «Скорпион». М., 1900.
UO — Валерий Брюсов. Urbi et Orbi. Стихи 1900—1903 гг. Кн-во «Скорпион», М., 1903.

JUVENILIA

1892—1894

Juvenilia — юношеское (лат.). Часть юношеских стихотворений Брюсова была первоначально напечатана в PC 1—3. В 1896 г. Брюсов подготовил к изданию сб. «Juvenilia», однако издание осуществлено не было. Под этим же заглавием юношеские стихотворения были включены в ПСС I с посвящением: «Памяти Елены К.».

ПРОЛОГ

Эпиграф: «Parler n'a trait à la réalité des choses que commercialement. *St. Mallarmé»* («Обыденная речь относится к действительности только коммерчески, т. е. служит повседневной социальной потребности. *Ст. Малларме),* из статьи Малларме «Un principe des vers», представляет собой начало предложения, его окончание:«. . .в литературе достаточно аллюзии или нужно дематериализовать слово, чтобы оно воплощало идею». *Малларме* Стефан (1842—1898) — французский поэт-символист. «Знакомство в начале 90-х годов с поэзией Верлена и Малларме, а вскоре и Бодлера, открыло мне новый мир, — писал Брюсов. — Под впечатлением их творчества созданы те мои стихи, которые первыми появились в печати (1894—1895 гг.)» («Книга о русских поэтах последнего десятилетия», СПб., б. г., стр. 63). Влияние теоретических высказываний Малларме чувствуется в ранних эстетических декларациях Брюсова. Так, в 1894 г., отвечая на вопрос «в чем сущность символизма», он писал: «. . .поэт передает ряд образов, еще не сложившихся в полную картину, то соединяя их как бы в одно целое, то располагая в сценах и диалогах, то просто перечисляя один за другим. Связь, даваемая этим образам, всегда более или менее случайна, так что на них надо смотреть как на вехи невидимого пути, открытого для воображения читателя. Поэтому-то символизм можно называть. . . „поэзией намеков"» (PC 2, стр. 10). Брюсова в Малларме привлекало новаторство поэтического метода, философской мистической сущностью эстетики Малларме он не интересовался.

С о н е т к ф о р м е. Впервые — ПСС I, стр. 5. Печ. по Избр. пр. I, стр. 17.

К стр. 69—71.

О с е н н е е ч у в с т в о. Вольный перевод сонета С. Малларме «Une dentelle s'abolit...» Впервые — PC 1, стр. 9, под заглавием «Пролог», где строфа 2:

От исхода до завязки
Завернулись в траур сны,
И безмолвием окраски
Их гирлянды сплетены.

Рукопись этой редакции озаглавлена: «Из Малларме (сонет)», В Juv, без названия, в разделе «Искусство (1893—1896)». Печ. по ПСС I, стр. 6.

Т в о р ч е с т в о. Впервые — PC 3, стр. 12, без заглавия. В рукописи стихотворению предшествует набросок:

Тени царственных (кадочных) латаний
Колебалися в истоме
На развернутом альбоме,
На столе и на диване.
В отодвинутом стакане
Чай...

В Juv, раздел «Искусство (1893—1896)», имеется следующий вариант строфы 3:

И, как призрачные тени,
В чуть звенящей тишине
Вырастает мир строений
При лазоревой луне.

Печ. по ППС I, стр. 9. «„Тень несозданных созданий" не безразличный набор слов», — писал Брюсов П. П. Перцову 22 сентября 1895 г. (Письма Перцову, стр. 43). В беседе с корреспондентом газеты «Новости» он заявил: «В стихотворении, о котором идет речь, моей задачей было изобразить процесс творчества. Кто из художников не знает, что в эти моменты в душе его роятся самые фантастические картины...» («Новости», 1895, № 318, 18 ноября). По свидетельству мемуаристов, в стихотворении воспроизведены реальные детали домашней обстановки поэта: в зале московского дома Брюсовых на Цветном бульваре в кафелях печей отражались лапчатые тени больших латаний. Как указала И. М. Брюсова, *луна* — это фонарь рядом с цирком, находившимся напротив дома Брюсовых.

«О н а в г у с т о й т р а в е з а п р я т а л а с ь н и ч к о м...». Впервые — PC 3, стр. 23. В рукописи — название: «Обольщенная» и примечание, в котором говорится: «Какая трогательная мысль сблизить падение Римской империи со смертью древнего Пана и минуту раскаянья падшей с последним прости Девственной богини». *Умер великий Пан.* По рассказу Плутарха, в I в. н. э. этот возглас услышал кормчий корабля, плывшего из Пелопоннеса в Италию. Иносказательно он означает конец целой эпохи, смену язычества христиан-

ством. *Пан* (греч. миф.) — бог природы. *То император пленный выносит*... и т. д. Император Западной Римской империи Гонорий укрылся в своей столице Равенне от Алариха, вождя вестготов, но был им низложен в 409 г. *Диана* (римск. миф.) — богиня-охотница, покровительница лесов, рек, животных.

Отверженный герой. Впервые — ПСС I, стр. 13. В детстве Брюсов зачитывался книгой Г. Тиссандье «Мученики науки» (русское издание — 1880), где помещена биография Дениса *Папина* (1647 — ок. 1714) — французского физика, одного из изобретателей парового двигателя. Построенное Папином первое паровое судно при испытаниях на реке Фульде (1707) было разбито лодочниками, опасавшимися конкуренции. Он умер в нищете, забытый всеми.

ПЕРВЫЕ МЕЧТЫ

Эпиграф: «Es ist eine alte Geschichte» («Это — старая история») из стих. Гейне «Ein Jungling liebt ein Mädchen». В предисловии к Juv Брюсов писал: «Juvenilia — начальная книга моей поэзии. Стихи написаны под сильным влиянием Гейне и Верлена и передают настроения, прямо данные жизнью» (ГБЛ).

«Мы встретились с нею случайно...». Впервые — РС 1, стр. 115. В рукописи озаглавлено: «Три стихотворения утра 24 апреля, подражание Гейне; Леле № 30». В Juv под названием «Фантазия» датировано: 1893, январь. Печ. по ПСС I, стр. 19. В авторском экземпляре ПСС I Брюсов исправил отдельные строки (в этом варианте стихотворение опубликовано в Избр. соч. I, стр. 46). *Вот старая сказка, которой*... и т. д. Перевод двух строк из стих. Гейне: «Ein Jungling liebt ein Mädchen» («Es ist eine alte Geschichte, Doch bleibt sie immer neu...»).

«Мечты, как лентами, словами...». Впервые — ПСС I, стр. 22. В Juv — в разделе «Стихи к Нине (1893 г. февраль — июнь)». Ранняя редакция этого стихотворения опубликована в Неизд. (1935), стр. 27.

НОВЫЕ ГРЕЗЫ

Эпиграф: «Так деревцо свои листы Меняет каждою весною» — из «Евгения Онегина» Пушкина (гл. 4, строфа XVI).

«В тени задремавшего парка...». — Впервые — РС 1, стр. 28, с вариантом строфы 2. В Juv — в разделе «Стихи к Тале (1893 г. лето — осень)». Печ. по ПСС I, стр. 31.

«Звезды закрыли ресницы...». Впервые — РС 1, стр. 27, в рукописи эпиграф: «Мои надгробные цветы Должны быть розовой окраски. *Фофанов*» (стих. «Элегия»). В Juv — в разделе «Стихи к Тале (1893 г. лето — осень)».

К стр. 73—77

Мечты о померкшем. Впервые — РС 2, стр. 27. В рукописи озаглавлено: «На брачной постели», с эпиграфом: «Souvenir! souvenir! que me veut tu. *P. Verlaine*» («Воспоминание! воспоминание! Чего ты хочешь от меня. *П. Верлен»*) (стих. «Nevermore»).

CHEFS D'ŒUVRE

1894—1896

Chefs d'œuvre — образцовые произведения (франц.). Впоследствии Брюсов так пояснял заглавие сборника: «В те дни все русские поэты, впервые появляясь перед публикой, считали нужным просить снисхождения, скромно предупреждая, что они сознают недостатки своих стихов и т. п. Мне это казалось ребячеством: если ты печатаешь свои стихи, возражал я, ты их находишь хорошими: иначе незачем их и печатать. Такой свой взгляд я и выразил в заглавии своей книжки... Критики, однако, прочли только одно заглавие книжки, т. е. запомнили только одно это заглавие, и шум около моего имени учетверился. Я был всенародно предан «отлучению от литературы», и все журналы оказались для меня закрытыми на много лет, приблизительно на целый «люстр» (5 лет)» (Автобиогр., стр. 110). В ПСС I посвящение: «А. Л. Миропольскому, другу давних лет». *Миропольский А. Л.* — псевдоним Ланга Александра Александровича (ум. 1917), поэта-символиста, товарища Брюсова по гимназии, участника РС и других символистских изданий. Издавался также под псевдонимом А. Березин («Одинокий труд», СПб., 1899). «Все напечатанное мною до сих пор было еще детскими опытами, — писал Брюсов П. П. Перцову 14 июля 1895 г. — Chefs d'œuvre — первая более или менее серьезная книга» (Письма Перцову, стр. 30). «Последняя книга моей юности», — назвал он Ch в предисловии к сборнику. Не только критика, но и друзья Брюсова неодобрительно встретили как первое (1895), так и второе (1896) издание сборника. Причиной неуспеха Ch Брюсов считал «умеренность» этих стихов (запись в Дневн. 6 февраля 1896 г.); не «вполне символическими» названы они в предисловии ко второму изданию. С горечью поэт констатировал 14 июня 1895 г.: «современной поэзии «нужен переворот — и увы! мои Chefs d'œuvre не могут его произвести» (Письма Перцову, стр. 28). В предисловии к первому изданию сборника Брюсов сформулировал принципы, которые определяли пафос его творчества: перенесение центра тяжести на личность художника (субъективизм), завоевание широких областей для «новой поэзии» — новых тем, сюжетов, «открытие безграничных горизонтов новых, еще не затронутых положений и настроений».

СТИХИ О ЛЮБВИ

Эпиграф «Amorem canat aetas prima. *Пушкин*» («Пусть юный возраст поет о любви» — лат.) — из ранней редакции «Евгения Онегина» (гл. 8, строфа IV).

Предчувствие. Впервые — Ch, стр. 29, с вариантом строфы 3. В другой редакции (от 3-го лица) — Ch, изд. 2. В рукописи — строфа 4:

День проскользнет. Глаза твои смежатся.
И саваном задумчивых лиан
Я оплету твой неподвижный стан.

Печ. по ПП I, стр. 3.

Тени. Впервые — ЗР, 1906, № 1, стр. 42, в цикле «Воскресшие песни» с прим.: «Предлагаемые стихотворения Валерия Брюсова (1895—1904) не могли быть напечатаны раньше по цензурным условиям прежних лет».

Всё кончено... Впервые — ПСС I, стр. 57. Эпиграф — из стих. Пушкина «Всё кончено: меж нами связи нет...».

Поцелуи. Впервые — Ch, изд. 2, стр. 62, где строфа 4:

Это бледный ангел счастья,
Чуждый мелочных забот,
Что с улыбкою участья
Перед смертью предстает.

В Ch, изд. 2, дата — 5 ноября 1895 г. Печ. по ПСС I, стр. 64.

КРИПТОМЕРИИ

Эпиграф: «Мечтал о лесах криптомерий...» — из стих. Брюсова «В ночной полумгле». «Почти все Криптомерии — это мотивы Леконта де Лиля и д'Эредиа...», — писал Брюсов В. К. Стасюлевичу (1896 ? — ГБЛ). *Криптомерия* — японский кедр.

В ночной полумгле. Впервые Ch, изд. 2, стр. 25, под заглавием: «Вау-вау», с вариантом строф 2—3:

И вот я лежу в полусне
На мху первобытного парка,
И ты, молодая дикарка,
Любовно прижалась ко мне.

Измучен недавней охотой,
Ласкать я тебя не могу,
Но все же с тобою на мху
Так сладко забыться дремотой.

Печ. по ПСС I, стр. 73. *Вау-вау* — явайское название породы обезьян.

Опять сон. Впервые — ПСС I, стр. 74. В рукописи дата: 1911, очевидно по поздней правке.

На журчащей Годавери. Впервые — Ch, стр. 30, в другой редакции:

Лист высокого банана,
На журчащей Годавери
Завтра утром — рано, рано —
Помоги горячей вере.

Орхидеи и мимозы
Унося по тихим волнам,
Успокой больные грезы,
Сохрани венок мой полным

И когда в дали тумана
Потеряю я из виду
Лист высокого банана,
Я молиться в поле выйду.

И тебе, богиня Кали,
Принесу мои запястья,
Песню тайны и печали
Заменю напевом счастья.

Если ж ты, листок банана,
Опрокинешь в волны ношу,
Завтра утром — рано, рано —
Амулеты все я брошу,

Вдоль по тихой Годавери
Я пойду полна печали,
И безумной баядере
Будет чуждой дева Кали.

С изменениями — Ch, изд. 2, стр. 12. В новой редакции — ПП I, стр. 9. Печ. по ПСС I, стр. 77. «*Годавери* — река в Индии. Индусские женщины гадают о любви, пуская по течению рек листья банана с положенными на них цветами. Если лист опрокинется, это предвещает несчастье» (прим. Брюсова). *Кама* (инд. миф.) — бог любви. *Кали* (инд. миф.) — богиня смерти и разрушения.

На островах Пасхи. Впервые — Ch, стр. 34. С изменениями: Ch, изд. 2, стр. 16, где строфы 5—8:

Блуждает богиня Атоми,
И взор ее грустно-тревожен;
Народ наш уснул на соломе,
Народ наш и груб и ничтожен.

Не наши — могучие руки
Поставили вас над скалами!
С творцами давно вы в разлуке,
И мы воцарились над вами...

Но нет о прошедшем преданий.
Безмолвно на каменной груде
Вы спите, семья изваяний,
Немые громадные люди.

Смотря на зеленую воду,
Вы изредка хмурите брови,
Но гнев ваш невнятен народу,
Забыл он о пролитой крови.

Сохранились страницы из Ch с правкой Брюсова; в них после строфы 6 следует строфа, впоследствии выпущенная:

Погибли былые владыки,
Вступили мы в земли пустые,
Но знаем, что были велики,
И сильны, и славны — другие!

Печ. по ПСС I, стр. 79. *Остров Пасхи* — «Остров, названный так в 1722 г. Яковом Роггевейном, лежит в восточной части Полинезии. На нем встречаются гигантские статуи (вернее, бюсты), высеченные из целого камня, впрочем довольно грубо. Судя по всему, они не могли быть воздвигнуты теми беспомощными дикарями, которых застал на острове Роггевейн. Остается предположить, что это памятники народа, совершенно исчезнувшего» (прим. Брюсова). Вопрос о происхождении исчезнувшего народа, создавшего статуи острова Пасхи, до сих пор волнует археологов (см. Тур Хейердал. Аку-аку. Тайна острова Пасхи. М., 1959).

ХОЛМ ПОКИНУТЫХ СВЯТЫНЬ

Эпиграф: «Но, встретив Холм Покинутых Святынь...» — из стих. Брюсова «Моя мечта». В Ch, изд. 2 — помета Брюсова: «Мечты. *St. Mallarmé*».

Моя мечта. Впервые — Ch, изд. 2, стр. 11. Печ. по ПСС I, стр. 85.

Жрец. Впервые — Ch, стр. 38, без строфы 3, строфа 4:

Тебе, о Сириус, о властелин лучей,
Я возношу моленья
И в шуме дня, и в тишине ночей,
И на ложнице наслажденья.

Печ. по ПП I, стр. 12. В авторском экземпляре ПСС I последняя строка исправлена:

И пав на ложе наслажденья!

Сириус — самая яркая звезда на небе, играла большую роль в культе Древнего Египта.

В прошлом. Впервые — Ch, стр. 33, под заглавием: «Давно». Ch, изд. 2, стр. 20, под заглавием: «В прошедшем». Печ. по ПСС I, стр. 92.

В будущем. Впервые — Ch, изд. 2, стр. 21. В рукописи заглавие: «Из будущего».

БУДНИ

Эпиграф: «В тусклых днях унылой прозы...» — из стих. Брюсова «Одна» («В этот светлый вечер мая...»).

Туманные ночи. Впервые — Ch, изд. 2, стр. 43.

Подруги. Впервые — ПП I, стр. 19. В рукописи эпиграф: «Кто сам из вас без греха... Еванг<елие>».

Первый снег. Впервые — Ch, стр. 42, под заглавием: «У окна». С изменениями: Ch, изд. 2, стр. 42. Печ. по ПП I, стр. 20.

Летучая мышь. Впервые — Ch, изд. 2, стр. 29, без строфы 5, строфа 2:

Мерцает неслышно лампада,
Чуть видно белеет плечо,
Всё небо мне шепчет: «не надо»,
Она повторяет: «еще!»

две последние строфы:

Упав на седой подоконник,
Не знаю небесных красот.
Явись! твой поэт и поклонник
Измучен, бессилен, зовет.

Мерцает неслышно лампада,
Чуть видно белеет плечо,
Всё небо лепечет «не надо!»
Чудовище шепчет: «еще!»

Печ. по ПП I, стр. 16. В письме П. П. Перцову от 13 декабря 1895 г. Брюсов указал на реальную основу этого стихотворения: «Вы должны

лучше других понять мое стихотворение «Летучая мышь», — писал он, — помните ли тот день, вернее вечер, когда мы с Вами беседовали на Цветном Бульваре, Миропольский, покинув нас, ушел к окну и все смотрел на окна соседнего дома. То было начало маленького (и банального) романа...». В этом же письме в сатирической сценке, изображающей обсуждение стихотворения Бальмонтом, Курсинским и др., Брюсов зло высмеивал попытки вложить в образы стихотворения особый поэтический и мистический смысл. На вопрос: что же вы хотели сказать этим эпитетом («седой подоконник»), «я показываю, — пишет Брюсов, — на подоконники своей комнаты: они сделаны из белого камня с белыми жилками. Общее разочарование» (Письма Перцову, стр. 55—56).

Ночью. Впервые — ПСС I, стр. 111. В рукописи озаглавлено: «Столица» (зачеркнуто «Москва»), пометка «Satirae I». П. П. Перцову Брюсов писал 17 августа 1895 г.: «Как странно и как дивно звучат чуждые слова, особенно под рифмой! Неужели Вы не знаете наслаждения стихами, как стихами, — вне их содержания, — одними звуками, одними образами, одними рифмами —

Дремлет столица, как самка мертвого страуса.

Уже одно ожидание рифмы к слову «страуса» навевает мистический трепет» (Письма Перцову, стр. 36). *Яуза* — приток реки Москвы, вода которого была загрязнена и окрашена отходами фабрик и красильных предприятий, расположенных по ее берегам.

Сумасшедший. Впервые — Ch, стр. 43. С изменениями — Ch, изд. 2, стр. 33. Печ. по ПП I, стр. 21.

ЧАСЫ ДНЕЙ

Эпиграф: «...и проклял наши дни...» — из стих. Брюсова «Сонет к мечте».

«Когда былые дни я вижу сквозь туман...». Впервые — ПСС I, стр. 121.

MÉDITATIONS

Эпиграф: «Мы путники ночи беззвездной, Искатели смутного рая...» — из стих. Брюсова «Свиваются бледные тени...».

«Тонкой, но частою сеткой...». Впервые — Ch, стр. 57.

«Облегчи нам страдания, боже!..». Впервые — Ch, стр. 56. Печ. по ПП I, стр. 24.

«Свиваются бледные тени...». Впервые — Ch, стр. 62. Печ. по ПП I, стр. 25. В Ch этим стихотворением заканчивался раздел и сборник в целом. Брюсов писал П. П. Перцову 13 октября

1895 г. о разделе «Méditations»: «Это... идейные стихотворения, маленькая поэмка души, которая раскрывается в последовательности стихотворений. Этой поэмке нужен был конец, и вот отсюда „Голос свыше“, все же *заканчивающий* и стихотворение, и отдел, и весь сборник» (Письма Перцову, стр. 43).

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

Белые клавиши. Впервые — ПСС I, стр. 144—145.

ME EUM ESSE

1896—1897

Me eum esse — Это — я (лат.). Третьему изданию сборника (ПСС I) Брюсов предпослал посвящение «Одиночеству тех дней». В письме Е. И. Павловской от 9 июня (н. с.) 1897 г. он писал: «Мое одиночество там, в кавказских городах (поездка лета 1896. — *М. Д.*), было лучшими днями, которые не повторятся. Тогда в три недели я написал Me eum esse, а с тех пор не написал ничего» (ГБЛ). «В отрывках, уже написанных, достаточно ясно выступает характер моей новой поэзии, — заявлял Брюсов в предисловии к первому изданию. — Если мне и не суждено будет продолжать начатое, эти намеки подскажут остальное будущему другу. Приветствую его». В письме А. А. Курсинскому (29 июня 1896 г.) он так характеризовал стихи сборника: «По форме они блистают новшествами; так, в некоторых мужские рифмы рифмуются с женскими (ты скажешь — это невозможно, я тоже сам так думал, пока не написал). В других рифмуются не концы слов, а третьи слоги от конца; в третьих вместо рифмы — ассонансы, размера общепризнанного нигде нет — и т. д. и т. д. Что касается содержания, то — какое бы оно ни было — стихи эти настолько не похожи на Chefs d'œuvre, что я сам готов назвать их произведениями другого автора. Нечто совершенно, совершенно иное» (ЦГАЛИ). А. Блок писал Брюсову 13 декабря 1903 г.: «Вы давно влияете на меня Вашими книгами (не исключая «Chefs d'œuvre» и «Me eum esse»)».

НОВЫЕ ЗАВЕТЫ

«Как царство белого снега...». Впервые — МЕЕ, стр. 12. В авторском экземпляре ПСС I Брюсов озаглавил стихотворение: «Холод».

Юному поэту. Впервые — МЕЕ, стр. 11. Печ. по ПСС I, стр. 152. Стихотворение обращено к начинающему поэту А. Я. Браиловскому (письмо Брюсова А. А. Курсинскому 3 августа 1896 г. — ЦГАЛИ). Об этом поэте Брюсов писал А. А. Лангу 13 июля 1896 г.: «...по общественному положению он — гимназист... по убеждениям — демократ и враг символизма, как и подобает в 13 лет. Мы с ним проводили целые дни» (ГБЛ).

Мучительный дар. Впервые — ПСС I, стр. 155. Эпиграф — из стих. Е. Баратынского «Недоносок». В рукописи посвящение К. Б. (К. Д. Бальмонту). *Эвмениды* (греч. миф.) — богини мщения. *Ламии* (греч. миф.) — «женщины-вампиры», «нечто вроде наших ведьм, но молодые» (прим. Брюсова).

Il bacio. Впервые — Ch, изд. 2, стр. 69, без строф 2 и 3, с подзаголовком «Motto» открывает раздел «Поэмы». В рукописи строфа 1:

Мы знаем заветную ласку,
Заветную ласку людей,
В нее мы не верим, как в сказку,
И служим до гроба лишь ей.

После строфы 3 следует:

Оно лишь немногим доступно,
Понятно оно лишь на миг,
Но чуждо и мысли преступной,
Но чуждо желаний земных.

Печ. по ПСС I, стр. 157. Название заимствовано у Верлена (стих. «Il bacio») и использовано полемически.

По поводу «Chefs d'œuvre». Впервые — МЕЕ, стр. 16, без строфы 4. Печ. по ПСС I, стр. 159. На рукописи помета: «К<атерине> А<лександровне>».

ВИДЕНИЯ

Весна. Впервые — МЕЕ, стр. 21, без строфы 2. В рукописи этой редакции зачеркнуты две последние строфы:

Зимнее утро долго и долго ползло.
Вензель в морозных узорах хранило стекло.

Голуби снова садились на снег у окна.
Где-то за морем тогда расцветала весна.

Печ. по ПП I, стр. 45.

На бульваре. Впервые — МЕЕ, стр. 22, без заглавия. В рукописи озаглавлено: «Видения, 2» с пометой: «Москва». Печ. по ПП I, стр. 46.

Ветви. Впервые — МЕЕ, стр. 15, без заглавия. В рукописи помета: «Пятигорск». Печ. по ПП I, стр. 50.

К стр. 100—103

МГНОВЕНИЯ

«И снова бредешь ты в толпе неизменной...». Впервые — МЕЕ, стр. 57, в разделе «В борьбе (Прошлое)».

СКИТАНИЯ

«Четкие линии гор...». Впервые — МЕЕ, стр. 31. Печ. по ПП I, стр. 54. В «Детских и юношеских воспоминаниях» Брюсов писал: «Я ехал через Крым, увидел вновь Ялту, посетил Ореанду, где, в угоду своим эстетическим теориям, написал стихи:

Четкие линии гор...

Если это не было неправдой, то и не совсем было правдой: так я хотел чувствовать, но, на самом деле, «бессилие» (перед мечтой) природы — пленяло втайне очи...» («Новый мир», 1926, № 12, стр. 118. См. также Дневн., стр. 37).

«О, плачьте, о, плачьте...». Впервые — МЕЕ, стр. 61, в разделе «В борьбе (Прошлое)». Печ. по ПП I, стр. 54.

«Есть что-то позорное в мощи природы...». Впервые — МЕЕ, стр. 32.

«Спит вагон, мерцает газ...». Впервые — ПП I, стр. 53.

«Мы ехали долго, без цели, куда-то...». Впервые — ПП I, стр. 52. В рукописи — в цикле «Стихи из путешествия (начало апреля). 1. В вагоне. 2».

НЕНУЖНАЯ ЛЮБОВЬ

«Сквозь туман таинственный...». Впервые — ПП I, стр. 55. На рукописи пометы: «Кат<ерине> Ал<ександровне> 2», после даты — «Пятигорск».

«Я помню вечер, бледно-скромный...». Впервые — МЕЕ, стр. 36. В рукописи посвящение «Марии», после даты помета: «Кисловодск». *Мемфис* — столица Древнего Египта.

«Побледневшие звезды дрожали...». Впервые — МЕЕ, стр. 37. В рукописи посвящение: «Марии», после даты — помета: «Пятигорск».

«Это было безумие грезы...». Впервые — ПСС I, стр. 203. В рукописи посвящение: «Ей же» (Марии), после даты помета: «Кисловодск».

Ангел бледный. Впервые — «Gaudeamus», 1911, № 11. В рукописи после даты помета: «Кисловодск». *Здесь, где Демон камень темный...* и т. д. Реминисценция из «Демона» Лермонтова (ч. II, строфа VII).

«Мы бродили, вдвоем и печальны...». Впервые — МЕЕ, стр. 39, под заглавием: «Свидание». Печ. по ПП I, стр. 58.

«Это матовым вечером мая...». Впервые — МЕЕ, стр. 60, в цикле «В борьбе (Прошлое)».

ВЕЯНЬЕ СМЕРТИ

«И ночи, и дни примелькались...». Впервые — МЕЕ, стр. 43, без эпиграфа. В рукописи вариант строфы 2:

И нет никого на земле
С лучисто-ласкающим взором.
Одна паутинка во мгле
Висит безобразным узором.

Печ. по ПП I, стр. 60. Эпиграф — из стих. А. И. Полежаева «Провидение».

«После ночи бессонной...». Впервые — Ch, изд. 2, стр. 54, в разделе «Раздумья», с вариантом строф 3—4:

Темень дум без просвета.
И в тумане судьбы
Я не знаю ответа
На больные мольбы.

Всё грядущее грозно,
В настоящем — темно.
Беспощадное «поздно»
Прозвучало давно.

Печ. по ПП I, стр. 61.

Посв. *** Впервые — ПСС I, стр. 212. В рукописи, с незначительными разночтениями, озаглавлено: «Друг».

«...Я вернулся на яркую землю...». Впервые — МЕЕ, стр. 47. Печ. по ПП I, стр. 64. *Не забыл я полей асфоделей, Залетейских немых берегов.* Согласно греческой мифологии, за рекой забвения Летой находится царство мертвых, в котором по полям белых цветов асфоделей блуждают тени умерших.

«Я бы умер с тайной радостью...». Впервые — КР, стр. 40. Рукопись с надписью «Переделка 3». Печ. по ПП I, стр. 62. В рукописи имеются «Ноты к этим стихам» — схема их аллитерации. В 1910 г. Брюсов писал С. А. Венгерову: «Если ритм — это скелет

стиха, то аллитерация — его дыхание жизни. Неаллитерированный стих — труп» (ИРЛИ).

В ПУТИ

«Прохлада утренней весны...». Впервые — МЕЕ, стр. 53, в разделе «В борьбе (Прошлое)». Печ. по ПП I, стр. 67.

«Не плачь и не думай...». Впервые — МЕЕ, стр. 17, под заглавием «Утро». Печ. по ПП I, стр. 70. В рукописи имеется нотная запись мелодии к этим стихам с примечанием Брюсова: «Был мною написан мотив и к стих. «О, плачьте» — но я забыл этот мотив».

«О, когда бы я назвал своею...». Впервые — КР, стр. 41, под названием «Тень», с эпиграфом: «Madame, tout pour votre ombre. *H. de Régnier*» («Мадам, всё — за вашу тень. *А. де Ренье*») — из рассказа Ренье «La maison magnifique» («Великолепный дом»), где «Tout, madame, disai-je, tout contre votre ombre» («Всё, сказал я, ставлю всё против Вашей тени»). Печ. по ПП I, стр. 56. Мотив рассказа Ренье лег в основу стихотворения Брюсова.

ЗАВЕРШЕНИЕ

Обязательства. Впервые — КР, стр. 35, без названия. Печ. по ПП I, стр. 72.

Строгое звено. Впервые — ПП I, стр. 73. *Курсинский* Александр Антонович (1873—1919) — поэт-декадент, товарищ Брюсова по университету.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

Сон пророческий. Впервые — ПСС I, стр. 246. Рукопись первых пяти строф под заглавием «Начало поэмы», датирована 16 января — 20 февраля 1896 г. Сохранился набросок другой редакции поэмы, датированный 19 января 1896 г., где строфа 6 и сл.:

Казалось мне, они чего-то ждали,
И все мечты тревожно трепетали.
Я также ждал, весь превратившись в слух, —
Костер шипел, зловеще рассыпался,
Совет теней дрожал и колыхался,

И вот, когда надежда замерла,
Простертая на сердце у гробницы,
Когда мечты — как сумрачные птицы —
Овеяли кругом колокола,
Какой-то свет, невидимый и бледный,
Проник ко мне с улыбкою победной,

И сонм старух вдруг ожил, задрожал,
Из сжатых уст рванулись хрипло звуки,
Задвигались безжизненные руки,
И точно вихрь по космам пробежал.
Совет тéней привстал и зашатался,
И всё тускнел и тускло расплывался,

И чей-то зов, как отдаленный шум,
Коснулся грез, — таинственный и странный,
Он был лучом звезды обетованной,
Он был ответ на рой тоскливых дум.
И этот зов, чарующе печальный,
Звучал во мне как дальний звон пасхальный.

Он говорил: «Мой брат, мой милый брат,
Идет заря, лучистая победа,
Как тени мглы, исчезнут тени бреда
И облака в лазури задрожат.
Мой друг, мой брат, дай руку: утром рано
Вдвоем с тобой мы выйдем из тумана,

На старый путь не возвратимся мы, —
Он нас привел к угрюмо мертвой ночи.
Есть новый путь, свободней и короче,
Он весь в цветах, и он не знает тьмы.

Есть много слов — не сказанных никем,
Неведомых, но радостных созвучий.
Есть новый строй <нрзб>
Задумчивый, как очертанья гемм.

Теперь горит свободная заря,
Царила ночь затем, чтоб день родился (явился).
Ужасный сон затем так ясно снился,
Чтоб оттенить сиянье янтаря.
Горит венец — победа —
Сверкает день —

Как ясный <нрзб> призыв ее звучал,
Росли в огнях торжественные звуки,
А над костром бледнели чьи-то руки,
Какой-то вихрь по космам пробегал.
Совет старух стоял, дрожал, шатался
И всё тускнел и тускло расплывался.

И в этот миг, как будто через дым,
Я встретил взор: на лоб, облитый потом,
Легла рука — и снова пред киотом
Зажегся свет сияньем голубым.
Распалась тьма на тонкие волокна,
И предо мной нарисовались окна.

TERTIA VIGILIA

1897—1901

Tertia vigilia — Третья стража (лат.) — в Древнем Риме охраняла город в предрассветные часы. В ПСС II — посвящение: «Памяти Ивана Коневского и Георга Бахмана, двух ушедших». *Коневской Иван* — см. стр. 762. *Бахман Георг* (ум. 1907) — немецкий поэт и переводчик, преподавал немецкий язык в учебных заведениях Москвы; друг Брюсова (см.: Аврелий <Брюсов>. Памяти Георга Бахмана. В., 1907, № 7). Брюсов писал 1 июля 1900 г. о TV: «Это мои лучшие вещи, может быть лучшее, что я могу написать в стихах...» (письмо к неустановленному адресату — ГБЛ). «С «Tertia Vigilia» началось мое «признание» как поэта, — вспоминал он впоследствии. — Впервые в рецензиях на эту книгу ко мне отнеслись как к поэту, а не к „раритету“» (Автобиогр., стр. 114). В рецензии на TV М. Горький отмечал, что Брюсов «в новом своем сборнике раскланивается с прошлым», но, «относясь к задачам поэзии более серьезно... все же и теперь является перед читателем в одеждах странных и эксцентричных, с настроением неуловимым...» («Нижегородский листок», 1900, № 313, 14 ноября). Большое впечатление стихи, вошедшие в TV, произвели на молодого А. А. Блока (см. Дневник Ал. Блока. 1917—1921. Изд. писателей в Ленинграде, 1928, стр. 129; ЛН № 27—28, стр. 343). Цитаты из них встречаются в его дневнике и письмах этого времени. О TV писал Брюсову И. А. Бунин 5 февраля 1901 г.: «Вникнув в Вашу книгу, за последнее время отношусь к Вам как к поэту с еще большим уважением, чем прежде» (ИРЛИ).

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В о з в р а щ е н и е. Впервые — TV, стр. 141, где после строфы 7 следует:

Все миги для тебя случайны, —
Восторги встреч, намеки звезд, —
И ты дрожишь во храме Тайны
Блаженным трепетом невест.

Но дух испытанный не властен
Не проницать до глуби даль.
Мне каждый миг открыт и ясен:
Там будет радость, там печаль.

И будущего смысл мне ведом!
И не боюсь вечерних слез
И смерти нисходящей следом,
Как не жалею поздних роз.

В одной из рукописей за строфой 5 следует:

Я с дерзким пиршественным шумом
Смешал покорный голос мой,
Чтоб дать умолкнуть вещим думам,
Вкусить от трапезы земной.

Печ. по ПП I, стр. 77.

Я. Впервые — TV, стр. 147, без заглавия. Печ. по ПП I, стр. 79. В предисловии к TV (июль 1900) Брюсов заявил: «Я равно люблю и верные отражения зримой природы у Пушкина или Майкова, и порывания выразить сверхчувственное, сверхземное у Тютчева или Фета, и мыслительные раздумья Баратынского, и страстные речи гражданского поэта, скажем Некрасова. Я называю все эти создания именем поэзии, ибо конечная цель искусства — выразить полноту души художника». Об этом же он писал и И. А. Бунину 28 марта 1899 г.: «Есть только один храм, где можно молиться, — пантеон, храм всем богам, и дню и ночи, и Митре и Адонису, Христу и дьяволу. *Я* — это такое средоточие, где все различия гаснут, все пределы примиряются» (ЦГАЛИ). «*Геката* — лунная богиня в греческой мифологии; *Астарта* — в финикийской» (прим. Брюсова). *Ликей* — философская школа Аристотеля в окрестностях Афин в Древней Греции, возле храма Аполлона Ликейского; *Академия* — философская школа Платона в Афинах; занятия в этих школах происходили во время прогулок в саду.

«Ребенком я, не зная страху...». Впервые — СЦ на 1901 г., стр. 127, под заглавием: «По поводу „Tertia Vigilia“». С изменениями, под заглавием «Tertia Vigilia» — UO, стр. 143. Без заглавия — ПП I, стр. 76. Печ. по Избр. пр. I, стр. 57.

ЛЮБИМЦЫ ВЕКОВ

Этим циклом открывается ряд «историко-мифологических» циклов Брюсова («Правда вечная кумиров» — St; «Властительные тени» — ЗТ, «В маске» — СЦР). В письме М. Горькому Брюсов подчеркивал как характерную особенность стихотворений цикла — их субъективный, лирический смысл: «Отличие их от сонетов Эредиа важное. У того все изображено со стороны, а у меня везде — и в Скифах, и в Ассаргадоне, и в Данте — везде мое «я». Право же дьявольская разница!» (ЛН, № 27—28, стр. 640).

Ассаргадон. Впервые — КР, стр. 49. *Ассаргадон* — ассирийский царь (681—668 до н. э.). Древняя надпись о его деяниях сохранилась в Сирии доныне. *Сидон* — город в Финикии. *Элам* — государство, граничившее с Ассирией.

Халдейский пастух. Впервые — TV, стр. 12. Печ. по ПП I, стр. 83. *Халдеи* — народ, населявший земли в устьях Тигра и Евфра-

та, представители древнейшей вавилонской культуры. Халдеев считали философами, основателями астрономии, математики и т. п.

Жрец Изиды. Впервые — TV, стр. 17, под названием «Ученик», в другой редакции:

Я жрец Изиды светлокудрой,
Я ученик во храме Фта,
И мне в потомстве имя — Мудрый
Затем, что жизнь моя чиста.

Но на пути годичном в Фивы
На палубе я солнца ждал.
Чуть Нил влачил свои проливы,
Там где-то плакался шакал.

И женщина в покрове белом
Пришла на пристань у кормы,
И стала в трепете несмелом
Перед порогом водной тьмы.

И наш корабль, качаясь мерно,
Чернел громадой перед ней,
А я с молитвой лицемерной
Укрылся в таинстве теней.

И словно чуя, кто-то рядом,
Та, в белом женщина, ждала,
И мглу пронизывала взглядом;
Но дрогнула пред утром мгла.

И было то мгновенье смутно:
Я слышал плеск ночной воды,
Повеял ветерок попутный,
Вдали означились сады.

Зов кормщика раздался явно,
Вознесся якорь с быстротой,
И наш корабль, качаясь, плавно
Пошел — от пристани пустой.

Я жрец Изиды светлокудрой,
Я ученик во храме Фта,
И мне в потомстве имя — Мудрый,
Затем, что жизнь моя чиста.

Печ. по ПСС II, стр. 15. *Изида* (егип. миф.) — богиня плодородия, хранительница сокровенной мудрости. *Фта* (егип. миф.) — бог-творец. *Фивы* — столица Египта в период Среднего царства (вторая половина 3-го тысячелетия до н. э.), была расположена в Верхнем Египте, на обоих берегах Нила.

Психея. Впервые — ПСС II, стр. 17. *Психея* (греч. миф.) — красавица девушка, которую полюбил бог любви *Эрот*. Богиня любви *Киприда,* видя в Психее свою соперницу, всячески преследовала ее. Зевс даровал Психее бессмертие и причислил к сонму богов. *Арес* (греч. миф.) — бог войны. *Царица* — Гера, супруга Зевса.

Цирцея. Впервые — ПСС II, стр. 18. На рукописи пометка Брюсова: «недурно». *Цирцея* (греч. миф.) — волшебница, околдовавшая спутников Одиссея («Одиссея», песнь 10).

Моисей. Впервые — ПСС II, стр. 20. В основу сюжета стихотворения положены эпизоды из Библии («Исход», XXXII — XXXIV). Брюсов вольно интерпретировал образ библейского Моисея. «...Разве нельзя пересказать свое настроение, изображая Моисея, разбивающего скрижали?» — писал он П. П. Перцову 20 ноября 1900 г. (ИМЛИ). В 1909 г. Брюсов написал другое одноименное стихотворение, где Моисей предстает хранителем и руководителем народа.

Александр Великий. Впервые — TV, стр. 21, где после строфы 10 следует:

Как хорош ты был, Могучий, с блеском гнева на лице!
Разошлись войска, как тучи, ты один в своем дворце.

Печ. по ПСС II, стр. 21. Неоконченный набросок датирован ноябрем 1899 г. В основе сюжета стихотворения — история бунта македонской армии в Описе (324 до н. э.), когда Александр явился на солдатскую сходку и обратился к мятежникам с речью, полной страстных упреков. *Александр* Македонский (356—323 до н. э.) — величайший полководец древности, завоевавший Персию (разделенную на *17* провинций — *сатрапий)* и Египет. Во время пребывания в Египте знаменитый оракул египетского божества Аммона признал его *сыном Аммона,* что подкрепило притязания Александра на мировое господство. Возле *Гавгамел* в 331 г. до н. э. им была разгромлена персидская армия во главе с последним персидским царем *Дарием* III Кадоманом. Дарий был затем убит своими придворными, и освободившийся престол занял Александр. *Сарды, Сузы, Вавилон* — города Персидской империи, завоеванные Александром. В 327 г. до н. э. Александр предпринял поход в Индию, намереваясь проникнуть в долину реки *Ганга. Роксана* — одна из жен Александра.

Скифы. Впервые — TV, стр. 9, под заглавием «К скифам», с эпиграфом: «Скифский рисунок. Моск. Истор. музей, зала 6 № 20». В рукописи после стихотворения следует заметка Брюсова: «Пропущенные стихи 3—4:

Я тешился бы, как в реке рыба,
Как птица, улетев из клетки.
. . . .
По ночам под навесом в телеге

Мне было б не хуже, чем прочим!
Мы с тобою обмираем от неги,
Кусаемся, жмемся, хохочем! ..»

Печ. по ПП I, стр. 82.

Клеопатра. Впервые — TV, стр. 27. В рукописи подзаголовок «(Ryder Hoggard)» и приписка: «Je suis Cléopâtre, j'étais la grande reine d'Hemi, d'Egypte» («Я Клеопатра, я была великой царицей Египта»). *Райдар Хаггард* (1856—1925) — английский писатель, автор авантюрно-экзотических, исторических романов, в частности романа «Клеопатра». (В TV некоторые стихотворения раздела «Любимцы веков» имеют подзаголовок с указанием автора, по мотивам произведения которого они написаны. Эти стихотворения Брюсов в позднейшие издания не включал). *Лагиды* — династия, царствовавшая в Египте с 305 до 30 г. до н. э.

Старый викинг. Впервые — «Ежемесячные сочинения», 1903, № 1, стр. 243, без строфы 3. В рукописи эпиграф: «С именами железными духи морей. *Бальмонт»* (стих. «Исландия»); после стихотворения прим. Брюсова: «Пропущенная 2-я строфа:

Хорош океан, небеса для него не граница!
Он в белых наплывах взволнован, зеленый и черный,
Над этими пенами мечется дальняя птица
И в лоно его ударяется яростно ветер упорный».

Печ. по Круг., стр. 131. Письма Брюсова А. А. Шестеркиной из Ревеля передают атмосферу, в которой создавалось это стихотворение. «Я на берегу моря, по которому плавали еще викинги, я на скалах, где еще видны обломки разбойничьих гнезд орденских рыцарей» (19 июня 1900 г.). «Я дышу отголосками милого мне средневековья. . .» (2 июля 1900 г.) (ГБЛ). Любопытно стихотворение в прозе (в письме А. А. Шестеркиной 25 декабря 1900 г.), где поэт в момент творчества предстает в образе викинга-завоевателя: «Я опять подымаю паруса. Мой скальд запевает песню. Еду к безвестным островам, жду верной добычи, блестящих щитов и певучих рогов и пышных тканей. Плыви, остроглазый челн! щиты — мои дерзкие речи, певучие рога — это звучные строфы, пышные ткани — то яркие, кричащие слова. Я еду на добычу» (ГБЛ). *Винландия* — «виноградная страна», под этим именем в X в. у скандинавских викингов был известен открытый ими восточный берег Северной Америки, сношения с которым они поддерживали до XII в.

Баязет. Впервые — КР, стр. 48. Печ. по TV, стр. 37. *Баязет* («Молниеносный») (1360—1403), турецкий султан, сын Мурада I, захватил большие территории в Европе и Азии; в битве при Анкаре (1402) с полководцем и завоевателем *Тимуром* (1336—1405, он же Тамерлан — Тимур Хромой) был разбит, взят в плен, где и умер.

Мария Стюарт. Впервые — «Ежемесячные сочинения», 1903, № 4, стр. 242. Печ. по ПП I, стр. 96. *Мария Стюарт* (1542—1587) — известная своей трагической судьбой шотландская королева. Она получила воспитание во Франции при королевском дворе. После смерти мужа, дофина Франциска II, вернулась в Шотландию, где в то время господствовала протестантско-английская партия. Вынужденная бежать из Шотландии в Англию, Мария обратилась за помощью к английской королеве Елизавете, была ею заключена под стражу и содержалась в заточении 19 лет (у Брюсова ошибочно — 17). Обвиненная в соучастии в заговорах с целью восстановить в Англии католицизм и ниспровергнуть Елизавету, она предстала перед судом, была приговорена к смертной казни и обезглавлена. *И твой возлюбленный...* — доверенный секретарь Марии Стюарт Давид Риччио был убит на ее глазах.

Разоренный Киев. Впервые — ПСС II, стр. 40. В стихотворении имеется в виду разорение Киева татарами в 1240 г. *Золотые ворота* — главные ворота в окружавшем Киев земляном валу.

О последнем рязанском князе Иване Ивановиче. Впервые — TV, стр. 38, с подзаголовком «(1517)». Печ. по ПП I, стр. 95. Заподозренный в сношениях с крымцами, *рязанский князь Иван Иванович* был вызван Московским великим князем в Москву и там заключен под стражу (1520 г.). С пленением Ивана Ивановича прекратилось существование Рязанского княжества. *Святославичи* — потомки Святослава Ярославовича, сына великого князя Киевского Ярослава Мудрого, они же *Ольговичи* — потомки сына Святослава Олега. Святославичи-Ольговичи боролись с младшей ветвью потомства Ярослава Мудрого — потомками князя Владимира Мономаха — *Мономаховичами* — за киевский престол. *Свея* (др.-русск.) — Швеция.

Наполеон. Впервые — альм. «Гриф», М., 1903, стр. 25. Имеется рукопись первоначальной редакции стихотворения, где отдельные разночтения, строфа 3 и далее:

Ты вышел на борьбу несмело,
Не понимал своей судьбы,
Но пред тобой всё онемело,
Ты ждал опоры: — все рабы!

Забыв свои войска в Каире,
Ты плыл, скрываясь как беглец.
Но гул восторга грянул в мире.
И подал мир тебе — венец!

Ты опьянял вином свободы,
Ты как пращой метал войска.
Столетья обращая в годы,
Ломал, что строили века.

Тебе удач всё было мало.
Ты шел вперед, круша, дробя,
И, наконец, вселенной стало
Невмоготу носить тебя.

Она дохнула полной грудью

В рукописи последней редакции стихотворение называется «Ода к Наполеону (из Любимцев веков)». Печ. по ПП I, стр. 97. *Со дна встающая скала* — остров св. Елены.

У МОРЯ

В первом издании TV этот раздел назывался «Картинки Крыма и моря. (К Me eum esse)» и был посвящен Ив. Бунину. «После своей женитьбы, — вспоминал впоследствии Брюсов, — два лета я провел с женой в Крыму, в Алупке, 1898 и 1899 гг. Мое пренебрежение к природе с меня, как сказали бы люди положительные, «соскочило», и я уже не мешал своим глазам радоваться всей пестроте далей, расстилаемых горных склонов...» («Новый мир», 1926, № 12, стр. 120). Цитируя в письме А. Курсинскому (18 апреля 1898 г.) стихотворение «Четкие линии гор...», он писал: «Должно быть, теперь я смотрю на все это другими глазами... Природа хороша для человека, можно любить ее» (ЦГАЛИ).

«Волны взбегают и пенятся...». Впервые — «Южное обозрение», 1899, № 727, 14 февраля, в цикле «Картинки Крыма (светопись)». Имеется рукопись другой редакции этого стихотворения (дата: 14 апреля 1898, Море), где после строфы 1 следует:

Волны! изменчиво-пенные,
Светло блестящие пеной,
Ваши извивы мгновенные
Сердце пленяют изменой.

Сердце изменой пленяется,
Ждет в бесконечном просторе,
Море смеется, меняется,
Блещет обманное море.

Печ. по TV, стр. 127.

«У перекрестка двух дорог...». Впервые — «Южное обозрение», 1899, № 727, 14 февраля, в цикле «Картинки Крыма (светопись)». Печ. по TV, стр. 128.

«Где подступает к морю сад...». Впервые — «Южное обозрение», 1899, № 727, 14 февраля, в цикле «Картинки Крыма (светопись)». Печ. по ПП I, стр. 50.

«Месячный свет электрический...». Впервые — TV, стр. 133.

В СТЕНАХ

Первый из городских циклов Брюсова. В первом издании TV — назывался «Город» и был посвящен К. Д. Бальмонту. Брюсов писал 28 марта 1899 г. И. А. Бунину: «Вы не любите городской весны, а моим раздумьям она ближе, чем грязь в деревне и голые сучья обесснеженного леса. Мы мало наблюдаем город, мы в нем только живем и почему-то называем природой только дорожки в саду, словно не природа камни тротуаров, узкие дали улиц и светлое небо с очертаньями крыш. Когда-нибудь город будет таким, как я мечтаю, в дни отдаленные, в дни жизни, преисполненной восторга. Тогда найдут и узнают все красоту телеграфных проволок, стройных стен и железных решеток. Вы уезжаете на Тихий океан, а мне бы хотелось в Лондон и Нью-Йорк, хотя и они лишь смутные проблески того, что я жду» (ЦГАЛИ). На стихотворениях этого раздела сказалось влияние Верлена: не случайно в первом издании TV перевод его стихотворения «Croquis parisien» («Парижский набросок») был включен в раздел «Город».

«Люблю я линий верность...». Впервые — TV, стр. 85. В рукописи озаглавлено: «К городу» (очевидно, предполагаемое название цикла).

«Я люблю большие дома...». Впервые — TV, стр. 85. Печ. по ПП I, стр. 111. В рукописи озаглавлено: «К городу». 29 августа 1898 г. Брюсов записал в дневнике: «Мы в городе. Вернулись сладостные блуждания по узким улицам; у стен недвижных домов, среди ночи оживающих скверов... Брожу и слагаю стихи и вспоминаю Бальмонта...» (Дневн., стр. 48).

«Когда сижу один и в комнате темно...». Впервые — TV, стр. 96.

«Когда опускается штора...». Впервые — TV, стр. 86. «Есть поразительная власть в вещах, с которыми мы сжились годами, — писал Брюсов Л. Н. Вилькиной в декабре 1902 г. — Когда вновь возвращаешься к ним, они входят в душу по каким-то протоненным колеям, они влагают в нас прежние настроения, как браслеты и медальоны в хорошо приспособленные футляры. Я вижу кругом все, что мне так томительно знакомо: это мои книги, это начатые рукописи, мои картины на стенах и белый лик какой-то Монны Мино да Фьезоле, — и я чувствую, что предметы, как враги, овладевают моей душой... я сопротивляюсь, напрягая все усилия, но чувствую, что соперники сильнее меня» (ИРЛИ).

«Я провижу гордые тени...». Впервые — TV, стр. 86. В рукописи озаглавлено: «К городу».

«Жадно тобой наслаждаюсь...». Впервые — TV, стр. 87. В рукописи — под заглавием: «К городу». Печ. по ПП I, стр. 113.

«Люблю вечерний свет, и первые огни...». Впервые — TV, стр. 88 под заглавием: «Вечерний свет». Печ. по ПП I, стр. 117.

«Мы к ярким краскам не привыкли...». Впервые — TV, стр. 90.

«Зодчество церквей старинных...». Впервые — TV, стр. 91. В рукописи озаглавлено: «Прогулка».

«Огни уползающих конок...». Впервые — TV, стр. 93. Печ. по ПП I, стр. 116.

«Словно нездешние тени...». Впервые — TV, стр. 95, с вариантом строфы 1. С изменениями — ПП I, стр. 115. Печ. по ПСС II, стр. 88.

«В борьбе с весной редеет зимний холод...». Впервые — TV, стр. 95. В рукописи озаглавлено: «Шутка».

ЕЩЕ СКАЗКА

Женщине. Впервые — TV, стр. 150, под заглавием: «Сонет о женщине». Печ. по ПП I, стр. 118.

Любовь. Впервые — TV, стр. 151, с эпиграфом: «И поединок роковой. *Тютчев*» (стих. «Предопределение»). Печ. по ПП I, стр. 119.

«Осенний день был тускл и скуден...». Впервые — СЦ на 1901 г., стр. 128.

«Я — мотылек ночной. Послушно...». Впервые — СЦ на 1901 г., стр. 128.

«В моих словах бесстыдство было...». Впервые — СЦ на 1901 г., стр. 129.

«И снова ты, и снова ты...». Впервые — СЦ на 1901 г., стр 129. В рукописи строфа 2:

Я в бешенстве вступаю в бой,
    Борюсь в упорстве злом.
Но как вести борьбу с судьбой,
Мы всё вдвоем, я всё с тобой.
Пускай до утра длится бой,
    Я — как Иаков — хром!

Одно из декларативных стихотворений Брюсова 900-х годов. В 1904 г. он опубликовал статью «Страсть» (В, № 8), в которой обосновывал важность этой темы для современности. Большое значение стихотворению придавал молодой Блок (см. ЛН, № 27—28, стр. 310).

Сириус — крупнейшая звезда в созвездии Большого Пса; самая яркая звезда на небе. *Израиль* — еврейское имя, означающее «борец с богом». По библейской легенде («Бытие», XXXII, 24—31), оно было дано Иакову после его таинственной ночной борьбы с богом, который не смог его одолеть и лишь повредил ему бедро.

«Я имени тебе не знаю...». Впервые — СЦ на 1901 г., стр. 130.

«Настал заветный час дремотный...». Впервые — «Беседа», 1903, № 12, стр. 857.

МИЛАЯ ПРАВДА

Я люблю. Впервые — ПСС II, стр. 121. Эпиграф из стих. Тютчева «Лебедь». В рукописи — ранняя редакция без эпиграфа, с посвящением: «К Эде» (И. М. Брюсовой):

Я люблю тебя и небо, только небо и тебя;
Я живу двойной любовью, жить возможно лишь любя.

В светлом небе — бесконечность: бесконечность тайн души.
А в твоих глазах — земное, свет надежды и любви.

Я смотрю в пространства неба, небом взор мой утомлен.
Я твои глаза встречаю — это майя, яркий сон.

Сном блаженным оживленный, возвращаюсь к небу я,
И опять мне всё доступно, все основы бытия.

Так заброшены на землю, к богу всходим мы любя...
Я люблю тебя и небо, только небо и тебя.

«К твоему плечу прижаться...». Впервые — ПСС II, стр. 126. В рукописи — под названием: «Песенка (для детей)», без строфы 5, с небольшими разночтениями и вариантом строфы 4. Посвящено И. М. Брюсовой.

БЛИЗКИМ

К портрету Лейбница. Впервые — КР, стр. 47, под названием «Лейбницу». Печ. по ПП I, стр. 139. В рукописи — эпиграф: «Философия Лейбница — это жабье гнездо, где как привидения таятся монады, предустановленная гармония и другие пугалы. *Шопенгауэр»*. *Лейбниц* Готфрид-Вильгельм (1646—1716) — немецкий философ-идеалист и математик. Теория монад Лейбница использовалась в конце XIX — начале XX в. в целях защиты идеализма. Во время пребывания в университете (1895—1898) Брюсов много занимался философией Лейбница.

К портрету М. Ю. Лермонтова. Впервые — ПП I, стр. 140. В рукописи против этого стихотворения помета Брюсова: «хорошо». Имеется вариант строф 1 и 2, датированный 12 мая 1900 г.:

Ты нам казался сумрачным и властным,
Властителем в тебе кипящих сил;
Но грезил ты об ангельски-прекрасном,
Ты демонски-великое любил.

Нет, никогда ты не был безучастным,
От гимнов ты к проклятиям спешил.
Ты в жизни верил всем мечтам напрасным,
Ответа ждал от женщин и могил.

В авторском экземпляре ПСС II ст. 1 исправлена:

Казался ты и сумрачным и властным.

В июле 1898 г. Брюсов занес в дневник: «Из всех поэтов теперь предпочитаю Лермонтова. . .» (Дневн., стр. 40, см. также «Из моей жизни», 1927, стр. 74). В зрелые годы увлечение Брюсова Лермонтовым сменяется культом Пушкина: в 1909 г. Брюсов заявляет: «Пушкин — солнце русской поэзии, Лермонтов — только одна из ее звезд. Лермонтов был и до известной степени остается до сих пор поэтом молодости» («Утро России», 1909, № 6, 21 ноября). Брюсов написал вступительную статью для второго тома Полного собрания сочинений М. Ю. Лермонтова под редакцией В. Каллаша (М., 1914).

К портрету К. Д. Бальмонта. Впервые — TV, стр. 149, в цикле «Повторения». В рукописи — заглавие: «Сонет к Бальмонту. Его портрет 1899». Брюсов имеет в виду кабинетную фотографию Бальмонта 1899 г. (Архив Брюсова в ГБЛ). *Бальмонт* Константин Дмитриевич (1867—1942) — поэт, один из зачинателей русского символизма. Новаторство Бальмонта в области поэтического языка, ритмики, инструментовки стиха сыграло значительную роль в истории русской поэзии. Брюсов познакомился с Бальмонтом в 1894 г. и был увлечен как личностью поэта, так и его стихами. В своей автобиографии Брюсов указывал, что знакомство с Бальмонтом оказало на него и на развитие его поэзии «огромное влияние». «Через Бальмонта мне открылась тайна *музыки* стиха» (Автобиогр., стр. 112). Однако даже в 90-е годы отношения поэтов были неровными: «многоцветная нить. . . дружбы-вражды» — так характеризовал их Бальмонт (К. Бальмонт. Морское свечение. СПб.—М., б. г., стр. 197). Намечается прежде всего личное отчуждение. Об этом свидетельствуют письма и дневники Брюсова, в частности дневниковая запись 22 декабря 1897 г.: «Что-то порвалось в нашей дружбе, что уже не будет восстановлено никогда. . .» (Дневн., стр. 31). Практическое воплощение «философии мига», «подчинение жизни прихоти мгновенья», «декадентство в жизни», присущие Бальмонту, становятся для Брю-

сова все более и более неприемлемыми. В 1901 г. он пишет З. Н. Гиппиус о Бальмонте: «Я от него отказываюсь отныне навсегда... я уже навсегда знаю, что это не для меня. Довольно, я больше не рассчитываю фабриковать так дешево сверхчеловека»; а в 1903 г. ей же: «Я присматриваюсь к нему, как к существу иной планеты» (ГБЛ). И в то же время Брюсова привлекает в Бальмонте верность в жизни проповедуемым в поэзии идеям: «И Бальмонт, при всей мелочности его «дерзновений», при всем безобразии его «свободы», при постоянной лжи самому себе, которая уже стала для его души истиной, — все же порывается к каким-то приближениям», — писал он Белому в 1904 г. (А. Белый. Начало века. М.—Л., 1933, стр. 148). С 1905—1906 гг. нарастает критическое отношение Брюсова и к творчеству Бальмонта (см. многочисленные рецензии на сборники стихов Бальмонта в журнале «Весы» за 1905—1908 гг.). В письме Перцову (январь 1905 г.) Брюсов как бы подводит итог: «Десять лет он <Бальмонт> царил полновластно в нашей поэзии. Но теперь жезл выпал из его рук. Мы далеко ушли вперед, он остался на одном месте. Может быть, он великан среди нас (как поэт, по непосредственному дару), но он в прошлом» (ИМЛИ). Знаменательна полемика Брюсова с Бальмонтом в 1913 г. Окончательную переоценку творчества Бальмонта Брюсов произвел после Октябрьской революции в наброске статьи «Что такое Бальмонт?». «Сейчас для меня стихи Бальмонта — «остывшая зола» Тютчева, и почти не верится, что некогда они горели, и светили, и жглись», — писал он («Ученые записки Ленинградского педагогического института», вып. 5, 1956, стр. 234).

По поводу сборников «Русские символисты». Впервые — TV, стр. 146. «Русские символисты» — три стихотворных сборника, изданные Брюсовым в 1894—1895 гг. См. вступ. статью, стр. 11.

К самому себе. Впервые — ПП I, стр. 146.

КНИЖКА ДЛЯ ДЕТЕЙ

В дневнике («июнь — июль 1900») Брюсов отметил: «Рукопись «Tertia Vigilia» побывала в цензуре и подверглась жестоким урезкам... Зачеркнуто было заглавие: «Книжка для детей» (Дневн., стр. 89).

Дозор. Впервые — TV, стр. 114, без заглавия, с эпиграфами: «И не знаю внезапной причины. *А. Добролюбов* <стих. «Подражание древним»>. «Времен мы слышим оборот. *Ив. Коневской*» («Праздничная кантата»). Печ. по ПП I, стр. 128. *Добролюбов* Александр Михайлович (род. 1876) — поэт-декадент. В конце 90-х годов стал странником-сектантом, основал секту «свободных христиан» («добролюбовцев»). Знакомство в 1897 г. с Добролюбовым имело, по словам Брюсова, «огромное влияние» на развитие его поэзии. «Добролюбов научил меня любить *слово»,* — писал он. «Его влиянию

и его урокам я обязан тем, что более или менее искусно мог сыграть навязанную мне роль «вождя» русских символистов» (Автобиогр., стр. 111, 112).

Слепой. Впервые — TV, стр. 106.

Мыши. Впервые — TV, стр. 103.

Демоны пыли. Впервые — КР, стр. 44. Было отвергнуто редактором сб. «Денница» К. К. Случевским из-за «невозможной фактуры стиха». В ответном письме Случевскому (26 марта 1899 г.) Брюсов защищал свободу формы в поэзии и заявлял, что «немецкий тонический стих несвойствен русскому языку». «Я желал бы сблизить мой стих с истинно русским, с тем, который нашел народ, в течение веков раздумывая, как бы складнее сложить песню» (черновик — ГБЛ. См. также статью Брюсова «О русском стихосложении» в кн.: А. Добролюбов. Собрание стихов. М., 1900).

ИЗ ДНЕВНИКА

Звезда морей. Впервые — TV, стр. 120. Эпиграф — из стих. П. Верлена «La mer est plus belle...», где «La mer qui prie La vierge Marie».

«Я верю всегдашним случайностям...». Впервые — ПСС II, стр. 177.

«Люблю в осенний день несмелый...». Впервые — ПСС II, стр. 178.

Папоротник. Впервые — TV, стр. 164. Печ. по ПСС II, стр. 181. Имеется рукопись первоначальной редакции с эпиграфом: «Во мне сто тысяч душ... *А. Добролюбов*»:

Предвечерний час объемлет
Оживающий орешник,
Чутко папоротник внемлет,
Где-то крикнул пересмешник.

Властен ты, поток зеленый!
Не иду по бездорожью,
Перед зеленью точеной
Я исполнен тайной дрожью.

В этих листьях слишком внешних,
Загубивших властно травы,
Что-то есть миров нездешних,
Запах тягостной отравы.

Может быть, мой предок дикий
Жил в лесах и наг и беден,

Этот ужас многоликий
Безразумен и наследен.

Всех законов неизбежней
Ощущать века былые,
Все мы полны жизнью прежней,
Все живем мы не впервые.

Не войду в поток зеленый,
Давний страх меня объемлет...
Предо мной листвой точеной
Тихо папоротник дремлет.

ПРОЗРЕНИЯ

В неконченном здании. Впервые — TV, стр. 83, без строфы 4. Печ. по ПП I, стр. 147. В первом издании TV открывало цикл «Город».

В дни запустений. Впервые — TV, стр. 44. Печ. по ПП I, стр. 148.

Братьям соблазненным. Впервые — TV, стр. 166, с эпиграфом «Великого в человеке то, что он мост, а не цель. *Заратустра»* (Ф. Ницше. Так говорил Заратустра). После строфы 3 следует:

Горе, кто прельстился красками,
Кто уверовал в слова!
Сон его, повитый ласками,
Сон стыда, не торжества.

Печ. по ПП I, стр. 151. По свидетельству И. М. Брюсовой, поэт, подготавливая в 20-х годах издание сочинений, исправил последнюю строфу:

Жизнь не в счастьи, жизнь в искании,
Цель не здесь, вдали всегда.
Славьте, славьте неустаннее
Подвиг мысли и труда!

«Каждый миг есть чудо и безумье...». Впервые — ПСС II, стр. 194.

Отрады. Впервые — TV, стр. 171.

МЫ

Мы. Впервые — TV, стр. 143, без заглавия. Под заглавием «Мы» — ПП I, стр. 80. Печ. по ПСС II, стр. 203. Стихотворение перекликается со вступлением к статье Брюсова о сборнике Бальмонта «Будем как солнце» (1903). Это вступление Брюсов опубли-

ковал как приложение в книге «Далекие и близкие» (1912) с примечанием, что автор не разделяет теперь всех высказанных в нем мыслей.

«С неустанными молитвами...». Впервые — TV, стр. 146. Помещенное в конце цикла стихотворение подчеркивало двойственную позицию Брюсова в лагере символизма, присущее ему скептическое отношение к идеям своих соратников. В статье «Торжество победителей», подписанной псевдонимом В. Бакулин, Брюсов, характеризуя свое отношение к той широкой популярности, которую символизм и декадентство получили в период реакции, писал: «...у серьезных деятелей «нового искусства» нет иного отношения к «победе», как то, которое семь лет назад было предсказано Вал. Брюсовым (в «Tertia Vigilia»): <приводится последняя строфа стих. «С неустанными молитвами...»>» (В, 1907, № 9, стр. 54).

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

Сказание о разбойнике. Впервые — TV, стр. 77, с посвящением С. А. Полякову, основателю издательства «Скорпион», редактору-издателю журнала «Весы». В рецензии на TV Горький особо выделял «Сказание о разбойнике». «Оно очень значительно как по содержанию, так и исполнению, — писал он. — В нем прекрасно выдержан народный склад речи и наивность творчества, оно вполне заслуживает быть отмеченным как вещь оригинальная и даже крупная» («Нижегородский листок», 1900, № 313, 14 ноября). *Пролог* — сборник назидательных рассказов, поучений, житий святых, расположенных по дням года.

Аганат. Впервые — TV, стр. 65, под названием «Аганатис (финикийский рассказ)», с посвящением А. Березину (о нем см. стр. 720), где гл. I, ст. 1—3:

Аганатис — так имя ей. Она
Прекрасней всех считалась. В темном взоре
Дышала власть, а грудь была бледна.

гл. IV, ст. 20—25:

Зовет его. Но аромата риз
Не слышит он, ни страстных слов, ни ласки.
Она смолкает, взор потупив вниз.
И вновь вопрос он задает подруге:
«А как зовут тебя?» — «Аганатис».
И вздрогнул он, отпрянувши в испуге.

гл. V, ст. 5—8:

Истар! Танис! Мелитта! Асторет!
Ты выше всех! всех лучше! ты — прекрасней,

Ты видела ту встречу, и твой свет,
Твой свет звезды — померк он на мгновенье.

С изменениями — ПП I, стр. 168 (без вступления) и ПСС II, стр. 227. Печ. по Избр. пр. I, стр. 106. Рукопись вступления, без эпиграфа, датирована 4 октября 1898 г., гл. I — 19 декабря 1897, гл. II — 18 сентября 1898, гл. III — 17—18 февраля 1898, гл. IV и V — 6 июля 1898 г. Сохранились рукописи других редакций отдельных глав. Так, гл. II и III первоначально были соединены в одну. По словам И. М. Брюсовой, в основу поэмы лег рассказ Бальмонта, вернувшегося из путешествия по Европе. *Астарта* (семит. миф.), она же Истар (ассир. миф.) — богиня любви, правительница планеты Венера. *Ашера* (семит. миф.) — богиня похоти. *Ассурбанипал* — ассирийский царь (669 — ок. 633 до н. э.).

Замкнутые. Впервые — СЦ на 1901 г., стр. 132, под заглавием: «Отрывки из поэмы», без деления на главы, в другой редакции; под заглавием: «Замкнутые. Отрывки неоконченной поэмы» — UO, стр. 171, где гл. I:

Мы жили в городе, замкнутом безнадежно.

Давила с Севера отвесная скала,
Купая груди в облачном просторе;
С Востока жизнь песков, пустыня нас ждала,
И с двух сторон распростиралось море.

Мы жили в городе, замкнутом безнадежно.
И мы на берег шли и там с тоской примерной,
В узоры волн безмолвный взор вперив,
Следили мы, как рос торжественный прилив,
Высматривали мы, как царство вод безбрежно.

Нам иногда мечтались острова
(В тот час, когда заря еще без солнца светит
И явственной чертой границу дали метит).
Но гасло всё в лучах, нам памятно едва,
Всё в благостный простор вбирала синева.
Мы в старый город шли. Он был угрюм и строен,
Овеян былью отошедших лет.

гл. V:

Нельзя нам не мечтать о будущих веках,
О городах, грядущих без исхода.
Те камни тяжкие — их первый шаг,
Свет электричества — предвестник их прихода.
Громадный город-дом, размеченный по числам,
Обязан жизнию (машина из машин!).

С изменениями — ПП I, стр. 192. Печ. по ПСС II, стр. 253. В поэме наиболее полно сказалось острое ощущение Брюсовым мертвенности, механистичности буржуазной городской цивилизации, ее обреченности. Не случайно сборник TV, в стихах которого («В неконченном здании», «В дни запустений») возникает предчувствие грандиозной социальной катастрофы, во втором и третьем издании заканчивается поэмой «Замкнутые». Поэма привлекла особое внимание молодого Блока (см. ЛН, № 27—28, стр. 310). *Я год провел в старинном и суровом, Безвестном Городе...* Имеется в виду Ревель (Таллин), 19 июня 1900 г. Брюсов писал А. А. Шестеркиной из Ревеля: «...накопляются стихи, и книги, и города... И каждый раз этот безобразный слой накопления веков повторяется все безмернее и безобразнее. Ныне его кошмар уже давит нас, тесная крышка навинчивается на наш гроб. Но придут не китайцы, избиваемые в Тьян-Дзине, а те, более страшные, кого мы втоптали в шахты и втиснули в фабрики. И вечером, когда застывают броненосцы на серебряном зеркале, когда уступчатый Ревель теряет все краски и остается одним очертанием, длинные фабричные трубы продолжают куриться, и дым пышно и широко расходится по здешнему небу, светлому до полуночи. Дым застилает 8-вековый Олай и древний доготический храм св. Духа, дым властвует. Но и он пройдет, как прошли на этом побережье варяги, датчане, и шведы, и немцы» (ЦГАЛИ). *С Синая* (библ.). — Бог сошел на гору Синай, о чем возвестили громы, пламя и трубный звук. Оттуда он через Моисея передал израильскому народу свои заповеди. *Тоуэр* — крепость на берегу Темзы в Лондоне, служила тюрьмой для важных государственных преступников.

URBI ET ORBI

1901—1904

«Urbi et Orbi» — «граду (Риму) и миру» (лат.) — слова, произносимые во время богослужения римским папой. «Его заглавием, — писал Брюсов о сборнике, — я хотел сказать, что обращаюсь не только к тесному «граду» своих единомышленников, но и ко всему «миру» русских читателей» (Автобиогр., стр. 115). В предисловии к книге Брюсов указывал: «Стихи соединены в ней, по-видимому, по внешним признакам; есть даже такие искусственные подразделения, как «Сонеты и терцины». Но различие формы всегда было вызвано различием содержания. Некоторые названия отделов, например «Элегии», «Оды», взяты не в обычном значении этих слов».

ВСТУПЛЕНИЯ

В UO раздел назывался «Думы. Предчувствия».

«По улицам узким, и в шуме и ночью, в театрах, в садах я бродил...». Впервые — СЦ на 1902 г., стр. 129 под заглавием: «Вступление» — в цикле «Мой песенник».

В настоящей редакции впервые — UO, стр. 3, под заглавием: «Вступление». Печ. по ПСС III, стр. 5. *Я к новому раю спешу, убегаю* и т. д. В наброске предисловия к UO Брюсов заявлял: «Я смотрю на книгу стихов не как на собрание разнородных стихотворений, случайно соединенных под одной обложкой, но именно как на книгу, как на замкнутое целое, объединенное общностью взглядов и идей. Когда поэт от верований и исканий одной поры своей жизни переходит, принужден переходить к иным признаньям и к иным путям, — он начинает новую книгу стихов» (ИРЛИ). По окончании работы над сборником Брюсов писал Л. Н. Вилькиной (1903, Ст. село): «Да, я печатаю свои стихи: книга выйдет в сентябре. И опять, как это бывало каждый раз, чувствую я, что все это, все — стало для меня прошлым и ненужным. Есть особое чувство перепутья, чувство границы. С закрытыми глазами ощущаешь блеск пересекающихся дорог и невидимую линию, разделяющую два мира, и вдыхаешь воздух новых полей, на которые еще не ступал раньше. Приходят минуты этого ощущения, совершенно не сходного ни с каким другим, и знаешь, что нечто в жизни кончено и началось что-то иное» (ИРЛИ).

Лестница. Впервые — НП, 1903, № 4, стр. 99, в цикле «Предчувствия». В рукописи после строфы 4 следует строфа, впоследствии зачеркнутая:

Вздыхает всё тяжеле
Мечта под цепью дней.
Печалей и веселий,
Как звеньев, много в ней.

Печ. по UO, стр. 4.

Последнее желанье. Впервые — НП, 1903, № 4, стр. 100, в цикле «Предчувствия», где строфа 3:

Иль в городе, где стены давят,
Среди подвалов и палат
Я буду с теми, кто поставят
Векам преграды <баррикад>?

Цензурой было снято слово «баррикад», которое присутствует во всех сохранившихся рукописях. Печ. по UO, стр. 5. Брюсов писал П. П. Перцову (середина августа 1902 г.): «Неужели баррикады невозможны? Мне именно эти стихи всего более хотелось бы видеть в первом №, где статья „о новых путях“» (ИМЛИ).

У себя. Впервые — UO, стр. 6.

Побег. Впервые — UO, стр. 7. Эпиграф — из стих. Брюсова «Возвращение».

Работа. Впервые — UO, стр. 9. Рукопись первых двух строф датирована — август 1900. В рукописи всего стихотворения строфа 4:

Я хочу измучить тело,
На ночь бросить в душный хлев,
Что под кровлей закоптелой
Мне приснится за напев?

строфа 7:

Мир представший — мне безвестен,
Путь какой нашел — мне нов,
Но признал <?> я с даром песен
С жаждой трепета и слов!

Нить Ариадны. Впервые — НП, 1903, № 4, стр. 103, в цикле «Предчувствия», без строфы 4. Печ. по UO, стр. 13. *Ариадна* — см. стр. 770.

Блудный сын. Впервые — НП, 1903, № 4, стр. 105, в цикле «Предчувствия», без эпиграфа и строфы 7. В рукописи еще две строфы, кроме 7-ой; зачеркнуты, после строфы 5 следует:

Я понял мудрость в детски чистом
И радость — в ясности семьи
И ужаснулся, что софистам
Доверил помыслы свои.

После строфы 7:

И понял я, что этот пламень
Погас, что силы не вернуть,
И, нищий, пал на голый камень,
Не смея продолжать свой путь.

Эпиграф: «Так отрок Библии, безумный расточитель, Увидел вдалеке родимную обитель, Главой поник и зарыдал. *Пушкин*». Печ. по UO, стр. 15. Эпиграф — из стих. Пушкина «Воспоминания в Царском Селе». *И упаду, как отрок некий...* Имеется в виду евангельская притча о блудном сыне (Евангелие от Луки, XV). *Тирские гетеры и сонм сидонских мудрецов.* Тир и Сидон — знаменитые в древности финикийские торговые города.

У земли. Впервые — UO, стр. 17. Эпиграф — из стих. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...». В одной из первоначальных редакций после строфы 3 следует:

Был не раз я обручен
В дни исканий и безумий,
Бросил много дев и жен
В городском бездонном шуме.

Я пришел к тебе, земля,
И к твоей зеленой сказке.
Жажду ласк не утоля,
Жажду новой тихой ласки.

Жду я девы-тишины,
Тиховейной, звездоокой,
Чтоб вдвоем уйти во сны
Полно, сладостно, глубоко.

. . . .
Я стучусь к тебе всей силой,
Если ж перстня не найти,
Обвенчай меня с могилой.

В другом черновике — последняя строфа:

Утомлен я от борьбы,
Отзовись — стучу всей силой.
Если ж тщетны все мольбы,
Обручи меня с могилой.

В ответ. Впервые — НП, 1903, № 4, стр. 107, в цикле «Предчувствия», без посвящения и эпиграфа. В рукописи этой редакции стихотворение посвящено К. Д. Бальмонту и имеет эпиграф: «Скоро... Отрешишь волов от плуга На последней борозде. *Пушкин*» (стих. «Родриг»), там же строфа 7:

Тяжелый труд нам Кем-то дан,
Отчета Кто-то высший спросит.
Иди, пока не лег туман,
Трудись, пока нас силы носят.

Печ. по UO, стр. 19. Эпиграф — из стих. А. С. Хомякова «Труженик». *Перцов* Петр Петрович (1868—1947) — критик, близкий к символистам. Брюсов вел с ним в течение многих лет регулярную переписку. П. П. Перцову Брюсов писал (январь 1903 г.): «Если Вам на один миг приятно, чтобы «В ответ» было обращено к Вам, — это, конечно, уже решено» (ЛН, № 27—28, стр. 293).

ПЕСНИ

«...В отделе «Песни», — писал Брюсов в предисловии к сборнику, — я пытался перенять формы современных народных песен, так называемых „частушек“».

Фабричная («Как пойду я по бульвару...»). Впервые — СЦ на 1902 г., стр. 129, в цикле «Мой песенник». В рукописи — без заглавия, строфа 2 зачеркнута, строфа 4:

Как глядят друг другу в очи,
Буду я следить до ночи,

Поцелуи все сочту,
Несмотря на темноту,

Печ. по UO, стр. 23. В Круг. заглавие: «Частушка I».

Фабричная («Есть улица в нашей столице. . .»). Впервые — СЦ на 1902 г., стр. 130, в цикле «Мой песенник». Печ. по UO, стр. 25.

Детская. Впервые — СЦ на 1902 г., стр. 133. В рукописи — без заглавия.

Сборщиков. Впервые — КР, стр. 73 под заглавием: «На новый колокол». С изменениями — СЦ на 1902 г., стр. 133, в цикле «Мой песенник». Печ. по UO, стр. 30. В рукописи зачеркнутый вариант ст. 9: «Хор небесный». Имеется рукопись другой редакции (20 августа 1899 г.) с пометой «Тема»:

Пожертвуйте, православные Москвы и христиане,
На построение храма
Во имя Михаила, архистратига господня,
И святителя Николая.
Порадейте, благодетели, бедному приходу,
Деревне бедной.
Есть у нас усердие, да нет богатств,
Ни земли, ни денег.
Помогите нам видеть благолепие храма,
Пожертвуйте немного,
Не нам отдадите, православные христиане, —
Святителю и богу.

Приводя полностью стихотворение в своей рецензии на TV, Горький писал: «Красота этого стихотворения становится особенно понятна, если прочитать его нараспев, именно так, как просят пожертвование сборщики на колокола» («Нижегородский листок», 1900, № 313, 14 ноября).

Девичья. Впервые — UO, стр. 31. В Круг. заглавие: «Частушка II».

Веселая. Впервые — СЦ на 1902 г., стр. 134, в цикле «Мой песенник». Печ. по UO, стр. 33. В Круг. заглавие: «Частушка III». *Красненький фонарик* — опознавательный знак публичного дома.

БАЛЛАДЫ

Раб. Впервые — UO, стр. 61, где строфы 7—8:

И падали ее одежды
До ткани, покрывавшей грудь.

И в ужасе сомкнул я вежды...
Но должен был опять взглянуть.

Вошел к ней юноша... И встречи
Она, покорная, ждала...
Погасли факелы и свечи,
Настала тишина и мгла.

Печ. по ПП II, стр. 25.

Помпеянка. Впервые — UO, стр. 67, где ст. 5—7:

Была любима я владыкой мира,
А мне был люб один нубийский раб.
Не жду над гробом лести: univira <одномужняя>.

Печ. по ПП II, стр. 31. *Мим* — актер народной комедии в древней Греции и Риме. *Нубия* — область р. Нила к югу от Египта. *Мизиец* — житель Мизии, римской провинции в Малой Азии; мизийцы были пастушеским народом.

Путник. Впервые — UO, стр. 71. В письме Брюсова Вилькиной (1903) имеется прозаический вариант этой баллады, обнажающий ее субъективно-лирический характер: «Но разве все дары принимаются? Нищий стоял на солнце. Когда он закрывал глаза, красное солнце проходило сквозь веки. Царевна подала ему золотое вино в золотом сосуде. Ему было надо лишь протянуть руку. Но он засмеялся и сказал: протяни эти золотые края к самым моим устам и я буду пить. В гневе царевна выплеснула драгоценное вино наземь. Но юноша смеялся, и когда он закрывал глаза, красное солнце проходило сквозь его веки. Ах, с меня довольно меня одного. Я отдаю себя самого — себе. Я не хочу принадлежать никому, и спокойно могу не владеть никем. Пусть шумят камни на взморьях» (ИРЛИ. Ср. также стих. «У себя»).

ДУМЫ

В UO раздел озаглавлен «Думы. Искания».

L'ennui de vivre... Впервые — СЦ на 1903 г., стр. 74, в цикле «Мысли». Заглавие — начало первой строки стихотворения П. Верлена из цикла «Bonheur» (XXIV): «L'ennui de vivre avec les gens et dans les choses...» («Скука жизни с людьми и среди вещей...» Ср. ст. 1 стих. Брюсова). В рукописи

ст. 3:

И снов, прельщающих во снах.

ст. 11—17:

За мной мои стихи бегут, крича,
За мною замыслов недовершенных тени.

И толпы дум, без формы, без числа,
И груды книг, как прах в закрытом склепе,
И женщин жадные тела,
Повисшие на прочной цепи...
Их много! .. Женщины! вас первых бы забыть

ст. 54—62:

Но вас, и вас теперь, любимцы, я кляну,
Вас предаю, бесчисленных, проклятью;
Идете вы за мной непобедимой ратью,
И все мои мечты давно у ней в плену,
Вы тянетесь за мной, как длинные обозы,
Навьюченные всем, что можно мыслить, всем!
О гордые творцы торжественных поэм,
Которым отроком я отдал дрожь и слезы!
Вы вырвали язык из уст моих, — я — нем,
И собственных речей не обретают грезы.

Печ. по ПП II, стр. 100.

Habet illa in alvo. Впервые — СЦ на 1903 г., стр. 76, в цикле «Мысли». В рукописи посвящено Обри Бердслею (1872—1898) — английскому художнику-графику, декаденту и эстету. Там же после ст. 40 следует:

В ней всё минувшее и будущее мира;
Он был бы без нее мелькнувший, беглый звук,
В ней вся история, все домыслы наук,
Мечты пророков, образы Шекспира.
И мы прошли бы все и стали бы ничем
В небытии пугающе угрюмом,
Где взору красок нет, где голос нем:
Ты длительность даешь и нашим, нашим думам!

Печ. по UO, стр. 40. *Ребекка* (библ.) — мать близнецов Исава и Иакова. *Лия* (библ.) — мать шести сыновей.

Париж. Впервые — UO, стр. 50, где ст. 13—16:

Рядами сжатыми летели экипажи
И рос людской прилив... сверкали вензеля
Огнистых вывесок... таинственною пряжей
Вкруг ярких фонарей сплетались тополя...

В рукописи первоначальная редакция (набросок):

И мне понравился
Ты, многоликий город!
Я полюбил твои серые дворцы,

Вечное трепетанье,
Немолчный голос:
Выкрики газетчиков, — щелканье бичей, — бубенцы,
И ночное сверканье.

Жизнь — твоя стихия; ты постоянно клокочешь,
Неисчерпаемые людские потоки в твоих каменных ложах —
Реки, что льются в открытую вечность!
Ничтожны и веселы лица прохожих,
Лепечет забота дня, и смеется беспечность,
А ты своим сдержанным грохотом над ними пророчишь.
Когда над бульварами небо становится темным
И мрачными рядами летят экипажи,
И вертятся огненные вывески, и окна в огне,
И фонари в высоте мерцают таинственной пряжей,
И потоки людей нарастают приливом огромным, —
Всё кажется мне:
Что человечество
Идет на приступ своего врага —
На город!
Погибшие падали под его каменные ступни,
Он топтал их как прах,
Но новые орды поднимались над падшими,
И не слабела борьба
Человечества и города!
. . . .
На маленьком острове, уединенно от света,
Старинный высится храм,
Скованный с именем великого поэта...
Я тебя полюбил, Notre Dame!
И твои узорчатые стены,
О, эти розетки где-то там, в вышине!
За ними вся жизнь, с ее водоворотами, блекла,
И один орган тихо пел в тишине.
Под этот напев полусонный
Я любил всматриваться в цветной мираж,
И крутые окна начинали вращаться предо мной,
Причудливо сплетая рамы.
О неземной калейдоскоп!
. . . .
А в самом сердце стоит зданье с колоннами
И широкой лестницей,
Это биржа.
. . . .
Вот наша агора,
Вот наш форум...

Печ. по ПП II, стр. 114. *Пэан* (греч.) — гимн в честь Аполлона; здесь — хвала. *Собор, Давно прославленный торжественным поэтом* — Собор Парижской богоматери, описанный в одноименном

романе В. Гюго. *А там, за Сеной, был еще приют священный.* Имеется в виду Дом Инвалидов, куда был перенесен прах Наполеона. *Мальстрем* — водоворот у берегов Норвегии. *Феникс* (егип. миф.) — птица, сжигавшая себя каждые пятьсот лет и возрождавшаяся из пепла.

Мир. Впервые — UO, стр. 53. В рукописи после ст. 20 следует:

За главной комнатой, где сложен был товар,
Таилась меньшая, где стол стоял, два стула
И вечно чайников носился пар.
Там вдалеке от жизни и от гула,
За чаем, за икрой, за шашками, за водкой
Тянулись медленно хозяйские часы
(Казался долгим день, но жизнь зато короткой!).
Два развлечения с утра и до росы —
Читать «Листок», вникая в вести мира
Из Англии, Уфы и дальних деревень,
Иль слушать наверху оркестрион трактира...
Идут, идут часы, и тихо морит лень.
В нечистом воздухе, удушливо нагретом,
Ни мысли нет, ни сна, кружится голова...
И залы помнятся, затопленные светом,
И женщин молодых бесстыдные слова!
Как соответствие, как верный звук отзвучный,
На эту жизнь в пыли, на этот подвиг скучный —
Встают разгулы ухарских ночей,
Свобода пьяная поступков и речей...

ст. 71:

Разрушена вся жизнь — такой, какой была.

ст. 82—84:

Все утонченные восторги и печали
Лишь растоптали мир — заветный и родной.
Который был моим и должен был быть мой.

Печ. по ПСС III, стр. 84.

ЭЛЕГИИ

В Дамаск. Впервые — «Ежемесячные сочинения», 1903, № 4, стр. 243, без заглавия. Печ. по UO, стр. 87. Брюсов писал В. А. Пясту по поводу включения своих стихотворений в «Книгу о русских поэтах последнего десятилетия» (СПб., б. г.): «Я *очень настаиваю* только на одном стихотворении... «В Дамаск» (Urbi et Orbi), которое мне дорого и в котором отразилось что-то из моих самых основ-

ных переживаний» (1905, черновик — ГБЛ). *Тропарь* — церковное песнопение. *Путь в Дамаск.* Согласно Евангелию («Деяния апостолов», IX), язычник Савл на пути в Дамаск услышал голос Иисуса. Придя в Дамаск, Савл начал проповедовать христианство и стал апостолом Павлом.

Прощальный взгляд. Впервые — НП, 1903, № 4, стр. 101, в цикле «Предчувствия», строфы 3 и 4 обменены местами, как и в рукописи. В рукописи после строфы 4 следует:

И, подойдя к заветной двери,
Я от волненья изнемог,
Приник, готов рыдать, к портьере,
Ступить не смея за порог.

После строфы 5:

Вот, вспыхнув, что-то догорело,
И ярче вдруг из темноты
Какой-то тенью онемелой
Взглянули белые цветы.

Печ. по UO, стр. 91.

К близкой. Впервые — UO, стр. 95. В рукописи стихотворение озаглавлено: «Ты». 26 января 1903 г. поэт писал И. М. Брюсовой: «Я переживаю всю ту мучительную радость, если б после смерти, после вековых и тысячелетних блужданий, я вдруг увидел бы твой образ, твою душу. И в моей душе, уже выветренной этими днями без времен, этими путями без дорог, уже утратившей все впечатления земли, все ее ощущения, знания, весь строй ее растительной жизни, в этой моей умершей и преображенной душе — вдруг загорелась бы палящим пламенем Любовь... то несказанное вспомнилось бы мне среди бескрасочных и беззвучных полей небесных — все многообразие, вся пышность, вся радуга земного бытия — и я воскликнул бы тебе с последним упоением твоим — моим именем: Эда, и мы бросились бы навстречу один другому... Ах, это, т. е. все, что я написал, чуть ли не лучшее мое стихотворение» (ГБЛ).

Эпизод. Впервые — 1 — UO, стр. 83; 2—3 — ПСС III, стр. 111. В рукописи 1 и 3 имеется подзаголовок «Песенка»; там же 1, строфы 3—6:

Любить тебя не смею,
Кругом шумят леса,
Я жду в тревоге фею
И верю в чудеса!

Волшебница предстанет
С жезлом из белых роз,
И взор твой грустно взглянет
Вдруг полный крупных слез.

Но служит мне молебны
В горах монах седой,
И я в челнок волшебный
Возьму тебя с собой.

Помчат нас в царство ласки...

Одиночество. Впервые — UO, стр. 93 с вариантом строфы 8. В рукописи озаглавлено «К близкой», с пометой: «NB. В отдел «Элегии» предпоследнее стихотворение», там же строфа 1:

Мы замкнуты в железной башне,
Дверей ее нам не разбить.
И кем мы были в день вчерашний,
Тем мы должны сегодня быть.

После строфы 4 следует:

Душа людей — творец мгновенный,
У всех свои слова и сны,
И все живут в своей вселенной
От всех других разделены.

Печ. по ПП II, стр. 53. В ПСС III «Одиночество» заключает раздел «Элегий» — стихотворений, посвященных любви.

СОНЕТЫ И ТЕРЦИНЫ

Втируша. Впервые — UO, стр. 100. *Втируша* — перевод названия драмы Метерлинка «L'intruse», где так названа смерть. Брюсов в 1892 г. перевел эту драму. В 1900 г. он присутствовал на ее постановке (Дневн., стр. 81).

Mon rêve familier. Впервые — UO, стр. 105. Эпиграф — из стих. Лермонтова «Как часто, пестрою толпою окружен...». Заглавие заимствовано у Верлена, одноименное стихотворение которого Брюсов перевел.

Терцины к спискам книг. Впервые — Каталог изд-ва «Скорпион», М., 1902, стр. 3. Печ. по UO, стр. 109.

КАРТИНЫ

В UO раздел назывался «Картины. На улице».

Люблю одно. Впервые — «Русский листок», 1902, № 4795, 27 декабря, без заглавия. Печ. по UO, стр. 113.

Раньше утра. Впервые — UO, стр. 117, без последней строфы. Печ. по ПП II, стр. 68.

Каменщик. Впервые — UO, стр. 118. Летом 1901 г. Брюсов жил на даче под Москвой и часто проезжал мимо Бутырской тюрьмы, где строился или ремонтировался один из корпусов. Н. С. Ашукин указал на литературный источник «Каменщика» — стих. П. Лаврова «Новая тюрьма» в сборнике запрещенных стихов «Лютня» (Лейпциг, 1879, и три изд. 1893—1897). Посылая «Каменщика» А. А. Шестеркиной 20 октября 1901 г., Брюсов писал: «Кажется, еще не посылал Вам этих стихов, может быть лучших из своих последних» (ГБЛ). На текст Брюсова были написаны романсы Ю. Энгелем, В. Толоконниковым и Е. Вильбушевичем. Кроме того, «Каменщик» вошел в народный песенный репертуар (см. «Библиография Валерия Брюсова». М., 1913, стр. 43).

Прохожей. Впервые — UO, стр. 121. В рукописи эпиграф из стих. Бодлера «A une passante» («Прохожей»): «O toi, que j'eusse aimée, ô toi, qui le savais!» («О ты, которую я мог бы полюбить, о ты, которая это знала!»). Мотивы стихотворения Бодлера послужили отправным пунктом для нескольких стихотворений Брюсова («Прохожей», «Встреча» и др.).

Голос часов. Впервые — UO, стр. 122. В рукописи помета: «Santa Margherita Ligure. Ночь».

На скачках. Впервые — UO, стр. 123.

Чудовища. Впервые — UO, стр. 124, без эпиграфа. Печ. по ПП II, стр. 74. Эпиграф — ст. 1 стих. К. М. Фофанова «Чудовище», с которым перекликается стихотворение Брюсова.

Ночь. Впервые — UO, стр. 127. В рукописи последняя ст.:

К вождю взывающие рати.

АНТОЛОГИЯ

Яростные птицы. Впервые — СЦ на 1903 г., стр. 161, подпись — Аврелий.

В раю. Впервые — UO, стр. 133. В стихотворении имеются общие мотивы с картиной «золотого века» из «Сна смешного человека» Ф. М. Достоевского. *Шик* Максимилиан Яковлевич (род. 1884) — переводчик, в то время сотрудник журнала «Весы».

Сон. Впервые — UO, стр. 135 без строфы 3. Печ. по ПП II, стр. 80.

Знойный день. Впервые — UO, стр. 137. В рукописи заглавие: «День»

Облака Впервые — UO, стр 139. В рукописи помета: «Старое село».

Терем. Впервые — UO, стр. 141. Посвящено И. М. Брюсовой. В рукописи первоначальная редакция.

ст. 2—5:

Жизнь как сон растает, сгинет без следа,
Слабый свет роняет пестрая слюда,
По простенкам травы — сплетены как лес!
В окна видны главы — малый край небес.

ст. 11—12:

Лишь из церкви жадно: взгляд на чуждый мир,
Тихий свет лампадок, чуть поющий клир.

ст. 17—18:

Змей-Горыныч, море, статный царский сын,
Радость, ужас, горе — всё на миг один,

а также отдельные разночтения.

Презрение. Впервые — UO, стр. 147.

К устью! Впервые — «Русский листок», 1904, № 5061, 1 января, под заглавием «Новый год». Печ. по ПП II, стр. 88.

ОДЫ И ПОСЛАНИЯ

К. Д. Бальмонту. Впервые — UO, стр. 151. Сохранилась рукопись другой редакции, где после строфы 1 следует:

Весь стихийный, безотчетный,
Ты над жизнью, светлый сон,
О, помедли мимолетный,
Мир виденьем опьянен.

«Высшим знаком я отмечен» —
Верь, о верь своим словам,
Будь покорен, будь беспечен,
Будь подобен облакам.

То над полем, то над бездной,
Как они, лови закат,
Синим днем и ночью звездной
Каждый миг меняй наряд.

То сверкай огнистой славой,
То прильни дождем к траве,

Загорись зарей кровавой
И исчезни в синеве.

Гость земной, ты близок небу!
Ты избранник, ты поэт!
Дара высшего не требуй!
Дара высшего и нет.

Далее строфы 9—11 с незначительными разночтениями. В 1903 г. Брюсов написал статью о сборнике стихов К. Д. Бальмонта «Будем как солнце», очень высоко оценивающую его творчество. «Среди современных поэтов Бальмонт самый значительный, — заявлял он, — и по силе стихийного дарования, и по своему влиянию на литературу» («Мир искусства», 1903, № 7—8, стр. 36). П. П. Перцов вспоминал, что Брюсов как пример прирожденного поэта всегда приводил Бальмонта: «Он переживает жизнь как поэт, — говорил он, — и как только поэты могут ее переживать, как дано это им одним; находя в каждой минуте всю полноту жизни...» (П. Перцов. Литературные воспоминания. М.—Л., 1933, стр. 260). Стихотворение Брюсова является как бы ответом на посвященное ему стихотворение Бальмонта «Воля» (сб. «Будем как солнце»). Брюсов использует образы и выражения из стихов Бальмонта: «Высшим знаком я отмечен» («Воля»); «Вечно юный, как сон» («Я изысканность русской медлительной речи...»); «О да! я Избранный, я Мудрый, Посвященный, Сын солнца, я — поэт...» («Избранный»).

Ему же. Впервые — UO, стр. 153. В рукописи после даты помета: «На пути в Верею около Ратова». *Аргонавты* (греч. миф.) — герои, совершившие на корабле «Арго» поход в Колхиду за золотым руном волшебного овна; в переносном смысле — первооткрыватели; *Арион* — греческий поэт и музыкант (VII—VI вв. до н. э.); согласно легенде, очарованный пением Ариона дельфин вынес его из моря на берег. *Прозерпина* (рим. миф.) — владычица преисподней.

Лев святого Марка. Впервые — «Ежемесячные сочинения», 1902, № 9, стр. 179. Май—июнь 1902 г. Брюсов провел в Италии. «Мне по душе пришлась одна Венеция», — замечает он в письме к З. Н. Гиппиус (1902, ГБЛ). «Венеция — город единственный и настоящий», — пишет он Г. Бахману 12 мая 1902 г. И ему же 23 мая 1902 г.: «Гондолы, базилики, итальянская речь и небо — хорошо! Но Лев святого Марка — лучше всего» (ГБЛ). *Лев святого Марка* — памятник в Венеции на площади св. Марка — покровителя Венеции. *Пять веков морей царица.* Венецианская республика в XI—XV вв. захватила большие территории и вела обширную морскую торговлю. *Созерцали крыл державных Возрастающую тень.* Ср. у Тютчева: «Разрасталась в целом мире Тень от львиного крыла» (стих. «Венеция»). *Беллини* — семья знаменитых венецианских художников XV в. *Дожи* — верховные правители Венецианской республики. *Генуя* — в эпоху позднего средневековья самостоятельная респуб-

лика, соперничала с Венецией за владычество на море и вела с ней жестокие войны. *Тасс* — Торквато Тассо (1544—1595) — итальянский поэт, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим».

Памяти И. Коневского. Впервые — А. Л. Миропольский. Лествица. М., 1903, стр. 25 (в предисловии Брюсова «Ко всем, кто ищет»), под заглавием «Ивану Коневскому». Печ. по ПП II, стр. 96. Эпиграф — из стих. В. К. Кюхельбекера «19 октября», где ст. 3 и 4:

В средине поприща побед и славы,
Исполненный несокрушимых сил.

Иван Коневской — псевдоним Ореуса Ивана Ивановича (1877—1901) — поэта раннего символизма. Он утонул в реке Аа и был похоронен на ст. Зегевольд близ Риги. Брюсов был близок с Коневским (сохранилась их переписка 1899—1900 гг.), высоко ценил его поэзию, считая ее «одной из замечательнейших на рубеже двух столетий». «Коневскому я обязан тем, что научился ценить глубину замысла в поэтическом произведении, его философский и истинно символический смысл», — писал Брюсов (Автобиогр., стр. 112). Под редакцией и со вступительной статьей Брюсова было издано посмертное собрание сочинений Ивана Коневского «Стихи и проза» (М., 1904).

Андрею Белому. Впервые — UO, стр. 168. *Андрей Белый* — литературный псевдоним Бориса Николаевича Бугаева (1880—1934). С Белым Брюсов познакомился 5 декабря 1901 г. и вскоре сблизился с ним. Брюсова привлекли как литературный талант, так и духовный максимализм, тип культуры молодого Белого, сочетавшего искусство, философию с точными науками. «...Очень крупный Б. Н. Бугаев — интереснейший человек в России», — записал Брюсов в октябре 1902 г. (Дневн., стр. 123). Для Брюсова начало 900-х годов было, по словам Белого, периодом, когда «пытливый ум большого человека высматривал себе стези и пути, нащупывая эти стези на всех путях жизни» («Записки мечтателей», № 6, 1922, стр. 87). Одной из таких «нащупываемых» стезей были философские мистические устремления «младших» символистов. Однако эти устремления оставались чуждыми Брюсову (см. ниже — прим. к «Младшим»). *В сияньи небо — вино и золото!* — образы из первой книги стихов Белого «Золото в лазури», изданной Брюсовым в 1904 г. в кн-ве «Скорпион». Брюсов дал вначале книге условное название «Призывы». В письме Белому (август 1903 г.) он приветствовал новое название: «„Золото на лазури“ прекрасно и верно из Белого» (ГБЛ).

Младшим. Впервые — «Ежемесячные сочинения», 1903, № 4, стр. 242, под заглавием: «За оградой». Под заглавием «Младшим» с эпиграфом: «Там жду я прекрасной дамы. *А. Блок*» (стих. «Вхожу

я в темные храмы») — UO, стр. 167. Печ. по ПП II, стр. 98. По свидетельству П. П. Перцова, стихотворение написано в вагоне поезда после беседы о стихах Блока (см. «30 дней», 1939, № 10—11, стр. 127). Оно подчеркивало идейное и эстетическое расхождение Брюсова с «младшим» поколением символистов (А. Белый, А. Блок, С. Соловьев и др.). Белый писал: «Да, тут смесь подозрения, недоверия, страха ко всей нашей линии, чуждой для Брюсова» («Эпопея», 1922, № 1, стр. 185). Брюсов высоко ценил Блока как поэта и в то же время резко отрицательно относился к его мистическим устремлениям. Он пристально следил за творчеством Блока, проницательно предвидел и приветствовал его эволюцию, которую впоследствии несколько упрощенно характеризовал как «путь... от мистики к реализму» (В. Брюсов. Александр Блок. В кн.: «Русская литература XX века», т. III. М., б. г., стр. 320). В рецензиях Брюсова явно ощущается стремление воздействовать на направление блоковской эволюции. Он утверждал, что Блок не «поэт таинственного, мистического», отмечал другое, подлинное, по его мнению, начало поэзии Блока: «А. Блок... поэт дня, а не ночи, поэт красок, а не оттенков, полных звуков, а не криков и не молчания. Он только там глубок и истинно прекрасен, где стремится быть простым и ясным», подчеркивал тяготение поэзии Блока к драме и эпосу (В, 1907, № 2, стр. 85; см. РМ, 1912, № 1). Нужно отметить, что Брюсов, решительно отвергая мистические элементы в творчестве Блока, не замечал специфики блоковского подхода к действительности, попыток поэта постичь и поэтически обобщить движение жизни, исторический смысл своего времени. Ответом на стихотворение Брюсова явились стихи Блока «Ночная молитва» («Тебе, Чей сумрак был так ярок...»), где ст. 15—16 «Пред кем томится и скрежещет Суровый маг моей земли» (ст. 16 читалась первоначально: «Великий маг моей земли»).

Юргису Балтрушайтису. Впервые — UO, стр. 162. Эпиграф из стих. Балтрушайтиса «Сон». *Балтрушайтис* Юргис Казимирович (1873—1945) — поэт-символист, переводчик, ближайший сотрудник «Весов», друг Брюсова (см. стр. 832).

З. Н. Гиппиус. Впервые — UO, стр. 148, под заглавием «Неколебимой истине», в разделе «Антология». Печ. по ПСС III, стр. 191. *Гиппиус* Зинаида Николаевна (1869—1945) — жена Д. Мережковского, видная представительница старшего поколения символистов, поэт, беллетрист, критик (псевдоним Антон Крайний); после Октябрьской революции — эмигрантка, занимала активную антисоветскую позицию. Брюсов ценил поэзию Гиппиус, но не разделял ее общественных (проповедь «неохристианства») и литературных воззрений (см. рецензию на «Собрание стихов», кн. II. — РМ, 1910, № 7; статью о З. Гиппиус в «Русской литературе XX века», под ред. С. А. Венгерова). Попытки Мережковских, начиная с 1901 г., привлечь Брюсова на свою сторону оказались неудачными: после недолгого сотрудничества (1903—1904) он ушел из журнала Мережковских «Новый путь» (см. Д. Максимов. Брюсов и «Новый

путь». — ЛН, № 27—28, стр. 276). В 1906 г. Брюсов фактически отверг предложение Мережковских объединиться с редакцией «Весов», подчеркнув при этом «разные тенденции», глубину различий во взглядах на искусство. Стихотворение связано с беседами, происходившими во время пребывания Мережковских в Москве в декабре 1901 г. (см. Дневн., стр. 108—113).

STEPHANOS

1904—1905

Stephanos — Венок (др.-греч.). Книга имела посвящение: «Вячеславу Иванову, поэту, мыслителю, другу». *Иванов* Вячеслав Иванович (1866—1949) — поэт и теоретик символизма. Осенью 1905 г., после долгого пребывания за границей, где он изучал и преподавал античную философию, историю и филологию, Иванов вернулся в Россию. Брюсова привлекали искания Иванова в области поэтики, широта тем и традиций в его творчестве, но для Брюсова были неприемлемы мистические теории Иванова, его стремления подчинить искусство религии, что привело к дальнейшим столкновениям и расхождению (см. Дневн., стр. 132, 142). Брюсову принадлежит ряд статей о книгах стихов Иванова (см. «Далекие и близкие»). 14 июля 1906 г. Брюсов писал Н. И. Петровской, писательнице-символистке, героине стихов «Stephanos»: «К тому времени, когда я закончил «Urbi et Orbi», что-то было изжито, какой-то рудник, который другим мог хватить надолго, был мною исчерпан, потому что я не разрабатывал его, а грабил. Я выхватывал из него слитки и губил златоносные жилы. И вот слитков более не оказалось. Оставалось искать новые шахты или заняться пересмотром ранее брошенного... И вдруг пришла... любовь... У меня вдруг открылись глаза, сделались в сто раз более зоркими, в руках я почувствовал новую силу... Я собрал снова целую книгу золотых слитков там, где, казалось, не было ничего, кроме песку и осколков камней... Но я ошибался. Рудник мой был все же опустошен. Скоро, очень скоро поднял я последнюю блестку — и вот опять стою в пустоте, в разоренной опустошенной шахте» (ЦГАЛИ). О времени, когда создавались стихи сборника (1904—1905), поэт вспоминал: «Для меня это был год бури, водоворота. Никогда не переживал я таких страстей, таких мучительств, таких радостей. Большая часть переживаний воплощена в стихах моей книги Stephanos... Временами я вполне искренне готов был бросить все прежние пути моей жизни и перейти на новые, начать всю жизнь сызнова». «То были годы очень интересные и очень остро пережитые мною» (Дневн., стр. 136). «„Венок“ был моим первым сравнительно крупным успехом, — отмечал Брюсов. — Издание (2000 экз.) разошлось в полтора года, тогда как прежние мои книги едва расходились в пять лет» (Автобиогр., стр. 115).

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вячеславу Иванову. Впервые — St, стр. 13. В рукописи после строфы 6 зачеркнутая строфа:

Ты — гость из благостных столетий
Что нашим буйствам — лишь мираж,
Но ты восприня́л буйства эти,
И, совопросник Дельф, ты — наш!

Иванов Вяч. — см. стр. 764. На посвящение Иванов ответил стих. «Венок» (см. «Cor ardens». М., 1911, ч. 2). *Архипелаг* — имеется в виду греческий архипелаг в северо-восточной части Средиземного моря, один из центров древнегреческой культуры. *Скамандр* — река, близ которой была расположена Троя. Здесь развернулись сражения между осаждавшими Трою греками и троянцами, о которых повествует «Илиада» Гомера. *И дерзкий вскормленник Перикла.* Имеется в виду Алкивиад (451—404 до н. э.) — греческий полководец и государственный деятель, воспитывавшийся в доме Перикла, знаменитого афинского государственного деятеля, с именем которого связывают расцвет афинской демократии, греческого искусства и литературы. *Александр* — см. стр. 735. *Тирсофор* — несущий тирс — жезл бога вина Диониса, участник его шествия. *Эолийский звон* — эолийцы — ветвь древнегреческого народа, первые создатели героического эпоса, к VI в. до н. э. относится пышный расцвет эолийской лирики.

ВЕЧЕРОВЫЕ ПЕСНИ

Эпиграф: «De la musique avant toute chose. *P. Verlaine*» («Музыки прежде всего. *П. Верлен*») — из стих. «Art poétique» (см. стр. 605). Как вспоминает сестра поэта Н. Я. Брюсова, Брюсов говорил о «Вечеровых песнях»: «они являются выражением музыки в стихах и могут быть доказательством того, что музыка есть в самой поэзии и что иной связи с музыкой поэзии и не нужно» (архив И. М. Брюсовой).

Приветствие. Впервые — «Журнал для всех», 1904, № 5, стр. 259, без заглавия — в цикле «Вечеровые песни». Печ. по St, стр. 7.

«Воздух становится синим...». Впервые — «Журнал для всех», 1904, № 5, стр. 259, в цикле «Вечеровые песни».

«Помню вечер, помню лето...». Впервые — «Журнал для всех», 1904, № 5, стр. 259, в цикле «Вечеровые песни», без эпиграфа. Печ. по St, стр. 10. Эпиграф — из стих. Тютчева «Я помню время золотое...». Обращено к И. М. Брюсовой. *Кельн* — город в Западной Германии на р. Рейн; быт старого Кельна XVI в. Брюсов воссоздал в своем романе «Огненный ангел» (1907). *Но когда-то Heinrich Heine В стройных строфах пел про нас!* Генрих Гейне

(1797—1856) был уроженцем Рейнской провинции, с которой связан ряд его лирических стихотворений.

Голос прошлого. Впервые — «Беседа», 1905, № 12, стр. 5.

Охотник. Впервые — «Беседа», 1904, № 9, стр. 17, под заглавием: «Из вечерних песен». Печ. по St, стр. 17. Указывалось на определенную зависимость образов этого стихотворения от стихотворения «Un coucher de soleil» («Закат солнца») Леконта де Лиля.

Целение. Впервые — St, стр. 15.

Первые встречи. Впервые — «Беседа», 1906, № 1, стр. под названием: «Пастораль», где строфа 5:

И так странно, так желанно прозвучал мне голос твой,
Как изгнаннику нежданно на чужбине зов родной.

Печ. по St, стр. 21.

Вечер после дождя. Впервые — St, стр. 25.

НА САЙМЕ

Эпиграф: «Тебя полюбил я, красавица нежная» — из стих. Вл. Соловьева «Последняя любовь». *Сайма* — озеро в юго-восточной Финляндии, на берегу которого Брюсов провел весну 1905 г. Посылая стихи «На Сайме» И. М. Брюсовой, он писал: «Бродил по берегам Саймы. Мир великой тишины, тихие воды, тихие сосны, тихие люди» (ГБЛ). В письмах к Н. Петровской (август — сентябрь 1905 г.) Брюсов вспоминал «дни несбыточного счастья там, на Сайме» (ЦГАЛИ).

«Меня, искавшего безумий...». Впервые — St, стр. 27.

«Желтым шелком, желтым шелком...». Впервые — St. стр. 28. В Круг. заглавие «Сайма».

«Я — упоен! мне ничего не надо!..». Впервые — St, стр. 30.

«Мы в лодке вдвоем, и ласкает волна...». Впервые — St, стр. 30. Печ. по ПП II, стр. 151. *Ато* (финск. миф.) — водяной царь. *Сампо* (финск. миф.) — волшебная мельница (см. «Калевала»). *Суоми* (финск.) — Финляндия.

«Голубое, голубое...». Впервые — St, стр. 31.

«Воздух живительный, воздух смолистый...». Впервые — ПСС IV, стр. 40. В рукописи заглавие: «Отражение. 2». Пометa: «Испр. 1908».

ПРАВДА ВЕЧНАЯ КУМИРОВ

Эпиграф: «Познал ты правду вечную кумиров» — из стих. И. И. Коневского «К пластику». Предлагая Г. И. Чулкову стихотворения этого отдела для журнала «Вопросы жизни», Брюсов подчеркивал: «Это античные образы, оживленные, однако, современной душой. Все говорят о любви» (Г. Чулков. Годы странствий. М., 1930, стр. 324).

К Деметре. Впервые — «Вопросы жизни», 1905, № 7, стр. 39, в цикле «Озимя». В рукописи имеется вариант строфы 5:

После ночи долгой зимней
И в душе святая тишь,
Что же ты в весеннем гимне
Пробудиться не спешишь?

Деметра (греч. миф.) — богиня плодородия.

Орфей и Эвридика. Впервые — НП, 1904, № 8, стр. 168. В рукописи при дате помета: «Ночь». По словам А. Белого, образ Эвридики навеян Н. Петровской (см. А. Белый. Начало века. М.—Л,. 1933, стр. 281—282). *Орфей* (греч. миф.) — фракийский поэт-певец; своей игрой на лире он укрощал зверей и сдвигал с места горы. «Орфей очаровал своей лирой бога подземного царства, и тот возвратил ему Эвридику <его жену, умершую от укуса змеи>, но с условием, чтобы Орфей ни разу не оглянулся на нее, пока будет вести ее из мира мертвых в мир живых» (прим. Брюсова). *Асфоделева страна* — загробный мир (асфодели — см. стр. 729).

Медея. Впервые — «Журнал для всех», 1904, № 9, стр. 516, с вариантом строф 2—3. С изменениями — St, стр. 42, с изменениями — ПП II, стр. 158. Печ. по ПСС III, стр. 50. В черновой рукописи строфа 2 и далее:

Узду грызущие драконы,
Взметая крылья, рвутся ввысь...
И вот им вожжи не препоны,
Сорвались с кручи, понеслись.

Летят. И, повергая в долы
Куски окровавленных тел,
Она кричит, — и крик веселый
Доходит в низменный предел.

«Вот он, вот он, миг свободы!
Всё, что было, было сном.
Вижу берег, горы, воды,
Мой недавний мнимый дом.

Годы, годы я свергаю,
Сон любви и сон страстей.
Я опять повелеваю
Всей природою своей.

Мщенье! мщенье, здесь в эфире
Дай твой едкий огнь вздохнуть,
Горькой скорбью в дальнем мире
Повторится горний путь».

Нет граней ярости драконам
. . . .
Вижу, за горестным Язоном
Спешит толпа его друзей.

Стеня, детей он ищет члены,
Целует слишком алый прах,
А там, вдали, Коринны стоны
И стон и плач в градских стенах.

«Волшебница *Медея,* дочь колхидского царя Ээта, помогла Язону <вождю аргонавтов> овладеть золотым руном. Язон увез Медею с собою в Коринф. Позднее, однако, Язон задумал жениться на Креузе, дочери царя Креона. Медея умертвила Креузу, послав ей в подарок отравленную одежду, убила собственных детей, рожденных от Язона, и бежала из Коринфа на колеснице, запряженной крылатыми драконами» (прим. Брюсова). *Стола* — одежда римских матрон, символ законного брака.

Бальдеру Локи. Впервые — «Северные цветы ассирийские». М., 1905, стр. 35, в цикле «В провалах», с посвящением Андрею Белому. Печ. по St., стр. 49. В рукописи после ст. 4:

Вселис, отрок светлоокий,
Ты, как ясный день, любим;
Я же — злой и хитрый Локи —
Застилаю даль как дым.

ст. 17—20:

Тетиву слепец подвинет,
Скульд направит лет стрелы,
И твоя душа не минет,
Бальдер светлый, власти мглы!

Вместо ст. 30—38:

Тайны темной не тая!
Взбросит к небу призрак черный, —
Мир обвившая петля!
Солнце, месяц, звезды — канут.

Фенрис, сын мой, кинет клик.
Дети сумрака восстанут
В ярой мести на владык.
Айфы, йоты, огнебоги
Выйдут против светлых сил!
Всё, что тленно, что нетленно
Сгинет в ярости огня.

В этой же рукописи имеется вариант строфы 3:

Не вотще вещали норны
Мира смутную судьбу.
Будет день, и Сумрак черный
За меня начнет борьбу.
Светы солнц и звезд затмятся,
Как померкшие глаза,
Вверх по радуге помчатся
Дети мрака в небеса.
Сломят в битвах солнцебоги
Все оплоты светлых сил,
Рухнут Одина чертоги
Рухнет древний Игдразил.

Белый Андрей — см. стр. 762. С осени 1903 г. между А. Белым и Брюсовым сложились тяжелые, напряженные отношения. «Эпохой горестной путаницы между ею (Н. Петровской), Брюсовым и мною» — назвал 1903—1905 годы впоследствии Белый (А. Белый. Начало века. М.—Л., 1933, стр. 279). Эти взаимоотношения отразились в романе Брюсова «Огненный ангел». Брюсов, по словам Белого, «. . .обирал себя для героя романа, для Рупрехта... натура, с которой писалась Рената, его героиня... есть Н***; графом Генрихом... служили ему небылицы, рассказанные Н*** об общении со мной». «Осенью 904 года углубилась трагедия между мною и Валерием Брюсовым максимально. . .», — вспоминал Белый. «А бумажку со стихами «Бальдеру Локи» сложил он стрелой, посылая их мне. . .» (там же, стр. 284 и 286, 352; см. также письмо А. Белого Блоку от 18 или 19 декабря 1904 г. в кн.: А. Блок и А. Белый. Переписка. Летописи Гос. лит. музея, кн. 7. М., 1940, стр. 113—117). В основе конфликта между Белым и Брюсовым лежали не только личные отношения; «с особенной остротою вычерчивалась наша прямая противоположность во всем, — писал Белый, — ...Весь стиль наших встреч — откровенное исступленное нападение Брюсова на устои моего морального мира... между нами господствовал как бы вызов друг друга на умственную дуэль» («Эпопея», 1922, № 2, стр. 158—159; см. также «Записки мечтателей», 1922, № 6, стр. 96). «Бальдеру Локи» — своего рода полемика с «Северной симфонией (1-й героической)» Белого, центральная тема которой — борьба «мрака со светом». Белый ответил Брюсову стих. «Старинному врагу» (ВЖ, 1905, № 3). Стих. «Бальдеру II» (см. стр. 502), обнажавшее личную сторону конфликта, не было опубликовано Брюсовым. «По сканди-

навской мифологии, светлый бог *Бальдер* погиб от коварства злого *Локи,* направившего, во время игр, стрелу слепого Гаду. В наказание боги приковали Локи к скале, а над ним повесили ядовитую змею, жгучий яд которой падал на его лицо. Верная жена Локи *Сигина* сидела подле и держала над ним чашу, перехватывая капли яда. Эдда предрекает, однако, грядущее торжество Локи. Боги мрака и огня начнут войну со светлыми асами, одолеют их, и вся вселенная сгорит. *Чертоги Одина,* Гаадсгейм, стоят в середине Асгарда, царства асов; *Нерта* — богиня земли, *Гела* — богиня мертвых; *Игдразил* — исполинское дерево, соединяющее все восемь миров; корни его в аду, ствол в земле, вершина в небе» (прим. Брюсова).

Тезей Ариадне. Впервые — «Беседа», 1905, № 1, стр. 231. В рукописи — зачеркнутый вариант строфы 6:

Пусть дни любви как солнце сладостны,
Герой — их жертвует богам.
Я в путь иной, уже нерадостный,
Корабль направлю по волнам!

«Критский лабиринт, где заключен был *Минотавр* <чудовище>, был построен *Дедалом* (см. стр. 785). *Ариадна, дочь* критского царя, научила Тезея, как выйти из лабиринта с помощью клубка ниток, разматываемых по пути. Уезжая с Крита, Тезей взял Ариадну с собой, но бросил ее на острове Наксосе, где встретил ее бог Дионис. Тезей не переменил траурной оснастки корабля на белую, что было бы знаком успеха. Отец Тезея *Эгей,* видя приближающиеся черные паруса, бросился в море» (прим. Брюсова).

Ахиллес у алтаря. Впервые — ВЖ, 1905, № 3, стр. 142. Печ. по ПП II, стр. 164. «Пока предлагаю Вам одно из классических стихотворений в духе шиллеровских баллад, сколько могу судить, безукоризненное по форме, но несколько холодное и отрешенное от жизни», — писал Брюсов Г. И. Чулкову, посылая это стихотворение (Г. И. Чулков. Годы странствий. М., 1930, стр. 322—323). Белый, описывая эпизод вызова его Брюсовым на дуэль в начале 1905 г., замечает: «...в те дни клекотал Соловьеву, что хочется очень ему, «просияв», умереть. В эти месяцы лучшие стихотворения сборника «Стефанос» им написаны; в них — отражения его издергов с Н***» (А. Белый. Начало века. М.—Л., 1933, стр. 469). *Ахиллес* — легендарный греческий герой, прославленный Гомером, участник похода против Трои. «По одной версии сказаний, греки и трояне в конце войны думали заключить мир, сочетав браком Ахиллеса и Поликсену, дочь Приама <троянского царя>. Но Ахиллес был убит стрелой, пущенной Парисом и направленной самим Аполлоном» (прим. Брюсова). *Эреб* (греч. миф.) — преисподняя. *Но прекрасен ясный жребий — Просиять и умереть!* Ср. у Тютчева: «Я просиял бы — и погас» (стих. «Как над горячею золою...»).

Антоний. Впервые — ВЖ, 1905, № 7, стр. 41. В первом издании St входило в цикл «Из ада изведенные». Образ Антония привлек внимание Брюсова еще в юности: сохранилась рукопись стихотворения «Антоний», 1894 г. *Антоний* Марк (83—30 до н. э.) — один из триумвиров, разделивших после смерти Цезаря управление всей Римской империей. Влюбленный в египетскую царицу *Клеопатру,* Антоний большую часть времени проводил с ней в Азии, пренебрегая государственными делами и интересами. В морской битве при Акциуме (31 г. до н. э.), в которой решался вопрос о мировом господстве, Антоний последовал за Клеопатрой, обратившейся в бегство со своими кораблями, и бросил на произвол судьбы свое сухопутное войско.

Орфей и аргонавты. Впервые — НП, 1904, № 11, стр. 273. *Тифис, Линкей, Геракл, Менотий, Нелей* (греч. миф.) — греческие герои, участники похода на корабле «Арго» в Колхиду за золотым руном — *аргонавты. Язон* — предводитель похода. В походе принял участие *Орфей,* легендарный поэт-певец (см. стр. 767). *Симплегады* (греч. миф.) — плававшие у входа в Понт скалы, которые раздавливали корабли, проходящие между ними. После того как аргонавты сумели безнаказанно проплыть между ними, они застыли.

ИЗ АДА ИЗВЕДЕННЫЕ

Эпиграф: «В страну без возврата, в жилище мертвых, устремилась богиня Истар — вывести души из ада, чтобы они вновь ели и жили» — из ассирийского эпоса «Схождение Истар в ад».

В полдень. Впервые — St, стр. 57. В рукописи первоначальная редакция под заглавием: «К молодости»:

Свершилось! молодость окончена!
Ее прошел я торопясь...
Так жизни нить была утончена
И вот внезапно порвалась.

Вот в безызмерностях я падаю
И прежних легких крыльев нет,
И не мерцают мне отрадою
Лучи неведомых планет.

И где очнусь я, властно кинутый,
На рубеже каких дорог!
Увижу ль небосвод раздвинутый
Иль только сумрак будет строг, —

Но свергнут я с высот свежительных,
Окончен праздник первых встреч,
Пора пришла трудов свершительных...
О сердце! научись беречь!

Дары отныне станут скудными,
Осталось только расточать...
И мы пойдем путями трудными,
Уже давать, не собирать!

Мой дух! ты, бывший небожителем,
Ты, знавший горние стези,
Теперь иди к земным обителям,
В долинах стяг свой водрузи!

И неизбежному усердствуя,
Свершай тяжелый подвиг свой
И эта бездна, нам отверстая,
Да будет для тебя святой!

Но видя выси озаренные,
О, помни светлые пути
И миги, миги окрыленные...
О молодость! прости! прости!

При дате — помета: «Ночь».

Кубок. Впервые — St, стр. 65. Эпиграф — из стих. Брюсова «Любовь». В рукописи еще два эпиграфа: «Но пьющий пламя подавляет крик. *Tertia Vigilia* <стих. «Женщине»>; ʹʹΕρωσ ʹανιxατε μαχαν <Эрос, непобедимый в битве> *Софокл»* (трагедия «Антигона»); там же после строфы 1:

В борьбе с тобой кинжал не нужен,
И не укроет слабый щит.
Открыта грудь — я безоружен,
Не нужен щит, кинжал не нужен, —
Пусть твой удар меня разит!

Но дай припасть устами к краю
Бокала смертного вина!
Оно огонь, я знаю, знаю,
Но дай припасть устами к краю,
Дай черный кубок пить до дна!

Молния. Впервые — St, стр. 66. Посылая это стихотворение Л. Н. Вилькиной в ноябре 1904 г., Брюсов писал: «...Вы найдете здесь стихи, на которые смотрите не как на стихи (ибо, разумеется, у меня есть лучшие), но как на фотографию моей сегодняшней души» (ИРЛИ). *Лемуры* (римск. миф.) — души усопших, не находящие себе покоя.

В застенке. Впервые — «Северные цветы ассирийские». М., 1905, стр. 32, в цикле «В провалах» под названием «Пытка». В рукописи название — «В пытке». Печ. по St, стр. 67.

В и д е н и е к р ы л ь е в. Впервые — St, стр. 69.

В с к л е п е. Впервые — St, стр. 79.

МГНОВЕНИЯ

Эпиграф: «Но есть сильней очарованье...» — из стих. Ф. Тютчева «Люблю глаза твои, мой друг!..».

«К о с т р а р а с т о р г н у т а я с и л а...». Впервые — St, стр. 85.

«Д а й у с т а м м о и м п р и н и к н у т ь...». Впервые — St, стр. 87.

И з п е с е н М а л ь д у н а. Впервые — St, стр. 167, где образует раздел «Заключение». *Мальдун* — герой ирландских саг.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Эпиграф: «Бродя по думам и влачась по дням. *Tertia Vigilia»* — из стих. Брюсова «К портрету К. Д. Бальмонта».

В с т р е ч а. Впервые — St, стр. 93, без заглавия; как «1» в цикле «Встречи». В рукописи второе заглавие: «На улице». Печ. по ПП II, стр. 193.

В п у б л и ч н о м д о м е. Впервые — St, стр. 97. *Андиомена* (греч. миф.) — прозвище Афродиты (выходящая из моря).

В р е с т о р а н е. Впервые — St, стр. 99. В рукописи — зачеркнутое посвящение Н. П. (Нине Петровской).

К а м е н щ и к. Впервые — St, стр. 107.

В в а г о н е. Впервые — «Беседа», 1904, № 9, стр. 866, без строфы 5, под заглавием: «Той, чье имя мне осталось неизвестно». Без строфы 5, под заглавием: «В вагоне», — St, стр. 101. Печ. по ПП II, стр. 197.

К р ы с о л о в. Впервые — St, стр. 103. В стихотворении переосмыслена немецкая легенда о юноше, который волшебной игрой на флейте увлек крыс и вывел их из города Гаммельна, когда же горожане спасенного им города отказались дать ему за это ранее обусловленное вознаграждение, он тем же способом увел за собой всех городских детей (по другой версии — женщин), и больше их никто не видел.

Г р е б ц ы т р и р е м ы. Впервые — НП, 1904, № 11, стр. 274. В черновой рукописи после строфы 8 зачеркнуто:

Эх, если б цепи сорвав,
Вырваться к свету и буре,
К миру борьбы и забав,
К миру восторгов и фурий!

Что, если б, цепи сорвав,
Вдруг мы пред ними предстали?

Цезарь! блудница! герой!
Ваша свободная дума
Бродит ли робко порой
В сумраке затхлого трюма?

Трирема — римское судно с тремя рядами весел, гребцами которого обычно были пленные — рабы. *Фризская тина.* Имеется в виду участок Северного моря у берега Голландии. *Пахин* — древнее название мыса на юге Сицилии.

К олимпийцам. Впервые — St, стр. 51. В рукописи этой редакции в конце имеется еще одна (зачеркнутая) строфа:

Так всё было, так всё будет:
Победил — и побежден,
Кто же нас с тобой рассудит,
Бесконечный небосклон!

Печ. по ПСС IV, стр. 123. *Олимпийцы* (греч. миф.) — боги, обитавшие на священной горе Олимп. *Прометей* (греч. миф.) — титан, богоборец, похитивший для людей божественный огонь. Подвергнутый Зевсом жесточайшим мучениям, Прометей отказывался покориться ему. *Олимпиец.* Имеется в виду царь богов Зевс.

СОВРЕМЕННОСТЬ

Эпиграф: «Счастлив, кто посетил сей мир В его минуты роковые» — из стих. Ф. Тютчева «Цицерон». Стихотворения раздела «Современность» связаны с событиями периода русско-японской войны и первой русской революции. В них отразилась эволюция политических взглядов поэта, его сложная и противоречивая позиция тех лет, стремление определить свое место в «великие дни». «Я написал много стихов «из современности», частью революционных, частью прямо антиреволюционных», — сообщал он в августе 1905 г. П. П. Перцову (ПР, 1926, № 7, стр. 44). Брюсов придавал большое значение непосредственной связи стихов этого раздела с текущими политическими событиями. Посылая 24 августа 1905 г. стихи раздела и свои переводы Г. И. Чулкову, Брюсов писал: «Современность через несколько месяцев перестанет быть современностью, и *для меня лично* гораздо важнее напечатать свои оригинальные стихи, чем переводы» (Г. И. Чулков. Годы странствий. М., 1930, стр. 329). По этой же причине Брюсов уделял особое

внимание точной датировке стихотворений раздела. Однако это не значило, что для него они были лишь злободневным откликом. Брюсов неоднократно указывал, что общественно-политические события и вопросы являются полноправной поэтической темой (см. письмо П. Б. Струве от 31 марта 1906 г. — ИРЛИ). В наброске предисловия к St Брюсов подчеркивал, что писал стихи о современности «с той же любовью, с тем же одушевлением, как и все другие» (ГБЛ). Часть стихов раздела первоначально была запрещена цензурой, в других был сделан ряд цензурных изъятий. 13 сентября 1905 г. Брюсов писал С. А. Венгерову: «Если я и высказывал когда, устно или печатно, взгляды, за которые меня причисляют к «правой», то как парадокс, в ряду других парадоксов, которые меня когда-то забавляли. Теперь замечаю, что у нас куда легче приобрести такую «худую славу», чем от нее освободиться. Цикл моих стихотворений «Из современности» (который, может быть, разубедил кого-нибудь в этом моем реакционерстве), предложенный мною «Вопросам жизни», был весь зачеркнут цензором. Молчишь не по воле, а поневоле» (ИРЛИ; см. также письма Брюсова Г. И. Чулкову в книге последнего «Годы странствий», стр. 332—333).

Кинжал. Впервые — НП, 1904, № 10, стр. 164, без эпиграфа, с вариантом строфы 4:

Но чуть заслышавши призывный первый гром,
Я отзыв вам кричу, я ваш слуга сегодня;
И чем опасней час, и чем темней кругом,
Тем в песнях я свободней.

С эпиграфом и изменением — St, стр. 119. Печ. по ПСС III, стр. 127. Эпиграф — из стих. Лермонтова «Кинжал». По свидетельству Г. Чулкова, стихотворение было написано в 1901 г. для нелегального революционного сборника, который не увидел света; строфа 4 — прямой ответ на их беседу, в которой Чулков говорил о реальных силах революции (см. Г. И. Чулков. Годы странствий, стр. 101—102). Брюсов был очень недоволен, что при публикации стихотворения в «Новом пути» не была указана дата написания. «Обидно, если читатели отнесут его к теперешней «осенней весне», — писал он 10 мая 1904 г. П. П. Перцову. — ...А потом «сегодня» и «свободней»! — Ах, я не срифмовал бы этих слов сегодня» (ИМЛИ). В St Брюсов дал примечание: «Стихи эти были написаны в 1903 г. при обстоятельствах, объяснять которые здесь не место. По цензурным соображениям стихотворение в свое время не могло быть напечатано и появилось лишь в № 10 «Нового пути» за 1904 г...».

К Тихому океану. Впервые — «Русский листок», 1904, № 5088, 29 января. Печ. по St, стр. 23. «Примите мое «патриотическое» стихотворение», — писал Брюсов 30 января 1904 г. А. А. Шестеркиной, посылая ей «К Тихому океану», вырезанное из газеты (ГБЛ). «К Тихому океану» не было включено в ПП II, как «несвоевременное» (см. ПП II, стр. VIII).

К стр. 268—269

Война. Впервые — St, стр. 125. В Избр. соч. II, эпиграф: «Беллона, со змеиными волосами, в кровавой одежде, с мечом и бичом в руках. *Римское изображение»*.

На новый 1905 год. Впервые в другой редакции — «Дело и отдых», 1905, № 1, где после ст. 7:

Россия, нить твоих судеб.

Нет, нет! не надо поздравлений,
Веселых слов в заветный час.
Быть может, павших братьев тени
Сидят, незримые, меж нас.

Беспечный пир теперь — измена!
Гремит над всеми нами гром,
Поля угрюмые Мукдена
У всех простерты за окном!

Не звоном пенного бокала
Как много радостных годин,
А древней клятвой Ганнибала
Тебя мы встретим, исполин.

Печ. по St, стр. 127. Эпиграф — из стих. Ф. Тютчева «1856». Строфы 3—5 представляют собой новую редакцию стих. «Весы качнулись мировые. . .» (Неизд., 1935, стр. 181).

К согражданам. Впервые — «Слово», 1904, № 22, 22 декабря. «Очень спасибо за напечатание стихов к неистовому трибуну. Мне это очень важно и дорого», — писал Брюсов П. П. Перцову в январе 1905 г. («Знамя», 1940, № 3, стр. 255). В конце 1904 г. по России прокатилась волна демонстраций и массовых митингов с требованием созыва учредительного собрания, амнистии и прекращения войны. *Мукден, Артур (Порт-Артур)*— места военных действий во время русско-японской войны 1904—1905 гг., где русская армия потерпела поражение. *Азраил* — ангел смерти у мусульман. *Ликторы* — почетные стражи при высших должностных лицах в Римской республике. *Форум* — площадь в древнем Риме, средоточие общественной жизни города. *Веи* (Вей) — город в древней Этрурии, расположенный на скале; пал после десятилетней осады римлянами. *Авентин* — один из семи римских холмов; Брюсов имеет здесь в виду Священную гору, куда римские плебеи, требовавшие политических прав, удалились в знак протеста против сената и патрициев. «В истории можно подыскать только один пример, напоминающий наши октябрьские события: это отход плебеев на Священную гору. Вот истинно первая всеобщая забастовка», — писал впоследствии Брюсов (В, 1905, № 11, стр. 62). *Исав* (библ.) — старший сын патриарха Исаака, продавший свое первородство брату Иакову за чечевичную похлебку.

Цусима. Впервые — St, стр. 131. Эпиграф — из стих. Пушкина «Наполеон». Первоначально запрещено цензурой. В стихотворении отразилось трагическое восприятие Брюсовым гибели Тихоокеанской эскадры под командованием адмирала Рожественского у о-вов Цусима 15 мая 1905 г. Он писал Г. И. Чулкову от 18 мая 1905 г., что с гибелью эскадры «пошла ко дну и вся старая Россия (ныне и я должен признать это)» (Г. И. Чулков. Годы странствий, стр. 324). Цусима ощущалась Брюсовым как исторический рубеж. «Шестнадцатидневный бой под Мукденом и погибель целой армады у Китайских берегов — эти беспримерные события только потому, как неотступная галлюцинация, не овладели воображением всех, что у «всех» этого самого воображения давно нет, — писал он П. П. Перцову 24 сентября 1905 г. — У меня же, что бы ни говорили злорадствующие критики, причисляющие меня к поэтам-александрийцам, доля этой способности есть, и до сих пор я не могу освободиться от бреда, от кошмара нашей войны. Мне все сдается, что рубеж был, что новая эпоха истории настала...» (ПР, 1926, № 7, стр. 44). *И Рима Третьего венец!* Согласно политическим теориям московских идеологов XVI в., после падения «ветхого» Рима — Римской империи, «нового» Рима — Византии, мировым царством становится третий и последний Рим — православная Москва.

Юлий Цезарь. Впервые — St, стр. 133. В примечании к этому стихотворению Брюсов отметил, что оно написано «до октябрьских событий» 1905 г. 23 августа 1905 г. был заключен мирный договор с Японией. *Юлий Цезарь* (100—44 до н. э.) — знаменитый римский государственный деятель и полководец. После жестокого поражения, нанесенного римскому войску парфянами при Каррах (53 г. до н. э.), и анархических беспорядков в Риме, вызванных беспрестанными столкновениями трибунов-демагогов *Клодия* и Анния *Милона,* сенат передал всю власть *Помпею*, в руках которого была военная сила. Цезарь восстал против сената, в 49 г. до н. э. он перешел границу своей провинции — реку *Рубикон* и вступил на территорию Италии, начав так называемую вторую междоусобную войну. *«Брошен жребий»* — слова Цезаря при переходе через Рубикон. *Эреб* (греч. миф.) — преисподняя.

Одному из братьев. Впервые — ВЖ, 1905, № 9, стр. 201, в цикле «Из современности». В рукописи первоначальной редакции — подзаголовок: «Упрекнувшему меня, что мои стихи лишены общественного значения», строфы 3—6:

Но ты пошел на труд суровый,
Долбишь упорный камень стен, —
А я хочу сломать оковы,
Какими дух запечатлен!

В моих напевах — яд палящий.
Вливаю тайно я в сердца:
Мысль о свободе настоящей,
Мечту о воле без конца!

И в день, когда моей отравы
Бокалы в душах забродят,
Какие стены и заставы
Свободный путь загородят.

Что добыто в кровавом споре?
Всё тот же бледный свет вдали.
Я жду на благостном Фаворе
Преображенья всей земли.

В стихотворении развиваются взгляды, высказанные Брюсовым в статье о назначении искусства «Ключи тайн» (см. В, 1904, № 1, стр. 21).

Знакомая песнь. Впервые — ВЖ, 1905, № 10—11, стр. 325. В рукописи после даты — помета: «Антоновка». Первоначально было запрещено цензурой. *Гармодий* (VI в. до н. э.) — афинский юноша, участник заговора против тиранов Гиппарха и Гиппия. *Брут* Марк Юний (85—42 до н. э.) — глава республиканского заговора против Юлия Цезаря и его убийца. *Робеспьер* Максимилиан (1758—1794), *Мара́* (Марат) Жан Поль (1743—1793) — деятели Французской буржуазной революции 1789 г. *Неискусных звонарей.* В письме к Г. И. Чулкову 1 ноября 1905 г. Брюсов просил его поставить внизу стихотворения дату: «„Август 1905“ (показывающую, что стихи написаны до революционного октябрьского взрыва, когда «звонари» показали гораздо больше искусства)» (Г. И. Чулков. Годы странствий, стр. 339).

«Да! цепи могут быть прекрасны...». Впервые — ПСС IV, стр. 143. Эпиграф — из стих. Пушкина «Наполеон». В рукописи приписка: «К ним. По поводу заключения мира с Японией и по другим поводам». Первоначально было запрещено цензурой.

Паломникам свободы. Впервые — ПСС IV, стр. 144. В рукописи за строфой 3 следует:

Но исступленный, опьянелый
По их следам пришел народ,
И руки яростные смело
Ударили в чугун ворот.

Уличный митинг. Впервые — St, стр. 111.

Лик Медузы. Впервые — ВЖ, 1905, № 10—11, стр. 332, без строфы 6, изъятой, очевидно, по цензурным соображениям. Печ. по St, стр. 139. *Медуза* (греч. миф.) — женщина-чудовище со змеями вместо волос, все смотревшие на нее обращались в камень.

Довольным. Впервые — St, стр. 137. Отклик на царский манифест 17 октября о «даровании» конституции, восторженно встреченный либеральной буржуазией. Враждебность, неприязнь, пре-

зрение к либерализму и либералам, нарочитый их эпатаж — характерная черта Брюсова 900-х годов. *Ассаргадон* — см. стр. 733. *Агора* (др.-греч.) — название народных собраний и площади, где они происходили.

Грядущие гунны. Впервые — «Вопросы жизни», 1905, № 9, стр. 203, где по цензурным соображениям ст. 12: «На месте пышного зала». Имеется черновой набросок, датированный: февраль 1904 г. Печ. по St, стр. 141. Эпиграф — из стих. Вяч. Иванова «Кочевники красоты». Приветствуя революцию как соответствующую его представлениям о прекрасном и героическом, Брюсов не мог найти в ней своего места — места поэта. «Революцией интересуюсь лишь как зритель (хотя и попал под казачьи пули в Гнездниковском пер.). А живу своей жизнью, сгораю на вечном костре... — писал он А. А. Шестеркиной 1 ноября 1905 г. — Останусь собой, хотя бы как Андре Шенье мне суждено было взойти на гильотину. Буду поэтом и при терроре, и в те дни, когда будут разбивать музеи и жечь книги, — это будет неизбежно. Революция красива и как историческое явление величественна, но плохо жить в ней бедным поэтам. Они — не нужны» (ГБЛ). Стихотворение «Грядущие гунны» в известной мере повторяет концепцию революционного социалистического движения как разрушительной варварской стихии, высказанную Брюсовым в неопубликованной статье «Торжество социализма» (1903 — ГПБ; см. также Д. Максимов. Поэзия Валерия Брюсова. Л., 1940, стр. 186—187). По поводу этой статьи Брюсов писал П. П. Перцову 2 августа 1903 г.: «Только бычачье тупоумие Егорова... могло принять ее за статью, враждебную социализму. Она его осуждает, да! но с высшей точки зрения... признавая его необходимость и неизбежность» (ЛН, № 27/28, стр. 295). Тему «Грядущих гуннов» Брюсов разработал в рассказе «Последние мученики» (1906) (см. ЛН, № 15, стр. 206). *Гунны* — собирательное название вышедших из Азии кочевых народов. Гунны вторглись в V в. в пределы Европы и разрушили ряд европейских государств. *Аттила* — вождь гуннов (434—453).

К счастливым. Впервые — ВЖ, 1905, № 9, стр. 205. Печ. по St, стр. 143. На замысле стихотворения сказалось влияние Верхарна, которого в это время переводил Брюсов. У Верхарна он впоследствии отмечал «изображение в поэмах и драматической форме утопического лучшего будущего» («Данте современности», Избр. соч. II, стр. 239).

Фонарики. Впервые — St, стр. 145. Печ. по ПСС IV, стр. 154. По форме — подражание популярному стихотворению И. П. Мятлева «Фонарики». *Периклов век* — V в. до н. э. — время политического и культурного расцвета Афинского государства. *Век Данте* — XIII в., конец средневековья. *Леонардо* — Леонардо да Винчи (1452—1519). *Лютер* Мартин (1483—1546) — немецкий религиозный реформатор, основоположник протестантского вероисповедания. *Революция* — Французская буржуазная революция 1789 г.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

Слава толпе. Впервые St, стр. 149. Написано под влиянием стихотворения Верхарна «Мятеж» («La révolte»), которое Брюсов переводил (см. стр. 617).

Конь блед. Впервые — НП, 1904, № 5, стр. 146, без эпиграфа. В рукописи — зачеркнутый подзаголовок: «На улице». Печ. по ПП II, стр. 231. Эпиграф — из Апокалипсиса. Написано, по словам И. М. Брюсовой, под впечатлением несчастного случая, который произошел на глазах поэта в Париже. Подчеркивая философско-исторический смысл поэмы, Брюсов писал К. И. Чуковскому 4 февраля 1907 г.: «Это *не* Париж, *не* Лондон, *не* Нью-Йорк: это город будущего, город „Земли“» (К. Чуковский. Из воспоминаний. М., 1959, стр. 444. «Земля» — название трагедии Брюсова). В письме к П. П. Перцову Брюсов так отзывался о ней: «Апокалипсическое стихотворение лучшее, что мною пока написано. А. Белый и юный С. М. Соловьев, когда я им его прочел, повскакали со стульев» (ПР, 1926, № 7, стр. 42). В примечании к своему стихотворению «Последний день» А. Блок отмечал «Влияние «Коня Бледа» В. Брюсова» (А. Блок. Собрание стихотворений, т. II. М., 1912, стр. 155).

ВСЕ НАПЕВЫ

1906—1909

«Все сделанное мною (а кое-что мною сделано-таки) досталось мне вовсе не даром, — писал Брюсов 5 июня 1906 г. Н. И. Петровской. — И вот настал час, день, когда идти дальше по той дороге, по которой я шел, некуда. «Urbi et Orbi» дали уже все, что было во мне. «Венок» завершил мою поэзию, надел на нее воистину «венок». Творить дальше в том же духе — значило бы повторяться, перепевать самого себя. Это может Бальмонт, я этого не могу. <...> Я должен все силы своей души направить на то, чтобы сломать преграды, за которыми мне откроются какие-то новые дали, — чтобы повернуть своего коня на новый путь. У меня сейчас не может быть сил ни на что другое» (ЦГАЛИ). В предисловии к сборнику поэт указывает, что сохраняет для некоторых циклов заглавия, известные читателям по предыдущим сборникам («Вечеровые песни», «Правда вечная кумиров», «Современность», «Видения»), подчеркивая тем самым, что сборник «завершает... прежние начинания или, вернее, что он лучше разрешает те же задачи», которые поэт ставил ранее. «Но, конечно, другие отделы этой книги, — продолжал он, — уже намечают то направление, по которому теперь, по выражению А. Фета, порывается моя муза». О стихах книги Брюсов замечал в письме к К. И. Чуковскому 10 февраля 1910: «В них меньше новизны, чем в других моих книгах, но больше искусства, совершенства... Смотрю на свое прошлое исторически, еще раз «меняю кожу» и намерен появиться (если

не умру) в образе новом и неожиданном» (К. Чуковский. Из воспоминаний. М., 1959., стр. 452—453).

П о э т у. Впервые — В, 1908, № 1, стр. 7, в цикле «Обреченный». В рукописи приписка Брюсова: «Пропущенная строфа:

Не будет ни счастья, ни страсти
В твоей обреченной судьбе,
И знай: ты навеки во власти
У Тайны, безвестной тебе!»

Печ. по ВН, стр. 3. Это декларативное стихотворение характерно для эстетических взглядов Брюсова 900-х годов. Поэт должен «бросить самого себя в жизнь, во все ее вихри» и выразить с предельной искренностью свои переживания, заявлял он в статье «Священная жертва». Напряженность и богатство этих переживаний определяют его творчество. «На алтарь нашего божества <поэзии> мы бросаем самих себя. Только жреческий нож, рассекающий грудь, дает право на звание поэта», — писал Брюсов (В, 1905, № 1, стр. 27—29). Перцов приводит в своих воспоминаниях «любимый тезис» Брюсова: «...в основе каждого удавшегося стихотворения лежит зерно реального переживания» (П. Перцов. Литературные воспоминания. М.—Л., 1933, стр. 168). *Как Данту, подземное пламя...* В первой части поэмы «Божественная комедия» Данте (1265—1321) изображено странствие поэта по девяти кругам ада, пламя которого опалило ему лицо. Эпиграфом к стих. «Больше никогда» (1914) Брюсов привел слова итальянского летописца XIV в.: «Когда Данте проходил по улице, девушки робко шептали: „Видите, как лицо его опалено адским пламенем“».

I. Элегии и буколики

О д и н о ч е с т в о. Впервые — сб. «Цветник Ор». Кошница 1, 1907, стр. 39. Посылая это стихотворение К. И. Чуковскому, Брюсов писал: «„Одиночество“ отдаю не без сожаления, ибо люблю его» (8 марта 1907 г. — К. Чуковский. Из воспоминаний. М.: 1959, стр. 447).

ВЕЧЕРОВЫ́Е ПЕСНИ

С у м е р к и. Впервые — ЗР, 1906, № 7—9, стр. 99, в цикле «Из вечеровых песен». Печ. по ВН, стр. 9. В экземпляре ВН из библиотеки Брюсова им изменена ст. 16:

Опять осените меня.

В Круг. заглавие: «Сумерки в городе».

Ф е в р а л ь. Впервые — РМ, 1907, № 3, стр. 135, с подзаголовком «Из вечеровых песен».

НА ГРАНИТАХ

Летом 1906 г. Брюсов совершил полуторамесячную поездку по Швеции, где жил в Стокгольме, в Висби на о. Готланд и Нюнесгамне близ Стокгольма. Дневниковые записи этого времени отражают то глубокое впечатление, которое произвела на поэта «своеобразная красота суровой и пленительной Швеции».

К Швеции. Впервые — В, 1906, № 9, стр. 1. В цикле «В Швеции».

На гранитах. Впервые — В, 1906, № 9, стр. 6, в цикле «В Швеции».

Висби. Впервые — В, 1906, № 9, стр. 7, в цикле «В Швеции». *Висби* — старинный шведский город на о. Готланд; в XIV—XV вв. — один из могущественных купеческих городов Ганзейского торгового союза. В письме Г. Бахману (4 июля 1906 г.) Брюсов описывал Висби: «Здесь не очень хорошо, правда есть море открытое, часто бурное, и есть развалины древнего ганзейского Висби, но это и все... Думаю, здесь было лучше, веселее и торжественнее, когда Висби был главою Ганзы, когда женщины одевались в национальные многокрасочные одежды, когда у пристани толпились корабли со всего балтийского побережья» (черновик — ГБЛ).

В ПОЛЕ

Век за веком. Впервые — «Образование», 1907, № 2-а, стр. 28. Печ. по ВН, стр. 28. *Микула* — Микула Селянинович, русский былинный богатырь-земледелец.

Август. Впервые — ВН, стр. 25. Эпиграф — из стих. Вяч. Иванова «Вчера во мгле неслись титаны. . .». *Сатиры* (греч. миф.) — божества лесов, полей и гор, участвовавшие в празднествах бога вина Вакха.

В лугах. Впервые — «Образование», 1907, № 9, стр. 72. Печ. по ВН, стр. 26.

МГНОВЕНИЯ

Час воспоминаний. Впервые — В, 1909, № 1, стр. 9.

Ангел благого молчания. Впервые — ВН, стр. 34. В рукописи нет строф 2 и 5, там же зачеркнутое посвящение «Ф. Сологубу», помета: «Им написан Гений Вечного Покоя» и эпиграф: «Молчи, скрывайся и таи. *Ф. Тютчев*» (стих. «Silentium»). По форме повторяет стих. Сологуба «Ангел благого молчания» (1900).

Ликорн. Впервые — ВН, стр. 35. *Ликорн* — единорог, мифическое животное с телом лошади и рогом на лбу. *Норны* (сканд. миф.) — девы судьбы.

II. *Эротика*

''Ερως α'νιхατε μαχάν

Встреча. Впервые — В, 1907, № 5, стр. 15. *Мерида* — озеро в средней части Египта, на левом берегу Нила. *Ра* (егип. миф.) — бог солнца. *Озирис, Изида* — см. стр. 734.

Неизбежность. Впервые — ВН, стр. 42.

Благословение. Впервые — В, 1909, № 1, стр. 13. Печ. по ВН, стр. 46.

МЕРТВАЯ ЛЮБОВЬ

В полночь. Впервые — ВН, стр. 52. Эпиграф — из стих. Брюсова «Два голоса».

Холод. Впервые — ЗР, 1906, № 11—12, стр. 43, в цикле «Две песни о погибшей любви». Под заглавием «Холод» впервые — ВН, стр. 54. Вошло в Опыты как образец стихотворения с 5-сложными рифмами.

ОБРЕЧЕННЫЙ

Себастьян. Впервые — В, 1908, № 1, стр. 10, под заглавием: «На медленном огне», в цикле «Обреченный». Печ. по ВН, стр. 60. В рукописи помета: «Петербург». *Себастьян* — римский военачальник при императоре Диоклетиане (284—305). Когда открылось, что Себастьян — христианин, император приказал предать его мучительной казни; он был расстрелян из луков.

III. *В эпическом роде*

Жизнь. Впервые — «Образование», 1907, № 4, стр. 65. В рукописи после строфы 2 Брюсовым помечено: «Выпущенная строфа:

Прильну ли к толще скал, к потокам припаду ли,
В земле и в воздухе, как стуком молотков,
Мне отвечает Жизнь, и в неумолчном гуле
Ее живых работ мир неизменно нов».

В конце приписка: «Варианты последней строки:

(2) Нас всех я славлю здесь, нам всем мой гимн пропет
(3) Мы скованы в одно, нам разлученья нет!»

ВИДЕНИЯ

Повольник. Впервые — СМ, 1908, № 1, стр. 46. В XI — XIV вв. в Новгороде *повольниками* называли разбойничьи шайки, плававшие на гребных судах — *стругах* по Волге и Каме.

ЖЕНЩИНЫ

Наша тень. Впервые — ВН, стр. 96. Имеется рукопись другой редакции под заглавием «Их тень»:

Их тень вырастала в длину тротуара,
Неверная тень догоревшего дня, —
И уголья тлели дневного пожара
За ними, за ними — без сил, без огня...

Их тень подымалась на тени строений,
Кивала с простенков и падала вновь,
И слушала чутко попреки и пени,
Что свет догорел, что померкла любовь.

Зажглись фонари, и их тень почернела,
Назад убегала, росла впереди,
Поймала, как кто-то промолвил несмело:
«Не можешь? не любишь? так что ж - уходи!»

Их залил фонарь сине-газовым светом,
И тень их, припав у их ног без следа,
Безмолвно смеялась над тихим ответом,
Над тихим ответом: «Прощай... навсегда...»

В ГОРОДЕ

Городу. Впервые — Альм. «Шиповник», 1, СПб., 1907, стр. 183.

Уличная. Впервые — сб. «Жизнь», 1, 1908, стр. 356.

Вечерний прилив. Впервые — СМ, 1907, № 2, стр. 58. Печ. по ВН, стр. 104.

IV. Оды и послания

Хвала Человеку. Впервые — СМ, 1907, № 2, стр. 56, с эпиграфом: «В мире много сил великих, Но сильнее человека Нет в природе ничего. *Софокл»* (трагедия «Антигона»). Печ. по ВН, стр. 109. *Левиафан* (библ.) — огромное морское чудовище.

ПРАВДА ВЕЧНАЯ КУМИРОВ

Оры. Впервые — ЗР, 1906, № 10, стр. 27, в цикле «Отзвуки античного». Печ. по ВН, стр. 113. *Оры* (греч. миф.) — богини порядка чередования времен года и суток.

Дедал и Икар. Впервые — В, 1908, № 10, стр. 7. В рукописи строфа 6:

Отец! того не будет дважды,
Что пропустили боги раз!
Моя душа умрет от жажды,
Когда утрачу этот час.

Дедал (греч. миф.) — основоположник различных искусств, строитель критского лабиринта. Для побега с острова Крита, где его держал в плену царь Минос, он сделал для себя и своего сына *Икара* крылья из птичьих перьев, скрепленных воском; на них они должны были перелететь через море в *Кумы* (Италия). Икар во время полета приблизился к солнцу, воск растаял, и он погиб. *Эреб* (греч. миф.) — преисподняя.

Одиссей. Впервые — В, 1908, № 10, стр. 10. В черновых рукописях имеется следующий вариант строф 5—7:

И вот над миром корабельным,
Как чудо средь морских пустынь,
В напеве мерном и свирельном
Песнь разлилась полубогинь.

Сирены пели, сердце нежа,
К себе властительно маня,
Я к спутникам рванулся, те же
Лишь круче оплели меня.

И стала песнь сирен невнятной,
Их остров скрылся вдалеке,
И не посмел я плыть обратно,
Но нет конца моей тоске.

В основе сюжета стихотворения — эпизод из странствий царя Итаки Одиссея по окончании Троянской войны: плавание мимо острова Сирен («Одиссея», песня 12). *Калипсо* — нимфа, влюбленная в Одиссея, державшая его восемь лет в неволе на о. Огиния.

Эней. Впервые — ВН, стр. 120. В основе сюжета стихотворения — эпизоды из «Энеиды» Вергилия (кн. 4). *Эней* — легендарный троянский герой, сын богини Венеры. По пути в Италию между Сицилией и *Карфагеном* его застигла буря. С остатками кораблей он пристал к ливийским берегам (Африка), где нашел приют у полюбившей его царицы Карфагена *Дидоны*. Однако появившийся Меркурий — *Циленний* — передает Энею волю Юпитера: он должен плыть в Италию и стать основателем Рима (*Новая Троя*). Несмотря на все старания Дидоны его удержать, Эней остался непреклонным и со своим флотом покинул Карфаген.

ПРИВЕТСТВИЯ

К Медному Всаднику. Впервые — «Слово», 1906, № 368, 29 января. В рукописи первоначально было озаглавлено: «К кумиру». «Для понимания некоторых выражений в этом стихотворе-

нии надо возобновить в памяти «петербургскую» повесть Пушкина о «бедном Евгении» и стихи Тютчева «Декабристы» <«14 декабря 1825»>» (прим. Брюсова). *Медный Всадник* — памятник Петру I в Ленинграде, работы Э.-М. Фальконе. *Исакий* — Исаакиевский собор. *Евгений* — герой поэмы Пушкина «Медный Всадник». *Покинутой рати ложились тела...* Имеется в виду разгром на Сенатской площади восстания декабристов в 1825 г. *Чья кровь на снегах продымилась, блеснула...* и т. д. Ср. у Тютчева «Что станет вашей крови скудной, чтоб вечный полюс растопить» («14 декабря 1825»).

К собору Кэмпера. Впервые — В, 1908, № 10, стр. 15. Печ. по ВН, стр. 125. Имеется в виду *собор* св. Корэнтина в *Кэмпере* — старинном городе в Бретани (Франция), готическое здание XIII—XV вв. с двумя башнями, оканчивающимися стрелами. «Стихотворение Брюсова «К собору Кэмпера», — писал Блок своей матери 20 августа 1911 г. — могло бы относиться к десятку европейских соборов, но никак не к этому. Он не очень велик и именно не «безгласен». Все его очарование — в интимности и в запахе, которого я не встречал еще ни в одной церкви: пахнет теплицей от множества цветов». *Изида* — см. стр. 734.

На форуме. Впервые — ВН, стр. 127. Во время «летнего путешествия» 1908 г. Брюсов посетил Рим. В дневнике он записал: «Рим. Июль... Бесконечность впечатлений. Весь античный мир — как живой. Форум, Палатин, бани Каракаллы, дорога Аппиева... Захлебывался стариной» (Дневн., стр. 140. См. также В. Брюсов. За моим окном. М., 1913, стр. 33). *Базилики* — в древнем Риме общественные здания для суда и торговли. *Арки Константина* — триумфальные арки римского императора IV века Константина Великого. В эпоху императора *Траяна* (I в. н. э.) римлянами были созданы многие знаменитые сооружения, в том числе и римский *форум* — архитектурно украшенная площадь, средоточие общественной жизни города.

СОВРЕМЕННОСТЬ

Служителю муз. Впервые — СМ, 1907, № 12, стр. 27. В рукописи при дате помета: «Ночь». *Архимед* (287—212 до н. э.) — знаменитый греческий математик и физик. Когда римляне осадили *Сиракузы* — родину Архимеда, он целиком посвятил себя обороне города и построил военные машины, наносившие большой урон врагу. *Урания* (греч. миф.) — муза астрономии; здесь: наука.

Дух земли. Впервые — сб. «Италии», 1909, стр. 207. Эпиграф из «Фауста» Гете. В рукописи было первоначально озаглавлено «Революция»; там же, ст. 10.

Хранимых нами (вар.: жадно, свято) городов.

Дух земли — в «Фаусте» Гете — олицетворение жизни природы в ее целом. Фауст долго и страстно вызывает его, но, увидя, в ужасе отворачивается (1 ч., сц. 1, ночь).

Наш демон. Впервые — сб. «Италии», 1909, стр. 206. Эпиграф — из комедии Менандра «Третейский суд». В рукописи имеются варианты строф 5 и 6:

Где ты, наш демон? или взор ты
Отвел от нас, угрюм и строг,
И мы как труп лежим простерты
В степи холодной без дорог.

Дай знак! Явись как страж господень
Иль встань как призрак огневой
И повтори, что не бесплоден
Столетий подвиг роковой,

а также другая редакция стихотворения:

У каждого свой тайный демон.
Влечет неумолимо он
Наполеона через Неман
И Цезаря чрез Рубикон.

Узнай Его, когда предстанет,
И, с Роком не вступая в спор,
Иди за ним, куда он манит,
На пьедестал иль на позор.

Наполеона через Неман. Имеется в виду поход Наполеона в Россию, начавшийся с форсирования р. Неман. *И Цезаря чрез Рубикон* — см. стр. 777. *На берег Сити в дни Батыя.* Имеется в виду битва на р. Сити 4 марта 1238 г., в которой татаро-монголы разбили русские войска под предводительством князя Владимирского. *Батый* — см. стр. 808. *На берег Дона при Донском.* Имеется в виду битва 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле, между верховьем Дона и рекой Непрядвой, в которой русские войска во главе с князем Дмитрием Донским одержали решительную победу над татарами. *Дни Тильзита.* Имеется в виду тяжелый для России Тильзитский мир, заключенный 8 июля 1807 г. между Россией и Францией после разгрома русской армии войсками Наполеона. *Цусима* — см. стр. 777. *Декабрьские дни.* Имеется в виду декабрьское восстание 1905 г. в Москве и его разгром.

Кому-то. Впервые — В, 1908, № 10, стр. 17, под заглавием: «К кому-то». Печ. по ВН, стр. 135. В рукописи строфа 2:

Довольно мы бессильным оком
Следили вольных птиц полет.
В просторе полном и широком
Пора направить свой полет.

В Круг. заглавие: «Первым авиаторам». Брюсов с детства мечтал о победе человека над воздухом и с пристальным вниманием на

протяжении всей жизни следил за развитием воздухоплавания. В 1909 г. он наблюдал в Париже полеты аэропланов (см. В. Брюсов. Эпоха чудес. — «Новая жизнь», 1918, № 1, 1 июня). «Из русских поэтов один только Брюсов ощутил одоление воздуха как свою, как личную победу, как приобщение к общечеловеческой славе», — писал К. Чуковский об этом стихотворении в статье «Авиация и поэзия» («Речь», 1911, № 124, 8 мая). *Фарман* Анри (род. 1874) — французский летчик и авиаконструктор. *Райт* — братья Уильбур (1867—1912) и Орвиль (1871—1948), первые американские авиаконструкторы и летчики. *Дедал* — см. стр. 785. *Мы зерна древние лелеем, Мы урожай столетий жнем* — пересказ строк: «Они, герои труда и мученики науки, оставили нам в наследие вертоград, который возделывался ими в течение многих веков, — мы собираем плоды, семена которых были впервые брошены ими» — из книги Г. Тиссандье «Мученики науки» (СПб., 1880, стр. 1—2).

ПОСЛАНИЯ

М. А. Врубелю. Впервые — ЗР, 1906, № 1, стр. 7. Печ. по ВН, стр. 137. *Врубель* Михаил Александрович (1856—1910) в 1905 г. писал портрет В. Брюсова. В очерке «Последняя работа Врубеля» («За моим окном». М., 1912) Брюсов рассказал историю создания этого портрета и своего знакомства с художником, творчество которого он высоко ценил. «Свою встречу с Врубелем считаю в числе удач жизни», — писал поэт в 1906 г. (Дневн., стр. 137). В стихотворении упоминаются живописные образы Врубеля, в частности *серафим* одной из последних его картин — «Видение пророка Иезекииля» и *Демон*, которому посвящен ряд работ художника.

Андрею Белому. Впервые — ВН, стр. 139. Имеется набросок другой редакции:

Уже не раз огнем сражений
Дышал я, воин молодой,
Когда впервые, светлый гений,
Ты промелькнул передо мной.

Я помню, как в дыму угарном,
Скользя в бою, сквозь крик и гул,
Ты в кубке чистом и янтарном
И мне свой нектар протянул.

Сменялись годы. Жизни нашей
Пути — разъединили нас.
Мы шли не часто к общей чаше,
Но в станы разные не раз.

Порою страсти и страданья
Нам на душу кидали тень, —

И как клеймо воспоминанья
В моем мозгу пылает день,

Когда, скрывая в сердце муку,
Как тайно впившийся кинжал,
Братоубийственную руку
Я на поэта подымал.

Белый в своих воспоминаниях, в которых он рассказал историю своих сложных отношений с Брюсовым, писал: «В девятьсот лишь девятом году он неожиданно мне напомнил ненужное прошлое наше в стихах, посвященных мне» (А. Белый. Начало века, М.—Л., 1933, стр. 470). Белый ответил Брюсову стих. «Встреча» (сб. «Урна», 1909). Однако за обменом стихами последовало окончательное идейное расхождение: «Так стояли мы в ряде лет в мировоззрительной оппозиции», — характеризовал их последующие взаимоотношения Белый («Россия», 1925, № 4, стр. 27). *Нас не призвал посланник божий* и т. д. Имеется в виду эпизод из Евангелия (от Матфея, IV, 18—20): проходя близ моря Галилейского, Иисус увидел братьев — Симона и Андрея, Иакова и Иоанна, закидывающих сети в море, и призвал их следовать за ним, стать «ловцами человеков» — апостолами. *Фавор* — гора в Галилее близ Назарета, где, по церковному преданию, произошло преображение Иисуса в бога, свидетелями этого преображения были его ученики (Евангелие от Луки, IX, 28—36; от Марка, IX, 1—12 и др.). *Как Данте, яростной пантерой* и т. д. Имеется в виду эпизод из «Божественной комедии» Данте (Ад. Песнь I). *Братоубийственную руку...* и т. д. В феврале 1905 г. Брюсов вызвал Белого на дуэль, которая, однако, не состоялась.

Встречной. Впервые —«Живописная неделя». Прилож. к газ. «Елисаветградские новости» за 1907, под заглавием: «Из встреч». Печ. по ВН, стр. 143. Эпиграф — из «Демона» Лермонтова (ч. II, строфа XVI).

Начинающему. Впервые — ВН, стр. 145. Эпиграф — из стих. Пушкина «Памятник». *Полигимния* (греч. миф.) — муза лирической поэзии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сеятель. Впервые — СМ, 1908, № 1, стр. 89. В рукописи эпиграф из стих. Брюсова «С неустанными молитвами...»: «Но настанет миг, я ведаю, Победят мои друзья. И над жалкой их победою Засмеюся первым я *(1900 год)*». Печ. по ВН, стр. 166.

Фаэтон. Впервые — ЗР, 1906, № 10, стр. 25, в цикле «Отзвуки античного». В рукописи — последняя строфа:

Тогда последний суд исполни
Над дерзким выходцем, Зевес!

Спали меня огнями молний
И свергни с пламенных небес!

Тема этого стихотворения возникает в романе Брюсова «Огненный ангел»: «А в те дни только одна мысль настойчиво занимала и тревожила меня: что жизнь моя достигла своей вершины, за которой не может не начаться новый спуск в глубину, что я, как Фаэтон, возница колесницы Солнца, вознесен к зениту и, не сдержав отцовских коней, должен буду позорно рухнуть по крутому склону вновь на землю» (В, 1907, № 11, стр. 41). *Фаэтон* (греч. миф.) — сын бога Солнца Гелиоса (*Феба*). По его просьбе отец однажды доверил ему солнечную колесницу. Но самонадеянный юноша не сдержал коней, они разбежались, и вся вселенная была охвачена пожаром. Чтобы предотвратить гибель вселенной, Зевс (*Кронион,* т. е. сын Кроноса) ударом молнии поразил Фаэтона, и тело юноши упало в реку. *Океаниды* (греч. миф.) — нимфы, дочери Океана.

ЗЕРКАЛО ТЕНЕЙ

1909—1912

Включая сб. «Все напевы» в последний том «Путей и перепутий» (т. III, М., 1909), Брюсов в предисловии заявлял: «...III том я считаю последним томом «Путей и перепутий». Эти «пути» пройдены мною до конца». Сб. «Зеркало теней» должен был, по замыслу автора, открывать новые пути, они декларировались в его статьях и рецензиях тех лет. «Печатаю новый сборник новых стихов, которыми очень доволен. Считаю, что это будет моя лучшая книга стихов», писал Брюсов К. И. Чуковскому 28 ноября 1911 г. (К. Чуковский. Из воспоминаний. М., 1959, стр. 458). Ориентация на окружающую поэта действительность, «заземление» тем, простота и ясность слога — вот тот путь, по которому стремится пойти Брюсов в стихах своего нового сборника. 12 марта 1912 г. А. Блок отметил в дневнике: «Книга новых стихов от Брюсова (отозвалась прежней сладостью и болью)» (ИРЛИ); см. также стих. «Валерию Брюсову (при получении «Зеркала теней»)».

НА ГРУДИ ЗЕМНОЙ

Эпиграф: «Покуда на груди земной Хотя с трудом дышать я буду, Весь трепет жизни молодой Мне будет внятен отовсюду» — из стих. А. Фета «Еще люблю, еще томлюсь...».

«Веселый зов весенней зелени...». Впервые — РМ, 1911, № 12, стр. 1, с эпиграфом: «Покуда на груди земной Хотя с трудом дышать я буду. *А. Фет*». Печ. по ЗТ, стр. 3. В Круг. заглавие: «Веселый зов».

На вечернем асфальте. Впервые — РМ, 1910, № 9, стр. 1.

«Снова, с тайной благодарностью...». Впервые — РМ, 1911, № 12, стр. 3. Эпиграф — из стих. Тютчева «Весна» («Как ни гнетет рука судьбины...»). В Круг. заглавие: «На груди земной», в Избр. пр. II — «Коварность».

«Идут года. Но с прежней страстью...». Впервые — ЗТ, стр. 9. Эпиграф — из стих. Пушкина «О нет, мне жизнь не надоела...». В черновой рукописи имеется вариант строфы 3.

Прекрасно с властью гордой воли
Смотреть в глаза твои, Судьба!
Есть радость в беспощадной доле
Бичом казнимого раба.
Люблю я слезы, горечь боли,
Веками скрытые гроба.

В Круг. заглавие «Счастье Цезаря». *Ты счастье Цезаря везешь!* Слова, по рассказу Плутарха, сказанные Юлием Цезарем кормчему во время бури, когда он плыл из Греции за своими войсками.

ОБЪЯТИЯ СНОВ

Эпиграф: «Зе́мная жизнь кругом объята снами» — из стих. Ф. Тютчева «Сны».

Бессонница. Впервые — РМ, 1910, № 3, стр. 2, в цикле «Ночные стихи».

НЕИЗЪЯСНИМЫ НАСЛАЖДЕНЬЯ

Эпиграф: «Всё, всё, что гибелью грозит, Для сердца смертного таит Неизъяснимы наслажденья» — из «Пира во время чумы» А. Пушкина.

Демон самоубийства. Впервые — СЦ на 1911 г., стр. 39. Псч. по ЗТ, стр. 27. В рукописи после даты помета: «Ночь. Белкино». Эпиграф — из стих. Ф. Тютчева «Близнецы». О чтении впервые этого стихотворения самим Брюсовым вспоминает С. Дурылин в статье «Валерий Брюсов (Силуэт)»: «Стремительной силой, волей к гибели, веяло от него, от его стихов. Читал он просто, четко, отрывисто, замыкая строфы, — и каждым стихом пронзал слушателя, как острием, очевидно сам пронзаемый им изнутри» («Понедельник», 1918, № 17). *...принца датского... бессмертный монолог.* Имеется в виду монолог Гамлета «Быть или не быть» (Шекспир, Гамлет, д. III, сц. 1).

Офелия. Впервые — РМ, 1911, № 12, стр. 6. Эпиграф — из стих. А. Фета «Офелия гибла и пела. . .».

ПОД МЕРТВОЙ ЛУНОЮ

Эпиграф: «На кладбище старом, пустынном, с сознанием, полным отравы, Под мертвой Луною. . .» — из стих. К. Бальмонта, название не установлено.

В моей стране. Впервые — Юбилейный сборник Литературного фонда 1859—1909. СПб., 1909, стр. 233, без строфы 8. Печ. по ЗТ, стр. 43. Посылая стихотворение С. А. Венгерову 13 ноября 1909 г., Брюсов писал: «Оно озаглавлено — «В моей стране», но под этим не надо разуметь Россию; я имею в виду «страну моей души», «страну моей поэзии» или что-либо подобное» (ИРЛИ).

Зерно. Впервые — «Речь», 1909, № 354, 25 декабря (прилож.).

«Цветок засохший, душа моя! . .» Впервые — «Аполлон», 1911, № 4, стр. 17, в цикле «Три песни о смерти».

РОДНЫЕ СТЕПИ

Эпиграф: «Вновь Я вижу вас, родные степи, Моя начальная любовь» — из стих. Е. А. Баратынского «Мара».

По меже. Впервые — РМ, 1910, № 9, стр. 2. *Борис и Глеб* — злодейски убитые братом Святополком сыновья вел. кн. Владимира (X в.); были объявлены святыми.

«В полях забытые усадьбы. . .». Впервые — ЗТ, стр. 57.

«На сухой осине серая ворона. . .». Впервые — ЗТ, стр. 60.

Летняя гроза. Впервые — «Московская газета», 1911, № 97, 1 сентября.

На лесной дороге. Впервые — «Новая земля», 1910, № 15, стр. 5. В рукописи зачеркнутое заглавие: «В лесу».

СТРАСТИ СНЫ

Эпиграф: «Страсти сны нам только снятся. . . *Венок*» — из стих. Брюсова «Первые встречи».

«И снова я, простерши руки. . .». Впервые — РМ, 1911, № 12, стр. 2. Эпиграф — из стих. Лермонтова «Я жить хочу! хочу печали. . .». Сохранился набросок с вариантом строфы 2:

Влеки меня, поток кипящий,
Бросай и бей о ребра скал,
Дай мне борьбы животворящей,
Я по отчаянью взалкал!

«Опять безжалостные руки...». Впервые — ЗТ, стр. 75. В рукописи озаглавлено: «Месть».

«Как птицы очковой змеей очарованы...». Впервые — ЗТ, стр. 79. В черновой рукописи строфа 5 отсутствует, ст. 23—24:

Ты рядом, ты никнешь, любимая, милая,
Нам жить, и страдать, и погибнуть вдвоем.

Там же зачеркнутая впоследствии строфа 7:

О если б Могучий, быть может Непрошеный,
Нам подал бы завтра спасительный знак, —
Мы снова двое, и двое мы брошены,
Нас тайно чарует властительный Мак!

СЛОВА ТОСКУЮЩЕЙ ЛЮБВИ

Эпиграф: «Я вспомню речи неги страстной, Слова тоскующей любви» — из «Евгения Онегина», гл. 3, строфа XIV.

«Любовь ведет нас к одному...». Впервые — ЗТ, стр. 85. Эпиграф — слова Франчески да Римини из «Божественной комедии» Данте («Ад», песнь V). *Привел он с трона на костер Прекрасную Дидону.* Покинутая Энеем (см. стр. 785), карфагенская царица Дидона в отчаяньи сожгла себя на костре («Энеида», кн. IV). *Удавленница Федра* — вторая жена афинского царя Тесея, покончившая с собой из-за неразделенной любви к пасынку Ипполиту (этот миф послужил сюжетом трагедий Еврипида («Ипполит»), Сенеки («Федра») и Расина («Федра»). *Франческа* — Франческа да Римини (XIII в.), итальянская синьора, вступившая в любовную связь с младшим братом своего мужа Паоло. Муж убил обоих любовников (Данте. Божественная комедия. Ад. Песнь V). *Джульетта* — героиня трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта».

На заре. Впервые — «Женское дело», 1911, № 24, стр. 7, без заглавия. Печ. по ЗТ, стр. 91.

ЖИЗНИ МГНОВЕНИЯ

Эпиграф: «Так, в жизни есть мгновения, Их трудно передать» — из стих. Ф. Тютчева «Так, в жизни есть мгновения...».

Вечеровая песня. Впервые — «Новая жизнь», 1911, № 12, стр. 3.

Утром. Впервые — «Новое слово», 1910, № 7, стр. 3, без заглавия. Печ. по ЗТ, стр. 105. *Счастлив тот, чье сердце зыбко...* и т. д. В письме к Л. Н. Вилькиной 25 января 1904 г. Брюсов писал: «Каждый день для меня — как маленькая прожитая жизнь. Я кончаю день то как ликующий победитель, умирающий в день своего триумфа, то как старик, усталый дышать и думать, униженный светом и сумерками, приветствующий отраву тьмы и смерти. Триста шестьдесят таких жизней за мной, триста шестьдесят перевоплощений» (ИРЛИ).

В ресторане. Впервые — ЗТ, стр. 109. В рукописи зачеркнутое название: «Знакомый вальс».

ПО ТОРЖИЩАМ

Эпиграф: «По торжищам влача тяжелый крест поэта...» — первая строка стих. Я. П. Полонского.

В игорном доме. Впервые — ЗТ, стр. 125. *Как Цезарь, жителям Алезии К полям все выходы закрыл.* Имеется в виду осада войсками Юлия Цезаря галльского города Алезия в 52 г. до н. э.

МИЛОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Эпиграф: «О милое воспоминанье!» — из стих. В. А. Жуковского «Мотылек и цветы».

Близ моря. Впервые — РМ, 1911, № 12, стр. 7, без заглавия. Печ. по ЗТ, стр. 131.

На могиле Ивана Коневского. Впервые — РМ, 1911, № 12, стр. 8. Печ. по ЗТ, стр. 139. *Иван Коневской* — см. стр. 762.

СВЯТОЕ РЕМЕСЛО

Эпиграф: «Моя напасть, мое богатство, Мое святое ремесло» — из стих. К. Павловой «Ты, уцелевший в сердце нищем...».

Поэт — Музе. Впервые — «Новая земля», 1912, № 3—4, стр. 3. В рукописи первоначально было озаглавлено: «К музе». «Поэзия для меня *все!* — писал Брюсов Н. Петровской 10 июня 1906 г. — Вся моя жизнь подчинена только служению ей; я живу, поскольку она во мне живет, и когда она погаснет во мне, умру. Во имя ее — я, не задумываясь, принесу в жертву все: свое счастье, свою любовь, самого себя» (ЦГАЛИ). В ЗТ — прим. Брюсова: «Автор считает долгом указать, что первый стих стихотворения „Поэт — Музе“ напоминает стих кн. П. А. Вяземского: Я пережил и многое и многих <первая строка стихотворения>».

Родной язык. Впервые — ЗТ, стр. 145. В рукописи имеется другая редакция стихотворения, в которой после строфы 2 следует:

Случалось — в жажде святотатства,
С мечом врывался я во храм,
Хотел дробить свои богатства,
Хотел служить иным богам!

Но этот меч — тобой был кован,
Но этот храм твой — весь мой мир.
Вновь побежден, вновь очарован,
Благословляю твой кумир!

И всё ж бороться не устану
Я, как Израиль с божеством.
Метнусь навстречу урагану,
Как птица с трепетным крылом.

Пусть мощь твоя меня раздавит
И бросит в придорожный прах, —
Всё ж хоть ничтожный след оставит
Моя борьба в твоих путях.

Я, как Израиль с божеством — см. стр. 741.

ВЛАСТИТЕЛЬНЫЕ ТЕНИ

Эпиграф: «Зову властительные тени» — из сонета А. Фета «Когда от хмелю преступлений. . .».

Египетский раб. Впервые — РМ, 1911, № 12, стр. 11. В рукописи эпиграф из стих. Брюсова «Ассаргадон»: «Я вождь земных царей и царь Ассаргадон. *TV*». На авторском экземпляре ЗТ нанесена другая редакция:

Я раб царя. С восхода до заката,
Среди других, свершаю тяжкий труд,
И хлеб гнилой — единственная плата
За стон, за пот, за тысячи минут.

Когда мечта отчаяньем объята,
Свистит жестокий над плечами кнут,
И каждый день товарища иль брата
Крюками к общей яме волокут.

Я раб царя, и жребий мой безвестен;
Как тень зари, исчезну без следа,
Меня с лица земли судьба сотрет, как плесень;

Но след не минет скорбного труда,
И простоит, близ озера Мерида,
Века веков святая пирамида.

Озеро Мерида — см. стр. 783.

Смерть Александра. Впервые — ЗТ, стр. 161. *Александр Македонский* (см. стр. 735) умер 33 лет, внезапно, не оставив после себя наследника. *Стикс* (греч. миф.) — река в царстве мертвых. *Харон* (греч. миф.) — перевозчик, переправлявший в своей ладье души умерших. *Радамант, Эак, Минос* (греч. миф.) — судьи в царстве мертвых. *Ахилл* — см. стр. 770. *Саламин* — остров близ берегов Греции, где в 480 г. до н. э. произошла морская битва между персами и греками. *Милет* — ионийский город, взятый и разоренный персами в 494 г. до н. э. *Им друг на пире умерщвлен.* Во время пьяной ссоры Александр убил своего друга Клита. *Круша Афины, руша Фивы.* Александр в 335 г. до н. э. взял штурмом и разрушил до основания Фивы — столицу Беотии, восставшей против Македонии, после чего антимакедонское движение в греческих государствах было подавлено. *Залетейский* — т. е. расположенный за Летой, рекой забвения в царстве мертвых (греч. миф.). *Мелеагр, Селевк, Пердикка, Антигон, Антипатр, Птоломей* — полководцы Александра — диадохи, разделившие после его смерти созданную им Великую империю. *Град Александра* — Александрия.

Сулла. Впервые — ЗТ, стр. 164. В рукописи заглавие «Sulla Felix» («Сулла счастливый»). 22 апреля 1894 г. Брюсов записал в дневнике: «Сулла принадлежал к числу тех же людей, как и я. Это талантливые люди sans foi ni loi, живущие в свое удовольствие» (Дневн., стр. 16). *Сулла* Люций Корнелий (138—78 до н. э.) — римский полководец и государственный деятель. В 82 г. захватил верховную власть в Риме и стал бессрочным диктатором. В 79 г. сложил добровольно свою власть и удалился от государственных дел.

ГРЯДУЩЕМУ ПРИВЕТ

Эпиграф: «Грядущему привет надежды и любви» — из стих. П. А. Вяземского «Берлин».

Александрийский столп. Впервые — «Аполлон», 1909, № 1, стр. 6. *Александрийский столп* — памятник в честь победы над Наполеоном на Дворцовой площади в Ленинграде, работы архитектора А. А. Монферрана. *Двух древних сфинксов над Невой.* Имеются в виду сфинксы, привезенные из Фив (Египет) и установленные на набережной Невы в Петербурге.

К финскому народу. Впервые — РМ, 1910, № 10, стр. 1. Стихотворение «после своего первого появления в печати было переведено на шведский язык» (прим. Брюсова). Написано в связи с волной притеснений и гнета, обрушившихся на Финляндию со стороны царского правительства.

К моей стране. Впервые — ЗТ, стр. 177.

ДЛЯ ВСЕХ

Эпиграф: «Альбом походит на кладбище, Для всех открытое жилище» — из стих. Е. А. Баратынского «В альбом».

Памяти В. Ф. Комиссаржевской. Впервые — Сб. памяти В. Ф. Комиссаржевской. СПб., 1911, стр. 152, под заглавием: «Стихи к Мелизанде». Печ. по ЗТ, стр. 185. В стихотворении аллегорически истолковывается сюжет драмы М. Метерлинка «Пеллеас и Мелизанда», постановка которой в переводе Брюсова была осуществлена в театре Комиссаржевской в 1907 г. Об этой постановке см. заметку Брюсова «Пеллеас и Мелизанда на сцене театра Комиссаржевской» («Голос Москвы», 1907, 13 октября, подпись: Латник), резко критикуя «условную» постановку Мейерхольда, он восхищался «верным, тонким и пленительным образом Мелизанды», созданным Комиссаржевской. *Комиссаржевская* Вера Федоровна (1864—1910) — русская актриса. В 1904 г. организовала «Новый драматический театр». В 1910 г., разочаровавшись в своем «пути искания новых форм», решила уйти из театра. В дневнике под заглавием: «1907 осень — 1908 весна» Брюсов записал: «Встреча и знакомство и сближение с В. Ф. Комиссаржевской», далее кратко — вехи их взаимоотношений (Дневн., стр. 139).

В ответ на одно признание. Впервые — ЗТ, стр. 191. В рукописи строфа 4:

Наш смутный идеал узнали б мы
Друг в друге; то, что нам обоим снилось,
Въявь увидали б. В царстве вечной тьмы
Внезапно б солнце новое явилось!

Петровская Нина Ивановна (ум. 1928) — писательница-символистка. *Эдгар* — Эдгар По — см. стр. 850.

СЕМЬ ЦВЕТОВ РАДУГИ

1912—1915

Сборник открывался эпиграфами: «Еще есть долг, еще есть дело. Остановиться не пора!» — из стих. К. Павловой «Не пора!» и «Naviget! haec summa est. . .» («Пусть он плывет! В этом всё. . .») из «Энеиды» Вергилия (песня IV). В предисловии Брюсов сообщал, что книга была задумана еще в 1912 г., тогда «автор полагал, что своевременно и нужно создать ряд поэм, которые еще раз указали бы читателям на радости земного бытия во всех его формах, и, сообразно с этим, книга должна была получить заглавие: «Sed non satiatus», т. е. «но не утоленный», «все же еще не пресыщенный». «Пусть же новое название книги говорит о том же, — продолжал Брюсов; — все семь цветов радуги одинаково прекрасны, прекрасны и все земные переживания, не только счастье, но и печаль, не

только восторг, но и боль. Останемся и пребудем верными любовниками земли, ее красоты, ее неисчерпаемой жизненности, всего, что нам может дать земная жизнь — в любви, в познании, в мечте!» Впоследствии, в статье «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии», Брюсов, критически оценивая свои стихи 1912—1917 гг., признавал их «не свободными от общих недостатков символистской поэзии того периода», переживавшей «застой, который явно грозил превратить мятежный поток 90-х и 900-х годов в загнивающее болото» (ПР, 1922, № 7, стр. 41).

Оранжевый

Я САМ

Эпиграф: «. . .Я сам, бессильный и мгновенный, Ношу в груди, как оный серафим, Огонь сильней и ярче всей вселенной. . .» — из стих. А. Фета «Не тем, господь, могуч, непостижим. . .».

Sed non satiatus. Впервые — РМ, 1913, № 1, стр. 1.

Юношам. Впервые — РМ, 1914, № 8—9, стр. 1.

СЫН ЗЕМЛИ

Эпиграф: «Я — сын земли. . .» — из стих. Брюсова «Сын земли». Идея межпланетных сообщений занимала Брюсова всю жизнь. В 1915 г. сообщалось, что Брюсов закончил драму «Пироент». «Пироент (Pyrois — античное именование планеты Марс) есть название фантастического корабля или, точнее — снаряда, при помощи которого герой драмы, молодой русский инженер, надеется установить сношения с другими планетами» («Биржевые ведомости», 1915, № 15107, 24 сентября). Драма в печати не появилась. На очереди «попытка завязать отношения между земным человечеством и разумным населением соседних планет», — писал Брюсов в 1918 г. в статье «Эпоха чудес» («Новая жизнь», 1918, № 1). Любопытны его заметки о возможности межпланетных сношений («Эпоха», кн. 1 и 2. М., 1918).

Сын земли. Впервые — РМ, 1913, № 7, стр. 83, без заглавия. Печ. по СЦР, стр. 15.

Земле. Впервые — РМ, 1913, № 3, стр. 3. Эпиграф — из стих. И. Коневского «Море житейское».

Детские упования. Впервые — СЦР, стр. 23.

ПЕРЕД ТОБОЮ Я

Эпиграф: «Но что мной зримая вселенна? И что перед Тобою я?» — из оды Державина «Бог».

Ultima Thule. Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, № 14917, 21 июня. В рукописи эпиграф: «Es war ein König in Thule. *W. Goethe»* («Был король в Фуле. *В. Гете»)* — из баллады «Фульский король». *«Ultima Thule* — Крайняя Фула — так назывался у древних римлян самый северный край или остров, до которого они доплывали. По мнению одних, то была Исландия; других — один из островов Шотландии» (прим. Брюсова). *Конунги* — вожди древних норманнов. *Бессмертная баллада* — баллада Гете «Фульский король».

Зеленый

В СТРАНЕ ТИШИНЫ

Эпиграф: «И сердце не верит в стране тишины... *Венок»* — из стих. Брюсова «Мы в лодке вдвоем, и ласкает волна...».

Иматра. Впервые — РМ, 1913, № 12, стр. 1, в цикле «На берегах Саймы». *Иматра* — живописный водоскат на р. Вуокса в Финляндии.

У круглого камня. Впервые — «Вернисаж», вып. 1. Мезонин поэзии, 1913, сентябрь. Сохранился карандашный набросок (без названия) другой редакции стихотворения, датированный 1913, 29 мая (см. Неизд. (1935), стр. 262). *Отава, Пейва, Укко, Ахти* (финск. миф.) — бог-солнце, бог-созвездие Большой Медведицы, бог неба и грома, бог моря. *Туони* (финск. миф.) — бог подземного мира. *Юмала* (финск. миф.) — верховное божество.

НЕВЕДОМЫЙ ПРОХОЖИЙ

Эпиграф: «Я — неведомый прохожий. В суете других бродяг... *Urbi et Orbi»* — из стих. Брюсова «Лев святого Марка».

Над Северным морем. Впервые — РМ, 1913, № 11, стр. 17, в цикле «У Северного моря». *Фризы* — древнегерманское племя, осевшее на западной части Ютландского полуострова и южнее, по берегу Северного моря.

В Голландии. Впервые — РМ, № 11, стр. 17. *Рембрандтова Саския* — жена Рембрандта ван Рейна (1606—1669), известная по написанным им портретам и другим произведениям. *Адриан ван Остаде* (1610—1685) — голландский живописец и гравер.

ПРИРОДЫ СОГЛЯДАТАЙ

Эпиграф: «Природы праздный соглядатай...» — из стих. А. Фета «Ласточки».

Сухие листья. Впервые — СЦР, стр. 63. Включено в Опыты как образец звукописи.

Красный

ТАМ, У ВХОДА

Эпиграф: «И покинем Там, у входа, Покрывала наши мрачные!» — из стих. А. Фета «Сны и тени...».

Умершим мир! Впервые — СЦР, стр. 95. В рукописи — эпиграф: «Оставим мертвым погребать мертвых *(Евангелие)*».

Желтый

СТОИМ МЫ СЛЕПЫ...

Эпиграф: «Стоим мы слепы, пред судьбою...» — искаженная первая строка стих. Ф. Тютчева «1856» («Стоим мы слепо пред Судьбою...»).

Последняя война. Впервые — РМ, 1914, № 9, стр. 241. В рукописи строфы 4 и 5:

И вдруг во всех сердцах стесненных
Надежды пламенник возник,
И стоны братьев раздавленных
Врываются в военный крик.

Под топот армий, гром орудий
Народы молятся о чуде,
И день спасенья видят люди
Во дне, что весь в огне встает.

При перепечатке в сб. «Война в русской поэзии» (П., б. г., стр. 83) строфы 3, 4, 5, 7 были запрещены цензурой. *Ньюпор* — система аэроплана. *Валтасаров пир* (библ.). Последний вавилонский царь Валтасар, обреченный богом, пировал в ночь падения Вавилона и был тогда же убит (Книга пророка Даниила, V).

Круги на воде. Впервые — СЦР, стр. 105. *Марна* — река во Франции. *Висла* — река в Польше. *Ангола* — португальская колония в Африке. *Пе-че-ли* — Печелийский залив в северо-западной части Желтого моря.

На Карпатах. Впервые — РМ, 1915, № 1, стр. 161. В рукописи первоначальное название: «Галиция». В октябре 1914 г. русские войска, преследуя противника, вышли к Карпатским горам. Карпаты считались прародиной славян, откуда произошло их расселение.

Чаша испытаний. Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, № 265, 27 сентября, без строф 5 и 6, под названием: «Заложница».

Печ. по СЦР, стр. 111. *Сирена польская.* Имеется в виду герб города Варшавы — сирена с поднятым мечом. В начале августа 1915 г. Варшава была занята немецкими войсками. *Под Нарвами, под Аустерлицами.* Имеются в виду поражения русской армии, нанесенные ей в 1700 г. шведскими войсками под Нарвой и 19 октября 1805 г. войсками Наполеона под Аустерлицем.

ВЫСОКИХ ЗРЕЛИЩ ЗРИТЕЛЬ

Эпиграф: «Счастлив, кто посетил сей мир В его минуты роковые — Его призвали всеблагие Как собеседника на пир; Он их высоких зрелищ зритель. . .» — из стих. Ф. Тютчева «Цицерон».

В Вильно. Впервые — РМ, 1914, № 10, стр. 164. «*Замковая гора* — парк на холме в середине города; в нижней части парка — *бюст Пушкина. «Вильна стародавняя»* — выражение Тютчева» (прим. Брюсова). *Вилия* — река, на которой стоит Вильно (Вильнюс).

Всё чаще. Впервые — РМ, 1914, № 10, стр. 164. Печ. по СЦР, стр. 116. «Есть легенда, что *патрон* города *Вильно,* св. *Казимир,* был, по одному случаю, чудесно обращен в ребенка. Изображение этого чуда находится в одном из городских костелов. Старинный *собор св. Анны* в Вильно отличается редкой архитектурной красотой. Наполеон, любуясь им, говорил, что желал бы увезти его на ладони в Париж» (прим. Брюсова).

Синий

В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

Эпиграф: «В жизни человеческой, в важные мгновенья, Облики незримые вдруг обозначаются, В обаяньи подвига, в злобе преступленья. . .» — из стих. К. К. Случевского «Невменяемость».

Женский портрет. Впервые — РМ, 1913, № 10, стр. 1, под заглавием «Портрет». Печ. по СЦР, стр. 143.

Простенькая песня. Впервые — РМ, 1913, № 5, стр. 38.

Голубой

В МАСКЕ

Эпиграф: «Я лицо укрыл бы в маске. . .» — первая строка стих. Ф. Сологуба.

Мумия. Впервые — РМ, 1913, № 3, стр. 4.

Иксион и Зевс. Впервые — РМ, 1913, № 1, стр. 5. *Иксион* (греч. миф.) — сын царя лапитов или флегиев, приглашенный Зевсом к трапезе богов. Он влюбился в *Геру,* супругу Зевса. Зевс обманул Иксиона: вместо Геры представил ему облако, принявшее ее образ. В наказание же он низверг Иксиона в *тартар* — преисподнюю, где приковал к вечно вертящемуся огненному колесу.

В разрушенном Мемфисе. Впервые — РМ, 1913, № 10, стр. 2, без заглавия. Печ. по СЦР, стр. 183. *Мемфис* — столица Древнего Египта, разрушенная во время арабского завоевания (1 в.). *Стикс* (греч. миф.) — одна из рек подземного царства — Аида. *Гиксы* — народ, владевший Египтом после XIV династии до XVI в. до н. э.; им приписывается сожжение городов, разрушение храмов и т. п.

Фиолетовый

В ДУШЕВНОЙ ГЛУБИНЕ

Эпиграфы: «Есть мысли тайные в душевной глубине» — первая строка стих. А. Майкова, и «Пускай в душевной глубине и всходят и зайдут оне, Как звезды ясные в ночи» — из стих. Ф. Тютчева «Silentium».

Всем. Впервые — СЦР, стр. 208. В рукописи эпиграф: «Я изменил, но ты не изменила. *Mon rêve familier. Urbi et Orbi*».

НА ПАМЯТНОМ ЛИСТКЕ

Эпиграфы: «...жив у вас на памятном листке» — из стих. П. Е. Вяземского «Альбом» и «...На памятном листке Оставит мертвый след...» — из стих. Пушкина «Что в имени тебе моем?..»

Лира и ось. Впервые — «Сирин», сб. 3, СПб., 1914, стр. XLVI, вместе с обращенным к Брюсову одноименным двухчастным стихотворением Вяч. Иванова под общим заглавием: «Carmina amoebaea» (Сменяющие друг друга песни). Стихотворения написаны аналогичными размерами. Отвечая Иванову, Брюсов подчеркивает сознательное, волевое начало своей поэзии — ср. ст. 1—2 «Лиры» Брюсова и ст. 1—2 «Лиры» Вяч. Иванова: «Слепец, в тебя я верую, О солнечная лира...», «Ось» Брюсова и обращенные к нему строфы 3—4 «Оси» Иванова:

Ристатель! коль у нижней меты
Квадриги звучной дрогнет ось,
Твори спасения обеты,
Бразды руби и путы сбрось.
И у Пелопса ли возницы,
У Ономая ли проси

Для новых игрищ колесницы
На адамантовой оси.
О Ты, Кто в солнца нас поставил!
Коль сын Твой прямо к полдню правил
Пылающую четверню,
Вдали блужданий Фаэтона
Дай в розах млеющего лона
Истаять медленному дню.

Арион — см. стр. 761 *Здесь, под скалой свисающей* и т. д. — вариация ст. 12—15 стих. Пушкина «Арион». *Медея* — см. стр. 768. *Триптолем* (греч. миф.) — божество земледелия, изображавшееся на колеснице с драконами вместо оси. *Фаэтон* — см. стр. 790.

ДЕВЯТАЯ КАМЕНА

1915—1917

Брюсов в предисловии к сб. «Последние мечты» (1920) писал о сб. «Девятая Камена»: «По обстоятельствам нашего времени, эта книга, вполне приготовленная к печати еще в 1917 г. (и набранная в одной петроградской типографии в 1918 г.), поныне еще остается в рукописи, только небольшая часть стихов, образующих эту книгу, была напечатана в сборнике «Опыты», М., 1918 г., а три-четыре стихотворения — по сродству тем с другими — включены в „Последние мечты"».

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

О себе самом. Впервые — сб. «Весенний салон поэтов», М., 1918, стр. 48, где строфы 1—2:

Когда мечты любви томили
На утре жизни, — нежа их,
Я в детской книге «Ювеналий»
Влил ранний опыт в робкий стих.

Мечту потом пленили дали:
Японский штрих, французский севр,
Всё то, об чем века мечтали, —
Чтоб ожил мир былой — в «Chefs d'œuvre».

В рукописи, озаглавленной «Девятая Камена», вариант строфы 2:

И сны веков мечтам предстали:
Японский штрих, французский севр,
Глаза камей, черты медалей,
Чтоб новой жизнью жить — в «Chefs d'œuvre».

Печ. по ПМ, стр. 11. Эпиграф — из последней главы «Евгения Онегина» (строфа не вошла в окончательный текст). «Автор последовательно издавал сборники стихов под заглавием: *«Juvenilia»,*

«Shefs d'oeuvre», «Me eum esse» («Это — я»), «Tertia Vigilia» *(Третья стража»), «Urbi et Orbi» («Граду и миру»), «Stephanos» («Венок»), «Все напевы», «Зеркало теней», «Семь цветов радуги», «Девятая Камена»* (прим. Брюсова). *Французский севр* — знаменитые изделия Севрского фарфорового завода во Франции. *Мусагет* (греч. миф.) — бог Аполлон, предводитель муз; они же *камены* (римск. миф.) — богини поэзии, музыки и других искусств.

Лишь безмятежного мира... Впервые — РМ, 1916, № 11, стр. 1 в цикле «Перезвучья». *Офир* (библ.) — страна, славившаяся золотом и драгоценностями.

В ДНИ КРАСНЫХ ЗНАМЕН

Молитесь! Впервые — ПМ, стр. 30.

Освобожденная Россия. Впервые — «Русские ведомости», 1917, № 49, 3 марта. Первое стихотворение, которым Брюсов приветствовал Февральскую революцию. В письме М. Горькому, датированном «марта, русской свободы год 1», поэт писал: «Все мы ждали и верили, но верили, что жданное сбудется «когда-то», через годы, и вдруг, чуть не в один день, мечта стала простой правдой. Предвижу, конечно, разные опасности, но все же то, что есть, *слишком* хорошо, почти страшно» (М. Горький. Материалы и исследования, 1. Л., 1934, стр. 138).

Свобода и война. Впервые — «Приазовский край», 1917, № 16, 22 апреля. *Ван* — озеро на востоке Турции, на Армянском нагорье. *Ускюб* — город в Европейской Турции. *Морава* — приток Дуная в Моравии (Чехословакия), *Лувен* и *Гент* — города в Бельгии.

ПРЕД ЗРЕЛИЩЕМ ВОЙНЫ

Орел двуглавый. Впервые — Избр. (1945), стр. 388. *Двуглавый орел* — герб Российской империи, символ русского самодержавия. *Но с диким кобчиком...* — намек на русско-японскую войну 1904 г. *Потемкин* Григорий Александрович (1739—1791) — государственный деятель эпохи Екатерины II. *Сперанский* Михаил Михайлович (1772—1839) — государственный деятель в царствование Александра I. *Распутин* (Новых) Григорий Ефимович (1872—1916) — авантюрист, пользовавшийся неограниченным доверием семьи Николая II и оказывавший влияние на решение важнейших государственных дел.

«Опять к любимым мелочам...». Впервые — «Русские ведомости», 1915, № 296, 25 декабря.

Тридцатый месяц. Впервые — «Новая жизнь», 1917, № 40, 4 июня. В автобиографии Брюсов писал: «После занятия немцами Варшавы я вернулся с фронта в Москву глубоко разоча-

рованный войной, что тогда же и выразил в стихотворении, напечатанном в «Новой жизни» М. Горького» (стр. 15). Редакция изд-ва «Парус» обратилась к Брюсову с просьбой разрешить опубликовать это стихотворение в газете «Новая жизнь» за его подписью: «Очень важно, чтобы Вы сказали то, что сказано в «Тридцатом месяце», и сказали так, как еще до сих пор никому не удавалось в поэзии» (ЛН, № 27—28, стр. 656). После опубликования стихотворения некоторые буржуазные газеты обвинили Брюсова в «измене убеждениям», по этому поводу он обратился в редакцию «Новой жизни» с письмом «Несколько слов о себе» (см. «Литературная газета», 1932, № 46, 11 октября).

В АРМЕНИИ

В январе 1916 г. Брюсов совершил поездку в Тифлис, Баку, Эривань, Эчмиадзин, где с большим успехом читал лекции о поэзии Армении и свои переводы из армянских поэтов.

К армянам. Впервые — Избр. пр. III, стр. 46. *Кир* — основатель древнеперсидского царства (558—529 до н. э.). *Александр* — см. стр. 735. *При Каррах* — см. стр. 777. *Юстиниан* Великий (VI в.) — император Восточной Римской империи (Византии). *Чингис-хан* (1155—1227) и *Ленгтимур,* или Тамерлан (1336—1405) — монгольские завоеватели. *Торжество Луны* — турецкое завоевание. *Шираз* — южноперсидский город. *Наири* — древняя Армения. *Агурамазда* (Ормузд) — верховный бог в древнеиранской религии Зороастры, олицетворяющий доброе творческое начало. *Тигран II* — см. стр. 806.

К Армении. Впервые — «Русские ведомости», 1915, № 296, 25 декабря. *Сретенье* — христианский праздник 2 февраля — день принесения младенца Христа во храм.

В Баку. Впервые — РМ, 1916, № 5, стр. 2, в цикле «В древней Армении». Печ. по Избр. пр. III, стр. 48. «*Биби-Эйбат* — местность в Баку; одно из мест добычи нефти. *Шираз* — город в Иране. *Шах-Намэ* (Книга царей) — иранский эпос, поэма в 60 000 стихов, написанная Фирдоуси (933—1021). *Газели* — двустишия иранской поэзии, где особенности этой формы были вызваны свойствами языка» (прим. Брюсова). *Гафиз* (1300—1389) — крупнейший таджикский и персидский поэт-лирик. *Спарапеты* — военачальники в древней Армении. *Кир* — см. выше.

В Тифлисе. Впервые — РМ, 1916, № 5, стр. 3. «*Тифлис* был столицей грузинского царства. *Тамара* — знаменитая царица Грузии (1184—1213). *Саят-Нова* (1712—1795) — знаменитый армянский народный поэт» (прим. Брюсова).

К Арарату. Впервые — РМ, 1916, № 5, стр. 1, в цикле «В древней Армении». *Хронос* (греч. миф.) — бог времени. *Шапка*

Мономаха — венец, которым венчались на царство московские государи. *Как тот, где опочил ковчег.* По библейскому преданию, после всемирного потопа Ноев ковчег остановился на горах Араратских. *Алагяз* (Алагез) — потухший вулкан в Закавказье, на восточном краю которого расположен Ереван. «Алагяз — гора; в армянских народных песнях Арарат (Масис) всегда олицетворяется как старец, а Алагяз — как дева в короне (верхние зубцы Алагяза напоминают, по форме, венец)» (прим. Брюсова).

Арарат из Эривани. Впервые — РМ, 1916, № 5, стр. 4, в цикле «В древней Армении». *Зангу* — прежнее название р. Раздан, левого притока р. Аракс; на правом берегу Зангу расположен Ереван. *Раины* — пирамидальные тополя. *Саардар* (Сардар-абад) — бывшая персидская крепость в южной части Еревана, на крутом, обрывистом берегу р. Зангу. *Масис* — армянское название Большого Арарата. *Малый Арарат* — одна из двух Араратских гор.

Баку. Впервые — Избр. пр. III, стр. 49.

Тигран Великий. Впервые — «Приазовский край», 1916, № 340, 25 декабря. *Тигран Великий* — «Тигран II, царь Армении (95—56 до н. э.) с титулом «царя царей», вел в союзе с Митридатом Понтийским удачную борьбу с Римом и расширил пределы Армянского царства от Куры до Иордана и от гор Мизийских до Киликийского Тавра. Позднее Тигран потерпел неудачу, отчасти в связи с изменой своего сына — Тиграна младшего. Чтобы спасти свое царство от разгрома, Тигран согласился явиться в стан Помпея пешком и без диадемы преклониться перед римским полководцем. Помпей оставил армянскому царю его трон, его титул (царя царей) и большую часть его завоеваний, которые Тигран и передал впоследствии своему сыну и наследнику Артавазаду II (56—33 до н. э.). Помимо того, Тигран известен как поклонник эллинской культуры, которую он старался распространить среди своего народа, между прочим отождествляя национальных богов с божествами Олимпа. Богиня *Нанэ* была отождествлена с Афиной-Палладой» (прим. Брюсова).

МЕЖ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Мы — скифы. Впервые — сб. «Скифы», I, 1917, № 1, стр. 95, под заглавием: «Древние скифы». Печ. по Избр. пр. III, стр. 84. По греческой легенде, скифы произошли от мифического героя *Геракла* и *ехидны* — злого чудовища, полудевы-полузмеи. *Верховья Тигра* — верховья реки Тигр, южный склон Таврской цепи, Армянские горы. *Истр* — древнее название Дуная. *Дарий* (550—480 до н. э.) — персидский царь, предпринявший в 515 г. до н. э. поход в Скифию. *Кир* — см. стр. 805.

Тайна деда. Впервые — альм. «Гюлистан», II, М., 1916, стр. 153.

В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Уголки улицы. Впервые — Неизд. (1935), стр. 292.

НОЧЬЮ

Ночные страхи. Впервые — «Утро России», 1916, № 359, 25 декабря. Эпиграф — из стих. Тютчева «День и ночь».

НАД ВЕЧНОЙ ТАЙНОЙ

Уйди уверенно. Впервые — Неизд. (1935), стр. 225.

В АЛЬБОМАХ

Хирургу П. И. Постникову. Впервые — Неизд. (1928), стр. 40, под заглавием «Петру Ивановичу Постникову». *Постников П. И.* — известный московский хирург, в лечебнице которого Брюсов провел август и часть сентября 1916 г.

И. Туманяну. Впервые — «Русские писатели об Армении». Эривань, 1946, стр. 73. Надпись-посвящение на ПСС I, подаренном Туманяну, где начинается словами: «Блистательной звезде светлого трехзвездия армянской поэзии — поэту Ивану Фаддеевичу Туманяну». *Туманян* — см. стр. 857.

ПОСЛЕДНИЕ МЕЧТЫ

1917—1919

В предисловии к сборнику Брюсов указывал, что в нем собраны только лирические стихотворения (в узком смысле слова): «. . .Правда, — писал он, — современность — слишком властная в наши дни — не могла не проникнуть и в чистую лирику, но эти намеки и отзвуки, конечно, далеко не всё, что автор пытался осознать в стихах из великих явлений, сменявшихся одно другим пред его глазами».

В горнем свете. Впервые — ПМ, стр. 5.

Веснянка. Впервые — ПМ, стр. 20.

Работа. Впервые — «Свобода и жизнь», 1917, № 10, 18 сентября. Печ. по ПМ, стр. 25. В статье «Смысл современной поэзии» Брюсов так характеризует «совершенно новое содержание», которое «предстоит воплотить современной поэзии»: «Наши дни всего правильнее назвать эпохой творчества, когда везде. . . идет созидание новых форм жизни, взамен старых, разрушенных или в корне подточенных; — литература не может не отразить этого общего движения. Поэзия прежних периодов, эпох самовластья, знала лишь пафос протеста или пафос уединения и раздумья; теперь поэтам предстоит явить пафос творчества. . . Поэзии приходится творить «лирику сози-

дания» на совершенно новых основах» («Художественное слово», II, М., 1921, стр. 45).

Максиму Горькому в июле 1917 года. Впервые — ПМ, стр. 61. Брюсов на всем протяжении 25-летнего знакомства с Горьким, несмотря на чуждость их литературных позиций, относился к нему с неизменной симпатией и уважением (см. А. Ильинский. Брюсов и Горький. ЛН, № 27—28, стр. 639—660). «Пользуюсь еще раз случаем выразить Вам мое глубокое уважение и лично к Вам, и к Вашему творчеству — уважение, которое с годами освобождается от примеси разных случайных чувств, расчета и крепнет», — писал Брюсов Горькому 27 июля 1912 г. (ГБЛ). Стихотворение написано Брюсовым в защиту Горького от травли и клеветы петроградских контрреволюционных газет. Получив стихотворение Брюсова, Горький ответил ему 25 июля 1917 г. взволнованным письмом: «Спасибо Вам. Вы — первый литератор, почтивший меня выражением сочувствия... — писал он. — Я горжусь, что именно *Вы* прислали мне славное письмо. Мы с Вами редко встречались, Вы мало знаете меня, и мы, вероятно, далеки друг другу по духу нашему, по разнообразию и противоречию интересов, стремлений. Тем лучше. Вы поймете это, — тем ценнее для меня Ваше письмо. Спасибо. Давно и пристально слежу я за Вашей подвижнической жизнью, за Вашей культурной работой, и я всегда говорю о Вас: это самый культурный писатель на Руси! Лучшей похвалы не знаю; эта искренна». (М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах, т. 29. М., 1955, стр. 383).

В ТАКИЕ ДНИ

1919—1920

В своей статье «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии» Брюсов писал: «Думаю, что некоторых роковых для символизма путей мне удалось избежать и что мои стихи следующего пятилетия («В такие дни», 1920; «Миг», 1922; «Дали», 1923) выходят на иную дорогу. Однако решать этот вопрос, конечно, не мне» (ПР, 1922, № 7, стр. 39).

России. Впервые — ВТД, стр. 7. *Батый* — внук монгольского завоевателя *Чингис-хана* (1155—1227), основатель Золотой Орды, предводитель первого нашествия монголов и татар на Россию в 1200 г.

Третья осень. Впервые — «Художественное слово», II, М., 1921, стр. 13, строфы 2 и 3 обменены местами. В рукописи варианты строф 3 и 4:

Насмехайся горестным плачем,
Глядя, как в подземный тайник
От голодных испуганно прячет
Зерно сбитый с толку (в деревне) мужик.

В городах, бесфонарных, беззаборных,
Где Стужа и Голод — цари,
Покрутись в безлюдии черном,
На дневную тоску посмотри!

После строфы 7:

Смотри, как в ранах и бедах
Вся в <нрзб> наша страна
Упорно возносит к победам
Красные знамена!

Печ. по ВТД, стр. 9.

К русской революции. Впервые — ВТД, стр. 11. *Алым всадником — мчись!* Имеется в виду библейский апокалипсический всадник, «который праведно судит и воинствует», его победа предшествует созданию нового мира («Откровение св. Иоанна», XIX, 11—21).

Парки в Москве. Впервые — «Красный воин», 1921, № 2, 28 июля. Печ. по ВТД, стр. 12. *Парки* (римск. миф.) — богини судьбы, три сестры-старухи; одна из них держит прялку, другая прядет нить жизни, третья отрезает ее. Иван *Калита* — князь московский (1325—1341), так наз. первый собиратель русской земли.

Товарищам интеллигентам. Впервые — «Художественное слово», I. М., 1920, стр. 5, под заглавием: «Инвектива». Печ. по ВТД, стр. 17. В рукописи — разночтения и вариант строфы 8:

Чго ж вы спешите от жизни — мимо?
Иль вам былое стало любо,
А всё, что ново, вам нестерпимо
И ваши чувства ранит грубо.

Леру Пьер (1797—1871) — французский публицист, утопический социалист.

Только русский. Впервые — ВТД, стр. 19. В рукописи — после строфы 3 следует:

Выполняя труд тяжелый,
Загнан, голоден и наг,
Он не знал дороги в школы,
Он был чужд вселенских благ.

Серп и Молот. Впервые — ВТД, стр. 26.

Под гулы и взрывы. Впервые — ВТД, стр. 31.

Гимн Афродите. Впервые — «Художественное слово», II, М., 1921, стр. 15. Печ. по ВТД, стр. 38.

Египетский профиль. Впервые — ВТД, стр. 45. Эпиграф из стих. Брюсова «Я помню вечер, бледно-скромный...». *Озирис* (егип. миф.) — высшее египетское божество. *Гор* (егип. миф.) — бог-покровитель, олицетворение света. *Изида* (егип. миф.) — богиня плодородия, хранительница сокровенной мудрости.

Срок. Впервые — ВТД, стр. 47.

От столетий... Впервые — ВТД, стр. 53. *Аттила* — см. стр. 779. *Хирамовы кедры* — кедры, которые, по Библии, Хирам, царь тирский, послал царю Соломону для построения храма. *Алеппо* — город в Сирии.

Романтикам. Впервые — ВТД, стр. 58. Печ. по Избр. пр. III, стр. 114. *Людмила* — героиня одноименной баллады В. Жуковского. Очевидно, Брюсов ошибся, имея в виду героиню баллады «Светлана», которая в крещенский вечер гадает у зеркала. *Цветок голубой* — символ романтического томления по недостижимому идеалу, ведущий свое происхождение от романа немецкого романтика Новалиса «Генрих фон Офтердинген». *Лоэнгрин* — «лебединый рыцарь», герой поэмы Вольфрама фон Эшенбаха (XIV в.). Образ Лоэнгрина пользовался большой популярностью у немецких романтиков.

Цезарь Клеопатре. Впервые — ВТД, стр. 63. *Клеопатра* (69—30 до н. э.) — египетская царица, знаменитая своей красотой. Прибывший в Египет римский военачальник Цезарь увлекся ею и задержался на полгода в Александрии. *Киприда* (греч. миф.) — прозвище Афродиты, богини любви, образовано от названия о. Кипр, считавшегося ее любимым местопребыванием. *Кифера* — греческий остров у южного берега Пелопоннеса, одно из главных мест культа Афродиты. *Гефест* — хромоногий бог огня, бог-кузнец, супруг Афродиты; застав Афродиту с ее возлюбленным Марсом — богом войны, окружил любовников сетью, чтобы уличить ее в измене. *Чтоб с тебя он сжег клеймо Помпея.* Брюсов следует за Шекспиром, который в драме «Антоний и Клеопатра» ошибочно упоминает о близости Помпея к Клеопатре. В действительности Клеопатра пленила старшего сына Помпея, отправленного отцом в Александрию набрать вспомогательное войско. *Чтоб к клинку мне подготовил грудь* — Юлий Цезарь был заколот заговорщиками в сенате 15 марта 44 года.

А. В. Луначарскому. Впервые — ВТД, стр. 71. В рукописи первоначальной редакции после строфы 4 следует:

И тогда ж вдохновенно и страстно
Словом, делом, примером своим,
Ты строителей прошлого — властно
Вновь позвал к стезям трудовым.

Открывая им светлые дали,
Дал им слышать грядущего зов,
Чтоб их струны созвучно звучали
С хором новых живых голосов.
Ты б желал для великой работы
Всех, в ком сердце пылает, сложить,
Но умел и надменно ворота
Пред рабом лицемерным закрыть.
Так, связуя два мира, но прямо
Обличая красивую ложь,
Ты вселенского, нового храма
Адамантовый цоколь кладешь.

А. В. Луначарский впоследствии вспоминал: «Встретился... я с Брюсовым только в 1918 г. в Москве, когда я был уже наркомом по просвещению... в эти дни, когда он первый раз со мной встретился, он был озабочен серьезностью шага, который он намеревался сделать <вступление в Коммунистическую партию>, порывавшего, — по крайней мере в то время, — с широкими кругами интеллигенции и связывавшего судьбу поэта навсегда с новой властью, властью рабочих, казавшейся в это время многим эфемерной... Мне на долю выпала честь в беседах с высокодаровитым поэтом развить идеи и отношения к старой культуре, директивно данные нам партией, и прежде всего, незабвенным учителем» (А. Луначарский. Литературные силуэты. М., 1925, стр. 170). *Кумир Бельведерский* — известная статуя Аполлона Бельведерского.

Будь мрамором. Впервые — ВТД, стр. 86. Эпиграф из неопубликованного стихотворения А. Адалис. *Как древле Пирр в совет царей.* Пирр, царь эпиротов (319—272 г. до н. э.). Оставшись после смерти отца шестилетним мальчиком, он был принят в семью царя Иллирийских тавлантиев, Главкия. Когда же Пирр вырос, он вернул себе отцовский престол.

День. Впервые — ВТД, стр. 88. *Умри во мгле и с солнцем вновь воскресни!* — см. прим. к стих. «Утром», стр. 794.

Одно лишь. Впервые — ВТД, стр. 91. В рукописи строфа 6:

Что ни встречаю! дальше к свету я
Пойду, впивая гром опять,
Ловя все миги и не сетуя, —
Отцветший час бросая вспять.

МИГ

1920—1921

Смотреть в былое. Впервые — Миг, стр. 7. *Джины* (араб. миф.) — духи. *Туареги* — племя, населявшее оазисы Сахары.

Коммунарам. Впервые — «Художественное слово», II, М., 1921, стр. 4, под псевдонимом В. Бакулин. Печ. по Миг, стр. 25. *Лабиринтцы* — жители Критского лабиринта. *Ты, круг священный Пифагора*... и т. д. Греческий философ Пифагор (VI в. до н. э.) основал конспиративное религиозно-философское общество с резко выраженным аристократическим характером; в V в. до н. э. оно было уничтожено демократией. *Вальденцы* — социально-религиозная секта (XII в.). *Виклеф, Ян Гус, Иоанн* Лейденский — религиозные и политические деятели эпохи Реформации. *И вы, кто жертвой искуплений*... и т. д. Имеются в виду участники Парижской Коммуны 1871 г. *Как в басне, из зубов дракона*... и т. д. Имеется в виду миф об аргонавтах.

Оклики (Четвертый Октябрь). Впервые — «Красный воин», 1921, № 43, 7 ноября. В рукописи после подписи и даты следует строфа:

Чу! гудок фабричный! Чу! взывают
Свистом, пролетая, поезда.
Красные знамена обвивают
Русь былую, словно пояса.

Печ. по Миг, стр. 29.

Зачем? Впервые — Миг, стр. 35. *Мистраль* — резкий, холодный ветер на юге Франции. *Стигматы* — раны от гвоздей на руках и ногах Христа.

Инкогнито. Впервые — Миг, стр. 39. *Амор* — амур (рим. миф.) — бог любви.

Звено в цепь. Впервые — Миг, стр. 43, без строфы 3. Печ. по Круг., стр. 247. *Как и в пышных пустынях баснословных Аравий.* Имеется в виду библейский эпизод — встречи царицы Савской и царя Соломона (Третья книга царств, X, 1—13). *Это потому, что когда-то у стен Ветилуи.* Имеется в виду описываемая в Библии осада Ветилуи, города в Иудее, ассирийским войском во главе с Олоферном (Книга «Юдифь», VII).

Кондор. Впервые — Миг, стр. 53. В рукописи — без названия.

ДАЛИ

1922

В предисловии к сборнику Брюсов выступил с программой создания «научной поэзии». Он писал: «Вообще можно и должно проводить полную параллель между наукой и искусством. Цели и задачи у них одни и те же; различны лишь методы... Поэт должен по возможности стоять на уровне современного научного знания и вправе мечтать о читателе с таким же миросозерцанием... Все, что интересно и волнует современного человека, имеет право на отра-

жение в поэзии». Эти взгляды не были новыми для Брюсова. Интерес к «научной поэзии», т. е. поэзии с научной тематикой, поэзии, *«своим методом»* разрабатывающей вопросы, которые «в пределах своих средств пытается решить... наука», возник у Брюсова задолго до революции (см. его статью: «Литературная жизнь Франции. Научная поэзия». РМ, 1909, № 6). Подготовлявшееся в 1912 г. издание книги «Валерий Брюсов и Ренэ Гиль. Научная поэзия. Две статьи о целях и задачах искусства» осталось неосуществленным. Уже в статье «Вячеслав Иванов. Кормчие звезды» (1903, 1911) Брюсов как бы раскрывает смысл обращения к «научной поэзии»: «Знакомство с последними выводами философской мысли, с новыми открытиями точных наук, с ходом политической и социальной жизни своего времени открывает поэту новые дали, дает ему новые темы для его стихов, позволяет ему ставить вопросы важные и нужные его современникам. Поэт, которому есть что сказать по вопросам, волнующим передовую часть общества, никогда не будет лишним, — он вновь вернет поэту то высокое положение, какое занимал он в мире древнем...» («Далекие и близкие», стр. 119). В статьях 20-х годов о современной поэзии Брюсов, настойчиво обращая внимание поэтов на новое содержание, которое должна воплотить поэзия, подчеркивал, что новые научные теории в существе меняют современное миросозерцание, что «новые идеи, бывшие сначала достоянием лишь круга специалистов-ученых, разливаясь шире, проникают всю жизнь». «Все миросозерцание человечества изменяется: может ли остаться неизменным мировоззрение поэзии?» — спрашивает он (Смысл современной поэзии. «Художественное слово», II, М., 1921, стр. 45). Однако, практически осуществляя свою программу «научной поэзии», Брюсов не вышел за границы литературного экспериментаторства.

Красное знамя. Впервые — «Московский понедельник», 1922, 3 июля, под названием: «К новому». Печ. по Дали, стр. 13. *«Мойры* — богини судьбы. *Дика* — богиня справедливости. *По слову поэта* — намек на стихи Тютчева: „Счастли́в, кто посетил сей мир...“» (прим. Брюсова).

Легенда лет. Впервые — Дали, стр. 21. *Атлантида* — см. стр. 823. *Архимед* — см. стр. 786. *Эйнштейн* Альберт (1879—1955) — выдающийся физик-теоретик, создатель теории относительности. *Длить вечность Фаусту с Еленой...* и т. д. Так Брюсов истолковывает смысл символического союза Фауста и Елены Прекрасной из второй части гетевского «Фауста», опираясь на слова заключительного «таинственного хора»: «Всё преходящее есть только символ...».

Принцип относительности. Впервые — Дали, стр. 23. *«Оси сдвинуты* — намек на утверждение А. Эйнштейна, что «такое воззрение (принцип относительности) несовместимо с теорией Ньютона». *Leges motus* — законы движения (небесных тел), формулированные Ньютоном. *До чего, современники...* и т. д. — пародия речи Ф. Прокоповича на погребении Петра I» (прим. Брюсова).

Лишь миги. Впервые — Дали, стр. 45. «*Киприда* (Афродита) родилась из морской пены» (прим. Брюсова).

В прятки. Впервые — Дали, стр. 47.

От виска и до виска. Впервые — Дали, стр. 49. «Так как... стихотв. передает «бред», то с него нельзя спрашивать географической и зоологической точности. На *Самоа,* в Тихом океане, конечно, тигры не рыщут» (прим. Брюсова).

Над картой Европы 1922 г. Впервые — «Московский понедельник», 1922, № 1, 12 июня, под заглавием «Карта Европы в 1922 г.». Печ. по Дали, стр. 59. «*Столбы Мелькарта,* позже Геркулеса — Гибралтарский пролив. *Колхида* — Кавказ. *Край Перикла* — Аттика; *край Лисандра* — Спарта; *царства Мидий* — Персия. *Газдрубал* — полководец карфагенян в их последней борьбе с Римом. *На Оссу Пелион* — намек на сказания о борьбе гигантов с Зевсом. *Крон* — Хронос <бог времени>» (прим. Брюсова).

Новый синтаксис. Впервые — Дали, стр. 71. *Их разбирать ли, как Эдите...* и т. д. Согласно легенде, возлюбленная Гаральда II, короля англосаксов, искала его тело на Гастингском поле, где он погиб в сражении с норманнами, вторгшимися в Англию. *Хеми* (коптск.) — Египет. «*Шлак в Иоахимстале* — содержит в себе урановую руду (радий). *Сын Креза* — был нем до отрочества и заговорил под влиянием испуга, когда при взятии Сард смерть грозила его отцу» (прим. Брюсова). *Метценжер* Жан — французский художник-кубист нач. XX в. *Матисс* Анри (1869—1954) — французский художник-модернист. *Супрематисты* — представители крайне формалистического беспредметного направления в живописи 1910—1920-х годов.

Стихи о голоде. Впервые — «Известия», 1922, № 77, 5 апреля. Имеется в виду голод в России 1922 г., охвативший 35 губерний. «*Халдеи* — первые определили видимые пути планет между звездами» (см. стр. 733); из «*эллинов»* мерил «просторы неба» еще Анаксимандр <ок. 610—546 до н. э. — др.-греч. философ>, вернее Архимед (см. стр. 786) и другие. *Танганайка* — озеро в Африке. *Пи* — термин элементарной математики» (прим. Брюсова). *Чимборазо* — одна из величайших вершин Южноамериканских Анд в Эквадоре.

МЕА

1922—1924

Меа (лат.) — Спеши. Сборник вышел после смерти Брюсова.

Магистраль. Впервые — «Известия», 1924, № 30, 6 февраля, под заглавием: «СССР». Печ. по Меа, стр. 5. В рукописи, датированной 20 января 1924 г., после строфы 1 следует:

Карты пестрели потом под феодами...
Страны сбирали опять короли...
Рушились троны и крепли... И одами
Славил поэт властелинов земли...

Войнами царства страдали, как родами.
Армии шли — убивать, умирать...
Кто-то добычу делил... Не народы лишь,
Та, от труда в бой влекомая рать!

Было так, длилось под разными флагами
С Семирамиды до Пуанкаре,
Те, кто владел и властью и благами,
Тесно смыкали приклады в каре;

Те, кто привык быть первыми, зваными,
Поработив труд на радость себе...
Но — ветер взвыл над земными саваннами,
Буря, что издавна тлела в судьбе,

Буря, чтоб сбросить победно, решительно
Жизнь, что себя до конца изжила,
В страшных развалах, в разгроме крушительном
Подлинно новая эра взошла —

и далее строфы 8 и 9 окончательной редакции. *«Лемуры, атланты* — полумифические расы, создатели первых культур на земле» (прим. Брюсова). *Семирамида* — легендарная царица Ниневии, основательница Вавилона. *Пуанкаре* Раймонд — французский президент (1913—1920).

Ленин. Впервые — «Ленин», однодневная газета, январь 1924, под заглавием: «Эра». Печ. по Меа, стр. 9. В речи на торжественном заседании в московском Доме печати в связи с пятидесятилетием В. И. Ленина в апреле 1920 г. Брюсов сказал: «...мы все считали социалистическую революцию делом далекого будущего... Предугадать, что революция не так далека, что нужно вести к ней теперь же, — это доступно лишь человеку колоссальной мудрости. И это в Ленине поражает больше всего... Пройдут поколения, и они будут также изучать и восхищаться образом тов. Ленина» («Экран», 1928, № 4). Посылая стихи Н. К. Крупской для напечатания в «Известиях», Брюсов писал: «Мне лично это было бы очень дорого, а стихи с самого начала я думал предложить Вашей оценке» (черновик письма от 28 января 1924 г. — ГБЛ).

У Кремля. Впервые — Меа, стр. 10. *«Шпрее* — в Берлине <река>, *Понтийское болото* — под Римом, *Темза* — в Лондоне <река>, *Гоанго* — в Китае» (прим. Брюсова). *Непал* — государство в Азии. *Месопотамия* — междуречье Тигра и Евфрата в Передней Азии.

К стр. 472—476

Мир электрона. Впервые — «Московский понедельник», 1922, № 14, 18 сентября, под названием: «Атом». Печ. по Меа, стр. 25.

Мир N измерений. Впервые — Меа, стр. 26. «Математика допускает возможность измерений свыше третьего, чему посвящен ряд исследований. *Пифагор* учил о «музыке сфер». *Демокрит* — основатель атомистической теории. *Лобачевский, Риман* — математики, много сделавшие для так называемой «неэвклидовой» геометрии» (прим. Брюсова).

Не память... Впервые — Меа, стр. 37. Печ. по Избр. пр. III, стр. 167. «Автор — внук костромского крестьянина» (прим. Брюсова).

Лесная тьма. Впервые — Меа, стр. 41. В черновой рукописи первоначальный вариант ст. 19—24:

Во тьму вихрь света разметала,
Чтоб стала свет — лесная тьма.
Сквозь этот зов, гул своенравный,
Теперь насквозь прошел наш ум,
И предо мной, поэтом, равны
И мотор, и «зеленый шум».

Вариации на тему «Медного Всадника». Впервые — Меа, стр. 57. В рукописи — заглавие: «Вариация». «*Он* вариаций — Пушкин; время действия — эпоха польского восстания 1831 г. *Двое под одним плащом* — Пушкин и Мицкевич; сохранилось известие, что Пушкин и Мицкевич однажды, во время ненастья, укрывались у памятника Петру под одним плащом. *Народы мира*... и т. д. — намек на стихи Пушкина к Мицкевичу, мечтающему «о временах, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся» <цитата из стих. Пушкина «Он между нами жил. . .»>. *Другой* — Мицкевич. *Здесь* — на Сенатской площади. *Первой вольности предтечи* — декабристы. *Вильгельм* — школьный товарищ Пушкина, Вильгельм Кюхельбекер, один из декабристов, сосланный в Сибирь. В стихотворении — ряд стихов и выражений из «Медного Всадника» Пушкина. Мысль «Вариаций» подсказана прекрасными вариациями Б. Пастернака, которому автор почтительно посвящает эти стихи» (прим. Брюсова).

Марриэтовы мичманы. Впервые — Меа, стр. 66. Как вспоминает И. М. Брюсова, Брюсов в последние годы жизни «поглощал невероятное количество романов Купера, Марриэта, Дюма и т. д.». О своем увлечении приключенческой литературой в детстве Брюсов рассказал в воспоминаниях «Из моей жизни». *Марриэт* Фридерик (1792—1848) — английский писатель, капитан военно-морского флота, автор многочисленных морских романов. *Марриэтовы мичманы.* «Имеются в виду такие романы Марриэта, как «Питер Симпль», «Мичман Изи» и др.» (прим. Брюсова). *Аттила* — см. стр. 779. *Антиллы* — Антильские о-ва, расположенные в Карибском море.

Домовой. Впервые — *Меа*, стр. 76. *Эдгаров Янек* — «Волкан Янек, «что огнем кипит подо льдом», — в поэме Эдгара По „Улалюм“» (прим. Брюсова).

Карусель. Впервые — *Меа*, стр. 89. «*Кермесы* — народные праздники во Фландрии, которые любил изображать Рубенс <(1577—1640)>» (прим. Брюсова).

СНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Неоконченная книга

Сохранились два наброска титула: «Сны человечества. Лирические отражения всех стран и всех народов 1911—1917. Посвящаю в знак дружбы и уважения поэту и мыслителю Ренэ Гилю. Издание первое» и «Стихи 1911—1913 г.: Сны человечества (Страницы незаконченной книги), Ренэ Гилю, поэту и учителю». *Гиль* Ренэ (псевдоним Ренэ Гильбера — 1862—1925) — французский поэт, теоретик так называемой «научной поэзии», автор «Трактата о слове» (1886). Брюсовым написаны статьи о Р. Гиле (см. В, 1904, № 12; РМ, 1909, № 6). Работу над книгой «Сны человечества» Брюсов продолжал до последних лет своей жизни; в нее, по его расчетам, должно было войти не менее 3000 стихотворений. В архиве Брюсова имеется следующий черновой набросок предисловия:

«Замысел: Представить все формы как примеры лирики у всех народов во все времена. Перенять самую манеру поэтов.

Предшественники: Гердер «Голоса народов» (но только народная поэзия и только переводы).

Гюго «La légende du siècle» (но больше история, чем поэзия, история людей и эпохи, а не лирики).

Бальмонт «Зов древних» (но только древность и не очень похоже — однообразно).

Трудность задачи: необходимость перевоплощаться, требуются большие знания.

Знаю языки: русский, древнегреческий, латинский, французский, немецкий, итальянский, английский. Понимаю несколько испанский, шведский и санскрит. Знаком с грамматикой: персидского, арабского, еврейского, японского.

Сначала лишь — переводы. Но трудно собрать ограниченное число характерных образцов. По большей части характерное рассеяно во множестве произведений. Кроме того, переводчик, когда переводит, стремится быть как можно ближе к подлиннику, и редко может достигнуть художественной силы оригинала. Между тем моей задачей было именно дать собрание произведений *художественных*, которые представляли бы не только исторический интерес, но и чисто художественный интерес. Я хотел бы не только дать книгу для изучения, но и для чтения, чтобы читатель не только мог ознакомиться с поэзией прошлых эпох, но и почувствовать ее непосредственно. В этом отношении свободное творчество казалось мне более

подходящим, чем рабская поэзия. Притом при незнании языков, на которых написаны различные произведения (китайский, японский, персидский), и при скудости сохранившихся образцов (др. Ассирия, др. Египет, не говоря уж об Атлантиде) все равно приходилось бы (обобщая местами) довериться творческой интуиции». Книга состоит из «1) переводов, когда были произведения весьма характерные для данной эпохи, 2) подражаний, когда можно было из 2-х или 3-х произведений скомпоновать одно, в котором характерные особенности выступали бы явно, 3) самостоятельных произведений на основе внимательного изучения эпохи, с попыткой передать манеру эпохи и поэта. В целом — хрестоматия всемирной поэзии, которая могла бы русского читателя ознакомить со всеми формами лирической поэзии и передать отдельные периоды каждой эпохи».

Отрывки из другого варианта предисловия приведены в Избр. соч. I, стр. 703—705. В грандиозном замысле Брюсова ярко проявились свойственные ему историзм, широта культурных горизонтов, глубокая эрудиция, однако в стихотворениях книги сказалась и ограниченность его понимания истории культуры.

Подражание труверам. Впервые — Неизд. (1935), стр. 408. *Труверы* — французские поэты-лирики конца XII и XIII вв.

Прогулка. Впервые — РМ, 1914, № 1, стр. 29. В рукописи — под общим заглавием: «XVIII в.»

В духе Эйхендорфа. Впервые — Неизд. (1935), стр. 418. Иосиф фон *Эйхендорф* (1788—1857) — немецкий поэт-романтик. 14 января 1900 г. Брюсов писал Г. Бахману: «По Вашему указанию, читаю Эйхендорфа и увлечен им очень» (ГБЛ).

В духе латинской антологии («Мне говорят, что Марина многим дарит свои ласки...»). Впервые — Неизд. (1935), стр. 371. Из латинских антологий до нас дошли сборники поздних латинских поэтов в рукописях VI—XIV вв. *Лукания* — в древности область южной Италии. *Лация* — в древности область средней Италии.

Смерть рыцаря Ланцелота. Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 10 (23) мая, № 14835. Брюсов писал А. А. Измайлову 29 апреля (12 мая) 1915 г.: «Сегодня высылаю Ланцелота. Это — оригинальное, мое, стихотворение, *не* перевод; но пусть оно считается лучше переводом. Тон, кажется, перенят верно» (ИРЛИ). «*Ланцелот* был возлюбленным *Джиневры,* супруги короля *Артура.* В Ланцелота же была влюблена волшебница Моргана, но он не отвечал ей взаимностью. Из мести Моргана оклеветала Ланцелота перед сэром Мордредом и своими чарами помогла Мордреду одолеть Ланцелота на поединке» (прим. Брюсова).

Из индийской лирики (1. «Уже за горы канул месяц...», 2. «Я брошен ею, но я не плачу...», 3. «Через речку цепкие лианы...»). Впервые — альм. «Сирин» II, 1913, стр. XVII—XVIII. В рукописи указано, что первые два стихотворения — «подражание стихам поэта Амару (VI в.)». *Амару* — индийский лирический поэт V—VIII вв. Из произведений Амару сохранился только сб. «Сто строф Амару». Стихи сборника представляют собой лучшие образцы любовной придворной лирики того времени.

Китайские стихи (1. «Твой ум—глубок, как море...». 2. «Все дни — друг на друга похожи...»). Впервые — Опыты, стр. 70. 3. «Глупец восклицает: «Ломок...». Впервые — Избр. соч. I, стр. 539.

Rico franco. Впервые — однодневная газета «Труд вновь даст тебе жизнь и счастье», 1916, 10—11 мая. Вольный перевод популярной старинной испанской народной песни-баллады (так называемого «романса»), начинающейся словами, поставленными Брюсовым эпиграфом.

Газелла («В ту ночь нам птицы пели, как серебром звеня...»). Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, № 14903, 14 июня. *Газелла* (газель) — двустишная строфа, особый жанр лирических стихотворений в персидской поэзии. «Сущность газеллы (правильнее — газели) — в повторении заключительных слов 1-го стиха в конце 2-го стиха и в конце каждого двустишия; все остальное — украшения, которые для данной формы не обязательны» (Опыты, стр. 194).

Финские народные песни (1. «Баю, баюшки, баю...», 2. «Коль пришел бы мой желанный...»). Впервые — Сборник финляндской литературы под ред. В. Брюсова, М. Горького. Пг., 1917, стр. 50—51. Переводы финских народных песен.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ

В этот раздел вошли стихи, опубликованные Брюсовым в повременных изданиях и затем не включенные в сборники, стихи, не публиковавшиеся при жизни Брюсова, и некоторые черновые редакции стихотворений, работу над которыми поэт не завершил. Все стихотворения, не опубликованные при жизни Брюсова, печатаются по автографам, за исключением «Второго венка сонетов» (список), «После неудачи» (машинопись), «Портрет женщины», «Проповеднику Мига». Ряд стихотворений датируется предположительно, по указаниям И. М. Брюсовой.

Октава. Впервые — Неизд. (1935), стр. 167. Стихотворение было послано в «Северный вестник» с письмом редактору от 20 июня 1892 г.

При посылке Верлэну перевода «Романсов без слов». Впервые — Неизд. (1935), стр. 233. В рукописи приписка: «Valeri Brussoff Moscou Boulevard des fleurs N 24

Вар. ...Шлю свой подарок сюзерену,
Где в звуках — трепетную Сену...

Конечно, я не назову себя Ваш. последователем, но стремлюсь (veux être) как и другие, moi-même original au soleil de la postérité, aimant Verlaine et ses vers». (самим собою под солнцем вечности, любя Верлена и его стихи). *«Романсы без слов».* Имеется в виду книга: Поль Верлэн. Романсы без слов. Перевод В. Брюсова. М., 1894.

«Кучи свезенного снега...». Впервые — Неизд. (1935), стр. 277.

«Белеет ночь. Деревья сквера...». Впервые — Неизд. (1935), стр. 274.

«Я люблю у застав переулки Москвы...». Впервые — Неизд. (1935), стр. 273.

«Я часто размышлял о сущности вещей...». Впервые — Неизд. (1935), стр. 28. Эпиграф — из стих. Н. Минского «Как сон, пройдут дела и помыслы людей...».

Импровизация. Впервые — Неизд. (1935), стр. 205, с ошибочным воспроизведением отдельных строк.

«Торжествовать! какие звуки!..». Впервые — Неизд. (1935), стр. 101, с ошибочным воспроизведением ст. 6.

«Братья бездомные, пьяные братья...». Впервые — Неизд. (1935), стр. 208.

«Нам руки свободные свяжут...». Впервые — «Факелы», кн. 1, 1906, стр. 27.

«Надо струны перестроить...». Впервые — Неизд. (1935), стр. 40. *Феникс* — см. стр. 756.

«Я много лгал и лицемерил...». Впервые — Неизд. (1935), стр. 38.

Бальдеру. II. Публикуется впервые. Эпиграф — из стих. З. Гиппиус «До дна». См. прим. к стих. «Бальдеру Локи», стр. 769.

К народу. Vox populi. Впервые — Избр. пр. II, стр. 23, где завершает раздел «Из сборника Stephanos». В рукописи на полях эпиграф: «Тебя приветствую, мое поражение, Тебя как победу люблю

равно. *З. Н. Гиппиус*» (стих. «До дна»). Как бы первоначальный набросок стихотворения представляет собой заметка из «Miscellanea»:

«Да, это — воля роковая,
Да, это — голос твой, народ!

Да, это — роковая воля, это твой голос, народ. Пусть спорят с тобой другие, поэт почитает тебя. Поэт живет тем, что создал ты твоим словом. Ты затаил в слове свою душу. Граня и чеканя слова, переливая в них свои мечты, поэт всегда связан с народом. Ему нет жизни вне народа. Он жив, пока жив народ и им созданный живой язык. Поэт! повинуйся народу, ибо без него ты только музейная редкость» (Избр. соч. II, стр. 559). *Vox populi...* — начало латинской пословицы «Vox populi — vox dei» — «Глас народа — глас божий». Возможно, об этом стихотворении Брюсов писал Г. И. Чулкову: «Все не удается мне закончить лучшей из предлагаемой мною для Н. Пути вещи: «Царь, народ и поэт» (может быть, будет называться и иначе — это приблизительно)» (1904) (Г. Чулков. Годы странствий. М., 1930, стр. 321).

«Ужель доселе не довольно?..». Впервые — Неизд. (1935), стр. 47. В черновой рукописи строфа 2 вычеркнута, ст. 12 отсутствует.

Близким. Впервые — «Факелы», кн. 1, 1906, стр. 26. См. вступ. статью, стр. 46—47.

Нить. Впервые — «Литературная газета», 1931, № 54, 7 октября. На рукописи помета: «Плохо». *Ацтеки* — индейский народ, обитавший в Мексике и обладавший высокой культурой, в XVI в. был порабощен испанцами. У ацтеков существовало сказание о «белых людях».

Балаганы. Впервые — Неизд. (1935), стр. 282.

«Пора разгадывать загадки...». Впервые — Неизд. (1935), стр. 48, под заглавием: «Сходные решения». Рукопись хранилась в папке «Начала à faire» («Начала для работы»).

«Я знал тебя, Москва, еще невзрачно-скромной...». Впервые — Неизд. (1935), стр. 284, под заглавием: «Москва в прошлом». Черновой набросок.

«Здесь раннего посева всходы...». Впервые — Неизд. (1935), стр. 51, под заглавием: «Все напевы». *«Все напевы»* — заглавие книги стихов Брюсова.

«Я видел много городов...». Впервые — Неизд. (1935), стр. 54.

«Нет тебе на свете равных...» Впервые — В. Брюсов. Стихотворения. «Библиотека поэта». Малая серия. Л., 1952, стр. 203, под заглавием: «Москва», без последней строфы. *Долгорукий* Юрий (1090—1157) — сын Владимира Мономаха, князь Суздальский и великий князь Киевский. С его именем связано основание Москвы (1156). *Иван Третий* (Васильевич) — великий князь Московский (1462—1505), при котором Московская Русь окончательно освободилась от татарского ига. *Здесь нашла свою препону...* и т. д. Имеется в виду изгнание польских интервентов из Москвы земским ополчением 1612 г.

При электричестве. Впервые — «Новый мир», 1926, № 12, стр. 116. В черновом наброске заглавие: «Рассуждение в стихах». См. прим. к циклу «Сын земли» (СЦР), стр. 798. О своем увлечении в детстве романами Жюля Верна Брюсов рассказал в своих воспоминаниях «Из моей жизни» (М., 1927, стр. 18) и Автобиогр. (стр. 103). *«Грит-Истерн»* — самое большое в 60-х годах XIX в. судно, на котором Жюль Верн совершил путешествие в Америку, описанное им в романе «Плавающий город». *Гаттерас* — герой романа Жюля Верна «Путешествия и приключения капитана Гаттераса». *Слон* — огромная машина, на которой герои романа Жюля Верна «Паровой дом» совершают путешествие по Индии. *«Наутилус»* — подводный корабль из романа Жюля Верна «20 000 лье под водой». *Робюр* — герой романа Жюля Верна «Робур Завоеватель». *«Титаник»* — большой трансатлантический пароход, потонувший в 1913 г. *Маркони* Гульельмо (1874—1937) — итальянский инженер, один из изобретателей беспроволочного телеграфа.

«Зыблются полосы света...». Впервые — Неизд. (1935), стр. 188.

«Безумец! думал плыть ты по...». Впервые — «Литературная газета», 1931, № 54, 7 октября. Рукопись хранилась в папке «Начала à faire» («Начала для работы»). *Но, как герой Эдгара По...* и т. д. Имеется в виду герой рассказа Э. По «Нисхождение в Мальстрем». «В нем, — писал Брюсов о рассказе, — ...резко выступают характернейшие черты Эдгара По. Из двух моряков, затянутых в водоворот Мальстрема, спасается тот, который не теряет ясности мысли и успевает заметить, что тела цилиндрические оказывают большее сопротивление силе поглощения, нежели тела иной формы, особенно сферические» (гл. «Эдгар По» в кн. История западной литературы, т. III Изд. т-ва «Мир», М., б. г., стр. 331).

«Разбегаются снова поля за окном...». Впервые — Неизд. (1935), стр. 243, под заглавием: «Максимилиану Волошину» *Макс* — Волошин Максимилиан Александрович (1877—1932), поэт, примыкавший к символистам, художественный и литературный критик, живописец-акварелист. Брюсов имеет в виду его стихотворение «В вагоне».

«Когда я, юношей, в твоих стихах мятежных...». Впервые — Неизд. (1935), стр. 244, под заглавием: «Эмилю Верхарну», с ошибочным прочтением последней строки. Рукопись хранилась в папке «Начала à faire» («Начала для работы»). *Верхарн* — см. стр. 845. *«Властительные ритмы»* — название сборника стихов Верхарна.

Всхождение. Впервые — Неизд. (1928), стр. 9. Эпиграф — из стих. Брюсова «Лестница». *Взвел башню к небесам, как древле в Вавилоне.* Имеется в виду эпизод из Библии (Бытие, XI, 1—9). *Изида* (егип. миф.) — богиня сокровенной мудрости, лик ее скрыт покрывалом — символ того, что ее тайны неведомы смертным.

«Когда смотрю в декабрьский сумрак ночи...» Впервые — Неизд. (1928), стр. 10. Стихотворение написано во время пребывания Брюсова на фронте в качестве корреспондента газеты «Русские водомости». *Атлантида* — мифический материк, якобы находившийся в Атлантическом океане и скрывшийся под водой во время одного из геологических переворотов. Брюсов интересовался Атлантидой, признавал ее реальность. Вопросу об Атлантиде посвящена большая часть его работы «Учители учителей. Древнейшие культуры человечества и их взаимоотношения» («Летопись», 1917, № 5—10).

Эллису. Впервые — Неизд. (1935), стр. 245. *Эллис* (псевдоним Льва Львовича Кобылинского) — московский литератор, сотрудник журнала «Весы»; символист и мистик. В 1913 г. уехал за границу, перешел в католичество и стал монахом иезуитского ордена. Возможно, что Брюсов в этом стихотворении имел в виду и Блока, о драме которого «Роза и Крест» (1912) он писал: «Попыткой «Любить Ее на небе» кажется нам последняя романтическая драма Блока... Драма проникнута мистическими настроениями романтического средневековья» («Русская литература XX века», т. II. Изд т-ва «Мир», М., б. г., стр. 328).

Завет Святослава. Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, № 15015, 9 августа. Брюсов писал А. А. Измайлову 1 августа 1915 г.: «В «Завете Святослава» не удалось (чего я хотел) передать манеру *старых* поэтов Пушкинской эпохи, получилась какая-то двойственность, старое смешано с новым и кажется просто несовершенным...» (ИРЛИ). *Святослав* Игоревич — великий князь Киевский (964—972); успешно воевал на Балканском полуострове сначала вместе с греками, потом — против них. На обратном пути он был убит печенегами, которые действовали как союзники греков. *Мертвые сраму не имут* — слова Святослава, согласно летописному рассказу, обращенные к его воинам.

В альбом. Публикуется впервые. В рукописи на полях пометка: «Эти четыре строфы написаны как «экспромт» в альбом одной даме. Получив после от нее эти стихи, мною совершенно за-

бытые, считаю возможным дать им место в этой книге, как искреннему и «неискусному» выражению чувств, в свое время волновавших всю Россию... В. Б.». Стихотворение входило в СЦР и было запрещено цензурой.

Египетские ночи. Впервые — «Стремнины», № 1, 1916, стр. 7. Впоследствии Брюсов вернулся к работе над поэмой; сохранились два наброска 1-й главы, относящиеся к 1919—1920 гг.:

Сошла, пылая зноем, тьма
На дали Африки нагие.
Вкусила сон Александрия,
Утихли стогны, спят дома,
Лишь дальний фарос одиноко
Горит на пристани широкой,
Как свет лампады, что зажжен
Лелеять девы чуткий сон.
Одни чертоги Птоломея
Шумят и блещут, пламенея,
Там созваны на новый пир
Друзья.
Светильников высокий строй
В день обращает мрак ночной,
Беззвучно веют опахала,
Прохладу сладко наводя,
И триста дев скользят, цедя
Вино хиосское в фиалы,
И триста юношей стоят,
Держа тяжелые амфоры;
А черных евнухов следят
За ними сумрачные взоры.
Блистают сочные плоды,
Дары Финикии прекрасной,
Музыка стонет сладострастно,
Порфирных львов лежат ряды,
Чудовищ с птичьей головою,
Из клювов золотых, чредою
Точа во глубь струю воды.
Дары Финикии прекрасной
Блистают сочные плоды;
А вдалеке, где гуще тени,
На мозаичные ступени
Теснится толпами народ,
Глядя на смены наслаждений
Из-за растворенных ворот.
Открыта к морю колоннада
И ветра дуновенья ждут,
Но ветра нет, не колыхнут
Огня треножные лампады,
И дым курильниц недвижим;

И море зеркалом литым
Лежит у розовых ступеней,
Сторожевые сфинксы в нем
Отражены, но — без движений,
Уснув с гранатовым хвостом
И золочеными когтями.
Лишь звуки флейт и зов кифар,
Полны неизъяснимых чар,
Чуть движут сонными зыбями.

Далее следуют ст. 31—36.

Ст. 47—52:

Покорны ей земные боги,
Полны чудес ее чертоги,
И величавые искусства
Ей тешат дремлющие чувства,
Горит ли африканский день,
Свежеет ли ночная тень.

Далее — ст. 54—57, затем

Все земли, волны всех морей
Смиренно дань приносят ей.

Далее — ст. 59—73, затем

Постиг ли кто в душе своей
Все таинства ее ночей.
И всё ж в ней сердце глухо страждет,
Она утех безвестных ждет,
Утомлена, пресыщена,
Больна бесчувствием она.

Ст. 74 нет.

Стихи Пушкина были своего рода поэтическим ориентиром для Брюсова, на протяжении всей жизни он работал над Пушкиным как ученый-исследователь, текстолог, библиограф и популяризатор. Брюсову принадлежит свыше 80 статей о Пушкине, часть из них объединена в книге «Мой Пушкин (статьи, исследования, наблюдения)» (ГИЗ, 1929), замысел которой восходит к 1911 г. К 1910 г. относится статья Брюсова о «Египетских ночах» Пушкина. Основной темой поэмы Брюсов считал тему страсти и смерти; поэму, по его мнению, пронизывает пафос античного культа плоти, земной любви. Он как бы намечает план возможного продолжения поэмы: «Что могло следовать дальше? Хотел ли Пушкин представить в образах купленные ночи? три отношения к страсти и к смерти трех разных душ и отношение к ним Клеопатры? Может быть, хотел он в дальнейших стихах придать несколько больше человечности образу Клеопатры, остающемуся в написанной части поэмы почти бездушным олицетворением красоты и соблазна» (Пушкин. «Библиотека великих пи-

сателей» под ред. С. А. Венгерова, т. IV, 1910, стр. 448). В предисловии к своим «Египетским ночам» Брюсов писал: «Я желал только помочь читателям по намекам, оставленным самим Пушкиным, полнее представить себе одно из его глубочайших созданий. При этом я вовсе не стремился писать непременно «под Пушкина», что крайне стеснило бы свободу творчества, и, чуждаясь всякой стилизации, довольствовался тем, что старался не выходить за пределы пушкинского словаря, его ритмики, его рифм... Все, что сделано Пушкиным для «Египетских ночей», тщательно мною сбережено, не исключая черновых набросков, и заняло соответственные места целого. Стихи, набросанные Пушкиным начерно, остались без изменений, хотя несомненно, что многие из них поэт переделал бы при окончательной обработке поэмы. В незавершенных Пушкиным строфах приходилось прибавлять иногда по одному или по два стиха, в незавершенных стихах — по одному, по два слова, необходимых для рифмы или для смысла, но таких добавлений очень немного... В заключение для правильного определения моей ответственности как поэта считаю необходимым подробно перечислить все мои заимствования. Пушкину принадлежат: стихи 39—45, 47—54, первая половина стиха 55, стихи 58—59, рифмы стихов 64—65, стих 66, первое слово стиха 67, стихи 69—72, 88—111, 112—115 (из чернового наброска), 116—164, 165—168, 215—222, также отдельные выражения стихов 346—347, 421, 425—426, 468, 497, 505. Все остальные стихи принадлежат мне всецело». Брюсов вначале хотел напечатать поэму без подписи, только с подписанным вступлением, которое позволило бы предположить, что поэма принадлежит Пушкину, но затем отказался от подобной мистификации (см. черновик письма В. Н. Язвицкому 1 августа 1916 г. — ГБЛ). А. М. Горький писал Брюсову 23 февраля (8 марта) 1917 г. по поводу поэмы: «Если Вам интересно мнение профана в поэзии, — эта вещь мне страшно понравилась! Читал и радостно улыбался. Вы — смелый и Вы — поэт божией милостию, что бы ни говорили и ни писали люди „умственные“» (М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах, т. 29. М., 1955, стр. 380). *Финикия* — в древности страна на Ближнем Востоке. *Сидон* — город в Финикии. *Киликия* — в древности — юго-восточная область Малой Азии. *Гимен* (греч. миф.) — бог брака. *Эпикур* (341—270 до н. э.) — греческий философ-материалист. *Цезарь* — см. стр. 777. *Дни жестокие Фарсала* — в битве при Фарсале в 48 г. до н. э. Цезарь разбил армию сената во главе с Помпеем, который бежал в Египет, где был убит. *Помпей* Гней (106—48 до н. э.) — римский полководец и политический деятель, один из триумвиров, затем консул Рима. *Феб* (греч. миф.) — бог солнца. *Андиомена* — см. стр. 773. *Арголида* — северо-восточная область древнего Пелопоннеса. *Киприда* — см. стр. 735. *Нумид* — уроженец Нумидии (в древности страна в Африке). *Антоний* — см. стр. 771.

«Летайте, птицы. .». Впервые — Неизд. (1928), стр. 38. После строфы 1 в рукописи следуют вычеркнутые строки:

Кто был прикован,
Тот стал свободен,

Отныне нов он
И птицам сроден.

Список в папке («1910—1918») озаглавлен: «Краткий дифирамб Человеку».

После неудачи. Впервые — Неизд. (1928), стр. 47.

За что? Впервые — Неизд. (1935), стр. 194. *Мицраим* или Муцраим (др.-евр.) — название Египта. В стихотворении имеется в виду исход евреев из Египта (Библия. Вторая книга Моисеева — Исход). *Моисей* — см. стр. 735. *С Синая* — см. стр. 748. *Теперь пылает куст терновый* — по Библии, бог воззвал к Моисею из пылающего тернового куста и послал его вывести еврейский народ из Египта (Исход, III).

«Народные вожди! вы — вал, взметенный бурей...». Впервые — Неизд. (1928), стр. 56, с ошибочным воспроизведением ст. 14. Имеется черновая рукопись с незавершенной строфой 4. Первоначальный зачеркнутый вариант этой строфы:

За ним громада волн стремится, и покорно
Она идет, куда ее вожди влекут,
То губит, как они, под твердью грозно-черной,
То, как они, творит грядущему пути.

Печ. по автографу с исправлением формы глаголов: губит, творит, оставшейся от первоначального варианта.

Признание. Впервые — «Раннее утро», 1918, № 1011, 7 июня. Имеется рукопись 18 июля 1911 г. с другой редакцией, где строфы 1—3:

Я — междумирок: равен первым,
Я — пэр меж знатностей земли.
И каждым чувством, каждым нервом
Я вторю тем, что не пришли.

Но создан я из темной глины,
И с низшими — родной и брат,
И если я достиг вершины,
Всё ж каждый миг стремлюсь назад!

Мне Теннисон и Бердсли — братья,
Им гордо я дарю любовь,
Но людям всем открыл объятья
Тот, в жилах чьих мужичья кровь!

строфа 6:

И там, где нивы спелой рожью
Поют Творцу хвалу свою,
Я в пахаре, с священной дрожью,
Безвестный, брата узнаю!

Мой предок вел соху в полях. Дед Брюсова был крепостным крестьянином. *Поля, где с краю и до краю Шел в «рабском виде» царь небес.* Перефразированные ст. 10—12 стих. Тютчева «Эти бедные селенья. . .»:

Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил благословляя.

«Слепой циклон, опустошив. . .». Впервые — Неизд. (1928), стр. 55. Рукопись хранилась в папке «Неудачное». Имеется рукопись первоначального варианта.

«Парки бабье лепетанье. . .». Впервые — Неизд. (1928), стр. 62. *Парки бабье лепетанье; Спящей ночи трепетанье; Жизни мышья беготня* — строки из стих. Пушкина «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», вариацией на мотивы которых и являются стихи Брюсова.

Второй венок сонетов. Впервые — «Искусство», 1925, № 2, в другой (черновой) редакции — под заглавием: «Светоч мысли». Имеется список последней редакции. Автограф не обнаружен. Печ. по Неизд. (1928), стр. 65, с исправлением заглавия по списку. «. . .В идеальном сонете, — писал Брюсов, — содержание должно быть расположено сообразно с внешним построением стихотворения: первая кватрина (первое четверостишие) — вводит основную мысль, вторая кватрина развивает ее; первая терцина (первые три стиха) — противополагает основной мысли новую; вторая терцина дает синтез обеих мыслей» (Опыты, стр. 192). Венок сонетов построен так, что последним стихом первого сонета начинается второй, и так последовательно связываются четырнадцать сонетов, а последний, 15-й сонет состоит из первых стихов всех четырнадцати сонетов и как бы заплетает венок. Тема исторического движения, смены и преемственности культур проходит через все творчество Брюсова. Стремление синтетически осмыслить различные исторические культуры определило замысел «Снов человечества». Интерес к этой теме, естественно, усилился у Брюсова в предреволюционные и революционные годы. К ней непосредственно обращается Брюсов в статье «Учители учителей. Древнейшие культуры человечества и их взаимоотношения» («Летопись», 1917, № 5—10). «Смена культур» — называется оставшаяся незаконченной статья, относящаяся к последнему году жизни поэта. В «Венке сонетов», представляющем собой

tour de force поэтической техники, своего рода поэтический эксперимент, сказалось идеалистическое и абстрактное понимание Брюсовым исторического прогресса и сущности культуры.

I. Атлантида. *Атлантида* — см. прим. стр. 823. *Зажглось издревле Слово в человеке.* Имеется в виду гл. 1 Евангелия от Иоанна, открывающаяся словами «В начале было Слово...». Слово интерпретируется Брюсовым как Разум, Мысль. *Лемуры, Атланты* — см. стр. 815.

II. Халдея. *Халдея* — см. прим. стр. 733. *Эгейцы* — создатели крито-микенской культуры III—II тысячелетия до н. э. на островах и побережье Эгейского моря, в Греции, на о. Крит. *Страна Наири* — древнее название Армении. *Аймара* — индейское племя в Южной Америке. *Тир* — город в Финикии. *Ягве* (др.-евр.) — имя бога. *Кукулкан* — верховный бог племени Аймара.

III. Египет. *Тот* (егип. миф.) — бог мудрости. *Числа три, двенадцать и четыре* — связанные с явлениями природы священные цифры в древнем Египте, выражением, символом которых являются пирамиды (см. В. Брюсов. Учители учителей. «Летопись», 1917, № 9—12, стр. 178 и 198).

IV. Эллада. *Обточенный сапфир* — подразумевается гемма. *Край Озириса.* Имеется в виду Египет.

V. Эллинизм и Рим. *Александр* Македонский — см. стр. 735. *Римлянин.* Имеется в виду Юлий Цезарь (см. стр. 777).

VI. Римская империя. *Врата Мелькарта* — Гибралтарский пролив.

VII. Переселение народов. *Карл Великий* (742—814) — король франков, впоследствии император, объединивший под своей властью целый ряд стран Западной Европы. *Валькирии* (сканд. миф.) — бессмертные летающие девы-воительницы.

VIII. Средние века. *Менестрель* — средневековый поэт-певец.

IX. Возрождение. *Кортец* Эриан (1485—1547) — испанский мореплаватель, завоеватель Мексики (1519—1521).

X. Реформация. *Лютер* Мартин (1483—1546) — немецкий религиозный реформатор, основоположник протестантского вероисповедания. *Густав-Адольф* (1594—1632) — шведский король, возглавивший шведскую протестантскую армию во время Тридцатилетней войны в Германии. *Тилли* (1559—1632) — немецкий фельдмаршал, командовавший католической армией в этой войне. *Кромвель* Оливер (1599—1658) — лорд-протектор Английской республики (с 1653). *Ночь Варфоломея* — ночь на 24 августа 1572 г., когда

в Париже произошло кровавое истребление католиками гугенотов по приказу короля Карла IX.

XI. Революция. Имеется в виду Французская революция 1789 г. *Державный Север* — коалиция монархических государей Европы против революционной Франции.

XII. Наполеон. *Ваграм и Дрезден, Аустерлиц и Йена* — места знаменитых победоносных сражений Наполеона.

Вступление к автобиографии. Впервые — Брюсов. Из моей жизни. М., 1927, стр. 3.

Труд. Впервые — «Вечерняя Москва», 1925, № 230, 8 октября.

«Я доживаю полстолетья...». Впервые — Неизд. (1935), стр. 335, под названием: «Я доживаю», с ошибочным прочтеньем ст. 26 и 28. Печ. по рукописи из папки «Рукописи 1919 г.» *Мерцал «реформ» прощальный свет.* Имеются в виду 1860-е годы — в буржуазной историографии «эпоха реформ». *В день марта первого...* — 1 марта 1881 г., день убийства Александра II членами партии «Народная воля»; после убийства наступила полоса глубокой реакции. *Цусима* — см. стр. 777.

«Что день, то сердце всё усталей...». Впервые — Неизд. (1928), стр. 79.

«Я вырастал в глухое время...». Впервые — Неизд. (1928), стр. 83. В черновом наброске ст. 17 и 18 не закончены, после строфы 5 следует незавершенная строфа:

И вот в грозе всемирной
Кочует... слаб и мал,
Как лист под ветром.

«Если ты сам догадаться не мог...». Впервые — Неизд. (1928), стр. 96.

«Пусть вечно милы посевы, скаты...». Впервые — Неизд. (1928), стр. 90, с перестановкой ст. 18 и 19.

Болезнь. Впервые — «Москва», 1920, № 5, стр. 17.

«Когда стоишь ты в звездном свете...». Впервые — «Красная газета», 1925, № 246, 9 октября.

Бунт. Впервые — Неизд. (1928), стр. 84.

«Последние дымы войны...». Впервые — Неизд. (1928), стр. 103.

«Созвучья слова не случайны!..». Впервые — Неизд. (1928), стр. 48.

«Будущее...». Впервые — Неизд. (1928), стр. 113.

Шарманка. Впервые — Неизд. (1928), стр. 131.

Dolce far niente. Впервые — Неизд. (1928), стр. 134. Эпиграф — из стих. Брюсова «День растоплен, море сине...».

Портрет женщины. Впервые — «Красная газета», 1926, № 238, 9 октября. Написано на заданную тему в Коктебеле в доме М. Волошина, где часто происходили разного рода поэтические состязания. По-видимому, последнее стихотворение Брюсова.

ПАРОДИИ И ЭПИГРАММЫ

На К. Д. Бальмонта. Впервые — «Вечерняя Москва», 1934, № 229, 4 октября. *Бальмонт* — см. стр. 742. Брюсов пародирует стих. Бальмонта «Как испанец» («Горящие здания», 1900).

На З. Гиппиус. Впервые — «Вечерняя Москва», 1934, № 229, 4 октября. *Гиппиус* — см. стр. 763. Брюсов пародирует ранние стихи Гиппиус, в частности «Посвящение».

На себя. Впервые — «Вечерняя Москва», 1934, № 229, 4 октября. Брюсов пародирует свои стихи из цикла «Любимцы веков» (TV).

<Эпиграммы>. Публикуются впервые. Ф. Сологуб. *Сологуб* — псевдоним Тетерникова Федора Кузьмича (1863—1927). Брюсов отдавал должное высокому поэтическому мастерству Сологуба, однако «своеобразное миросозерцание» поэта, в раскрытии которого Брюсов видел «единственную задачу его поэзии», художественный метод Сологуба в общем были ему чужды («Федор Сологуб как поэт», в кн. В. Брюсов. Далекие и близкие. М., 1912, стр. 587. См. также рецензию Брюсова «Две книги»: В, 1908, № 6). В эпиграмме имеются в виду, с одной стороны, известный роман Сологуба «Мелкий бес» (1907), в котором писатель с большой обобщающей силой изобразил пошлость, тупую озлобленность, трусость, лицемерие российского мещанства и обывательщины, а с другой — садические темы, к которым, как писал Брюсов, Сологуб «иногда обращается в своих стихах и повестях и которые вызвали, наконец, некоторое внимание (самое нежелательное) к его поэзии» (Брюсов, В, 1908, № 6, стр. 53). К. Бальмонт. *Бальмонт* — см. стр. 742. В 1905 г. он совершил путешествие в Мексику. А. Блок. *Блок* — см. стр. 763. Имеются в виду статьи Блока «Религиозные искания и народ» (1907), «Народ и интеллигенция» (1908). Как и другие символисты, Брюсов противопоставляет Блока-поэта Блоку-публицисту

и критику, выражая тем самым и неприемлемость для себя литературно-общественной позиции Блока. Нужно отметить, что в своей рецензии на «Ночные часы» (РМ, 1912, № 1) и в своей статье о Блоке (1916) Брюсов обходит молчанием такие стихи Блока 1908 г., как «На поле Куликовом» и т. п.

Проповеднику «Мига». Впервые — Неизд. (1935), стр. 451. Адресовано Бальмонту, проповедовавшему «философию мгновения». Эта «философия» оказала влияние и на молодого Брюсова (см. «О искусстве», 1899).

Ave, funis, spes unica. Публикуется впервые. Пародия на стихотворения Ю. Балтрушайтиса (см. стр. 763). Брюсов отказался писать статью о Балтрушайтисе в «Русской литературе XX в.»; он писал 27 мая 1914 г. С. А. Венгерову: «Не очень ценю стихи Юргиса Балтрушайтиса, в которых нахожу много выдумки и мало поэзии. Их напряженная отвлеченность меня скорее раздражает, чем восхищает. Вашему изданию статья осудительная, конечно, не нужна, да и мне не очень приятно бы выступать с такой статьей по отношению к тому Юргису, которого, как давнего товарища, я сердечно люблю и всячески уважаю» (ИРЛИ). *Ave, funis, spes unica* (лат.) — пародируется название стих. Балтрушайтиса «Ave, crux» (начальные слова католического гимна: «Ave crux spes unica» «Приветствую тебя, крест, единственная надежда»). *Всю жизнь ищу мистическую мяту* и т. д. Пародируется строфа 1 стих. Балтрушайтиса, открывающего его сб. «Земные ступени» (1911): «Вся мысль моя — тоска по тайне звездной... Вся жизнь моя — стояние над бездной...». *Вся жизнь моя — хожденье по канату... Ницшевский канат.* Имеются в виду слова Ницше из книги «Так говорил Заратустра»: «Человек — это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, — канат над пропастью. Опасно хождение, опасно остаться в пути, опасен взор, обращенный назад...» (См. Дневн., стр. 111).

М. А. Кузмин. Впервые — Неизд. (1935), стр. 457, под названием: «На М. А. Кузмина». *Кузмин* Михаил Алексеевич (1875—1936) — поэт, беллетрист, драматург, композитор, видный представитель литературного движения 1910-х годов. Его статья «О прекрасной ясности» («Аполлон», 1910, № 4) открыла дискуссию «кларистов» («кларизм» — термин Кузмина) с «мистиками», о которой писал Брюсов в письме Перцову 23 марта 1910 г.: «„Кларисты“ защищают ясность, ясность мысли, слога, образов... Я всей душою с „кларистами“» (ПР, 1926, № 7, стр. 46). Самому Кузмину Брюсов писал 12 сентября 1910 г.: «Хотя... нам не «случалось» сходиться ближе, но я так привык считать Вас близким, своим» (ГПБ). Брюсову нравились стихи Кузмина (см. его письма Кузмину от 1 октября 1905 г., 15 февраля 1908 г., ГПБ), хотя он и отмечал ограниченность его поэзии: «Стихи М. Кузмина — поэзия для поэтов. Только зная технику стиха, можно верно оценить всю ее прелесть» (Рецензия на сб. М. Кузмина «Сети». В. Брюсов. Далекие и близкие, стр. 170).

«На Сологубе Федоре...». Публикуется впервые. *Полукоморствовал, и прекратил.* Имеется в виду сотрудничество Сологуба в 1915 г. в шовинистском журнале «Лукоморье». Под давлением общественного мнения Сологуб в числе 11 литераторов вышел из журнала, поместив «оправдательное» письмо в газете «Биржевые ведомости», 1915, 1 ноября.

Ю. И. Айхенвальду. Впервые — Неизд. (1935), стр. 459. *Айхенвальд* Юрий Исаевич (1872—1928) — критик-импрессионист. Печатался в кадетских изданиях. После Октябрьской революции был выслан за границу, где вел злобную антисоветскую агитацию. Айхенвальд в статье «Валерий Брюсов» (М., 1910) подверг его резкой критике как поэта, у которого «над всеми способностями духа преобладают... прилежание и рассудок». Брюсов в своих заметках «Miscellanea» писал по поводу этой статьи: «Откровенное требование, чтобы поэт был непременно невеждою, столь примечательно, что имя критика стоит сохранить: это — Ю. И. Айхенвальд» (Избр. соч. II, стр. 550). *Поэзия должна быть глуповата.* Из письма Пушкина к П. А. Вяземскому (вторая половина мая 1826 г.): «А поэзия, прости господи, должна быть глуповата».

На Б. А. Садовского. Впервые — Неизд. (1935), стр. 464. На рукописи помета: «не надо». *Садовской* Борис Александрович (1881—1945) — поэт, близкий к символизму, беллетрист, критик, историк литературы, сотрудник журнала «Весы». В своем сб. «Озимь. Статьи о русской поэзии» (Пг., 1915) поместил статью с грубыми выпадами против Брюсова.

К. Д. Б. Впервые — Неизд. (1935), стр. 461. *К. Д. Б.* — К. Д. Бальмонт (о нем см. стр. 742). *«Будем как солнце!»* — название сборника стихотворений Бальмонта (1902).

Пародия стихов В. Шершеневича. Публикуется впервые. *Шершеневич* Вадим Габриэлович (1893—1942) — поэт, глава и теоретик группы имажинистов, провозгласивший примат в поэзии «образа как такового», «поедание образом смысла». Брюсов пародирует присущие поэзии имажинистов сопоставление далеких представлений, «сбитие чистого и нечистого», развернутый конкретно-метафорический план, цинизм и опустошенность. Непосредственным объектом пародии явилось стих. Шершеневича «Каждый раз».

В стиле Ф. Сологуба. Впервые — «Вечерняя Москва», 1934, № 229, 4 октября. На рукописи помета: «Пом. в сборн.». В своих статьях 20-х годов Брюсов относит Сологуба к числу представителей «прежних литературных школ, уже осужденных жизнью», которые пишут что-то «похожее на их прежние стихи, только слабее и бесцветнее». Брюсов пародирует подчеркнутый уход Сологуба от тем современности, когда-то «новые», но теперь устаревшие стиль и стих (см. известное стих. Сологуба 1902 г. «Елисавета»).

К стр. 565—567

ПЕРЕВОДЫ

Брюсов — крупнейший теоретик и практик перевода начала XX века. В течение всей своей жизни он выступал как переводчик, редактор, критик и теоретик перевода. Его переводческий диапазон очень обширен: он переводил с французского, немецкого, английского, итальянского, латинского, армянского, латышского, финского, шведского. Брюсову-переводчику присуще стремление «открыть», популяризовать, ввести в литературный оборот новые, еще неизвестные явления. Переводы Брюсова имели большое культурное значение. Так, он впервые познакомил русского читателя с Верленом, Верхарном, Яном Райнисом, рядом латинских, новейших французских, армянских и латышских поэтов. Как переводчик Брюсов руководствовался не только личным вкусом, а стремился, по возможности, представить переводимого поэта во всех его характерных произведениях, дать более или менее полное представление о его жизни и творчестве, — таковы собрания стихов Верлена, Верхарна, По в его переводах и др.

В основу брюсовского метода перевода легло тонкое понимание поэтической формы, ее «составных элементов», важнейшие из которых, по его мнению, — «стиль языка, образы, размер и рифма, движение стиха, игра слогов и звуков». Передать все особенности оригинала — невозможно, считал он. «Выбор того элемента, который считаешь наиболее важным в переводимом произведении», передача того главного, что создает своеобразие того или иного поэта, — и составляют сущность метода Брюсова-переводчика. Этот метод требовал длительного и тщательного изучения переводимого автора, его эпохи, переводов его на другие языки и т. п. Не случайно, что свои переводы Брюсов сопровождает вступительными статьями, библиографическими примечаниями, явившимися результатом такого изучения. Брюсовский метод открыл новые пути для перевода, пути максимального приближения к подлиннику — цель, которую ставил сам поэт, неоднократно возвращаясь к уже напечатанным переводам и перерабатывая их. Высокая требовательность к себе, уважение к читателю и переводимому автору характерны для переводческих принципов зрелого Брюсова, неоднократно формулированных им в статьях, рецензиях и предисловиях «От переводчика». Переводческая работа Брюсова явилась важным этапом в развитии перевода в России. Его переводческие принципы и многие его переводы не утратили своего значения и в наше время.

С латинского

Привязанность к римской литературе Брюсов пронес сквозь всю свою жизнь. Еще в 1892 г. в гимназии он начал переводить «Энеиду» Вергилия, а в 1897 г. намечал «в будущем» заняться историей римской литературы (Дневн., стр. 28). М. Волошин в заметке «Лики творчества» («Русь», 1907, № 348, 29 декабря) отметил, что, говоря с ним об эпохах прошлого, Брюсов сказал: «Для меня Рим ближе всего». В заметке из «Miscellanea» 1910-х годов Брюсов указывал:

«Последнее время исключительно занимаюсь древним Римом и римской литературой, специально изучал Вергилия и его время и всю эпоху IV века — от Константина Великого до Феодосия Великого. Во всех этих областях в настоящем смысле слова специалист; по каждой из них я прочел целую библиотеку» (Избр. соч. II, стр. 558). Переводы Брюсова из римских поэтов печатались в повременных изданиях. В 1911 г. отдельным оттиском была опубликована его статья «Великий ритор. Жизнь и сочинения Децима Магна Авсония. С приложением переводов Авсония». Брюсов подготавливал сборник переводов из римских поэтов с их биографиями — «Aurea Roma» («Золотой Рим»); однако издание его не было осуществлено. В 1917 г. в изд. «Альциона» вышел сборник «Erotopaegnia. Стихи Овидия, Петрония, Приапеевы, Сенеки, Марциала, Пентадия, Авсония, Клавдиона, Луксория» с предисловием и в переводах Брюсова.

ПЕНТАДИЙ

Пентадий (конец III — начало IV в.) — римский поэт. Брюсов уделял особое внимание римской поэзии III—IV вв., считая, что она поднялась, сравнительно с предшествующей, «на более высокую ступень искусства». Его привлекали «сложные формы искусства» поэтов этой эпохи, «особая изысканность мысли, чувств и выражений». Как пример «литературного движения III—IV вв.» он берет поэзию Пентадия, посвящая ей очерк «Пентадий. Страница из истории римской поэзии» (РМ, 1910, № 1, стр. 206—214). Характеризуя стихи Пентадия, «верного выразителя духа своего времени», Брюсов отмечает, что они «написаны с величайшей заботливостью о стиле и с большим богатством словесных и звуковых украшений. Язык Пентадия сжат, прост и выразителен; эпитеты трезвы и обдуманны. Пентадий чуждается лишних определений... Зато он изыскан в выборе слов и их сочетаниях» (стр. 211).

О приближении весны (De adventu veris). Впервые — РМ, 1910, № 1, стр. 215. На рукописи первоначальной редакции под названием: «Элегия Пентадия» помета Брюсова: «Перевод сравнительно далекий от подлинника, так как сила этого стихотворения не столько в образах, сколько в общем напеве». Стихотворение написано так называемыми «эхоическими стихами» — во втором полустишии пентаметра повторяется слово в слово первое полустишие гекзаметра, т. е. двустишие начинается и кончается одними и теми же словами. Брюсов писал о нем: «Все оно написано в тонах нежных и грустных, и исполнено редкой для человека античной древности любовью к красоте природы... К этой нежной картине поразительно идет мелодическое повторение полустиший. Современный критик сказал бы, что эти повторения передают читателю «настроение» стихотворения: настроение сладостной, успокоенной печали» (РМ, 1910, № 1, стр. 210—211). *Преступной матери пени...* и т. д. *Филомела* — иносказ, соловей. По греческому мифу, в соловья была обращена сестра Филомелы Прокна, которая, желая отомстить сво-

ему мужу за насилие над Филомелой, накормила его мясом собственного сына.

Нарцисс (Cui pater amnis erat, fontes puer ille colebat). Впервые — РМ, 1910, № 1, стр. 215. «Эхоические стихи», повторяя уже сказанные слова, дают как бы впечатление... отражения в воде и... нисколько не кажутся неуместными» (там же, стр. 211). *«Нарцисс* почитался сыном потока Кефиса и нимфы Лириопы. Влюблена в него была Эхо, которую Пентадий называет *дриадой»* (прим. Брюсова).

Могила Ацида (Acidis tumulus). Впервые — РМ, 1910, № 1, стр. 216. *«Ацид* — река в Сицилии у подножья Этны, названная, по мифу, в память сына Фавна, любовника нимфы Галатеи, убитого циклопом» (прим. Брюсова).

АВСОНИЙ

Децим Магн Авсоний (310—395) — римский поэт. Брюсов перевел 14 стихотворений Авсония и посвятил ему статью «Великий ритор. Жизнь и сочинения Децима Магна Авсония» (РМ, 1911, № 3, стр. 1—48). В этой статье Брюсов писал: «Своей риторикой, своими всечасными мифологическими сравнениями Авсоний всецело принадлежит античной древности. Своими чувствами, кругом своих «настроений» он уже новый человек, первый поэт французской нации». «В его стихах есть истинное дыхание поэзии» (стр. 45, 48).

О имени некоего Люция, вырезанном на мраморе (De nomiene ejusdem Lucii, sculpto in marmore). Впервые — РМ, 1911, № 3, стр. 1.

Рождение роз (Rosae). Впервые — РМ, 1911, № 3, стр. 4. Стихотворение «замечательно по живому чувству природы, дышащему в нем, по тонкости наблюдений и раздумий поэта, доходящей до того, что он мечтает об *аромате зари»* (там же, стр. 41). *Аврора* (римск. миф.), она же *Эос* (греч. миф.) — богиня утренней зари. *Пестум* — в древности город в Лукании (Южная Италия), прославленный розами, покрывавшими его окрестности.

С итальянского

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА

Франческо Петрарка (1304—1374) — итальянский поэт-гуманист. Его лирическая поэзия — сонеты и канцоны, собранные в сборнике «Il canzoniere», имели громадное влияние на современников и позднейшие поколения.

Сонет («Benedetto sia 'l giorno e 'l mese e 'l anno...» LXI). Впервые — В. Брюсов. Стихотворения. Минск, 1955, стр. 395.

С французского

Брюсов познакомился с французской литературой в юности, внимательно следил за ней, изучал и популяризировал ее всю свою жизнь. В заметке «Чем я интересовался» он писал, что «действительно знающим» в мировой литературе может назвать себя «только в областях литературы римской и французской», особенно XIX века и современной (см. Н. Ашукин. Валерий Брюсов... М., 1929, стр. 272). Он считал себя «специалистом» в современной французской поэзии и отчасти французском романтизме (там же, стр. 273). В 1909 г. Брюсов издал антологию французской лирики XIX в., куда вошли переводы из французских поэтов, накопившиеся у него за 15 лет. Брюсов предпослал переводам очерк французской лирики XIX в. и снабдил их библиографическими примечаниями. В 1913 г. он переиздал эту книгу как XXI том своего собрания сочинений, пополнив ее состав и пересмотрев заново все переводы, «чтобы сделать их по возможности более близкими к подлинникам». В предисловии Брюсов писал, что книга является как бы выражением его «признательности французской поэзии», которой он был «так многим обязан как автор и как читатель» (стр. XI). Под редакцией и с предисловием Брюсова была также издана антология «Французские лирики XVIII века» (изд. К. Ф. Некрасова, М., 1914).

ЭКУШАР ЛЕБРЕН

Понс-Дени-Экушар Лебрен (1729—1807) — французский поэт, за свои оды, эпиграммы и дифирамбы в период революции получил прозвище «революционного Пиндара». «Одним из благороднейших поэтов XVIII в.» назвал его Брюсов («Французские лирики XVIII века». М., 1914, стр. XI).

Ода (Ode — «Anacréon sut plaire aux belles...»). Впервые — «Французские лирики XVIII века», стр. 23. *Анакреон* (VI—V в. до н. э.) — греческий лирик. *Пиндар* (ок. 518—442 до н. э.) — греческий поэт, уроженец *Беотии,* пользовавшийся большой славой как автор торжественных праздничных песнопений. *Софокл* (497—406 до н. э.) — драматург-трагик древней Греции. *Мельпомена* (греч. миф.) — муза трагедии. *Пинд* (греч. миф.) — горный хребет в Греции, которым владел Аполлон. *Гораций* (65—8 до н. э.) — римский поэт. *Тибулл* (ок. 50—19 до н. э.) — римский поэт-элегик. *Тиртей* (VII в. до н. э.) — греческий элегический поэт, воодушевлявший своими песнями спартанцев. *Катулл* (84 — ок. 54 до н. э.) — римский поэт-лирик, часть произведений которого составляют эпиграммы, памфлеты и т. п. *Тифон* (греч. миф.) — титан, олицетворение подземных сил земли и вулканического огня.

АНТУАН АРНО

Антуан-Винсент Арно (1766—1834) — французский драматург и поэт, поборник классицизма, член, а затем постоянный секретарь французской Академии. Бонапартист.

Листок (La feuille). Впервые — ПСС XXI, стр. 5. Стихотворение написано в 1815 г., современники усматривали в нем намек на судьбу эмигрантов-бонапартистов в эпоху реставрации Бурбонов. «Арно... однажды как бы обмолвился действительно прекрасным, безупречным стихотворением», — писал об этом стихотворении Брюсов (ПСС XXI, стр. 238). «Листок» переводили В. Жуковский, А. Пушкин и Д. Давыдов.

ШАРЛЬ МИЛЬВУА

Шарль-Юбер Мильвуа (1782—1816) — французский поэт-элегик. «Во многом Мильвуа принадлежал еще веку минувшему, но было у него и новое чувство поэзии, как лирического выражения души поэта», — писал о нем Брюсов (ПСС XXI, стр. 219).

Река забвения (Le fleuve d'oubli). Впервые — ПСС XXI, стр. 12. Стихотворение переводил Е. Баратынский. *Лета* (греч. миф.) — река забвения, протекающая в царстве мертвых. *Элисейский мрак* — от Элисий (греч. миф.) — загробный мир, где блаженствуют достойные.

ПЬЕР-ЖАН БЕРАНЖЕ

Пьер-Жан Беранже (1780—1857) — французский поэт-песенник. «Во всей французской литературе нет другого поэта, который в такой же мере заслуживал бы название «народного», как Беранже, — писал Брюсов в одной из заметок. — В этом отношении ему уступает даже Лафонтен. В течение 40 лет Беранже был воплощением французского самосознания» (ГБЛ).

Король Ивето (Le roi d'Ivetot). Впервые — Избр. соч. II, стр. 35. В рукописи общее заглавие: «Из Беранже. Строфы из разных песен».

АЛЬФОНС ДЕ ЛАМАРТИН

Альфонс де Ламартин (1791—1869) — французский поэт, реакционный романтик. С начала 40-х годов занимался преимущественно политикой и публицистикой. Глава временного правительства во время Февральской революции 1848 г. «Ламартин, можно сказать, промотал свой талант. Никогда, во всю жизнь, не отдавался он поэзии всецело...» — писал о нем Брюсов (ПСС XXI, стр. 242). «Стихи Ламартина — почти всегда импровизации, в которых общие места чередуются с истинными откровениями поэзии», — характеризовал он творчество Ламартина, указывая также на «удивительную гармонию между переживаниями души и картинами природы» в его «женственной поэзии» (Фр. лир., стр. 13).

Запад (L'Occident). Впервые — Фр. лир., стр. 17.

АЛЬФРЕД ДЕ ВИНЬИ

Альфред де Виньи (1797—1865) — французский писатель-романтик; поэт, романист, драматург, переводчик. «Среди романтиков, такое значение придававших непосредственному выражению чувства, Виньи был едва ли не единственным поэтом отвлеченной мысли», — замечал Брюсов. Его миросозерцание «можно назвать „стоическим пессимизмом“» (ППС XXI, стр. 243). Брюсову принадлежит глава об Альфреде де Виньи в «Истории западной литературы» (изд. т-ва «Мир», 1913).

Молчание. («Le silence», отрывок из поэмы «Le mont des oliviers»). Впервые — Фр. лир., стр. 22.

ВИКТОР ГЮГО

Неоспоримыми достоинствами поэзии Гюго (1802—1885) Брюсов считал «великое мастерство формы, неисчерпаемое богатство фантазии, яркость и отчетливость образов, чисто латинскую трезвость и ясность мысли». «Гюго, — писал далее Брюсов, — вырастает в истинно великого поэта, приближаясь к эпосу, к оде и к сатире. Он — мощный оратор в стихах». В то же время Брюсов обращал внимание и на недостатки поэзии Гюго, ее риторичность, некоторую напыщенность и т. п. (ПСС XXI, стр. 245).

Писано в 1853 г. («France! à l'heure où tu te prosterne...»). Впервые — «Утро Свободы», 1907, № 3, 4 мая. Печ. по ПСС XXI, стр. 31. После переворота Луи Бонапарта (2 декабря 1851 г.) Гюго покинул родину и в изгнании начал непримиримую борьбу против режима произвола и порабощения, воцарившегося во Франции.

Писано в изгнании (Ecrit en exil). Впервые — Фр. лир., стр. 31. *Иксион* — см. стр. 802. *Атрей* (греч. миф.) — микенский царь, род которого был наказан богами за совершенное им преступление.

Наступление ночи (Nuit tombante). Впервые — ПСС XXI, стр. 35.

Вечер («Saison des semailles. Le soir...»). Впервые — ПСС XXI, стр. 34.

Океан (Отрывок стих. «L'océan»). Впервые — ПСС XXI, стр. 43. *Тафилет* — густо населенный оазис в Марокко. *Тетуан* — приморский город в Марокко.

Ко дню возвращения во Францию в 1870 г. после восемнадцатилетнего изгнания (Au moment de retour en France. 31 août 1870). Впервые — В. Гюго. Избранные произведения. М., 1936, стр. 79. Стихотворение написано 31 августа 1870 г. за неделю до возвращения Гюго на родину, в период втор-

жения прусских войск во Францию. При *Аустерлице* Наполеон одержал в 1805 г. победу над соединенной русско-австрийской армией. При *Ватерлоо* в 1815 г. союзные войска разгромили армию Наполеона. *Тир* — древний финикийский город, гибель которого предвещали библейские пророки Исайя и Иезекииль. *Лютеция* — древнее название Парижа. *Содом* и *Гоморра* — мифические древние города в Палестине, население которых было известно своей порочностью.

Призыв к спящим (A ceux qui dorment). Впервые — В. Гюго. Избранные произведения. М., 1936, стр. 75, под заглавием: «К спящим». См. прим. к стих. «Писано в 1853 г.», стр. 839.

ОГЮСТ БАРБЬЕ

Огюст Барбье (1805 — 1882) — французский поэт. Его сборник гражданской лирики «Ямбы» (1832) пользовался огромной популярностью в кругах революционно настроенной интеллигенции как во Франции, так и за ее пределами, в частности в России.

Отрывок (Отрывок из стих. «Le lion»). Впервые — ПСС XXI, стр. 48. *Три дня* — имеется в виду трехдневная героическая борьба парижских народных масс в июле 1830 г.

ЖЕРАР ДЕ НЕРВАЛЬ

Жерар де Нерваль (1808 — 1855) — французский поэт-романтик. «Воспитанный преимущественно на немецкой литературе, Ж. де Нерваль во французском романтизме был представителем типа немецкого романтика... Причудливый мечтатель, почти визионер, Ж. де Нерваль в своих, в общем немногочисленных стихотворениях не искал ярких зрительных образов, а старался передать темное томление души по неземному идеалу. Тонкая французская ирония, выступающая кое-где, придает этой поэзии исключительное своеобразие» (ПСС XXI, стр. 248).

Эпитафия самому себе (Epitaphe). Впервые — Фр. лир., стр. 40.

АЛЬФРЕД ДЕ МЮССЕ

Альфред де Мюссе (1810 — 1857) — французский поэт-романтик. «Простота почти разговорного языка... и свойственная Мюссе тонкая ирония придают особую прелесть его лучшим стихотворениям, увлекающим искренностью и глубиной чувства», — писал Брюсов (ПСС XXI, стр. 250). Брюсову принадлежит глава об Альфреде де Мюссе в «Истории западной литературы» (изд. «Мир», 1913).

«Слабому сердцу посмел я сказать...» («J'ai dit à mon coeur, à mon faible coeur...»). Впервые — Фр. лир., стр. 43.

Умершей (Sur une morte). Впервые — ППС XXI, стр. 51. *Прекрасна ль Ночь...* и т. д. — имеется в виду знаменитая статуя Микеланджело (1475 — 1564) в усыпальнице семейства Медичи. *Сердечна ль та, что золотой...* и т. д. Имеется в виду фортуна (римск. миф.) — богиня счастья, удачи, изображавшаяся как женщина с рогом изобилия, сыплющая монеты, на колесе или шаре, с повязкой на глазах.

ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ

Теофиль Готье (1811 — 1872) — французский писатель, представитель теории «искусства для искусства». «Поэт-ювелир и поэт-живописец» — называет его Брюсов. «Стихи Т. Готье, — писал он, — ряд внимательно обдуманных и великолепно сделанных строф, из которых ярко и выпукло встает перед читателями ряд образов и картин, большею частью немых и недвижных» (ПСС XXI, стр. 251).

Искусство (L'art). Впервые — ПСС XXI, стр. 61. *Парос* — остров в Эгейском море, образовавшийся из скалы, известный мраморными каменоломнями; здесь в переносном смысле. *Голгофа* — гора, на которой, по Евангелию, был распят Христос.

Первая улыбка весны (Premier sourir du príntemps). Впервые — Фр. лир., стр. 49.

Кармен (Carmen). Впервые — Фр. лир., стр. 47.

ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ

Леконт де Лиль (1818 — 1894) — французский поэт, создатель и вождь парнасской школы, провозгласившей основными художественными принципами «бесстрастие» и «объективность». Демонстративный уход от тем современности в мифологию, античную и восточную древность, мир «варварской» девственной природы, умение точно и четко видеть и рельефно, ярко изображать характерны для Л. де Лиля. Современные Брюсову критики неоднократно указывали на его близость к парнасцам, что вызвало справедливый протест поэта: «Никогда я не был парнасцем, никогда я им не буду, и бессчетное число раз я боролся в моих статьях с парнасской эстетикой», — заявлял он (Une lettre de M. Valère Brussov. — «Mercure de France», 1907, 1 sept., p. 188).

Слоны (Les éléphants). Впервые — Фр. лир., стр. 55. Печ. по ПСС XXI, стр. 65. «Очень замечательны его <Леконта де Лиля> стихотворения из жизни животных, изображая которых он умел освободиться от всех „человеческих представлений"», — писал Брюсов (ПСС XXI, стр. 252—253).

Дремота кондора (Le sommeil du condor). Впервые — ПСС XXI, стр. 67.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

Шарль Бодлер (1822 — 1867) — французский поэт, один из предшественников декадентства и символизма, оказавший значительное влияние на русских символистов старшего поколения. «Его образ властвовал как дух-покровитель», — писал о нем Брюсов, для которого Бодлер был прежде всего «первый поэт современности», воплотивший «всю сложность, всю противоречивость души современного человека» и создавший «поэзию современного города, поэзию современной жизни, ее мелочей, ее ужаса, ее тайны» (ПСС XXI, стр. 253—254). Брюсов перевел много стихотворений Бодлера в 1896—1900 гг.; именно в эти годы в его творчестве ощутимо влияние Бодлера. В последнем сборнике своих стихов «Mea» Брюсов поместил стих. «Бодлер» (1923), в котором подчеркнул то, что, по его мнению, было главным в поэзии Бодлера — революционный протестующий пафос, ощущение современности в ее движении к будущему.

Непокорный (Le rebelle). Впервые — «Утро свободы», 1907, № 17, 20 мая. На рукописи помета: «переделано 1907».

Авель и Каин (Abel et Cain). Впервые — «Утро свободы», 1907, № 20, 24 мая. На рукописи помета: «переделано 1907».

Красота (La beauté). Впервые — Фр. лир., стр. 61. На рукописи помета: «Стихотворение это — одно из наиболее трудных для перевода на русский язык, т. к. порядок слов в нем <нрзб>».

Вечерние сумерки (Les crépuscules du soir). Впервые — Фр. лир., стр. 63.

ПОЛЬ ВЕРЛЕН

Поль Верлен (1844—1896) — французский поэт-лирик, оказавший большое влияние на русский символизм. Брюсов одним из первых начал переводить Верлена. Его переводы были напечатаны в PC 1, 2. В 1894 г. вышел отдельной книгой его перевод «Романсов без слов» Верлена. «В этих опытах было больше усердия и восторга перед поэзией Верлена, чем действительно воссоздания его стихов на русском языке», — отозвался об этих переводах впоследствии Брюсов (Верлен, стр. 7). Результатом семнадцатилетней работы, долгого и внимательного изучения явилось собрание стихов Верлена в переводе Брюсова с его критико-биографическим очерком, примечаниями и библиографией (М., 1911). Брюсов стремился представить русским читателям Верлена, по возможности, во всех его характерных произведениях. «Я считал бы свое дело исполненным, если бы мне удалось дать русским читателям хотя бы подобие тех стихов Верлена, — писал Брюсов, — которые всегда производили на меня сильнейшее впечатление силой своей исключительной искренности и поразительным очарованием своей музы-

кальной формы» (Верлен, стр. 9). О влиянии Верлена на Брюсова см. стр. 739.

«Небо над городом плачет...» («Il pleure dans mon coeur...»). Впервые — РС I, стр. 10, в другой редакции. Печ. по Верлен, стр. 41.

«Тянется безмерно...» («Dans l'interminable...»). Впервые — П. Верлен. Романсы без слов. М., 1894, стр. 14. В новой редакции: «Слово», 1906, прилож. № 6, 13 марта. Печ. по Верлен, стр. 43.

Валькур (Walcourt). Впервые — П. Верлен. Романсы без слов. М., 1894, стр. 19. В новой редакции без названия — РМ, 1911, № 2, стр. 159. Печ. по Верлен, стр. 46. См. прим. к стих. «Гул полных кабаков...». *Валькур* — город в Бельгии. *Агасфер* — по христианской легенде, отказался помочь Христу, шедшему на распятие, и был за это осужден на вечные скитания.

«Огромный черный сон...» («Un grand someil noir...»). Впервые — Верлен, стр. 82, с вариантом строфы 3. Печ. по ПСС XXI, стр. 96.

«Небосвод над этой крышей...» («Le ciel est, par-dessous le toit...»). Впервые — «Южное обозрение», 1899, № 818. В новой редакции: «Понедельники газеты «Слово», 1906, № 14, 22 мая. (Рукопись датирована: август 1905.) Печ. по Верлен, стр. 83.

Парижское кроки (Croquis parisien). Впервые — TV, стр. 93, в другой редакции. Печ. по Верлен, стр. 7. *Платон* (427—347 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист. *Саламин* — остров у побережья Греции; в 480 г. до н. э. у берегов Саламина греческий флот одержал решительную победу над персидским флотом. *Марафон* — селение в Греции, где в 490 г. до н. э. афиняне и платейцы одержали победу над персами.

Осенняя песня (Chanson d'automne). Впервые — Верлен, стр. 12. «Так как стихотворение построено на ассонансах, причем особое впечатление придают носовые звуки, которых нет в русском языке, то перевод может быть только приблизительный... мною был сделан целый ряд (около десяти) попыток передать это стихотворение на русском языке» (прим. Брюсова). Другая редакция перевода: Верлен, стр. 157.

«Деревьев тень в воде, под сумраком седым...» («L'ombre des arbres...»). Впервые — П. Верлен. Романсы без слов. М., 1894, стр. 16. Печ. по Верлен, стр. 45.

«Надежда чуть блестит, как под окном солома...» («L'espoir luit comme un brin de paille...»). Впервые—

«Беседа», 1905, № 3, стр. 25. «Я принимаю то толкование этого стихотворения, которое было дано Теодором де Визева. Согласно с ним, слова стихотворения произносятся женщиной в каком-то загородном кабачке. Солома, шинель, камень, луг — все это для меня реальные предметы обстановки, а не иносказания, не символы только душевных переживаний...» (прим. Брюсова).

Привычная мечта (Mon rêve familier). Впервые — Фр. лир., стр. 79, в другой редакции. С изменениями — Верлен, стр. 6. Печ. по ПСС XXI, стр. 87.

В тиши (En sourdine). Впервые — Верлен, стр. 23. Другая редакция перевода там же, стр. 159.

Женщина и кошка (Femme et chatte). Впервые — Верлен, стр. 14.

«Гул полных кабаков; грязь улицы; каштана...» (Le bruit de cabaret). Впервые — РМ, 1911, № 2, стр. 158. 13 января 1911 г. Брюсов писал П. Б. Струве: «Я дал бы на февраль несколько своих переводов из Поля Верлена, переводов, которыми я горжусь, как некоторого рода tour de force» (ИРЛИ).

Искусство поэзии (Art poétique). Впервые — Верлен, стр. 97. Там же, стр. 174, приводится вариант строфы 5 в более точном переводе. «Первая строфа могла быть переведена только приблизительно... Упоминание о «нечете» имеет смысл только для французских стихов и было бы совершенно неуместно по-русски по отношению к нашему стихосложению; поэтому в переводе пришлось всей строфе придать характер более общий» (прим. Брюсова). *Морис* Шарль (1861—1919) — французский писатель и переводчик, популяризировавший поэзию Верлена в своих статьях и публичных лекциях, автор книги — «Paul Verlaine, l'homme et l'œuvre», 1888.

Пролог (Prologue). Впервые — Верлен, стр. 101.

«Дни осени настали...» («La saison qui s'avance...»). Впервые — Верлен, стр. 139. «Первые стихи сходны с переводом той же пьесы Ф. Сологуба. Так как мой перевод был исполнен раньше, чем я познакомился с переводом Сологуба, я не нашел нужным изменять эти стихи» (прим. Брюсова).

ЖЮЛЬ ЛАФОРГ

Жюль Лафорг (1860—1887) — французский поэт-декадент. Для крайне субъективной пессимистической поэзии Лафорга характерны горькая ирония, нарочито сниженная лексика, ломка канонического стиха. Брюсов перевел ряд стихотворений для сборника Лафорга «Феерический собор» (изд. «Альциона», 1914).

Жалоба провинциальной луне (Complainte de la lune en province). Впервые — Фр. лир., стр. 97. *Веве́й* — город в Швейцарии.

ЖОРЖ РОДЕНБАХ

Жорж Роденбах (1855—1898) — бельгийский поэт и романист. Религиозно окрашенная, импрессионистская поэзия Роденбаха пользовалась большой популярностью в России в эпоху реакции, последовавшей за революцией 1905 г. «Сумеречное настроение господствует... в стихах Роденбаха. Один сборник его стихов называется «Царство молчания», другой — «Уединенная жизнь». В поэзии Роденбаха нет страсти и нет ярких картин: в них осторожные и нежные описания, спокойные раздумья. Роденбах особенно любил изображать неодушевленные предметы; у него есть целый ряд стихов, посвященных комнатным лампам, другой ряд стихов — о книгах и т. п.» (прим. Брюсова). 4 января 1899 г. Брюсов писал Коневскому: «Умер Роденбах. Знали ли Вы его? Есть вещи милые и ласкательные» (ГБЛ).

Вечер («La chambre triste et lasse est enfin résignée...»). Впервые — «Русский листок», 1903, № 4719 (19), 19 января, в другой редакции. Печ. по Фр. лир., стр. 111.

ЭМИЛЬ ВЕРХАРН

Эмиль Верхарн (1855—1916) — бельгийский поэт. В своих воспоминаниях Н. К. Крупская рассказывает, что В. И. Ленин «в бессонные ночи зачитывался Верхарном». Поэзия Верхарна — поэзия большой общественной и исторической темы. Он, по словам Брюсова, «раздвинул пределы поэзии так широко, что вместил в нее весь мир. Его творчество в лучшем смысле современно. Он... хочет решить... вековые и злободневные вопросы... силами и средствами искусства» (рецензия: Emile Verhaeren. Les villes tentaculaires. В, 1904, № 3, стр. 54—55). Брюсов познакомился с произведениями Верхарна в 1890-х гг. 19 ноября 1899 г. он записал: «...последние месяцы упиваюсь Верхарном» (Дневн., стр. 78). На протяжении всей своей жизни Брюсов с неослабным вниманием следил за творчеством великого бельгийского поэта, изучал и переводил его стихи, популяризировал и пропагандировал его в письмах, журнальных статьях и заметках, лекциях. В 1908 г. Брюсов совершил поездку в Бельгию, где познакомился с Верхарном лично. Знакомство было закреплено многолетней оживленной перепиской. Поэты обменялись более чем сотней писем. Верхарн посвятил Брюсову свою трагедию «Елена Спартанская». Брюсов стремился опубликовать свои переводы из Верхарна в период революции 1905 г. «Верхарн воистину революционный поэт, и надо, чтобы его узнали теперь», — писал он Г. И. Чулкову в октябре 1905 г. (Г. Чулков. Годы странствий. М., 1930, стр. 336). Первую книгу переводов из Верхарна под многозначительным заглавием «Стихи о современности», с большой всту-

пительной статьей и библиографией, Брюсов выпустил в 1906 г. В переработанном и значительно дополненном виде она была переиздана в 1915 и 1917 гг. В письме М. Горькому сразу же после Февральской революции Брюсов выражал радостную уверенность, что теперь «Верхарна можно будет дать полным... дать его во весь рост!» («М. Горький. Материалы и исследования», т. 1. Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 189). В 1923 г. в изд-ве «Всемирная литература» вышел сб. «Поэмы» Верхарна в переводе Брюсова; здесь были помещены переводы шестидесяти стихотворений. В том же году Брюсов выступил с большой статьей «Верхарн на Прокрустовом ложе» (ПР, 1923, кн. 3), в которой писал о принципах перевода поэзии Верхарна и подверг резкой критике переводы Г. Шенгели. О влиянии Верхарна на творчество Брюсова см. стр. 779, 780.

Голова (La tête). Впервые — «Журнал для всех», 1905, № 11, стр. 665.

Лондон (Londres). Впервые — «Журнал для всех», 1906, № 1, стр. 3. Печ. по ПСС XXI, стр. 127. *Вестминстерские часы* — часы, установленные на башне Вестминстерского аббатства, в котором находится английский парламент. *Парки* (римск. миф.) — богини человеческой судьбы.

Трибун (Le tribun). Впервые — ВЖ, 1905, № 10—11, стр. 71. Печ. по Верхарн (1906), стр. 43.

Восстание (La révolte). Впервые — «Журнал для всех», 1906, № 5, стр. 272, в другой редакции. В этой же редакции, с восстановлением цензурного изъятия: Верхарн (1906), стр. 44. В рукописи после даты помета: «В дни московской революции». Печ. по Верхарн (1923), стр. 73.

Мятеж (La révolte). Впервые — ВЖ, 1905, № 10—11, стр. 323, с вариантом ст. 2—3 и эпиграфом: «Les sourds tambours de tous les jours. *E. Verhaeren*» («Глухие барабаны каждого дня. *Э. Верхарн*»). Печ. по Верхарн (1923), стр. 31.

Ветер (Le vent). Впервые — Верхарн (1906). Печ. по Верхарн (1923), стр. 59.

Кузнец (Le forgeron). Впервые — «Журнал для всех», 1905, № 12, стр. 729, в другой редакции. В этой же редакции, с незначительными разночтениями — Верхарн (1906), стр. 33. Печ. по Верхарн (1923), стр. 63. В примечаниях Брюсов писал, что в некоторых переводах «должен был ограничиться исправлением отдельных стихов, если находил, что общий смысл и дух подлинника передан верно, хотя бы теперь и не был вполне удовлетворен переводом с точки зрения точной передачи всех оттенков мысли и всех особенностей формы (напр., в поэмах «Кузнец»...)» (Верхарн (1923), стр. 120).

Декабрь (Décembre). Впервые — «Слово», 1906, № 9, 2 апреля (прилож.).

В вечерний час (Un soir). Впервые — Верхарн (1906), стр. 93.

Не знаю где («C'est quelque part en pays du Nord — le sais-je. . .»). Впервые — Верхарн (1906), стр. 81. Печ. по Верхарн (1923), стр. 47. Набросок перевода строф 1—2 датирован 11 марта 1896 г.

Дождь (Le pluit). Впервые — Верхарн (1915), стр. 80.

Той, кто живет близ меня («Les baisers morts de défuntes années. . .»). В качестве названия Брюсов использовал посвящение Верхарна к книге «Послеполуденные часы», в которую входит это стихотворение. Впервые — Верхарн (1915), стр. 121.

Февраль (Février). Впервые — «Рабочий мир», 1918, № 2, стр. 3 под названием: «Прохожие». Печ. по Верхарн (1923), стр. 79.

ЖАН МОРЕАС

Жан Мореас — псевдоним Жана Пападиамандопуло (1856—1910) — французского поэта и теоретика символизма; в начале 90-х годов основал «романскую школу», стремившуюся возродить в поэзии «латинский дух», классические римские традиции — ясность и простоту. Брюсов написал некролог Мореасу (РМ, 1910, № 5).

Ноктюрн (Nocturne — «Toc-toc, toc-toc, il cloue à coups pressés. . .»). Впервые — Фр. лир., стр. 131.

МОРИС МЕТЕРЛИНК

Морис Метерлинк (1862—1949) — бельгийский писатель и философ-символист, оказавший большое влияние на русских символистов. Брюсов перевел рассказ Метерлинка «Избиение младенцев» (1904), драму «Пеллеас и Мелизанда» (1907) и стихи, а также рецензировал русские переводы его произведений. «15 песен» Метерлинка «дают ему право на выдающееся место среди лириков», — заявлял Брюсов, — они оставляют «глубокое впечатление крайней простотой, отчетливостью образов и спокойной ясностью глубокой мысли» (ПСС XXI, стр. 270). В статье «Фиалки в тигеле» (В, 1905, № 7) Брюсов, анализируя переводы песен Метерлинка, сделанные Чулковым, утверждал, что метод перевода, при котором, по его мнению, можно приблизиться к верному воспроизведению поэзии Метерлинка по-русски, это передача не образов, а «склада стиха, его движения», «ритма

образов и слов». (См. также «Предисловие переводчика» в кн.: М. Метерлинк. Пеллеас и Мелизанда. Стихи. М., 1907.)

Намерения (Intentions). Впервые — М. Метерлинк. Сочинения в трех томах, т. 1. Изд. М. В. Пирожкова, СПб., б. г., стр. 317, в другой редакции. Печ. по ПСС XXI, стр. 167. В письме к Л. Н. Вилькиной (1902) Брюсов замечал: «...мой перевод, как и всякий перевод стихов Метерлинка, вместе с тем и комментарий...» (ИРЛИ).

Уныние (Ennui). Впервые — Фр. лир., стр. 149. В рукописи заглавие: «Павлины».

«А если он возвратится...» («Et s'il revenait un jour?..»). Впервые — КР, стр. 42. Печ. по В, 1905, № 7, стр. 19.

«Пришли и сказали...» («On est venu dire...»). Впервые — В, 1905, № 7, стр. 21.

«Я тридцать лет искала, сестры...» (J'ai cherché trente ans, mes soeurs...»). Впервые — В, 1905, № 7, стр. 23, в другой редакции. Печ. по Фр. лир., стр. 154.

«Были у ней золотые короны...» («Elle avait trois couronnes d'or...»). Впервые — В, 1905, № 7, стр. 24.

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ

Анри де Ренье (1864—1936) — французский поэт и романист. Брюсов писал, что он «сумел соединить в своих произведениях лучшие традиции французской поэзии с тем новым, что принесло с собою литературное движение конца века... Ясность мысли при смелой фантазии, отчетливость образов и спокойная гармоничность языка — вот достоинства лучших созданий А. де Ренье» (ПСС XXI, стр. 273).

Упрек (Le reproche). Впервые — Фр. лир., стр. 167.

ЭРНЕСТ РЕЙНО

Эрнест Рейно (1864—1936) — французский поэт, примыкавший к «романской школе» (см. выше, прим. к Жану Мореасу).

Забытые певцы... (Poètes oubliés). Впервые — Фр. лир., стр. 181.

ЛЮСИ ДЕЛАРЮ-МАРДРЮС

Люси Деларю-Мардрюс (1880—1945) — французская поэтесса и романистка. Перевод ее романа «Ожесточенная» вышел в 1912 г. с предисловием Брюсова.

Родной аромат (L'odeur de mon pays). Впервые — Фр. лир., стр. 183.

С английского

ДЖОРДЖ-ГОРДОН БАЙРОН

Брюсов перевел ряд стихотворений Байрона для издания сочинений поэта в серии «Библиотека великих писателей» под редакцией С. А. Венгерова (1904). «Байрона перевожу не без любви к нему, — писал Брюсов Венгерову, — ибо Байрон, конечно, и для меня, как для большинства, был «первой любовью» в мировой поэзии» (сб. «Мастерство перевода». М., 1959, стр. 384).

Хочу я быть ребенком вольным (I would I were a careless child). Впервые — Байрон, т. I, изд. Брокгауза-Ефрона, 1904, стр. 487. 29 ноября 1904 г. Брюсов писал Венгерову: «Прочел Hours of Idleness («Часы досуга»). Не без удивления нашел там довольно много «настоящих» стихотворений, истинной поэзии. Очень часто при чтении возникало желание посоперничать с английским подлинником, передать то же русским стихом». В перечень стихотворений, которые, по словам Брюсова, ему «было бы заманчиво перевести», входило и «Хочу я быть ребенком вольным...» (см. «Мастерство перевода», стр. 380).

ОСКАР УАЙЛЬД

Оскар Уайльд (1856—1900) — английский писатель, оказавший влияние на декадентскую литературу, в частности в России. Брюсов перевел драму Уайльда «Герцогиня Падуанская» (1911) и «Балладу Рэдингской тюрьмы» (1912).

Баллада Рэдингской тюрьмы (The Ballad of Reading Goal). Впервые — О. Уайльд. Полное собрание сочинений, т. II. Изд. т-ва А. Ф. Маркс, СПб., б. г., стр. 223, с отдельными разночтениями и цензурным изменением строфы 4 гл. III. Печ. по Оскар Уайльд. Баллада Рэдингской тюрьмы. Литературно-издательский отдел Народного Комиссариата Просвещения. М., 1919. *Кайафа* — иудейский первосвященник, предложивший предать Христа смерти (Евангелие от Иоанна, IX, 21). *Вино раскаянья на губке...* Согласно Евангелию, стража, чтобы усугубить страдания распятого

Христа, подносила к его рту губку, смоченную уксусом. *С тех пор как посох Парсифаля Цветами вдруг пророс.* Перевод Брюсова ошибочен, у Уайльда «Since the barren staff the piligrim bore Bloomed in the great Pope's sight» («С тех пор, как сухой посох пилигрима расцвел на глазах папы римского»). Имеется в виду средневековая легенда о миннезингере Тангейзере, которому папа римский отказал в отпущении грехов, сказав, что скорее сухой посох зацветет, чем бог простит такого грешника. Отчаявшийся Тангейзер ушел, а тем временем посох пустил побеги. *Так, как у ног Христа разбитый Альвастровый сосуд.* По Евангелию, некая женщина разбила альвастровый сосуд с миром и возлила миро на Христа (Евангелие от Марка, XIV, 13).

ЭДГАР ПО

Эдгар По (1809—1849) — американский прозаик, поэт и критик. Творчество По оказало большое влияние на русских символистов. Брюсов с ранней юности «с большим вниманием» изучал и переводил По. В главе об Эдгаре По в «Истории западной литературы», т. III (Изд. т-ва «Мир», М., б. г.) он в творческом облике По на первый план выдвигает «неодолимое, неукротимое стремление к познанию» человеческого духа во всех его подчас загадочных проявлениях, научный рационализм, сочетающийся с верой в бессознательную интуицию. Его восхищает «неодолимая логичность» произведений По. В 1924 г. Брюсов опубликовал полное собрание поэм и стихотворений По в своем переводе, с предисловием и критико-библиографическим комментарием. «Лирика По, — пишет он, — одно из замечательнейших явлений в мировой поэзии». В «исключительно своеобразных стихах» По он видит «откровения о глубинах нашей психики», «классические образцы словесного искусства», «эпоху в технике стихосложения».

Юлалюм (Ulalume). Впервые — По, стр. 67. «В состоянии духовной подавленности герой поэмы, сам не сознавая того, в годовщину смерти своей возлюбленной приходит туманной ночью к роковой могиле. Смутное сознание *(«Психея»)* предостерегает его от этого пути, но та доля рассудка, которая продолжает действовать и при полном угнетении психики, борется с этими предчувствиями (разговор с Психеей). Скорбная действительность мгновенно озаряет память безумца лишь в ту минуту, когда он подступает к самой двери саркофага», — так раскрывает содержание поэмы Брюсов, замечая при этом, что «для такого «естественного» толкования этой поэмы необходимо признание тех «сумеречных» состояний нашего духа и их свойств, которые лишь недавно стали объектом научного изучения. Эдгар По в своей поэме как бы предвосхитил позднейшие открытия психологии» (История западной литературы, т. III, стр. 334). *Ашера* — см. стр. 747. *Диана* — см. ниже. *Лета* — см. стр. 838.

Аннабель Ли (Annabel Lee). Впервые — По, стр. 77.

Ворон (The Raven). Впервые — ВЖ, 1905, № 1, стр. 187. В новой редакции: «Биржевые ведомости», 1915, № 14877, 1 (14) июня. Печ. по По, стр. 57. Посылая перевод А. А. Измайлову, Брюсов писал (27 апреля (10 мая) 1915, Варшава): «Переводом этим я очень горд: трудности были неимоверные, и я сам себе аплодировал, преодолевая их. Уверен, что по крайней мере в течение столетия, пока русский язык не видоизменится, никто не сумеет передать «Ворона» ближе к подлиннику, чем это сделал я» (ИРЛИ). «„Ворон", — считал Брюсов, — наиболее типичное создание Эдгара По, где «страшное» найдено в „естественном"». «Сюжет поэмы глубоко и строго логически обдуман поэтом: все эффекты поэмы — не столько результат творческой интуиции, сколько сознательной работы мысли, комбинирующей и выбирающей», — писал он (История западной литературы, т. III, стр. 334). *Паллада* (греч. миф.) — прозвище богини мудрости Афины. *Плутон* (греч. миф.) — бог подземного царства и смерти. *Галаада* (библ.) — область в Палестине. По имел в виду слова из «Книги пророка Иеремии» (гл. 8): «Разве нет бальзама в Галааде?» *Стиксова вода* — Стикс (греч. миф.), река, протекающая в подземном царстве Аид.

Сонет к науке (Sonnet — To Science). Впервые — По, стр. 27. *Диана* (римск. миф.) — богиня-охотница, изображавшаяся иногда на колеснице, запряженной ланями. *Гамадриада* (греч. миф.) — древесная нимфа. *Тамарис* — тамариск — небольшие деревья или кустарник, растет в средиземноморских странах.

Елене (To Helen). Впервые — По, стр. 74.

Песня Несэси («Nesace», отрывок из поэмы «Al Araaf»). Впервые — По, стр. 100.

С немецкого

ИОГАНН-ВОЛЬФГАНГ ГЕТЕ

Гете привлекал Брюсова в разные периоды его творческого пути. Замысел перевода «Фауста» возник у Брюсова еще в 1898 г. К этому времени относятся переводы отрывков из первой части трагедии. Вновь Брюсов обратился к Гете в период творческой зрелости. Книги Гете из библиотеки Брюсова хранят большое количество пометок, свидетельствующих о внимательном чтении и изучении творчества великого немецкого поэта. Перевод «Фауста» Брюсов осуществил сразу же после Октябрьской революции, в 1919—1920 гг. Первая часть «Фауста» в переводе Брюсова была издана в 1928 г.; позднее был опубликован пятый акт второй части (ЛН, № 4—6. М., 1932). Брюсов перевел также ряд стихотворений Гете («Весь Восток до края — божий!», «Ночная песнь странника», «Свидание и разлука», «Что же еще нам, мандаринам...»). Для пере-

водов Брюсова из Гете характерны филологическая тщательность и большая близость к оригиналу в передаче сложных музыкально-ритмических форм.

Фауст (Faust). Вторая часть. Сцена VI. Впервые — ЛН, № 4—6. М., 1932, стр. 702. Среди рукописей перевода «Фауста» сохранился листок, на котором Брюсов писал: «Сознаюсь, мне в ранней юности ближе был Лермонтов, чем Пушкин. Лишь постепенно дошел я до понимания, что между ними такое же расстояние, как между луной и солнцем. Конечно, луна далека от нас; нам до нее не дотянуться; но насколько же дальше — солнце! Так лишь постепенно постиг я, что вторая часть «Фауста» Гете выше первой, что «Рай» Данте прекраснее его «Ада» и т. д.» (Избр. соч. II, стр. 588). *Лемуры* (римск. миф.) — души умерших, еще не успокоившиеся окончательно. *Эоны* — в переносном смысле — огромные промежутки времени.

С армянского

Переводы были сделаны Брюсовым для сб. «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» (М., 1916), редактирование которого он взял на себя по предложению Московского Армянского комитета. Им же были написаны вступительная статья к сборнику и примечания. В 1914—1915 гг. турецкие власти предприняли массовое истребление населения Западной Армении, и появление в эти годы сборника армянской поэзии было событием большого общественного значения. Предварительно Брюсов предпринял большую подготовительную работу: познакомился до некоторой степени с армянским языком, изучил историю армянской литературы и историю армянского народа; теоретическое изучение армянской культуры он завершил поездкой по Русской Армении, Кавказу и Закавказью, где лично познакомился с представителями армянской интеллигенции, выдающимися поэтами, учеными, журналистами, общественными деятелями, наблюдал современную жизнь армянского народа и посетил развалины некоторых древних центров армянской жизни. «...В изучении Армении, — писал Брюсов в предисловии к сборнику, — я нашел неиссякаемый источник высших духовных радостей... как историк, как человек науки, я увидел в истории Армении — целый, самобытный мир... а как поэт, как художник, я увидел в поэзии Армении — такой же самобытный мир красоты, новую, раньше неизвестную мне, вселенную, в которой блистали и светились высокие создания подлинного художественного творчества» (стр. 5—6). Одновременно с работой над сборником Брюсов читал в различных городах публичные лекции по армянской поэзии. Из подготовительных работ к сборнику возник и другой труд Брюсова — «Летопись исторических судеб армянского народа от VI в. до р. X. по наше время». Совнарком Армянской ССР высоко оценил заслуги Брюсова перед армянским народом, присвоив ему в связи с 50-летием со дня его рождения звание народного поэта Армении. Брюсов был первым поэтом, получившим это звание.

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

«Обладая обычными достоинствами народного творчества — безыскусственностью, непосредственностью, меткостью эпитетов, — армянская песня поражает, кроме того, особой изысканностью словесного выражения... особое изящество форм и оригинальность подхода к каждому замыслу позволяет назвать армянскую народную поэзию песнями народа-художника» (П. Арм., стр. 38).

Ноктюрн. Впервые — П. Арм., стр. 114, раздел «Песни о природе, думки и др.». «...Можно обратить внимание читателей, — писал Брюсов, — на такие вещи, как «Ноктюрн» (название, конечно, позднейшее, данное собирателями), очарование которого в той сдержанности, с какой народный певец передает пламенную роскошь южной ночи...» (П. Арм., стр. 39).

Военная эрзерумская песня. Впервые — П. Арм., стр. 118, в разделе «Военные песни». *Айастан* (Гайастан) — название Армении «Дом Гайков».

«О злая! с черной красотой! о дорогая! ангел мой!..». Впервые — П. Арм., стр. 123, в разделе «Песни средневековья, народные и неизвестных авторов». Брюсов писал об этой песне, что «утонченность самого построения, особого рефрена с повторением только что сказанных слов, сделала бы честь любому мастеру стиха наших дней» (П. Арм., стр. 39).

ФРИК

Фрик — псевдоним неизвестного поэта XIII—XIV вв. «Поэзия Фрика, — писал Брюсов, — еще дидактична, но уже смело подступает к самой жгучей современности... Во многих отношениях поэмы Фрика можно назвать сатирами в лучшем смысле слова: поэт с горечью изображает те отрицательные стороны жизни, какие подметил... Но Фрик и в другом отношении порывает с традициями своих предшественников... Поэт как бы начинает грозную тяжбу с создателем, обвиняя в неправедном суде и его, и самую сущность вещей, судьбу (стихотв. «Колесо судьбы»). Дух свободной критики впервые загорается в этих стихах армянского вольнодумца XIV в.» (П. Арм., стр. 49).

Колесо судьбы. Впервые — П. Арм., стр. 183. *Когда Татарин сел на трон.* Начиная с 30—40-х годов XIII в., Армения свыше 165 лет находилась под монголо-татарским игом.

ИОАНН ЕРЗЫНКАЙСКИЙ

Иоанн Ерзынкайский (Ованнес Илуз, 1250 — ок. 1326) много писал в различных жанрах: гимны, дидактические стихи, ученые трактаты. «В стихах Иоанна Ерзынкайского и Фрика, — замечает Брюсов, — армянская лирика освобождается от уз церковности и библейских образов» (П. Арм., стр. 50).

К стр. 686—688

Гномические размышления: I. «Наш мир подобен колесу: то вверх, то вниз влечет судьба. . .»; II. «Язык для речи служит нам: речь праведных — что злата звон. . .». Впервые — П. Арм., стр. 187.

НААПЕТ КУЧАК

Поэзия Наапета Кучака относится, по-видимому, к XVI в. «Среди всех средневековых лириков Кучак выделяется непосредственностью и безыскусственностью своих вдохновений». «Он независим в выражении своих чувств, он ближе к уличной толпе, нежели к дворцовым ступеням» (П. Арм., стр. 55, 57).

Крунк. Впервые — РМ, 1915, № 15, стр. 4 в другой редакции. Печ. по П. Арм., стр. 231. «Это одна из популярнейших песен, которую знает и поет каждый армянин. Мелодия песни — тягучая, однообразная, но напев имеет много вариантов: каждый певец поет «Журавля» по-своему» (прим. Брюсова). *Алеппо* — город в Сирии, недалеко от Багдада.

САЯТ-НОВА

«Певцом, вознесшим поэзию ашугов на недосягаемую до него высоту, был Саят-Нова <1712—1795>, — писал Брюсов. — Мощью своего гения он превратил ремесло народного певца в высокое призвание поэта... Тонкой и нежной кистью живописал Саят-Нова, и тем больше очарования в его всегда пленительных стихах» (П. Арм., стр. 59, 62).

«Я в жизни вздоха не издам, доколе джан ты для меня! ..». Впервые — РМ, 1915, № 9, стр. 5, в другой редакции. Печ. по П. Арм., стр. 249. «Он почти везде говорит о любви, но как разноцветны оттенки ее в различных стихотворениях... — писал о Саят-Нове Брюсов. — Саят-Нова утвердил, освятил для песен ашугов особую форму стихов, приближающуюся к персидской «Газелли»... Непременное повторение одного и того же слова (или нескольких одинаковых слов) в конце целого ряда стихов, требуемое этой формой, само уже принуждает поэта *искать разнообразия в однообразии.* Но в то же время эта форма... дает особую звучность, углубленную певучесть его стихам... Песни Саят-Новы исполнены ассонансов, аллитераций, повторных и внутренних рифм: он один из высших мастеров «звукописи», каких знала мировая поэзия. Вместе с тем он и — дивный эвритмист, умеющий находить новизну напева в общеупотребительных напевах» (П. Арм., стр. 62—63). «*Джан* — слово, означающее и душу и тело, вообще нечто самое дорогое, милое, любимое. *Пинджан* — особый сосуд, фиал. *Пранги*-атлас — фряжский, заморский атлас. *Конь Раш* — конь Рустема из персидской эпопеи. *Сусамбар* — пахучая трава» (прим. Брюсова).

«Нынче милую мою видел я в саду...». Впервые — П. Арм., стр. 251. См. прим. выше. *«Яр* — милая. *Садовник* — т. е. влюбленный, возлюбленный; традиционное уподобление. *Матах тебе* — привет; собственно: „я готов принести себя в жертву тебе“» (прим. Брюсова).

ДЖИВАНИ

Дживани (Серовбе Левонян, 1846—1909) — крупнейший представитель позднейшей ашугской поэзии, пользовавшийся большой популярностью в народе. «Память Дживани, — писал Брюсов, — поныне жива среди современных ашугов Русской Армении, и его песни поются на празднествах. Дживани был поэт очень чуткий, и на редкое событие, производившее впечатление на армян, не отзывался песней» (П. Арм., стр. 502).

«Как дни зимы, дни неудач недолго тут: придут — уйдут...». Впервые — П. Арм., стр. 265.

РАФАЭЛ ПАТКАНЯН

Рафаэл Патканян (1830—1892) — выдающийся поэт, писал также публицистические статьи и очерки. Основную силу его поэзии Брюсов видел «в чувстве высокого патриотизма, в той огненной и бескорыстной любви к родному народу, которая выражается не в одних дифирамбах, но и в горьких сатирах». «Песни Патканяна назначены для народа», — писал он. Они «производят впечатление непосредственное, чем и объясняется их огромный успех в массе читателей» (П. Арм., стр. 72—73).

«Ребенка святой колыбелью клянусь...». Впервые — П. Арм., стр. 280. *Айастан* — см. стр. 853. *Саак и Мэсроп* (V в. н. э.) — создатели армянского алфавита, причислены к лику святых. *Хэвонд* — герой битвы на Аварайрском поле. *Ашот милосердный* и *Гагик неутешный* — цари Багратийской династии (IX—XI вв.).

Из поэмы «Смерть храброго Вардана Мамиконьяна». Впервые — П. Арм., стр. 271. Печ. с исправлением опечатки в ст. 10. *«Вардан Мамиконьян* — армянский национальный герой, погибший в битве с персами на Аварайрском поле (451 г. по р. Х.). *Гайк* и *Торгом* — мифические прародители армян» (прим. Брюсова).

ПЕТРОС ДУРЬЯН

Петрос Дурьян (1851—1872) — лирик и драматург, страстный патриот. «Романтиком и по убеждениям и по природе» назвал его Брюсов. «Юноша Дурьян, — писал он, — останется в истории армянской поэзии как яркий огненный штрих... он показал, что значит

в творчестве «темперамент», сила непосредственных переживаний...» (П. Арм., стр. 69).

Моя смерть. Впервые — П. Арм., стр. 439.

«Близ океана голубого...». Впервые — П. Арм., стр. 440. «*Чамлы-Чая, Бахлар-Баши* — горы. *Мота* — известный в свое время ресторан» (прим. Брюсова).

Ропоты. Впервые — П. Арм., стр. 443.

ИОАННЕС ИОАННИСИАН

Иоаннес Иоаннисиан (Ованес Ованисян) (1864—1929) — выдающийся поэт и переводчик. Иоаннисиан, по словам Брюсова, «во многих отношениях был создателем новейшей фазы новой армянской поэзии... Песня, ода, элегия, обработка исторической легенды, философское раздумье — все эти и другие основные формы лирики были любовно и тщательно культивированы Иоаннисианом. Выдающейся особенностью поэзии Иоаннисиана является ее близость к народной песне... некоторые стихотворения Иоаннисиана вернулись в народ, поются как подлинные народные песни, утратив имя своего автора» (П. Арм., стр. 77).

Царь Артавазд. Впервые — П. Арм., стр. 308. «Легенда говорит, что *царь Артавазд,* в оковах, заключен в пропасти Арарата; верные псы грызут цепи царя, но раз в году, в страстную пятницу, кузнецы ударяют молотами, и оковы вновь крепнут; выйдет же на волю царь лишь в последний день мира, чтобы внести гибель и разрушение. *Масис* — Арарат» (прим. Брюсова).

«Всё вперед! всё наверх! бесконечен мой путь...». Впервые — П. Арм., стр. 308.

АЛЕКСАНДР ЦАТУРЯН

Александр Цатурян (1865—1917) «связал свою поэзию с вопросами общественными, которым посвятил значительную часть своих стихов, особенно позднейшего периода. Но рядом с ними он дал и образцы непосредственного лиризма, развивающего «извечные» темы любви и красоты природы. Воспитывая свой вкус преимущественно на лучших созданиях русской поэзии, Цатуриан много внимания уделял отделке языка... Выдающееся положение занимает Цатуриан в армянской литературе как переводчик стихами» (П. Арм., стр. 81).

Песня. Впервые — П. Арм., стр. 314. «Роднит Цатуриана с плеядой его современников... — указывает Брюсов, — прикосновенность к поэзии народной... таково, напр., очаровательное стихотворение «Веселый май, зеленый май» (П. Арм., стр. 81).

ОВАНЕС ТУМАНЯН

Ованес Туманян (1869—1923) — армянский поэт, человек, как писал Брюсов, «влюбленный в армянскую старину и близкий духом ко всему укладу народной жизни... Наибольшей силы поэзия Туманяна достигает в лирических поэмах, где сказывается всестороннее знание народной жизни и живое проникновение в глубь народного духа... Знакомство с поэмами Туманяна (напр., с его «Ануш») дает больше в познании современной Армении и ее жизни, чем могут дать толстые томы специальных исследований... В целом поэзия Туманяна есть сама Армения, древняя и новая, воскрешенная и запечатленная в стихах большим мастером» (II. Арм., стр. 78—79). Большое значение имела критическая, публицистическая и общественная деятельность Туманяна. Поэт восторженно приветствовал Октябрьскую революцию и активно поддерживал советскую власть в Армении.

Лампада Просветителя. Впервые — П. Арм., стр. 326. «Легенда рассказывает, что на высоте горы Арагаца (Алагяза) горит таинственная лампада, возжженная Григорием, Просветителем армян. Свет этой лампады зрим только для чистых сердцем» (прим. Брюсова).

Армянское горе. Впервые — П. Арм., стр. 325.

АВЕТИК ИСААКЯН

Аветик Исаакян (1875—1956) — армянский поэт. Брюсов отмечает в его творчестве «две половины... Первую составляют его песни, в которых поэт так близко подошел к складу народной лирики, что иные стихотворения кажутся созданиями безыменных певцов... Другую половину в творчестве Исаакяна образуют его рефлективные стихотворения и его большая поэма «Абу-Ала-Маари», в которых... сказывается влияние символического периода литературы» (П. Арм., стр. 79—80). Еще до революции Исаакян поселился за границей. Вернулся в Советскую Армению в 1936 г.

«Сорванную розу ветке не вернуть...». Впервые — П. Арм., стр. 377.

«Безвестна, безымянна, позабыта...». Впервые — П. Арм., стр. 378.

ДЕРЕНИК ДЕМИРЧЯН

Дереник Демирчян (1877—1956) — армянский поэт, прозаик и драматург. Был членом Армянского и Закавказского ЦИК нескольких созывов. Заслуженный деятель искусств и действительный член Академии наук Армянской ССР.

Отрывки из поэмы «Лэнк-Тимур». Впервые — П. Арм., стр. 401. *«Сурун* — возглас древних монголов при нападении. *Лэнк-Тимур* — Тамерлан» (прим. Брюсова).

ВААН ТЕРЬЯН

Ваан Терьян (1885—1920) — армянский лирик, тонкий мастер стиха. В его ранней поэзии сказалось влияние символизма. Терьян принял Октябрьскую революцию и вступил в ряды Коммунистической партии. Был членом ВЦИК.

«Ужель поэт последний я...». Впервые — П. Арм., стр. 412. *Наири* — одна из областей древнейшей Армении, название которой применялось ко всей Армении.

«Скользящей стопой, словно нежным крылом шелестя темноты...». Впервые — П. Арм., стр. 409.

«Опять спустилась ночь, опять! и снова...». Впервые — П. Арм., стр. 409.

С латышского

ЯН РАЙНИС

Ян Райнис (псевдоним Яна Плиекшана, 1865—1929) — латышский поэт, драматург, общественный деятель. Брюсов переводил стихи Райниса для редактировавшегося им «Сборника латышской литературы» (изд. «Парус», П., 1916) — одного из изданных по инициативе М. Горького сборников национальных литератур, которые должны были способствовать укреплению дружбы и культурной связи между народами, населяющими Россию. Издание этих сборников положило начало тесному сотрудничеству М. Горького и Брюсова. Ценя и уважая латышскую поэзию, Брюсов относился к порученной ему как редактору сборника работе исключительно добросовестно и внимательно. «Мне было бы слишком горько, — писал он в изд-во «Парус», — если бы сборник, который мне поручено редактировать, представил бы ее <латышскую поэзию> более бледной, менее значительной, чем она есть на самом деле» (ЛН, № 27—28, М., 1937, стр. 646).

Зерна меж жерновов (Graudi akmenstarpā). Впервые — Сборник латышской литературы, стр. 353. Имеется рукопись перевода в другой редакции:

Все идеалы, — бред ночей бессонных, —
Любовь и доблесть, смысл высоких слов
Стираются меж мигов обыденных,
Как зерна меж тяжелых жерновов.

Звучащее пламя (Skanoša liesma). Впервые — Сборник латышской литературы, стр. 347. Стихотворение входило в сб. «Далекие отзвуки синего вечера» (1903), проникнутый ощущением близости революции, надеждами на новое, светлое будущее.

Новая сила (Launias spèks). Впервые — Сборник латышской литературы, стр. 361.

В горах (Ķalnā kāpējs). Впервые — Сборник латышской литературы, стр. 353.

Волчья берлога (Vilka ala). Впервые — Сборник латышской литературы, стр. 355.

Из финских поэтов

Брюсов бывал в Финляндии и хорошо знал финскую природу, финский народ и его жизнь. Финляндии посвящены два цикла его стихов: «На Сайме» (St) и «В стране тишины» (СЦР). Брюсов также переводил стихи финских поэтов для редактировавшегося им совместно с М. Горьким «Сборника финляндской литературы» (изд. «Парус», Пг., 1917).

ИОГАН-ЛЮДВИГ РУНЕБЕРГ

Иоган-Людвиг Рунеберг (1804—1877) — крупнейший поэт Финляндии, стоявший во главе национально-патриотического движения финнов в 30—40-х годах XIX в. Как и другие представители финской литературы этого периода, писал на шведском языке.

У ручья (Vid en källa). Впервые — Сборник финляндской литературы, стр. 99.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ [1]

[1] При расположении в алфавитном порядке заглавий, представляющих собой фамилии адресатов, инициалы во внимание не принимаются.

СОДЕРЖАНИЕ[1]

---

[1] Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечаний.

CHEFS D'OEUVRE

1894—1896

СТИХИ О ЛЮБВИ

КРИПТОМЕРИИ

ХОЛМ ПОКИНУТЫХ СВЯТЫНЬ

БУДНИ

ЧАСЫ ДНЕЙ

MÉDITATIONS

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

ME EUM ESSE

1896—1897

НОВЫЕ ЗАВЕТЫ

ВИДЕНИЯ

МГНОВЕНИЯ

СКИТАНИЯ

НЕНУЖНАЯ ЛЮБОВЬ

ВЕЯНЬЕ СМЕРТИ

В ПУТИ

ЗАВЕРШЕНИЕ

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

TERTIA VIGILIA

1897—1901

ВОЗВРАЩЕНИЕ

ЛЮБИМЦЫ ВЕКОВ

У МОРЯ

В СТЕНАХ

ЕЩЕ СКАЗКА

МИЛАЯ ПРАВДА

БЛИЗКИМ

КНИЖКА ДЛЯ ДЕТЕЙ

ИЗ ДНЕВНИКА

ПРОЗРЕНИЯ

МЫ

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

URBI ET ORBI

1901—1904

ВСТУПЛЕНИЯ

ПЕСНИ

БАЛЛАДЫ

ДУМЫ

ЭЛЕГИИ

СОНЕТЫ И ТЕРЦИНЫ

КАРТИНЫ

АНТОЛОГИЯ

ОДЫ И ПОСЛАНИЯ

STEPHANOS

1904—1905

ПОСВЯЩЕНИЕ

ВЕЧЕРОВЫЕ ПЕСНИ

НА САЙМЕ

ПРАВДА ВЕЧНАЯ КУМИРОВ

ИЗ АДА ИЗВЕДЕННЫЕ

МГНОВЕНИЯ

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

СОВРЕМЕННОСТЬ

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

ВСЕ НАПЕВЫ

1906—1909

I. Элегии и буколики

ВЕЧЕРОВЫЕ ПЕСНИ

НА ГРАНИТАХ

ПРАВДА ВЕЧНАЯ КУМИРОВ

ПРИВЕТСТВИЯ

СОВРЕМЕННОСТЬ

ПОСЛАНИЯ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЗЕРКАЛО ТЕНЕЙ

1909—1912

НА ГРУДИ ЗЕМНОЙ

ОБЪЯТИЯ СНОВ

НЕИЗЪЯСНИМЫ НАСЛАЖДЕНЬЯ

ПОД МЕРТВОЙ ЛУНОЮ

РОДНЫЕ СТЕПИ

СТРАСТИ СНЫ

СЛОВА ТОСКУЮЩЕЙ ЛЮБВИ

ЖИЗНИ МГНОВЕНИЯ

ПО ТОРЖИЩАМ

МИЛОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

СВЯТОЕ РЕМЕСЛО

ВЛАСТИТЕЛЬНЫЕ ТЕНИ

Красный

ТАМ, У ВХОДА

Желтый

СТОИМ МЫ СЛЕПЫ...

ВЫСОКИХ ЗРЕЛИЩ ЗРИТЕЛЬ

Синий

В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

Голубой

В МАСКЕ

Фиолетовый

В ДУШЕВНОЙ ГЛУБИНЕ

НА ПАМЯТНОМ ЛИСТКЕ

ДЕВЯТАЯ КАМЕНА

1915—1917

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

В ДНИ КРАСНЫХ ЗНАМЕН

ПРЕД ЗРЕЛИЩЕМ ВОЙНЫ

В АРМЕНИИ

МЕЖ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

НОЧЬЮ

НАД ВЕЧНОЙ ТАЙНОЙ

В АЛЬБОМАХ

ПОСЛЕДНИЕ МЕЧТЫ

1917—1919

В ТАКИЕ ДНИ

1919—1920

МИГ

1920—1921

ДАЛИ

1922

MEA

1922—1924

СНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Неоконченная книга

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ

ПАРОДИИ И ЭПИГРАММЫ

ПЕРЕВОДЫ

С латинского

ПЕНТАДИЙ

АВСОНИЙ

С итальянского

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА

С французского

ЭКУШАР ЛЕБРЕН

АНТУАН АРНО

ШАРЛЬ БОДЛЕР

ПОЛЬ ВЕРЛЕН

ЖЮЛЬ ЛАФОРГ

ЖОРЖ РОДЕНБАХ

ЭМИЛЬ ВЕРХАРН

ЖАН МОРЕАС

С армянского

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

ФРИК

ИОАНН ЕРЗЫНКАЙСКИЙ

НААПЕТ КУЧАК

САЯТ-НОВА

ДЖИВАНИ

РАФАЭЛ ПАТКАНЯН

ПЕТРОС ДУРЬЯН

ИОАННЕС ИОАННИСИАН

АЛЕКСАНДР ЦАТУРЯН

ОВАНЕС ТУМАНЯН

АВЕТИК ИСААКЯН

ДЕРЕНИК ДЕМИРЧЯН

ВААН ТЕРЬЯН

С латышского

ЯН РАЙНИС

Из финских поэтов

ИОГАН-ЛЮДВИГ РУНЕБЕРГ

Брюсов Валерий Яковлевич

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Редактор *А. А. Нинов*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *П. Е. Суздальский*

Сдано в набор 20/IX 1961 г. Подписано в печать 8/XII 1961 г. Бумага $84\times108^1/_{32}$. Печ. л. $28^1/_2$ + 7 вкл. (47,46). Уч.-изд. л. 42,5. Тираж 40 000. Зак. № 1245.
Цена 1 р. 48 к.

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

ОПЕЧАТКИ, ЗАМЕЧЕННЫЕ В ЧАСТИ ТИРАЖА

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
145	10 св.	баржи	барки
175	4 сн.	с начала	сначала
176	15 св.	на всё	на все
264	16 сн.	медленый	медленный
570	9 св.	червленные	червленые
721	1 сн.	ППС	ПСС
745	7 сн.	ППС	ПСС
763	1 св.	К стр. 225—229	К стр. 227—229
766	10 св.	стр.	стр. 52

Брюсов